А. А. ИЗМАЙЛОВ

ПЕРЕПИСКА С СОВРЕМЕННИКАМИ

Институт русской литературы РАН

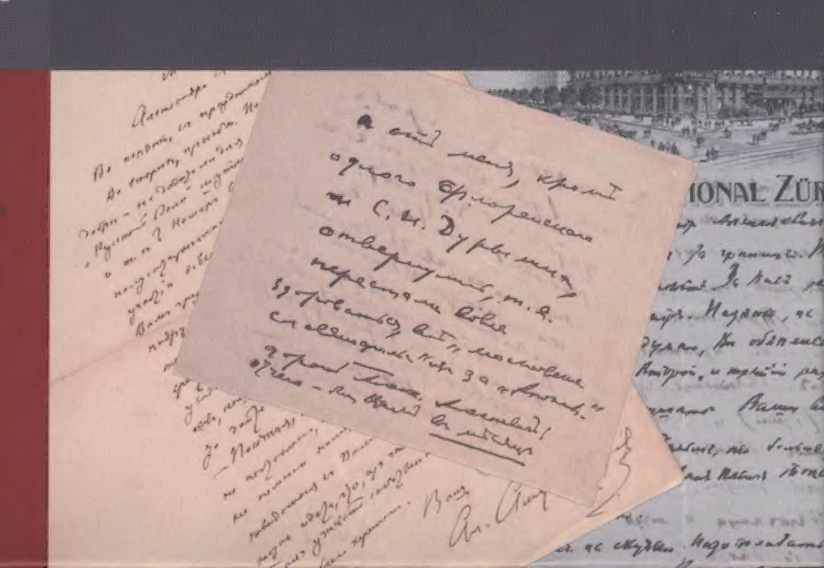

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПУШКИНСКИЙ ДОМ

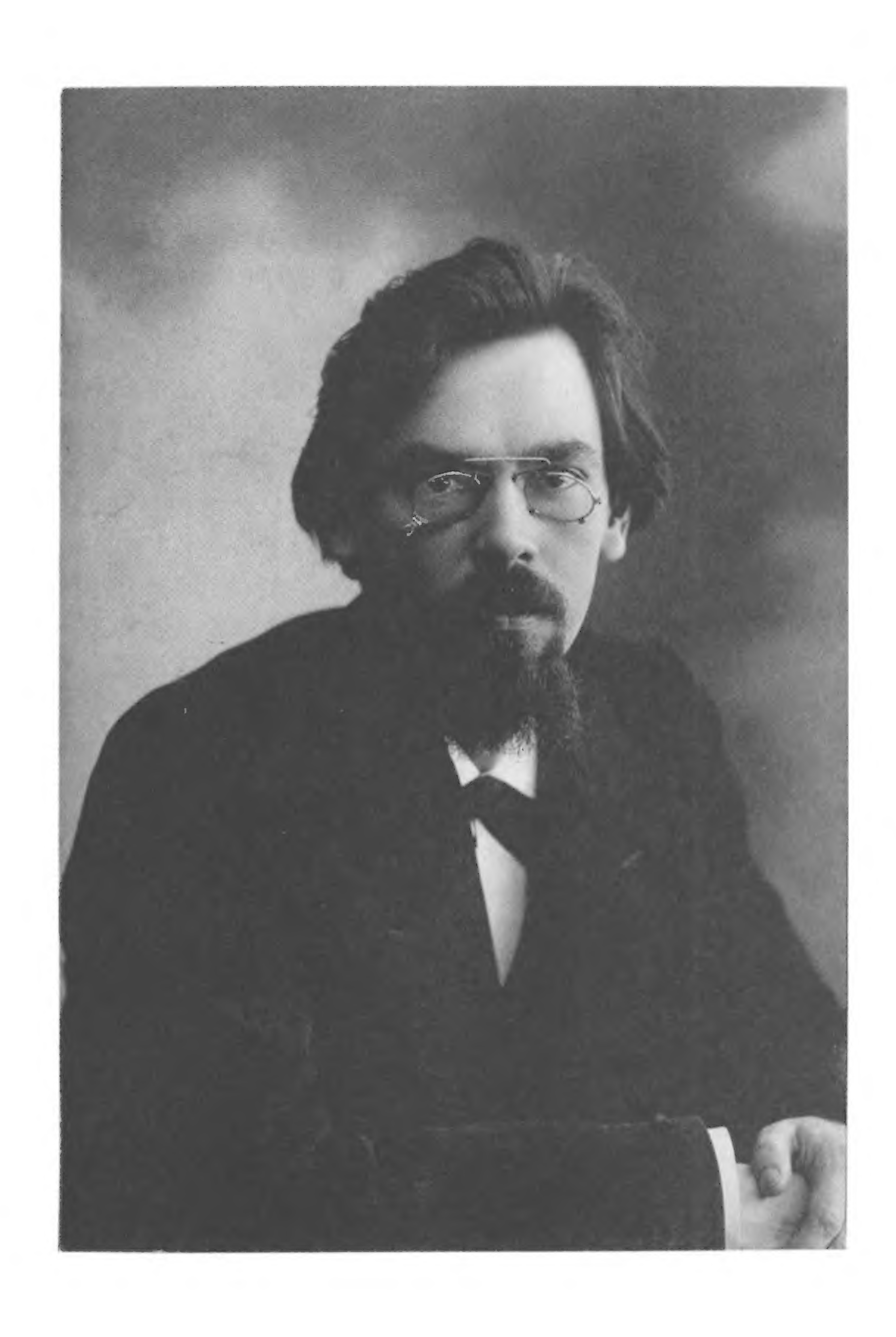
Институт русской литературы РАН

А. А. ИЗМАЙЛОВ

ПЕРЕПИСКА С СОВРЕМЕННИКАМИ

А. А. ИЗМАЙЛОВ
ПЕРЕПИСКА С СОВРЕМЕННИКАМИ

А. А. Измайлов. 1912

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук

А. А. ИЗМАЙЛОВ
ПЕРЕПИСКА С СОВРЕМЕННИКАМИ

Издательство «Пушкинский Дом»
Санкт-Петербург. 2017

УДК 821.161.1-6
ББК Ш5(2=Р)53-4Измайлов А.А.13
И37

Исследование осуществлено и книга издана
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ, проекты № 13-34-01201 и 16-04-16073).

федеральное государственное бюджетное учреждение
Российский гуманитарный научный фонд

Рецензенты:
д-р филол. наук А. М. Грачева,
д-р филол. наук Т. Б. Ильинская

И37 **Измайлов А. А.: Переписка с современниками** / сост., вступ. ст. А. С. Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. — СПб.. Издательство «Пушкинский Дом», 2017 — 728 с., [8] л. ил.

ISBN 978-5-91476-080-6

В книге представлены переписка и корреспонденции, связанные с именем известного журналиста, критика, прозаика и пародиста Александра Алексеевича Измайлова (1873—1921). В издание включены ранее не публиковавшиеся эпистолярные материалы таких писателей Серебряного века, как А. А. Блок, В. Я. Брюсов, В. В. Розанов, А. М. Ремизов, А. В. Амфитеатров, Л. Н. Андреев, И. С. Шмелев, К. Д. Бальмонт, Э. Ф. Голлербах, Г. С. Петров. Все материалы сопровождены историко-литературными преамбулами и комментариями.

Издание рассчитано на читателей, интересующихся историей русской литературы.

УДК 821.161.1-6
ББК Ш5(2=Р)53-4Измайлов А.А.13

ISBN 978-5-91476-080-6

СОДЕРЖАНИЕ*

* Кроме оговоренных случаев, вступ. ст., подгот. текстов, коммент. А. С. Александрова.

ПИСЬМА

Александр Алексеевич Измайлов (1873–1921) Очерк жизни и творчества

В настоящий том вошла наиболее репрезентативная часть эпистолярных материалов, связанных с именем Александра Алексеевича Измайлова (1873–1921) — литератора, которого знали в начале XX в. «почти все пишущие, живущие в Петрограде ⟨...⟩ и обширные читательские круги»[1].

Известный критик, прозаик, журналист, «царь всех пародистов»[2], получивший немалую известность при жизни, оказался на долгие годы в забвении. Между тем он был активным участником литературной жизни 1890–1910-х гг. — времени, когда происходило переосмысление и крушение прежних ценностных установок, когда одни литературные направления сменяли другие, времени неопределенного и насыщенного всевозможными событиями. В своих фельетонах он отзывался на всё, что происходило в русской литературе, не пропуская буквально ни одного нового имени. Перечень имен корреспондентов, с которыми Измайлов состоял в переписке многие годы — А. А. Блок, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, А. М. Ремизов, В. В. Розанов, Л. Н. Андреев, А. В. Амфитеатров, А. Ф. Кони,

[1] *Кауфман А.* Памяти А. А. Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 12.

[2] *Чуковский К. И.* Нат Пинкертон и современная литература // Чуковский К. И. Собр. соч.. в 15 т. Т. 7 / сост. и подгот. текста Е. Ивановой и Е. Чуковской при участии О. Степановой. М., 2003. С. 57

И. С. Шмелев и мн. др., — свидетельствует о том, что перед нами фигура незаурядная, личность, с которой считался чуть ли не весь цвет русской литературы. Измайлов переписывался с литераторами разных общественно-политических взглядов и эстетических воззрений. Он был дружен с В. В. Розановым и в то же время тесно общался с Г. С. Петровым и А. В. Амфитеатровым, которые крайне негативно относились к автору «Уединенного» и «Опавших листьев». Бессменный фельетонист газеты «Биржевые ведомости», ведущий рубрики «Литературное обозрение» был близко знаком со многими авторами реалистического направления в литературе (Л. Н. Андреевым, И. С. Шмелевым, П. Д. Боборыкиным), что не мешало ему столь же тесно общаться с писателями-модернистами, прежде всего с В. Я. Брюсовым, а также А. А. Блоком, К. Д. Бальмонтом, Ф. Сологубом, А. М. Ремизовым. Объясняя свои эстетические взгляды в литературной критике, Измайлов в предисловии к книге «Помрачение божков и новые кумиры» (1910) писал: «Людям партийного ума, привыкшим непременно осведомляться о приходе, к какому принадлежит критик, я бы хотел ответить, — я свой. Мои взгляды на литературу, мое освещение авторов не диктовано ни эсдекскими, ни кадетскими, ни какими-либо иными политическими представлениями»[3]. Таким же «своим» литератор был для писателей и в обычной жизни, что в полной мере явствует из его писем: он всячески поддерживал начинающих авторов; отзывался на просьбы о материальной помощи; в послереволюционные годы, когда еще был в силах, оказал содействие многим бедствующим коллегам по перу.

Александр Алексеевич Измайлов родился в Петербурге 26 августа 1873 г. О первых летах жизни он напишет в автобиографии в 1904 г. так: «...Сын дьякона смоленской кладбищенской церкви. Род по отцу коренной духовный, по матери — купеческий. Детство провел в тяжелых материальных условиях, лишившись отца по четвертому году и оставшись четвертым у матери. 〈...〉 С 12-ти лет поэтому уже научился зарабатывать хлеб „уроками“ с товарищами. С внешней стороны детство прошло под впечатлением тех тради-

[3] *Помрачение божков.* С. VII.

ционных картинок городского, усиленно действующего кладбища, какие Помяловский называл „веселенькими пейзажиками". Самые ранние впечатления слагали картины похорон, церковных служб, военных проводов. Соответственно были окрашены и первые игры, которые удивили бы ребенка, воспитавшегося не в непосредственном соприкосновении и близости духовному сословию, церкви, кладбищу и ⟨...⟩ его своеобразным типам. В психологическом отношении такие впечатления не облекли, однако, детства мрачным колоритом»[4].

Как явствует из автобиографии, детство будущего литератора проходило в сложных материальных условиях. Однако, несмотря на трудности, мать постаралась сделать всё возможное для развития сына. В семье воспитывалась любовь к книгам, уважение к писательству. Мальчик быстро освоил грамоту и очень скоро пристрастился к чтению — сначала имевшихся в доме хрестоматий, а затем мелких брошюрок-сказок. Детские впечатления, фантазии, кладбищенские байки выливаются в первую пробу пера, правда, все эти детские начинания не сохранились, оставшись только в виде припоминаний. «Едва ли не первым рассказом был сфантазированный рассказ, под влиянием Гоголя, о чиновнике типа Акакия Акакиевича и его драме из-за того, что в ответственной бумаге он не поставил шляпки над буквой „П"...»[5]

В семилетнем возрасте Измайлов был принят в городскую школу, через три года поступил в петербургское духовное училище. Именно в училище у него появляется страстное влечение к литературе, которое подвигло на первые беллетристические опыты. Группа семинаристов захотела издавать рукописный журнал, в котором Измайлов принял самое деятельное участие, однако их намерения потерпели неудачу. Впоследствии он объяснит ее следующим образом: «Опасения строгого начальства, — от которого приходилось прятать даже „Некуда" Лескова, под риском потерять книгу, — и, с другой стороны, внутренний раскол в среде сотрудников, ввиду

[4] Автобиография А. А. Измайлова. Автограф от 3 декабря 1904 г. // РО ИРЛИ. Ф. 377 Оп. 7 Ед. хр. 1634. Л. 8—9.

[5] *Первые литературные шаги*. С. 33.

немедленно же возникшей на страницах „Листка“ полемики — оборвали предприятие на втором нумере»[6].

Впечатления о семинарских годах найдут отражение в первой книге рассказов «В бурсе»; немало страниц повести свидетельствуют о «жестокости нравов» и о «варфоломеевских ночах» — ночном избиении учеников «по алфавиту», о «закаливании» воспитанников побоями и т. д. Тем не менее спустя 16 лет, в дни столетия Санкт-Петербургской духовной семинарии в 1909 г., Измайлов с благодарностью и примирением в душе будет отзываться о бурсацкой жизни. «Вспоминаю всех и всё, живых и мертвых, лучи и тени, — одно благодарно, другое примиренно. Много в этой школе было терпкого, но эта школа, а не кто другой, закалила наши умы и волю, дала нам веру, с которою легче жить, научила нас думать, писать, чувствовать прелесть чистого русского слова»[7].

Семинарские годы сменились годами обучения в Петербургской духовной академии, куда он в 1893 г., будучи первым студентом курсового списка, был сначала «представлен», затем — выдержал экзамен и был принят стипендиатом. А в 1897 г. окончил курс и после защиты выпускного сочинения о нравах Антиохии и Константинополя в IV в., в эпоху Златоуста, был удостоен степени кандидата богословия с правом соискания степени магистра богословия «без нового устного испытания»[8]. Наибольшее влияние на студенчество в семинарии оказывали М. И. Каринский, В. И. Ламанский, В. В. Болотов и Н. Н. Глубоковский, о лекциях которых Измайлов не раз с благодарностью вспомнит в своих очерках, в частности в статье «Жрецы богословия: (К столетию Петербургской духовной академии)»: «А давно ли еще мы, вошедшие студентами под своды этого стильного Александровской поры здания, фронтон которого увенчан статуей Разума, склонившегося перед Верой, — слушали в этих стенах расколоведа Нильского, который, может быть, не так шумел, как неистовый бунтарь Щапов, но — как теперь доказала история, — конечно, вернее его понимал душу раскола, философа

[6] Автобиография А. А. Измайлова. Л. 8—9.

[7] *Измайлов А. А.* В недавней бурсе // *БВ*. Веч. вып. 1909. 26 сент. (№ 11332). С. 3.

[8] См.. Автобиография А. А. Измайлова. Л. 13.

Каринского, в ту пору лучшего у нас кантианца, историка Василия Болотова, которого уже при жизни знали за границей, теоретика литературы и русского языка Владимира Ламанского, историка Кояловича, грека Ловягина, знатока иностранных вероисповеданий Троицкого»[9].

К обучению Измайлов относился, по его же собственным воспоминаниям, более ex officio, хоть он и был на всем протяжении курса в числе лучших студентов и закончил шестым из семидесяти. Большое влияние на него за годы, проведенные в стенах академии, оказали семестровые сочинения, требовавшие строгого к ним отношения и непрерывно сменявшие одно другое. Годы учебы давали большой простор возможности самообразования, и время студенчества являлось одним из самых светлых периодов жизни Измайлова[10]. Однако, несмотря на хорошую успеваемость, он все же откажется от духовной карьеры. В своем интимном дневнике[11], отдельные строки из которого сохранил брат литератора, Измайлов вспоминал: «...Экзамен догматического богословия был моим триумфом. Начитанному в биографиях старых иерархов, теперь мне кажется, что, случись это в былое время, на этого выдающегося юношу упало митрополичье внимание с тем, чтобы его уже не затерять, проследить и пленить для церкви. Палладий (тогдашний митрополит) о юноше не вспомнил. От прямого служения церкви юноша ушел „во страну далече“, всегда, однако, чувствую ‹...› странное влечение к знаниям юности». И далее: «Я думаю, что только случайность оттянула меня от этого поприща (учителя или профессора), для которого я гораздо более создан, чем для карьеры газетчика, где для успеха иногда нужны недобросовестность, верхоглядство, задор и натасканность на злобу»[12].

---

[9] *Измайлов А. А.* Жрецы богословия: (К столетию Петербургской духовной академии) // *БВ.* Утр. вып. 1909. 17 дек. (№ 11471). С. 6.

[10] См.. Автобиография А. А. Измайлова. Л. 13—14.

[11] В составе архивных собраний, где находятся дела Измайлова, этот дневник нами не обнаружен; по-видимому, он был уничтожен.

[12] Письмо Измайлова к А. Р. Кугелю от 1 июня 1921 г. // РО ИРЛИ. Ф. 686. Оп. 2. Ед. хр. 97 Л. 1—2.

К литературной работе, совмещая ее с учебой, а впоследствии и с педагогической деятельностью[13], Измайлов приступил в 1895 г. Именно в это время появляются его ранние беллетристические опыты, подписанные псевдонимами Смоленский, Стрельбицкий, Добродушный Василек. По собственным признаниям автора[14], первым написанным произведением был рассказ «Детство Кузьки: (Первые страницы из книги жизни Кузьмы Популяндова)», опубликованный намного позже в журнале «Звезда»[15]. Дебютом же в печати стал рассказ «Дамоклов меч», принятый к публикации А. К. Шеллером-Михайловым в журнал «Живописное обозрение»[16]. Письмо с приглашением к сотрудничеству от редактора солидного издания он не только сохранил, но и вклеил в специальный альбом с автографами и различными записями современников:

«Милостивый Государь!

Ваш рассказ помещен. Если вздумаете поговорить насчет будущих работ — заверните ко мне в среду или субботу от 11 до 1 ч. Гонорар выдается у Аничкова моста в конторе „Жив⟨описного⟩ об⟨озрения⟩“ 1-го числа с 2 часов дня.

Готовый к услугам А. Шеллер. 27 нояб⟨ря⟩ 1895 г.»[17].

С этого момента началось вхождение молодого беллетриста в журналистику. Шеллером были одобрены и напечатаны рассказы из духовного быта — «Ионино счастье», «Вольтерьянская мысль», «Славельщики», «Непредвиденный пункт», «Златые уста», повесть «На пороге жизни». Измайлов принимает активное участие в таких изданиях, как «Сын Отечества», «Новости», «Север», «Звезда», «Театр и искусство», «Наука и жизнь» и др.

[13] После окончания академии Измайлов полтора года работал преподавателем русского языка в Александро-Невском духовном училище.

[14] См.. *Первые литературные шаги*. С. 33.

[15] *Смоленский А.* Детство Кузьки: (Первые страницы из книги жизни Кузьмы Популяндова) // Звезда. 1905. № 21. С. 491; № 22. С. 520; № 23. С. 544; № 24. С. 567

[16] *Измайлов А.* Дамоклов меч // Живописное обозрение. 1895. № 48. С. 411—419.

[17] РГАЛИ. Ф. 227 Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 4.

За шесть следующих лет выходят десятки его рассказов, которые, с 1901 г., оформляются молодым писателем в сборники и публикуются отдельными изданиями[18]. Первые книги посвящены по преимуществу жизни русского духовенства. Герои рассказов Измайлова — это представители сельского причта, плутоватые дьячки, батюшки, взволнованные приездом губернатора, послушники, странствующие весь век по монастырям... Начинающий автор проявил себя как художник, не понаслышке знающий ту среду, о которой пишет.

Пробы пера молодого беллетриста были вскоре отмечены критикой. Особенно много рецензий появилось в 1903 г. в связи с переизданием первой книги рассказов «Черный ворон» и выходом двух следующих сборников. Большинство откликов были доброжелательны. Рецензенты увидели в Измайлове продолжателя традиций Лескова, Помяловского и Потапенко[19]. В то же время в критических отзывах отмечались и явные недостатки прозы молодого автора: рецензенты указывали на отсутствие эпизодических и художественных элементов[20], глубины захвата, ярких и запоминающихся красок, некоторую поверхностность, отсутствие психологической сложности в изображении персонажей[21].

И хотя беллетристические сборники не принесли Измайлову успеха, художественное творчество он не оставлял на протяжении

[18] *Измайлов А. А.*. 1) Черный ворон. СПб., 1901. 384 с. (2-е изд. 1903. 375 с.); 2) Рыбье слово. СПб., 1903. 300 с., 3) В бурсе. СПб., 1903. 300 с., 4) Осени мертвой цветы запоздалые. СПб., 1905. 304 с.

[19] См.. *Б-и.* [Бонди В. А.]. Библиография: А. А. Измайлов. Черный ворон. СПб. 1901 // *БВ*. 1901. 3 марта. (№ 60). С. 3; *Великорецкий В.* Быт сельского духовенства по рассказам Измайлова // Воскресный день. 1901. № 1. С. 9—10; № 2. С. 22—23; *Б.* Измайлов. Рыбье слово. Повести и рассказы. СПб. 1903 // Звезда. 1903. 5 марта. № 19. С. 324—325; *С. В.* [Венгеров С. А.?]. А. А. Измайлов. В бурсе: (Бытовая хроника). СПб. 1903 // Литературный вестник. 1903. Т. 6, кн. 6. С. 148—150; и др.

[20] См: *К⟨упр⟩ин А. И.* А. А. Измайлов (Смоленский). В бурсе. СПб. 1903; А. А. Измайлов. Рыбье слово. Повести и рассказы. СПб. 1903 // Мир божий. 1903. № 7 Июль. Отд. 3. С. 78.

[21] См.. *Л. Е.* [Лундберг Е.]. А. Измайлов. В бурсе. Третья книжка рассказов. СПб. 1903 // Новый путь. 1903. № 7 Июль. С. 230—232.

всей жизни[22]. После 1910-х гг. прозу и стихи литератор писал гораздо реже, чем в начале 1900-х. Вслед за сборником «В бурсе» Измайлов в 1905 г. выпускает книгу рассказов «Осени мертвой цветы запоздалые» (1906) и свои «стихотворения», затем роман «Ураган» (1909), еще один сборник рассказов выходит в 1912 г. Напишет Измайлов несколько пьес[23] и сценок[24], которые будут идти на театральных подмостках как Петербурга, так и Москвы, но и его драматические произведения не получат широкого распространения.

Амплуа реалиста-бытописателя, к тому же с натуралистическим оттенком, уже не отвечало «новым» веяниям в литературе и, соответственно, запросам не только формирующегося интеллектуального читателя, но и более или менее образованного. Реализм нового качества (неореализм) с элементами романтизма (М. Горький, А. И. Куприн), экспрессионизма (Л. Н. Андреев), массовая литература в виде многотомных романных серий А. В. Амфитеатрова, литература «высокого» символизма, представленная именами Ф. Сологуба, А. А. Блока, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, В. Я. Брюсова — вот куда были устремлены интересы читателей и критики. Измайлов же, откликаясь в своей журналистской и критической деятельности на новинки литературы, в беллетристике, основывающейся на позитивизме «восьмидесятнического» извода, оказался, мягко говоря, старомоден.

Спустя несколько лет после дебюта на писательском поприще начинается и журналистская карьера Измайлова. В 1898 г. по предложению беллетриста и критика И. И. Ясинского он был введен в состав редакции газеты «Биржевые ведомости», где проработал

[22] В. В. Смиренский, навещавший Измайлова в последние годы его жизни, вспоминает: «После смерти его осталась приготовленная книга к печати, где собраны его последние рассказы...» (См.. *Андрей Скорбный* [Смиренский В. В.]. Александр Алексеевич Измайлов: монография. Пб., 1922. С. 20).

[23] В 1907 г. опубликована пьеса «Обреченные» и в том же году поставлена в театре Литературно-художественного общества. Постановка сопровождалась большим резонансом в столичной прессе. Измайлов выступит в роли драматурга и в 1916 г. когда выйдет его драма «Мертвые властвуют. (Тени)».

[24] В 1909 г. в кабаре театрального клуба «Кривое зеркало» шла пьеска Измайлова «Аукцион у Аполлона» — «сатирический фельетон, в котором осмеивается всякая залежь и новая модернистская галантерея» (Театр и искусство. 1909. № 3. С. 48).

до весны 1916 г. Возглавив редакцию «Биржевых ведомостей», И. И. Ясинский затеял реформировать издание, что, в частности, заключалось в обновлении штата постоянных авторов газеты. В книге воспоминаний «Роман моей жизни» он писал: «Сближение с сотрудниками, приглашение новых и спаяние их с общим составом редакции совершалось не так-то легко. На первом редакционном ужине все долго смотрели почти неприязненно друг на друга. 〈...〉 Вместо бесцветного Дубинского, писавшего под именем Полтавцева литературно-критические заметки, я пригласил Измайлова, а вместо Григория Градовского, ушедшего в газету „Луч“ Вольфа, стал писать передовые статьи по политике некто Бурдес»[25]. В первые годы работы в газете Измайлов проявил себя как активный сотрудник. Помимо всего прочего, это, вероятно, было обусловлено тяжелым материальным положением, в котором находилась семья начинающего журналиста (после смерти отца забота о четверых детях легла на плечи матери)[26]. Первые его газетные опыты — это статьи на социальные темы. Он постоянно ведет рубрику «Что думают и делают в провинции» — свидетельство непреходящего интереса к жизни российской глубинки.

И всё же главными темами фельетонов Измайлова стали литература и театр. На протяжении многих лет он был бессменным ведущим рубрики «Литературное обозрение» в «Биржевых ведомостях». Регулярно, из недели в неделю, печатались его статьи, в которых автор следил решительно за всеми явлениями художественной литературы и театра[27] тех лет.

Первые критические фельетоны Измайлова были посвящены появлению новых произведений беллетристов и мэтров литературы, биографическим сведениям о них, театральным премьерам, бенефисам, дебютам актеров и т. д. А. В. Амфитеатров, С. Я. Елпатьевский, Ю. Г. Левицкая-Пащенко, Е. Н. Чириков, Н. О. Пружанский, И. Л. Леонтьев-Щеглов, К. М. Фофанов, Вяч. Иванов, Тэффи,

[25] *Ясинский.* Т. 1. С. 511—512.

[26] См.. Автобиография А. А. Измайлова. Л. 7

[27] Подробнее об Измайлове — театральном критике см.. *Данилова Л. С.* А. А. Измайлов // Очерки истории русской театральной критики: Конец XIX — начало XX в. Л., 1979. С. 106—117

А. М. Ремизов, А. А. Луговой, А. А. Блок, К. Д. Бальмонт – все эти имена, некоторые из которых сегодня прочно забыты, становились в статьях объектом внимания критика.

В начальные годы литературно-критической работы Измайлов отдает предпочтение писателям реалистического направления, с большой любовью пишет о Чехове, Л. Толстом, Лескове – это те кумиры, о которых он всегда будет говорить с пиететом. Не обходит своим рассмотрением критик и творчество писателей-модернистов, однако первые его статьи о современных веяниях в литературе представляют по сути «буренинщину» – полны гнева и в целом непонимания.

Измайлов в своей деятельности ориентировался во многом на объективный подход и вменял себе в обязанность «не растеряться, не подчиниться ни силе старины, ни выгодам последней моды, без гнева и пристрастия разобраться в явлениях и именах и напомнить основания вечной красоты»[28]. Этические и эстетические критерии в оценке творчества того или иного писателя – вот те основы, на которых базируются критические принципы Измайлова-полемиста. Воспитанный на классических образцах русской литературы и опираясь в своих художественно-эстетических оценках преимущественно на позитивистские установки, критик поначалу скептически относился к творчеству писателей-модернистов. Резкие отзывы о творчестве Блока, Вяч. Иванова, М. А. Кузмина, Д. С. Мережковского неоднократно выходили из-под его пера. «Так пишутся Блоками „Балаганчики“, и модернизма ради юродивые режиссеры освещают их светом рампы. Так пишутся „Незнакомки“, где какие-то „Голубые“ ждут, пока в их объятия не попадет звезда с неба и не превратится в какую-то мистическую женщину с именем Мария. Так сочиняются рассказы о бесовских раденьях с подробностями, какие не снятся самой отвратительной ведьме после самого отвратительного шабаша»[29]. Однако уже в 1905 г. в статье «Литературные заметки: О новом времени и новых песнях» критик

[28] *Помрачение божков*. С. IV.

[29] *Измайлов А. А.* На переломе: (Литературные размышления) // Библиотека «Театра и искусства». 1908. № 1. С. 50.

заявлял: «Через несколько лет становилось совершенно ясно, о чем пророчествовали эти странности, и то, что они были только уродливыми первыми опытами, как бывают уродливы буквы начинающего писать. И теперь, когда линии установились, за декадентством нельзя отрицать известных и несомненных заслуг»[30].

Блестящее знание литературы и неизменная любовь к ней, искреннее стремление понять автора и нередко такое же полное его неприятие, отстаивание своих собственных эстетических взглядов, которые не были «вписаны» в сложившиеся литературные группировки, — именно такие суждения оставили об Измайлове современники. Эти качества вызывали уважение даже у раскритикованных им писателей. Высказывания о некоторых поэтах (примерно такие, как следующее — «мы назовем Брюсова настоящим поэтом не за его стихи об „усладе с козою“, а за те, где он наиболее понятен, потому что искренен и прост»[31]) не мешали состоять с «объектами» резкой критики в дружеских отношениях. Тому же Брюсову, которого Измайлов-критик вспоминал часто недобрым словом, это не помешало написать своему оппоненту следующее: «Скажу честно, что не вспомню я, чтобы кто-нибудь говорил обо мне — в печати — с таким дружеством. Может быть, то, что Вы проходите мимо слабых сторон моей поэзии и меня как человека, и есть главный недостаток Ваших статей. Но я могу сказать Вам самое сердечное благодарю»[32].

Плодотворная беллетристическая и критическая работа позволила литератору завязать дружеские отношения со многими известными писателями начала века. На своей квартире он организовал литературный кружок — «воскресенья Измайлова», среди посетителей которого были М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, А. Е. Зарин, И. Л. Щеглов (Леонтьев) и др. Кроме этого, критик участвовал во многих литературных объединениях начала века. Приятельский «Кружок хлопающих себя по колену», основанный во время пер-

[30] *Измайлов А. А.* Литературные заметки: О новом времени и новых песнях // *БВ*. Утр. вып. 1905. 8 апр. (№ 8764). С. 2.

[31] *Измайлов А. А.* На переломе. С. 50.

[32] См. в наст. изд., с. 150.

вой русской революции, «Литературно-художественный кружок имени Я. П. Полонского», «воскресенья» В. В. Розанова, «Санкт-Петербургское литературное общество», «пятницы» К. К. Случевского, «вторники» И. И. Ясинского, «вечера» И. Л. Щеглова (Леонтьева) — во все эти дружеские собрания и объединения Измайлов был вхож[33]. С целой плеядой русских писателей Серебряного века с середины 1900-х гг. началась переписка, которая продолжалась иногда многие годы, вплоть до самой смерти критика. Амфитеатров, Сологуб, Бальмонт, Брюсов, Андреев, Ремизов, Боборыкин входили в число его адресатов.

К 1910-м гг. Измайлов становится влиятельной фигурой в литературной критике. На газетных полосах Измайлов выступает в самых разнообразных жанрах. В журналах нередко он анализирует те проблемы, которые в газетных фельетонах удалось затронуть лишь в реферативной форме; в ряде случаев статьи оснащаются научным аппаратом — материалы становятся похожими на литературоведческие работы, написанные легким, мастерским языком. В сфере его интересов оказываются не только близкие ему литераторы реалистического направления, но и писатели-модернисты. Всё это выводит критика на новый уровень, новую ступень творчества. Переписка со многими литераторами того времени, личные встречи с ними позволяют осуществить издание серьезных сборников: «На переломе. Литературные размышления» (1908), «Помрачение божков и новые кумиры» (1910), «Литературный Олимп» (1911), «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья» (1913), в основу которых легли журнальные и реже газетные статьи и интервью.

В этих книгах Измайлов проявил себя преимущественно как «уравновешенный и спокойный представитель „золотой середины“», он постарался занять некую компромиссную позицию между старым и новым. В «Пестрых знаменах», в частности, «с одной стороны — он признает громадный талант и заслуги Бальмонта, с другой стороны — осуждает крайности декадентских увлечений

[33] Подробнее о посещении Измайловым литературных кружков см.. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов: словарь. М., 2004. 440 с. (по указат.).

последнего, провозглашает Вяч. Иванова большим и настоящим поэтом, а немного далее готов нелестно обозвать того же Вяч. Иванова — холодным, „косноязым“ и „архизастарелым ритором“...»[34] Однако двойственность и неясность в суждениях исчезают, как только Измайлов обращается к творчеству писателей, близких ему по духу. Его оценки художественного мастерства М. П. Арцыбашева, Амфитеатрова, А. Н. Будищева, Е. Н. Чирикова, В. В. Вересаева не противоречивы.

В многочисленных откликах на выступления Измайлова в печати его критические труды заслужили достойное признание, хотя в его адрес не раз высказывались и вполне обоснованные замечания. Указывалось, в частности, критику на «многословие и повторения, неизбежные в газетных статьях, из которых составлялись книги» и на «однообразную передачу довольно длинных речей некоторых лиц»[35]. Сам критик прекрасно сознавал недостатки своих книг; в письме к А. В. Амфитеатрову он, в частности, писал: «Вы нашли ласковые слова для моих бедных „Пестрых знамен“. Сердечно благодарю. Но кабы Вы знали, как, в частности, за очерк о Вас я краснею! Всё это такое сырое, и даже просмотреть толком и углубить после газеты этого не пришлось, а как хотелось»[36].

Свои критические статьи и фельетоны Измайлов дополнял меткими пародиями. Книги «Кривое зеркало» (выдержала до 1915 г. пять изданий) и «Осиновый кол» (1915) принесли ему необычайную литературную популярность. Они создавались, как и его критические сборники, на основе многочисленных газетных публикаций и составлялись не только из пародий на писателей-современников, но и на маститых классиков XIX в.; в них были представлены как прозаические тексты, так и стихотворные.

Наибольшим успехом у читателей пользовался сборник «Кривое зеркало». В поэтических пародиях Измайлов проявил себя как весьма талантливый стихотворец и как человек, тонко чувствую-

[34] *Ронин А.* А. Измайлов. Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М. 1913. [Рец.] // Новый журнал для всех. 1913. № 4. С. 178.

[35] *Ветринский Г* [Чешихин В. Е.]. А. Измайлов. Литературный Олимп. М. 1911. [Рец.] // Вестник Европы. 1911. № 9. С. 396—397

[36] См. наст. изд., с. 274.

щий рисунок чужого стиха: ему удалось на удивление верно уловить индивидуальную интонацию и стиль Зинаиды Гиппиус, Сергея Городецкого, Константина Бальмонта и мн. др. Впрочем, критики не раз подчеркивали, что в целом пародирование современных писателей — задача не столь уж трудная, поскольку авторы экстравагантностью своих поэтических приемов часто сами дают обильный материал для иронического подражания. Недаром в вольном имитировании художественной манеры З. Гиппиус поэтесса у Измайлова говорит:

На себя сама строчу
Злейшие пародии...[37]

Много места в сборнике отведено пародиям на «стариков»: Л. Толстого, Чехова, Тургенева, — вероятно, этим критик хотел продемонстрировать свою творческую «объективность». И всё же в текстах «Кривого зеркала», посвященных писателям-реалистам, Измайлов необычайно мягок, в них он не выходит за рамки добродушного юмора. В пародиях же на модернистов — почти всегда резок, саркастичен, срывается иногда и до злой насмешки. Примечательно, что по заглавию сборника литературных пародий Измайлова получает свое название остроумный театр миниатюр А. Р. Кугеля и З. В. Холмской — «Кривое зеркало».

Большой читательский успех книги был обусловлен не только громкими именами спародированных в ней писателей, но и жанровым разнообразием текстов (стихотворные пародии, фельетоны, памфлеты, критические шаржи). Измайлов продемонстрировал владение различными приемами пародирования, которые в ряде случаев могут быть признаны образцовыми. Как справедливо отмечает современный исследователь, «оригинальные пародийные приемы Измайлова были довольно быстро освоены другими пародистами, дожили до наших дней, и современная пародия уже не помнит, кому она была обязана своим рождением»[38].

---

[37] *Измайлов А. А.* Кривое зеркало: Книга пародии и шаржа / подгот. текста, вступ. ст., коммент. Е. В. Хворостьяновой. СПб., 2002. С. 46.

[38] *Хворостьянова Е. В.* Забытый смех // Там же. С. 24.

Выход в свет «Кривого зеркала» приносит автору настоящую литературную известность, может быть, даже славу. Но каково отношение самого Измайлова к этому сборнику? В архиве РГАЛИ сохранилось его письмо доверительного характера к В. В. Розанову, которое свидетельствует о сложном отношении критика к своему творению: «...посылаю Вам „Кривое зеркало". Если вообще я не делал этого раньше, то только потому, что не мог даже представить себе, чтобы мое могло Вас интересовать. Всё мое кажется мне таким слабым, что, не ходя далеко за образцом, весь я в литературе кажусь себе всегда в кривом зеркале. 〈...〉 Я не посылал Вам никогда ничего и всего бы менее хотел, чтобы вы знали „Зеркало". Это чистый продукт газетчины, в душе мною ненавидимый, голое зубоскальство, подчас нагловатое, подчас непристойное (правда, потому что непристоен век). Такой книжки я не мог бы предложить на чтение сестре, младшему брату. Но время такое, что ему этой книжкой я угодил всего более...»[39]

После 1910-х гг. у Измайлова возникают два крупных творческих замысла — историко-литературные работы биографического характера о Чехове и Лескове, создававшиеся во многом от души и для души — это два его любимых писателя, которых он боготворил всю свою жизнь.

Книга «Чехов. 1860—1904. Биографический набросок» (1916) стала первым исследованием творчества писателя, опиравшимся на многочисленные биографические и историко-литературные сведения. Её создание вполне закономерно — ведь Чехов был кумиром Измайлова. Критик посвятил немало критических статей рассказам, пьесам и постановкам чеховских произведений в театре[40]. К тому же Измайлов был лично знаком со многими писателями так называемого чеховского круга: с Ясинским, которым был введен в редакцию «Биржевых ведомостей»; Леонтьевым-Щегловым — эпистолярным собеседником 1900-х гг.; Потапенко, Баранцевичем

[39] См. в наст. изд., с. 410.

[40] См.. *Измайлов А. А.*. 1) Литературное обозрение // *БВ*. 1898. 28 авг. (№ 234). С. 2 (О рассказах Чехова «Крыжовник» и «О любви»); 2) «Чайка» А. П. Чехова // Там же. 1902. 15 нояб. (№ 313). С. 5 (подпись: Смоленский) и т. д.

и др. Измайлов также активно участвовал в подготовке и издании первого полного собрания сочинений Чехова.

После выхода этот труд стал весьма популярным среди читающей публики. На автора посыпались письма от современников Чехова и людей, лично знавших писателя, с указаниями на неточности, желательные дополнения. В архиве Измайлова писем с такого рода замечаниями сохранились десятки.

Возникает замысел переиздания книги. О жизни Чехова лучше, чем его родственники, и прежде всего сестра, посвятившая всю свою жизнь брату-писателю, не знал никто, поэтому Измайлов отдает печатный экземпляр в семью Чеховых с просьбой откорректировать его. Исправления в первое издание были действительно внесены[41], и биограф подготовил уже всё для второго издания[42], однако политические события, начавшиеся в стране, не позволили воплотить этот замысел в действительность. В современном чеховедении книга Измайлова большой популярностью не пользуется; она затерялась в потоке научной литературы о писателе. А между тем эта работа написана тонким знатоком творчества Чехова, афористичным и необычайно проникновенным стилем, который всегда был присущ критику.

После окончания книги о Чехове Измайлов решает осуществить еще одну, волновавшую его задумку, о возникновении которой он сообщал в письме к Амфитеатрову: «Рад бы был послать Вам только что законченную биографию Чехова. Рад бы был выслушать Ваши поправки, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ избежать ошибок (которые и сам отчасти уже вижу) в новом издании. ⟨...⟩ И сразу сел за новую монографию — „Лесков“. Фигура — уника, вся и в солнечных пятнах, и в дьявольских тенях. Просто захватил и повлек. И сижу теперь в журналах и газетах 60—70⟨-х⟩ гг., и с добрыми старухами да старцами, помнящими гневного, лукавого и умного старика»[43].

[41] См.. Чехов: (Жизнь — творчество — личность) / печатный экземпляр книги с примечаниями М. П., Мих. П., И. П. Чеховых и А. А Измайлова // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 7 592 л.

[42] См.. Чехов: (Жизнь — личность — творчество») / печатный экземпляр, исправленный для второго издания рукою автора. 1918 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 8. 600 л.

[43] См. наст. изд., с. 292.

Над книгой критик работал вплоть до 1921 г. — до самой своей смерти. И этот замысел Измайлову довести до логического конца не удалось. Фигура Лескова, безусловно, была близка ему: здесь видится некая дань своим корням и годам, проведенным сначала в семинарии, а после в духовной академии.

Книга «Лесков и его время» сохранилась в рукописном виде и является подлинным свидетельством напряженной работы творческой мысли автора, несет на себе видимые приметы неустроенного быта тех лет: дешевая бумага (некоторые текстовые отрывки писались на оборотах писем, визитках и прочих, бывавших в деле листках), бесконечные вклейки, в некоторых главах обильная правка — в таком виде дошел до нас последний незавершенный, но, в общем, цельный труд. Известно, что критик, предчувствуя, что не сможет закончить книгу, завещал это сделать Борису Демчинскому, однако его просьба не была выполнена[44]. Издать работу Измайлова удалось лишь несколько лет назад[45].

Важнейшей темой эпистолярного диалога Измайлова с современниками с весны 1916 г. становится его деятельность на посту редактора в газете «Петроградский листок», куда он перешел после долгих лет работы заведующим литературно-критическим отделом «Биржевых ведомостей». Это издание представляло собой «малую», или массовую, газету, весьма популярную среди тех слоев городского населения, которые не отличались взыскательным вкусом. По мнению историка русской журналистики, подобный тип изданий был рассчитан на «не очень подготовленных и недостаточно образованных читателей»[46], отсюда и характер материалов — пуб-

[44] Доказательство этого находим в брошюре Андрея Скорбного (В. В. Смиренского), посвященной памяти критика: «После смерти его осталась приготовленная книга к печати, где собраны его последние рассказы, и немного незаконченный огромный труд о Н. С. Лескове. Этот труд Александр Алексеевич завещал закончить Бор(ису) Демчинскому» (*Андрей Скорбный* [Смиренский В. В.]. Александр Алексеевич Измайлов. С. 20—21).

[45] *Измайлов А. А.* Лесков и его время / подгот. текста, преамбула А. С. Александрова (в соавт с О Л Фетисенко) // Н. С. Лесков: Классик в неклассическом освещении. СПб., 2011 С 157—440.

[46] *Махонина С. Я.* История русской журналистики начала XX века. М., 2004. С. 99.

ликации «с ярко выраженной обличительной тенденцией, с элементами сенсационности и развлекательности»[47]. Репутация подобных печатных изданий была весьма сомнительной, и образованными слоями общества они не могли восприниматься всерьез. Неслучайно о «Петроградском листке» А. В. Амфитеатров отозвался как о любимом уличном органе «дворников, швейцаров, извозчиков, мелких лавочников и тому подобного темного люда»[48], а сам Измайлов в одном из своих писем к Ф. Сологубу назвал «Петроградский листок» газетой с «распивочной физиономией»[49].

Приступив к исполнению обязанностей редактора и заручившись полной поддержкой издателя газеты и всей редакции, Измайлов задумал реформирование «Листка» и работал поначалу по 16 часов в сутки. Главным образом он был намерен «олитературить» газету, привлечь к сотрудничеству известных авторов и расширить тем самым рамки ее читательской аудитории.

Безусловно, в своем амбициозном замысле Измайлов руководствовался надеждой на личные знакомства в литературных кругах. Действительно, вскоре в газете начали появляться фельетоны, репортажи и критические статьи известных журналистов и литераторов, к постоянному сотрудничеству были привлечены А. Зарин и Н. Брешко-Брешковский, коллеги Измайлова по «Биржевым ведомостям». В газете расширилась литературная часть: стали печататься рассказы А. Грина, И. Потапенко, К. Баранцевича, С. Шиманского, в разделе «Литературный календарь» освещались события текущей литературной жизни, рубрика «Театральный курьер» была представлена рецензиями на театральные постановки. В газете был введен специальный литературный отдел с целым рядом новых рубрик: под заголовком «Слёт писателей» публиковались беседы с литераторами об их работе; «Старь и новь» была посвящена обзору литературно-художественных журналов. Введя литературный отдел в «Петроградский листок», а вместе с ним и разнооб-

[47] Там же.

[48] *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2 / [сост., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтблата]. М., 2004. С. 210.

[49] Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым / публ., вступ. ст. и примеч. М. М. Павловой // *Ежегодник РО ПД* на 1995 год. СПб., 1999. С. 289.

разные рубрики, Измайлов оставался верен своему эстетическому кредо — ориентации на писателей реалистической школы. Не забываются в газете и писатели века минувшего — литературно-критическими заметками отмечаются юбилейные даты, связанные с именами Пушкина, Лермонтова, Гончарова[50].

В начале февраля 1917 г. о деятельности Измайлова на поприще реформирования «Листка» положительно отзовется и Ясинский: «От всей души поздравляю вас с газетой, которую Вы так оживили и которую я начинаю читать раньше других газет»[51]. Однако не всё гладко шло в работе редактора. Накануне Февральской революции «Листок» был оштрафован на 2000 рублей[52]. События зимы 1917 г. повлияли на содержание материалов газеты. «Петроградский листок» не мог не отреагировать на рост общественного сознания и политической активности массового читателя; естественно, что редакция начинает уделять больше внимания текущим событиям жизни, следить за борьбой политических партий, комментировать обстановку в городе. 28 октября деятельность «буржуазной» газеты была приостановлена, комиссарам дано указание немедленно принять меры к изъятию номеров из продажи и не допустить их рассылки в провинцию. При редакции был поставлен караул революционных солдат.

На события октябрьских дней «Листок» смог откликнуться только 18(5) ноября, так выразив свое отношение к произошедшему захвату власти: «...Многострадальная печать 〈...〉 вынуждена была молчать, пригвожденная на кресте в обе длани солдатскими штыками. 〈...〉 Редакции не имели возможности помочь рассеянию слухов, предотвратить безумные расправы, двинуть пальцем в предупреждении ужасов. Даже социалистические газеты отбирали на улицах, перехватывали на заставах, жгли на кострах. И мы

[50] См.. *Измайлов А. А.*. 1) Памяти Лермонтова // Петроградский листок. 1916. 15 июля. (№ 192). С. 1—2; 2) Кто же убил Пушкина: (Новые изыскания П. Е. Щеголева) // Там же. 1916. 5 авг. (№ 213). С. 2 (подп. А. И.); *Герсон И.* «Дядя Гиляй» // Там же. 1916. 30 авг. (№ 236). С. 2; *Россовский Н.* Памяти Гончарова // Там же. 1916. 15 сент. (№ 254). С. 2.

[51] Письмо И. И. Ясинского к Измайлову от 29 февр. 1917 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 33.

[52] См.. Письмо А. В. Владимирского к Измайлову от 18 февр. 1917 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 1.

молчали, и можно было заболеть и постареть за эти дни»[53]. В газете публиковались материалы откровенно антибольшевистского содержания, принадлежавшие перу главного редактора и близких ему по политическим убеждениям литераторов.

Друзья и коллеги Измайлова пессимистично смотрели на будущее городской газеты. А. С. Лазарев-Грузинский с горечью писал Измайлову 22 ноября 1917 г.: «С удовольствием почитываю Вашу газету и одобряю Вашу борьбу по человечеству. Но скептицизм говорит мне про ее бесплодность и про то, что в конце всех концов нас затопчут в болото. „Будут дни великого смятения", и те, кто уцелеет после оного, грустно споет нам, погибшим, реквием. Не вижу возможности русской интеллигенции уцелеть. Одно утешение: лет через пятьдесят она вновь возродится. Только не жить уже в ту пору прекрасную ни мне, ни даже Вам, дорогой мой ⟨...⟩. Это я Некрасова чуть-чуть изувечил. Ну, не беда. Кого в наши дни не увечат? Легко ли дело — 50 лет! Когда это будет?»[54]

В 1918 г. в газете печатались известные беллетристы (Вас. И. Немирович-Данченко, А. И. Куприн, П. П. Гнедич), писатели из символистского лагеря (Ф. Сологуб, Д. С. Мережковский), университетские профессора, публицисты крупных газет — «Речи», «Дня», закрытых большевиками. Политическую направленность газеты в новых исторических условиях достаточно точно определил А. В. Амфитеатров: «Понятно, что орган изменил свою физиономию и направление. Из монархического он превратился в либерально-демократический, даже с оттенком утопического социализма, впрочем, весьма бледно-розового. Антикоммунистический дух скорее чувствовался, чем сказывался; скорее подозревался, чем выявлялся. Потому что радикал наш милейший А. А. Измайлов ненавидел большевиков до кровосмешения, но напуган ими был до паники и чуть ли не падал в обморок при каждом слове, уязвляющем торжествующих олигархов лжекоммуны прямо и открыто»[55].

[53] *Измайлов А.* Распятое слово // Петроградский листок. 1917 5 нояб. (№ 257). С. 1.

[54] Письмо от 22 ноября 1917 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 174. Л. 57

[55] *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 210—211.

Усиление пореволюционного идеологического прессинга ставило перед Измайловым как главным редактором задачу сохранить газету на возможно долгое время. Но все его попытки оказались тщетными. Письма Измайлова к литераторам в июле — августе 1918 г. нередко содержат извинения по поводу невыплаченных гонораров, наполнены сетованиями на тяжелое положение газеты. К августу 1918 г. издание находилось на грани краха, вызванного среди прочего и прямым материальным давлением новой власти. Измайлов чувствовал всю безнадежность своего положения. В день выхода последнего номера критик напишет Ф. Сологубу: «Всё время газета переживала трепетные часы — под угрозой каждодневного невыхода, в задавленности, почти в унижении, в гонении власти (штраф в пять миллионов), наконец, даже под тучей забастовки сотрудников, в части своей думавших так оказать воздействие на издателя. Я кипел в собственном соку, а не жил. Да и сейчас не живу. Будь проклято поганое дело редакторства!»[56] К концу лета 1918 г. «Петроградский голос» подошел с большими долгами и невыплаченными гонорарами. Продолжать издание было невозможно. И на 147-м номере газета прекратила свое существование. Измайлов еще надеялся на возобновление публикаций с приходом компаньона, который смог бы профинансировать дальнейшую деятельность издания[57]. Однако эти надежды оказались нереализованными в условиях планомерного подавления новой властью оппозиционной прессы.

«Петроградский листок» Измайлов редактировал всего два года. Однако за короткое время ему удалось сделать немало: в 1918 г. это было одно из немногих уцелевших «буржуазных» изданий, которое предоставляло печатные площади бедствующим литераторам, оставшимся без заработка.

[56] Письмо от 3 августа 1918 г. // Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым. С. 289.

[57] Об этом Измайлов сообщал П. П. Гнедичу в конце августа: «Превратности судьбы нашей газеты — в самом процессе. Если в дело входит компаньон, — всё войдет в норму на этих днях, и последует окончательная с вами расплата. Если судьба не состоится, — будет совершена ликвидация дела, и мною специально заявлено издательству о необходимости полного погашения долга Вам. Во всяком случае я Вас уведомил о наших делах» (Письмо от 21 авг. 1918 г. // РО ИРЛИ. Ф. 73. Ед. хр. 260. Л. 13—13 об.).

С закрытием «Петроградского голоса»[58], для Измайлова настали тяжелые времена: существовать приходилось на случайные заработки, получаемые от чтения лекций в кинематографах перед сеансами, хотя он и писал статьи, но опубликовать удавалось лишь немногое, сотрудничал в журнале «Вестник литературы», продолжал писать книгу о Лескове, поддерживал переписку с бывшими коллегами и друзьями. 8 марта 1919 г. Измайлов сделал запись в альбоме В. И. Анненского-Кривича: «...Встречаемся в такие времена, когда даже странно писать в альбом, видеть альбом не на развале толкучки, не в руках уличной торговки, не истопника, собирающегося растопить им печку. Странные, страшные, единственные времена, когда Бог борется с Дьяволом и Дьявол борет... Будем живы, — будем интересными стариками...»[59] Критик с ужасом смотрел на то, что происходит в литературном мире: на глазах рушилось всё то, чем он жил, чему посвятил всю свою жизнь. В день именин 30 августа 1920 г. Измайлов написал письмо Ясинскому, ярко иллюстрирующее его настроения в эти годы: «Днем заняли друзья, а вот сейчас, вечером, чувствую себя одиноким и разочарованным. Всё это последнее время болен. Болезнь моя страшная. Ее можно назвать одышкой воспоминаний. С утра лезет всё, что ушло, и сегодня, в особенности с утра, обступили меня ушедшие, начиная с сестры, вспомнились их ласки, внимание ко всякому пустяку моей жизни, именинные цветы, пироги, калачи. У Вас тоже есть такое мучительное воспоминание, и моя болезнь, вероятно, Вам очень понятна. Всё это время вообще живешь, как запрещенный поп, — служить заказано, другого и не умею и не хочу, ибо вкусил благодати. ⟨...⟩ Надо делать себе хоть искусственные праздники в этой тьме будней, без дров, без хлеба, без силы, без трамвая»[60].

[58] После Октябрьской революции газета сменила свое название: сначала на «Петроградский вестник» — первый номер вышел 21 ноября 1917 г., а 30 ноября она стала называться «Петроградский голос»; под этим названием газета будет выходить вплоть до своего закрытия.

[59] *Анненский-Кривич В. И.* Литературная тетрадь // РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 101.

[60] РО ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. Ед. хр. 310. Л. 9 об.—10 об.

Тяжелое эмоциональное состояние Измайлова в эти годы перерастает в физический недуг, о чем он сообщил в письме тому же Ясинскому от 9 декабря 1920 г.: «Я приобрел тяжелую и подлую болезнь сердца. Ложная грудн⟨ая⟩ жаба на почве невроза. Вероятно, Вы знаете, что это такое. Человека душит при движении, как если бы кто схватил его за грудь и горло. Огневая боль. Вчера — ровно 2 месяца, как она меня не покидает. А ходить необходимо. Иду и останавливаюсь после 100 шагов, а самому холодно. Проклятие!»[61]

В эти годы Измайлов категорически отказывался смириться с действительностью. Он никак не мог согласиться с изменением политического строя в стране, не принял Октябрьскую революцию. Он не стал участвовать в 50-летнем литературном юбилее переориентировавшегося на новые революционные реалии Ясинского[62]. До последних дней жизни надеялся на контрреволюционный переворот[63].

Несмотря на то что Измайлов был человеком верующим, он отказался от духовной карьеры, впрочем, об этом никогда не жалел. В письме брата критика, Алексея Алексеевича Измайлова, к А. Р. Кугелю содержатся характерные подробности: «Брат никогда не жалел, что заделался литератором. Но может быть профессорская кафедра или даже ученая келья уж не так чужды были психике брата. Недаром он иногда в шутку, но как бы с удовольствием примерял на себе клобук и панагию посещавшего мой дом знакомца — архиерея»[64].

[61] Там же. Л. 3.

[62] Ср.. ...Когда праздновался мой 50-летний юбилей в помещении Государственного издательства, меня чествовали коммунисты уже в сравнительно скромной обстановке, Александр Алексеевич побоялся выступить и объяснил моим родным, что он приготовил уже большую речь, но, во-первых, Лемке обрисовал меня так хорошо, как он сам не мог бы обрисовать при всем знании его моих сочинений и всей моей литературной деятельности, а с другой стороны, он считает себя чуждым той атмосфере, в которой я стал дышать. Александр Алексеевич по своим убеждениям был умеренным либералом, или так называемым либералом-консерватором, тихо возмущался произволом правительственных чиновников, но революция ему казалась еще большим произволом» (*Ясинский*. Т. 1. С. 537).

[63] Там же. С. 541.

[64] Письмо от 1 июня 1921 г. // РО ИРЛИ. Ф. 686. Оп. 2. Ед. хр. 97 Л. 1—2.

Умер критик 16 марта 1921 г., похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге. «На похоронах присутствовали: Федор Сологуб, Иероним Ясинский и профессор Сперанский. Гроб был опущен в полном молчании: Александр Алексеевич завещал на могиле ничего не говорить»[65].

***

Эпистолярное наследие Измайлова велико и по большей части оставалось неопубликованным. Тщетные попытки напечатать отдельные корреспонденции критика предпринимал еще в 1920-е гг. его брат, наследник архива, Алексей Алексеевич Измайлов. На свои неудачи он сетовал в письме профессору Московского университета Н. Н. Фатову: «Надо сознаться, что за шесть лет, истекших после его смерти, мне не удалось напечатать где-либо из его архива двух строк, несмотря на то, что в Ленинграде у меня большие литературные знакомства и связи, главным образом среди бывших друзей брата, оч⟨ень⟩ его любивших и в свое время весьма ему преданных. В этом моя беда, мое несчастие. А между тем чего стоят одни письма В. В. Розанова (до 50-ти писем). Все они жгучего интереса. Среди них много писем, кои он писал из Сергиева Посада, умирающий»[66].

Справедливости ради заметим, что эпистолярное и критическое наследие Измайлова в советское время не было вычеркнуто из истории литературы. Еще в 1927 г. письма П. Д. Боборыкина к критику легли в основу статьи А. М. Мудрова «Боборыкин в переписке с А. А. Измайловым»[67]. В 1962 г. в журнале «Русская литература» были опубликованы 7 писем к нему Л. Н. Андреева[68], а в 1980 г. —

[65] *Андрей Скорбный* [Смиренский В. В.]. Александр Алексеевич Измайлов. С. 20.

[66] Письмо от 7 марта 1927 г. // РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1об.—2.

[67] *Мудров А. М.* П. Д. Боборыкин в переписке с А. А. Измайловым // Известия Азербайджанского государственного университета: Общественные науки. 1927 Т. 8—10. С. 12—24.

[68] Письма Л. Н. Андреева к А. А. Измайлову / публ., вступ. ст. и примеч. В. Я. Гречнева // Русская литература. 1962. № 3. С. 193—201.

9 писем В. Я. Брюсова[69]. И несмотря на то что на первый план в этих публикациях выдвигался не Измайлов, а его корреспонденты, всё же личность критика, факты биографии были отражены в преамбулах, а отрывки из его собственных писем приведены в комментариях. В 1960—1980-е гг. был проявлен интерес к пародийному и критическому наследию литератора[70]. Имя Измайлова можно часто встретить в комментариях к эпистолярным материалам в серийных академических изданиях — «Литературное наследство», «Литературный архив», «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома» и др. В последнее двадцатилетие появились наиболее существенные статьи и публикации, посвященные непосредственно Измайлову: свет увидела переписка критика с Ф. Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской[71]; были изданы письма к Ю. К. Балтрушайтису[72], М. А. Кузмину[73], И. А. Бунину[74], а также переписка с Э. Ф. Гол-

[69] *Брюсов В. Я.* Письма к А. А. Измайлову / публ., вступ. ст. и примеч. Э. С. Литвин // *Ежегодник РО ПД* на 1978. Л., 1980. С. 231—249.

[70] *Тяпков С. Н.*. 1) Русские символисты в литературных пародиях современников. Иваново, 1980. С. 7; 2) Леонид Андреев в зеркале критика и пародиста А. Измайлова // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1978. С. 77—96, 156—160; 3) Русская «бульварная» литература начала XX века в критических отзывах и пародиях современников // Там же. 1993. С. 48—61; 4) К. Бальмонт в пародиях литературных «архаистов» // Там же. 1994. С. 57—71; *Новиков В. И.* Александр Измайлов // Книга о пародии. М., 1989. С. 410—416.

[71] Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым / публ., вступ. ст. и примеч. М. М. Павловой // *Ежегодник РО ПД* на 1995 год. СПб., 1999. С. 194—293.

[72] Юргис Балтрушайтис — переводчик: (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) / публ., вступ. ст. и примеч. А. В. Лаврова // *Ежегодник РО ПД* на 2003—2004 годы. СПб., 2007 С. 516—545.

[73] *Кузмин М.* Стихотворения. Пьеса. Переписка / публ., вступ. ст., примеч. А. Г. Тимофеева // *Ежегодник РО ПД* на 1990 год. СПб., 1993. С. 64—65.

[74] См. в кн.. *Бунин И. А.* Письма 1905—1919 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С. Н. Морозова, Р. Д. Дэвиса, Л. И. Голубевой, И. А. Костомарова. М., 2007 832 с. (по указат.).

лербахом[75], В. В. Розановым[76]. Статьи об Измайлове появились в фундаментальных биографических словарях и энциклопедиях[77]. Были научно подготовлены и переизданы книги «Кривое зеркало»[78] и «Лесков и его время»[79]. В меньшей степени повезло книге о Чехове[80]. Стали доступны читателям статьи Измайлова о А. П. Чехове[81], А. А. Блоке[82], В. В. Розанове[83]. Появились работы, анализирующие различные аспекты творческой деятельности литератора[84].

---

[75] «Rosanoff est mort — vive Rosanoff»: Переписка Э. Ф. Голлербаха с А. А. Измайловым / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. С. Александрова // *РЛ.* 2015. № 1. С. 182—197

[76] «Пусть Бог смилуется над Вами, над нами, над несчастной Россией...»: В. В. Розанов и А. А. Измайлов после октября 1917 г. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. С. Александрова // Наше наследие. 2016. № 4. С. 58—73.

[77] *Тяпков С. Н.* Измайлов Александр Алексеевич // Русские писатели. 1800—1917· Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 405; *Александров А. С.* А. А. Измайлов // Литературный Санкт-Петербург: XX век. Прозаики, поэты, драматурги, переводчики: Энциклопедический словарь: в 2 т. СПб., 2011. Т. 1. С. 466—468; *Ломоносов А. В.* Измайлов Александр Алексеевич // *Розановская энциклопедия.* Стб. 420—426.

[78] *Измайлов А. А.* Кривое зеркало: Книга пародии и шаржа / подгот. текста, вступ. ст., коммент. Е. В. Хворостьяновой. СПб., 2002. 336 с.

[79] См. примеч. 45.

[80] Книга переиздана издательством «Захаров» со значительными модификациями (убраны многочисленные подстрочные сноски и примечания) не в пользу оригинала, без научного и текстологического осмысления (*Измайлов А. А.* Чехов: биография. СПб., 2003. 480 с.).

[81] А. П. Чехов: pro et contra: Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. (1887—1914): Антология / сост., предисл., общ. ред. И. Н. Сухих; послесл., примеч. А. Д. Степанова. СПб., 2002. С. 872—905, 1049—1052 («Русский путь»).

[82] Александр Блок: pro et contra: Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников: Антология / сост., вступ. ст., примеч. Н. Ю. Грякаловой. СПб., 2004. С. 140—151, 637—639 («Русский путь»).

[83] В. В. Розанов: pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: в 2 кн. / подгот. В. А. Фатеев. СПб., 1995. Т. 2 С. 81—90 («Русский путь»).

[84] *Хворостьянова Е. В.* «Забытый смех» // Измайлов А. А. Кривое зеркало: Книга пародии и шаржа. С. 5—26; *Крылов В. Н.* Пародии на литературных критиков в книге А. А. Измайлова «Кривое зеркало» // Филология и культура. 2014. № 1(35). С. 177—180; *Прозорова Н. А.* История издания и читательское восприятие журнала «Родная нива»: (По материалам архива В. А. Рышкова) // *Ежегодник РО ПД* на 2005—2006 г. СПб.,

Вся эта работа, проделанная исследователями разных поколений, говорит, безусловно, о значимости творческого вклада Измайлова в литературный процесс начала XX в. и об актуальности его творческого наследия в наше время.

Собранные в настоящем томе эпистолярные тексты позволяют по-новому взглянуть на жизнь, личность и творчество Александра Алексеевича Измайлова, а во многом и «открыть» для читателей заново этого незаурядного человека. Переписки и письма предваряются историко-литературными преамбулами; в примечаниях к публикуемым текстам обильно используется эпистолярий из архива Измайлова и его ближайшего окружения, а также приводятся существенные выдержки из литературно-критического наследия литератора (фельетонов, рецензий, обзоров книжных новинок — материалов, рассредоточенных по труднодоступным дореволюционным изданиям). Многие письма датируются нами исходя из их содержания, некоторые датировки носят приблизительный характер — в таких случаях они сопровождаются специальной пометой ⟨?⟩. Основной корпус эпистолярных материалов, вошедших в настоящее издание, публикуется впервые. Напечатанные ранее письма вновь сверены с автографами. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам с сохранением в отдельных случаях особенностей авторского написания.

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность коллегам, оказавшим поддержку в подготовке издания — Н. Ю. Грякаловой, А. М. Грачевой, Е. И. Гончаровой, Е. А. Голлербаху, К. Ю. Лап-

2009. С. 268—310; *Александров А. С.*. 1) А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916—1918) // Русская литература. 2008. № 4. С. 133—142; 2) Вяч. Иванов в критической оценке А. А. Измайлова // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. Вып. I. СПб. / под. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского, А. Б. Шишкина. СПб., 2009. С. 417—429; 3) Из истории создания первой биографии Чехова: Книга А. А. Измайлова «Чехов. 1860—1904. Биографический набросок» // Образ Чехова и чеховской России в современном мире: К 150-летию со дня рождения А. П. Чехова / сост. В. Б. Катаева и С. А. Кибальника; предисл. С. А. Кибальника. СПб., 2011. С. 206—215; 4) Александр Алексеевич Измайлов: (По архивным материалам) // Контекст-2013. М., 2013. С. 149—172; и др. работы.

по-Данилевскому, Е. О. Кудиной, В. В. Ведерникову, В. Э. Молодякову, П. В. Бекедину, В. С. Логиновой и Э. К. Александровой. Приношу глубокую признательность сотрудникам Блоковской группы, Рукописного отдела, Литературного музея и библиотеки ИРЛИ РАН, а также коллегам из РГАЛИ.

А. С. Александров

ПЕРЕПИСКА

А. А. Измайлов — Л. Н. Андреев

— В. Я. Брюсов

— А. В. Амфитеатров

— А. М. Ремизов

— В. В. Розанов

— Э. Ф. Голлербах

— А. Е. Кауфман

Л. Н. АНДРЕЕВ и А. И. АНДРЕЕВА ПЕРЕПИСКА с А. А. ИЗМАЙЛОВЫМ (1901–1918)

Особое место в эпистолярном наследии А. А. Измайлова занимает его переписка со знаменитым прозаиком и драматургом начала XX в. Леонидом Николаевичем Андреевым (1871–1919), с которым у критика сложились дружеские отношения.

Обмен письмами между ними завязался в 1901 г., когда Андреев еще только входил в литературу. Измайлов одним из первых заметил молодого автора и высоко оценил его ранние беллетристические начинания в фельетоне «Биржевых ведомостей»[1]. Впоследствии критик вспоминал об этом так: «...Мне посчастливилось писать о Леониде Андрееве, когда еще никто не писал об Андрееве и на книжном рынке еще не было и первой его книги. В марте 1901 г., когда появились его „Жили-были", я приветствовал его талант в своей статье „Признанные и молодые", отдавая ему всё преимущество перед „признанными". — „Ваш отзыв — первый поощрительный отзыв, который был обо мне в печати, — писал мне тогда Андреев, — если не считать двух-трех коротеньких и официально безразличных заметок"»[2].

[1] См.. *Измайлов А.* Литературные заметки: («Признанные» и молодые. Беллетристы «Жизни». «Жили-были») // *БВ.* 1901. 9 апр. (№ 94). С. 1.

[2] *Измайлов А. А.* Литературные заметки: Еще раз о литературной ноздревщине // *БВ.* Утр. вып. 1907 22 февр. (№ 9760). С. 3. Здесь имеется в виду статья Измайлова в рубрике «Литературные заметки»; см. выше примеч. 1.

Измайлов в своем фельетоне приводит строки из письма Андреева 1901 г. — именно с этого обращения между ними завязалась переписка, продолжившаяся до 1918 г.

Известные нам письма этого эпистолярного диалога охватывают самые разнообразные темы: в них обсуждаются произведения корреспондентов, творчество писателей-современников; проясняется сложный характер взаимоотношений Андреева с некоторыми редакциями и издательствами. Переписка содержит существенное количество сообщений личного свойства, имеющих важное биографическое значение. И это не случайно: отношения двух авторов не ограничивались сферой сугубо практических и деловых интересов. Без преувеличения можно сказать, что Андреев и Измайлов стали вскоре близкими друзьями. Александр Алексеевич частый гость на вилле Андреева «Аванс» в Ваммельсуу. Встречи двух современников зафиксировали фотографии начала XX в.: на одной из них Измайлов в кругу семьи писателя, на другом снимке — он на террасе со знаменитым автором, с сосредоточенным выражением лица держит шляпу. Не раз приезжал критик к Андрееву, чтобы послушать его новые произведения, здесь же он иногда работал и отдыхал. В письме от 8 октября 1908 г., например, Андреев сообщал: «Знаю, что Вы человек очень занятой, — но ведь есть же время, когда Вам хочется отдохнуть? Отчего бы Вам тогда не приехать ко мне, поболтать и подышать Финляндией. Только по вечерам я работаю, остальное время свободнее — но у меня есть бумага, есть чернила: отчего бы и Вам у нас не поработать?»[3] Одна из бесед Измайлова и Андреева 1909 г. на вилле в Ваммельсуу попала на кинопленку[4]. Конечно, о чем беседуют они в этой короткой ленте понять невозможно, но, безусловно, голос Андреева опосредованно дошел до нас в многочисленных статьях и репортажах Измайлова.

---

[3] См. п. 16.

[4] См.. Немой к/ф фирмы Дранкова: Прижизненные съемки писателя Л. Андреева: Л. Андреев на моторной лодке, велосипеде, даче (с женой и сыном); беседует с журналистом Измайловым; читает перед граммофоном свое произведение; на прогулке с Е. Чириковым // РГАКФД. Ед. хр. 15998.

Центральное место в переписке корреспондентов, безусловно, занимают творчество Андреева и критические отклики Измайлова. В письмах со всей очевидностью проступает порой ревнивое, пристрастное и крайне внимательное отношение писателя к литературной критике. На это в свое время указал первый публикатор этих писем В. Я. Гречнев: «Письма к Измайлову показывают, что Андреев действительно очень чутко реагировал на критику, но в то же время свидетельствуют о том, что в данном случае им двигало не писательское честолюбие в своем творчестве»[5].

Наибольшее количество откликов Измайлова на произведения Андреева приходится на 1900-е гг. В это время практически всё наиболее значимое, выходившее из-под пера молодого автора, рассматривается в критических фельетонах обозревателя «Биржевых ведомостей». Так, в одном из фельетонов 1902 г. Измайлов подробно анализирует мастерство Андреева в изображении сумасшедшего в рассказе «Мысль» (1902)[6]. Январский фельетон 1903 г., не лишенный критических замечаний, посвящен рассказу «В тумане» (1902). Рецензенту «не понравился» в новом произведении «яркий натурализм», в то же время он признает «этот рассказ сильно изобразительным», а Андреева — «ярким талантом»[7]. В рассказе «Призраки» (1904) отмечен «трагизм неустранимого увядания человеческой личности»[8]; в «Литературном календаре» 1906 г. сравнивает рассказы Горького «Дети солнца» и Андреева «К звездам» и по художественной силе отдает предпочтение последнему рассказу, отмечая заслуги автора в изображении прекрасного «в своем возвышенном эгоизме» астронома, не отталкивающего читателя, «как герой Горького» (1906)[9].

[5] Письма Л. Н. Андреева к А. А. Измайлову / публ., вступ. ст., примеч. В. Гречнева // *РЛ.* 1962. № 3. С. 193.

[6] *Измайлов А.* Рассказ Леонида Андреева «Мысль» // *БВ.* 2-е изд. 1902. 19 июля. (№ 194). С. 1—2.

[7] *Измайлов А.* Рассказ Л. Андреева «В тумане» // *БВ.* Утр. вып. 1903. 6 янв. (№ 10). С. 2.

[8] *Измайлов А.* Рассказ Леонида Андреева — «Призраки» // Там же. 1904. 10 дек. (№ 639). С. 2.

[9] *Измайлов А.* Литературный календарь // Там же. 1906. 9 июля. (№ 9332). С. 5.

Одним из «прекраснейших созданий» писателя Измайлов называет рассказ «Елеазар» (1906): «Трагедию Лазаря Андреев очертил выдержанными штрихами. Против деталей разработки этой психологии нельзя возразить. Но можно возразить против ее сущности. ⟨…⟩ Лазарь Андреева — это современная рационалистическая душа, которая там, за гранью гроба и вечности, — очевидно, не нашла ничего, кроме зияющей пустоты, тьмы, бездны еврейского шеола»[10]. В «Проклятии зверя» (1908) отмечена больная «психология» рассказа, переступающая в область «кошмарных и если не психопатических, то несомненно неврастенических настроений и ощущений»[11].

С середины 1900-х гг. критик также пристально следит за драматургическими опытами современника. Впечатление «здорового и трезвого творчества» производит на него пьеса «Царь-Голод» (1908)[12]. «Нескучный фельетон» и «легкий памфлет» проглядывают в пьесе «Любовь к ближнему» (1908)[13]. Он негативно отзывается о «Черных масках» (1908), считая, что «чрезвычайно интересный и оригинальный замысел Андреев исполнил торопливо и местами слабо»[14].

Из десятков написанных Измайловым об Андрееве в 1900-е гг. статей наиболее обстоятельной и крупной является работа «Леонид Андреев» из сборника «Литературный Олимп». В ней критик обстоятельно разбирает такие произведения писателя, как «Иуда Искариот» (1907), «Тьма» (1907), «Мои записки» (1908), «Рассказ о семи повешенных» (1908).

[10] *Измайлов А.* Литературные заметки [«Элеазар» Леонида Андреева. — Роман М. Арцыбашева «Санин». — Книги о. Петрова о старом и новом духовенстве] // Там же. 1907 12 апр. (№ 9844). С. 3.

[11] *Аякс* [Измайлов А. А.]. «Проклятие зверя» Леонида Андреева // *БВ.* Веч. вып. 1908. 6 февр. (№ 10339). С. 4.

[12] *Неблагосклонный читатель* [Измайлов А. А.]. Литературные беседы: «Царь-Голод» Леонида Андреева // Слово. 1908. 21 марта. (№ 411). С. 2.

[13] *Изм⟨айлов⟩ А.* «Любовь к ближнему»: (Новая пьеса Л. Андреева) // *БВ.* Утр. вып. 1908. 13 нояб. (№ 10808). С. 6.

[14] *Измайлов А.* «Черные маски» в театре Комиссаржевской // *РС.* 1908. 5 дек. (№ 282). С. 2.

В начале 1910-х гг. интенсивность критических отзывов Измайлова на произведения современника значительно снижается: в 1911 г. он отмечает выход романа «Сашка Жегулев» (1911)[15], пишет об успехе драмы «Профессор Сторицын» (1912) на сцене Александринского театра[16], откликается на рассказ «Три ночи» (1914)[17].

В 1912—1916 гг., когда в печати всё чаще стали появляться неодобрительные отклики об Андрееве, Измайлов поддержал его рядом статей. Положение писателя он обсуждал в своих корреспонденциях с И. И. Ясинским, одно из писем которого дает представление о литературном процессе тех лет и о месте в нем писателя: «...Трагедия Андреева, конечно, заключается, главным образом, в том, что, живя в наше крайне несправедливое время, он как бы не получает должной оценки. Однако же он очень неровен, и у него, рядом с великими вещами, есть жалкие. Литературные собаки начинают замалчивать великие вещи его, а набрасываются на мелкие и написанные для денег. Ведь это же ужасно, но это верно, что Андреев тоже пишет для денег, и притом не газетные статьи, а драмы и комедии. Тем не менее положение Андреева принадлежит к завиднейшим. Всё же он король, и жаловаться королю на то, что и на него сочиняют пасквили, рисуют карикатуры и ругают на площадях извозчики, факельщики и либеральные сутенеры, не очень-то пристало, как не пристало спускаться до пивных и проповедовать там с королевским пафосом о необходимости воспевать войну.

Бывает время хуже. Наступает оно тогда, когда вспыхивает тускло горевшая лампада перед концом и начинает ярко сиять и метать вокруг себя голубые и красные искры. Истинное дарование никогда не исписывается, это ерунда. Оно может погаснуть, как погасли в свое время Толстой, Тургенев, Достоевский. Но истинное дарование идет неуклонно по своему пути, становится в самые великие тайники искусства и мысли. Когда лампадой восторгаются, она еще

[15] *Измайлов А.* «Сашка Жегулев»: Новый роман Леонида Андреева // *БВ*. Веч. вып. 1911. 6 дек. (№ 12671). С. 3.

[16] *Смоленский* [Измайлов А. А.]. Александринский театр: «Профессор Сторицын» Леонида Андреева // *БВ*. Веч. вып. 1912. 15 дек. (№ 13301). С. 5.

[17] *Аякс* [Измайлов А. А.]. В литературном мире: На крыльях мечты: (Новая поэма Л. Андреева — «Три ночи») // *БВ*. Веч. вып. 1914. 31 янв. (№ 13981). С. 5.

далеко не достигла предопределенной ей Богом яркости. Я жду от лампады Андреева пожара! Но теперь о нем написаны целые книги, прочитаны миллионы лекций, о ничтожнейшей статейке его делаются анонсы за неделю. Ничего подобного не знал даже Тургенев. А вот когда после некоторого угашения лампады, на переломе таланта, на грани, отделяющей одну полосу литературной жизни от другой, на перевале высшей мудрости, озаряющей талант писателя перед концом его деятельности, лампада эта начнет новую вечную фазу своего полносияния, как тогда встретят ее? Захочет ли легкомысленная толпа воспринять хоть несколько лучей ее или же лихорадочно станет перебирать листы уже посмертной славы писателя, как стала она перебирать романы Достоевского, которого она при жизни обходила с обидным равнодушием, превознося ничтожных Боборыкиных!»[18]

Отметим, что в это время из-под пера Измайлова также выходили статьи, выражавшие несогласие с теми или иными художественными решениями Андреева. Например, по поводу драмы «Мысль» (1914), поставленной Московским Художественным театром, критик заметил, что ей «лучше бы остаться превосходным рассказом, чем стать несценическою драмою»[19].

Позволим себе не согласиться с мнением публикатора писем Саши Черного к К. Чуковскому, который, комментируя многофигурный шарж Ре-Ми («в центре на больничном столе возлежит Леонид Андреев с вонзенным в него ножом (то ли жив, то ли мертв), по бокам располагаются литературные ординаторы — К. Арабажин, А. Измайлов, В. Боцяновский, прилежно ведущие запись за Корнеем Чуковским; последний, возвышаясь над всеми, витийствует о пациенте»[20]), пишет: «Фигура Андреева не случайна — право разглагольствовать о нем как бы „забронировано" Чуковским: первая книга критика называлась „Леонид Андреев большой и маленький. Жизнь Леонида Андреева", а в 1910 г. в „Речи" были напечатаны две

[18] Письмо от 8 дек. 1915 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 24—25 об.

[19] *Смоленский* [Измайлов А. А.]. Гастроли Московского Художественного театра: «Мысль» Л. Н. Андреева // *БВ*. Веч. вып. 1914. 11 апр. (№ 14096). С. 4.

[20] *Иванов А.* Переписка Саши Черного с Корнеем Чуковским // Новый журнал. 2006. № 245. С. 108.

статьи Чуковского под одинаковым названием „О Леониде Андрееве“»[21]. Мы не беремся в противовес исследователю отдавать приоритет в откликах о творчестве Л. Андреева Измайлову. Отметим только, что вышедшие библиографические указатели фиксируют[22] десятки статей критика, которые ценны не только в количественном отношении, но также и в содержательном. Статьи Измайлова — это ценные свидетельства современника, в которых исследователи могут обнаружить много биографических эпизодов, цитат из личной переписки, впечатлений корреспондентов о том или ином произведении; а также в отдельных случаях убедительные реконструкции андреевских «смыслов».

В современном литературоведении принято видеть в Леониде Андрееве родоначальника «экспрессионистических тенденций в русской литературе начала XX в.»[23], «одного из основателей русской экзистенциальной литературной традиции»[24]. Будучи чутким критиком, Измайлов не мог не заметить в творчестве современника новые интенции, направленные в сторону сгущения психологизма, что выходило за рамки реалистического письма. Однако, не отступая от своих идейных принципов, он рассматривал творчество Андреева в русле реалистической традиции, а новаторство его связывал с достижениями литературы XIX в., наложившимися на специфику времени. «Титаны исчерпали содержание здоровой психологии своими волшебными ковшами 〈...〉 после Толстого нам уже всё сейчас в реально-нормальной области кажется перепевом 〈...〉 Рядом со здоровым драматизмом здоровой страсти развернется драматизм экстаза, приближающего здорового человека к больному и действительность к кошмару. Больной, неврастенический, психопатический век идет навстречу этой школе. Леонид Андреев не подлаживается к нему, не ищет у него. Он сам вышел из этого века, как Афина из головы Зевса. Он — сын своего време-

[21] Там же.

[22] *Андреев: Б—1*. 272 с., *Андреев: Б—2*. 608 с.

[23] *Швецова Л. К.* Творческие принципы и взгляды, близкие к экспрессионизму // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. 260.

[24] *Заманская В. В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. М., 2002. С. 111.

ни, и всегдашний интерес его к людям исключительной психологии, к субъектам, симулирующим безумие („Мысль"), взрывающим чудотворные иконы („Савва") и т. д., вплоть до „Тьмы", есть естественное выявление его писательского интереса и художнической сущности»[25].

Если творчество таких писателей начала XX в., как А. И. Куприн, М. Горький, В. В. Вересаев и др., критик связывал с традициями А. П. Чехова и Л. Н. Толстого, то в художественных исканиях Андреева он видел продолжение традиции, исходящей от Достоевского. И в этих своих утверждениях Измайлов весьма современен[26].

Темами писем 1910-х гг. были не только произведения Андреева. В 1910—1911 гг. Измайлов выступает посредником в переговорах о сотрудничестве писателя с редакцией газеты «Русское слово». В 1914—1915 гг. интенсивность переписки нарастает в связи с активным участием Андреева в «Биржевых ведомостях». В это время корреспонденты обсуждают материалы, предназначавшиеся для публикации в газете, в письмах 1916 г. речь заходит о подготовке благотворительной лотереи «Союза городов». В 1917 г. Измайлов и Андреев, по-видимому, не переписывались — письма этого времени нам неизвестны. Последнее письмо Андреева к Измайлову датировано 25 марта 1918 г.; это ответ писателя на призыв критика и редактора к участию в «Петроградском голосе». Он извещает о фактическом отказе от публицистической работы и о невозможности принять сделанное предложение на сообщенных ему условиях. На этом переписка обрывается. Леонид Андреев скончался 12 сентября 1919 г.; память друга Александр Алексеевич почтил, прочитав о нем свои воспоминания по материалам их переписки

[25] *Литературный Олимп*. С. 271.

[26] Ср. с утверждением В. Заманской: «Трансформация андреевского метода связана с его сосредоточенностью на проблеме одиночества ‹...› лабораторно моделируемой писателем: экспериментальное одиночество человека, сознательное отторжение его от людей и, как следствие, деформированная психика одинокого человека, неизбежно аномальная и больная. Причем эта психика, как таковая, без социальной и исторической мотивации, что было свойственно Достоевскому, в русле традиций которого молодой Андреев работал» (*Заманская В. В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. М., 2002. С. 112).

10 сентября 1920 г. на вечере, посвященном годовщине со дня смерти Л. Н. Андреева.

Научный интерес к переписке Андреева и Измайлова был проявлен еще в середине 20-х гг. В 1926 г. к брату критика Алексею Алексеевичу Измайлову обращался П. Н. Медведев, ленинградский литературовед, историк литературы и критик, с просьбой о публикации 10 писем Андреева[27]. Несмотря на то что эпистолярии исследователю были предоставлены для печати, опубликованы они не были. Весной 1927 г. к Алексею Алексеевичу обратился московский профессор Н. Н. Фатов, издавший несколькими годами ранее монографию о писателе «Молодые годы Леонида Андреева: По неизданным письмам, воспоминаниям и документам» (М., 1924) и продолжавший изучение его жизни и творчества, с просьбой ознакомиться с эпистолярным наследием Андреева и подготовить его к публикации. Несмотря на то что архив Измайлова на тот момент был уже передан в Пушкинский Дом (акт приема материалов составлен 13 мая 1926 г.[28]), письма Андреева на время были извлечены из коллекции и пересланы исследователю в Москву. Эта посылка сопровождалась письмом Алексея Алексеевича Измайлова от 7 марта 1927 г.: «По какой-то роковой случайности накануне самого знакомства с Вами я сдал весь архивный материал в Пушкинский Дом и тем ограничил свои неограниченные доселе хозяйские права на него. Оригиналы Андреевских писем мне выдали кряхтя, неохотно... В выдаче других материалов авансом деликатно отказали. „У московских де профессоров немало своих литературных архивов, пусть их и разрабатывают“ (Модзалевский). Несколько замечаний относительно Андреевских писем. Часть их написана рукою Л. Андреева, часть настукана на машинке. Но и на настуканных на машинке везде подпись „Л. Андреев“. Сделана собственноруч-

[27] Об этом есть упоминание в письме к Н. Н. Фатову: «Год с лишним тому назад ленинградский литератор Пав. Ник. Медведев взял у меня для напечатания в „Звезде“ 10-ть писем Л. Андреева. Письма до сих пор не напечатаны» (Письмо Алексея Алексеевича Измайлова к Н. Н. Фатову от 7 марта 1927 г. // РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 34).

[28] О судьбе архива Измайлова см.. *Иванова Т. Г* Рукописный отдел Пушкинского Дома. СПб., 2006. С. 138.

но, чернилами. Конверты не сохранились. Восстановить некоторые даты почти не представляется возможным. Хотя, впроч⟨ем⟩, попробовать можно... В правописании особой устойчивости у Л. Андреева не наблюдается: пишет, напр⟨имер⟩, слова то с твердым знаком, то без твердого. Упоминаемые в письмах Ив. Дм. — вероятно, Сытин. Мих. Мих. — Гаккебуш, редактор „Бирж⟨евых⟩ Ведом⟨остей⟩" ⟨...⟩ Убедительно прошу вернуть мне всё присланное с этим письмом по миновании надобности обратно, всё это — единственные экземпляры!!!» Московский исследователь, по неизвестным нам причинам, не воспользовался присланными ему материалами. В 30—50-х гг. отрывки из некоторых писем Андреева к Измайлову воспроизводились в примечаниях к различным публикациям[29]. В 1962 г. в журнале «Русская литература» впервые было напечатано 7 писем Андреева к Измайлову[30].

В настоящей публикации мы учли все известные нам письма корреспондентов, сохранившиеся в отечественных архивохранилищах. Письма Андреева: 4 письма — ОР РНБ (Ф. 124. Ед. хр. 132; Ф. 309. Ед. хр. 1); 1 письмо сохранилось в РГАЛИ (Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 112); 31 письмо к Измайлову и 7 копий рукой Алексея Алексеевича Измайлова, брата критика, сохранились в фонде Измайлова в РО ИРЛИ (Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10); 3 письма Андреева в РО ИРЛИ сохранились в других фондах (Р. I. Оп. 1. Ед. хр. 128; Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 1011). Также одно коллективное письмо за подписью Андреева, Сологуба и Горького — РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 166. Писем Измайлова известно намного меньше — всего 8, они сохранились в фонде Андреева в РГАЛИ (Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 112). К комплексу данной переписки примыкают и письма Анны Ильиничны Андреевой, жены писателя, носящие преимущественно деловой характер: 8 писем А. И. Андреевой (Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 13) и 1 ответное письмо Измайлова Андреевой из РГАЛИ (Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 269) также воспроизводятся в настоящем издании.

[29] Подробнее см.. *Андреев: Б—1.* С. 144—209.

[30] См. примеч. 5.

1

Андреев — Измайлову

После 17 апреля 1901 г., Москва

Кажется, не принято, чтобы беллетристы возражали своим критикам или благодарили их — но я еще слишком молодой писатель и, боюсь, недостаточно усвоил все профессиональные навыки и обычаи. И поэтому я искренне благодарю Вас, г. Измайлов, за тот хороший отзыв, который Вы дали о моем рассказе «Жили-были»[1]. Ваш отзыв — первый поощрительный отзыв, который был обо мне в печати, если не считать двух-трех коротеньких и официально безразличных заметок[2].

Я не совсем новичок в литературе. Пишу я уже около трех лет, напечатал в газетах (по ремеслу я газетный работник, фельетонист) больше двадцати маленьких рассказов, да несколько рассказов в «Журнале для всех»[3]. В «Жизни»[4] я дебютировал в прошлом году небольшой вещью *«Рассказ о Сергее Петровиче»* (октябрь)[5], этот рассказ «Жили-были» по счету второй. Нынешней осенью рассказы мои выйдут книжкой в издании «Знания»[6].

Ваше сочувственное отношение к «Жили-были» дает мне смелость обратиться к Вам с просьбой или вопросом — не знаю, как назвать. Очень часто оценка автором его произведений бывает ошибочна, по пословице: не по хорошу мил, а по милу хорош. Случай такой «ошибочной» оценки имел у меня место по отношению к «Рассказу о Сер⟨гее⟩ Петровиче». На мой взгляд — я и сейчас держусь его — этот рассказ хорош не столько по форме, которая, несомненно, должна была быть лучше, сколько по значительности и серьезности содержания. И взгляд мой находит себе подтверждение в непосредственном впечатлении читателей — не критиков, а читателей, испытывающих на себе очень сильное влияние расска-

за. Так, одна незнакомая читательница даже напугала меня: пришла за советом, убивать ей себя или нет.

С другой стороны, все критики — я отношу сюда и собратьев-беллетристов и всех более или менее причастных к литературе — отнеслись к рассказу отрицательно. Это в частных беседах, а в печати рассказ прошел совершенно незамеченным.

Иная участь «Жили-были». Его хвалят и читатели и критики, а я этих похвал не понимаю, и мне рассказ кажется неважным. Правда, форма его лучше, нежели у «Сер⟨гея⟩ Петр⟨овича»⟩, но неужели незначительная качественная разница в форме может так сильно повлиять на конечный вывод при гораздо более крупной разнице в содержании?

Вы очень обязали бы меня, если бы коротко, в двух словах, разъяснили мое недоумение.

И опять-таки, не представляя себе ясно отношений между беллетристами и их критиками, я обращаюсь к Вам с просьбой, быть может, совсем излишней, — сохранить за этим письмом, а также и за ответом Вашим, буде у Вас найдется на него время и охота, — *совершенно частный характер.*

Адрес мой: Москва, Петровские линии, редакция «Курьера», Леониду Ник. Андрееву.

С истинным почтением

Леонид Андреев.

P. S. Новость, которая наверное будет интересна для Вас, как и для всего литер⟨атурного⟩ мира: 17-го ночью арестован в Нижнем ⟨Новгороде⟩ М. Горький, Петров (Скиталец) и еще 16 чел⟨овек⟩[7].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 1—2 об. Автограф. Впервые: *РЛ.* 1962. № 3. С. 195—196.

[1] Рассказ Л. Андреева был опубликован в журнале «Жизнь» (1901. № 3. С. 233—251). Отзыв критика: *Измайлов А.* Литературные заметки: («Признанные» и молодые. Беллетристы «Жизни». «Жили-были») // *БВ.* 1901. 9 апр. (№ 94). С. 1.

[2] Отзывы о раннем творчестве Л. Андреева см.. *Андреев: Б—2.* С. 10—14.

[3] Библиографию ранних произведений Андреева см.: *Андреев: Б—1;* их публикацию см. в *ПСС Андреева — 23*$_{Т}$.

[4] «Жизнь» — литературный, научный и политический журнал, выходил с 1897 г. по апрель 1901 г. в Санкт-Петербурге. С конца 1898 г. фактическим редактором журнала был В. А. Поссе.

[5] Впервые опубликован в журнале «Жизнь» (1900. № 10. С. 63—89). Рассказ основан на реальных событиях: самоубийство в 1896 г. студента-естественника, орловца, товарища Андреева по Московскому университету Григория Петровича Третьякова. Подробнее о рассказе и отзывах см.. *Андреев: Б—2*. С. 10.

[6] В издательстве «Знание» книга рассказов Андреева вышла осенью 1901 г. В сборник вошли след. произведения: «Большой шлем», «Ангелочек», «Молчание», «Валя», «Рассказ о Сергее Петровиче», «На реке», «Ложь», «У окна», «Жили-были», «В темную даль». См.. *Измайлов А.* Литературные заметки // *БВ*. 1901. 10 окт. (№ 276). С. 2.

[7] В ночь с 16 на 17 апреля 1901 г. Горький был арестован и заключен в Нижегородскую тюрьму. Распоряжение об аресте было отдано шифрованной телеграммой из Петербурга. Горький обвинялся в связях с революционной социал-демократией, в приобретении мимеографа для нижегородской социал-демократической организации и в сочинении и печатании противоправительственных воззваний (*Летопись Горького*$_1$. С. 315). Вместе с Горьким был арестован Скиталец (С. Г. Петров).

2
Андреев — Измайлову
1—5 июня 1901 г., Царицыно

1 июня

Целый месяц всё вокруг меня болело: братья, сестры, знакомые; болел я и сам, да и сейчас еще не совсем поправился — и было в общем такое настроение, что хотелось выть, а не письма писать[1]. И по этой причине я так долго не отвечал на Ваше хорошее и искреннее письмо — человеческое письмо, какие редко приходится получать. Простите меня за свинское мое молчание, многоуважаемый... (имени Вашего я так-таки не знаю!).

Отвечу прежде всего на некоторые Ваши вопросы. Лет мне 29 с лишком; четыре года тому назад я кончил У⟨ниверсите⟩т (по юридическому факультету) и до сих пор числюсь помощником прис⟨яжного⟩ поверенного, хотя дел никаких не веду. В «Курьере»[2] начал работать с первого дня его существования — ноябрь ⟨18⟩97 г., до тех пор работал только один месяц в «Московском вестнике»[3] (ныне прекратившемся). Первые два с половиной года я был в «К⟨урьере⟩» судебным репортером, а потом мне предложили писать маленькие фельетоны «Впечатления» (за подписью

«Л—ев») и некоторое время спустя — воскресные фельетоны за подписью Джемса Линча. Первый рассказ мой появился в «Курьере» в апреле ⟨18⟩98 г.; по поводу этого рассказа вступил со мной в переписку М. Горький[4], с которым теперь у нас очень хорошие отношения[5]. Считаю нужным упомянуть об этом потому, что ⟨во-⟩1-х) Горький оказал на меня очень сильное влияние в смысле серьезного и строгого отношения к себе и работе и ⟨во-⟩2-х) он же сократил для меня сроки обычного «испытания», введя меня сперва в «Журнал для всех»[6], а затем в «Жизнь». Вообще это такой удивительно хороший человек — этот М. Горький, — каких я не встречал. Бесконечная доброта, благородная идеализация человека и свободная, смелая душа.

Работа в «К⟨урьере⟩» для меня тяжела. Я совсем не публицист по натуре; ненавижу день с его злобами и вот, с головою, сижу в «проклятых» вопросах о цели жизни, о Боге, о смерти, о нравственности. Писать же мне приходится главным образом о канализации и мостовых. Кроме того, над «Курьером» тяготеет проклятие в виде безмерно придирчивого и глупого цензора Генца[7], который в среднем черкает у меня около 40 % написанного и обесцвечивает остальное (он так и пишет на гранках: «снять краски»). Есть люди, и даже порядочные, которым мои фельетоны нравятся, но для меня они вечный стыд и преступление по отношению к себе и своей мысли. Но выбора и исхода нет, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ нет денег. Строча для денег свои несчастные фельетоны, я тем самым создаю свободу для *единственно* мне дорогого — беллетристики. Ни один рассказ не был написан мною для денег. И я настолько боюсь связывать беллетристику с деньгами, что главным образом поэтому не послал на конкурс в «Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩» своего рассказа «Молчание» (был напечатан в «Ж⟨урнале⟩ для в⟨сех⟩» в ноябре прошлого года)[8].

5 июня

Продолжаю письмо после нескольких дней, в течение коих меня трепала отчаянная лихорадка. Оказывается, что я давно обзавелся лихорадкой, и притом худшею из лихорадок — болотной, и теперь она занялась мной вплотную.

О себе я сказал всё (нужно еще прибавить, что я холост), и теперь мне хотелось бы кое-что узнать о Вас — так же вовсе не из

праздного любопытства. Случай познакомиться так, как это происходит у нас, редок, и им нужно пользоваться. С хорошими людьми так приятно встречаться, и я так рад, что последовал первому своему побуждению и написал Вам. В конце июля я буду, вероятно, в Петербурге — проездом, и если Вы желаете, мы можем с Вами повидаться. В том случае, конечно, если и сами Вы будете в это время в СПб. Но во всяком разе напишите мне, не платя мне тою же монетой за мое молчание. Кончаю письмо, хотя хотел писать много. Но анафемски ослабел от этой потрясучки.

Ваш Леонид Андреев.

Адрес мой; ст. Царицыно, Моск⟨овско⟩-Кур⟨ская⟩ ж⟨елезная⟩ д⟨орога⟩, дача Бурлакова.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 3—6 об. Автограф. Впервые: *РЛ*. 1962. № 3. С. 196—197

[1] О проблемах со своим здоровьем и здоровьем членов семьи Л. Андреев упоминал в письме к М. Горькому от 21 мая 1901 г.: «А у меня тут все последнее время больные: здорово захворала сестра, сам на днях кувыркнулся с велосипеда и расшибся, если от письма будет припахивать йодоформом, то не толкуйте в дурную сторону» (*ЛН—72*. С. 90).

[2] «Курьер» (М., 1897—1904), газета политики, литературы и общественной жизни.

[3] «Московский вестник» (М.,1897—1900), ежедневная газета.

[4] Подразумевается рассказ Л. Андреева «Баргамот и Гараська», опубликованный в начале апреля 1898 г. в «Курьере». В своих воспоминаниях Горький так передал впечатления от рассказа: «От этого рассказа на меня повеяло крепким дуновением таланта, который чем-то напоминал мне Помяловского, а, кроме того, в тоне рассказа чувствовалась скрытая автором умненькая улыбочка недоверия к факту, — улыбочка эта легко примиряла с неизбежным сентиментализмом „пасхальной" и „рождественской" литературы» (цит. по: Там же. С. 365).

[5] Подробнее о взаимоотношениях Горького и Андреева см.. *ЛН—72*.

[6] «Журнал для всех» (СПб., 1895—1906), ежемесячный иллюстрированный научно-популярный и литературный журнал.

[7] А. Р. Генц, цензор Московского цензурного комитета, член Московского комитета по делам печати.

[8] Объявление о литературном конкурсе «Биржевых ведомостей» в связи с двадцатилетним юбилеем газеты было опубликовано 15 июня 1900 г. (1900. 15 июня. № 161. С. 1). В нем сообщалось, что рукописи должны направляться в редакцию под девизами; авторам, не получившим премии, гарантировалась «совершенная тайна их имени»: «Представленные на конкурс рассказы и повести должны быть оригинальны, нигде

не напечатаны и размером приблизительно в один печатный лист». В члены жюри под председательством Д. Л. Мордовцева вошли: А. А. Измайлов, А. А. Коринфский, Вас. И. Немирович-Данченко, Е. А. Салиас, К. К. Случевский, И. И. Ясинский, С. М. Проппер и др. Намечалось присудить 15 премий: первая 1000 руб., вторая — в 600 руб., третья — в 500 руб. и т. д. Андреев предполагал послать на конкурс рассказ «Молчание», законченный им между 1 и 5 мая 1900 г. В августе 1900 г. о своем намерении принять участие в конкурсе он сообщил М. Горькому и В. С. Миролюбову. В письме к Миролюбову начинающий автор разъяснял и мотивы своего решения: «Один рассказ „Молчание" — уже отделанный, послан по совету друзей в „Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩", на конкурс, уж очень захотелось деньгу заработать, да и гордость обуяла» (письмо от 17 августа 1900 г. // Л. Н. Андреев: Письма к В. С. Миролюбову / подгот. К. Д. Муратовой // Литературный архив. Вып. 5. М.; Л., 1960. С. 76). Однако и Горький, и Миролюбов в ответных письмах советовали отказаться от участия в конкурсе. Горький, в частности, сетовал: «Обидно и горько мне, что вы посылаете свой рассказ на конкурс „Биржевых ведомостей" Очень обидно! Нельзя ли как обойтись вам без сих терний?» (*ЛН—72*. С. 72). См. также письмо Андреева к Миролюбову от 30 августа 1900 г. (Литературный архив. Вып. 5. С. 77—78).

3
Андреев — Измайлову
13 октября 1901 г., Москва

13 октября.

Большущее спасибо, дорогой Александр Алексеевич, прежде всего за Вашу книжку[1], а потом за отзыв[2]. Особенно за книжку. К стыду моего ⟨так!⟩ я раньше ничего не читал Вашего и был очень рад увидеть в Вас заправского беллетриста и, судя по тем немногим вещам — которые мне удалось прочесть вчера, истинного художника. Как ни хорош бывает критик, а всё чужой человек — теперь же Вы для меня *свой*, союзник, брат.

Важно!

Пишу коротко, ибо нынче уезжаю в Нижний ⟨Новгород⟩ к Горькому[3] и ужасно тороплюсь. Как приеду — подробно напишу о Ваших рассказах и притом одну правду. Идет?

Ваш Леонид

Посылали Вы в «Курьер» книжку для отзыва?

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 71. Автограф.

[1] Речь идет о первой книге рассказов А. Измайлова «Черный ворон» (СПб., 1901). Возможно, что присланный сборник был ответным даром критика. Известно, что Андреев подарил ему книгу рассказов. Экземпляр с дарственной надписью сохранился в РНБ: «Далекому другу А. А. Измайлову от неаккуратного, но искренно уважающего и преданного автора» (см.. *Кельнер В. Е., Новикова О. П.* Инскрипты литераторов и литературоведов в фондах Российской национальной библиотеки // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 606).

[2] Подразумевается фельетон, посвященный творчеству Андреева и его книге «Рассказов»: *Измайлов А.* Литературные заметки // *БВ.* 1901. 10 окт. (№ 276). С. 2.

[3] Андреев гостил у Горького в Нижнем Новгороде вместе с И. Буниным с 13 октября (*Летопись Горького*$_1$. С. 336). Приглашение см. в письме Горького к Андрееву начала октября 1901 г.: «Приезжайте сюда, дядя, а то письма писать неудобно и расходисто, на марки больно много деньжищ выходит. Приезжайте по железной дороге и привозите ваш новый рассказ» (*ЛН—72.* С. 99).

4
Андреев — Измайлову
30 января 1902 г., Москва

30 января 1902

Дорогой друг. Через неделю я женюсь, а сейчас я всадник без головы, рыщущий по Москве[1]. Отсюда — простите мне мое свинское молчание.

Ваш Леонид Андреев.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 227 Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 1. Автограф. На личном бланке.

[1] В 1902 г. Л. Андреев женился на Александре Михайловне Велигорской; умерла вскоре после рождения второго сына, Даниила, в 1906 г.

5
Андреев — Измайлову
Июль — август 1902 г., Москва

Простите меня, дорогой Александр Алексеевич, за мою исключительную беспорядочность в переписке. Чёрт его знает, куда уходит это проклятое время, но когда ни хватишься, его нет. Сказать

бы, что работаю много, а то и этого нет: злободневного пишу много, а беллетристика моя в загоне. Родятся рассказы в голове и умирают, не выходя из оной, и это порой приводит меня в отчаяние. Для одного душевного покоя разродиться прямо необходимо, не говоря уже о том, что во многие места рассказы обещаны и даже, — mirabile dictu*, — авансы взяты.

И очень, и давно мне хочется написать Вам — ей богу! И именно написать о Ваших рассказах[1]. Жалко, что у нас в «Курьере» есть свой присяжный критик, очень ревнивый к прерогативам своего звания, а то я печатно изложил бы Вам свое мнение. (Ему я уже советовал написать)[2]. Всё же в самом близком будущем я Вам напишу, как и что. И не сердитесь, голубчик, за молчание — оно невольно и нисколько не противоречит самому моему искреннему расположению к Вам. Относительно отзывов печати о моей книжке искренне скажу, что это уже слишком[3]. Какое-то крупное недоразумение. Меня подтянули к потолку, откуда я неминуемо сорвусь. Хорошо я пишу, что и говорить, но я ведь только еще учусь, и дороги ищу, и часто бываю похож на слепого щенка, потерявшего материнскую сиську. Пахнет молоком, а как до него добраться, не знаю. Знаю я свои силы, знаю их к горю моему, и от иных похвал бывает так скверно на душе, как будто я чужую шубу с вешалки стащил.

Вы знаете, мне приходила такая мысль: начать писать под каким-нибудь псевдонимом. К чёрту Леонида Андреева — пусть висит, куда повесят, а я срываться не хочу.

Искренний Ваш друг

Леонид Андреев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 7—8. Авторизованная машинопись. Впервые: *РЛ*. 1962. № 3. С. 197

[1] См. примеч. 1 к п. 3.

[2] Подразумевается В. М. Шулятиков, литературный критик, переводчик с итальянского, испанского, английского, историк философии, публицист.

---

* достойно удивления; как это ни странно (*лат.*).

[3] Выход первой книги рассказов Л. Андреева был встречен многочисленными в большинстве своем положительными отзывами и рецензиями ведущих критиков и публицистов начала XX в. Подробнее см. по указателю в кн.. *Андреев: Б—1.*

6
Андреев — Измайлову
30–31 августа 1902 г., Москва

30–31/VIII 1902[1]

Дорогой Александр Алексеевич!

Большое спасибо за карточку; спасибо и за то, в чем Вы лишь отчасти повинны, — за привлекательность изображенного на ней лица. А то ведь знаете: печальные бывают разочарования у людей, которые заочно сделались друзьями. Со мной был такой казус: по письмам был хороший человек, а когда прислал карточку, я охнул: форменный каторжник. Так теперь и не могу отделаться от этого, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩ лживого, впечатления: возьму письмо в руки, а перед глазами каторжник!

А меня Вы простите, пожалуйста, что редко пишу — существует у меня какое-то органическое отвращение к письмам, как у многих людей, которые любят говорить много и пространно. Известная штука: коротко писать не стоит, а длинно — некогда. В результате — свинство. Я как ночью подумаю иногда о ненаписанных своих письмах — так пот холодный прошибает. И временами мне даже жалко становится, что так много на свете хороших людей — честное слово! А их много, хороших людей, с кем хочется и видеться, и говорить, и быть близким.

Сейчас я сижу на даче, среди ободранных стен, ночью, и чувствую, что на версту кругом нет ничего живого[2] — кроме разве покинутых клопов на пустых дачах. Сижу и тоскую неведомо о чем. То ли о том, что я всё время болен и нервы у меня, как у истеричной дамы; то ли о том, что где-то, когда-то, по какому-то странному случаю я потерял самого себя и никак не могу найти. А может быть, и просто оттого, что у меня насморк и я не слышу, как славно пахнет в парке осенью.

А это факт: всё, что пишу я последнее время, противно мне. Не то чтобы что — а именно противно. Противна «Мысль», которую Вы так расхвалили[3]. Ей-богу, зря. Холодная эта вещь, риторика. Кстати: я ни аза не смыслю в психиатрии и ничего не читал для «Мысли». Противно и всё другое, за что я брался. Написал я тут очень быстро очень большой рассказ «В тумане»[4]; люди очень строгие хвалят его, да и сам я вижу, что ничего — а противно. Противно, да и только. Болезнь это, что ли?

Будет напечатан рассказ очень еще не скоро (в «Жур⟨нале⟩ для всех»), так как нужно отправлять его в Германию для перевода с рукописи — вот как важно![5] — и я коротенько передам содержание. Гимназист убил проститутку. Был он мальчик чистый, но с темпераментом и, как все мальчики, развратился, и это было ему больно. Ибо, как все мальчики, он был влюблен в какую-то гимназистку — самою чистою и возвышенною любовью, с лесом, поэзией и музыкой. А тут он еще заболел трипером. Ну и убил. Случайно: встретился с проституткой, пошел к ней с отчаяния, выпил, подрался с ней — и убил.

Это из написанного. Накатал я тут еще один рассказ, большой, да он мне совсем не понравился. Сложил его в архив, хоть и жалко было работы. А задуманного и начатого — не перечесть. 16 рассказов! 16 рассказов задумано, продумано, начато — и снится по ночам, как ненаписанные письма. Когда напишу — не знаю. А нужно, нужно: там ждут, здесь ждут, везде обещал и везде сердятся. И «Бир⟨жевым⟩ в⟨едомостям⟩» не обещаю, ибо всё равно не исполню.

Читали, конечно, как обругал меня Толстой за «Бездну»?[6] Напрасно это он — «Бездна» родная дочь его «Крейцеровой сонаты», хоть и побочная. Из тех дочерей, что родятся без ведома отца; отец переночевал и ушел, а глядишь — через девять месяцев нечто и родилось. Вообще попадает мне за «Бездну», — а мне она нравится. Вот пойди тут-то! В ней есть одно драгоценное свойство: прямота. Оттого я некоторое время и боялся ее печатать, а теперь жалею, что не могу ее напечатать сто раз подряд.

В бытность в Арзамасе у Горького слышал в его своеобразнейшем чтении своеобразнейшую пьесу «На дне». Дивная вещь, —

«Мещане» перед нею мальчишки и щенки![7] До того хороша, что думал я было сам драму писать, а послушал — и плюнул на свою драму. Молодо-зелено![8]

Очень рад за Вас: родилось у Вас второе дитя, и дай ему Всевышний удачи[9]. Именно удачи. По себе знаю. Сейчас я имею крупный успех, а сложился он так: 1/5 таланта, 1/5 неожиданности и 3/5 — удачи. Той таинственной удачи, которая идет к одним и отвертывается от других, которую нельзя ни предусмотреть, ни поймать, ни схватить за шиворот — а только ждать. И к суду ее притянуть нельзя — царица, дьявол! Помню, в Петербурге, давно, студентом еще, написал я не столько от таланта, сколько от голода рассказ, понес в «Неделю»[10] — и как я ждал! Как я мечтал! Миллион дал бы, чтобы напечатали. Нет, не напечатали. А может, рассказ-то был даже не дурной!

Талант у Вас есть — искренне желаю Вам удачи. Послезавтра в Москву, на зимние квартиры. И начнется та чепуха, что называется жизнью общительного человека. И начнут ходить ко мне авторы, и будет среди них какой-нибудь Л. Андреев, а ему скажу: «не годится. Очень жаль, но не годится. И вообще рекомендовал бы...» И начнется хвороба: день здоров, а три болен. Нервы, раздражительность. А тут шипение обиженных Джемсом Линчем коллег, инсинуации[11]. И трижды проклятая мысль: нет таланта! нет таланта!

Крепко жму руку

Ваш Леонид Андреев.

Москва, Средняя Пресня, д. Гвоздевой.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 11—12 об. Автограф. Впервые: *РЛ*. 1962. № 3. С. 197—199.

[1] Дата проставлена рукой Измайлова с примечанием: «Предположительно (но почти безусловно точно)».

[2] Лето 1902 г. Андреев провел под Москвой на съемной даче в Царицыно.

[3] Имеется в виду отзыв: *Измайлов А. А.* Рассказ Леонида Андреева «Мысль» // *БВ*. Изд. 2-е. 1902. 19 июля. (№ 194). С. 1—2. Критик, в частности, отмечал: «Поражает в рассказе тонкость письма, глубина проникновения и удивительная выдержанность

перспективы ⟨...⟩ Видна огромная, чисто научная подготовка автора к работе, — в мелочах, в штрихах, заметных подчас только для внимательного глаза. Такие реальные до жуткости „записки сумасшедшего" в личной форме — в русской литературе почти исключительны» (Там же. С. 2).

[4] Опубл.. *Андреев Л. Н.* В тумане // Журнал для всех. 1902. № 12. Стб. 1411—1450.

[5] В переводе на немецкий язык рассказ «В тумане» в 1902—1903 гг. вышел в нескольких изданиях. Первое, без ведома автора, появилось в Штутгарте (*Andreyev L.* Im Nebel, und and(e)re Novellen / Aus dem Russischen übersetzt von Elisawetinskaja und Yorik Georg. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1903. 167 s.). О своем недовольстве первым изданием и о подготовке второго Андреев сообщал Н. К. Михайловскому в октябре 1902 г.: «На днях фирма наша (я даже фамилий не помню, что-то вроде „мернефлюндт") выпускает мою книжку по-немецки; это будет уже второе отдельное издание рассказов — первое выпущено без моего разрешения какой-то фирмой в Штутгарте с довольно неудачным подбором рассказов» (Л. Н. Андреев: Письма к Н. К. Михайловскому (1901—1902) / подгот. Н. И. Желтовой // Литературный архив. Вып. 5. М., Л., 1960. С. 60). В письме речь идет о книге: *Andrejew L.* Der Gedanke und andere Novellen / Aus dem Russischen übersetzt von Elisawetinskaja und Jorik Georg. München: Albert Langen Verlag für Litteratur und Kunst, 1903. 165 S.

[6] Отрицательное мнение о рассказе «Бездна» Л. Н. Толстой высказал в беседе с публицистом Ф. Мускатблитом, см.. *М-с* [Мускатблит Ф. Г.]. В Ясной Поляне: Беседа с Л. Н. Толстым // *БВ.* 1902. 31 авг. (№ 236). С. 1. То же: *Musca* [Мускатблит Ф. Г.]. В Ясной Поляне // Одесские новости. 1902. 3 сент. (№ 5736). С. 1. О разговоре с Толстым корреспондент сообщил: «Не нравится Л. Н. и Андреев. Особенно возмущает его „Бездна" — Ведь это ужас!.. Какая грязь... какая грязь... Чтобы юноша, любивший девушку, заставший ее в таком положении и сам полуизбитый, — чтобы он пошел на такую гнусность!.. Пфуй!.. И к чему это всё пишется?.. Зачем?..» (Цит. по: Интервью и беседы с Львом Толстым / сост., вступ. ст. и коммент. В. Я. Лакшина. М., 1986. С. 175).

[7] Андреев навестил Горького в Арзамасе в июле 1902 г. вместе с артистом Московского Художественного театра А. А. Тихомировым (*Летопись Горького*$_1$. С. 393). О своем путешествии по Волге и Каме и о посещении Арзамаса см. его фельетон: *Джемс Линч* [Андреев Л. Н.]. Москва: Мелочи жизни // Курьер. 1902. 28 июля. (№ 206). С. 3.

[8] Андреев упоминает о своих первых малоуспешных драматургических опытах — драме «Закон и люди». Попытки реализовать себя в новом амплуа были неудачными, об этом Горький писал К. П. Пятницкому 15 февраля 1903 г.: «Драму свою он написал не только неумело, но и — бездарно, что, впрочем, сам понимает. Мы ее забраковали — я и Алексин — он согласился с нами и уничтожил. Это хорошо» (*Горький.* Т. 3. С. 154).

[9] Андреев откликается на сообщение Измайлова о подготовленном втором сборнике рассказов «Рыбье слово» (СПб., 1903. 308 с.). См. также п. 9.

[10] «Неделя» — еженедельная газета с приложением ежемесячных «Книжек „Недели"», выходила в Петербурге с марта 1868 по июль 1901 г. (с перерывами). Ред.-изд. В. П. Гайдебуров.

[11] Джемс Линч (или James Lynch) — псевдоним Л. Андреева, которым он подписывал в газете «Курьер» фельетоны из цикла «Москва. Мелочи жизни».

7
Андреев — Измайлову
14 октября 1902 г., Москва

14/ X ⟨1⟩902

Дорогой Александр Алексеевич!

Очень благодарен, что Вы прислали мне это самое интервью[1], в котором оказалось много нелепого. Если Вы найдете, что сделанные мною замечания (особенно конец, имеющий, как мне кажется, известное принципиальное значение) заслуживают внимания, то валяйте, печатайте — а иначе бросьте. И что это за странная подпись: Кертонцев? На мой риск замените ее другою, а Алексеевскому[2] можно сказать, что автор, дескать — обиделся бы.

На Буренина я, ей-богу, плюю. Мне даже приятно. По существу он мой враг, а когда враг бранится, это радует сердце[3].

Горькому, если хотите, я скажу — но не целесообразней ли в смысле успеха было бы поговорить с ним лично. Он будет в СПб. недели через полторы[4]. Но ничего, должно быть, не выйдет, он совсем бросил писать рассказы, и для своего «Кур⟨ьера⟩» я ничего не могу от него достать. Приезжайте на «На дне» — очень, очень приятно будет повидаться[5].

Карточку можно, конечно, пустить Вашу. Такая же будет у меня в немецком издании.

Ваш Леонид Андреев.

Будьте другом, пришлите несколько номерочков интервью.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 13—13 об. Автограф.

[1] Речь идет об интервью Андреева, опубликованном в «Биржевых ведомостях»: [Алексеевский А. П.]. О Леониде Андрееве // *БВ*. 1902. 13 нояб. (№ 310). С. 1. Судя по содержанию письма, интервью было подготовлено именно А. П. Алексеевским.

[2] А. П. Алексеевский, журналист, сотрудник «Волжского вестника», «Курьера», впоследствии редактор газеты «Утро России». Работал с 1899 по 1904 г. вместе с Андреевым в газете «Курьер», вел отдел провинциальной хроники. С 1901 г. Алексеевский — муж сестры Андреева, Риммы Николаевны.

[3] В сентябре — октябре 1902 г. публицист «Нового времени» В. П. Буренин обрушился с резкой критикой на ряд произведений Андреева. В частности, о рассказе «Стена» он замечал: ...это лишь начало „Стены", в которую бьет и лбами и грудями нынешнее распрохудожество или сверх-художество, или чёрт так разберет что такое. Посмотрите, какое идиотство пойдет дальше, какая выкрученная и наглая чепуха» (*Буренин В.* Критические очерки // Новое время. 1902. 27 сент. (№ 9542). С. 2). На рассказ «Бездна» Буренин откликнулся следующим образом: «„Бездна" г. Андреева отнюдь не открытие тайн человеческой души, а именно только пакостный анекдот (...) Какое по истине „гороховое шутовство, какое школьническое недомыслие и недоразумение!"» (Там же. 1902. 4 окт. (№ 9549). С. 2). Реакцией на нападки Буренина отчасти и стала публикация указанного выше интервью; ср.. «Последние вещи молодого беллетриста, встречая горячее сочувствие одних, вызывали во многих и значительное недоумение. Вспомним недавно печатно выраженное одним из критиков недоумение по поводу „Стены" и „Бездны" Считаем небезынтересными следующие замечания их автора, недавно высказанные нам после того шума, какой эти вещи вызвали» (∴ [Алексеевский А. П.]. О Леониде Андрееве. С. 1).

[4] Измайлов, видимо, просил Андреева воздействовать на Горького, чтобы тот дал рассказ для «Биржевых ведомостей». В Петербург Горький прибыл 6 ноября (*Летопись Горького*$_1$. С. 410).

[5] Премьера пьесы М. Горького «На дне» состоялась в Московском Художественном театре 18 декабря 1902 г.

8
Андреев — Измайлову
Начало января 1903 г., Москва

Александр Алексеевич!

Голубчик! Не думайте, что я сержусь, и это было бы отчаянной глупостью и скверностью. Не пишу потому, что недавно родила жена[1], потом заболела, больна и сейчас — не до писем. Как только посвободнеет, напишу и поспорю, ибо совершенно не согласен с Вашей оценкой рассказа[2].

Ваш Леонид Андреев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 1011. Л. 2. Автограф. На листе штамп: Леонид Николаевич Андреев. Москва, Средняя Пресня, д. Гвоздевой. (Здесь Андреев снимал квартиру с сентября 1902 по май 1903 г. и устраивал литературные «понедельники»).

[1] Письмо, вероятнее всего, относится к началу января 1903 г. Речь в нем идет о рождении 25 декабря 1902 г. первого сына писателя — Вадима Леонидовича Андреева.

[2] Подразумевается фельетон: *Измайлов А.* Рассказ Л. Андреева «В тумане» // *БВ*. Утр. вып. 1903. 6 янв. (№ 10). С. 2.

9
Андреев — Измайлову
5 февраля 1903 г., Москва

Дорогой Александр Алексеевич!

Большое спасибо за книгу; тотчас же прочел ее и спешу поделиться свежими впечатлениями.

Две точки зрения на Вашу книгу[1]. Одна — общекритическая. И с этой точки зрения выходит так: Вы превосходный *рассказчик*. У Вас очень красивый, а местами изумительно красивый язык — богатый, гибкий, точный. Рассказ Ваш почти всегда интересен, нет в нем страшного и непобедимого врага — скуки. Бытовые картинки, при некотором их однообразии (у Вас чрезмерно преобладает духовенство), колоритны и ярки. Диалог у Вас очень правдив и в то же время художественно красив — редкое сочетание и громадное Ваше преимущество перед сотнями современных беллетристов. В целом Ваши произведения (я говорю и про первый том) отмечены и резко выделяются из массы книг тем неуловимым и загадочным, что называется — талант.

Вторая точка зрения — моя личная. И выходит по ней так: гомеровским языком Вы рассказываете анекдоты. Обладая редким и прекрасным инструментом, Вы играете на нем мелкие и ненужные вещи. Жаль, когда такой талант, как у Вас, тратится на *голое* бытописательство, скользит по малоинтересной и постоянно меняющейся поверхности жизни, не проникая — словно намеренно — в ее глубину. «Вампир», «Обида», «Корреспонденция», «Три пункта», «Енотовая шуба» — это просто большие анекдоты, усеянные сверху маленькими анекдотиками. Иногда и *быт*, прочно устоявшийся, организовавшийся, неизменный — как быт духовенства, напр⟨имер⟩, — пускает корни в самую сердцевину жизни и дает обильный и благодарный материал не только для драмы, но даже для трагедии — у Вас и здесь нет проникновения в трагическую суть его. От этого у Вас всегда очень хорошо начало рас-

сказа — и как-то плосок, неудовлетворяющ конец. Так и хочется воскликнуть: «и только?» Отдельные, высокохудожественные, до скульптурности фигуры с явным элементом трагического в их душе и судьбе — Афонька Обузин — пропадают совершенно, захлестнутые анекдотичностью[2].

Для примера остановлюсь на рассказе «Волшебный фонарь», очень типичном для высказанного мною. Первая глава — превосходна, хотя и в ней уже есть некоторый шарж (апельсин)[3]. Здесь глубина жизни, здесь незримое веяние трагического — прекрасная почва для истории с фонарем, истории опять-таки трагической в своей реальной правде. Вместо того со второй главы у Вас начинается фельетон, поверхностная шутка, даже лейкинство[4]. Описание самого чтения положительно дурно: в нем есть крайне неприятные нотки высокомерной барственности (стр. 301, 304, 305). Если это правда, то правда поверхности, но не существа. Если среди присутствовавших был хоть один затронутый картинами и чтением, то вся внешняя правда становится ложью. Последняя глава хороша — но была бы превосходна, если бы художественная логика не была нарушена предыдущими главами. В целом это была бы потрясающая картина, не только бытовая, но и общечеловеческая.

Равным образом Афонька (как хорошо описано кладбище!) мог бы вырасти в огромную трагическую фигуру самородка неудачника, если бы весь рассказ не свелся в конце к малоинтересному анекдоту и сам герой не был забыт для купца Дулина.

Есть у Вас два рассказа: «Весенняя сказка» и «Обман», особенно последний, в которых Вы гораздо ближе к трагич⟨ескому⟩ существу жизни, нежели в остальных.

Правда, в смысле красочности и яркости они слабее других (не особенно), но они свидетельствуют о полной возможности для Вас именно с этой стороны подойти к жизни. Не говорю уже о том, что в Ваших фельетонах Вы высказываете полное понимание трагического — следовательно, не в отсутствии философ⟨ского⟩ понимания жизни тут дело. Очевидно, произошла какая-то ошибочка.

Какая?

То ли это нерешительность газетного работника, который не осмеливается стать настоящим беллетристом и шутит, не решаясь плакать? То ли это отголосок бессознательных литературных влияний, среды (журнальной и газетной)?

Вы поймите, голубчик, мою откровенность. Врачи, как и друзья-критики, бывают неоткровенны только с смертельно и опасно больными и больше всего грозят они тем, у кого инфлуэнца. У Вас большой талант и много жизни впереди — к чёрту ошибочку.

О «В тумане» не хочется говорить — надоел он мне хуже горькой редьки[5]. Вместо спора посылаю Вам две вырезочки, с которыми я в значит⟨ельной⟩ мере согласен (за исключением оценки худож⟨ественной⟩, ибо мне «Туман» с этой стороны мне ⟨так!⟩ не нравится). Будьте другом, пришлите их обратно, присовокупив еще один экземпляр Вашей статьи, — Горький собирает их и просит присылать ему[6].

Крепко жму руку

Ваш Леонид Андреев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 14—15 об. Автограф. Впервые: *РЛ*. 1962. № 3. С. 199—200.

[1] Андреев высказывает критические замечания о втором сборнике рассказов Измайлова «Рыбье слово» (СПб., 1903). Его отклик в целом созвучен рецензиям, появившимся после выхода книги. См., например: *Куприн А. И.* [Рец. на:] А. А. Измайлов (Смоленский). В бурсе. СПб., 1903; А. А. Измайлов. Рыбье слово: Повести и рассказы. СПб., 1903 // Мир Божий. 1903. № 7 Отд. 3. С. 78; *Б.* [Рец. на:] А. А. Измайлов. Рыбье слово: Повести и рассказы. СПб. 1903 // Звезда. 1903. № 19. С. 324—325; *И. Н. З.* [Захарьин И. Н.]. [Рец. на:] А. А. Измайлов. Рыбье слово: Повести и рассказы. СПб., 1903 // Исторический вестник. 1903. № 4. С. 348—350; *Забрежнев И.* [Рец. на:] Измайлов А. А. Рыбье слово: Повести и рассказы // Всемирный вестник. 1903. № 3. С. 268—269; и др.

[2] Имеется в виду персонаж из рассказа «Рыбье слово» — Афонька Клычков. Петр Савельич Обузин — герой рассказа «Енотовая шуба».

[3] Подразумевается эпизод из рассказа «Волшебный фонарь»: «Богатиловец ничего не знает и способен удивляться всему, как дитя. Когда однажды лавочник привез из поездки апельсин, — любоваться барским гостинцем явилась вся деревня, и его съели с кожей» (Рыбье слово. С. 294).

[4] Н. А. Лейкин, прозаик, журналист. По определению А. В. Амфитеатрова, «первый газетный увеселитель и любимый комик петербургской публики» (*Амфитеатров А.* Курганы. 2-е изд. СПб., [1909]. С. 285).

[5] Рассказ «В тумане», опубликованный в 1902 г. в декабрьском номере «Журнала для всех», вызвал оживленную дискуссию в прессе, см. подробнее по указателю: *Андреев: Б—2*. Подразумевается фельетон: *Измайлов А*. Рассказ Л. Андреева «В тумане» // *БВ*. Утр. вып. 1903. 6 янв. (№ 10). С. 2.

[6] По-видимому, вырезки с отзывами на рассказ Андреева. М. Горький активно собирал вырезки с рецензиями на свои произведения, а также на произведения Андреева.

10
Андреев — Измайлову
11 февраля 1903 г., Москва

〈11 февраля 1902〉[1]

Дорогой Александр Алексеевич!

Искренне рад Вашему письму — честное слово. Стало быть, можем жить с полным доверием друг к другу.

О «В тумане». Рассказ не нравится мне в художеств〈енном〉 отношении: длинен, в начале сух и искусственен, по языку как-то дробен, незначителен[2]. Довольно слабо выражена и идея: женщина и мужчина, по существу друзья, в силу разных жизненных непорядков мучают друг друга, оскверняют и оба несчастны, становятся врагами. На воспитательное значение рассказ ни в коем случае не претендует. Одна умная дама заметила, что я в рассказе отношусь к читателю так же, как отец Павла к Павлу: не даю исхода. Это правда — но, к счастью или несчастью, — я не отец моих читателей. Кстати: отношения между П〈авлом〉 и его отцом не основа, а только подробность рассказа.

Также подробность и только подробность — болезнь П〈авла〉. Здесь погребена собака. Дело в том, что своею необычностью болезнь резнула непривычный глаз, стала как будто на место целого и для многих нарушила перспективу. Кривое дерево на опушке загородило самый лес. Поставьте подробность эту на свое место — вся картина изменится в Ваших глазах.

Положительно не согласен с Вашей характеристикой проститутки — и моего отношения к ней[3]. Во внешнем отсутствии жалости

к ней больше к ней уважения и сочувствия, чем если бы я солгал и наделил ее ангельским зраком. Разве она так плоха? Она вся проникнута чувством самоуважения. «Не стану лакать кислого пива». «Дал 2 р. — и думает всю женщину купил» — «Не говори о лесе». «Измучили вы меня». «Процентик» и т. п.[4]

Наконец, самая пощечина, к⟨отор⟩ую она нанесла П⟨авлу⟩, — великий знак презрения купленной, измученной женщины к купившему ее мужчине, мучителю. Не П⟨авла⟩ она ударила, а каждого из нас. Кто пользовался ее услугами, кто говорил ей о лесе, а сам... кто любит Катю, а для нее приносит свою болезнь. Смотрите: до сей минуты ни один из читателей не обратил внимания на то, что П⟨авел⟩ шел к женщине больной, неся заведомую для нее заразу. Так велико наше пренебрежение к этим женщинам!

Вот. Много еще мог бы сказать, да... письмо!

Крепко жму руку и желаю Вам, друже, успеха в работе. Вы его найдете —

Бог свят.

Ваш Леонид Андреев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 9—10 об. Автограф. Впервые: *РЛ*. 1962. № 3. С. 200—201.

[1] Дата — рукой Измайлова; проставлена по памяти, год указан неверно.

[2] В письме Андреев отвечает на критические замечания Измайлова, высказанные в фельетоне: *Измайлов А.* Рассказ Л. Андреева «В тумане» // *БВ*. Утр. вып. 1903. 6 янв. (№ 10). С. 2.

[3] Подразумевается следующий пассаж из статьи Измайлова: «Мне не понравился и этот яркий натурализм изображения печальной героини рассказа. Это какой-то сконцентрированный натурализм, квинтэссенция погибшей женщины. Не пощадить ли ее? Лежачего не бьют. Не усугубился ли бы элемент трагического, если бы вместо штрихов исключительно мерзких и отталкивающих прозвучала в ней нотка человечности, а не зверства и животности, нотка страдания, бесповоротной загубленности без вины, просто по ужасу судьбы, тоски отчаяния, жажды забвения всего мучительно пережитого? Маленькая, грязная слеза, блеснувшая в глазу, вместо хриплого голоса, грязных юбок, грязного тела и всего прочего» (там же).

[4] Переданы реплики из рассказа «В тумане».

11
Андреев — Измайлову
26 февраля 1903 г., Москва

⟨26/II 1903⟩[1]

Дорогой Александр Алексеевич!

Хочу воспользоваться Вашей любезностью и просить Вас напечатать в «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостях⟩» следующее письмо[2]. О себе сейчас скажу мало — нездоров. Простуда и нервы.

Ваш Леонид Андреев

Вот и пишите «хорошие» рассказы о сумасшедших, и сам в сумасшедшие попадешь. Обидно!

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 1011. Л. 1. Автограф.

[1] Дата — рукой Измайлова.

[2] Открытое письмо Андреева было направлено против публикации в «Биржевых ведомостях»: [Б. п.]. Леонид Андреев о суде психиатров // *БВ*. Утр. вып. 1903. 20 февр. (№ 90). С. 2. В статье сообщалось о докладе И. И. Иванова «Леонид Андреев как художник-психопатолог» (о «Мысли» прозаика), зачитанном 18 февраля 1903 г. на заседании Общества нормальной и патологической психологии. В докладе утверждалось, что автор «Мысли» сам лечился от психического заболевания, и высказывалось предположение о том, что рассказ написан по опыту пребывания автора в психиатрической клинике. В письме в редакцию «Биржевых ведомостей» (письмо было перепечатано многими газетами, см.. *Андреев: Б—1*. С. 116) Андреев указывал на фактическую ошибку в докладе врача-психиатра (по его словам, он в январе — марте 1901 г. проходил курс лечения, связанный с заболеванием сердца вследствие переутомления) и на недопустимость утверждения связи сюжетов литературных произведений с личной жизнью их авторов. В докладе Иванова было сделано предположение, что «Мысль» написана по поводу пребывания автора в психиатрической клинике, тогда как Андреев проходил, по его словам, курс лечения, связанный с заболеванием сердца вследствие переутомления. См.. *БВ*. Утр. вып. 1903. 27 февр. (№ 103). С. 2. В свою очередь, Иванов в ответном письме (*БВ*. Утр. вып. 1903. 1 марта. (№ 107). С. 1) принес извинения Андрееву, объяснив, что был введен в заблуждение сообщениями прессы.

12
Андреев — Измайлову
20 ноября 1907 г., С.-Петербург

Не совсем здоров. Но так как повидаться очень хочется, а когда буду здоров, не знаю, то заезжайте, пожалуйста, завтра (в середу). Хоть как-нибудь, а то вечная у нас неудача.

Ваш Леонид Андреев
20 ноября 1907 г. Петербург

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 72 — копия письма рукой Алексея Алексеевича Измайлова, брата критика.

13
Андреев — Измайлову
18 февраля 1908 г., С.-Петербург

18 ф⟨евраля 1908 г.⟩

Дорогой Александр Алексеевич!

Ей-богу, в Германии очень много собак, запряженных в повозку, — это просто рабочие собаки, которые возят дрова, овощи, молоко и т. п.[1] Я и сам удивился, увидев такую собаку, и принял за сумасшедших людей, которые ее запрягли — к⟨а⟩к Вы приняли сумасшедшим «меня», думая, что это я запряг.

И поклонился «я» им обоим, человеку и собаке, как всё тем же жертвам «города», обрекающего на рабий труд и делающего мрачным то, что должно быть свободно и весело.

Вы знаете, к⟨а⟩к приятно видеть играющую собаку? И помните, что говорил хотя бы тот же Ницше об «игре»?[2]

Действительно, сумасшествие — запрячь собаку — как запрячь и человека!

Мой герой — сумасшедший... А не представляете Вы себе такого случая (я намерен воспользоваться им для рассказа): сумасшедшие, находящиеся в больнице, внимательно наблюдают врача,

в его поступках и способе мыслить находят резкое несоответствие со своими, искренне хохочут, когда доктор вдруг идет через дверь, а не лезет через окно или трубу, — и приходят к выводу, *что он сумасшедший.*

Довольно занятная комбинация, которая и в жизни, несмотря на свой патологический характер, встречается чаще, чем можно подумать!

По существу я ничего не имею против Вашей точки зрения: у нее то достоинство, что она очень резко и определенно отграничивает моего бедного героя от остальных. Так в свое время отграничили от других героя «Кр⟨асного⟩ смеха», видевшего в войне безумие, — и благословясь, сообща, весьма дружно заперли его в сумасшедший дом[3].

Два только письма в жизни моей написал к критикам — и оба они к Вам.

Жму руку Вашу.

Леонид Андреев

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 16—17 об. Автограф.

[1] В письме Андреев отвечает на критические замечания Измайлова о рассказе «Проклятие зверя» (опубликован в литературно-художественном сборнике «Земля». Сб. 1. М., 1908. С. 9—48): «Здравая логика уже совершенно перестает сопутствовать логике безумца. В самых последних строках, например, передается рассказ о том, как больной на окраине города встретил какого-то незнакомца с собакой, запряженной в повозку (?), и низко поклонился этой собаке, сняв шляпу, „как королеве" Кто у нас запрягает собак в повозки? Кто кланяется собакам, как королевам? Это уж совсем больное, безу́мное, пьяное. Тут нечего делать здоровой логике ⟨...⟩ В таланте Андреева есть черта всегдашней трагической сгущенности, излишней драматизации. Нагромождением ужасов страдает и „Василий Фивейский" и „Красный смех" Протест против города, может быть, мог бы почувствоваться еще сильнее, если бы он шел от человека нормальной психики. Андрееву кажется, что он будет почувствован глубже и ужаснее, если обычное раздражение, вызываемое городом в обычной душе, дать в квадрате и в кубе восприятия уже смертельно раненного мозга» (*Неблагосклонный читатель* [Измайлов А. А.]. Литературные беседы // Слово. 1908. 15 февр. (№ 381). С. 2). О рассказе см. также другой отзыв критика: *Аякс* [Измайлов А. А.]. «Проклятие зверя» Леонида Андреева // *БВ*. Веч. вып. 1908. 6 февр. (№ 10339). С. 4.

[2] В философских построениях Ф. Ницше игра рассматривается как высшая форма проявления заложенного в человеке деятельного начала, «нервоисток творчества», высшая ступень развития творческого духа, условие для созидания новых ценностей.

[3] «Красный смех» Андреева критик рассматривал как образец «патологической литературы». См.. *Измайлов А. А.* Литературные заметки: «Красный смех» Леонида Андреева //*БВ.* Утр. вып. 1905. 4 февр. (№ 8650). С. 2.

14
Измайлов — Андрееву
24 февраля 1908 г., С.-Петербург

Дорогой Леонид Николаевич,

Я очень благодарю Вас за то, что Вы написали мне по поводу моих заметок, в сущности, не стоящих Вашего внимания[1]. Все Ваши письма всегда были для меня радостью. Сейчас это несколько омрачено опасением, что я причинил Вам нечто неприятное. Мне и самому очень хотелось прежде услышать от Вас или через кого-либо, как собственно сами Вы понимали психологию героя «Проклятия зверя». Это и сейчас интересно, хотя уже основное я узнал из Вашего письма. С Вашего позволения, я думаю использовать брошенные в нем мысли для особой статейки, без всякого, конечно, упоминания о том, что они идут от Вас, — в форме хотя бы разговора двоих.

За разъяснение моего недоумения о собаке благодарю. И извиняюсь. Вот, собственно, первый результат «умерщвления быта», оголения психологии и вычеркивания внешних подробностей: я не чувствовал, что с необходимостью надо приурочивать р⟨асска⟩з к загранице. Будь это ясно, — я бы вспомнил Диккенса и догов. Отсюда — ошибка.

Психология безумцев, наблюдающих «безумие» нормальных, — очень интересная вещь. Этот Ваш рассказ может быть прекрасным, ибо псих⟨ологический⟩ замысел его прекрасен. Я, разумеется, об этом не разблаговещу. Что до «Прокл⟨ятия⟩ зв⟨еря⟩», мне казалось, что психологией нормального и крепкого человека ужас города мог бы быть подчеркнутым не менее сильно, — как, по-моему, например, было бы лучше, чтобы сологубовский мелкий бес — Передонов — был бы из нормальных нормальнейшим пошляком и дрянью.

Простите меня, если я доставил Вам своими заметками хоть одну неприятную минуту. Я так глубоко верю в Вашу совершенно исключительную писательскую мощь, в Ваше великолепное буду-

щее, вижу такие залоги этого в прошлом и настоящем, что считаю вправе всех пишущих о Вас быть искренними без всяких соображений и оговорок, и себе позволял и позволяю иногда говорить, что мне показалось неясным, менее сильным, мутным. Я бы душевно хотел, чтобы Ваш путь был безоблачным и сплошь радостным. Если бы когда-нибудь Вы почувствовали потребность воспользоваться мною для какой-нибудь услуги, — Вы доставили бы мне искреннюю радость — извините, что я не мог написать вам правду. Подошли нелепо занятые дни, а написать две-три строки не хотелось.

Искренно преданный Вам

Измайлов.
24 февр⟨аля⟩.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 3—4 об. Автограф.

[1] См. примеч. 1 к п. 13.

15
Андреев — Измайлову

Конец марта — начало апреля 1908 г., С.-Петербург

Дорогой Александр Алексеевич!

Если Вам свободно, прошу Вас ко мне в пятницу, часов в 12. А если к спеху, то можно в четверг, буду до 12 Вас ждать. Очень буду рад повидаться с Вами, хочу Вас просить еще быть у меня в субботу вечером на чтении моего нового «Рассказа о семи повешенных»[1].

Ваш Леонид Андреев

Печатается по: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 1. Автограф. В основной коллекции писем Андреева к Измайлову сохранилась копия этого письма рукой Алексея Алексеевича Измайлова, брата критика (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 72).

[1] 5 апреля 1908 г. в кругу литераторов, художников и общественных деятелей состоялось чтение автором «Рассказа о семи повешенных». Свои впечатления Измайлов изложил в книге «Литературный Олимп» (глава о Леониде Андрееве), см.. *Измайлов А. А.* На первом чтении «Рассказа о семи повешенных» // *Литературный Олимп.*

С. 285—293. См. также другие публикации о рассказе: *Измайлов А.* Новая драма Горького и рассказ «О семи повешенных» Леонида Андреева // *РС.* 1908. 17 мая. (№ 114). С. 2; *Смоленский А.* [Измайлов А. А.]. На первом чтении «Рассказа о семи повешенных» // *НС.* 1909. № 2. С. 14—17

16
Андреев — Измайлову
8 октября 1908 г., Ваммельсуу

Леонид Николаевич Андреев
Териоки, Финляндская ж. д.
Местечко Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

Знаю, что Вы человек очень занятой, — но ведь есть же время, когда Вам хочется отдохнуть? Отчего бы Вам тогда не приехать ко мне[1], поболтать и подышать Финляндией. Только по вечерам я работаю, остальное время свободен, — но у меня есть бумага, есть чернила: отчего бы и Вам у нас не поработать?

Итак, жду — и в ожидании крепко жму руку.

Ваш Леонид Андреев
8 окт⟨ября⟩1908

Если можно, Л⟨еонид⟩ Н⟨иколаевич⟩ просил приехать в воскресенье 12-го — послушать новые вещи его[2].

Ехать нужно до ст. Райвола, оттуда на извозч⟨ике⟩ (1 р.) на Черн⟨ую⟩ речку[3].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 19. Авторизованная машинопись. После даты приписка рукой А. И. Андреевой. На личном бланке.

[1] Дача была построена на участке земли, купленном Андреевым в 1907 г. в Ваммельсуу у Черной речки. Строительством руководил архитектор А. А. Оль, муж сестры писателя. Андреев принимал деятельное участие в проектировании дачи, которая получила от владельца шутливое название «Вилла Аванс», так как считалось (ошибочно), что она была построена на авансы, полученные от издателей. См. также: *Фидлер.* С. 500—501.

[2] Приписка А. И. Андреевой.

[3] На даче писателя состоялось чтение пьесы «Дни нашей жизни», о чем Измайлов сообщил в заметке: *Аякс* [Измайлов А. А.]. Около рампы: Новая пьеса Леонида Андреева // *БВ*. Веч. вып. 1908. 17 окт. (№ 10763). С. 4.

17
Андреев — Измайлову
18 октября 1908 г., С.-Петербург

Конечно, дорогой Александр Алексеевич!

Жму руку[1].

Ваш Леонид Андреев
18.10.1908. СПб.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 73 — копия письма рукой Алексея Алексеевича Измайлова, брата критика.

[1] Вероятно, Андреев отвечает на письмо Измайлова с предложением о встрече. По-видимому, поездка к Андрееву состоялась в конце октября — начале ноября 1908 г., результатом ее стал фельетон Измайлова о повести «Мои записки», см.. *А. И.* [Измайлов А. А.]. Леонид Андреев о своей повести // *БВ*. Веч. вып. 1908. 6 нояб. (№ 10797). С. 3.

18
Андреев — Измайлову
15 января 1909 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

После Вашего отъезда[1] я прочел статью Яблоновского — нечто гнусное[2]. Конечно, в «Русском слове» при наличности *таких* статей я сотрудничать не могу.

Жму руку Вашу

Леонид Андреев
15 января 1909

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 20. Автограф.

[1] Измайлов посетил Андреева 15 января 1909 г.; возможно, речь идет именно об этом визите. Запись о встрече сохранилась в альбоме критика: «Б⟨ыл⟩ у него в Райв⟨ола⟩ 15 янв⟨аря⟩ 1909 с Рославл⟨евым⟩. Ночь не спали. Читали „Анатэму"» (Альбом: Измайлов А. А. «Дела и люди. (Заметки современника)» // РГАЛИ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 23 об.). См. также примеч. 2 к п. 21.

[2] С. Яблоновский (наст. фам. С. В. Потресов), поэт, публицист и театральный критик. Начал печататься с 1893 г. в «Приазовском крае», затем в «Южном крае», с 1901 по 1918 г. — соредактор в газете «Русское слово». После 1920 г. в эмиграции. Похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. Речь идет о статье: *Яблоновский С.* [Потресов С. В.]. Не по поступкам поступают // *РС.* 1909. 10 янв. (№ 7). С. 3.

19
Измайлов — Андрееву
22 января 1909 г., С.-Петербург

Дорогой Леонид Николаевич,

Я поджидал появления своей статейки в «Рус⟨ском⟩ слове», ч⟨то⟩ б⟨ы⟩ послать Вам всё вместе[1]. Простите медлительность.

Статейки Яблон⟨овского⟩[2] я так и не успел прочесть и не знал, в чем дело. О Вашем письме я, конечно, осведомил, кого следует.

Бурдес[3] на этих днях обещал послать Вам сведения о граммофонных изданиях еврейских песен.

Шлю душевный привет.

Ваш А. Измайлов.
22. I. 1909

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 1—1 об. Автограф. На личном бланке.

[1] Подразумевается статья: *Измайлов А.* Новая драма Л. Андреева // *РС.* 1909. 21 янв. (№ 16). С. 2—3.

[2] См. примеч. 2 к п. 18.

[3] Б. П. Бурдес, переводчик и журналист, корреспондент «Биржевых ведомостей» в Лондоне. Возможно, речь идет о граммофонных записях знаменитых канторов Йосефа Розенблатта, Мордехая Гершмана, Шлоймеле Ротштейна, Гершома Сироты и др. вышедших в 1908 г.

20
Андреев — Измайлову
11 сентября 1909 г.

Дорогой Александр Алексеевич!

Всё позабываю попросить Вас: нельзя ли высылать мне «Биржевые в⟨едомости⟩»?

Буду очень благодарен Вам, если устроите это.

Жму Вашу руку.

Леонид Андреев.
11 сент⟨ября⟩ 1909

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 132. Л. 1. Автограф.

21
Андреев — Измайлову
15 октября 1909 г., Ваммельсуу

⟨15 октября 1909 г.⟩[1]

Дорогой Александр Алексеевич.

Мне не хочется писать писем в редакцию, а вместе с тем нужно кое-что опровергнуть. Вот и решаюсь прибегнуть к Вашему любезному содействию, которое Вы мне обещали. Опровержение лучше всего дать в «Русском слове», так как дело касается главным образом Москвы.

Во-первых. Очень неприятны газетные слухи о том, что я недоволен постановкой «Анатэмы» в Художественном театре[2]. Говорил я о своем недовольстве только в частной беседе, и как это попало всё в печать — не знаю. Дело же в том, что хоть я и недоволен постановкой, но Худож⟨ественный⟩ театр сам по себе настолько крупный художник, работы его настолько добросовестны и серьезны, что ограничиться простым и легкомысленным выражением недовольства было бы нелепо. Именно на это, на мое уважительное отношение к театру и его работе нужно указать. Самое выражение «недоволен» является неподходящим — не согласен, да. И будь в том

настоятельная надобность, я мог бы написать очень большую статью, разобрать в ней не только постановку «Анатэмы», но и других пьес и выяснить, в каком именно пункте существует принципиальное разногласие между театром и мной.

К критике Худож‹ественного› театра нужно подходить очень серьезно, с большою осторожностью, а не с кондачка. Приписываемое же мне заявление: «я недоволен постановкой» — припахивает хлестаковщиной.

Во-вторых. Газеты рассказывают какую-то нелепую историю о происхождении «Анфисы»: будто есть под Москвою какая-то семья, из которой я и взял моих трех сестер. Это живейший вздор. «Анфиса» сочинена, т. е. взяты кое-откуда из разных мест и от разных лиц отдельные штрихи и скомбинированы в целое[3].

Ах, как хотелось бы душевно поговорить с Вами о литературе. Приезжайте! За книгу большое спасибо[4]. На днях с надписанием вышлю свою.

Каким позорищем был спектакль! У меня до сих пор изжога от перевранного Самойловым текста и от всей этой жестокой бессмыслицы, которую выдали они за «Анфису»[5]. Предложение, в котором нет ни подлежащего, ни сказуемого, а одни только обстоятельства места.

Жму Вашу руку.

Леонид Андреев

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 22—23 об. Авторизованная машинопись.

[1] Дата — рукой Измайлова.

[2] «Анатэма» — трагическое представление в семи картинах (1908). Премьера состоялась в Московском Художественном театре 2 октября 1909 г. (режиссеры Вл. И. Немирович-Данченко и В. В. Лужский). В Петербурге была поставлена в Новом драматическом театре, премьера прошла 27 ноября 1909 г. (режиссер А. А. Санин). В ряде газет появились корреспонденции, в которых со ссылкой на слова Л. Андреева говорилось о недовольстве автора постановкой «Анатэмы» в Московском Художественном театре и о его желании «реабилитировать» пьесу инсценировкой одного из петербургских театров; см.. *Мы* [Кугульский С. Л.?]. У рампы // Новости сезона. 1909. 8 окт. (№ 1826). С. 8; [Б. п.]. Хроника // Обозрение театров. 1909. 15 окт. (№ 875). С. 10. Опроверже-

ние, с цитатами из письма Андреева, с указанием необходимости с большой осторожностью подходить к критике Московского Художественного театра, об искреннем уважении автора к этому театру; о разнице между «не доволен» постановкой «Анатэмы» и «не согласен» было опубликовано 17 октября в «Русском слове»; см.. [Б. п.] [Измайлов А. А.]. Л. Н. Андреев об «Анатэме» и «Анфисе»: (По телефону от нашего петербургского корреспондента) // *РС*. 1909. 17 окт. (№ 238). С. 5.

[3] Подразумеваются корреспонденции, в которых сообщалось о «реальных прототипах» действующих лиц пьесы «Анфиса», о некой семье, живущей под Москвой, см.. [Б. п.]. Происхождение «Анфисы» // Обозрение театров. 1909. 12 окт. (№ 872). С. 8; *Свой*. У рампы // Новости сезона. 1909. 10—11 окт. (№ 1828). С. 7

[4] Вероятно, имеется в виду книга: *Измайлов А. А.* Кривое зеркало: Пародии и шаржи. СПб., [1908]. [4], 182 с.

[5] Драма Андреева «Анфиса» впервые опубликована в альманахе «Шиповник» (1909. Кн. 11. С. 137—245). Премьера спектакля состоялась в Петербурге, в Новом драматическом театре 10 октября 1909 г. Актер П. В. Самойлов исполнял роль Федора Ивановича Костомарова. Подробнее об этом см.. *Якобсон В. П.* Павел Самойлов: Сценическая биография его героев. Л., 1987 С. 140—152.

22
Андреев — Измайлову
29 октября 1909 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

Спасибо за дружеское письмо. Но только никогда не думайте, что я могу обидеться — пишите неодобрительно, пишите резко, ругайте, и я всё же ни на минуту не усумнюсь ⟨так!⟩ в добром Вашем отношении, и горечи не почувствую.

Всё время жду Вас к себе. Хочется о многом поговорить, в частности и о том, чему посвящено прилагаемое «письмо в редакцию». Будьте другом, тотчас по получении, напечатайте его в утренних «Биржевых ⟨ведомостях⟩» и передайте в «Русское слово» сами[1].

Очень важно, чтобы до напечатания письма не узнали о нем редакторы и издатели. Они скопом явятся ко мне, и так к⟨а⟩к сердце у меня не «железное», то я и сдамся. Письмо же — факт, перед которым сдадутся они.

Причины? Поговорю о них при свидании, хотя уверен, что Вы и так знаете их[2].

Чувствую себя лучше, чем когда-либо. Работаю. От постановки «Анатэмы» у Леванта, т. е. от личного участия в постановке, я от-

казался, в С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨ург⟩ больше не езжу[3]. От издателей убежал — впереди свобода, работа, отдых! Здорово!

Жму крепко руку Вашу и жду всё к себе. И жене хочется повидаться с Вами. Представьте — не только я, но даже и она, женщина не рассудительная, нисколько не обижена на Вас. Это — многознаменательно!

По-видимому, она хочет доказать Вам, что «Сын человеческий» вещь великолепная[4]. И я согласен с нею. Недавно, по одному случаю, взял рассказ — «и не мог оторваться до утра», как пишут благожелательные критики, намекая очевидно на то, что они спали с книгой в постели. Серьезно — очень хороший рассказ.

«Анфиса» же — дрянь. Но не потому, почему пишут, а потому, о чем я знаю сам, — и поговорю при свидании.

A rive derce, signor! *

Леонид Андреев

(величайший злодей XX века, набравший авансов, надувший издателей, надувший читателей, удравший при жизни в нирвану, автор «Анфисы», создатель презервативов, друг Сатаны, враг Бога и человека Л⟨еонид⟩ А⟨ндреев⟩).

Дома не буду только в понедельник.

Считаю своим долгом извиниться перед читателями и редакциями альманахов, журналов и газет, которым я обещался в ближайшем будущем дать свои произведения («Шиповник», «Современный мир», Сборник печатников в Москве под редакцией Н. Д. Телешова, «Русское слово» и нек. др.). По причинам, говорить о которых нахожу неудобным, в нынешнем году (академическом) я своих произведений не печатаю.

Леонид Андреев.
29 октября 1909. Ваммельсуу.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 24—26. Автограф.

---

* До свидания, милостивый государь! (*ит.* — arrivederci).

[1] Письмо Андреева с авторской датой — Ваммельсуу, 29 октября 1909 г. — было опубликовано в «Биржевых ведомостях» (Утр. вып. 30 окт. (№ 11390). С. 6.), «Русском слове» (31 окт. (№ 250). С. 5), газете «Речь» (31 окт. (№ 299). С. 5).

[2] О причинах временного отказа Андреева от литературной деятельности подробно сообщено в статье Измайлова «Леонид Андреев у Льва Толстого»: «Л. Н. Андреев возвратился из своего крымского путешествия в Райвола, на Черную речку. Всё время путешествия было для него отдыхом в истинном смысле. К огорчению всевозможных издателей и многочисленных редакторов, мы можем сообщить, что за это время он не написал решительно ничего. В портфеле его имеется только одна законченная вещь, пьеса „Gaudeamus", но и та написана еще до поездки. Всё время Андреев не брал пера в руки, избегал даже переписки, всецело отдаваясь двум своим увлечениям: сначала написанию масляными красками, теперь цветной фотографии. В Алупке он жил совершенно отшельником, в стороне от городского шума, избегая знакомств. За это время около него не суетились издатели и альманашники, к нему не приходили начинающие с требованием определить, есть ли у них талант, и его не засыпали письмами об оказании денежной помощи» (*Аякс* [Измайлов А. А.]. Леонид Андреев у Льва Толстого // *БВ*. Веч. вып. 1910. 30 апр. (№ 11689). С. 4—5).

[3] Пьеса Л. Андреева «Анатэма» была поставлена в Новом драматическом театре (театр А. Я. Леванта). Премьера состоялась 27 ноября 1909 г. (режиссер А. А. Санин).

[4] Вероятно, Андреев имеет в виду критические высказывания Измайлова о рассказе «Сын человеческий» (опубликован в альманахе изд. «Шиповник». 1909. Кн. 9. С. 161—191): *Измайлов А. А.* Сын человеческий: (Новый рассказ Леонида Андреева) // *БВ*. Утр. вып. 1909. 8 мая. (№ 11095). С. 3. См. также пародию: *Измайлов А. А.* Сын человеческий, или Роковой граммофон: (Из книги пародий) // *PC*. 1909. 10 мая. (№ 105). С. 3.

23
Андреев — Измайлову
8 ноября 1909 г., Ваммельсуу

Конечно, дорогой Александр Алексеевич, — в воскресенье, понедельник и т. д., когда Вам удобно. Вот только час — приезжайте с поездом, который из С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨урга⟩ в 12—15 ч., а то у меня нынче строгий режим, врачи велят гулять.

Ваш Л. А⟨ндреев⟩.
8. 11. 1909 г.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 1. Л. 3. Автограф. В основной коллекции писем Андреева к Измайлову сохранилась копия этого письма рукой Алексея Алексеевича Измайлова, брата критика (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 73).

24
А. И. Андреева — Измайлову
Начало января 1910 г., Ваммельсуу

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Посылаю Вам телеграмму одного из многих антрепренеров, ввергнутых в тоску снятием «Анатэмы»[1].

А газеты!

Даже хвалить начали — совсем как покойника!

Но все и со всех сторон так уж покорно, уже так смиренно принимает эту кару, словно она от памяти Гамлета.

Хоть Вы возмутились бы!

Всего Вам лучшего

Анна Андреева

Ф. Ф. Фидлер[2] пишет, что весной он с Вами вместе собирается навестить нас — может, Вы, Александр Алексеевич, соберетесь раньше? Через два дня едем в Москву и будем 25 здесь.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 1—1 об. Автограф.

[1] С января 1910 г. «Анатэма» была запрещена к постановке в театрах России (см. примеч. 3 к п. 26).

[2] Ф. Ф. Фидлер навестил Андреева в Ваммельсуу в день его рождения 9 августа 1910 г. О поездке он оставил большую запись в дневнике; см.. *Фидлер.* С. 537—541.

25
Измайлов — А. И. Андреевой
16 января 1910 г., С.-Петербург

Искренноуважаемая Анна Ильинична,

Очень благодарю Вас за добрые строки, а Л⟨еонида⟩ Н⟨иколаеви⟩ча за привет.

Да, если бы комета Галлея[1] была причиной запрещения «Анатэмы», я непременно сделал бы выходку против нее, хотя бы в каком-

нибудь шарже. Вам лучше, чем кому-либо, известно, что запрещение идет выше, чем с кометы Галлея, а, живя в России, неудобно ссориться, по крайней мере, с одним человеком, — с русским царем.

Насоветовал ему это, правда, мой товарищ по академии, Феофан[2], но теперь уж ничем этому не помочь.

Искренно сочувствую Вам. Говоря без шуток, это же настоящее горе, к счастью, неспособное всё же Вас разорить[3].

Счастливого пути — в Москву.

Душевно преданный Вам

И⟨змайлов⟩.
16/1 — 1910
С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨ург⟩.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 269. Л. 1—2. Автограф.

[1] Ожидание кометы Галлея, через хвост которой Земля прошла 19 мая 1910 г., сопровождалось бурным обсуждением в прессе за несколько месяцев до самого события.

[2] Феофан, архиепископ (в миру Василий Дмитриевич Быстров), неофициальный духовник царской семьи. Окончил курс СПбДА на год раньше Измайлова в 1892 г.

[3] Ср. запись от 26 марта 1911 г. в дневнике Ф. Ф. Фидлера: «Вчера, в три часа дня, пришел Леонид Андреев ⟨...⟩ Я спросил, велик ли ущерб, причиненный ему запретом на постановку „Анатемы" „Да не менее двадцати пяти тысяч. Царь смотрел пьесу, и сомнение у него вызвала лишь одна сцена: въезд Давида Лейзера (въезд Христа в Иерусалим); но ему пришлось уступить давлению со стороны Союза русского народа. Вы только подумайте, во что обошлись мне запреты на постановку 'Океана', 'Саввы' и 'К звездам!'"» (*Фидлер*. С. 553—554).

26
Измайлов — Андрееву
10 февраля 1910 г., С.-Петербург

10/II

Дорогой Леонид Николаевич,

Час пробил, и я беспокою Вас всё по тому же делу о «Литер⟨атурном⟩ Олимпе»[1]. Книжка уже печатается, Ваш портрет и ваши строки, обещанные Вами мне, уже необходимы. Если бы еще и «кривую»[2]. Бесконечно обязали бы!

Какая кровавая чепуха с Гермогеном и «Анатемой»![3]
Искренно Ваш

А. Измайлов

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 5. Автограф.

[1] Измайлов просил Андреева предоставить фотографию и автограф произведения для книги «Литературный Олимп» (1911). Автограф, переданный Андреевым для издания, — начало пьесы «Океан» (1911).

[2] По-видимому, просьба о подписи на автографе.

[3] Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганов), епископ Саратовский (с 1903 г.). Выступал с резкой критикой модернистских тенденций в литературе и театральной жизни; крайне негативно оценил пьесу Андреева «Анатэма» в своей проповеди, призвав уберечь русское юношество от «темной и злой силы»; направил в Св. синод ходатайство о запрете пьесы. Автор брошюры: *Гермоген*. Нынешние последователи «Анатэмы» и его крамолы: (О современной упорной проповеди разврата и безбожия, как очевидной форме усиленного злостного движения к общей анархии и разрушению основных жизненных сторон в обществе и государстве: Литература: Театр: Пьесы: «Анфиса» и «Анатема»). Саратов, [1910]. 11 с. Выступление епископа Гермогена с резким осуждением содержания пьесы широко освещалось в прессе в январе 1910 г. Развернутая против Андреева кампания привела к запрещению ее постановки в театрах России уже с января 1910 г. (Подробнее см.. Л. Андреев: Письма к А. П. Алексеевскому / публ. В. Н. Чувакова // *Ежегодник РО ПД* на 1977 г. СПб., 1979. С. 189). Репрессивные инициативы Гермогена вызывали недоумение даже у представителей церкви; ср., например, высказывания протоиерея А. П. Устьинского в письме к В. В. Розанову от 12 декабря 1911 г.: «По газетным известиям, Гермоген Саратовский представил в Синод доклад об отлучении от Церкви целой группы писателей, в числе которых названо и Ваше имя, а равно имена Мережковского и Философова. Что это он: белены объелся или страдает белой горячкой? Что это такое: комедия или балаган с петрушкой? Куда девалась серьезность у нынешних членов Синода? Какие-то скоморохи, а не святители ⟨...⟩ В „Русском слове" от 10 декабря передается о заседании Комиссии по этому вопросу, в которой Гермогену очень дельно и убедительно, хотя и недостаточно глубоко и основательно, возражал Антоний Храповицкий» (НИОР РГБ. Ф. 249. Карт. М4209. Ед. хр. 13. Л. 41—41 об.).

27
А. И. Андреева — Измайлову

Начало августа 1910 г., Ваммельсуу

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Приезжайте к нам в понедельник, 9 августа, День рождения нашего писателя[1]. И потолкуете и «Gaudeamus» найдется[2]. Я бы вы-

слала Вам единств⟨енный⟩ имеющийся экземпляр, но финская почта очень медлительна, а в понедельник Вы заберете его с собой. Так надежнее.

Всего Вам лучшего

До скорого свидания. Леон⟨ид⟩ Ник⟨олаевич⟩ начал работать и шлет Вам привет.

Уважающая Вас

А. Андреева

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 2. Автограф.

[1] Судя по всему, Измайлов не воспользовался приглашением посетить писателя в день его рождения. Ср. запись от 9 августа 1910 г. в дневнике побывавшего в тот день у Андреева в Ваммельсуу Ф. Ф. Фидлера: «Получив любезное письменное приглашение, отправился сегодня в Райвола, а оттуда — Ваммельсуу (Черная Речка) к Леониду Андрееву. Он как раз праздновал свой день рождения (39 лет), но из писателей не было никого...» (*Фидлер*. С. 537).

[2] «Gaudeamus» — комедия из студенческой жизни в 4 действиях, впервые опубликована: Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1910. Кн. 13. С. 57—125; отдельно вышла в издании журнала «Театр и искусство» (СПб., 1910. 179 с.). В письме речь идет о предоставлении Измайлову экземпляра произведения Андреева для ознакомления с содержанием и изложения его на страницах «Биржевых ведомостей».

28
А. И. Андреева — Измайлову
19 августа 1910 г., Ваммельсуу

19 авг⟨уста⟩

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Посылаю Вам только что полученный цензурный экземпляр. Цензура коснулась лишь нескольких фраз, существенного значения не имеющих. Л⟨еонид⟩ Н⟨иколаевич⟩ просит никому не передавать.

Всего лучшего

Уважающая Вас

Анна Андреева.

Приезжайте к нам.

Между прочим, за названием «Gaudeamus» повсеместно следует «*продолжение*» «Дней нашей жизни».

«Продолжение» придумали сами газетчики[1].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 3—3 об. Автограф..

[1] Пьеса Андреева «Дни нашей жизни» была впервые опубликована в 1908 г. в сборнике товарищества «Знание» (СПб., 1908. Кн. 26. С. 1—128). Подразумеваются заметки с сообщениями о постановке пьесы: [Б. п.]. [Б. з.] // Театр. 1910. 18—21 июля. (№ 669). С. 20; [Б. п.]. Смоленский вестник. 1910. 14 авг. (№ 177). С. 1; [Б. п.]. Обозрение театров. 1910. 22 авг. (№ 1153). С. 21; и др.

29
А. И. Андреева — Измайлову

25 августа 1910 г., Ваммельсуу

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Л⟨еонид⟩ Н⟨иколаевич⟩ очень извиняется перед Вами, т. к. не в его намерениях было подводить Вас. Людям вообще свойственно делать свинство — так поступили в Москве, где было условлено и много раз повторялось, что о «Gaudeamus»'е должно появиться по крайней мере *одновременно* и в Петербурге. Что поделаешь теперь![1]

Л⟨еонид⟩ Н⟨иколаевич⟩ шлет Вам привет

Уважающая Вас

Анна Андреева

25 авг⟨уста⟩.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 4. Автограф.

[1] По-видимому, речь идет о договоренности, согласно которой публикация содержания пьесы «Gaudeamus» должна была состояться в «Биржевых ведомостях» раньше, чем в других изданиях (см.. [Б. п.]. «Gaudeamus»: Новая пьеса Леонида Андреева // *БВ*. Веч. вып. 1910. 26 авг. (№ 11886). С. 3—4). Однако изложение комедии было помещено многими изданиями одновременно и даже раньше появления заметки «Биржевых ведомостей». См.. *Андреев: Б—2*. С. 343—345.

30
А. И. Андреева — Измайлову

28 августа 1910 г., Ваммельсуу

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Л⟨еонид⟩ Н⟨иколаевич⟩ посылает для воспроизведения начало трагедии своей «Океан»[1]. В скором времени и вся будет готова. Он крепко жмет Вашу руку и просит принять глубокое сочувствие свое.

Я с ним.

Уважающая Вас

Анна Андреева
28 авг⟨уста⟩.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 5. Автограф. На личном бланке Л. Н. Андреева.

[1] Речь идет об автографе для статьи о творчестве Андреева в книге «Литературный Олимп», в которой было воспроизведено начало пьесы «Океан» (1911). Пьеса закончена в конце 1910 г. и выпущена отдельной книгой с рисунками Б. Анисфельда (СПб.. Прометей, 1911. 142 с.).

31
Андреев — Измайлову

4 сентября 1910 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич.

Меня поразило это невероятное хамство со стороны Сытина: воистину творится в литературе что-то небывалое[1].

В прошлом году, забастовав[2], я немедленно послал ему письмо такого содержания: «беря у вас аванс, я не знал, что не буду работать. Теперь обстоятельства сложились именно таким образом, и я предлагаю вам — либо получить обратно аванс, либо подождать до будущего года рассказ».

На это письмо ответа я не получил и, естественно, принял это за согласие.

И вот теперь, когда я как раз намеревался приступить к рассказу для «Русского слова», мне присылается Сытиным требование в такой непозволительно грубой и дико оскорбительной форме. Мне, человеку, который еще год тому назад сам предлагал возвратить аванс, мне, Андрееву, — грозят присяжным поверенным!

Немедленно высылая деньги Сытину, я в письме к нему отказываюсь от всякого сотрудничества в «Русском слове». Это письмо к Вам не составляет секрета, так что, как с содержанием его, так и с формой, Вы можете познакомить Сытина и вообще, кого пожелаете.

Мне очень хотелось бы повидаться с Вами.

Леонид Андр⟨еев⟩

P. S. Посылаю копию письма к Сытину[3]. Кстати, в прошлом году я возвратил аванс 1000 р. гр⟨афине⟩ Бобринской ввиду *прекращения ею издания*[4]. Другими словами, даже не по моей вине. И что опять-таки удивительно: без малейших угроз судом.

Что делается, что делается! Лгут, клевещут, сажают меня в сумасшедший дом — не литература, а дом терпимости, арестантская рота![5]

4 сентября 1910 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 28—29 об. Авторизованная машинопись.

[1] Подробное изложение в письме конфликта связано не только с тем, что критик работал в газете И. Д. Сытина. В 1909 г. Измайлов оказал посильное содействие в установлении творческих связей Андреева с редакцией «Русского слова». Сохранилось его пространное письмо к Сытину от 19 сентября 1909 г., из которого проясняются и условия сотрудничества Андреева с издательствами и перспективы его участия в «Русском слове»:

«Дорогой Иван Дмитриевич,

Сегодня говорил с Андреевым и по тому, как он отнесся к разговору, и по прямым его словам я могу заключить, что дело его с Вами без *сомнения* кончится положительным результатом.

О Вас лично и о Вашей фирме он самого лучшего мнения, и с того начал, что Ваше предложение ему чрезвычайно приятно.

С „Шиповн⟨иком⟩" он связан контрактом на 3 года, по к⟨ото⟩рому должен отдавать на *отдельное* изд⟨ание⟩ всё свое туда. Теперь до истеч⟨ения⟩ контракта остается полтора года. В случ⟨ае⟩ измены — неустойка в 5 тыс. р. Задолженность его пред фир-

мою — тысяч 10. Соч⟨инения⟩ его печатались в настолько умеренном количестве, что теперь остается 1000—2000 его 6-го томика (изданы два, 5-й и 6-й). 5-го уже почти нет. Готовится новое изд⟨ание⟩, к⟨ото⟩рого он может не делать.

Порвать контракт он мог бы в любую минуту. Материально это стоит немного. Но нравственно он не хотел бы делать этого. К фирме он питает доброе чувство, а его уход погубил бы ее, что и соверш⟨енно⟩ верно.

Что до „Знания", то там изданы 1—4 томика и в огромном количестве еще остаются, — до 50 тыс. экз⟨емпляров⟩, по словам Пятницкого. От него надо было бы книги выкупить (по его мнению, они стоили бы 10 тыс. р.). Всё это цифры — не точные, а приблизительные.

Войти с Вами в намеченные Вами отношения он вполне готов. С охотою он станет в те отнош⟨ения⟩ к „Р⟨усскому⟩ сл⟨ову⟩", какие Вы намечали приблизительно, т. е. обязательство давать в год газете три р⟨асска⟩за или большую вещь и предоставить фирме эксплуат⟨ировать⟩ св⟨ои⟩ сочинения, при жалованье.

Но насчет „Шиповн⟨ика⟩" нужно сговориться и выяснить, к⟨а⟩к бы мож⟨но⟩ было бы с ним кончить, не губя его. Я понял так, что мож⟨ет⟩ быть сокращение срока изд⟨ания⟩ 1 ½- годового в более короткие.

Вещь (р⟨асска⟩з) для „Р⟨усского⟩ сл⟨ова⟩" он готов дать в декабре. Если же Вам угодно, он мож⟨ет⟩ сейчас же дать Вам свою новую, только что конч⟨енную⟩ драму „Анфиса" (известна под назв⟨анием⟩ „Господин") для напеч⟨атания⟩ в „Р⟨усском⟩ сл⟨ове⟩" Право отдельного изд⟨ания⟩ до выяснения должно остаться за „Шиповн⟨иком⟩" В пьесе *неск⟨олько⟩ больше 4-х печ⟨атных⟩ листов.* Отдавать вещь ниже 1000 р. за лист, что он имеет в „Шип⟨овнике⟩", он не может.

Сейчас он затруднен денежно и оч⟨ень⟩ просил меня просить Вас или вообще об авансе под свою вещь (положим, рассказ) или, еще лучше, под „Анфису", которую мог бы сейчас же Вам вручить законченною. *Если бы можно было сейчас целиком получить за нее 4 тысячи, это совершенно устроило бы его, а мне думается, и завершило бы дело соглашения с ним во всём остальном.*

27-го он будет в Москве, и сам Вам потелефонит. — О Вашем решении на счет аванса телеграфируйте мне (В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩, 17 лин⟨ия⟩, 70) или ему (Александровский просп⟨ект⟩, д. 21, кв. 41). *Ему нужно платить по векселям 25-го,* и он очень обеспокоен. В крайн⟨ем⟩ случ⟨ае⟩, просил о 2 тысячах.

Я бы советовал вещь взять. „Анатема" разогреет интерес, и дать новую его драму в дек⟨абре⟩ или янв⟨аре⟩ — великолепно.

Ваш душою

А. Изм⟨айлов⟩.

P. S. Завтра, 20-го, я слушаю чтение „Анфисы" и, если угодно, — завтра, значит, у меня будет личное о ней мнение.

Из разговора вывел заключ⟨ение⟩, что дела „Шип⟨овника⟩" неважны, — даже затягивают ему жалованье» (НИОР РГБ. Ф. 259. Карт. 14. Ед. хр. 74. Л. 3—4 об.).

[2] См. примеч. 2 к п. 22.

[3] Копия письма Сытину сохранилась в архиве Измайлова. Приводим его полностью.

«Иван Дмитриевич.

В прошлом году, заявив в газетах о том, что в течение некоторого времени я печататься не буду, я послал Вам письмо следующего содержания: „Беря в 'Русском слове' аванс, я не знал, что в течение года я не буду печататься. Теперь обстоятельства сложились именно таким образом и поэтому я считаю своим долгом предложить Вам на выбор либо получить обратно данный мне аванс, либо подождать рассказа до будущего года"

Ответа от Вас я не получил.

И вот теперь, когда я как раз намеревался приступить к написанию обещанного рассказа, я получаю от А. А. Измайлова такого рода письмо:

„Сейчас наступил срок, когда 'Русское слово' должно получить от Вас рассказ, после отсрочки. На последнем собрании товарищество решило обратиться к Вам через меня, как лицо, которое оно считает ответственным в этом деле, — с просьбою или осведомить его в ближайшем времени, что рассказ Ваш будет в распоряжении редакции на протяжении сентября, или возвратить выданные авансом под него 2 тысячи. *В случае противном оно решило передать дело своему присяжному поверенному*"

Позвольте узнать, Иван Дмитриевич: кто дал Вам право сомневаться в том, что я немедленно возвращу аванс, после того как я сам предлагал сделать это? Кто дал Вам право обращаться к писателю моего имени с угрозами присяжным поверенным. И вообще, кто дает Вам право обращаться так с писателями?

Литература не базар и не торговые ряды, Иван Дмитриевич. И то, что допустимо на базаре, никак не допустимо в среде писателей. Но даже и в коммерческих сношениях никто, себя уважающий, не грозит судом тому кредитору, *который не только не отказывается платить долга, но и сам предлагает это*. Не так ли, Иван Дмитриевич?

Считая такое обращение к себе со стороны „Русского слова" незаслуженно оскорбительным, я не вижу возможности совместить сотрудничество в этой газете с моим достоинством писателя. Деньги, две тысячи рублей, немедленно высылаю.

4 сентября 1910 г.» (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 6. Ед. хр. 3).

[4] Подразумевается графиня В. Н. Бобринская, урожд. княжна Львова, дочь князя Н. А. Львова и М. М. Челищевой; жена графа А. А. Бобринского. В 1908—1909 гг. издавала в Москве ежемесячный иллюстрированный журнал «Северное сияние» (всего вышло 8 номеров; последний — в июне 1909 г.). С мая 1909 г. беллетристику в журнале редактировал И. А. Бунин. «Северное сияние» печаталось в Москве, сначала в типографии В. М. Саблина, затем — «Товарищества И. Д. Сытина»; несмотря на финансовую поддержку издательницы, оставалось убыточным. Расчеты Сытина на долгосрочный сбыт журнала через газетные киоски на станциях железных дорог не оправдались, и Товарищество отказалось от дальнейшего участия в его субсидировании.

[5] В конце августа — начале сентября в газетах активно муссировались слухи о переживаемом Андреевым «остром нервном расстройстве». См.. [Б. п.]. [Б. з.] // Обозрение театров. 1910. 30 авг. (№ 1159). С. 17; [Б. п.]. [Б. з.] // Пензенские ведомости. 1910. 2 сент. (№ 188). С. 3; и пр.

32

Андреев — Измайлову

25 августа 1911 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

Я очень боюсь, что произошло какое-нибудь недоразумение и мое предложение было как-нибудь неверно понято. Только недоразумением я могу объяснить то, что до сих пор не получаю ответа. Я бы не стал тревожить Вас и этим письмом, если бы, начав переговоры, тем самым не чувствовал себя связанным. А между тем от меня самого ждут ответа, и я невольно вынужден его задерживать.

Еще раз позволю себе только повторить, что в «Русское слово» меня толкает не нужда, а другие, более лестные для газеты, соображения; и я ни в коем случае не стал бы заговаривать о постоянном сотрудничестве сам, если бы не твердая уверенность, что я предлагаю лучшее, нежели сам беру взамен[1].

Будьте добры, ответьте мне наискорейше, по моему обычному адресу. Может быть, я сделал ошибку, обратившись к Вам, и посредничество между мною и Сытиным для Вас неприятно? — тогда я убедительно прошу Вас извинить меня за невольную ошибку, основанную лишь на моем добром к Вам отношении.

Жму Вашу руку.

Леонид Андреев
25 августа 1911 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 30. Автограф.

[1] Участие Андреева в газете «Русское слово» возобновилось в 1911—1912 гг.; в эти годы были опубликованы его рассказы «Покой», «Ипатов», «Правила добра». После отказа И. Д. Сытина печатать в газете сатирическую пьесу «Прекрасные сабинянки» возмущенный Андреев привлек редактора «Русского слова» Ф. И. Благова к третейскому суду. Суд, однако, не состоялся, сотрудничество писателя с газетой было вновь прекращено. Заявление Андреева о выходе из состава редакции было опубликовано многими столичными газетами в апреле 1912 г. (см.. *Андреев: Б—1.* С. 122).

33
Андреев — Измайлову
28 августа 1911 г., Ваммельсуу ⟨?⟩

Дорогой Александр Алексеевич!

Сегодня получил Ваше письмо и тороплюсь ответить. В деревне у себя я буду 3—4 сентября[1] и, конечно, буду очень рад видеть Вас и Ивана Дмитриевича[2]. Хорошо было бы, если бы предупредили о приезде по телефону. Для этого позвоните в «Прометей», Михайлову (72—72)[3] и попросите его передать мне, что нужно.

Простите, что тороплю Вас, но мне хочется поскорее отделаться от всего внешнего, чтобы спокойно работать. Очень благодарю Вас за любезность и чувствую неловкость, что несколько злоупотребляю ею[4].

Много работаю, хотя не совсем здоров. Кончил две небольшие вещи (в пол-листа и полтора)[5] и уже сижу над повестью[6]. Как чудесен русский язык! — точно чернозем, каждое зерно возвращает сторицею и благодарен за малейший труд. И только в беллетристике, где нет надобности всё приносить в жертву «действию», оцениваешь его богатство и благородную гибкость. Мне иногда кажется, что и само «действие» — заграничная выдумка, пригодная только для тамошних дорог, нам оно не нужно. Где действие в «Ревизоре» или «Горе от ума»? — один язык.

Но... жму Вашу руку

Леонид Андреев
28 августа 1911

Впервые: *РЛ*. 1962. № 3. С. 201. Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 34—34 об. Авторизованная машинопись.

[1] Подразумевается дача Андреева в Ваммельсуу.

[2] И. Д. Сытина.

[3] Издательство «Прометей» было основано в 1907 г. в Санкт-Петербурге книгоиздателем Н. Н. Михайловым. В 1911 г. Андреев готовил к публикации в «Прометее» трагедию в 7 картинах «Океан» (СПб.. Прометей, [1911]. 142 с.).

[4] Речь идет о желании писателя восстановить отношения с «Русским словом». В начале сентября вопрос о его участии в издании был решен, что и отмечено Андреевым в письме к Сытину от 12—16 сентября 1911 г.: «Я очень рад нашему соглашению и думаю, что оно будет началом добрых отношений — уже без всяких случайностей и отклонений в сторону» (*Линин А. М.* Л. Андреев и «Русское слово». Орджоникидзе, 1934. С. 187).

[5] Имеются в виду рассказы, которые Андреев опубликовал в «Русском слове»; о них упоминается в его письме к Сытину: «На этих днях я посылаю небольшой рассказ „Ипатов" Второй рассказ „Правила добра" размером в полтора печ⟨атных⟩ листа (его можно разбить на три фельетона) пришлю к концу октября» (Там же).

[6] Роман в двух частях «Сашка Жегулев» был закончен 19 октября 1911 г. и впервые напечатан в альманахе «Шиповник» (1911. Кн. 16. С. 11—201).

34
Измайлов — Андрееву

6 сентября 1911 г., С.-Петербург

Дорогой Леонид Николаевич,

Следом за моим письмом Вы получите письмо от Сытина, содержание к⟨ото⟩рого будет сводиться к следующему.

Он очень благодарит Вас за то, что Вы предпочли его. Просит извинить его за то, что задержал ответ. Он должен был уезжать к А. Л. Толстой, чтобы кончить с ней дело о сочинениях отца[1]. Только теперь получил возможность приехать в С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨ург⟩, но и сейчас обременен кучей обычных дел. Он очень просит извинить его за то, что не собрался к Вам, как хотел.

Он предлагает Вам 5000 жалованья, с расчетом иметь от Вас 5—6 рассказов в год, с приблизительным расчетом на пять печатных листов. Превышение размера или числа рассказов соответственно превышает и гонорар, — и наоборот. Именно оплату по 1000 руб. за лист он хотел оттенить[2].

Я, конечно, говорил о 6-ти рассказах и шести тысячах. Этот поворот делу дал он сам. Я советовал для уяснения дела до конца повидаться ему с Вами лично. Он совершенно не мог. Если нужен сговор в деталях, придется уже списаться.

Извините и меня. Никак не могу собраться теперь. Какое-то исключительное суетливое выдалось время.

Нет ни минуты свободы!

Душевно Ваш

А. Измайлов
6 сент⟨ября 1911⟩.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 7—8. Авторизованная машинопись.

[1] А. Л. Толстая, младшая дочь и секретарь Л. Н. Толстого. Речь идет о договоренности об издании Полного собрания сочинений Л. Толстого (под ред. и с примеч. П. И. Бирюкова. Т. 1—24. [М.. Т-во И. Д. Сытина, 1913]).

[2] Условия своего сотрудничества в «Русском слове» Андреев прояснил в письме к Сытину от 12 сентября 1911 г.: «Мои желания таковы: обязательный договор сроком на один год, в других московских газетах я не участвую; даю шесть рассказов между сентябрем и маем всего листов пять-шесть при полистной плате в тысячу рублей, гонорар получаю: в сентябре 1000 рублей, в ноябре, в январе, марте и мае по тысяче. Если окажется, что я взял больше, чем мне приходится по листам, то я возвращаю, если наоборот, то „Русское слово" в мае доплачивает мне остальное» (*Линин А. М.* Л. Андреев и «Русское слово». С. 188).

35
Андреев — Измайлову
24 декабря 1911 г., Ваммельсуу

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Принять участие в анкете я не могу[1].

Но чтобы мой отказ не был истолкован как выражение дурного отношения к газете, — я в ближайшем будущем, вероятно, еще в январе, дам «Биржевым ведомостям» обещанный когда-то рассказ[2].

Всегда готовый к услугам Вашим

Леонид Андреев
24 декабря 1911

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 35. Авторизованная машинопись.

[1] Ответ Андреева на типовое письмо «Биржевых ведомостей». В это время редакция проводила две анкеты. В первой — просила высказаться о «самом счастливом дне жизни». Были опубликованы ответы «государственных, общественных и финансовых деятелей»; из литераторов ответы прислали: К. И. Арабажин, А. Т. Аверченко, В. Г. Авсеенко, А. Н. Будищев, Ю. Д. Беляев, Т. Л. Щепкина-Куперник, И. А. Гриневская, П. П. Гнедич, немецкий поэт Johannes von Günther, О. Дымов, Вяч. Иванов, И. Н. Потапенко, Н. Тэффи, Ф. Н. Фальковский, С. М. Городецкий, В. А. Тихонов, кн. А. И. Сумбатов (*БВ*. Утр. вып. 1911. 31 дек. (№ 12713). С. 6—7). Для второй анкеты редакция рассчитывала получить сведения о «настоящей работе и замыслах писателей-современников». Ответы были опубликованы в «Огоньке» (1912. № 1. С. 17). В анкете приняли участие: В. Г. Авсеенко, К. С. Баранцевич, П. Д. Боборыкин, А. А. Блок, А. Н. Будищев, А. Л. Волынский, А. А. Измайлов, Вас. И. Немирович-Данченко, И. Н. Потапенко, А. М. Ремизов, В. Я. Светлов, Ф. К. Сологуб, Ф. Н. Фальковский, В. А. Тихонов, Е. Н. Чириков. См. также п. 16 в разделе «Переписка А. А. Измайлова и А. М. Ремизова» (Наст. изд. С. 340).

[2] Свое обещание Андреев не исполнил.

36
Андреев — Измайлову
17 ноября 1912 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

Благодарю Вас и редакцию за любезность. Письмо Николаева произвело на меня приятное впечатление: человек, кажется, понял, что так ругаться действительно нехорошо. Что касается «искажения», то надобно вопрос этот оставить открытым до выхода в печати «Сторицына». У меня сейчас нет ни одного экземпляра, да и не стоит тратить время и типографскую краску на бесплодную в сущности работу. В печати (в «Сборниках Московского издательства») «Сторицын» выйдет недели через две[1], а если у Николаева есть потребность теперь же разобраться в ошибке и устранить свои сомнения, то он может получить экземпляр у Кугеля в «Театре и Искусстве»[2].

Тяжелая вещь — эта наша грубость, наивная и недалекая. И я не понимаю: притворяются они или действительно так думают, будто я протестую не против определенных, недопустимых приличием приемов, а именно против права свободной и даже жестокой критики?

Маленький курьез. Наткнувшись на В. Чаговца, я вспомнил, что еще очень давно обо мне было написано что-то совсем недопустимое и автором был, кажется, Чаговец. Порылся и вот что нашел:

...«И кто мог бы угадать в безбашенном гимназисте, а затем в безалаберном студенте Мос⟨ковского⟩ у⟨ниверсите⟩та девяностых годов будущего писателя с таким крупным талантом?.. Товарищи его по у⟨ниверсите⟩ту рассказывали мне о нем, как о типичном студенте-богемце, увлекающемся, влюбчивом и быстро охлаждающемся. Душевные подъемы сменялись крайним упадком духа, силы и энергии, и тогда наступала неделя мрака и безволия... В интимном кругу, говорят, существовал термин „пить по-андреевски“: аршин колбасы и аршин рюмок»... («Киевская газета»).

И курьезно здесь то, что все эти милые расследования о живом и действующем писателе находились не в каком-нибудь дешевом уличном фельетоне, а в *серьезной критической статье*![3] И это всё тот же Вс. Чаговец, ныне работающий в *передовой* «Киевской мысли»!

Привет!

Леонид А⟨ндреев⟩.
17 ноября 1912

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 37—37 об. Авторизованная машинопись.

[1] 3 ноября 1912 г. в Киеве в театре Н. Н. Соловцова состоялась премьера пьесы Андреева «Профессор Сторицын». Произведение подверглось резкой и безапелляционной критике киевских журналистов (см. отзывы: *Николаев Н.* Театральные заметки // Киевлянин. 1912. 4 нояб. (№ 306). С. 4; *Чаговец В.* «Профессор Сторицын»: (Пьеса Л. Андреева) на сцене театра «Соловцов» // Киевская мысль. 1912. 4 нояб. (№ 306). С. 4; *Биман.* Театр «Соловцов»: «Профессор Сторицын» // Последние новости. Киев. 1912. 3 нояб. (№ 1860). С. 3). В резком тоне рецензий Андреев усмотрел личное оскорбление и выступил в печати с «Открытым письмом киевским рецензентам: гг. В. Чаговцу, Н. Николаеву и Биману» (*БВ.* Утр. вып. 1912. 9 нояб. (№ 13240). С. 5). Отповедь Андреева возымела действие на киевских журналистов. В публикуемом письме упоминается ответ Н. И. Николаева, поэта, журналиста, театрального критика «Киевлянина», который принес извинения автору в своем открытом обращении, направленном на имя редактора «Биржевых ведомостей» (*Николаев Н.* [Ответное письмо Л. Андрееву на

имя редактора «Биржевых ведомостей»] // *БВ*. Веч. вып. 1912. 19 нояб. (№ 13256). С. 8). Николаев, в частности, отмечал: ...Действительно, приведенные в письме г. Андреева отдельные фразы, выражения рецензии, без связи с общим развитием суждения, производят неблагоприятное впечатление, как бы преднамеренного оскорбления ⟨...⟩ Я охотно извиняюсь перед обиженным автором в допущенной мною резкости выражений» (Там же). Обращение Николаева было сопровождено примечанием редакции: «Письмо киевского критика, вероятно, должно удовлетворить Л. Н. Андреева, а с ним и ту часть общества и литературы, которая разделяла протест талантливого писателя не против права свободной, хотя бы и жестокой, критики, а против недопустимых приличием приемов шельмования и взгляда на литератора, как на подсудимого, лишенного прав и преимуществ. Что касается „искажения" текста пьесы, то этот вопрос разрешится с выходом в свет „Профессора Сторицына" Недели через две драма выходит в „Сборнике Московского издательства"» (Там же).

[2] Драма напечатана в журнале «Театр и искусство» (СПб., 1912. 61 с.) и в сборнике «Земля» (М.. Московское книгоиздательство, 1913. Сб. 11. [4], 284 с.).

[3] В. А. Чаговец, театровед, театральный критик и либреттист, сотрудник киевских изданий; автор резкой рецензии на постановку драмы «Профессор Сторицын», один из адресатов «Открытого письма Андреева к киевским рецензентам». Чаговец неоднократно выступал в печати с резкой критикой произведений Андреева, см. в частности: *Чаговец Вс.*: 1) Критические этюды: Красный смех. — Андреева // Киевская газета. 1905. 14 февр. (№ 45). С. 2; 2) Критические этюды: «Нижегородский сборник». Издание товарищества «Знание» // Киевская газета. 1905. 21 марта. (№ 89). С. 5. Приведенный пассаж среди известных фельетонов Чаговца не выявлен.

37
Андреев — Измайлову
6 декабря 1913 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

Ваша статья вполне удачно рассекает гордиев узел, и решительно ничего ни добавить, ни убавить не могу. Тон вполне корректный, — они даже не заслуживают столь приличного с ними обращения. Хорошо![1]

Единственное, что я просил бы Вас вычеркнуть, — это две-три строчки относительно Художественного: этот козырь я берег до случая и пока мне не хотелось бы припутывать московский театр к этой скучной истории[2]. Относительно цензурного гнета на моих пьесах есть еще факты[3]: так, упорно не разрешается цензурой «Океан»[4], хотя в прошлом году о нем, кажется, хлопотал Союз, во всяком разе, хотел это делать[5]. «Жизнь Человека» также до сих пор

запрещена в больших городах (Киев, Харьков Одесса) и также о ней хлопотали местные, но безуспешно[6].

Вот и всё.

Обратили ли Вы внимание, как Сумбатов в Москве, оправдываясь в дурном репертуаре, объясняет его оскудением драматической литературы? Правда, оскудение есть, но может ли на него ссылаться императорский театр, у которого *такое* отношение к авторам и пьесам?[7] Курьез!

О надписании на книге не забыл, даже знаю, что написать, но люди мешают. А последние три дня нездоров: вдруг сильно сдало сердце, угрожает[8].

Жму Вашу руку.

Леонид Андреев
6 дек⟨абря⟩ 1913.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 38. Автограф.

[1] Возможно, речь идет о неподписанной статье, автором которой был, вероятно, Измайлов: [Измайлов А. А.]. Театр с потайной пружинкой: («Не убий» Л. Андреева) // *БВ*. Веч. вып. 1913. 10 дек. (№ 13899). С. 5. В материале рассказывалось о снятии с репертуара пьесы Андреева «Не убий», о множестве слухов, связанных с содержанием пьесы, об отказе актрисы Александринского театра М. Г. Савиной играть роль Василисы Петровны. В статье, в частности, отмечалось: «Берлинское книгоиздательство Ладыжникова принесло, наконец, подлинник пьесы Л. Н. Андреева „Не убий" Теперь можно судить о ней уже не по противоречивым газетным заметкам с половинной долей участия в писательском творчестве г.г. репортеров. ⟨...⟩ Феофан — Григорий Распутин! В какой голове могло зародиться это нелепое сопоставление! ⟨...⟩ Почему следует видеть воплощение старой России в разваливающемся старике Кулабухове? Пьеса из реальных реальная, из простых простая! Может быть, самый главный недостаток ее, что она как бы целиком выхвачена из хроники газеты, не успела стать типической, являет просто исключительный и редкий случай, когда простая женщина, оказавшись около денег, купила себе княжеский титул и подставного мужа ⟨...⟩ Дирекция отвергла, как абсурд, искание символов. По трезвой логике выходило, что надо ставить пьесу. Дирекция решила ее снять. Решение это категорично и бесповоротно. И то, что это случилось не с драматическим новичком или литературным инвалидом ⟨...⟩, а с Л. Андреевым, — это сугубо выразительно» (Там же).

[2] Пьеса «Не убий» не была принята к постановке в МХТ; поставлена в Москве в театре К. Н. Незлобина (премьера состоялась 20 декабря 1913 г.). Вероятно, Измайлов затронул в своей статье проблему взаимоотношений Андреева с МХТ и Вл. И. Немировичем-Данченко. Однако этот сюжет по просьбе Андреева был снят.

[3] Андреев делает свое замечание к следующему пассажу статьи Измайлова: «Петербург передразнил Москву, где однажды, уже после генеральной репетиции, Малый театр снял „Анфису“ Если прибавить сюда злоключения с „Анатемой“, раньше с „Саввой“, „К звездам“, „Жизнью человека“, „Царем-Голодом“, позднее с „Океаном“, можно говорить прямо о злой судьбе, преследующей популярнейшего нашего писателя как драматурга. Злой рок навис над последней его пьесой поистине угрожающе» (Там же).

[4] О цензурных препятствиях, публикации и постановке пьесы см.: *ЛН—72*. С. 336. См. также примеч. 1 к п. 30.

[5] Подразумевается Союз драматических и музыкальных писателей — профессиональное объединение деятелей театра, образованное в 1904 г. в Петербурге после раскола единой ранее организации Общество русских драматических писателей и оперных композиторов (1870).

[6] Драма «Жизнь человека», законченная в Берлине в сентябре 1906 г., впервые опубликована в литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник» (Кн. 1. СПб., 1907 С. 203—291). Постановки состоялись в театре В. Ф. Комиссаржевской (22 февраля 1907 г., режиссер В. Э. Мейерхольд) и Художественном театре (12 декабря 1907 г., режиссер К. С. Станиславский).

[7] А. И. Сумбатов (псевд. Южин), актер, драматург, театральный деятель. С 1909 г. управляющий труппой Малого театра.

[8] См. примеч. 1 к п. 38.

38
Измайлов — Андрееву

20 января 1914 г., С.-Петербург

Дорогой Леонид Николаевич,

Вы мне дали огромную радость, — тем большую, чем сомнительнее мне казалось, что Вы запомнили мою просьбу. Глубоко Вас благодарю. Теперь у меня такое собрание Ваших сочинений, какого ни у кого нет, а ведь я если не маньяк книгофильства, то во всяком случае любитель настоящий[1].

Даже стыдно сказать, как давно я прочитал Ваши размышления о театре[2]. Почти в тот же день поручил выписать афоризмы и остроумные замечания, чтобы немедленно дать в газету. Но вот волной суеты всё относит и относит в сторону. На днях непременно дам по крайней мере это осведомление, если не собственную статейку.

Слышно, что Вы опять на отлете[3]. Примите искреннее пожелание радостного пути и обильных впечатлений.

Душевный привет Вам и Анне Ильиничне[4].
Ваш всегда

А. Измайлов.
20/1.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 6—6 об. Авторизованная машинопись.

[1] Вероятно, речь идет об альманахе «Шиповник» (1914. Кн. 22), где были опубликованы «Письма о театре» Андреева.

[2] Имеются в виду «Письма о театре»: первое письмо, датированное автором 10 ноября 1912 г., было опубликовано в журнале «Маски: Ежемесячник искусства театра» (1912/1913. № 3. С. 3—14); второе письмо, датированное 21 октября 1913 г., — в литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник» (Кн. 22. СПб., 1914. С. 245—290); там же републиковано «Первое письмо». Альманах (кн. 22) с пьесой Андреева «Каинова печать» («Не убий») и «Письмами о театре» вышел в свет в конце декабря 1913 г.

[3] В январе в прессе сообщалось о планах Андреева посетить в начале 1914 г. Рим. См., например: [Б. п.]. Планы Леонида Андреева: (По телефону из Петербурга) // Московская газета. 1914. 13 янв. (№ 295). С. 3.

[4] А. И. Андреева, жена писателя.

39
Андреев — Измайлову
19 сентября 1914 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

Это верно: утренние «Биржевые ‹ведомости›» очень похорошели, и я читаю их неуклонно от доски до доски. Очень рад буду, когда случится, давать статейки. Ваше письмо пришло как раз в ту минуту, когда я вкладывал в конверт для некоей другой газеты написанную вещицу; подумал я — и переменил адрес на конверте[1]. Относительно напечатания отдельного акта пьесы надо будет помозговать; вероятно, и это можно будет[2]. На днях я еду в город лечиться, должно быть, недельки на две укроюсь в больницу, но по телефону можно будет сговориться[3].

Одно только условие, дорогой Александр Алексеевич: не позволяйте в утренних «Биржевых ⟨ведомостях⟩» клеветать на меня профессору Арабажину. Недавно под шумок он заявил, что русский мужик всеми вообще признается и только Андреев считает его гориллой[4]. Пусть профессор бранится сколько угодно, это его святая воля, но лгать профессору не надо. Не следует.

Значит, в Петрограде поговорим. Сегодня мне сказали по телефону, что в «Биржевых ⟨ведомостях⟩» изложение драмы — откуда к Вам это попало? Вот уж воистину, всё тайное делается явным![5]

Привет!

Ваш Леонид Андреев
19 сентября 1914 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 39. Авторизованная машинопись.

[1] Подразумевается статья: *Андреев Л. Н.* Прости! // *БВ*. Утр. вып. 1914. 28 сент. (№ 14400). С. 4. Авторская дата — 19 сентября 1914. Ваммельсуу.

[2] Вероятно, речь идет о публикации акта пьесы «Король, закон и свобода». Переговоры были успешными, 4-я картина опубл.. *Андреев Л. Н.* Король, закон и свобода: карт. 4-я // *БВ*. Утр. вып. 1914. 20 окт. (№ 14444). С. 2—3.

[3] В октябре 1914 г. Андреев проходил лечение в петроградской клинике доктора Иосифа Герзони, об этом см.. *Чуваков В.* Переписка Л. Андреева и Е. Чирикова // Леонид Андреев: Материалы и исследования. М., 2000. С. 83 (примеч. 1 к письму 26). 6 октября 1914 г. Андреева в клинике навестил Ф. Ф. Фидлер, оставивший в своем дневнике запись: «Сегодня, в половине пятого, я посетил Леонида Андреева в клинике нервных заболеваний Герзони (Пески, 5-я ул., 4; пятый этаж, последняя дверь слева от лифта, возле туалета). Он как раз проходил электрическую процедуру. Его жена в третий раз сообщила мне, что у него сильные невралгические боли в левой руке, что спать он может только на спине и страдает от сердечной недостаточности вследствие перенапряжения и слишком короткого отдыха этим летом в Эсбо (Финляндия). Здесь он обязан подчиняться строжайшему режиму» (*Фидлер*. С. 644—645).

[4] К. И. Арабажин, профессор кафедры русской литературы Гельсингфорсского университета (с 1913 г.), критик, историк литературы, журналист. Отклик, о котором сообщает Андреев, установить не удалось.

[5] Вероятно, речь идет заметке «„Король, закон и свобода" Л. Андреева», в которой сообщалось: «Новая пьеса Л. Андреева „Король, закон и свобода", посвященная современной войне, приобретена для Москвы драматическим театром Суходольского. Пьесу ставит А. Санин в середине октября» (*БВ*. Утр. вып. 1914. 19 сент. (№ 14382). С. 4).

40
А. И. Андреева — Измайлову
28 октября 1914 г., Петроград

28 окт⟨ября⟩

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Посылаю Вам записочку, может быть, в «Вечерн⟨их⟩ бирж⟨евых⟩» можно поместить.

Только что вернулась из Москвы, смотрела пьесу Л⟨еонида⟩ Н⟨иколаеви⟩ча — хорошо удалась. Всё было: и силы, и истерика, и большой подъем хороших чувств[1]. И Москва — лучший город на свете!

Всего доброго!

Уваж⟨ающая⟩ Вас

Анна Андреева.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 8. Автограф.

[1] Речь идет о премьере пьесы Л. Андреева «Король, закон и свобода», состоявшейся 23 октября 1914 г. в Московском драматическом театре. Возможно, подразумевается заметка: [Б. п.]. Бельгийский консул о пьесе Л. Андреева // *БВ*. Утр. вып. 1914. 29 окт. (№ 14462). С. 6.

41
Измайлов — Андрееву
Декабрь 1914 г., Петроград

Санкт-Петербург, ⟨?⟩ декабрь 1914 г.

Дорогой Леонид Николаевич,

Нас очень волнует, что мы до сих пор не имеем Вашего ответа на нашу покорную просьбу дать нам в Рождественский номер рассказ, фельетон или статью на какую Вам угодно тему. Мы не мыслим номера без Вашего имени. Будьте добры, как всегда, и не огорчайте нас великим огорчением[1].

Слыша о том, что Вы нездоровы и так, что, может быть, нездоровье помешает Вам даже быть на премьере[2], — беспокою Вас заодно и другой просьбой. Не найдете ли Вы удобным и нужным, как автор, высказаться по поводу рецензий, какие появятся на утро, после постановки пьесы. Форма не совсем обычная, но при случае можно напомнить, что даже Пушкин был убежденным сторонником антикритики. Почему бы, в самом деле, не возродить эту, исчезнувшую форму? Что это будет интересно решительно всем, бывшим и не бывшим на спектакле, восторженным почитателям Вашим и хулителям, — в этом не может быть сомнения. Форму этому можно придать, какую Вы пожелаете. Может быть, всего удобнее — не личную, а интервью. Во всяком случае, мы всецело к Вашим услугам[3].

Буду очень рад увидеть Вас на спектакле, которого жду с интересом исключительным[4].

Сердечный привет Вам и Вашим.

P. S. Ходят слухи, что Вы закончили и «Младость»[5]. Если это действительно так, — необычайно хотелось бы узнать и об этой новой вещи.

Ваш душевно

А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 2—2 об. Авторизованная машинопись. На бланке «Биржевых ведомостей».

[1] Для рождественского номера газеты Андреев предоставил рассказ «Конец Джона Проповедника» (*БВ.* Утр. вып. 1914. 25 дек. (№ 14575). С. 3).

[2] Подразумевается пьеса «Король, закон и свобода»; в Петрограде премьера состоялась 19 декабря 1914 г. в Александринском театре. Рецензии на пьесу см.. *Андреев: Б—2.* С. 484. Отклик Измайлова появился 20 декабря: *Смоленский* [Измайлов А. А.]. Александринский театр: «Король, закон и свобода», пьеса Л. Андреева // *БВ.* Веч. вып. 1914. 20 дек. (№ 14567). С. 6.

[3] Эту идею Андреев не поддержал.

[4] Постановкой пьесы в Александринском театре Андреев остался недоволен, о чем сообщал в письме к С. С. Голоушеву 9 января 1915 г.: «Я только нынче из Петрограда, где ‹...› присутствовал в театрах, в одном из коих видел и андреевского „Короля" Что с ним сделали, Боже ты мой! Ну их к чёрту» (*Реквием.* С. 100).

[5] Пьеса «Младость» написана по мотивам раннего рассказа Андреева «Весной»; отдельные действия публиковались в сборниках и альманахах начиная с 1915 г. В декабре 1914 г. в газете «Обозрение театров» были помещены сообщения о завершении автором работы над пьесой и представлении ее в драматическую цензуру; см.. *Шебуев Н.* Впечатления // Обозрение театров. 1914. 6 дек. (№ 2607). С. 13; [Б. п.]. Хроника // Там же. С. 16.

42
Андреев — Измайлову
14 января 1915 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

Только что закончил большую работу, с которой надеюсь в скором времени ознакомить Вас, и теперь стало несколько посвободнее. Думаю еще в январе дать «Биржевым ⟨ведомостям⟩» одну-две статьи, и одну из них как раз по вопросу об англо-русских отношениях. Это будет и полнее и лучше, чем короткий и невразумительный ответ в анкете[1].

Но если мое участие в анкете Вы всё же считаете необходимым, то и на это согласен. И смысл моего ответа тот, что всякий союз с Англией, политический, духовный, торговый, культурный, — я считаю в высшей степени желательным для России; более того — необходимым. Знаете пословицу: не купи землю, а купи соседа? — а в делах народных сосед, т. е. союзник, имеет значение огромнейшее, это понятно. Для молодой во всех смыслах и неопытной России необходим хороший кавалер, выражаясь легкомысленно; и уж, конечно, я предпочту опереться на руку англичанина, нежели быть поддерживаемым за талию немецким усатым вахмистром.

Не нужно забывать, что после войны нам грозит наибольшая «немецкая опасность». Изголодавшиеся, разоренные, похудевшие и жадные — где найдут немцы стол и дом? Конечно, всё в той же России, куда они ринутся под разными видами и предлогами. А мы, слабые промышленно и культурно, своей силой ничего с ними не сделаем, и Англия может стать нашей поддержкой. Кормясь среди более слабых народов, англичанин нечто возвращает в виде культуры, немец же, обжираясь, ничего не отдает

назад (ибо даже испражняться ходит в фатерланд — чтобы удобрение не пропало).

И наконец: насколько я всегда (не только теперь) не любил и внутренне не уважал германцев, настолько всегда (не только теперь) любил и уважаю англичан. Они вовсе не так просты, как это порою и многим кажется; и быть может, нет более сложного и загадочного парадокса, нежели настоящий живой бритт. И это сближает его с другим знаменитым парадоксом — живым россиянином. Вероятно, поэтому ни одна из мировых литератур не нравилась мне так, как английская: я люблю ее, как русскую; других почитываю, а с ними живу.

Сознаюсь откровенно, всю жизнь я был убийственно равнодушен к великолепному Гёте, а Мильтон, а Байрон, а Диккенс были и остались героями моего романа. Без Диккенса я просто не мог бы существовать и заскучал бы до меланхолии; когда меня, однажды, сажали в тюрьму по русской привычке и позволили взять с собой одну только книгу, я взял «Крошку Доррит»; и, смешно сказать, — в первую же ночь тюрьмы, лежа на узенькой койке, я наслаждался Диккенсом и чувствовал себя хорошо и *свободно.*

Много еще можно сказать о милых моему сердцу англичанах, но думаю, что для анкеты этого будет достаточно, если не много. Воспользуйтесь, как найдете удобным; можно дать в виде отрывка из письма, как оно и есть на самом деле.

Крепко жму Вашу руку. В воскресенье буду в городе и позвоню Вам: пора уже нам толком побеседовать. Передайте мой сердечный привет Михаилу Михайловичу[2], он просто трогает меня своим милым отношением.

Ваш Л. Андреев
14 января 1915 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 40—40 об. Авторизованная машинопись.

[1] Речь идет об анкете «Биржевых ведомостей», в которой был задан вопрос: «Считаете ли Вы необходимым формальный союз России и Англии?». Анкета рассыла-

лась 8 января 1915 г., см. сохранившийся экземпляр типового письма: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым / публ., вступ. ст. и примеч. М. М. Павловой // *Ежегодник РО ПД* на 1995 год. СПб., 1999. С. 252. Ответы на анкету были присланы в виде развернутых статей, которые публиковались в январе 1915 г.: *Виноградов П.* Англия и Россия // Там же. 15 янв. (№ 14612). С. 2; *Сперанский В. Н., проф.* Английские симпатии к России // *БВ*. Утр. вып. 1915. 16 янв. (№ 14614). С. 3; *Сологуб Ф.* Мировая громада // Там же. 28 янв. (№ 14638). С. 3; также высказали свое отношение к Англии по телефону граф И. И. Толстой и кн. Е. Н. Трубецкой (Англия и Россия // Там же. 1 янв. (№ 14586). С. 3). В январе 1915 г. в «Биржевых ведомостях» были опубликованы две статьи Андреева на означенную тему: 1) Призыв о помощи // *БВ*. Утр. вып. 1915. 24 янв. (№ 14630). С. 3; 2) Сербия и Россия // Там же. Свое отношение к Англии Андреев высказал в «коллективном ответе» «русских писателей английским писателям» (Жизнь. 1915. № 3. С. 3) и статье в «Биржевых ведомостях» (Англия // *БВ*. Утр. вып. 1916. 17 янв. (№ 15328). С. 3—4).

[2] М. М. Гаккебуш (с 1914 г. — Горелов), журналист, редактор, сотрудник и пайщик «Биржевых ведомостей».

43
Андреев, Ф. Сологуб, М. Горький — Измайлову
25 февраля 1915 г.

Февраля, 25-го дня 1915 г.

Милостивый Государь Александр Алексеевич.

В начале месяца мы обратились к Вам с предложением принять участие в организованной нами анкете по еврейскому вопросу и о мерах борьбы с антисемитизмом. К сожалению, до сих пор ответа от Вас не поступило. Между тем в интересах дела было бы весьма желательно получить отзывы от всех видных представителей литературы, искусства, науки и практической жизни, к числу коих Вы, несомненно, принадлежите. Посему мы позволяем себе снова обратиться к Вам с просьбой прислать ответ на анкету. При этом считаем уместным отметить, что указанные в нашем письме вопросы имеют целью лишь облегчить отвечающим их задачу, отвечать на все вопросы вовсе не обязательно, и мы будем признательны, если Вы ограничитесь лишь общим суждением относительно поставленной нами на разрешение проблемы[1].

В виду необходимости приступить в возможно скором времени к печатанию книги, желательно иметь Ваш ответ не позднее 10-го марта.

С совершенным почтением.

Леонид Андреев
Федор Сологуб
М. Горький

Впервые: *Горький.* Т. 11. С. 163—164. Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2567 Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 1. Типовое, авторизованная машинопись.

[1] Речь идет о проекте подготовки книги, в которой предполагалось собрать мнения представителей интеллигенции о еврейском вопросе. Инициатором выступил М. Горький и члены «Русского общества для изучения жизни евреев». Масштабное начинание осуществлено было лишь частично. В 1915 г. под редакцией М. Горького, Ф. Сологуба и Андреева вышел сборник «Щит»; со своими материалами в нем выступили: Андреев, М. Арцыбашев, К. Бальмонт, М. Бернацкий, В. Брюсов, И. Бунин, З. Гиппиус, М. Горький, С. Гусев-Оренбургский, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, Тэффи, С. Елпатьевский, Вл. Короленко и др. Подробнее см.. *Горький.* Т. 11. С. 417 Ответ Измайлова неизвестен.

44
Андреев — Измайлову
1 апреля 1915 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

В Петрограде я проглотил стрептококка и вот уже вторую неделю, не поправляясь и не умирая, кряхчу от насморка, одышки и головной боли. Даже читать трудно, не токмо что писать. А голова полна статей для «Биржевых ⟨ведомостей⟩»; и первая, которую напишу, будет о футуристах, которых я решительно отшиваю от литературы нашей. Надоели![1]

А до Вас у меня особая просьбица. Троньте Вашим пером в московском «Кличе» рассказ Тренева «Письма» — это такая хорошая вещь![2] Я два раза читал его, и оба раза ревел белугой. Жалко, если рассказ затеряется в сборнике, цель которого ставить все вещи как бы вне строгости критической. До этого рассказа я не решался определенно думать о таланте Тренева (о его размерах), но теперь верю

в его хорошую и даже славную будущность. Вы не знаете: что это за человек? Он и человеком представляется мне хорошим.

Крепко жму Вашу руку. Нездоровье спутало все мои планы: и у Вас я так и не побыл, и «Самсон» мой всё не читается; препротивная стрептококкия![3]

Ваш Леонид Андреев
1 апреля 1915 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 42. Авторизованная машинопись.

[1] Андреев разделял мнение Измайлова о футуристах, которое было высказано в февральском фельетоне «Пузыри земли»: «Самая последняя и самая глупая из очередных глупостей у нас — футуризм ⟨...⟩ Весь этот шабаш футуристов не только позорен, но в нынешние дни гнусен, как хохот около покойников, как кощунство в святом месте!» (*БВ*. Утр. вып. 1915. (№ 14690). 24 февр. С. 2). Свой взгляд на футуристов Андреев изложил в интервью сотруднику «Биржевых ведомостей» Самуилу Борисовичу Фриду: «Я вначале относился к футуристам гораздо лучше и питал какие-то неясные надежды ⟨...⟩ Моментом испытания для них, как и для очень многих, явилась как раз война. В этом всенародном деле должны были сказаться или их внутренние богатства, или бедность. Они же оказались не только бедными, но просто нищими ⟨...⟩ И мне странным кажется заявление Горького, что футуристы совершают важное дело ⟨...⟩ „несут искусство народу" Это где же народ? На их выставках? ⟨...⟩ или народ присутствует на поэзовечерах Игоря Северянина? Другой их заслугой Горький признал то, что они молоды ⟨...⟩ Они „приемлют мир" ⟨...⟩ Впрочем, сами они, стуча в медные тазы, уверяют, что они „мира не приемлют", но это такая же ложь, как и то, что они борются с мещанином. Ибо есть и навсегда останется разница между дебошем и бунтом, которому служил неистовый и также жестоко Горьким осужденный Федор Достоевский» (*С. Ф.* [Фрид С. Б.]. Леонид Андреев о футуристах // *БВ*. Веч. вып. 1915. 4 мая. (№ 14824). С. 5).

[2] К. А. Тренев, прозаик и драматург. Его рассказ «Письма» опубл.. Клич: Сборник на помощь жертвам войны / под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова. М., 1915. С. 171—175. О произведениях К. Тренева в целом Измайлов высказался несколько раньше в фельетоне «Темы и парадоксы»: «Не раннюю уже молодость переживает новый талант — К. Тренев, чье имя стало вдруг многообещающим по напечатании чудесного рассказа „Владыка" Сейчас Тренев издал свой первый сборник ⟨...⟩ Печать несомненного таланта лежит на всей книжечке Тренева, — и таланта уже сформировавшегося, уже зреющего, вполне осилившего формы, — может быть, одно из преимуществ несколько запаздывающих выступлений ⟨...⟩ Талант Тренева — здоровый, трезвый, взявший, что надо, от изящества, сжатости и местами напевности Чехова ⟨...⟩ У него живая любовь к быту с мастерским подхватыванием черт быта и „словечек"» (*БВ*. Утр. вып. 1915. 31 янв. (№ 14644). С. 2).

[3] «Самсон в оковах», трагедия в 5 действиях, опубликована впервые после смерти Андреева.

45
Андреев — Измайлову
7 апреля 1915 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

Из прилагаемой заметки Вы видите, в чем дело. Еще в августе я получил казенную повестку из Совета, что обо мне назначается дисциплинарное дело за проживание в другом округе[1]. Назначено было дело на первое сентября, но тут я был болен, и было не до этих глупостей, и ответил я только в октябре из больницы[2]. По газетам узнал вскоре, что дело не то отложено, не то прекращено. Теперь узнаю снова из газет, что меня решено-таки отчислить, и в двухмесячный срок я должен перебраться в петербургскую адвокатуру или совсем расстаться со званием.

И мне кажется, что следовало бы дать по этому поводу заметку в «Биржевых ‹ведомостях›» (не «Вечерних») и напечатать полностью мой ответ, посланный московскому Совету в октябре. Заголовок можно приблизительно такой: «Адвокатура и Андреев»[3]. Хотя инициатива исходит, по-видимому, не от самого Совета и он формально чист, как Пилат, но вся его кроткая покорность перед прокурором и глубочайшее равнодушие к делу по существу весьма характерны. Содержа в своих темных недрах достаточное количество Шмаковых[4] и Балалайкиных[5], которым нельзя подавать руки (такой случай был со мной в Московском суде, когда я в присутствии адвокатов не подал руки Шмакову), московские адвокаты с тупым равнодушием отчисляют писателя с безукоризненной общ‹ественной› репутацией и не делают ни малейшей попытки подняться над ничтожной формалистикой. Больше того: простая вежливость обязывала Совет обратиться ко мне, помимо казенной повестки за номером, хотя бы с двумя словами пояснения или сожаления.

Я как-то шутил, что всё русское отличается от европейского простой приставкой *хамо*: у них, напр‹имер›, трамвай — у нас хамо-трамвай, у них извозчик — у нас хамо-извозчик; хамоторговля, хамополиция и т. д.[6] И несомненно, что в другой стране, при аналогичных обстоятельствах, сословие искренне и открыто гордилось бы честью иметь в своих рядах писателя с моим именем и сделало

бы всё, чтобы сохранить его, — у нас же, видите, как происходит дело! Откинув даже всё остальное, один «Рассказ о семи повешенных» даст мне право на уважение со стороны сословия, именующего себя передовым, — а они даже корректными не пожелали быть и не сумели быть вежливыми.

Мне такой факт кажется не безразличным в общественном отношении, и поэтому я и решился просить Вас дать заметку. Надо только, чтобы она была не от моего имени и являлась комментарием к моему официальному ответу, который я здесь прилагаю. Вероятно, я совсем уйду из адвокатуры с ее чертой оседлости и другими прелестями.

Нездоровье продолжается — просто мочи моей нет! Такой скверный выпал год.

Крепко жму Вашу руку. Чудесную Вы дали референцию о лекции Чуковского[7].

Ваш Леонид Андреев
7 апреля 1915 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 43—43 об. Авторизованная машинопись.

[1] Вероятно, Андреев переслал заметку из «Утра России», где сообщалось о предложении прокурора Московской судебной палаты Совету присяжных поверенных отчислить Андреева и других лиц, не проживающих в округе Московской судебной палаты. См.. [Б. п.]. Адвокатская повинность Л. Андреева // Утро России. 1915. 5 апр. (№ 92). С. 6.

[2] В октябре 1914 г. Андреев проходил лечение в петроградской клинике доктора Иосифа Герзони.

[3] Ответ Андреева Совету присяжных поверенных был опубликован в заметке Измайлова «О, Русь — О, rus! (Леонид Андреев и адвокатура)» (*БВ*. Утр. вып. 1915. 12 апр. (№ 14779). С. 3). В нем, в частности, сообщалось: «Юридической практики я не имею и уже 16 лет занимаюсь литературой; постоянно проживаю в Финляндии, чего требует мое здоровье и свойства моей работы, успешность которой в значительной степени зависит от условий тихой деревенской жизни. Однако и в труде моем я не отхожу от тех начал и вопросов, которые связаны с моей принадлежностью к сословию, являющемуся одним из проводников в русскую жизнь начал справедливости и права. Так, могу указать на некоторые труды свои: „Семь повешенных" — по вопросу о смертной казни; „Губернатор" — по вопросу о наказании; „Мысль" — как этюд по судебной медицине; „Христиане" — по процессу, и так далее. Если при наличности означенных

трудов я не могу, по причинам формальным, иметь место среди помощников присяжных поверенных Москвы, я прошу Совет дать мне время для перечисления моего в другой округ, буде здесь не встретятся какие-либо препятствия» (Там же).

[4] А. С. Шмаков, правовед, общественный деятель и публицист, присяжный поверенный, гласный Московской городской думы; монархист и черносотенец, которому Андреев, начинавший свою адвокатскую практику, демонстративно не подал руки. А. С. Шмаков был одним из инициаторов исключения Андреева из московской адвокатуры (как проживающего в другом округе).

[5] Балалайкин (*нариц.*) — тип продажного адвоката-авантюриста, выведен М. Е. Салтыковым-Щедриным в очерках «В среде умеренности и аккуратности» (1873—1878) и в «Современной идиллии» (1877—1883).

[6] Ср. в письме 1912 г. к С. Голоушеву: «Вообще, если захочешь отличить Россию и русское от Европы, на которую она стала похожа, как две капли воды, то прибавляй к каждому слову: хамо. Например. У них парламент, а у нас: хамо-парламент. У них наука, у нас хамо-наука. И так далее. Хамо-критика, хамо-„Пробуждение" (журнал), хамо-акмеисты, хамо-„Аполлон" (хамо-журнал), хамо-трамвай, хамо-извозчик, хамо-Айхенвальд (хамо-критик), хамо-Бурлюк, хамо-футуристы. И, прибавляя этот суффикс, ты без труда найдешь ключ ко всем явлениям жизни. Выколола барыня шпилькой глаз художнику в трамвае, не возмущайся, а говори: хамо-трамвай. На днях взрывали лед на Неве, и от взрыва у всех домов полопались стекла на набережной; не возмущайся, а просто говори: хамо-взрыв 〈...〉 Пишет Арцыбашев про пол, не ломай головы и не читай лекций, а коротко определи: хамо-пол» (*Реквием*. С. 92).

[7] 4 апреля в Тенишевском зале К. Чуковский прочитал лекцию «Жертва своей гениальности», посвященную Н. А. Некрасову. Подразумевается отзыв: *Измайлов А.* О вечно-ничтожном: (По поводу лекции К. И. Чуковского) // *БВ*. Утр. вып. 1915. 6 апр. (№ 14767). С. 3.

46
Андреев — Измайлову
5 мая 1915 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

Я столько наобещал дать статью 〈так!〉, что теперь мне просто неловко, выхожу чем-то вроде обманщика. Но представьте: совсем не могу писать в условиях теперешней больничной жизни[1]: на такие клочки разорван день, так всё не приспособлено для работы и размышления. Или это деревня меня избаловала.

Вот и сегодня пробовал, настрочил несколько листков — положительно, ничего не стоят — а тема важная, требующая ясной и ответственной головы. Обидно. Но так и порешил: в субботу я еду в деревню и уже оттуда пришлю Вам рукописание[2].

А тут еще народ, дела с театрами, надобность побывать то в Студии, то в Х⟨удожестве⟩нном[3]; иной день и погулять, согласно режиму, не приходится, а возвращаюсь в лечебницу на рассвете, швейцар краснеет, открывая мне дверь: хорош больной.

Жму Вашу руку. Передайте мой привет Михаилу Михайловичу[4] и уверьте его в моем полном и горячем желании работать для «Биржевых ⟨ведомостей⟩», которые мне очень по душе в нынешней их постановке и которые я всюду пропагандирую.

Ваш Леонид Андреев
5 мая 1915

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 1. Л. 2. Автограф. В основной коллекции писем Андреева к Измайлову сохранилась копия этого письма рукой Алексея Алексеевича Измайлова, брата критика: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 44.

[1] В мае 1915 г. Андреев вновь находился под наблюдением врачей в клинике доктора Герзони. Лечение было прервано, Андреев самовольно оставил клинику; подробнее см. его письмо к С. С. Голоушеву от 18 мая 1915 г.: *Реквием.* С. 115—116.

[2] Из-за болезни писателя сотрудничество в «Биржевых ведомостях» было прервано до октября 1915 г. Обещанный материал не был дописан.

[3] Очевидно, речь идет о переговорах Андреева с Московским Художественным театром о принятии к постановке его пьесы «Самсон в оковах»; см.. [Б. п.]. «Самсон в оковах»: (Новая пьеса Леонида Андреева) // Вечерние известия. 1915. 25 мая. (№ 771). С. 2.

[4] М. М. Гаккебуш.

47
Андреев — Измайлову
12 августа 1915 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

Не правда ли — я словно в воду канул? Но всё лето я жестоко хворал, не мог ни писать, ни говорить; хвораю и теперь. Я и на письма отвечать не мог: боюсь, что я обидел Михаила Михайловича, и ничего не дав к годовщине войны, промолчав, как мертвый. За это время я многих, впрочем, обидел; ко мне обращались и русские, и американцы с просьбой работать в ихней прессе, а я и им смолчал. Был болен.

Теперь, с осенью, возвращается привычка к работе, более сильная, чем болезнь: уже пробую машину. И перед Михаилом Михайловичем свой грех заглажу, передайте ему. А пока хочу обратиться лично к Вам с большой просьбой.

Речь идет о моем большом друге, Сергее Сергеевиче Голоушеве, москвиче, работающем под псевдонимом «Сергея Глаголя»[1]. Писать он может обо всем, но специальность его — живопись, театр, искусство; он и сам хороший художник, дружил когда-то с Левитаном, хорош с Нестеровым и другими. У Кнебеля вышла его монография о Левитане, а теперь готовится о Нестерове, — эти известные и хваленые издания[2]. Работал он еще в нашем «Курьере», потом в «Утре России», но разошелся с Алексеевским[3], и последнее время писал о театре и искусстве в «Голосе Москвы»[4] (обновленном) до его праведной кончины.

Нельзя ли дать ему местечка в «Биржевых ⟨ведомостях⟩» — корреспонденц из Москвы? Это может быть и о театрах, и об искусстве — и на темы общественные. Он очень талантлив... это даже его несчастье: излишняя талантливость, которая заставляет его разбрасываться; он может быть полезен для газеты, и даже очень. Не в моем обычае просить за кого бы то ни было, и если я делаю это сейчас, то не по дружбе и свойству, а глубокому убеждению, что делаю хорошее дело и для него и для газеты. Успех «Биржевых ведомостей» мне дорог — газету еще ждут славные дни, — и я знаю, насколько и Вы дорожите ею, сколько сил и стараний уже вложили и еще вложите, чтобы поднять ее от неизвестности на степень серьезного и необходимого органа. И в этом смысле сотрудничество Голоушева, человека талантливого и с хорошим именем, может очень пригодиться.

Если вы одобрите вступление Г⟨олоушева⟩ в число сотрудников «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩», я напишу ему, и пусть он сам уговорится с редакцией о подробностях. Помимо всего прочего — он один из самых приятных людей на свете, добрых, корректных и покладистых; да, может быть, сами когда-нибудь увидите.

В Питере с весны не бывал, а очень хочется повидать, каков он теперь, после сухопутной Цусимы[5]. Трусят, кажется, — но это ниче-

го, это даже хорошо. Трусы почти всегда умные люди, и страх для мягкотелых хороший учитель, продирает глаза. Но эти «манифестации» в Питере и особенно в Москве — это уже плохо: слишком много нервности и поспешности[6]. Но как быстро собирается толпа и какое у нее настроение всеготовности! На месте правящих я бы и призадумался и пригорюнился.

Но пока Швеция спокойна, ничего страшного нет[7]. Только до каких мест она будет спокойна? Я думаю, не дальше, как до Ревеля и Пскова. И меня удивляет, что ни Дума, ни печать не поднимут вопроса о Финляндии, о возвращении ее к прежним, ныне отнятым правам. Сейчас это вопрос не внутренней, а международной политики, как и Польша. Неужели и здесь опоздают?[8]

Крепко жму Вашу руку, до скорого свидания.

Ваш Л. Андр⟨еев⟩
12 августа 1915

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 64—64 об. Авторизованная машинопись.

[1] С. С. Голоушев — публицист, критик и художник; постоянный участник литературного кружка «Среда» и сотрудник «Курьера». Был дружен с Андреевым. В 1902 г. в соавторстве вышла их книга: *Джемс Линч* [Андреев Л. Н.], *Сергей Глаголь* [Голоушев С.]. Под впечатлением Художественного театра. М., 1902. [8], 110 с. Измайлов отреагировал на просьбу Андреева: Голоушев принял активное участие в работе «Биржевых ведомостей» в 1915—1916 гг.

[2] Подразумеваются издания: *Глаголь С.* Исаак Ильич Левитан: Жизнь и творчество. М., [1913]. 120 с. (Русские художники: Собр. ил. монографий / [сост.] Игорь Грабарь; Вып. 2); *Глаголь С. С.* Михаил Васильевич Нестеров: Жизнь и творчество. М., [1913]. 126 с. (Русские художники: Собр. ил. монографий / [сост.] Игорь Грабарь; Вып. 5).

[3] См. примеч. 2 к п. 7

[4] «Голос Москвы», ежедневная политическая газета, орган партии октябристов, издававшаяся в Москве с 23 декабря 1906 г. (5 января 1907 г.) по 30 июня (13 июля) 1915 г.

[5] Речь идет о так называемом «великом отступлении» — стратегическом отходе русской армии из Галиции и Польши летом — осенью 1915 г. с целью выиграть время, необходимое для подготовки и пополнения резервов. Отступление сопровождалось крупными потерями личного состава в летней кампании 1915 г. Армия понесла тяжелейшие поражения, оставила Галицию, Польшу, Литву. Без боев сданы крепости Ивангород, Гродно, Осовец, Брест-Литовск. К концу сентября 1915 г. 1300-километровый Восточный фронт стабилизировался по линии Рига — Двинск — Пинск — Черновицы.

[6] Подразумеваются массовые погромы немцев в Москве 26—29 мая 1915 г. Подробнее об этом см.. *Айрапетов О. Р.* Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. VIII. М., 2010. С. 112—144.

[7] Подразумевается возможность Швеции выступить на стороне Четверного союза.

[8] Андреев рассуждает о необходимости более активной национальной политики. Российско-финские отношения резко обострились при П. А. Столыпине, а Польше великий кн. Николай Николаевич обещал расширение прав, но дальше заявлений дело не пошло. После потери Польши независимость страны декларировала в 1916 г. Германия.

48
Андреев — Измайлову
14 октября 1915 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

Статьею «Пусть не молчат поэты» я немножко залезаю в Вашу компетенцию и очень прошу Вас прочесть статью до напечатания[1]. Думаю, однако, что наши точки зрения: моя, писательская, субъективная, и Ваша критическая, объективная, в этот раз не особенно столкнутся. Даже наоборот: имею мечтание, что Вы Вашим пером поддержите меня: проклянете бездарных и благословите работу тех, кто робел и молчал.

Для Вас хороший материал может дать последняя книжка «С⟨овременного⟩ мира»... забыл, что Вы получаете журналы раньше меня. Там характерны для моей темы три или четыре подряд статьи: Тальников о «бранной» беллетристике, где он заявляет, что «*всё*» написанное было плохо[2]; Алексинского, где тот восхваляет А. Франса за его «бранные» статьи[3], и Ожигова, анафемски ругающего опять всё тех же русских военно-беллетристов, и не имевших счастья родиться и писать во Франции, — там их он сам похвалил бы[4]. Здесь характерна разница в отношении к своим и к чужим. А немного подальше, в библиографии, тот же Ожигов очень хвалит Блока за его военные стихи[5] — и никто в редакции не видит этих вопиющих

противоречий. Относительно «Лукоморья» я согласен с Ожиговым и думаю по времени сам написать[6].

Еду в Москву, но нездоровится. Хотел несколько дней провести в Питере, но не выходит. Из Москвы постараюсь написать в газету о Москве[7]. Но работы у меня там, театра, разговоров!

Сейчас я посылаю две статьи: вторую «Надо!» необходимо пустить некоторое время спустя после «Пусть не молчат» — так, пожалуйста, попросите от моего имени Михаила Михайловича. Не следует ли в «Надо!» вычеркнуть несколько рискованную фразу о порнографах? Если да, то вычеркните[8].

Жаль, что не удастся поговорить, а то хотел просить у Вас защиты от Арцыбашева, — он карикатурит мои вещи. У меня «Кат⟨ерина⟩ Ивановна» — он пускает «Ревность», где за внешним несходством прячет ту же тему, но опошленную. В «Законе дикаря» уже и внешне, вплоть до имени «Ниночки» и скандала, где героиня его объявляет себя любовницей адвоката, — он коверкает мою «Анфису». О, насмешка! — в этих безобразных порождениях его я узнаю черты моих родных детей![9]

Жму Вашу руку и желаю всего доброго.

Ваш Л. Андреев
14 октября ⟨19⟩15 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 46—47 Авторизованная машинопись.

[1] См.. *Андреев Л. Н.* Пусть не молчат поэты // *БВ.* Утр. вып. 1915. 18 окт. (№ 15155). С. 2—3. Название полемизирует со стихотворением З. Гиппиус «Тогда и опять» («Просили мы тогда, чтоб помолчали / Поэты о войне... 1915). В статье Андреев отмечал: «Факт почти повального отвращения к литературе „о войне" достаточно известен, а в настоящее время, благодаря давности и отсутствию возражений, это отвращение стало чуть ли не каким-то неписаным законом. И театры не хотят ставить пьес о войне, и журналы не хотят печатать, и читатель не хочет читать ⟨...⟩ Кому нужно, чтобы писатели не писали о войне? Решительно нельзя сказать, что причина здесь в искренней и продуманной заботе об искусстве, в том, что беллетристика о войне исключительно и неизбежно плоха. Нет: те, кто сейчас скверно пишет о войне, те плохо писали о мире ⟨...⟩» (Там же).

[2] Речь идет о статье Д. Тальникова: «Литературные заметки» [«Упрямство» г. Бальмонта. — Военный «жанр» в нашей литературе. — Печальный финал этого увлече-

ния. — «Неодолимые соблазны» детских лет Валерия Брюсова. — Студенческие годы российских «символистов». — Мистическое христианство и электрический звонок. — Плодотворные занятия Бальмонта западной поэзией] // Современный мир. 1915. № 9. С. 124—142.

[3] Имеется в виду статья Г. Алексинского о сборнике статей и писем А. Франса «На славном пути», посвященных войне: *Алексинский Г.* Анатоль Франс о войне: (Anatole France. — «Sur la voie glorieuse». — Paris, 1915) // Там же. С. 143—154.

[4] Упоминается статья: *Ожигов Ал.* [Ашешов Н. П.]. О беллетристической мобилизации // Там же. С. 155—170. В материале автор, в частности, замечает: ...пишут, точно маршируют по бумаге, в такт, по команде ⟨...⟩ Маршируют, т. е. пишут они по трафарету. Чрезвычайно немного шаблонов существует для военного рассказа. У любого портного больше выкроек, чем у марсианствующих беллетристов канвы выдумки» (Там же. С. 156).

[5] См. в разделе «Критика и библиография» положительный отзыв Ал. Ожигова о книге А. Блока «Стихи о России» (Современный мир. 1915. № 9. С. 188—189).

[6] Значительная часть статьи Ожигова посвящена критике вышедшего в 1915 г. сборника — Лукоморье: Военные рассказы. Сб. [1]. Пг., 1915. 340 с. Здесь были помещены рассказы: Ю. Слезкина «Бабися», Б. Лазаревского «Мое сердце», С. Городецкого «Галицкие князья», Ф. Сологуба «Острие меча», Н. Олигера «Фаликон», М. Кузмина «Обыкновенное семейство». Критический отзыв о сборнике «Лукоморье» Андреев не написал.

[7] Замысел не был осуществлен.

[8] Статья «Надо» вышла на два дня раньше материала «Пусть не молчат поэты»: *Андреев Л. Н.* Надо // *БВ*. 1915. Утр. вып. 16 окт. (№ 15151). С. 3. Здесь в тезисной форме Андреев изложил изменения, которые следует произвести в обществе в военное время. Упомянутая фраза не была вычеркнута редакцией: «12. Надо закрыть все дома терпимости, дома свиданий, а если сие невозможно, то ограничить число их и, во избежание толкотни и давки, установить для желающих очередь на улице, как ныне для покупающих сахар и дрова. Надзор за этим делом можно поручить порнографам обоего пола, чтобы, таким образом дав заработок, очистить и литературу» (Там же).

[9] М. П. Арцыбашев, прозаик, драматург, публицист. Упоминаются его пьесы «Ревность» (1913) и «Закон дикаря» (1915). Жалобу на Арцыбашева Андреев также зафиксировал в «⟨Рабочей тетради⟩ 1907—1917 гг.»; ср.. «Арцыбашев крадет у меня чистые носовые платки и, засморкав их своими соплями, с успехом продает: „Ревность" — в замаскированном виде „Екатерина Ивановна"; „Закон Дикаря" — „Анфиса"» (Рабочие тетради и записи Л. Н. Андреева / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Р. Д. Дэвиса и М. В. Козьменко // Леонид Андреев: Исследования и материалы. Вып. 2. М., 2012. С. 150). На просьбу Андреева Измайлов отчасти откликнулся в фельетоне «Темы и парадоксы: Уксус и желчь писательства», где отмечал: «Разве на недавних конкурсах пьес и рассказов добрые три четверти не были пародией на его рассказы и драмы? Разве сейчас на сценах не идут окарикатуренные „Анфиса" и „Катерина Ивановна"? И разве литературная мелочь, так хорошо символизированная им в лице известного господина оттуда, из мира, не приходит к нему с откровенно циническим вопросом: не собирается ли он умереть. Зачем? Затем, чтобы и на ее долю достался кусочек вакантной после него славы...» (*БВ*. Утр. вып. 1915. 7 дек. (№ 15255). С. 2).

49

Андреев — Измайлову

Начало декабря 1915 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич.

Шлю Вам на просмотр мою статейку о «Критике»[1]. Ее мне хочется поместить в утреннем выпуске с таким примечанием от редакции: «Настоящая статья является ответом на анкету о критике, устроенную Вечерн⟨ими⟩ „Биржевыми ⟨ведомостями⟩“; ввиду размеров статей мы помещаем ее в настоящем издании» [2].

Вероятно, Вам статья покажется резкою... да она такова и есть. Но в интересах нас всех, писателей и серьезных критиков, необходимо как можно резче отмежеваться от этой словесной хулиганщины. Пусть их позлятся и покричат на меня: хуже того, что уже говорилось, сказать обо мне нельзя; молчание же часто толкуется неправильно; как робость или надменное презрение. А это неправильно: я не боюсь серьезную критику и люблю даже тогда, когда она хулит. Наши долголетние отношения тому доказательством, а ведь далеко не всё было медом в Ваших статьях, и со многими Вашими оценками я решительно не согласен.

Но у Вас критика — а это зоология и улица. Я и Мережковского-критика, сколь он ни отрицателен ко мне, уважаю и ценю, чего решительно не могу сказать о Гиппиус и Философове...[3] или Брюсове, который под маской всаживал мне в бок «кинжал»[4]. Да Вы эти мои взгляды хорошо знаете.

А что нам делать с цензурой? Отчаянно хочу писать — и вот какая участь. Буду еще пытаться. Кстати, рассказ для Рождественского ⟨номера⟩ будет, завтра сажусь, если не будет головной боли и бессонницы, как все эти дни[5].

Будь бы не цензура, которая не дает слова сказать, я бы и о критике не стал; но всё равно, пусть останется некоим документом для лит⟨ературного⟩ архива. Пусть, пусть позлятся. Позлившись и наругав, потом они становятся много сдержаннее, даже что-то культурное в них появляется.

Жму Вашу руку. Жду Вас и Иеронима Иеронимовича ⟨Ясинского⟩ к себе на тихое снежное лоно. Как тихо! Какие серебряные ночи!

Какая невинность и кроткая красота небес, инея и ныряющих в снегу восторженных собак! Приезжайте

Ваш Л. Андреев.

В сег⟨одняшней⟩ Вашей статье хорошо о москвичах: какие они бедные богачи, это верно![6] Но беда в том, что они не на лошади, а под лошадью: быт их пленил, очаровал и покорил, они под властью *вещей* и не замечают того, как от повторения живая натура становится у них натюр-морт. И меня они все убеждали отказаться от моих заблуждений и перекреститься в реалисты... «Только на госуд⟨арственной⟩ службе познается истина» — говорит Прутков[7] и они.

А сильны! А талантливы и искусны

Л⟨еонид⟩ А⟨ндреев⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 75—76 — копия письма рукой Алексея Алексеевича Измайлова, брата критика.

[1] Речь идет о статье: *Андреев Л. Н.* В защиту критики // *БВ*. Утр. вып. 1915. 17 дек. (№ 15275). С. 2. Примечание, о помещении которого просит Андреев, опубликовано не было.

[2] Речь идет об анкете «Биржевых ведомостей»; писателей просили высказаться по вопросу: «Следует ли авторам отвечать критике?» Ответы были размещены в нескольких выпусках газеты: Анкета: Следует ли авторам отвечать критике? // *БВ*. Веч. вып. 1915. 5 дек. (№ 15252). С. 3 (ответы: С. Ауслендера, А. Блока, Д. Мережковского); 6 дек. (№ 15254). С. 4 (ответы: Н. Евреинова, А. М. Ремизова, Ф. Сологуба, Тэффи); 8 дек. (№ 15258). С. 5 (ответ А. Чеботаревской). Резюмировал ответы Измайлов; см.. *А. И.* [Измайлов А. А.]. [В очень интересной анкете...] // Там же. С. 5. Помимо развернутой статьи, явившейся откликом на анкету (см. примеч. 1), Андреев также предоставил небольшую заметку, опубликованную отдельно: *Андреев Л. Н.* Ответ художника критику // *БВ*. Веч. вып. 1915. 17 дек. (№ 15276). С. 4.

[3] Отклики Д. В. Философова, З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского о творчестве Андреева см. по указателю: *Андреев: Б—2*.

[4] В. Я. Брюсов неоднократно критически высказывался о произведениях Андреева под псевдонимами; см., например: [Б. п.]. [Брюсов В. Я.]. Горестные заметы // Весы. 1906. № 12. С. 80; *Аврелий* [Брюсов В. Я.]. «Жизнь Человека» в Художественном театре // Весы. 1908. № 1. С. 143—146; *Бакулин Б.* [Брюсов В. Я.]. Проект всеобщего примирения // Весы. 1908. № 4. С. 45—46. См. также по указат.: *Андреев: Б—2*.

[5] В рождественский номер Андреев представил новеллу «Состязание с Орфеем» (*БВ*. Утр. вып. 1915. 25 дек. (№ 15290). С. 1—2).

[6] По-видимому, речь идет о статье: *Измайлов А. А.* Темы и парадоксы [Уксус и желчь писательства. — Гипертрофия реализма и беллетристика без замысла. —

Новые рассказы Бунина, Шмелева, Тренева] // *БВ.* Утр. вып. 1915. 7 дек. (№ 15255). С. 2. Начало статьи посвящено Андрееву: «„Неделя об Андрееве" как началась в Москве после постановки его последней драмы, так и прошла без перерыва у нас. Вообще, где другой писатель, ради которого исписывалось бы столько бумаги, тратилось столько огней рампы и целлулоидных фильм! Были восторженные статьи, но преобладали статьи вовсе не восторженные. Московские критики не постеснялись даже приложить к этому сильному таланту оскорбительнейшие эпитеты, которые можно, подумавши, приложить даже к последнему литературному пачкуну. В России — да и в одной ли России? — выдающийся человек — это именно тот, кто получает пощечины» (Там же).

[7] Правильно: «Только в государственной службе познаешь истину».

50
Андреев — Измайлову
11 декабря 1915 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

От продолжающейся бессонницы я начал туго соображать: правильно я пишу и поступаю или нет. Отсюда и колебания мои относительно статьи. Но Ваш отзыв (мне передали, что статья Вам понравилась) склонил весы, и я предоставляю ее для печати — с несколько измененным концом[1]. Слово «идиоты» я полагаю оставить, т. к. оно не имеет персонального значения и хорошо для стиля; но если покажется Вам резким — замените, пожалуйста[2].

Трудно работать от бессонницы, и всё задерживается, и рассказ и статьи.

Здесь мороз принимает прямо-таки угрожающий характер. Вероятно, ночью будет больше 30. Закат был красив и грозен, как за полярным кругом; всё селение наше дымится трубами, но дым не уходит, стелется по низам и оврагам и дает впечатление призрачности. Не натопишься, беда!

Вероятно, в городе всё это не так заметно? Кажется, у меня бессонница от тишины еще. Какая тишина! Чувство такое, будто находишься в затонувшей подводной лодке, на версту от поверхности.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Л. А⟨ндреев⟩
11 декабря 1915 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 45. Авторизованная машинопись.

[1] См.. *Андреев Л. Н.* В защиту критики // *БВ.* Утр. вып. 1915. 17 дек. (№ 15275). С. 2; см. также п. 49 и примеч. 1 к нему.

[2] Упомянутый пассаж был сохранен: «И чем критик безразличнее, чем менее доступна ему разница между розой и лопухом, чем более он слеп, глух и бестолков, тем продуктивнее его работа и тем больше он приближается к возвышенному образу Фемиды с завязанными глазами или сурового Рока. Ум, чуткость, широкий взгляд на мир, талант и образованность вредны критику. Способность к увлечениям — также. И наоборот: наилучшим орудием критика в борьбе является невежество и безразличие идиота (или Рока, что звучит красивее) к судьбам искусства и людей. Только при наличии этих условий критик приобретает ту великую и непобедимую свободу в борьбе с талантом, которая позволяет ему шельмовать Достоевского, находить бездарным Льва Толстого и „Ревизора" признавать фарсом. Как бы он осмелился поднять руку на „Анну Каренину" или „Братьев Карамазовых", не носи он столь твердого панциря, не будь он глух и слеп, как щедринский сенатор, не обладай он такими крепкими принципами идиота (или Рока, что звучит красивее)!» (Там же).

51
А. И. Андреева — Измайлову
13 декабря 1915 г., Петроград

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Пока я запечатывала письма, Л⟨еонид⟩ Н⟨иколаевич⟩ написал прилагаемый ответ на анкету Вечерних «Биржевых ⟨ведомостей⟩».

Если не поздно, передайте, пожалуйста, туда[1].

Я буду в городе всю среду — если что нужно, мой телефон 53-96.

Уважающая Вас

Анна Андреева
13 дек⟨абря 19⟩15 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 6. Автограф.

[1] См. примеч. 2 к п. 49. Речь идет о статье: Ответ художника критику // *БВ.* Веч. вып. 1915. 17 дек. (№ 15276). С. 4.

52
Андреев — Измайлову
4 марта 1916 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

Начал уже давно очень большое письмо к Вам — и именно потому, что большое, так и не могу окончить его. Здоровье плохо, писать трудно, и порою две какие-нибудь строчки представляются неодолимым препятствием. Посему — и дабы Вы не подумали обо мне плохого, посылаю это коротенькое.

С «Игом войны» поступайте, как Вам заблагорассудится[1]. «Requiem» постараюсь достать для прочтения — у меня у самого нет ни единого экземпляра рукописи[2]. Курьез: либеральный цензор бар⟨он⟩ Дризен[3] задерживает разрешение *вещи* на том единственном основании, что ему «непонятно». Если запретят — и шум же я предвижу! Надоели.

А работать хочется, порою даже тошнит от невысказанных мыслей. Никого не вижу, нигде не бываю, и ко мне доступ врачами ограничен. Уже месяц торчу я в больнице, да еще придется месяц, а то и полтора[4]. Читаю много, читал бы еще больше, да в глазах начинают вертеться огненные колеса.

Жму Вашу руку и желаю самого драгоценного и святого — здоровья.

Ваш Л. А⟨ндреев⟩
4 марта 1916 г.

P. S. В лотерее приму посильное участие, дам книги и какую-нибудь свою картинку[5].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 48—49. Автограф.

[1] Вероятно, речь идет об экземпляре новой повести Андреева для отзыва. См.. *Андреев Л. Н.* Иго войны: Признания маленького человека о великих днях // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Пг., 1916. Кн. 25. С. 147—233.

Отзыв о повести см.. [Б. п.]. «Иго войны»: (Новая повесть Леонида Андреева) // *БВ*. Утр. вып. 1916. 21 марта. (№ 15454). С. 4.

[2] «Реквием» — пьеса в 1 действии, опубликована в 1917 г. Пьеса была запрещена цензурой, сообщение об этом см.. [Б. п.]. «Реквием» запрещен цензурой // Вечерние известия. 1916. 13 марта. (№ 932). С. 6.

[3] Н. В. Дризен, историк русского театра и литературы, цензор.

[4] С февраля по апрель 1916 г. Андреев после сердечного приступа проходил восстановительный курс лечения в частной клинике у доктора Л. С. Абрамова (Петроград, Тверская ул., д. 10). См.. *Фидлер*. С. 684; Л. Андреев: Письма к А. П. Алексеевскому / публ. В. Н. Чувакова // *Ежегодник РО ПД* на 1977 г. С. 192.

[5] Речь идет о лотерее «Союза городов» в пользу солдат, которая состоялась в Петрограде в оперном зале Народного дома 24 марта 1916 г. Измайлов принимал участие в организации и проведении этого благотворительного мероприятия (подробнее о лотерее см. п. 53 в переписке Измайлова и В. Я. Брюсова // Наст. изд., с. 213—214).

53
Андреев – Измайлову
10 марта 1916 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич.

Я написал: Буниным[1], Шмелеву, Телешову, Белоусову, Голоушеву, Горькому, Вересаеву и еще один бланк оставил на случай, кого вспомню[2].

Если потребуется еще кому-нибудь написать особо, сообщите, пожалуйста. Жму Вашу руку

Ваш Л. А⟨ндреев⟩.
10 марта 1916

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 1. Л. 1. Автограф. В основной коллекции писем Андреева к Измайлову сохранилась копия этого письма рукой Алексея Алексеевича Измайлова, брата критика (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 73).

[1] Ивану Алексеевичу и Юлию Алексеевичу.

[2] Подразумевается типовое, отпечатанное на машинке, письмо на бланке Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам с приглашением стать вкладчиками лотереи (текст письма см. в переписке Измайлова и В. Я. Брюсова, п. 53 // Наст. изд. С. 213—214).

54
Андреев — Измайлову
18 марта 1916 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

На собрании быть, конечно, не могу. Сегодня получил письмо от Белоусова, что он и другие уже послали свои книги[1]. Я могу дать собр⟨ание⟩ своих сочинений (если нужно, то в двух экземплярах) и эскизы пастелью в раме. Рукопись — право, не знаю, какую. Последние годы я черновики пишу на Ремингтоне, а из прошлого осталось только для себя. Будь я дома, я еще поискал бы, а отсюда трудно. Бланки присылайте[2].

Доктора решительно запрещают мне работать, отсюда — рассказы на Пасху соорудить не могу[3]. И вообще хотелось бы побеседовать относительно «Бирж⟨евых⟩ ведомостей», но — и беседовать не рекомендуют.

Жму Вашу руку.

Леонид Андреев
18 марта

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 67—67 об. Автограф.

[1] Подразумеваются материалы, переданные для лотереи; см. примеч. 5 к п. 52 и примеч. 2 к п. 53.

[2] Речь идет о приготовлениях к лотерее «Союза городов».

[3] См. примеч. 4 к п. 52.

55
Андреев — Измайлову
21 марта 1916 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

Ей-богу, не знаю, как быть. Сюда, ко мне и думать нечего, Вас с компанией просто не пустят — в 10 ч. здесь всё погашено и спит. Вдобавок здоровье мое эти дни резко ухудшилось[1].

Как ни трудно, в четверг (в среду нельзя!) вечером приду, куда прикажете. Назначьте только точный час, и так, чтобы не особенно долго, и чтобы к *12* я мог непременно вернуться в узилище. И куда?[2]

Перстня у меня нет, и печати нет — как быть? Книги и картинку постарайтесь, чтобы завтра доставили из дому, пришлите за ними в среду к 5 ч.[3]

Жму Вашу руку

Л. Андреев

21 м⟨арта⟩.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 65—65 об. Автограф.

[1] См. коммент. 4 к п. 52.

[2] На четверг, 24 марта 1916 г., был запланирован розыгрыш лотереи, Андреев должен был исполнить роль председателя лотерейной комиссии. Отсутствовавшего писателя заменил Измайлов. См. в наст. изд. в переписке Измайлова и В. Я. Брюсова примеч. 2 к п. 53.

[3] Подразумеваются лоты для розыгрыша в благотворительной лотерее «Союза городов».

56
Андреев — Измайлову
22 марта 1916 г., Петроград

Александру Алексеевичу Измайлову

Дорогой Александр Алексеевич.

Когда в «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостях⟩» появилась о моем «Монументе» пошлая заметка Б. Садовского[1], я не счел нужным реагировать на это, хотя и удивился неприятно, почему именно ему дали писать о театре и обо мне. Теперь после «Исповеди антисемита» Тинякова в «Ж⟨урнале⟩ Ж⟨урна⟩лов» Вы видите, что Садовскому не место среди сотрудников «Биржевых ⟨ведомостей⟩»[2]. Будьте добры, передайте мой взгляд на это и Михаилу Михайловичу[3].

Просто не знаю, как быть относительно четверга. Я решительно простудился и не могу сойти даже к телефону, вот напасть. И если не поздоровею, то... не знаю, как быть[4]. За «Иго войны» спасибо[5],

но беда с другой стороны: теперь журналы просят «отрывочек» для Пасхи... даже «Сатирикон» просит[6]. Вот чудаки.

Прилагаемое «Письмо в редакцию» можно озаглавить, если найдете удобнее, *«О газете „Речь“»*[7].

Жму Вашу руку. Если заболеете, умирайте сразу, но в больницу не ложитесь.

Ваш Л. А⟨ндреев⟩.
22 марта.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 62. Авторизованная машинопись.

[1] Подразумевается отзыв: *Садовской Б.* Кривое зеркало // *БВ.* Утр. вып. 1916. 14 февр. (№ 15384). С. 7—8. В заметке речь идет о принятии театром «Кривое зеркало» к постановке пьесы Л. Андреева «Монумент».

[2] А. И. Тиняков, поэт, литературный критик. Речь идет о затяжном конфликте Б. Садовского и Тинякова, результатом которого стала публикация последнего в «Журнале журналов» «Исповеди антисемита» (1916. № 13). В этом памфлете Тиняков открыто обвинил Садовского в том, что тот ввёл его в черносотенные круги и познакомил с литераторами крайне правых взглядов Борисом Никольским и Василием Розановым. См. подробнее об этом: Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913—1918 / публикация С. В. Шумихина // Звенья. 1992. № 2. С. 349—350; *Варжапетян В.* «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи: Повесть в документах //Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 21.

[3] М. М. Гаккебуш.

[4] См. примеч. 2 к п. 55.

[5] Подразумевается заметка: [Б. п.]. «Иго войны»: (Новая повесть Леонида Андреева) // *БВ.* Утр. вып. 1916. 21 марта. (№ 15454). С. 4.

[6] Андреев откликнулся на просьбы «сатириконцев»; см.. *Андреев Л. Н.* Мои анекдоты: новые листки из «Моих записок» // Новый сатирикон. 1916. 22 дек. (№ 52). С. 3.

[7] Письмо Андреева об антисемитских статьях сотрудника «Речи» А. И. Тинякова в газете «Земщина»: *Андреев Л.* [Письмо в редакцию] // *БВ.* Утр. вып. 1916. 23 марта. (№ 15458). С. 6. Ответ «Речи» на это письмо см. в примеч. 2 к п. 56. В этом же выпуске было опубликовано письмо Б. Садовского: «Прошу уважаемую редакцию „Биржевых ведомостей“ не отказать мне в помещении следующего письма. В № 13 „Журнала журналов“ находится заметка г. А. Тинякова „Исповедь антисемита“, в коей говорится, что я имел какое-то касательство к статье г. Тинякова, напечатанной в „Земщине“ в 1913 г. По этому поводу считаю нужным заявить, что я *никогда никакого отношения к „Земщине“ не имел.* Что касается „правого профессора“ N, упомянутого в заметке, то я действительно знаком с одним „правым“ профессором, но с ним сблизился исключительно на почве долговременного изучения поэта-классика, рукописями которого этот профессор владеет. Борис Садовской» (Там же).

57
Андреев — Измайлову
25 марта 1916 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич.

Я говорил с Садовским, и мне показались удовлетворительными его объяснения. Оговор Тинякова вызван злобностью и местью и не может послужить достаточным основанием к тому, чтобы ломать человеку всю жизнь. Наконец, «письмо» Б. Садовского звучит вполне определенно и исчерпывающе.

При этих условиях я ничего лично не имею против дальнейшего участия Садовского в «Бирж⟨евых⟩ ведомостях»[1].

Жму Вашу руку. Всё еще крепко нездоров — и когда этому будет конец, о Господи!

P. S. А какие лжецы в «Речи», какие шулера![2]

25 марта 1916 г.

P. P. S. Что-то у меня есть подозрение, что я послал Вам письмо чужое, случайно запечатав его в конверт с Вашим адресом. Верно это? Ибо вдруг нахожу на столе это письмо, которое, я был убежден, уже давно послано Вам. Коли ошибка произошла, то пришлите мне то письмо обратно.

Кончились Ваши муки с лотереей?

Ваш Л. А⟨ндреев⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 74 — копия письма рукой Алексея Алексеевича Измайлова, брата критика.

[1] См. примеч. 7 к п. 56.

[2] Речь идет о заметке: *Скептик*. Литературные нравы // Речь. 1916. 24 марта. (№ 82). С. 2. В ней сообщалось: «Бывший сотрудник наш А. Тиняков напечатал письмо в редакцию одного журнала, в коем сообщалось, что в 1913 г. он печатался в „Земщине", а в 1914 г. стал работать в „Дне" и в 1915 г. в „Голосе", „Речи" и других газетах. По поводу письма г. Тинякова Леонид Андреев пишет письмо в редакцию „Биржевых ведомостей", чтобы рекомендовать „Речи" некоторую осторожность. При этом, однако,

г. Андреев почему-то говорит о „Речи", хотя, как уже упомянуто, А. Тиняков сообщает, что в „Речь" он пришел из „Дня", а туда из „Сев⟨ерных⟩ записок" Странно это тем более, что, как точно так же в письме г. Тинякова указано, его сотрудничество в „Речи" было прекращено, даже прежде чем стало известно об его участии в „Земщине", и, следовательно, совет о некоторой осторожности является, пожалуй, излишним ⟨...⟩ Л. Андреев печатает, как сказано, письмо в „Биржев⟨ых⟩ вед⟨омостях⟩", где одним из его ближайших соратников является г. Борис Садовской. Как же не заметил г. Андреев в письме г. Тинякова, что только один Садовской и знал об его сотрудничестве в „Земщине" и, как говорит Тиняков, „Садовской увлекал меня на провокаторский путь" Где же та... осторожность, в требовании которой г. Андреев проявил так много инициативы?» (Там же).

58
Андреев — Измайлову
7 апреля 1916 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

Уезжаю домой, мало весьма поправившись. Теперь надежда только на летний отдых и солнце. Буду ждать, что в один чудесный апрельский день Вы с Иеронимом Иеронимовичем[1] захотите подышать хорошим воздухом и посетите меня.

Просьба к Вам. Пишет мне Б. Садовский, что Станислав Максимилианович[2] не хочет пребывания его в «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостях⟩» — так вот нельзя ли попросить С⟨танислава⟩ М⟨аксимилиановича⟩ от моего имени сменить гнев на милость и оставить Садовского[3]. Ей-богу, жалко резать человека, в котором так мало вины! Куда он пойдет? Будьте друг, убедите Проппера!

Удивило меня появление в нашей газете (могу я так называть ее?) П. Когана, человека бездарного, мне, как писателю, враждебного[4]. Зачем он понадобился? Боюсь, что некоторая погоня за «именами» (Андрей Белый, напр.) приведет газету к той нейтрализации, серому цвету, какой дает спектр при вращении. Можно быть вне партий, но направление → необходимо, а о каком направлении скажет такая сумма: Бурцев + Мережковский + Андрей Белый + Тан + Андреев? Да еще Коган![5]

И как-то вянет желание работать, когда рядом юлит некто, ценный, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, в другом месте, но здесь ослабляющий тебя противуположностью своих идей и настроений. Будто в своем лице теряешь в пестроте этих физиономий, попадаешь вместо *собрания* — в случайную толпу на Невском, где в солнечный день встретились «*именитые*». Говорю, как художник: стиля нет!

Крепко жму Вашу руку — желаю хороших праздников[6].

Приезжайте!

Ваш Леонид А⟨ндреев⟩
7 апреля 1916 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 50—51 об. Автограф.

[1] Ясинским.

[2] Проппер.

[3] См. п. 56, 57 и примеч. к ним.

[4] П. С. Коган, историк литературы, критик, литературовед, переводчик, выступал с резкой критикой творчества Андреева; подробнее см.. *Андреев: Б—2* (по указат).

[5] В 1915—1916 гг. к участию в «Биржевых ведомостях», в том числе благодаря усилиям Измайлова, удалось привлечь ведущих литераторов того времени. В газете регулярно публиковались произведения Андреева, А. Белого, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, Ф. Сологуба, Д. С. Мережковского, И. С. Шмелева. Также в эти годы активно сотрудничали с газетой издатель, публицист В. Л. Бурцев и прозаик, этнограф В. Г. Богораз.

[6] Речь идет о пасхальной неделе.

59
Андреев — Измайлову
16 ноября 1916 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

Хочу в тесном кружке серьезных людей — для дела, а не для парада! — прочесть новую пьесу свою «Милые призраки»[1]. Был бы очень рад, если бы Вы удосужились побывать: мне и так давно хочется повидаться с Вами, а тут и случай для меня ценный — выслушать Ваше мнение. Соберемся в субботу, 19-го, часов в девять. Адрес мой: Мойка, 1, кв. 12 — угловой дом на Марсовом поле, пер-

вая дверь на набережной от угла, швейцара нет, идти вверх, пока можно. Телефон 428-28.

Крепко жму Вашу руку и жду.

Ваш Леонид Андреев
16 ноября ⟨19⟩16 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 52. Авторизованная машинопись.

[1] О чтении Андреевым в узком кругу пьесы «Милые призраки» см. заметку: [Б. п.]. День. 1916. 22 нояб. (№ 322). С. 4.

60
А. И. Андреева — Измайлову
19 декабря 1917 г., Петроград

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Вчера приехала в город, звонила к Вам, также сегодня весь день — всё неудачно. Леон⟨ид⟩ Ник⟨олаевич⟩ получил Ваше письмо. Прежде всего, извиняется, что не пишет Вам, а передает через меня. Собирается он в город после Нового года, приехав, первым делом известит Вас, чтобы встретиться и поговорить[1].

Теперь же сидит в снегах и «переживает». И сердце его тихо работает.

Шлет Вам свой сердечный привет и пожелания здравствовать.

Всего доброго!

Уважающая Вас

Анна Андреева.
19 дек⟨абря 19⟩17 г.
Петроград.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 7—7 об. Автограф.

[1] Возможно, речь идет о письме, в котором Измайлов предлагал Андрееву сотрудничать в «Петроградском листке»; см. п. 61.

61
Андреев — Измайлову
25 марта 1918 г., Ваммельсуу

Дорогой Александр Алексеевич!

Так нам и не удалось побеседовать в городе. Правда, мне очень трудно было, ввиду тяжелой болезни матери[1], располагать временем, а потом, в связи с тогдашними событиями, предполагаемым приходом немцев и пр., пришлось поспешно эвакуироваться в деревню. И никого в Питере я так и не повидал.

В ожидании случая, когда нам удастся поговорить толком, изложу вкратце мой взгляд на газетную работу[2]. Прежде всего, не знаю, буду ли я вообще работать по части публицистики или совсем откажусь от этого дела. Что ни говорить, газета и политика убивают искусство, и я особенно почувствовал это по «Р⟨усской⟩ в⟨оле⟩»[3], когда за *целый год* я не написал ни одной беллетрист⟨ической⟩ вещи; больше того — и сейчас ничего писать не хочу и не могу, настолько опустошена голова.

Во-вторых — если даже и стану работать в газете, то отнюдь не теперь. Подцензурно я писать не умею, пишу плохо, а если заговорю во весь голос, то немедленно вас закроют, и хуже того. В то же время, что бы я и как бы я ни написал, сейчас это будет бесполезно. Надобно, чтобы этот период миновал, надобно, чтобы ряд явлений, лиц, настроений и мыслей в логическом следовании своем изжили самих себя и освободили место для *следующего* этапа русской жизни. Мне лично кажется, что этот новый приближающийся период будет временем собирания и стройки, работы положительной и созидательной. Вот тогда можно будет говорить, тогда всякое прямое, решительное и громкое слово будет иметь большую ценность. Огромные задачи, которые встанут перед Россией, потребуют величайшего напряжения и концентрации сил и оплодотворят нашу работу. Что пользы в сохе, когда земля покрыта снегом и скована морозом? Пусть хоть проталины покажутся.

И третье — если я решусь пойти в газеты, то лишь при непременном условии совместного редактирования. Это не самолюбие

и не надменность, это простое сознание факта, что лишь при таких условиях я могу принести максимум пользы и проявить силу, на какую я способен. Мне только два месяца пришлось редактировать «Р⟨усскую⟩ в⟨олю⟩», газету полуразрушенную, полуразоренную, всячески сбитую с толку, связанную всяческими тяжелыми договорами с сотрудниками, дискредитированную, охаянную, — и за это короткое время было сделано уже много для ее реставрации. И, если бы не разочарование пайщиков, обжегшихся на молоке и дувших на воду, их горечь о зря растраченных деньгах; если бы не закрытие газеты, если бы дать мне, одним словом, только полгода для продолжения работы, — газета стала бы неузнаваема. Ведь на руках у меня были уже новые сотрудники, новые крупные силы, раньше не желавшие иметь дело с «Р⟨усской⟩ в⟨олей⟩», но... пустить их в работу уже не было возможности, было поздно.

Главное же, в чем я убедился, — что отдельными статьями, как бы ни были они сильны, делу мало поможешь. Только при согласованности частей, при единстве всех фронтов и поддержке друг друга можно достигать крупных результатов. И когда некоторые мои статьи из «Р⟨усской⟩ в⟨оли⟩» размножались разными издательствами в миллионах экземпляров, то это было печальным показанием для самой газеты: надобно, чтобы весь газ⟨етный⟩ лист, вся газета размножалась, а не отдельные, особняком стоящие вещи. Именно то, что их отделяли, показывало, как мало они слиты с газетой, как слаба их органическая связь. Временами выходило так, что «Р⟨усская⟩ в⟨оля⟩» существует сама по себе, а я своими статьями сам по себе, и это мне вовсе не улыбалось. Сам по себе я могу существовать и в брошюре, и в листовке, а раз я вступил в хор, то надобно, чтобы и хору и мне было лучше. Не верх ли это нелепости, что «Гибель» идет в миллионах[4], а в «Р⟨усскую⟩ в⟨олю⟩» не прибывает и десятка подписчиков?

Убедился я и еще в одном: как будничный публицист, фельетонист на всякие темы я величина посредственная. Так, как я, многие умеют писать, а есть и такие, что пишут много лучше. Моя сила не в языке и остроумной болтовне, а в *пафосе*, который естественно может проявляться только в исключительные минуты и по ис-

ключительным вопросам. Иными словами, писать я могу и должен мало, а накачиваться должен долго; накачивание же такое, создание в себе самом подходящего настроения и чувства, может происходить лишь при условии постоянной активной работы в газете, когда, направляя и заряжая других, сам заряжаешься до насыщения. Обилие тем и вопросов, которые вечно встают передо мною и которых я сам физически не могу исчерпать, но от которых должен *освободиться*, чтобы отдать перо более важному, — создают для меня, как публициста, нужду в помощниках, в талантливых сотрудниках и выполнителях.

Я не знаю еще, буду ли я когда-нибудь работать в газете, я не знаю точно, как сконструирована редакция Вашей газеты и насколько мои притязания могут быть осуществлены реально, — но Вас я знаю и с Вами мог бы, конечно, работать при наличии общей программы. Но можете ли Вы со мной? И этого не знаю. Во всяком случае, я с полной откровенностью и прямотой отвечаю на Ваше любезное предложение и, конечно, ни в малейшей степени не рассчитываю одним этим письмом исчерпать вопрос. Дело настолько важно, что о нем придется еще много раз поговорить; и времени впереди достаточно, т. к. раньше осени я никак не думаю взяться за работы. Подумаем, поговорим и дружественно решим. Дружественно — это для меня самое существенное: не верю ни в какую работу, если в основе ее не лежит дружеское соглашение, и искренность, и полное доверие друг к другу.

Повторяю, что для меня и самый вопрос о газетной работе совсем еще не решен. Всё будет зависеть от *времени*: захватит оно, призовет к работе — буду работать, а нет — уйду в искусство. Ведь столько тем, столько мыслей, столько задач остаются неразработанными! А жизнь проходит, здоровье слабеет и страшно подумать, что за целый 1917 год я не написал ни единой строки по беллетристике. В апреле исполняется 20 лет моей литературе, и прошлый год единственный за все двадцать, когда я ничего не написал и в своем послужном списке должен отметить его нулем.

Крепко жму Вашу руку, дорогой Александр Алексеевич, и жду удобного случая, когда можно будет поговорить с большей определенностью.

Ваш Леонид Андреев
25 марта 1918 г.

Впервые: *Андреев Л. Н.* S.O.S.. Дневники (1914—1919); Письма (1917—1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918—1919) / вступ. ст., сост. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хелман. М., СПб., 1994. С. 236—238. Печ. по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 53—55. Авторизованная машинопись.

[1] А. Н. Андреева в январе 1918 г. простудилась и была госпитализирована. Болезнь отступила через три недели.

[2] См. примеч. 1 к п. 60.

[3] «Русская воля», ежедневная политическая, общественная и литературная газета, издававшаяся в 1916—1917 гг. в Петрограде. Андреев был сначала заведующим литературным отделом редакции, а незадолго до Февральской революции стал редактором газеты. Издание подвергалось резкой критике большевиков и было закрыто сразу после Октябрьской революции; типография передана газете «Правда».

[4] Речь идет о статье Андреева «Гибель», опубликованной в «Русской воле» (Утр. вып. 1917 30 апр. (№ 89). С. 3—4). Статья вышла также в виде отдельно изданных брошюр и листовок: *Андреев Л. Н.* Гибель: (Что ждет Россию). М., [1917]. 16 с.; То же. Пг., 1918. 16 с.; и др.

ПЕРЕПИСКА А. А. ИЗМАЙЛОВА и В. Я. БРЮСОВА (1909–1917)

Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Э. К. Александровой

Одно из первых обращений Измайлова к творчеству Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924) представлено в критическом обзоре выпущенного символистским издательством «Скорпион» альманаха «Северные цветы на 1901 г.», которые являют собой, по мнению автора, на первых порах воспринявшего опыты нарождавшегося в русской литературе течения резко отрицательно, «чрезвычайно характерное, хотя вместе крайне печальное и жалкое, знамение времени», производящее «тяжелое, тошнотворное впечатление»[1]. Внимание критика останавливают помещенные здесь «Отрывки из поэмы» Брюсова. В следующем году участники «Северных цветов» зачисляются рецензентом в «трогательную группу литературных бебе». В адрес Брюсова — рассказ которого «Теперь, когда я проснулся...» найден очень похожим на тексты Эдгара По — в обзоре язвительно сказано с намеренным или нечаянным намеком на происхождение писателя, что «один из авторов

Выражаю искреннюю признательность В. Э. Молодякову, пополнившему настоящую публикацию материалами из личного собрания.

[1] *Измайлов А.* Литературные заметки: I // *БВ*. 1901. 26 мая (№ 140). С. 2.

рассказывает свой кошмарный сон (дело, которым до сих пор занимались замоскворецкие купчихи)»[2].

Перемена в восприятии Измайловым представителей нового искусства наметилась в обзоре альманаха на 1903 г.: на его страницах распустились, по его выражению, «недурные цветочки». В «стихотворном рассуждении» Брюсова «Habet illa in alvo» критиком отмечены «глубина мысли, медная звучность стиха и смелость касания обычно обходимого вопроса, — черты, заставляющие прислушаться к автору, одному из совсем немногих даровитых людей, попавших в декадентский лагерь»[3]. К этому произведению, как к одному из выдающихся текстов символиста, критик будет возвращаться неоднократно в последующих отзывах[4]. С этого времени имя поэта в обзорах пропперовского сотрудника выделяется из общего перечня соратников-модернистов; ему отведены уже отдельные заметки и целые статьи. В конце 1903 г. Измайлов объявляет читателям о переходе декадентства в «новую фазу», «существеннейшие элементы» которой — «mania grandiosa, демоническое сверхчеловечество и эротизм» — выделены им на примере творчества Брюсова. В статье, посвященной только что изданному сборнику «Urbi et Orbi», на первый план выдвигается рассмотрение эротической темы, поначалу резко воспринятой критиком как «черта откровенного эротоманства»[5] с явным уклоном в патологию. Приведя про-

[2] *Измайлов А.* Литература: «Северные цветы на 1902-й г.»: I // *БВ.* 1902. 22 июня. (№ 167). С. 3. Продолжение заметки опубл.. *Измайлов А.* (Литературные заметки): «Северные цветы на 1902-й г.»: II // *БВ.* 1902. 2-е изд. 11 июля. (№ 186). С. 1.

[3] *Измайлов А.* Литературные мелочи: «Северные цветы» // *БВ.* Утр. вып. 1903. 25 авг. (№ 419). С. 2.

[4] Ср., напр.. ...до поразительной красоты возвышается глубокая и идеально отточенная ода» (*Измайлов А.* Литературные заметки: (Новая более определенная фаза декадентства: Книга стихов В. Брюсова «Urbi et Orbi») // Новая иллюстрация. 1903. 25 нояб. (№ 47). С. 15). Строки «Habet illa in alvo» «звенят прекрасно и свято, как в церковной песне, которая тоже не знает обходных слов и называет вещи своими именами 〈...〉 Сейчас только один поэт в России мог бы написать эти строки, и этот поэт — Брюсов» (*Измайлов А.* У врат горького познания: (В. Брюсов и его поэзия) // *БВ.* Утр. вып. 1910. 25 мая (№ 11730). С. 2; также: *НС.* 1910. № 5. С. 46—49).

[5] *Измайлов А.* Литературные заметки: (Новая более определенная фаза декадентства: Книга стихов В. Брюсова «Urbi et Orbi») // Новая иллюстрация. 1903. 25 нояб. (№ 47). С. 15.

странную цитату о «потехах с козой» из «In hac lacrimarum valle», рецензент рассуждает: «Лишь намечающаяся здесь черта эротизма в других пьесах г. Брюсова выступает открытее и выпуклее. Поэт не страшится называть вещи своими именами, и иногда его язык приобретает совсем библейскую откровенность»[6]. Впоследствии эпатирующие брюсовские строки, вдохновившие не одного пародиста, Измайлов предпошлет эпиграфом к своей сатирической вариации на тему экзотической любви[7]. В том же раннем отклике на «Urbi et Orbi» помещена, по-видимому, и первая из его пародий, навеянных творчеством Брюсова:

Юные поэтики
В куколки играли,
Изо рта пузырики
Мыльные пускали.
Пели-пели: «Ладушки,
Где были? — у бабушки?»
Бровки понасупивши,
Оттопырив глазки,
Говорили страшные
Вымыслы и сказки.

Влево в бельэтаже
Танцевали польку,
Шел народ направо —
Прямо в монопольку.
Юные поэтики
Пели, пели песни.
Не было возможности
Их понять, — хоть тресни...

---

[6] Там же.

[7] См.. *Измайлов А.* История русской лирики от Тредиаковского до Кузмина: (Наглядное пособие для изучения российской словесности), 1902: Любовь экзотическая: [Пародия] («Я с рассветом привскочу...») // *РС*. 1907 7 окт. (№ 230). С. 2. Вкл. в кн.. *Измайлов А. А.* Кривое зеркало: Пародии и шаржи. СПб., 1910. С. 96. Эпиграфом взяты 2, 4 и 5-я строфы стихотворения «In hac lacrimarum valle».

Песенки поэтов
Быстро в Лету канут.
Ноют, ноют юные...
Ах, когда устанут?[8]

По прошествии нескольких лет Измайлов, как будто не желая и сам становиться на место уходящих в отставку «устаревших и отяжелевших»[9] маститых критиков отживающего толстого журнала, пересматривает свой взгляд на «продукцию» нового искусства. В 1907 г., определяя декадентство как «первую грубую фазу нового течения, которая была совершенно неподкрашенным обезьянством», он оставляет за бортом настоящей литературы практически всех его представителей, делая исключение для Брюсова, сумевшего «вырасти за это время в настоящего поэта», создавшего «песни истинной красоты и полные смысла»[10].

Роман-стилизация «Огненный ангел» стал еще одним творением писателя-символиста, привлекшим пристальное внимание критика. В августе 1907 г. в восприятии этого нового произведения — как и ранее по отношению к другим текстам автора, «освобождающегося от декадентских вычуров и возвращающегося к ясному и трезвому реальному искусству»[11], — рецензент амбивалентен. В статье о новом течении в искусстве и литературе, названном Измайловым «*нео-архаизм*, возрождение старинного, или *до-реализм, пре-реализм*»[12], он зачисляет Брюсова в разряд «литературных гробокопа-

[8] *Измайлов А.* Литературные заметки: (Новая более определенная фаза декадентства: Книга стихов В. Брюсова «Urbi et Orbi») // Новая иллюстрация. 1903. 25 ноябр. (№ 47). С. 15. Пародию, помещенную в газете без строфического оформления (по-видимому, в том числе и из-за экономии места), мы позволили себе графически оформить по образцу оригинала — антологической пьесы Брюсова «На песке» («Маленькая девочка...»).

[9] *Помрачение божков.* С. 4.

[10] *Измайлов А. А.* Литературные беседы: (Непомерные претензии модернистов: Современный титанизм и эротоманство) // *РС.* 1907 10 марта. (№ 56). С. 1.

[11] *Измайлов А. А.* «Огненный ангел»: Повесть Валерия Брюсова // *БВ.* Утр. вып. 1907 9 авг. (№ 10039). С. 2.

[12] *Неблагосклонный читатель* [Измайлов А. А.]. Литературные гробокопатели // Слово. 1907 16 нояб. (№ 306). С. 2.

телей», куда, по его мнению, органично вписываются театральный режиссер Вс. Э. Мейерхольд, поэты Вяч. И. Иванов, М. А. Кузмин и С. М. Городецкий. Несколько смягчается его позиция в 1908 г.: в продолжении очередного обзора новостей литературы критик отдает дань стилизаторскому мастерству «одного из самых образованных нынешних молодых» писателей[13]. Материалы этих заметок 1907—1908 гг. легли в основу 8—11-й главок книги «На переломе», посвященных Брюсову[14]. Здесь автор, характеризуя отдел самостоятельного творчества модернистов на страницах «Весов» как «истинный шабаш, какое-то хлыстовское радение», делает исключение для очень немногого, помещенного на страницах журнала, и в частности, для «Огненного ангела»[15]. В 1909 г., обозревая литературные новинки, Измайлов находит, что в третьем томе собрания стихотворений Брюсова «Пути и перепутья» «меньше шедевров, чем в первых двух, но общая высота стиха поднимает этот том над первым». В то же время, отмечая тягу «молодых» к взаимопоклонению, критик не без иронии констатирует, что в своих посланиях поэт «так же щедро раздает патенты величия, как его юнейшие и неизмеримо слабейшие коллеги подносят ему дипломы титана, гения, пророка, демона искусства и т. д.»[16].

Личное знакомство будущих корреспондентов произошло 27 апреля 1909 г. в Москве на торжественном заседании Общества любителей российской словесности, приуроченном к столетнему юбилею Н. В. Гоголя. Здесь Брюсов произнес свою знаменитую речь «Испепеленный»[17]. На собрании присутствовал Измайлов, описавший произошедшее в репортажах для «Русского слова» и «Биржевых ведомостей»[18]. В них критик, вставая на сторону немногих высказав-

[13] *Измайлов А. А.* Что нового в литературе? // *БВ*. Утр. вып. 1908. 2 авг. (№ 10636). С. 2. О продолжении романа: То же // Там же. 20 сент. (№ 10716). С. 2.

[14] *Измайлов А. А.* На переломе: Литературные размышления. СПб., 1908. С. 16—24.

[15] Там же. С. 46.

[16] [*Б. п.*]. [Измайлов А. А.]. В литературном мире // *БВ*. Веч. вып. 1909. 14 апр. (№ 11055). С. 3.

[17] Первая публ.. Весы. 1909. № 4. С. 98—120.

[18] См.. *Измайлов А. А.*. 1) Испорченный молебен // *РС*. 1909. 28 апр. С. 4; 2) Скандал на гоголевском празднике // *БВ*. Веч. вып. 1909. 29 апр. С. 4.

шихся о Брюсове сочувственно после его провокационного выступления[19], называл автора «жертвой недоразумения»: «Со стороны Брюсова не было ни преступления, ни оскорбления. Его речь, ⟨...⟩ может быть, живее многого из того полудремотного, что мы слушали эти дни. Пусть в ней много парадоксального, но это — новое, не вошедшее в учебники, не старая жвачка»[20]. Памятное знакомство зафиксировано в личных записях обоих литераторов[21], запечатлено в дарственных надписях на первых книгах, которыми обменялись корреспонденты[22].

Не последнюю роль в развитии эпистолярного диалога, завязавшегося по инициативе Измайлова, сыграла профессиональная деятельность заведующего литературным отделом «Биржевых ведомостей» и «Русского слова». Переписка между Брюсовым и Измайловым в 1909—1912 гг. в основном носит характер общения писателя со своим критиком. Первый делится творческими планами, второй откликается на литературные новинки заочного собеседника рецензиями и отзывами. Интерес обоих друг к другу подогревается возможностью для одного, кокетливо отвергающего всякую «рекламность» и «саморекламу», заявить о себе и своей деятельности в изданиях с многотысячными тиражами, для другого — поддержать личное знакомство с героем своих критических опусов, получать сведения о нем из первых рук.

[19] Ср., напр., письма Брюсову А. В. Амфитеатрова от 15 мая, 4 июня 1909 г. (Переписка М. Горького с А. В. Амфитеатровым // *ЛН—95*. С. 152).

[20] *Измайлов А. А.* Испорченный молебен. С. 4. Подводя литературные итоги юбилейного 1909 года, Измайлов снова отметил выступление Брюсова как нечто исключительное в «загроможденном шаблонным витийством казенных ораторов, не давшем ни одного нового слова» гоголевском празднике (*Измайлов А.* На отмели: (Итоги литературного года) // *НС*. 1909. № 12. С. 74).

[21] Ср. запись в дневнике Брюсова за 1909 г.: «В Гоголевские дни ⟨...⟩ Знакомство с Измайловым» (*Брюсов В. Я.* Дневники: Автобиографическая проза: Письма / сост., вступ. ст. Е. В. Ивановой. М., 2002. С. 161). По следам состоявшегося в этот день разговора Измайлов сделал запись (апрель 1909 г.) в личном альбоме «Дела и люди» (см. здесь примеч. 1 к п. 4).

[22] См. примеч. 2 к п. 3. С письмом от 31 марта 1910 г. Брюсов, поддерживая гоголевскую тему, «осенившую» знакомство, послал корреспонденту второе издание своей «пресловутой речи» (см. п. 5 и примеч. 14 к нему).

Опосредованное слежение за литературным творчеством, а в еще большей степени непосредственные контакты с поэтом позволили воспитаннику Петербургской духовной академии расширительно взглянуть на интимную составляющую поэзии символиста. Теперь дерзость «соприкосновения полового с религиозным» в стихотворении «В Дамаск» не шокирует критика: «Нужно хорошо узнать Брюсова, чтобы в этой стороне его психики верно понять его. Было время, когда пишущий эти строки разделял всеобщий взгляд на это стихотворение как почти на преступление слова[23] ⟨...⟩ Сотрясающий захват пола, экстазы любви имеют в Брюсове предельное по силе воплощение в русской литературе не только нынешнего дня, но и всей вообще. И вот, однако, поэт, — с книгами которого нечего было бы делать порнографам и эротоманам!»[24] Кульминация приятия Измайловым литературного таланта Брюсова состоялась в его книге о писателях-современниках «Литературный Олимп» (1911), куда были помещены две заново отредактированные критиком (с учетом замечаний мэтра русских символистов, ставшего на некоторое время рецензентом своего рецензента[25]) статьи о Брюсове[26]. Здесь поэту, ранее зачастую называемому равновеликим с Бальмонтом, отдано предпочтение, а о его творчестве сказано, «что это есть истинная „литература литератора“», коснувшегося «самых последних граней и науки, и искусства, и пафоса мистики, и экстазов любви и сладострастия»[27].

По всей видимости, в начале 1912 г. переписка прервалась на три года. В этот промежуток корреспонденты обменялись только двумя

[23] Ср. высказывание Измайлова в заметке 1903 г.: ...высоко противно чтение тех пьес г. Брюсова, где откровенная эротика переплетается с религиозно-мистическими образами. Вот гадость, озаглавленная в книжке г. Брюсова аллегорическим названием — „В Дамаск“» (*Измайлов А.* Литературные заметки: (Новая более определенная фаза декадентства: Книга стихов В. Брюсова «Urbi et Orbi») // Новая иллюстрация. 1903. 25 ноябр. (№ 47). С. 15).

[24] *Измайлов А.* У врат горького познания: (В. Брюсов и его поэзия) // *БВ.* Утр. вып. 1910. 25 мая. (№ 11730). С. 2.

[25] См. п. 5.

[26] *Литературный Олимп.* С. 373—396.

[27] Там же. С. 378, 380.

письмами, в которых был затронут вопрос о привлечении Измайлова к третейскому литературному суду[28]. Первое время Брюсов еще продолжал деловые контакты с «Биржевыми ведомостями» через редактора М. М. Гаккебуша[29]. И хотя, в силу чрезвычайной занятости поэта издательскими проектами и причин личного характера, деятельное сотрудничество не было налажено, имя Валерия Яковлевича не сходило с полос петербургской газеты. В августе Измайлов откликнулся рецензией на сборник «Зеркало теней»[30], а в сентябре 1912 г., отзываясь на выход полного собрания сочинений Ф. И. Тютчева в издательстве А. Ф. Маркса[31], провозгласил поэта предтечей «многого нынешнего, во главе с В. Брюсовым»[32]. В майских выпусках 1914 г. были помещены анонимные заметки о пьесе «Четверо»[33].

13 августа 1914 г. Брюсов отправился в прифронтовую зону в качестве неофициального военного корреспондента «Русских ведомо-

[28] См. п. 19, 20.

[29] См. примеч. 1 к п. 22.

[30] См.. *Измайлов А. А.* По садам российской поэзии // *БВ*. Веч. вып. 1912. 21 авг. (№ 13101). С. 3.

[31] См.. *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч.. в 3 кн. / с критико-биогр. очерком В. Я. Брюсова, библиогр. указ., примеч., вариантами, факс. и портр. Изд. 6-е, испр. и доп., ред. изд. П. В. Быкова. СПб.. Т-во А. Ф. Маркса, [1911]. 694, XVII с.

[32] *А. Изм.* [Измайлов А. А.]. «Полный Тютчев» // *БВ*. Веч. вып. 1912. 14 сент. (№ 13143). С. 4. Еще в августе 1911 г. читатели «Русского слова» и «Биржевых ведомостей» могли узнать впечатления критика, навеянные пятым выпуском альманаха «Северные цветы» (М., 1911): «Нет ничего печальнее пережитков, и, однако, последнее время, в особенности, заявило себя усиленным тасканием мертвых с погоста» (*Измайлов А.* Мертвые с погоста: (Еще о рецидиве декаданса) // *БВ*. Веч. вып. 1911. 6 авг. (№ 12464). С. 4). Самой лучшей вещью в этом «трагикомическом» сборнике было признано вдохновленное тютчевскими строками «короткое стихотворение того же Брюсова „Демон самоубийства" на очень современную теперь тему смертного соблазна» (*Измайлов А.* Новые книги: Пятый альманах «Северных цветов» и рецидив декаданса // *РС*. 1911. 5 авг. (№ 180). С. 3). При этом Измайлова оставили равнодушным как помещенные здесь отрывки из романа «Семь земных соблазнов», так и незаконченная поэма «Подземное жилище».

[33] Без подписи, в разделе «У рампы» (*БВ*. 1914. Утр. вып. 22 мая. (№ 14163). С. 8). Стиль заметки позволяет предположить, что информация была передана в газету самим автором пьесы, по примеру других подобных сообщений, фигурирующих в переписке Брюсова и Измайлова.

стей». Но и в это время «„случайный“ сотрудник»[34] следил за «Биржёвкой» и косвенно присутствовал на страницах издания[35]. В начале января 1915 г. писатель приехал в Москву в краткосрочный отпуск. 15 января в «Голосе Москвы» было помещено интервью о его деятельности на театре войны[36], а 18 — в Литературно-художественном кружке был устроен ужин в честь Брюсова и журналиста С. С. Мамонтова[37]. В конце января корреспондент возвратился в Варшаву. Связанный с его приездом большой резонанс в прессе, вероятно, подтолкнул Измайлова к возобновлению переписки. Удаленность от столицы, материальные трудности — всё это способствовало интенсивному сотрудничеству Брюсова в «Биржевых ведомостях», «Огоньке», «Новом слове» через посредство Александра Алексеевича. Насколько ценен был для редакции теперь уже постоянный сотрудник, можно судить по тому обстоятельству, что практически все материалы, присылавшиеся им для публикации — не исключая и те, которые сам автор сопровождал категорическими самохарактеристиками, а порой и просьбой просто не печатать, а подождать лучшего[38], — все эти материалы находили место на страницах пропперовских изданий.

[34] Самохарактеристика Брюсова. См. примеч. 1 к п. 22.

[35] Так, Брюсов сообщал жене 28 августа 1914 г.: «Варшава утомила меня тем, что образовалось множество знакомств. Газеты стали писать обо мне, что вот де он у нас ‹...› Обо мне писали также в московских и петерб‹ургских› газетах (Биржевые вед‹омости›, 26 авг‹уста›)» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента: Письма к жене (август 1914 — май 1915) / общ. ред., сост., подгот. текста и коммент. М. В. Орловой. М., 2015. С. 27). Имеется в виду: [Б. п.]. Брюсов в Польше: Прием Брюсова польскими писателями: (По телеграфу из Москвы) // *БВ.* Веч. вып. 1914. 25 авг. (№ 14333). С. 3; То же // Там же. 26 авг. (№ 14334). С. 4.

[36] См.. *И. М.* В. Я. Брюсов о военных корреспондентах: (Беседа с В. Я. Брюсовым) // Голос Москвы. 1915. 15 янв. (№ 11). С. 2.

[37] См.. Известия Московского литературно-художественного кружка. 1915. Вып. 10. С. 39. Ср.. «На ужине присутствовали около 100 человек: членов дирекции и Кружка, литераторов, артистов, общественных деятелей» ([Б. п.]. Чествование В. Я. Брюсова // Русские ведомости. 1915. 20 янв. (№ 15). С. 6). Заметки об этом событии были помещены в «Голосе Москвы», «Утре России», «Русских ведомостях», «Вечерней газете» (Вильна) и др. изданиях.

[38] Ср. п. 35, 37, 41, 44, 55, 57 Известно только два случая, когда опусы Брюсова были отклонены: см. п. 39, 46.

Приобретя в лице Брюсова деятельного «вкладчика» издания, Измайлов задумал привлечь писателя и в качестве военного корреспондента. По-видимому, потенциальная готовность сотрудничать в петербургской газете в новом статусе, в числе прочих причин, обусловлена и непростыми отношениями поэта с редакцией «Русских ведомостей». На нещадное «царапание», сокращение его статей и корреспонденций он не раз сетует в письмах жене[39]. Получение письма от московского редактора с просьбой продолжить поставлять материалы для издания поставило точку на едва начавшихся переговорах. Спустя более полугода, в ноябре 1915 г., по-видимому, имея в виду неизвестное нам повторное приглашение редакции «Биржевых ведомостей», он добавлял в послании к Измайлову извинительную ремарку[40].

Личное знакомство, регулярное эпистолярное общение подвигли недавнего зоила стать по отношению к Брюсову-писателю чуть ли не на защитительные позиции[41]. Но декадентские «вычуры» раннего творчества, «фиолетовые руки» и «белые ноги» ⟨так!⟩ он еще долго «не простит» поэту. В марте 1915 г. в целом сочувственно

[39] Ср., напр., письма от 14 октября и 1 ноября 1914 г., 18 февраля, 1, 28 марта, 1 апреля 1915 г. (опубл.. *Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 64, 75, 151, 161, 179, 180, 183). Большие сокращения, которым подвергались эти корреспонденции, связаны в том числе и с требованиями военной цензуры. Статьи републикованы в кн.. Политика и поэтика: Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: Публ., исслед. и матер. М., 2014. После очередного отказа властей в признании за ним статуса военного корреспондента Брюсов в письме от 6 августа 1914 г. обсуждает с супругой причины и следствия этого решения, возможность дальнейшего сотрудничества: ...если обстоятельства не изменятся (а они, вероятно, не изменятся ⟨...⟩ думаю всё же вернуться в Москву» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 35). А в письме жене от 14 октября речь заходит о потенциальной конкуренции со стороны вновь командированного от «Русских ведомостей» корреспондента: «А что же я? Послал в том смысле запрос А. А. Мануйлову. Может быть, посылка того Конткова-Конькова — намек, что я им больше не нужен» (там же. С. 63).

[40] См. п. 47

[41] См. его полемизирующую с книгой А. Шемшурина «Футуризм в стихах В. Брюсова» (М., 1913) статью: *Измайлов А. А.* Боемструй и Влетубух // *РС.* 1914. 18 янв. С. 4. Здесь Измайлов, развенчивая исследовательский «метод» автора, позволивший последнему назвать Брюсова «предтечей футуризма», иронично углубляет родословную течения до «старика» Пушкина: ...первым футуристом был, конечно, он» (Там же).

откликаясь на «Озимь» Бориса Садовского[42], Измайлов упрекнет автора «оригинальной юбилейной статьи», посвященной Брюсову, в личном раздражении против того, кого сам когда-то назвал «первым русским поэтом наших дней»[43]. Не вступая в полемику, рецензент вновь становится на излюбленную стезю критика «русского décadence'a»[44], «застрельщика строкогонов»[45] и со злорадством солидаризируется с упреком Садовского в адрес Брюсова, сближающего писателя с футуристами.

В апреле 1916 г., прервав сотрудничество с «Биржевыми ведомостями» и «Русским словом», Измайлов возглавил редакцию «Петроградского листка». Под управлением нового редактора на тот момент популярное издание, не выделявшееся из общей массы бульварной прессы для городских низов, стало приобретать более благообразный вид, «олитературиваться»: к сотрудничеству были привлечены известные писатели и общественные деятели[46]. Однако регулярные письма к Брюсову 1916—1917 гг., призывавшие стать вкладчиком «Петроградского листка» или поучаствовать в многочисленных анкетах на разные темы, в большинстве случаев не приносили искомого. И дело, по-видимому, заключалось не в том, что поэту было «глубоко ненавистно» «всё, что носит характер хотя бы самой слабой саморекламы»[47] — о чем он не раз лукаво сообщал своему корреспонденту еще в период сотрудничества Измайлова

[42] См.. *Садовской Б. А.* Футуризм и Русь: Юбилей безвременья (1889—1914) // Садовской Б. А. Озимь: Статьи о русской поэзии: (К. Бальмонт. А. Блок. В. Брюсов. И. Северянин. Футуристы). М., 1915. С. 24—25; 33—46.

[43] *Измайлов А. А.* Темы и парадоксы: Современная накипь. — Молодое поколение у молодых романистов // *БВ*. Утр. вып. 1915. 30 марта. (№ 14753). С. 2.

[44] По выражению В. В. Розанова, см.. *Варварин В.* [Розанов В. В.]. Критика русского decadence'a: А. А. Измайлов. Помрачение божков и новые кумиры // *РС*. 1909. 29 сент. (№ 222). Цит. по: *Розанов.* [Т. 19]. С. 304—310.

[45] Выражение Алексея Крученых, см.. *Крученых А.* Наш выход: Воспоминания // Русский футуризм: Стихи, статьи, воспоминания / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. СПб., 2009. С. 585. В еще более категоричном варианте карикатуриста Ю. Гом-Барга (наст. имя — Юлий Яковлевич Гомбарг-Идарский, 1880—1954) Измайлов представлен «декадентским пугалом» (Оса. 1912. № 9. [Обложка]).

[46] См. примеч. 4 к п. 67

[47] См. п. 63.

в «Биржевых ведомостях», не забывая, однако, посылать перечни работ, которыми был занят, сообщения «от третьего лица» для литературной хроники и пр. Представляется, что маститый писатель в некоторой степени гнушался неизвестного ему издания, о чем в смягченном виде он и давал понять в ответных корреспонденциях. Впрочем, настойчивость редактора была вознаграждена, и в новогоднем номере петроградского издания за 1917 г. было помещено стихотворение Брюсова «Путь и жизнь»[48].

Революция 1917 г. разъединила заочных собеседников, прервала их переписку. Однако диалог их не завершился. Последнее слово сказано было не в письме, а позже — в марте 1921 г. Измайлов, прошедший в своем восприятии брюсовского творчества извилистый путь от полного отрицания молодых декадентских опытов до чуткого улавливания смыслов и настроений нового литературного течения, итог собственной жизни подвел эпитафией, выбранной за несколько лет до смерти — неточной цитатой из раннего стихотворения Брюсова[49] — «Я жил, я мыслил, я прошел как дым»[50].

Избранные девять писем Брюсова и выдержки из писем Измайлова ранее были опубликованы Э. С. Литвин, одно письмо, а также фрагмент письма Брюсова и одно письмо Измайлова опубликованы В. Э. Молодяковым[51].

[48] См. п. 70.

[49] Имеется в виду стихотворение «В дни запустений» («Приидут дни последних запустений...») из сборника «Tertia Vigilia: Книга новых стихов: 1897—1900» (М.. Скорпион, 1900). В оригинале последняя строка звучит: «Я был, я мыслил, я прошел как дым...

[50] В. В. Смиренский свидетельствует в своих воспоминаниях об Измайлове: «Весь этот год он подумывал о смерти, предчувствуя свой близкий конец. У него уже было написано завещание, и даже была сделана доска на могильный крест, которую он мне однажды показал. На ней было написано: „Я жил, я мыслил, я прошел как дым"» (*Андрей Скорбный* [Смиренский В. В.]. Александр Алексеевич Измайлов: Монография. Пб., 1922, с. 16). Могила Измайлова с этим надгробием на Смоленском кладбище в Петербурге сохранилась.

[51] См.. *Брюсов В. Я.* Письма к А. А. Измайлову / публ., вступ. ст., примеч. Э. С. Литвин // *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. Л., 1980. С. 231—249; Неизданный Брюсов: Статьи, заметки, письма / публ. В. Э. Молодякова // Новый журнал. 2000, Нью-Йорк. Кн. 218. С. 97—99; Вокруг Брюсова: Неизвестные материалы / публ. В. Э. Молодякова // Библиофильские известия. 2013. № 18. С. 20—22.

Известны тридцать шесть писем Измайлова Брюсову, из них одно неотправленное, и тридцать четыре письма Брюсова Измайлову, из них одно неотправленное, и одно письмо, восстановленное из двух фрагментов, хранящихся в разных архивах. Письма Измайлова публикуются по автографам НИОР РГБ (Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 14, 15; Карт. 81. Ед. хр. 28), РГАЛИ (Ф. 1890. Оп. 1. Ед. хр. 144) и из собрания В. Э. Молодякова. Письма Брюсова воспроизводятся по автографам РО ИРЛИ (Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44), ОР РНБ (Ф. 124. Ед. хр. № 674; Ф. 309. Ед. хр. 5), НИОР РГБ (Ф. 386. Карт. 71. Ед. хр. 23).

1
Измайлов — Брюсову
3 мая 1909 г., С.-Петербург

Искренноуважаемый Валерий Яковлевич,

Посылаю Вам сохранившийся у меня корректурный оттиск заметки о Вас. Это было помещено (только без опечаток, возможных здесь) в январской книжке «Нового слова», — ежемесячного приложения к «Бирж⟨евым⟩ ведомостям»[1].

Любопытнее был в таком же роде и настроении, но не такой общий и поверхностный фельетон мой в прошлом году в «Слове» (Федорова) за подписью «Неблагосклонный читатель»[2]. К сожалению, он у меня не сохранился. Объединение этих двух фельетонов будет в книжке моей о новейшей литературе «Помрачение божков», сейчас печатаемой Сытиным[3].

Шлю искренний привет и еще раз выражаю мою радость по поводу моего знакомства с Вами[4].

Искренно уважающий Вас

А. Измайлов.
3 мая ⟨1909⟩

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 14. Л. 1—1 об. На личном бланке.

[1] Подразумевается корректурный оттиск статьи Измайлова «Новый хмель на старых руинах: Новые веяния в русском стихотворстве» (там же. Л. 2—3; опубликована: *НС*. 1909. № 1. С. 53—58).

[2] «Слово» — ежедневная политическая, общественная и литературная газета, выходила в Петербурге с 1903 по 1909 г. С 1906 г. редактором и издателем был М. М. Федоров. Имеется в виду фельетон: *Неблагосклонный читатель* [Измайлов А. А.]. Литературные беседы: Поэзия современной мысли: («Пути и перепутья», т. 2 В. Брюсова) // Слово. 1908. 29 марта (№ 418). С. 2.

[3] Статьи включены в книгу «Помрачение божков» (глава «Хмель на руинах». С. 14—23). И. Д. Сытин — издатель, владелец газеты «Русское слово», в которой Измайлов сотрудничал с 1905 по 1916 г.

[4] Знакомство состоялось 27 апреля 1909 г. в Москве на торжественном заседании Общества любителей российской словесности, приуроченном к столетнему юбилею Н. В. Гоголя. Подробнее см. во вступ. ст.

2
Измайлов — Брюсову

Начало декабря 1909 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Редакция «Огонька» намерена дать своим читателям автографические ответы выдающихся людей мира искусства и литературы и общественных деятелей на вопрос, какие пожелания высказали бы они России к наступающему году.

Она позволяет себе беспокоить Вас просьбою дать такой ответ, подписав его собственноручно, и прислать его не позднее 10 сего декабря[1].

Примите уверение в совершенном почтении
и искренней преданности

А. Измайлова.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 35. Типовое, машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Огонька».

[1] Брюсов участие в анкете не принял; см. п. 3. Подробнее об анкете и участниках см. в наст. изд. в переписке Измайлова с В. В. Розановым, п. 19.

3
Брюсов — Измайлову

9 февраля 1910 г., Москва

9 февр⟨аля⟩ 1910.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Прочел я недавно в «Русс⟨ком⟩ слове» Ваш фельетон, где Вы хороните «Весы» и говорите несколько «добрых» слов обо мне[1].

Хочется в ответ сказать Вам свое благодарю. К тому же я всячески в долгу перед Вами. Я еще не благодарил Вас за Вашу книжку о «божках и кумирах»[2]. Читал ее с большим любопытством. Она «больше себя», т. е. больше того, что обещает. В ней также есть строки, за которые я Вам всячески признателен[3]. С иным, конечно, не согласен, — напр⟨имер⟩, с безусловным осуждением моего «⟨Огненного⟩ ангела»[4]. Сам я мой роман люблю и утешаюсь тем, что он нравится в Германии (осенью вышел немецкий перевод)[5]. Потом должен я извиниться перед Вами, что не ответил на анкету, устроенную Вами[6]. Но очень уж я избегаю отвечать на анкеты. В сущности, способны на это лишь великие мудрецы или великие остроумцы; иначе всегда выходит в лучшем случае что-то недоговоренное, в среднем — общее место, в худшем — пошлость. Все эти три возможности вовсе меня не соблазняют, и я осторожно молчу. Простите такое лукавство.

Ваш Валерий Брюсов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 1. На бланке «Общества свободной эстетики». Впервые: *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. С. 237.

[1] Ср.. «„Весы" приказали долго жить. Вышли октябрьский и ноябрьский номера, соединенные в одну книжку, и подписка на будущий год прекращена ⟨...⟩ „Весы" кончаются, едва выдержав круг шести лет. Они возникли в самый расцвет модернизма. И вот последний, шестой, год существования они были уже пережитком старины. И Брюсов, и Бальмонт отошли от них фактически. Идейно они уже давно стали им чужды. Брюсов давным-давно бросил шалости своей юности. Шесть лет, — и всё так по-другому! Так преходит слава мирская! Рядом с претенциозной мазней непризнанных художников, поставляющих вот еще и в этот последний номер „Весов" якобы символические картинки голых женщин ⟨...⟩ здесь помещались талантливые вещи настоящих поэтов, чудесные стихи Брюсова, александрийские песни Кузмина, проникновенные догадки Розанова, уводящие в светозарный мир мистики ⟨...⟩ Жмурясь на юродства, чуткий читатель ласково останавливается здесь на этих страницах» (*Измайлов А.* Литературные беседы // *РС.* 1910. 5 февр. (№ 28). С. 2).

[2] Имеется в виду сборник «Помрачение божков и новые кумиры» (М., 1910). См. дарственную надпись Измайлова на книге: «Искренноуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову на добрую память об авторе, всегда благодарном светлому дню гоголевской памяти, нас соприкоснувшему. СПб. 1909. 5 октября» (НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 1098).

[3] О творчестве Брюсова в книге сказано: «Это „умная поэзия" в том смысле, в каком масоны отличали „умную молитву", добытую мистическим *знанием*, созерцанием, от молитвы сердечной, — простого лирического вопля, исходящего из простецкого,

профанского сердца ⟨...⟩ В своих умственных исканиях Брюсов многогранен исключительно. О нем можно написать монографию ⟨...⟩ О Брюсове хочется говорить, и на нем можно многое уяснить в веке сем и в людях его. Он еще наполовину впереди, но и то, что он дал и что сейчас предстает очищенным от портившего и зеленого — во многих отношениях превосходно» (*Помрачение божков*. С. 18, 22, 23).

[4] Измайлов писал об «Огненном ангеле» (1907—1908): «Это роман стилизованный — не в том, более утонченном понимании термина „стилизация", какое создано последними годами, но в более широком понимании — подделки под старину, воссоздания тонов старины ⟨...⟩ Роман этот ростом „не выше среднего" ⟨...⟩ В своем романе Брюсов — мозаист, а не творец, составитель, а не поэт. Нет ничего, что не имело бы здесь прототипа, не было подсказано готовой книгой, старым фолиантом, словарями и сборниками старинных латинских изречений в пергаментных переплетах ⟨...⟩ Конечно, не мало его труда в этой книге. Но, образно говоря, видно, как он кряхтит, и не слышно его восторженного голоса. Вдохновение не осенило книги. Ярко выдающийся поэт современности написал обыкновенный роман. Разумеется, никакого реального психологического интереса роман Брюсова не представит и в целом, как не представляет в частях...» (*Помрачение божков*. С. 91—92). В основу этой главы книги были положены опубликованные ранее статьи и заметки Измайлова о романе: *Измайлов А. А.*. 1) «Огненный ангел»: Повесть Валерия Брюсова // *БВ*. Утр. вып. 1907. 9 авг. (№ 10039). С. 2; 2) Что нового в литературе? // Там же. 1908. 2 авг. (№ 10636). С. 2; 3) То же // Там же. 20 сент. (№ 10716). С. 2. Подробнее см. вступ. ст.

[5] Перевод «Огненного ангела» на немецкий язык был выполнен Рейнгольдом фон Вальтером. Первые два издания, авторизированные Брюсовым, вышли в Мюнхене в издательстве Ганса фон Вебера «Hyperion-Verlag»: *Brjussoff Valerius*. Der feurige Engel: Erzählung aus dem sechszehnten Jahrhundert / [Autoris. Übers. besorgte Reinhold von Walter]. München, 1910. Ср.. ...Кроме классиков издатели ⟨...⟩ знакомят немецкую публику и с новейшими русскими писателями ⟨...⟩ „Огненный ангел" В. Брюсова, его же сборник рассказов — „Республика Южного креста" („Земная ось") и пьеса „Земля" (в переводе „Erduntergang"). Все три книги Брюсова ⟨...⟩ изданы „Hyperion'ом" ⟨...⟩ „Литературное эхо" восторгается поразительной формой произведений В. Брюсова, называя его первоклассным стилистом. „Berl⟨iner⟩ L⟨okal⟩-A⟨nzeiger⟩" указывает на „Огненного ангела" Брюсова как на „сильную захватывающую книгу"» (*Черепнин А*. Русская литература в Германии // Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911. 15 марта. (№ 12/13). С. 368).

[6] См. п. 2.

4
Измайлов — Брюсову
15 февраля 1910 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Я был очень рад Вашему письму и особенно оценил, что оно писано Вашею рукою, а не на машинке, которую Вы так любите

и которую я так не люблю, как убивающую личность пишущего[1]. Очень рад, если мне удалось доставить Вам хоть одну минуту доброго настроения в реванш прежних огорчений[2].

Анкета — дело плевое и мне чужое. Я так и думал, в сущности, что Вы не ответите, ибо вопрос был уж очень глупенький, — для детей младшего возраста, — и писал Вам, просто очищая совесть. Меня огорчило бы уклонение Ваше от моего другого покушения на Вас. По-видимому, мне скоро придется быть в Москве[3]. Вы были бы очень добры, если бы позволили мне побывать у Вас и поговорить с Вами о Вас. Сейчас у меня печатается книга «Литературный Олимп»[4], куда до сих пор я не рассчитывал ввести Вас единственно потому, что все входящие сюда статьи о 10 примерно авторах сопровождаются страничками моих личных впечатлений от знакомства. Я знаю Вашу нелюбовь к газетным беседам, но я и разумею нечто совсем другое, — не рассказ о том, что у Вас бывает за обедом, а нечто психологически пояснительное, что может занимать Вашего читателя, как занимает, напр⟨имер⟩, меня.

Вот если бы в этом случае я встретил Ваш решительный отказ, это меня бы огорчило[5].

Желаю вам всего доброго.

Искр⟨енно⟩ преданный Вам

А. Измайлов
15/II.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 14. Л. 4. Машинопись с рукописными вставками.

[1] Ср. запись Измайлова за апрель 1909 г. в личном альбоме «Дела и люди», сделанную по следам состоявшегося в день знакомства с поэтом разговора: «*Брюсов*. Пиш⟨ет⟩ т⟨олько⟩ на машинке. Гипп⟨иус⟩ г⟨ово⟩рила — я это и за письма не считаю. Я стал г⟨ово⟩рить о том, к⟨а⟩к маш⟨инка⟩ убивает индивидуальность. Жаль. Он возразил, а музык⟨ально⟩-клавиш⟨ный⟩ рояль. Здесь мож⟨но⟩ совсем забыть о механизме. Т⟨а⟩к будет некогда и с машинкой. И мож⟨но⟩ будет и писать творчески с места на ней» (*Измайлов А. А.* Альбом: Дела и люди: (Заметки современника) — РГАЛИ. Ф. 227 Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 27).

[2] Вероятно, Измайлов имеет в виду прежние свои отзывы на литературную деятельность Брюсова. См. во вступ. ст.

[3] В конце февраля — начале марта 1910 г. Измайлов читал в Москве лекцию «Был ли религиозен А. П. Чехов». См.. *А. П.* [Панкратов А. С.]. Был ли религиозен А. П. Че-

хов // *РС*. 1910. 3 марта. (№ 50). С. 4—5. Подробнее см. п. 19 в переписке Измайлова и Г. С. Петрова.

[4] «Литературный Олимп: Характеристики, встречи, портреты, автографы» (М., 1911).

[5] Брюсов согласился на встречу. Ее результатом стали фельетоны, в которых корреспондент описал внешний облик поэта, его библиотеку и пр. Ср.. «В остром, внимательном взгляде Брюсова, в его сдержанном спокойствии, под которым чуется огненность темперамента, в крепко стиснутых челюстях, — от чего образовалась даже ранняя складка у носа, во всем складе этого лица, в густом, резко очерченном цвете волос бороды, — есть что-то, напоминающее зверя-хищника, насторожившуюся рысь, что-то действительно сильное, железное, непреклонное. С этим выражением удивительно гармонирует довольно любимая им поза человека, скрестившего руки на груди. Физиономист безошибочно угадал бы здесь острый ум и огромную волю 〈...〉 След действительно работающего человека лежит на этой библиотеке. Иной языковед мог бы позавидовать Брюсову в знании языков. В этой библиотеке — и французские, и немецкие, и английские, и итальянские, и испанские, и чешские, и латинские, и греческие книги. Эти полки — как бы отражение разных полос увлечений хозяина» (см.. *Аякс* [Измайлов А.]. У Валерия Брюсова // *БВ*. Веч. вып. 1910. 23 марта. (№ 11628). С. 3; 24 марта. (№ 11630). С. 4. То же // *БВ*. Утр. вып. 1910. 24 марта. (№ 11629). С. 5; 25 марта. (№ 11631). С. 6). По-видимому, в день этого свидания Брюсов вручил Измайлову свой фотопортрет с дарственной надписью: «Александру Алексеевичу Измайлову память первых встреч. Валерий Брюсов 1910, Москва» (Литературный музей ИРЛИ РАН. Ед. хр. 5565). Впоследствии критик воспроизвел этот портрет в своем сборнике «Литературный Олимп» (С. 371).

5
Брюсов — Измайлову
31 марта 1910 г., Москва

Многоуважаемый и дорогой Александр Алексеевич!

Благодарю Вас за присланные статьи. Прочел их с величайшим любопытством[1]. Не считаю себя вправе их критиковать, так как они говорят обо мне. Скажу честно, что не вспомню я, чтобы кто-нибудь говорил обо мне, в печати, с таким дружеством. Может быть, то, что Вы проходите мимо слабых сторон моей поэзии и меня, как человека, и есть главный недостаток Ваших статей. Но я могу только сказать Вам самое сердечное благодарю.

Несколько фактических поправок Вы мне, однако, позволите сделать.

I. В статье о моих стихах: Я не получал никаких «лавров Французской академии» (у Французской академии действительно есть

такой почетный значок: лавры)[2]. Вы, вероятно, спутали эти лавры с тем, что я был избран почетным членом «Международного общества мира»[3], — после приезда в Москву французских парламентариев. Но избран я был в это звание не как поэт, а как председатель московского Литературно-художественного кружка, который угощал парламентариев... Весь этот эпизод скорее комический, чем почетный для меня, и лучше об нем позабыть поскорее...

II. В статье обо мне[4]. 1) Немецкий критик усомнился не в том, что «Огненный ангел» произведение современное[5], а в том, что роман написан русским. «Я не верю в русское происхождение автора романа, — пишет критик „Berliner Lokal-Anzeiger“[6] (9 янв⟨аря⟩ 1910), — ибо такое знание этой части нашей истории едва ли допустимо у иностранца». Приблизительно то же говорил критик «Baseler Nachrichten»[7] (28 дек⟨абря⟩ 1909[8])[9]. — 2) Я ушел из «Весов» не по тем причинам, какие Вы излагаете от моего лица[10]. «Пережиточная, отсталая проповедь „Весов“ в 1910 г.» явилась *следствием* моего из них ухода, а не причиной. Так мне, по крайней мере, кажется[11]. — 3) Когда «одна московская газета» предложила мне давать ей дважды в месяц фельетоны, я не «отказался без колебаний»[12], а, напротив, *согласился*. Однако, согласившись, не сумел написать ни одного фельетона; так и не представил в газету ни строки...[13]

Всё это, конечно, пустяки, но я был бы рад, если б Вы могли всё это исправить, в отдельном издании Ваших статей, которое Вы, конечно, предпримете.

Шлю Вам и прошу принять новое издание моей пресловутой речи о Гоголе[14].

Душевно Ваш

Валерий Брюсов.
31 марта 1910.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 2—2 об. На бланке Общества свободной эстетики. Впервые: *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. С. 238—239.

[1] Имеются в виду: *Аякс* [Измайлов А.]. У Валерия Брюсова // *БВ*. Веч. вып. 1910. 23 марта. (№ 11628). С. 3; 24 марта. (№ 11630). С. 4. То же // *БВ*. Утр. вып. 1910. 24 марта. (№ 11629). С. 5; 25 марта. (№ 11631). С. 6; *Измайлов А*. У врат горького познания: (В. Брюсов и его поэзия) // *БВ*. Утр. вып. 1910. 25 мая. (№ 11730). С. 2; также: *НС*. 1910.

№ 5. С. 46—49. По всей видимости, Измайлов послал Брюсову корректурный оттиск готовившейся к печати статьи, что соответствовало его практике общения с литераторами. См., напр., переписку с Ремизовым. Ср. также запись Брюсова в дневнике (март 1910 г.): «Был у меня Измайлов. Написал обо мне две весьма любезные статьи» (*Брюсов В. Я.* Дневники: Автобиографическая проза: Письма / сост., вступ. ст. Е. В. Ивановой. М., 2002. С. 162). Эти статьи под другими названиями («Валерий Брюсов» и «В старом доме, на Цветном бульваре») вошли в книгу: *Литературный Олимп.* С. 373—386; 387—396.

[2] В статье «У врат горького познания» Измайлов писал: «Недавние дни принесли Брюсову лавры Французской академии. Понятия французов о русской литературе большею частью ударяют в курьез. Судьба на этот раз захотела быть справедливою. Случайность подсказала истину. Минуя нежного и прекрасного, но увядающего Фофанова, крикливо пышного Бальмонта, красиво задумчивого, но точно сознательно сторонящегося от ярких впечатлений и ярких красок, Бунина, — французские лавры увенчали отражение современного человека и красоту русского стиха в Брюсове, еще идущем вверх, а не вниз» (*БВ.* Утр. вып. 1910. 25 мая. (№ 11730). С. 2). При переиздании статьи в «Литературном Олимпе» Измайлов учел замечание Брюсова: этот пассаж не был включен в книгу.

[3] Международное общество мира основано в конце XIX в. как пацифистская организация, отстаивающая мирное решение международных споров. Ср. сообщение газеты «Речь», передающее слова французского ученого, дипломата, основателя ряда организаций, пропагандирующих идеи борьбы за мир: «Эстурнель де-Констан известил председателя Московского литературно-художественного кружка В. Брюсова, что он избран почетным членом Междупарламентской группы мира» ([Б. п.]. Московская хроника: (Избрание Брюсова в почетные члены группы мира) // Речь. 1910. 6 марта. (№ 63). С. 3). Об этом также: *Яблоновский С.* [Потресов С. В.]. Всемирно-мирный Брюсов // *РС.* 1910. 7 марта. (№ 54). С. 3.

[4] Имеется в виду: *Аякс.* У Валерия Брюсова. См. примеч. 1.

[5] В статье сказано об «Огненном ангеле»: «...Только что переведенный на немецкий язык, этот роман Брюсова, представляющий стилизованную подделку под рукопись XVI века, вызвал в немецкой критике совсем неожиданный комплимент по адресу русского автора. Один из критиков усомнился, что это произведение современности. Конечно, язык немецкого переводчика, в свою очередь стилизовавшего роман, усилил иллюзию» (*Аякс* [Измайлов А.]. У Валерия Брюсова // *БВ.* Веч. вып. 1910. 23 марта. (№ 11628). С. 3).

[6] «Berliner Lokal-Anzeiger» (Берлин, Германия) — ежедневная газета, издавалась с 1883 г., печатный орган немецких национально-консервативных сил.

[7] «Baseler Nachrichten» (Базель, Швейцария) — немецкоязычная газета консервативного направления, издавалась с 1844 по 1977 г.

[8] Двойная описка Брюсова. Было: 1900, исправлено на: 1910.

[9] При переиздании статьи в книге «Литературный Олимп» Измайлов внес поправку Брюсова: «С год назад этот роман Брюсова, представляющий стилизованную подделку под рукопись XVI века, вызвал неожиданный комплимент по адресу автора. Немецкий критик „Berliner Lokal-Anzeiger" усомнился в том, что роман написал действительно русский. — Я не верю, — написал он, — в русское происхождение романа, ибо такое знание этой части нашей истории едва ли доступно для иностранца» (*Литературный Олимп.* С. 392).

[10] В фельетоне Измайлова сказано: «Но Брюсов хорошо видит и отжитость тех форм, с какими когда-то выступили декаденты. 〈...〉 Всё это прошло. Нельзя уже стоять у прежней черты, — иначе покажешься смешным. Во мне, во всяком другом, то, прежнее, явилось известной стадией развития, и теперь не нужно ни мне, ни кому-либо. Еще год назад я ушел из „Весов" именно потому, что почувствовал, каким уже пережиточным, отсталым явлением стала теперь их проповедь» (*Аякс.* У Валерия Брюсова). Этот пассаж в переиздании статьи Измайлов оставил без изменений (*Литературный Олимп.* С. 394—395).

[11] Об этом см.. *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы»: (К истории издания) // *ЛН.* Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 257—324.

[12] В статье Измайлов писал: «В тишине работает Брюсов. Он сторонится газеты, считал бы пыткою срочную работу. — Я только удивляюсь на тех, кто может срочно работать в литературе, — в особенности на газетных людей. Был случай, меня довольно настойчиво просили давать фельетоны в одну газету здесь, в Москве, — я отказался без колебаний» (*Аякс.* У Валерия Брюсова).

[13] Поправка Брюсова была учтена: «Был случай, меня довольно настойчиво просили давать фельетоны в одну газету здесь, в Москве, — я согласился и — ничего не мог написать. Не ищу я и газетной славы. Так спокойнее» (*Литературный Олимп.* С. 396).

[14] Речь идет о книге: *Брюсов В. Я.* Испепеленный: К характеристике Гоголя: (Речь, прочитанная на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 г.). Изд. 2-е. М.. Скорпион, 1910. 54, IX с. (Впервые: Весы. 1909. № 4. С. 98—120). См. инскрипт Брюсова на титульном листе в составе коллекции титульных листов с дарственными надписями в архиве Измайлова («Александру Алексеевичу Измайлову дружески Валерий Брюсов. 1910» (ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 50). По терминологии современного исследователя, так выглядит «типичный инскрипт» писателя во второй половине 1900-х гг., когда «по мере упрочнения положения автора в литературном мире и расширения круга знакомых надписи Брюсова становятся не только сдержанно-официальными, но и шаблонными, обычно без индивидуализации адресата». С этой дарственной надписью для Измайлова «текстуально совпадают 38 инскриптов, среди адресатов которых весь „ближний круг" поэта» (*Молодяков В. Э.* Дарственные надписи Валерия Брюсова на книгах и фотографиях: Итоги и перспективы изучения // Брюсовские чтения 2013 года. Ер., 2014. С. 556).

6
Измайлов — Брюсову
12 мая 1910 г., С.-Петербург

С.-Петербург, 12/V 1910 г.

Душевно уважаемый Валерий Яковлевич,

Всё не собрался поблагодарить Вас за письмо и поправки и извиниться за мои ошибки.

Кстати, как имя того латинск⟨ого⟩ автора, к⟨ото⟩рый изощрялся в стих⟨отворных⟩ фокусах? Пытался и в словарях найти, — не нашел. А забыл бесследно[1].

Покорная просьба. Не дадите ли для «Нового слова»[2] (Вы на днях получите его) или стихов, или рассказ. *Очень-очень* обязали бы. Не смущайтесь подлою внешностью, — материал тут живой, а аудитория миллионная.

Привет Вам и супруге[3] Вашей.

Искренно преданный

А. Измайлов.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 14. Л. 5. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

[1] Ср.. «Брюсов показывает мне книгу одного римского поэта времен Константина Великого, который заслуживает имени прямо волшебника или фокусника слова. Он придумывает не один и не два стиха, а целую страницу гекзаметров и пентаметров, которые сохраняют смысл, читать ли их слева направо или справа налево. ⟨...⟩ На страницах стихов заглавными буквами изображаются разные фигуры, монограммы Христа, его символы и т. д. Он берет полустишия из Вергилия и комбинирует их в гекзаметры, так что получается самостоятельная поэмка совсем другого содержания» (*Аякс.* У Валерия Брюсова). Измайлов запамятовал имя Магна Децима Авсония. См. примеч. 1 к п. 14.

[2] «Новое слово» — еженедельное иллюстрированное приложение к «Биржевым ведомостям». См. п. 7

[3] Иоанна Матвеевна Брюсова (урожд. Рунт).

7
Брюсов — Измайлову
18 мая 1910 г., Москва

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас и Иеронима Иеронимовича[1] за постоянную память обо мне и за присылку №№ «Нового слова». В журнале действительно, несмотря на горестную его внешность, очень много ин-

тересного и живого. Многое было для меня ново, так что я давно уже разрезал все №№. Это, кажется, лучшая похвала[2].

Очень охотно был бы Вашему журналу полезен, но не знаю, насколько мне это доступно. Я писатель не для больших кругов, и как-то всегда так случается, что во всем, что я ни напишу, есть подробности, для «большой» публики неприемлемые. Должно быть, это во мне нечто «органическое». Я уже перестал с этим и бороться.

Пока посылаю Вам одно стихотворение[3], которое с большим трудом выбрал из числа лежащих у меня в «портфеле». Так как теперь занят я писанием маленьких рассказов, то, может быть, и из них выберу один для Вас. Но, конечно, будет это не раньше осени, так как на очереди две книги, которые должен я приготовить к сентябрю[4].

Еще раз спасибо за Ваши статьи обо мне.

Дружески Ваш

Валерий Брюсов.
18 мая 1910.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 3. Машинопись, подпись и дата — автограф Брюсова. Впервые: *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. С. 240.

[1] И. И. Ясинский. О взаимоотношениях Брюсова и Ясинского см.. *Ясинская З. И.* В. Брюсов и И. Ясинский // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С. 402—437

[2] В архиве Брюсова сохранился вариант начала письма (машинопись): «Многоуважаемый Александр Алексеевич! Благодарю Вас и Иеронима Иеронимовича за постоянную память обо мне и за присылку №№ „Нового слова" В журнале действительно, несмотря на прискорбную его внешность, интересного очень много. Надеюсь, что внешность эта обусловлена соображениями материальными, т. е. низкой подписной ценой» (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 71. Ед. хр. 23. Л. 4).

[3] Речь идет о стихотворении «Утром» («Стонет старая шарманка...»). Опубл.. *НС*. 1910. № 7 С. 3.

[4] Вероятно, имеются в виду второе издание сборника «Земная ось» (М., 1910) и «Собрание стихов» П. Верлена в переводе Брюсова (М., 1911).

8
Измайлов — Брюсову

27 мая 1910 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Стихи Ваши я передал Гаккебушу[1] и выражаю Вам от его имени глубокую благодарность. Спасибо и за добрый отзыв о журнале.

Очень ждем Вашего рассказа. Собственно, мы мало стесняемся в содержании беллетристики. Ввиду колоссальной аудитории, правда, избегаем только трогать темы нескромные и в цензурном отношении избегаем резкой левизны. Чем скорее бы Ваша вещь оказалась в наших руках, тем нам приятнее.

Все Ваши поправки в моей статье я непременно выполню при новом издании в отдельной книге. Она уже давно в наборе[2].

Кстати, позвольте еще раз докучать Вам просьбою о присылке восьми — десяти строк для автографа. Это уже срочно нужно. Портреты и автографы уже выполняются[3].

Стихи Ваши уже печатались у нас, и Гаккебуш просил позволения произвести расчет по примеру прежних[4].

Искренно преданный Вам

А. Измайлов.
27/V.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 14. Л. 6. Машинопись, обращение и подпись — автограф Измайлова.

[1] М. М. Гаккебуш, редактор газеты «Биржевые ведомости» и ежемесячного журнала-приложения «Новое слово».

[2] См. п. 5 и примеч. к нему.

[3] См. примеч. 2 к п. 9.

[4] Начало сотрудничества Брюсова в изданиях С. М. Проппера положил И. И. Ясинский, с которым поэта связывали длительные дружеские и рабочие отношения. См. его письмо Брюсову от 9 июня 1909 г.: «Пришлите для „Нового слова" (и „Огонька"), изд⟨аваемых⟩ г. Проппером, стихов. Могу предложить Вам 1 р. за строку. За прозу — (до 1 листа печ.) 200 р. за лист» (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 81. Ед. хр. 28. Л. 1). Однако на первых порах участие поэта в петербургских изданиях не было регулярным. В ответном письме от 15 июня 1909 г. он, сетуя на отсутствие материала, обещал для журнала стихи по возвращении из летнего заграничного путешествия (см.. *Ясинская З. И.* В. Брюсов и И. Ясинский. С. 433). По-видимому, исполнить обещание поэту удалось только

к поздней осени: в ноябрьском номере «Нового слова» за 1909 г. были помещены «Афоризмы Валерия Брюсова» (№ 11. С. 122).

9
Брюсов — Измайлову

5 июня 1910 г., д. Белкино, Калужская губ.

5 июня 1910. (Цветной ⟨бульвар⟩, 24. М⟨о⟩ск⟨ва⟩)[1]

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Посылаю Вам, по Вашему желанию, два своих автографа: четверостишие, написанное на визитной карточке, — не издано; восемь стихов, писанных на большой бумаге, — взяты из «Всех напевов». Воспользуйтесь тем из двух автографов, который Вам больше понравится[2].

Рассказ для Вашего журнала[3] к осени постараюсь доставить. Я хорошо представляю себе, что Вам надо, и, конечно, ничего неприемлемого не пришлю.

Извиняюсь, что отвечаю с опозданием: я уже живу в деревне...[4]

Кланяюсь Иерониму Иеронимовичу[5].

Вам преданный

Валерий Брюсов

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 674. Л. 1. Впервые: Неизданный Брюсов: статьи, заметки, письма / публ. В. Э. Молодякова // Новый журнал. 2000, Нью-Йорк. Кн. 218. С. 97

[1] В письме указан московский адрес, с которого письмо пересылалось получателю в деревню.

[2] В книге Измайлова воспроизведен автограф с отрывком (последние два катрена) из стихотворения «Голос мертвого» («Что здесь? гроб, да прах, да тление!», 1906). Вошло в сборник стихотворений Брюсова «Все напевы» (1909).

[3] «Новое слово».

[4] Лето 1910 г. Брюсов с женой провел в усадьбе Б. Обнинского в деревне Белкино (Калужская губерния). Ср. его письмо М. Горькому от 27 июля 1910 г.: «Подобно всем москвичам, лето я провожу вне Москвы, а в этом году в таком „углу", куда и письма попадают не каждый день» (*Брюсов В. Я.* Письма к М. Горькому / публ. Ю. А. Красовского и В. Н. Чувакова // *ЛН*. Т. 85. М., 1976. С. 660).

[5] И. И. Ясинский.

10
Измайлов — Брюсову
4 октября 1910 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

А что насчет рассказа? Нельзя ли получить его невдалеке.

Надеюсь, что в этом (или в крайнем случае в следующем) месяце выйдет моя книжка с главою о Вас[1].

Преданный Вам

А. Изм⟨айлов⟩
4/окт⟨ября⟩.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 14. Л. 7 На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

[1] Согласно «Книжной летописи» (№ 48. Вып. от 11 декабря 1910 г.), «Литературный Олимп» вышел в свет в начале декабря 1910 г. (запись № 27370). На титульном листе книги указан 1911 г. издания.

11
Брюсов — Измайлову
19 октября 1910 г., Москва

19 октября 1910 г.

Дорогой Александр Алексеевич,

простите великодушно долгое мое молчание. Занятия «Русской мыслью» совсем лишили меня свободного времени[1]. Свободного рассказа, увы! сейчас нет. Не хотите ли опять стихотворение? Стихами служить могу всегда.

Кстати. Я получил только шесть номеров «Нового слова». Будьте добры, распорядитесь выслать дальнейшие. И заодно, нельзя ли выслать гонорар за напечатанные стихи (если они были напечатаны)[2].

Сердечно Ваш

Валерий Брюсов

Мой новый адрес[3]: Москва, 1я Мещанская, 32.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 4. На бланке редакции «Русской мысли».

[1] Ср. в автобиографии Брюсова: «С прекращением „Весов" в 1909 г. я стал помещать свои произведения преимущественно в „Русской мысли" и через год, с осени 1910 г., был приглашен редакцией журнала заведовать литературно-критическим отделом. Эта моя деятельность в редакции „Русской мысли" длилась более двух лет, до конца 1912 г., причем мною было исполнено для журнала немало чисто редакционных работ» (*Брюсов В. Я.* Автобиография // Русская литература XX века: 1890—1910 / под ред. С. А. Венгерова. Т. 1. М., 1914. С. 116).

[2] Стихотворение «Утром» («Стонет старая шарманка...») опубл.. *НС*. 1910. № 7 С. 3. В октябрьском номере журнала были помещены «Афоризмы Валерия Брюсова» (*НС*. 1910. № 10. С. 26).

[3] В середине августа 1910 г., оставив родительский дом на Цветном бульваре, 24, Брюсовы сняли квартиру в доме купца Баева.

12
Брюсов — Измайлову
12 марта 1911 г., Москва

12 марта 1911.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас за присылку «⟨Литературного⟩ Олимпа», а больше того за всё, сказанное в книге обо мне. Сознаюсь Вам, что редко кто, из писавших обо мне, доставлял мне столько *удовольствия*, как Вы этими двумя своими статьями[1]. Я не думаю, чтобы они *вернее*, чем разные другие, изображали меня и мою поэзию. Подозреваю даже, что это вовсе *не я*, но это весьма близко к тому, чем мне *хотелось бы быть*.

Можно ли докучать Вам делами «Нового слова»? Я получил лишь 6 первых №№ за 1910 г. Не получил и № со своими стихами и не знаю даже с точностью, были ли они напечатаны[2]. Если да, нельзя ли прислать мне этот № (а также и гонорар за стихи)? Весьма обязали бы меня, если бы похлопотали обо всем этом. Но

если Вам это затруднительно, сообщите, я обращусь прямо в контору издания.

Готов, если бы Вас, или, вернее, редакцию, это интересовало, прислать еще стихотворение: на этот раз есть «в запасе» более значительные.

Кланяйтесь от меня маститому И⟨барониму⟩ И⟨еронимовичу⟩[3], которого, конечно, встречаете: всегда вспоминаю об нем с каким-то «сладким умилением»[4]: сношения с ним — из лучших воспоминаний моей юности.

Ваш душевно

Валерий Брюсов.

Мой личный адрес:

Валерий Яковлевич Брюсов
Москва, 1 Мещанская, 32.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 6—7 На бланке редакции «Русской мысли». Впервые: *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. С. 241—242.

[1] См. примеч. 1 к п. 5. На присланной Брюсову книге «Литературный Олимп» инскрипт Измайлова: «Искренноуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову на добрую память от одного из больших почитателей его таланта. 11 февраля 1911 г. СПб.» (НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 1099).

[2] См. примеч. 2 к п. 11.

[3] И. И. Ясинский.

[4] Неточная цитата из «Евгения Онегина» (гл. шестая, XIV).

13
Измайлов — Брюсову

14 марта 1911 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

«Очень рад, коли понравилась», — если позволительно моему недостоинству поправлять Некрасова[1].

О высылке Вам «Нов⟨ого⟩ сл⟨ова⟩» буду говорить с М. М. Гаккебушем, ведающим у нас «Нов⟨ым⟩ сл⟨овом⟩» вместе с Ясинским.

Я не сомневаюсь, что Ваше желание будет исполнено. И, конечно, будет послан гонорар из конторы. Раз я уже говорил об этом гонораре. Значит, забыли. Дело в том, что прямого отношения к «Н⟨овому⟩ сл⟨ову⟩» я не имею, и если когда обращаюсь к авторам с известными просьбами, то это не более как моя товарищеская услуга собратьям по редакции.

О стихотворении, которое, без всякого сомнения, будет приятно иметь для журнала, напишу Вам на днях я, или напишут ближайшие руководители журнала[2].

Очень благодарю Вас за «Ось»[3]. Как хотел написать о ней, — и — отнесло волной злободневщины!

Если бы иногда Вам вздумалось осведомить публику о большой Вашей работе, законченной или в процессе, — я был бы Вам благодарен, как заведующий «Лит⟨ературным⟩ миром» в «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостях⟩» и «Р⟨усском⟩ с⟨лове⟩».

Сердечный привет.

Ваш Измайлов
14/III.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 14. Л. 9—9 об. Машинопись с рукописными вставками.

[1] Неточная цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники» (1861).

[2] Измайлов сообщил руководителям издания о готовности Брюсова к сотрудничеству. По всей видимости, запоздалым ответом стало письмо И. И. Ясинского от 3 апреля 1911 г.: «Ваши стихотворения с удовольствием получены и с удовольствием будут напечатаны. Продолжайте Ваше сотрудничество, спасибо! М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, надумаете какой-нибудь фельетон — пришлите. Может быть, и рассказ (строк 400) — тоже. Не забывайте „Биржевых ведомостей", о чем просит Вас вся редакция, будьте рядом и примите лучшие пожелания от Вашего старого друга и поклонника» (*Ясинская З. И.* В. Брюсов и И. Ясинский. С. 435).

[3] Подразумевается: *Брюсов В.* Земная ось: Рассказы и драматические сцены: 1901—1907. Изд. 2-е, доп. М.: Скорпион, 1910. 160 с., изд. 3-е. М.: Скорпион, 1911. 166 с. По-видимому, книга была послана Измайлову. На первое издание сборника критик кратко отозвался, подводя итоги 1907 г. в литературе: «Выдающийся по яркости таланта среди модернистов, В. Брюсов издал книгу прозы („Земная ось"), интересную, но являющую больше плод головной работы, чем вдохновения...» (*Измайлов А.* Литература за 1907 год // *РС*. 1908. 4 янв. (№ 3). С. 1).

14

Измайлов — Брюсову

25 апреля 1911 г., Москва ⟨?⟩

25/IV.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, я Вам душевно благодарен за Ваши дорогие мне подарки[1]. О Верлене, вероятно, удастся написать к этой субботе в «Р⟨усском⟩ сл⟨ове⟩»[2]. Как я жалел, что к Авсонию Вы не приложили отрывков из оригинала, видимо, боясь испугать неспециалиста-читателя. В конце мая буду в М⟨оскве⟩; если Вы не уедете и позволите повидать Вас, — буду счастлив.

Искренне Ваш

Измайлов.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 14. Л. 8. На почтовой открытке. Адрес: Москва, 1 Мещанская, д. 32. В. Я. Брюсову.

[1] В качестве ответного подарка Брюсов послал Измайлову издания: *Верлен П.* Собрание стихов / пер. В. Брюсова; с крит.-биогр. оч., библиогр. и 6 портр. М.. Скорпион, 1911. 68, 201 с. (На авантитуле книги дарственная надпись: «Александру Алексеевичу Измайлову в знак уважения на память о встречах. Валерий Брюсов» — ОР РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 37); *Брюсов В.* Великий ритор: Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония: (Век Авсония. Семья и детство. Годы учения. Профессорская деятельность. При дворе Валентиниана. Последние годы жизни. Сочинения Авсония). М.. Русская мысль, 1911. 56 с. (отдельный оттиск; опубл. также: Русская мысль. 1911. № 3/4. Отд. II. С. 1—48). На шмуцтитуле оттиска дарственная надпись: «Александру Алексеевичу Измайлову на память о беседе об Авсонии. Валерий Брюсов» (Национальная библиотека Эстонии). Об этом инскрипте см.. *Петйна Л., Кульюс.* Неизвестный автограф В. Брюсова // Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985. С. 403—407 Разговор о римских поэтах-версификаторах состоялся приблизительно в конце февраля — марте 1910 г. Через два с лишним года критик вспоминал об этом свидании в заметке по поводу моностиха «О закрой свои бледные ноги». Ср.. «В одну из встреч с В. Я. Брюсовым я касался в разговоре этой его ранней шалости. В некоторых литературных кружках было распространено мнение, будто это однострочное стихотворение есть подпись к Распятию ⟨...⟩ Я спросил у Брюсова, так ли это. Он ответил — Нет, я этого не думал. Просто это было время наших первых исканий и метаний. Мы с Бальмонтом заглядывали во все литературы, между прочим, в латинскую. Там нас остановили двустишия и одностишия, какие

встречаются у Марциала или Авсония. (Кажется, так). Мы хотели попробовать, может быть, это возможно и в русской литературе. Так явилось одностишие» (*Измайлов А.* О мнимом плагиате г. Арцыбашева и «белых ногах» г. Брюсова // *БВ*. Веч. вып. 1912. 11 окт. (№ 13190). С. 6—7). Практически в тех же словах этот разговор передан в статье 1910 г. «У Валерия Брюсова», включенной затем в книгу «Литературный Олимп» под заглавием «В старом доме, на Цветном бульваре» (С. 395).

[2] См.. *Измайлов А.* Новые книги: (Верлен) // *РС*. 1911. 30 апр. (№ 98). С. 2.

15
Брюсов — Измайлову
2 мая 1911 г., Москва

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас за добрые слова о моем Верлене[1]. С замечаниями Вашими вполне согласен. Но ведь такое дело и немыслимо исполнить без тех или иных недочетов[2]. Feci quod potui...*[3]

Сейчас я весь предался Риму, именно IV веку, с времен Константина Великого до времен Феодосия Великого. Мой «Авсоний» только одна из длинного ряда задуманных статей. Ближайшая будет называться «Рим и мир» и будет говорить о *международных* отношениях империи (с Персией, Индией, Китаем и т. д.)[4]. В то же время пишу *роман* из той же эпохи (времена императора Грациана) — «Алтарь победы». Печататься он будет, вероятно, в «Русс⟨кой⟩ мысли» с января 1912 г.[5] А попутно написал маленькую лирическую трагедию «Лаодамия», на сюжет, использованный многими (в новое время — Выспянским, Сологубом, Анненским)...[6]

Сообщаю всё это потому, что Вы предлагали мне сообщать Вам время от времени о своих работах[7].

А «Новое слово» так и не вспомнило о моем существовании. Я уже не хлопочу о гонораре, хоть бы № прислали с моими стихами! Но Вас не хочу более утруждать этими хлопотами: напишу сам при случае в редакцию.

---

* Сделал что мог (*лат.*).

Желаю Вам счастливого лета и доброго расположения духа для работы.

Ваш Валерий Брюсов.
1 Мещанская, 32
2 мая 1911.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 8—8 об. На бланке книгоиздательства «Скорпион». Впервые: *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. С. 242—243.

[1] В отзыве Измайлов писал: «Хоть и с большим опозданием, входит в русскую библиотеку Верлен. Вдохновенный гуляка влиял у нас на десятки поэтов, — и в этом смысле он давно переведен ⟨...⟩ Но собственно перевод его, дающий более или менее полное о нем представление, появляется только сейчас в исполнении Брюсова ⟨...⟩ Брюсов берет все книги Верлена, выбирает из них лучшее, дает хорошую биографию поэта, прилагает к книге критическую и библиографическую часть. Сам с любовью работавший над Верленом семнадцать лет, он открывает зауряд-читателю возможности настоящего изучения поэта и человека» (*Измайлов А.* Новые книги: (Верлен) // *РС.* 1911. 30 апр. (№ 98). С. 2).

[2] Сравнивая переводы из книги французского поэта «Sagesse» («Мудрость», 1881), выполненные Ф. Сологубом (вошли в издание «Поль Верлен. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом» (1908), сборник составили переводы, опубл. в журналах в 1893—1907 гг., а также ранее не издававшиеся) и Брюсовым, Измайлов отдает предпочтение первому: «Некоторые переводы Сологуба изумительны по превосходному постижению верленовского духа. Он почти не терпит ничьего соперничества. Короткий, отрывистый, точно жалобный, каданс верленовского стиха щемит сердце. Брюсов иногда ближе к оригиналу, но в пьесах глубокого угнетения, беспредельной тоски он дальше от Верлена, чем Сологуб ⟨...⟩ Стихи страсти, экстазов чувства и стихи спокойных размышлений более соответствуют личному настроению Брюсова и более ему удаются, чем эти стоны гнетущего уныния и безысходного отчаяния. Словесная близость к оригиналу иногда положительно поражает в Брюсове ⟨...⟩ Переводы, занявшие 150 страниц большой книги, не все равного достоинства, но в том, что русский поэт положил свою любовь к ногам великана новой французской поэзии, отдал ему всю силу своего выработанного стиха, поделился с читателем своим о нем знанием, — несомненная заслуга Брюсова» (Там же).

[3] Первая часть латинского крылатого выражения «Feci quod potui, faciant meliora potentes» («Сделал, что мог, пусть, кто может, сделает лучше»).

[4] В каталоге книгоиздательства «Скорпион» на 1911 г. была анонсирована книга Брюсова «Aurea Roma. Золотой Рим. Очерки литературы и жизни времен Константина Великого и антология римских поэтов IV в. по Р. Х.». Книга издана не была. Подробнее см.. *Гаспаров М. Л.* Неизданные работы В. Я. Брюсова по античной истории и культуре // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С. 189—208.

[5] См.: *Брюсов В.* Алтарь победы: Повесть IV века // Русская мысль. 1911. № 9, 11—12; 1912. № 1—7, 9—10.

[6] Имеются в виду пьеса Ст. Выспяньского «Protesilas i Laodamia» (1899, на польск. яз.), трагедия Федора Сологуба «Дар мудрых пчел» (1907), пьеса И. Ф. Анненского «Лаодамия» (1902, опубл. 1906). Ср. в письме Брюсова П. Б. Струве от 10 марта 1911 г.: «За дни своей болезни (я хворал дней пять) я неожиданно для самого себя написал лирическую трагедию с хорами, в стихах (ямбическим диметром), „Лаодамия и Протесилай" на тему утраченной трагедии Еврипида. ⟨...⟩ Сам я считаю эту вещь в числе наиболее значительных своих вещей» (*Брюсов В.* Письма // Литературный архив: материалы и исследования. Т. 5. М., Л., 1960. С. 334). Первоначально планировалось поместить трагедию во втором выпуске (не издан) «Литературного альманаха» журнала «Аполлон» (об этом см.. Валерий Брюсов и журнал «Аполлон»: Переписка с С. К. Маковским и Е. А. Зноско-Боровским / публ. А. В. Лаврова // *Лавров А. В.* Символисты и другие: Статьи: Разыскания: Публикации. М., 2015. С. 719—729). Пьеса опубликована: *Брюсов В.* Протесилай умерший: Трагедия в пяти сценах, с хором // Русская мысль. 1913. № 9. С. 1—31.

[7] Сообщение о творческих планах Брюсова было помещено (без подписи) в разделе «В литературном мире» в вечернем выпуске *БВ* от 5 мая 1911 года (№ 12306. С. 3).

16
Измайлов — Брюсову
19 декабря 1911 г., С.-Петербург

С.-Петербург, 19/XII.

Душевноуважаемый Валерий Яковлевич,

Редакция «Биржевых ведомостей» намерена дать своим читателям сообщение о том, какою работою и какими замыслами заняты сейчас наиболее интересные представители нашей литературы.

Не откажите в любезном сообщении, какая литературная работа сейчас занимает Вас. Так как анкета оглашается на этих же днях, а ответ не предполагается пространный (что и невозможно по техническим условиям), то Редакция позволяет себе просить Вас прислать просимое в кратчайший срок, какой только для Вас возможен.

Об «Алтаре победы» пишу по мере появления повести Вашей. Начало прошло в декабрьской книжке «Н⟨ового⟩ слова»[1].

Сердечный привет.

Ваш А. Измайлов.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 14. Л. 11. Типовое, машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

[1] Измайлов опубликовал в «Новом слове» три заметки о повести Брюсова. Первая из них прошла не в декабрьском номере 1911 г., а в январском номере 1912 г.: «Брюсов чужд того мелочного обезьянства, копировки, которые отличают нынешних стилизаторов. Но его мечта действительно написать свой рассказ возможно ближе к тем тонам, в каких написал бы его римский писатель четвертого столетия. Не ищите поэтому легкости современного рассказа, живого, быстрого темпа в повести Брюсова. Ее язык почти намеренно тяжеловат ⟨...⟩ Для него почти главное — историческая точность описаний, верность цитаты из какого-нибудь поэта, правильность понимания древних порядков и обыкновений. И в этой стороне он безупречен» (*Измайлов А. А.* Хрестоматия новой литературы: (Римская повесть В. Брюсова «Алтарь победы») // *НС*. 1912. № 1. С. 116—119). Продолжение последовало в февральском выпуске: «Брюсов в декабрьской книжке „Русской мысли" извиняется перед читателем, что конец его повести „Алтарь победы" передвигается на будущий год. Пока закончена только первая часть» (*Измайлов А. А.* «Алтарь победы» В. Брюсова // Там же. № 2. С. 117—118). В ноябрьской книжке была опубликована последняя заметка: «В своей повести он — тот же певец горячей и пылкой плоти, экстазов любви, бросающей любовников в объятия друг друга. Это не ново, и в стихах Брюсов давал всё это еще с большей силой, а в прозе не хуже дал это в романе „Огненный ангел" ⟨...⟩ Что хорошо у Брюсова, это — действительное знание эпохи, ее археологии, ее поэзии, всей ее атмосферы ⟨...⟩ Такое изучение дало возможность Брюсову дать новое, нешаблонное освещение и некоторым историческим персонажам, и в этих психологических догадках его чувствуется правда» (*Измайлов А. А.* Хрестоматия новой литературы: (Римская повесть В. Брюсова «Алтарь победы» и Амвросий Медиоланский в новом освещении) // Там же. № 11. С. 113—115).

17
Брюсов — Измайлову
29 декабря 1911 г., Москва

29 декабря 1911.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Обычно я ни на какие «анкеты» не отвечаю, — принципиально (Вы легко поймете — почему). Но для Вас лично я охотно перечислю все важнейшее, чем я сейчас занят. Буду только очень просить Вас, если Вы захотите моим сообщением воспользоваться, изложить его *не* от моего лица, а пересказать своими словами, от лица газеты.

Итак, вот что у меня сейчас «на станке», как говорит старик П. И. Бартенев[1]:

1) Работаю над повестью «Алтарь победы», которая печатается в «Русской мысли»[2].

2) Печатаю новый сборник своих стихов «Зеркало теней»[3].

3) Перевожу «Энеиду» Вергилия для издательства М. В. Сабашникова[4].

4) Перевожу «Амфитриона» Мольера для издательства Брокгауз-Ефрон[5].

5) Пишу статью о Альфреде де Мюссе для издательства «Мир»[6].

6) Пишу статью о А. Блоке для какого-то издания С. А. Венгерова[7].

7) Перевожу «Балладу Редингской тюрьмы» О. Уайльда для издательства А. Ф. Маркса[8].

8) Готовлю новое издание Пушкина для издательства «Деятель»[9].

Кроме того, обещал не мало других статей и переводов для разных других издательств (в том числе «Сатирикон» для «Сфинкса»)[10], но думаю, что и перечисленного для одного человека «за глаза» довольно! К тому же все издатели торопят, напоминают, шлют письма и телеграммы. Пожалуй, это похуже газетной работы!

Признателен Вам очень за Ваши заметки о «Алтаре ⟨победы⟩», которых — увы! не видел[11]. Изо всех городов Российской империи Москва — единственный, где почему-то «Биржевых ведомостей» не читают. Ежедневно я читаю четыре газеты: для пятой уже не хватает сил. Но во всяком случае — спасибо!

Стихи, присланные с Вашей рекомендацией, недурны. Напишу об них подробнее автору[12].

Ваш Валерий Брюсов.

Письмо восстановлено из двух фрагментов, хранящихся в разных архивах. Начало письма до слов «К тому же...» печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 9—10. Окончание — со слов «...все издатели торопят» — печатается по: ОР РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 5. Л. 1. Второй фрагмент впервые опубл.. Неизданный Брюсов: статьи, заметки, письма / публ. В. Э. Молодякова // Новый журнал. 2000, Нью-Йорк. Кн. 218. С. 98. Письмо на бланке редакции «Русской мысли».

[1] П. И. Бартенев, историк, литературовед, издатель журнала «Русский архив», в котором Брюсов сотрудничал после окончания университета в качестве секретаря (1900—1903) и автора. См. его заметку: *Аврелий* [Брюсов В Я.]. П. И. Бартенев как издатель // Литературное приложение к газете «Русский листок». 1901. 9 дек. (№ 338) С. 391. Републ.. Публикации В. Брюсова в газете «Русский листок» // вступ. заметка, публ. и примеч. Э. С. Даниелян // Неизвестный Брюсов: (Публикации и републикации). Ереван, 2005. С. 60—61.

[2] См. примеч. 5 к п. 15.

[3] См.. *Брюсов В.* Зеркало теней: Стихи. 1909—1912. М.. Скорпион, 1912. 228 с. На выход сборника Измайлов откликнулся рецензией: «Из признанных поэтов — первенство Брюсову. Новая его книга „Зеркало теней" говорит о том, что его спокойный, мудрый и трезвый полдень перевалил на вторую половину. Еще нет бледных и мертвенных сумеречных теней, но минули радостные и буйные вспышки утра. Стих мужественен, упруг, как сталь, и точно чудится в нем холодноватый и темный блеск стали» (*Измайлов А. А.* По садам российской поэзии // *БВ.* Веч. вып. 1912. 21 авг. (№ 13101). С. 3).

[4] Работа над «Энеидой» Вергилия Брюсовым не была закончена: переведено 7 песен из 12. Об этом см.. *Брюсова И. М.* К истории перевода В. Я. Брюсова // *Вергилий.* Энеида / ред., вступ. ст. и коммент. Н. Ф. Дератани; пер. В. Брюсова и С. Соловьева. М., Л.. Academia, 1933. С. 319—321.

[5] См.. *Мольер Ж. Б.* Амфитрион: Драма в трех актах / пер. В. Брюсова // Мольер Ж. Б. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб.. Брокгауз-Ефрон, 1913. С. 119—158. (Б-ка великих писателей).

[6] См.. *Брюсов В.* Альфред де Мюссе // История Западной литературы: (1880—1910) / под ред. Ф. Д. Батюшкова. Т. 2. М.. Мир, 1912. С. 457—461.

[7] См.. *Брюсов В.* Александр Блок // Русская литература XX века / под ред. С. А. Венгерова. Т. 2. М.. Мир, 1915. С. 320—330.

[8] См.. *Уайльд О.* Баллада Редингской тюрьмы / пер. В. Брюсова // Уайльд О. Полн. собр. соч. Т. 2. / под ред. К. Чуковского. СПб.. А. Ф. Маркс, 1912. С. 23—93.

[9] В 1910 г. Брюсов принял приглашение Е. В. Аничкова стать редактором собрания сочинений Пушкина, готовившегося издательством «Деятель». 3 декабря 1910 г. Брюсов писал редактору серии «Библиотека русских писателей»: «Возможность дать Пушкина совершенно по своему, мною самим обдуманному плану, настолько заманчива, что я готов идти и на риск большой ответственности и перед издателями, и перед обществом (что для меня важнее и страшнее), и на тяготу большой работы» (цит. с уточн. по: *Литвин Э. С.* В. Я. Брюсов о Пушкине // Брюсовские чтения 1963 года. Ер., 1964. С. 212). В течение двух лет Брюсов работал над подготовкой к печати первого тома и над биографией Пушкина. Издание не было осуществлено.

[10] Книгоиздательство «Сфинкс» в Москве (1907—1914). Перевод романа Гая Петрония Арбитра «Сатирикон» не был осуществлен. Фрагменты переводов из Петрония были включены Брюсовым в сборник эротических стихов античных поэтов: Erotopaegnia: Стихи Овидия, Петрония, Сенеки, Приапеевы, Марциала, Пентадия, Авсония, Клавдиана, Луксория в переводе размерами подлинника [В. Брюсова]. М.. Альциона, 1917 46 с. К антологии сделано примечание: «Издание в продажу не поступает».

[11] См. п. 16.

[12] См. примеч. 4 к п. 18.

18
Измайлов — Брюсову

12 января 1912 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Посылаю Вам вырезку из «Бирж⟨евых⟩ в⟨едомостей⟩» — так с Вашего позволения я использовал Ваше сообщение[1]. Не оставьте и впредь.

Об «Алтаре победы», из книжек декабрьской и январской, тоже прилагаю[2].

Завидую Вашему наслаждению при переводе «Сатирикона»! «Метаморфозы» в гекзаметрах и «Сатирикон» на современном изящном русском языке были всегда моею тайной мечтой[3].

Не помню, кому я мог посоветовать обратиться к Вам со стихами. Обращаются столь многие, что положительно теряешь всякое впечатление. Вообще же, зная по себе, как тяжело объясняться с поэтами и пиитами, бестолковыми, самовлюбленными, назойливыми как мухи, — я избегаю направлять их к лицам, а не в редакции, и поэтому на будущее время прошу Вас давать веру не всякой ссылке на меня[4].

С искренним интересом буду поджидать Ваши новые книги, а наипаче стихи, «Энеиду» и «Сатирикон».

Искренне преданный Вам

А. Измайлов

12/1

Печатается по оригиналу из собрания В. Э. Молодякова (3 листа, конверт, вырезки). Машинопись с рукописными вставками. Конверт редакции «Биржевых ведомостей» с адресом: Москва. Первая Мещанская, 32. Е⟨го⟩ в⟨ысокородию⟩ Валерию Яковлевичу Брюсову. Впервые: Вокруг Брюсова: Неизвестные материалы / публ. В. Э. Молодякова // Библиофильские известия. 2013. № 18. (Осень). С. 20—22.

[1] Сообщение Брюсова должно было стать ответом на анкету «о настоящей работе и замыслах писателей-современников» (опубл.. Огонек. 1912. № 1. С. 17). Об анкете и ее участниках см. примеч. 1 к п. 35 в переписке Измайлова и Л. Андреева. Ответ Брюсова в эту публикацию не вошел, по-видимому, из-за коротких сроков, отведен-

ных редакцией для сообщения сведений. Измайлов использовал перечень Брюсова в газетной заметке, помещенной без подписи в разделе «В литературном мире»: «В воздухе чувствуется легкое возрождение классицизма, — во всяком случае, тяготение к классицизму. „Современник“ обещает в качестве приложения знаменитый петрониевский „Сатирикон“ Тот же „Сатирикон“ дает „Сфинкс“, и к делу его перевода приглашен такой знаток и любитель античного мира, как Валерий Брюсов. Талантливый поэт вообще как бы возглавляет этот возврат к классицизму. В „Русской мысли“ им недавно напечатан ряд очерков о поэтах старого Рима, например, о Авсонии. Сейчас он заканчивает повесть „Алтарь победы“, половина которой уже прошла в „Русской мысли“ Он же переводит Вергилиеву „Энеиду“ для издательства Сабашникова. Дань новой литературе Брюсов отдает в нынешнем году работами об А. де Мюссе и нашем А. Блоке, а своей музе — сборником своих стихов „Зеркало теней“, который уже печатается» (*БВ*. Утр. вып. 1912. 11 янв. (№ 12729). С. 6). Начало измайловского пассажа отсылает к анонсированному в 1911 г. в 11 книжке «Современника» «первому полному русскому переводу знаменитого юмористического романа „Сатирикон“ Г. Петрония». Предполагавшаяся публикация перевода В. А. Амфитеатрова-Кадашева и К. А. Лигского не состоялась, впоследствии их перевод вышел в изд. «Всемирная литература» (М.; Л., 1924, под ред. Б. И. Ярхо).

[2] См. примеч. 1 к п. 16. По-видимому, Измайлов отправил корректурные оттиски заметок.

[3] Возможно, подразумевается роман Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел», вписывающийся в эротический контекст перечисленных произведений античности. В то же время уточнение — «в гекзаметрах» — позволяет говорить о том, что Измайлов мог иметь в виду перевод поэмы Овидия «Метаморфозы» размером подлинника.

[4] В период сотрудничества в «Русской мысли» в качестве редактора литературного отдела Брюсов получал множество рукописей и книг начинающих стихотворцев. Измайлов также иногда участвовал в судьбах молодых дарований. См., например: *Александров А. С.* О первом отзыве на стихотворения Владимира Палея // Наше наследие. 2012. № 4. С. 98—105. Какой автор обратился к Брюсову с просьбой об отзыве, ссылаясь на Измайлова, не установлено.

19
Измайлов — Брюсову
30 декабря 1913 г., С.-Петербург

30 дек⟨абря⟩ 1913

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Простите, что, не имея прав на Вашу любезность, я решаюсь беспокоить Вас покорною просьбой.

За мой фельетон в «Русском слове», где я на основании некоторых документов и психологических соображений высказался в пользу существующей легенды, будто бы в руках Крестовского были некоторые рукописи Помяловского, коими он воспользовался для романа «Петербургские трущобы», — родственники Крестовского вызывают меня на третейский суд[1]. Суду едва ли предстоит установить исторический факт заимствования Крестовского. Ближайшей его задачей будет только признать, имел ли я нравственное право сказать то, что сказал, располагая своими данными. Таким образом, со стороны содержания суд не может быть очень сложным и обременительным. Если бы дело происходило в С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨урге⟩, я не побеспокоил бы Вас, но в Москве, за исключением «Русского слова»[2], я почти не имею литературных знакомств, и это побуждает меня просить Вашего любезного согласия на участие в суде в качестве лица, мною названного[3]. Со стороны Крестовских такими лицами будут несомненно известные Вам г. г. Игнатов и Ордынский, суперарбитром предполагается А. Е. Грузинский[4]. Вторым лицом с моей стороны я прошу быть И. А. Бунина. Ему я пишу одновременно с этим письмом. Согласия его пока еще не имею[5].

Если бы Вы были добры оказать мне эту услугу, я немедленно выслал бы Вам инкриминируемый фельетон, из коего Вы увидели бы, что я отнюдь не отстаиваю грубую версию кражи Крестовским труда Помяловского. В связи с показаниями родственников Помяловского, видевшими ⟨sic!⟩ рукопись «Чухи», писанную рукою Помяловского[6], я утверждаю только, что некоторые части романа выдают прикосновенность к «Трущобам» автора «Бурсы». Конечно, мне не нужно прибавлять, что я ищу от Вас только Вашего искреннего и авторитетного мнения, отнюдь не рассчитывая увидеть в Вас непременно своего сторонника. И каков бы ни был приговор, изнесенный членами суда[7], — я сохранил бы к Вам только чувство искренней благодарности и глубокого уважения.

В интересах обеих сторон — скорейшее устройство суда. От Вашего согласия зависело бы назначение его в настоящем январе.

Не поставьте себе в труд на прилагаемой открытке уведомить меня о Вашем решении.

Искренно уважающий Вас и душевно преданный

А. Измайлов.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 14. Л. 17—17 об. Машинопись с рукописными вставками.

[1] *Измайлов А.* Быль, а не легенда // *РС.* 1913. 25 окт. (№ 246). С. 2. Как указывает И. Г. Ямпольский, «через несколько месяцев после смерти Помяловского, в январской—февральской книжке „Эпохи" (она вышла в марте), появился отрывок из романа Вс. Крестовского „Петербургские трущобы" под названием „Ерши", а с октября 1864 г. роман начал полностью печататься в „Отечественных записках" 〈...〉 Скоро после появления „Петербургских трущоб" и возник, по-видимому, слух о том, что настоящим их автором является Помяловский, что Крестовский совершил литературную кражу 〈...〉 С новой силой вспыхнул этот слух и проник в печать непосредственно после смерти Крестовского 〈...〉 Тогда же распространение этих слухов стали приписывать представителям радикальной литературы и журналистики 〈...〉 В 1913 году, в связи с пятидесятилетием со дня смерти Помяловского, А. А. Измайлов снова поднял этот вопрос, которого он касался и раньше, в специальной статье 〈...〉 Свое утверждение он подкреплял свидетельствами родственников и знакомых Помяловского 〈...〉 статья Измайлова не очень сильна своей аргументацией. Некоторые соображения и факты, противоречащие версии о плагиате, искусственно устранены им, другие остались ему неизвестны» (*Ямпольский И. Г.* Комментарии // Помяловский Н. Г. Полн. собр. соч.. в 2 т. / ред., вступ. ст. и коммент. И. Ямпольского. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 336—341). Подробнее об этом сюжете см. в указанной работе, а также: *Орлов М. М.* Язык Н. Г. Помяловского. Ростов-на-Дону, 1959. Ч. II. С. 248; *Ямпольский И. Г* Помяловский: Личность и творчество. М., Л., 1968. С. 223; *Орлов М. М.* Разыскания в области словарного состава сочинений Н. Г. Помяловского. Автореф. докт. дисс. Л., 1974. С. 5—6; *Викторович В. А.* Всеволод Крестовский: Легенды и факты // *РЛ.* 1990. № 2. С. 44—58 (в частности, с. 48—52). См. также материалы третейского литературного суда в РО ИРЛИ в фондах А. А. Измайлова, В. В. Крестовского, А. Ф. Кони.

[2] Измайлов был заведующим литературным отделом «Русского слова».

[3] В ноябре 1913 г. в «Русском слове» появился анонимный «отчет» о вечере поэзии Брюсова, на котором автор представил новый цикл стихотворений «Сны человечества» (см.: [Б. п.]. Сны человечества // *РС.* 1913. 16 нояб. (№ 265). С. 7). Не исключено, что это сообщение мог подготовить Измайлов, регулярно сотрудничавший в московском издании. В таком случае, состоявшаяся поздней осенью личная встреча литераторов могла способствовать тому, что Измайлов в декабрьском письме просил Брюсова выступить на третейском литературном суде «свидетелем» с его стороны.

[4] Упоминаются литературный и театральный критик, публицист И. Н. Игнатов, московский адвокат С. П. Ордынский, историк литературы А. Е. Грузинский.

[5] Это письмо к И. А. Бунину неизвестно. Со стороны Измайлова в суде участвовали историк и публицист С. П. Мельгунов и журналист «Русского слова» С. В. Потресов-Яблоновский.

[6] В своей статье Измайлов приводит письмо А. Смирницкого (от 6 марта 1906 года): «Когда О. Семенов учился в семинарии (14 лет тому назад), то многие семинаристы и академисты ходили в гости к родной сестре Помяловского (кажется, Марии Герасимовне), которая была замужем за священником села Смолянки (за Пб.) Тихомировым Павлом, и вот здесь-то все читали и видели целую главу „Чуха" — черновик Помяловского» (*Измайлов А.* Быль, а не легенда).

[7] Как гласит постановление третейского литературного суда по делу В. В. Крестовского и А. А. Измайлова от 8 мая 1914 г. (подписано А. Грузинским, С. Яблоновским-Потресовым, И. Игнатовым, С. Мельгуновым и С. Ордынским) по первому вопросу («представляются ли данные, легшие в основу статьи А. А. Измайлова, достаточно убедительными, позволяющими утверждать факт принадлежности некоторых мест романа „Петербургские трущобы" перу Н. Г. Помяловского?»), суд признал «в статье Измайлова совершенную недостаточность оснований для сделанных в конце ее категорических выводов». По второму пункту («если эти данные не представляют достаточной убедительности, то может ли опубликование статьи г. Измайлова считаться поступком, несогласным с добрыми литературными нравами?») суд, «признавая, что важность выставленного г. Измайловым обвинения требовала большей осторожности», постановил, что «своей статьей г. Измайлов не преследовал никаких личных и неблагородных намерений и руководился чисто литературными интересами» (РО ИРЛИ. Ф. 129. Ед. хр. 11. Л. 1, 5). Приговор третейского литературного суда опубл.. Новое время. 1914. 18 мая. (№ 13714). С. 4.

20
Брюсов — Измайлову
12 января 1914 г., Майоренгоф

Майоренгоф (близ Риги).
Санаторий д⟨окто⟩ра Максимовича — 12 января 1914.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Весьма извиняюсь, что отвечаю Вам так поздно, но я лишь теперь получил Ваше письмо: нездоровье заставило меня покинуть Москву и поселиться на Рижском взморье[1]. По той же причине я принужден, как Вы догадываетесь, ответить отказом на Ваше лестное для меня предложение. Мне это весьма жаль, так как в поднявшемся споре я вполне на Вашей стороне. Статью Вашу о «П⟨етербургских⟩ т⟨рущобах⟩»[2] я читал, но уже раньше, на основании некоторых известий, слухов и «критики текста», держался того же взгляда, как и Вы. Однако я пока еще не могу определить времени, когда буду в состоянии вернуться к обычным занятиям и потому, принося Вам

свою признательность за Ваш выбор, должен просить Вас — освободить меня от предлагаемой Вами мне почетной роли.

Преданный Вам

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 11. На почтовой карточке с адресом: «СПб. Вас⟨ильевский⟩ остров, 17 лин⟨ия⟩, 70. А. А. Измайлову». Дата на штемпеле: 13.1.1914; СПб. Гор. почта 14.1.14.

[1] 25 ноября 1913 г. совершила самоубийство Надежда Львова, молодая поэтесса, с которой Брюсова связывали сложные личные отношения (об этом см.. Вокруг гибели Надежды Львовой: Неизданные материалы / публ. А. В. Лаврова // De Visu. 1993. № 2. С. 5—11). На следующий день после трагедии поэт уехал в Петербург. В начале декабря он провел несколько дней в Москве с прибывшим в Россию Эмилем Верхарном (см. комментарии Т. Г. Динесман в кн.. *ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 620). В середине декабря отправился в сопровождении супруги в санаторий доктора Максимовича в Майоренгофе (ныне Дзинтари). Ср. в воспоминаниях И. М. Брюсовой: «Врачи советовали санаторное лечение для укрепления нервов. По этому поводу декабрь и январь 1913/14 г. он провел под Ригой» (*Брюсова И. М.* Материалы к биографии Валерия Брюсова // Брюсов В. Я. Избранные стихи. М., Л: Academia, 1933. С. 138).

[2] *Измайлов А.* Быль, а не легенда.

21
Измайлов — Брюсову
19 января 1915 г., Петроград

С.-Петербург, 19/1 1915

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Редакция «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩» убедительно просит Вас не отказать ей в небольшом рассказе для напечатания в утреннем издании. Не менее горячая просьба — о стихах.

Исполнением просьбы Вы весьма обязали бы редакцию и в частности

искренно Вам преданного

А. Измайлова.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 1. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

22
Измайлов — Брюсову
9 февраля 1915 г., Петроград

С.-Петербург, 9 февраля 1915

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Редакция «Биржевых ведомостей» убедительно просит Вас не отказать нам в присылке нескольких Ваших стихотворений для напечатания в нашей газете, значительно обновленной с тех пор, как Вы у нас участвовали[1]. Если даже они не будут иметь никакого, даже психологического отношения к текущим событиям, — это безразлично.

Исполнением просьбы Вы чрезвычайно обяжете редакцию и искренно преданного Вам

А. Измайлова.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 3. Машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

[1] Ранее Брюсов поместил в газете несколько стихотворений по приглашению М. М. Гаккебуша, который писал ему 14 января 1912 г.: «Позвольте просить Вас для одного из наших изданий „Биржевых ведомостей", „Огонька" или „Нового слова" один рассказ и несколько стихотворений для помещения в этих изданиях в текущем году. Очень обяжете извещением о Вашем согласии или несогласии и о сроке, когда я мог бы ждать Вашей вещи. Выдача гонорара будет произведена немедленно по получении рукописи» (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 81. Ед. хр. 28. Л. 4). 19 января Брюсов отвечал: «Очень признателен Вам за Ваше любезное предложение. С большим удовольствием буду давать что-либо, время от времени, для Ваших изданий. К сожалению, в настоящее время я крайне занят — выполнением различных обещаний, ранее данных различным издателям. Поэтому я не надеюсь, чтобы мне удалось доставить Вам рассказ раньше, как весной. Что касается стихотворений, то посылаю Вам вместе с этим письмом *два*. Прошу, однако, обратить внимание, что стихотворение „Ответ" входит в мою новую книгу стихов, которая появится в середине (или конце) февраля. Таким образом, если Вы захотите им воспользоваться, то Вам придется напечатать его в течение января или в самом начале февраля. Второе стихотворение „Рондо" — вполне свободно, и я предоставляю его в Ваше полное распоряжение. Я был бы при этом очень Вам благодарен, если бы Вы нашли возможным высылать мне „Биржевые ведомости" Если у Вас не принято высылать газету бесплатно „случайным" сотрудникам, я вполне согласен получать ее в счет гонорара (размер которого предоставляю Вашему усмотрению). Я надеюсь также, что Вы не откажете высылать мне те №№ других Ваших изданий („Огонек" и „Новое слово"), где Вы найдете возможным поместить мои стих

или прозу» (РО ИРЛИ. Ф. 549. Ед. хр. 83. Л. 1—2). 21 января редактор уведомлял автора: «Чрезвычайно благодарен за Ваше любезное извещение. С нетерпением буду ждать обещанного присыла. Прошу ускорить его, если представится к тому хотя бы малейшая возможность» (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 81. Ед. хр. 28. Л. 7). Стихотворение «Ответ» («Растут дома, гудят автомобили...») опубл.. *БВ*. Утр. вып. 1912. 29 янв. (№ 12760). С. 3. Вошло в сб.: *Брюсов В.* Зеркало теней: Стихи: 1909—1912. М., 1912. «Рондо» («Я плачу. Вдоль пути печален сосен ряд...») опубл.. *БВ*. Утр. вып. 1912. 11 марта. (№ 12831). С. 3. Рассказа Брюсова в оговоренных изданиях в 1912 г. не появилось.

23
Брюсов — Измайлову
5 марта 1915 г., Варшава

5 марта 1915
Варшава, Мазовецкая, д. 1, кв. 7

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

По «обстоятельствам военного времени», Ваше письмо от 9 февр⟨аля⟩ лишь недавно дошло до меня[1]. Поэтому отвечаю Вам с таким опозданием. Я Вам очень признателен за память обо мне и охотно доставлю несколько своих стихотворений для «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩». Сейчас могу выслать два, написанные за последнее время[2]. Другие — у меня в Москве, и надо их оттуда «выписать». Среди них есть и гораздо более «значительные», чем посылаемые «пустячки». Но не хочется откладывать посылку еще недели на полторы.

Присоединяю небольшую, но, знаю, докучливую просьбу: похлопотать, чтобы мне присылали сюда (адрес в заголовке) №№ газеты, где будут печататься мои стихи. При моих постоянных разъездах из Варшавы, мне невозможно следить за газетами. Если же слишком трудно помнить мою просьбу, может быть, просто можно мне высылать сюда «Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩»: для конторы это, вероятно, легче.

Дружески преданный Вам

Валерий Брюсов

P. S. Если стихи Вам нужны «военные», сообщите; могу прислать и такие, потому что последнее время, за недосугом, печатал стихов мало, а писал довольно много[3].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 12.

[1] До середины мая 1915 г. Брюсов находился в Варшаве в качестве неофициального военного корреспондента газеты «Русские ведомости». Подробнее см.. *Чудецкая Е. В.* Из переписки Брюсова 1914—1915 годов // Брюсовские чтения 1973 года. Ереван, 1976. С. 437—447; *Букчин С. В.* Корреспондент Валерий Брюсов // Неман. 1987 № 6. С. 136—144; *Мурзо Г В.* В. Брюсов — военный корреспондент ярославского «Голоса» // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Т. I. С. 331—336. (Гуманитарные науки); *Орлова М. В.* «Война всё же — мужское дело»: Переписка Валерия Брюсова с Иоанной Брюсовой (1914—1915) как биографический источник // Брюсовские чтения 2013 года. Ер., 2014. С. 368—378; *Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента: Письма к жене (август 1914 — май 1915) / общ. ред., сост., подгот. текста и коммент. М. В. Орловой. М., 2015. О просьбе Измайлова справлялась И. М. Брюсова, на что поэт отвечал ей в письме от 18 февраля 1915 г.: «В „Бирж‹евые› вед‹омости›" стихи пошлю отсюда: со мной все мои рукописи» (Там же. С. 151).

[2] Имеются в виду: «Ночь» («Ветки темным балдахином свешивающиеся...»), опубл.. *БВ*. Утр. вып. 1915. 15 марта. (№ 14728). С. 2; «Сиреночка» («В лесу пропела пеночка...»), опубл.. *БВ*. Утр. вып. 1915. 22 марта. (№ 14741). С. 3.

[3] Ср. в письме Брюсова супруге от 2 февраля 1915 г.: «Написал статью о Пушкине, много перевел „Энеиды" и (почему-то) деятельно работал над своим „Учебником стихосложения" Вообще хочется работать „литературно", и корреспондентская деятельность, сказать по правде, — надоела» (*Брюсова И. М.* Материалы к биографии Валерия Брюсова // Валерий Брюсов. Избранные стихи. М.; Л., 1933. С. 139). В письме от 9 февраля 1915 г.: «Много писал (драму, повесть, „Энеиду", „Метрику"). Хочу привезти в Москву большой запас рукописей, с которыми и обращусь к издателям» (цит. по: *Ашукин Н. С., Щербаков Р. Л.* Брюсов. М., 2006. С. 438). Письмо к И. М. Брюсовой от 24 февраля 1915 г.: «Прости, что последнее время мало пишу. Во-первых, много работаю. За месяц я послал в „Русские Ведомости" одиннадцать статей! Почти по 3 в неделю, по 2 дня на статью, считая с разъездами! Да кроме того, переводил „Энеиду" Да писал „Метрику" Да продолжал драму. Работал с утра и до утра... (Там же. С. 439).

24
Измайлов — Брюсову
Между 5 и 17 марта 1915 г., Петроград

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Очень, очень благодарю Вас за Ваше любезное согласие и присыл стихов. Пожалуйста, присылайте и военные — это особенно сейчас кстати. Вообще, редакция была бы очень вам благодарна, если бы Вы ее и далее не забывали, и одинаково — стихами и про-

зой. Сейчас, конечно, времени очень мало для писания какой-либо пасхальной вещицы, но мы были бы чрезвычайно Вам благодарны, если бы среди готовых материалов Ваших оказалось нечто такое, что можно было бы нам прислать. Стесняем мы авторов только размерами вещицы. Так как в этот номер хотим дать очень много авторов, то всех просим давать не более *трехсот* строк.

Приятно было бы учинить с Вами беседу, главным образом, на тему Ваших военных впечатлений. К сожалению, мешает расстояние. Не мог ли бы сделать этого кто-либо из газетных людей по Вашему указанию?[1]

Высылку номеров с Вашими стихами я возьму на себя, и за это ручаюсь.

Душевно преданный Вам

А. Измайлов.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 4—4 об. Машинопись с рукописными вставками.

[1] Вероятно, имеются в виду находившиеся в то время в Варшаве военные корреспонденты «Биржевых ведомостей» В. В. Муйжель и Ф. П. Купчинский. Идея такой беседы, навеянная, вероятно, интервью с Брюсовым, помещенным в «Голосе Москвы» (*И. М.* В. Я. Брюсов о военных корреспондентах: (Беседа с В. Я. Брюсовым) // Голос Москвы. 1915. 15 янв. (№ 11). С. 2), осталась невоплощенной.

25
Измайлов — Брюсову
17 марта 1915 г., Петроград

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Слезная просьба редакции — дать нам Вашу статью или фельетон о Константинополе. Вы объездили весь мир, несомненно там были, несомненно могли бы сказать о К⟨онстантинополе⟩ то, чего другие не скажут. Будьте ласковы, — исполните эту покорнейшую нашу просьбу.

И если можете, — *не откладывайте вовсе этой темы.* Она горит.

Стихов, пожалуйста, стихов, — военных и не военных. Будем глубоко благодарны. Одно из присланных уже прошло и посылается, другое уже анонсировано на Пасх⟨альный⟩ номер[1].

Всего Вам доброго.

Душевно Ваш

А. Измайлов.
17/III.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 14. Л. 15—15 об. Машинопись с подписью-автографом.

[1] Имеются в виду «Ночь» и «Сиреночка». См. примеч. 2 к п. 23.

26

Брюсов — Измайлову

22 марта 1915 г., Варшава

22 марта 1915

Христос воскресе!

Варшава, Мазовецкая, д. 1, кв. 7.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас за новое письмо и за № «Б⟨иржевых⟩ вед⟨омостей⟩» с моими стихами («Ночь»), который я получил. В благодарность редакции за то, что она приютила два моих довольно-таки «средних» стихотворения (второе, как Вы пишете, уже назначено)[1], посылаю Вам два «хороших»: одно, «Туркам», — злободневно, и тем интересно; другое, «Царица Страсть», — лучшее, что́ я написал за последние полгода[2]. Если сознаться, даже жаль мне отдавать «Царицу» в газету, но — «пусть!», как говорили мы в декадентскую эпоху. Имею намерение прислать Вам и крохотный рассказ на тему о войне же[3]. Но о Константинополе написать ничего не могу, ибо там *не был*: был во всех странах Европы, кроме Англии и Балкан.

Надеюсь, что «Б⟨иржевые⟩ вед⟨омости⟩» будут мне своевременно высылать и гонорар. Его можно *безразлично* направлять — или по моему адресу (в заголовке письма) или на имя Иоанны Матвеевны Брюсовой: Москва, 1 Мещанская, 32[4].

Дружески преданный Вам

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 13.

[1] См. примеч. 2 к п. 23.

[2] См.. *Брюсов В.*: 1) Туркам («Довольно! Больше мы не спорим...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 27 марта. (№ 14747). С. 2. (Включено в кн.. Современная война в русской поэзии: Вып. 2: На помощь Сербии и Черногории. Пг., 1915. С. 88); 2) Царица Страсть («Ты к мальчику проникнешь вкрадчиво...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 29 марта. (№ 14751). С. 2. Ср. письмо Брюсова И. М. Брюсовой от 22 марта 1915 г.: «Теперь сижу дома, пишу кое-какие письма. На обороте найдешь стихи, кот⟨орые⟩ я посылаю в „Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩" (это — неудавшаяся копия)» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 177). В фонде Измайлова в РО ИРЛИ сохранился беловой автограф стихотворения «Туркам» с подписью Брюсова и датой: «22 марта 1915 г.» (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 5. Ед. хр. 37 Л. 1).

[3] Рассказ Брюсова о войне в «Биржевых ведомостях» не появился.

[4] Ср. письмо Брюсова И. М. Брюсовой от 1 апреля 1915 г., в котором поэт справляется о том, прислали ли гонорар «„Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩" (тоже за стихи, ибо я поместил в них уже 4 стихотворения)?» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 183).

27
Брюсов — Измайлову
16 апреля 1915 г., Варшава

16/29 апреля 1915.
Варшава, Мазовецкая, д. 1, кв. 7.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Еще раз благодарю Вас за заботы о моих стихах, посланных Вам; теперь они все напечатаны. Посылаю Вам, перед летним перерывом, «на прощание», еще три стихотворения, из них одно — «военное»[1]. Затем обращаюсь с просьбой: не откажите напомнить

в Конторе, чтобы мне выслали и гонорар. Мой адрес в заголовке письма; пробуду я в Варшаве еще недели 2—2 ½, потом (временно) уеду[2]. Посылаю в Контору и отдельное письмо.

На днях я вторично перевел «Ворона» Эдг. По[3]. (Мой первый перевод «Ворона» был напечатан в «Вопросах жизни» в 1905 г.)[4]. «Русс⟨кая⟩ мысль», что была долгое время постоянным приютом для моих стихов, по поводу других моих переводов Эдг. По, решила, что не стоит печатать переводы вещей, уже существующих на русском языке. Поэтому я не хочу предлагать ей «Ворона» и с удовольствием отдал бы его «Биржевым ведомостям». Но не знаю, захочет ли газета заполнить целый фельетон стихами, ибо в поэме, как известно, 108 стихов, из коих 90 — длинных и 18 — коротких. Что до «условий», то для «Ворона» я готов удовлетвориться самыми скромными, напр⟨имер⟩, 50 коп. за стих, причем в придачу дам бесплатно маленькое предисловие в прозе, — с тем только, чтобы перевод был напечатан *в скором времени* и более или менее *красиво*, т. е., по возможности, *не* ломаными строчками (для чего придется, вероятно, печатать стих не в одном столбце, а в двух). Совестно мне Вас затруднять просьбой — ответить (сам бывал редактором и знаю, как это скучно), но — как же быть? Может быть, что́ проще для Вас, ответите телеграммой (в случае согласия, конечно: «Брюсову, Мазовецкая 1, Варшава, Присылайте перевод» — 6 слов, ибо «Присылай Ворона», чего доброго, покажется подозрительным!).

Маленькие стихотворения высылаю ответной бандеролью[5].

Душевно преданный Вам

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 14—15.

[1] Стихи не были отправлены. См. п. 29.

[2] Ср. письмо Брюсова И. М. Брюсовой от 18 апреля 1915 г.: «„Злоба дня" (моего) — возвращаться или не возвращаться в Москву. Вопрос „висит на волоске" „Русс⟨кие⟩ вед⟨омости⟩" советуют ехать на Карпаты. Я колеблюсь. Здесь же, по-прежнему, нечего делать. Кажется, на Карпаты не поеду; тогда надо будет ехать в Москву. Но вообще, надо подумать о лете. Каковы Твои соображения об нем? У меня пока нет никаких, потому что я не знаю: буду я следить за войной или более не буду ⟨...⟩ Пока дела скло-

няются к тому, что на войне я более *не* буду... но еще *не окончательно*» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 197). В течение месяца по различным причинам отъезд Брюсова постоянно откладывался. Корреспондент «Русских ведомостей» выехал из Варшавы 14 мая, задержался на некоторое время в Вильно, а 22 мая 1915 г. прибыл в Москву.

[3] Ср. письмо Брюсова И. М. Брюсовой от 17 апреля 1915 г.: «Нового в моей жизни — ничего ⟨...⟩ Впрочем, перевел заново „*Ворона*" соберусь и пришлю Тебе. Это, конечно, самый точный перевод из всех, какие существуют» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 196).

[4] См.. *По Э.* Ворон («Как-то в полночь, в час ненастный, утомленный, безучастный...») / пер. В. Брюсова // Вопросы жизни. 1905. № 1. С. 187—190.

[5] См. примеч. 1 к этому письму.

28
Измайлов — Брюсову
20 апреля 1915 г., Петроград

Петроград, 20/IV 1915 г.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Благодарю за неоставление. Очень жалко, что Вы уже замыкаете свой круг поэтического участия у нас. До летних месяцев и затишья еще далеко. Нам хотелось бы вести газету и дальше на той же высоте. Поэтому мы будем весьма благодарны, если Вы порадуете нас и *еще* стихами, до осени.

«Ворон» нам интересен, и, кажется, возможно выполнить даже все Ваши желания о внешности фельетона. Нельзя ли просить Вас прислать рукопись, оставляя один шанс неблагоприятный против девяносто девяти благоприятных. (Время-то такое!)[1].

Затем, не от лица редакции, а пока лично обращаюсь к Вам с таким конфиденциальным вопросом. Здесь у нас слышно, что «Р⟨усские⟩ в⟨едомости⟩» сокращают свои штаты. Не могло ли бы это послужить для нас счастливою возможностью увидеть Ваши, так высоко оцененные здесь, статьи с войны[2], в нашей газете? Если Вам этот разговор кажется принципиально уместным, то не уполномочите ли меня поставить этот вопрос пред издателем? В последнем случае любопытно было бы знать приблизительные Ваши условия.

О гонораре побуждение конторе послано.
Ваш душевно

А. Измайлов.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 6—6 об. Машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

[1] Перевод Брюсова опубл.. *По Э.* Ворон («Как-то, полночью тоскливой, я вникал, устав, лениво...») / пер. В. Брюсова // *БВ.* Утр. вып. 1915. 1 июня. (№ 14877). С. 2. Впоследствии в газете было помещено сообщение о чтении перевода самим Брюсовым. См.. [Б. п.]. Английский вечер в Литературно-художественном кружке // *БВ.* Веч. вып. 1915. 19 ноябр. (№ 15219). С. 4.

[2] Ср. мнение критика о деятельности Брюсова на театре войны: обращаясь в одной из своих статей к теме «„военных" рассказов десятков отважных „штатских" беллетристов, которые, сидя в своем кабинете, действительно не имеют в душе никакого страха, — даже страха банального и безвкусного», Измайлов контрастно выделяет из списка этих новых «штатских» «военных» писателей действительно «сильных и интересных людей, — Немировича-Данченко, Муйжеля, Алексея Толстого, Брюсова и т. д.» (*Измайлов А. А.* Темы и парадоксы: Штатские беллетристы и война // *БВ.* Утр. вып. 1915. 16 февр. (№ 14674). С. 2).

29

Брюсов – Измайлову

27 апреля 1915 г., Варшава

27 апреля (10 мая) 1915.
Варшава, Мазовецкая, д. 1, кв. 7.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Очень благодарю Вас за скорый ответ на мое письмо и за хлопоты о высылке гонорара мне, каковой (67 р. 50 к.) мною получен. Я не успел переписать «Ворона» сегодня, к часу отхода поезда, и потому Вы получите рукопись завтра. Переводом этим я очень горд: трудности были неимоверные, и я сам себе аплодировал, преодолевая их. Уверен, что по крайней мере в течение столетия, пока русский язык не видоизменится, никто не сумеет передать «Ворона» *ближе к подлиннику,* чем то сделал я. Впрочем, будете судить сами и, надеюсь, согласитесь со мной, хотя я, конечно,

и предубедил Вас *против* своего перевода своим неумеренным самохвалением...[1]

Стихи, о которых я Вам писал раньше, я не решился послать. Пересмотрел их, и стихи «военные» показались мне неудачными, а другие — слишком сложными для газеты[2]. Вместо них вышлю что-либо другое.

Что касается самого важного из Ваших вопросов, то пока я не могу Вам дать решительного ответа. Я еще не осведомлен вполне о предположениях «Русск⟨их⟩ ведомостей». Вчера получил только телеграмму из ред⟨акции⟩, от А. А. Мануйлова, который просит меня *дождаться его письма*[3]. Только из этого письма я узнаю положение дел, о котором пока могу лишь догадываться. Если бы обстоятельства сложились так, что я прекратил бы свою корреспондентскую деятельность в «Русс⟨ких⟩ вед⟨омостях⟩», я был бы очень рад возобновить и продолжить ее в «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостях⟩». «Начав войну», мне хотелось бы довести ее до конца, и было бы досадно бросить дело на половине, видеть первые акты великой трагедии, а потом уйти из театра и быть вынужденным довольствоваться чужими рецензиями...[4]

Итак, рассуждая *принципиально,* я Вас очень благодарю за предложение и не считаю его неприемлемым. Но ответить на него пока не могу. Кроме того, мне во всяком случае надо побывать в скором времени *в Москве*, куда я выезжаю около 5—6 мая[5]. Если наши переговоры завяжутся, я приеду лично в Петроград, где мы и обсудим «условия», зависящие очень от того, что́ с меня спросят и каким фронтом мне предложат заняться. Как Вы знаете, я не «алчен» относительно гонорара, но жизнь на театре войны и особенно разъезды стоят весьма дорого, — каждая большая поездка (как, напр⟨имер⟩, из Варшавы в Перемышль) сотни рублей...

Дружески Вам преданный

Валерий Брюсов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 17—18. Впервые: *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. С. 244—245.

[1] См. комментарий Э. С. Литвин к этому письму: *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. С. 245. В апреле 1915 г. Брюсов писал жене: «Посылаю Тебе „Ворона" — работа, занявшая у меня неделю досуга, целые дни и, увы, целые ночи. Очень прошу *сохранить свято список*: у меня осталась лишь неразборчивая черновая ⟨...⟩ Чтобы сделать такой перевод (он — совершенство), надо обладать всеми своими способностями в полном объеме» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 203—204; см. также комментарии М. В. Орловой к этому письму — там же. С. 204—205).

[2] См. п. 27

[3] А. А. Мануйлов, экономист, редактор «Русских ведомостей». В 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства. О телеграмме Мануйлова Брюсов упоминает в письме к И. М. Брюсовой от 25 апреля 1915 г.: «Сегодня получил телеграмму Мануйлова: „Подождите уезжать до моего письма"» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 207). См. также п. 30.

[4] Ср. письмо Брюсова И. М. Брюсовой от 1 ноября 1914 г.: «Неужели мне, побывавшему на передовых позициях, на полях битв, и ⟨в⟩ только что завоеванных городах, заниматься теперь в какой-нибудь комиссии о раненых или в кружковском лазарете! Повторяю выражение одного из моих писем: здесь я, хотя и за дверями, но всё же — у порога войны. Тяжело отойти от этого порога и затеряться в толпе, в задних маленьких комнатках...» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 76).

[5] Брюсов выехал из Варшавы 14 мая 1915 г.

30
Брюсов — Измайлову
29 апреля 1915 г., Варшава

29 апр⟨еля⟩ (12 мая) 1915.
Варшава, Мазовецкая д. 1, кв. 7

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Спешу известить Вас, что то «сокращение штатов» в «Русс⟨ких⟩ вед⟨омостях⟩», о котором Вы мне писали, если и будет иметь место, то, по-видимому (как то следует из полученного мною сегодня письма А. А. Мануйлова), не коснется меня[1]. Поэтому наши предварительные переговоры — о возможности моего участия в «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостях⟩», как корреспондента, — должно считать не имеющими продолжения. Пока «Русс⟨кие⟩ вед⟨омости⟩» хотят, чтобы я у них работал, у меня не может быть никаких причин переменить место своей работы.

Вчера я Вам послал «Ворона». Сегодня высылаю «Ланцелота». Это — оригинальное, мое, стихотворение, *не* перевод; но пусть

оно считается лучше переводом[2]. Тон, кажется, перенят верно. Другое стихотворение посылаю «на всякий случай». По моему личному мнению, оно *не для газеты*, и я рекомендую «Бирж⟨евым⟩ вед⟨омостям⟩» его *не* печатать, а подождать, пока я пришлю другие стихи. Пользуясь Вашим добрым приглашением, я это сделаю, как только разберусь в своих бумагах. У меня где-то лежат еще не напечатанные стихи (среди них есть и хорошие). Если «Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩» хотят того, я им отдам эти стихи, так как к осени намерен включить их в книги[3]. Ввиду этого, — т. е. желания скорее напечатать эти стихи, — прошу Вас сказать мне откровенно, не будет ли затруднено печатание стихов вопросом о гон⟨ор⟩аре. Газеты и журналы (знаю по опыту) избегают длинных стихотворений, как слишком дорогого материала. Я же, по разным обстоятельствам данного момента (моя удаленность от столицы и редакций и мн. др.), предпочитал бы *сейчас* поместить бóльшее число стихов, хотя бы за меньший гонорар. Подходит ли это к соображениям «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩»?

Дружески преданный Вам

Валерий Брюсов

P. S. По обыкновению, боюсь вызывать Вас на письма. Я сам, только попав в Варшаву, вновь научился писать письма. Поэтому позвольте Ваше молчание принять за согласие (только «принципиальное», конечно) и тогда выслать Вам стихи.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 16—16 об.

[1] Возможно, подразумевается письмо А. А. Мануйлова от 25 апреля 1915 г.: «Было бы весьма прискорбно, если бы Вы как раз теперь уехали. Что касается характера Ваших корреспонденций, то я очень сожалею, если выразился недостаточно ясно. Боюсь, что вышло недоразумение, если Вы пишете, что прекращаете „Мимоходом" Напротив, их необходимо продолжать ⟨...⟩ Итак, убедительная просьба — оставайтесь и пишите» (Письма Александра Аполлоновича Мануйлова В. Я. Брюсову (1914—1915) / публ., вступ. заметка Э. С. Даниелян // Брюсовские чтения 2013 года. Ереван, 2014. С. 607—608). О письме Мануйлова Брюсов упоминает также в послании И. М. Брюсовой от 1 мая 1915 г.: «Получил я от А. А. Мануйлова письмо, в котором он убеждает

меня не уезжать из Варшавы» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 208).

[2] См.. *Брюсов В.* Смерть рыцаря Ланцелота: Старинная английская баллада («За круглый стол однажды сел...») // *БВ.* Утр. вып. 1915. 10 мая (№ 14835). С. 2. Также опубл.. Северные записки. 1915. № 2. С. 63. См. также примеч. 1 к п. 36.

[3] Стихи, о которых идет речь, Брюсов послал Измайлову после 1 июня 1915 г., они были опубл.. *Брюсов В.*: 1) Песня («Белы воды на побережье моря...») // *БВ.* Утр. вып. 1915. 7 июня. (№ 14889). С. 2. Впервые в цикле «Две малайские песни» в кн.. Сирин: Сб. 2. СПб., 1913; 2) Газелла: Подражание персидскому («В ту ночь нам птицы пели...») // *БВ.* Утр. вып. 1915. 14 июня. (№ 14903). С. 2; 3) Ultima Thule («Где океан, век за веком стучась о граниты...») // Там же. 21 июня. (№ 14917). С. 2; 4) Умирающий день («Минувший день, склоняясь головой...») // Там же. 28 июня. (№ 14931). С. 2; 5) «Что это? Пение, славленье...» // Там же. 12 июля. (№ 14959). С. 2. В дальнейшем озаглавлено «Безвестная вестница». В фонде Брюсова в РО ИРЛИ сохранилась беловая рукопись стихотворения «Умирающий день», которую автор послал в редакцию «Биржевых ведомостей» (РО ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 10. Л. 1—2). Эти произведения поэт планировал поместить в сборнике «Семь цветов радуги». См. письмо Брюсова к издателю К. Ф. Некрасову от 10 июля 1915 г.: в книге будет около 15 печ⟨атных⟩ листов или немного более. Более точную цифру стр⟨аниц⟩ я сообщу Вам, как только соберу свои стихи, написанные за последние месяцы и напечатанные в разных изд⟨аниях⟩, преимущественно в „Биржевых ведомостях" и альманахах» (Неизвестные письма В. Я. Брюсова / подгот. текста, примеч. С. Рабиновича // Позывные сердца: Сборник литературно-критических статей. Ярославль, 1969. С. 339).

31
Брюсов — Измайлову
9 мая 1915 г., Варшава

9 мая 1915. Варшава.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Не захотят ли «Б⟨иржевые⟩ вед⟨омости⟩» напечатать мою статью о предсказаниях Нострадама о современной войне? Статья была предложена мною «Русс⟨ким⟩ вед⟨омостям⟩»; они было набрали ее, но потом раздумали печатать, вероятно, потому, что сочли неподходящим для себя делом заниматься «пророчествами»[1]. Может быть, «Б⟨иржевые⟩ в⟨едомости⟩» не разделяют такого предрассудка. Статья несколько длинна; я, сколько мог, сократил ее; можно еще выкинуть в нескольких местах французский текст, оставив лишь русский перевод (лучше — там, где стихи приведены *не* полностью,

а в скобках, внутри текста). Если же и «Б⟨иржевым⟩ в⟨едомостям⟩» статья непригодна, не могу ли я просить — *вернуть* мне гранки: у меня нет никакой черновой[2]. Переслать их надо будет в Москву (1 Мещанская, 32, мне), куда я уезжаю дня через 3—4[3].

Дружески Вам преданный

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 19.

[1] Ср. письмо Брюсова И. М. Брюсовой от 12 апреля 1915 г.: «Посылаю сейчас в ред⟨акцию⟩ статью о Нострадаме — не об чем больше писать! Ничего не свершается!» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 192). Ср. также его письмо от 10 мая: «„Р⟨усские⟩ в⟨едомости⟩" упорно *не* печатают ничего из того, что я посылаю им. Недавно вернули мне 6 статей. Я иногда кое-что пере-посылаю (re-envoyé) в „Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩"· кстати, следи за ними, особенно по воскресеньям и праздникам» (Там же. С. 214).

[2] Статья опубл. (без сокращений французского текста): *Брюсов В.* Предсказание Нострадама о современной войне // *БВ*. Утр. вып. 1915. 14 мая. (№ 14841). С. 2—3. Ср. письмо Брюсова И. М. Брюсовой от 15 мая 1915 г.: «Сегодня в „Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостях⟩" моя статья о Нострадаме, отвергнутая „Р⟨усскими⟩ вед⟨омостями⟩"» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 215). В 1916 г. Брюсов предложил эту работу для публикации в журнале «Ребус». Ср. его письмо редактору журнала А. И. Бобровой от 3 октября 1916 г.: ...год назад я напечатал в „Биржевых ведомостях" статью о предсказаниях Нострадамуса о современной войне, — не хотите ли, чтобы я переработал эту статью для Вашего журнала?» (цит. по: Статья В. Брюсова «Предсказания Нострадама о современной войне». 1915 / вступ. заметка, публ. и примеч. Э. С. Даниелян // Неизвестный Брюсов: (Публикации и републикации). Ер., 2005. С. 230). Статья о Нострадамусе на страницах «Ребуса» не появилась.

[3] Брюсов выехал из Варшавы 14 мая и прибыл в Москву 22 мая 1915 г.

32
Измайлов — Брюсову

Между 14 мая и 1 июня 1915 г., Петроград

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Как видите, мы не задерживаем ничего из того, что Вы нам любезно присылаете. И стихи[1], и «Nostradamus»[2] — напечатаны. Недоимка только за *«Вороном»*[3]. Пожалуйста, не забывайте нас.

И чем скорее Вы пришлете нам новых стихов[4], а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ и прозы, — тем доставите нам больше удовольствия.

Ваш искренно

А. Изм⟨айлов⟩

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 1. Неотправленное. На письме помета рукой Измайлова: «Вскрыто мною».

[1] Имеется в виду: *Брюсов В.* Смерть рыцаря Ланцелота: Старинная английская баллада («За круглый стол однажды сел...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 10 мая (№ 14835). С. 2.

[2] См.. *Брюсов В.* Предсказание Нострадама о современной войне // *БВ*. Утр. вып. 1915. 14 мая. (№ 14841). С. 2—3.

[3] См. примеч. 1 к п. 28.

[4] См. примеч. 3 к п. 30.

33
Брюсов — Измайлову
27 июня 1915 г., д. Бурково

27 июня 1915.
Москва, 1 Мещанская 32

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Сегодня я пишу к Вам по самому неприятному поводу. В № 26 «Огонька» помещен рассказ Татьяны Краснопольской[1] «Рыцарь»[2], и рассказ этот есть — *плагиат*. Начинающая писательница *украла* сюжет рассказа и весь ход его не у кого другого, как у уважаемого И. И. Ясинского. К сожалению, я не помню точного названия рассказа Ясинского, но в том, что я говорю, я, конечно, *совершенно уверен*. Ввиду близости «Огонька» к «Бирж⟨евым⟩ ведом⟨остям⟩», где я пишу, я не хочу обличать этот факт в какой-либо другой газете. Но и оставить его не обличенным я считаю несправедливым. Я прилагаю здесь маленькое «письмо в редакцию»[3]. Если Вы найдете его слишком резким, может быть, Вы составите заметку сами. Или, наконец, ред⟨акция⟩ «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩» или «Огонька» поме-

стит объяснение от своего имени. В какой форме факт будет предан гласности, разумеется, *всё равно*, но быть преданным гласности *он должен*: я думаю, Вы в этом со мною согласитесь...

Опять и опять благодарю Вас за хлопоты о моих стихах. Видел их, — кажется, уже все, посланные Вам, — в «Бирж‹евых› вед‹омостях›»[4], которые получаю здесь, в деревне[5]. На днях хочу послать Вам свой перевод нового стихотворения Верхарна «Герои Льежа». Я эти стихи получил в рукописи и не знаю, был ли оригинал напечатан или нет. Но если он и был опубликован во Франции или в Англии, то в России совершенно неизвестен[6].

Дружески преданный Вам

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 22—23.

[1] Т. Г. Шенфельд (псевд. Краснопольская Т., Краснопольская, Татиана; Т. К.), беллетристка, автор романа о петербургской богеме «Над любовью» (Петроградские вечера. Пг., 1914. Кн. 3).

[2] См.. *Краснопольская Т.* Рыцарь // Огонек. 1915. № 26. С. 5—11.

[3] К письму приложено «Письмо в редакцию»: «Милостивый Государь! Г. Редактор! Начав читать в № 26 „Огонька" за этот год рассказ Татьяны Краснопольской „Рыцарь", я скоро убедился, что содержание его мне уже знакомо. Действительно, рассказ и по сюжету и по всему ходу действия „совпадает" с одним из старых рассказов маститого И. И. Ясинского (Максима Белинского). Я не хочу обвинять начинающую писательницу в плагиате. Можно, напр‹имер›, предположить, что кто-нибудь из ее знакомых передал ей содержание рассказа Ясинского, выдав вымысел за факт из действительной жизни, и писательница воспользовалась этим сообщением, как канвой для своего рассказа... Пусть, однако, этот прискорбный случай послужит новым уроком молодым писателям. Нет ничего, чтó могло бы заменить собою *творчество*, эту истинную *сущность* каждого художественного создания. Примите уверения в моем совершенном уважении Валерий Брюсов. 27 июня 1915, Бурково» (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 21).

[4] См. примеч. 3 к п. 30.

[5] Летом 1915, 1916 г. Брюсовы жили на даче в деревне Бурково (ст. Болшево Ярославской железной дороги).

[6] См.. *Верхарн Э.* Герои Льежа / пер. В. Брюсова («Клятвопреступная смертельная война...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 19 июля. (№ 14973). С. 2. Ср. письмо Брюсова И. М. Брюсовой от 1 марта 1915 г.: «Стихи Верхарна непременно пришли мне, и лучше *обе поэмы*, но о Льеже — конечно; я ее переведу, обещаю это ‹...› Буду ждать поэмы Верхарна» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 161, 162).

34
Измайлов — Брюсову
Конец июня — до 14 июля 1915 г., Петроград

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Я передавал ⟨так!⟩ Ваше письмо редактору «Огонька». Он ответил мне, что теперь, после того, как в нек⟨ото⟩рых газетах уже было отмечено случившееся с Краснопольской, — очень милой, но слишком доверчивой начинающей, — недоразумение, — и нет резона подчеркивать его в самом «Огоньке», и это запоздало.

Прототип не рас⟨ска⟩з Яс⟨инского⟩, а «Интересные мужчины» Лескова или один из р⟨асска⟩зов Мопассана[1].

Просим стихов покорнейше.

Ваш искренно

А. Измайлов.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 14. Л. 13. Машинопись с подписью-автографом.

[1] Тот факт, что сюжет рассказа Т. Краснопольской возбудил подозрения Брюсова, неслучаен. Происшествие из реальной жизни — самоубийство двадцатилетнего корнета Ямбургского уланского полка Н. Е. Десятова, застрелившегося в Бежецке 11 ноября 1860 г. после несправедливого обвинения в краже 250 рублей и клеветы некоторых однополчан — послужило основой нескольких «литературных переработок». Как реальное происшествие сюжет осветил в неопубликованной при жизни рукописи Н. Г. Чернышевский «В оправдание памяти честного человека» (предположительно датируется 1860—1861 гг.; опубл. в 1936 г.). Основу рукописи составляет короткий анонимный рассказ об обстоятельствах смерти корнета, сопровожденный несколькими свидетельствами участников событий. Официальная версия самоубийства Десятова предложена Всеволодом Крестовским в «Истории 14-го Уланского ямбургского полка», бывшего в ту пору поручиком полка и его историографом. «Своеобразно интерпретирован, неизбежно беллетризирован и романтически переосмыслен этот реальный случай» в рассказе Н. С. Лескова «Интересные мужчины» (1885), как указывает С. П. Шестериков. «Лесков в своем рассказе значительно усложнил всю психологическую обстановку, но зато совершенно исключил момент клеветы, толкнувшей Десятова на самоубийство. Лесковым оно, вслед за Крестовским, представлено результатом обостренного чувства „личной чести" молодого офицера» (*Шестериков С. П.* Смерть корнета Десятова: (К истории литературного наследия Чернышевского, Лескова и Куприна) // *РЛ.* 1981. № 1. С. 155—156). Сюжет, связанный с самоубийством Десятова нашел также отражение в творчестве А. И. Куприна в рассказе «Брегет» (1897). Рассказ Т. Краснопольской «Рыцарь» охарактеризован исследователем «как литературный курьез»: «Это произ-

ведение, повторяющее сюжетную канву „Интересных мужчин", в сущности выпадает из русла подлинной литературы, являясь откровенным плагиатом» (Там же. С. 158. См. также: *Горелов А. А.* Дополнение к статье С. П. Шестерикова // Там же).

35
Брюсов — Измайлову
14 июля 1915 г., д. Бурково

Москва, 1 Мещанская, 32. 14 июля 1915

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Что мое письмо о Т. Краснопольской не было напечатано, я *очень* рад, и не только потому, что у меня был назван И. И. Ясинский вместо Лескова. Написал я свое письмо в первую минуту «негодования» и потом охотно взял бы его назад. Ну, а всё же поведение Татьяны более чем сомнительно!

Верхарн прислал мне из Бельгии две поэмы с просьбой — поместить их (в переводе, конечно). Я должен хотя бы попытаться исполнить просьбу maitre'a*. Поэтому посылаю Вам перевод «Героев Льежа»[1]. Прилагаю и оригинал, дабы Вы могли судить, в чем виноват я, а в чем, — увы — сам Верхарн. Поступите, как сочтете справедливым.

К большому моему огорчению, стихи у меня «не пишутся». Я много переводил, между прочим с армянского яз⟨ыка⟩, который изучаю, но Вам это вряд ли интересно[2]. Посылаю одну балладу, весьма умеренное достоинство которой прекрасно сознаю[3]. Если удастся что-либо написать или доделать из написанного раньше, — обещаю выслать немедленно Вам для «Б⟨иржевых⟩ вед⟨омостей⟩».

Еще раз спасибо за напечатание всех посланных стихотворений, среди которых тоже были «умеренные» по достоинствам[4].

Дружески Вам преданный

Валерий Брюсов.

Venus — Venĕris, следовательно Ве́нера, а не Вене́ра, «Сын Ве́неры», а не «Вене́ры сын», так?[5]

---

* мастер (*фр.*).

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 24. Впервые: *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. С. 246.

[1] См.: *Верхарн Э.* Герои Льежа («Клятвопреступная смертельная война...») / пер. В. Брюсова // *БВ*. Утр. вып. 1915. 19 июля. (№ 14973). С. 2. Вторая поэма — «Генерал Леман» (Русские ведомости. 1916. 20 ноября. (№ 269). С. 3). См. п. 33 и примеч. 6 к нему. См. также комментарий Э. С. Литвин к этому письму: *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. С. 246—247

[2] В конце июня 1915 г. Брюсов согласился стать редактором сборника национальной армянской поэзии (Поэзия Армении: С древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов. М.. Издание Московского армянского комитета, 1916). Одним из основных участников предприятия стал армянский литератор Погос Макинцян. Он в течение трех летних месяцев, пока Брюсов жил на даче в Бурково, выступал в качестве преподавателя армянского языка для поэта, читал ему курс «лекций» по истории армянской поэзии. Брюсов сделал для «Поэзии Армении» более сотни переводов, которые до выхода сборника неоднократно появлялись на страницах «Биржевых ведомостей» и «Огонька». Об истории создания антологии см.. Брюсовские чтения 1966 года. Ер., 1968. 632 с. В частн., см.. *Макинцян А. П.* Из истории создания «Поэзии Армении» (С. 148—209). См. также: Брюсов и Армения. Ер., 1989. Т. 1, 2; *Соболев А.* К истории «Сборника финляндской литературы» // Russian Literature. 2012. LXXI. II. P. 229—251; *Александрова Э. К.* К истории создания переводов Вячеслава Иванова из армянской поэзии // Вестник Ереванского университета. Серия «Русская филология». 2016. № 1 (4). С. 3—24.

[3] См.. *Брюсов В.* Баллада воспоминаний («На склоне лет, когда в огне...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 2 авг. (№ 15001). С. 2.

[4] См. примеч. 3 к п. 30.

[5] Речь идет о правильной постановке ударения в последней строфе «Баллады воспоминаний». В фонде Брюсова в РО ИРЛИ сохранилась беловая рукопись баллады, которую поэт послал в редакцию «Биржевых ведомостей», с проставленными в последней строфе ударениями: «Сын Ве́неры, Амо́р лукавый, / Храни меня отныне ты» (РО ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 8. Л. 1).

36
Брюсов — Измайлову
30 июля 1915 г., Бурково

Москва, 1 Мещанская, 32. 30 июля 1915.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Только недавно я узнал об одном досадном недоразумении. Оказывается, что зимой, когда я жил в Варшаве, жена моя, И. М. Брю-

сова, уступая просьбам ред⟨акции⟩ «Северных записок» (где она немного сотрудничает), послала им мое стихотв⟨орение⟩ о короле Артуре[1]. Вероятно, И⟨оанна⟩ М⟨атвеевна⟩ писала мне об этом, но я или не получил письма, или забыл о сообщенном, но только вторично послал эту балладу Вам, и Вы ее своевременно (кажется, в мае) напечатали[2]. По счастью, никто, кажется, не обратил на это внимания. Впрочем, некоторым оправданием может служить то, что Вам я доставил балладу в *измененном* виде и с новым примечанием... Во всяком случае теперь мне остается только извиниться перед Вами и перед ред⟨акцией⟩ «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩» и просить контору исключить из моего счета гонорар, причитающийся за эти стихи... Итак, простите мне эту, всё же неприятную, неаккуратность...

Последнее время я изучаю армянский яз⟨ык⟩ и перевожу стихи армянских поэтов, старых и новых[3]. Посылаю Вам одну «газеллу» Ваана Терьяна, молодого поэта, переведшего на армянский яз⟨ык⟩ много моих стихов[4]. Мне лично эта газелла (по-армянски) очень нравится. Если мне сколько-нибудь удалось передать ее достоинства в русских стихах, может быть, Вы дадите ей место в одно из воскресений[5].

Преданный Вам

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 25.

[1] Ср. письмо Брюсова И. М. Брюсовой от 19 декабря 1914 г.: «Два стихотворения, которые посылаю, перешли, пожалуйста, *немедленно* в „Сев⟨ерные⟩ записки" Мне не хочется заводить с ними личные сношения, а Ты им пишешь. Но попроси *ответить*, будут ли напечатаны стихи, оба ли стихотворения и когда. Если не захотят их взять, пусть вернут: я их перешлю в „Современник", который просит у меня стихи. Желательно, конечно, чтобы „⟨Северные⟩ записки" вместили стихи в ближайшую книжку (январскую?)» (*Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 114). Иоанна Матвеевна выполнила поручение. Редактор-издатель журнала С. И. Чацкина ответила ей 24 декабря 1914 г.: «Благодарю Вас за присланные стихотворения Валерия Яковлевича, которыми мы, к сожалению, не можем воспользоваться, т. к. янв⟨арь⟩ и февр⟨аль⟩ заранее составлены и я связана обещаниями, данными другим авторам» (Там же. С. 115). Впоследствии обстоятельства изменились, и стихотворение Брюсова было помещено в февральском номере журнала: *Брюсов В.* Смерть рыцаря Ланцелота: Баллада («За круглый стол однажды сел...») // Северные записки. 1915. № 2. С. 63.

1 апреля 1915 г. поэт справлялся у супруги, прислали ли «Северные записки» гонорар за стихи (см.. *Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 183).

[2] См.: *Брюсов В.* Смерть рыцаря Ланцелота: Старинная английская баллада. («За круглый стол однажды сел...») // *БВ.* Утр. вып. 1915. 10 мая (№ 14835). С. 2. См. п. 30. Вырезка из газеты с этой публикацией и карандашной пометой сохранилась в архиве Брюсова (НИОР РГБ. Ф. 386. К. 20. Ед. хр. 1. Л. 1). См. также примеч. к стих. в кн.. *Брюсов В.* Собр. соч.. в 7 т. Т. 2. М., 1973. С. 473.

[3] См. примеч. 2 к п. 35.

[4] Армянский поэт и общественный деятель Ваан Терьян был одним из основных сотрудников «Сборника армянской литературы», который готовился в Петрограде под редакцией М. Горького (изд. «Парус», 1916) одновременно с «Поэзией Армении». (Об истории создания сборника см.. Горький и Армения: Статьи, письма, воспоминания и «Хроника». Ер., 1968. 703 с., *Голубева О. Д.*. 1) Книгоиздательство «Парус» (1915—1918) // Книга: Исследования и материалы. М., 1966. Сб. XII. С. 160—193; 2) Горький-издатель (Книгоиздательство «Парус»: Литературные сборники). М., 1968. С. 76—83). Терьян входил в состав армянской делегации, по совету Горького обратившейся к Брюсову летом 1915 г. с просьбой взять на себя редакцию сборника «Поэзия Армении». Известны десять его переводов из поэзии Брюсова. Переводы стихотворений «Грустный вечер» и «Быть без людей» опубликованы в 1912 г. во втором номере двухнедельника «Ушара» (или «Хушарар»; Тифлис); «Городу (Дифирамб)», «Одиночество» («Отступи, как отлив, всё дневное пустое волненье...»), «Час воспоминаний», «Благословение», «Побег», «L'ennui de vivre», «Блудный сын» и «Колыбельная песня» («Девочка далекая, спи мечта моя...») — в 1913 г. в пятом номере журнала «Гехарвест» («Искусство»; Венеция, издание перенесено из Тифлиса). Подробнее об этом см.. *Симонова А. К.* Стихотворения В. Я. Брюсова на армянском языке // Брюсовские чтения 1963 года. Ер., 1964. С. 463—466; *Степанян Н. С.* Стихотворения В. Я. Брюсова из сборника «Все напевы» в переводе Ваана Терьяна// Брюсовские чтения 2006 года. Ереван, 2007. С. 378—397.

[5] Опубл.. *Терьян В.* Ничего не осталось: Газелла («Дни прошли и ушли эти дни, для меня ничего не осталось...») / пер. В. Брюсова // *БВ.* Утр. вып. 1915. 16 авг. (№ 15029). С. 2.

37
Брюсов — Измайлову
1 августа 1915 г., Бурково

Москва, 1 Мещанская, 32. 1 августа 1915.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

По разным причинам письмо к Вам у меня залежалось. Прибавляю к нему еще два стихотворения. Сначала я не хотел их печатать. Во-первых, потому, что оба они не вполне хороши: в «За-

ложнице» — много риторики, в «Завете Святослава» — не удалось (чего я хотел) передать манеру *старых* поэтов, пушкинской эпохи, получилась какая-то двойственность, старое смешано с новым и кажется просто несовершенным... Во-вторых, потому, что я не надеюсь, чтобы эти стихи *могли* быть напечатаны в наши дни: очень вероятно, что обстоятельства «независящие» закроют этим стихам путь в печать. Но в конце концов я рассудил то и другое предоставить суждению Вашему и редакции. Если найдете стихи приемлемыми, — возьмите их; если сможете напечатать, — напечатайте[1].

Преданный Вам

Валерий Брюсов.

P. S. *Сирена* — герб Варшавы[2].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 26. Впервые: *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. С. 247—248.

[1] См.. *Брюсов В.*. 1) Заложница («Будь меж святынь в веках помянута...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 6 авг. (№ 15009). С. 3; 2) Завет Святослава («По знакомой дороге назад...») // Там же. 9 авг. (№ 15015). С. 2.

[2] Примечание автора к 7-му и 8-му стихам «Заложницы»: «И вот — в руках врагов заложница, Сирена польская, и ты!». 23 июля 1915 г. Варшава была оккупирована немецкими войсками.

38
Брюсов — Измайлову
29 августа 1915 г., Москва

29 августа 1915.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

С наступлением осени возвратился я в Москву и пока не думаю уезжать никуда (тем более, что на мне «тяготит», — выражение Лермонтова, — «преступление»[1], увы! по 1001 ст⟨атье⟩)[2]. Итак, готов быть по-прежнему, если хотите, вкладчиком Вашей газеты.

Очень благодарю за помещение всех посланных мною стихов. Сегодня же обращаюсь к Вам, — ибо не знаю, к кому еще обратиться, — с просьбой — просить Контору о высылке мне причитающегося мне гонорара. Впрочем, пишу отдельно и в Контору.

Извиняюсь за причиняемые хлопоты.

Преданный Вам

Валерий Брюсов
Москва, 1 Мещанская, 32.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 27

[1] Фраза из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тучи».

[2] См. сообщения о привлечении Брюсова к ответственности по 1001 статье («О противных нравственности и благоприятности сочинениях, изображениях, представлениях и речах») Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (ред. 1885 г.) за рассказ «После детского бала», помещенный в альманахе «Альциона», и об изъятии рассказа из книги ([Б. п.]. Привлечение Валерия Брюсова // Голос Москвы. 1915. 29 янв. (№ 23). С. 5; [Б. п.]. Дела печати // Утро России. 1916. 20 марта. (№ 80). С. 5; [Б. п.]. Дела печати // Русские ведомости. 1916. 20 марта. (№ 66). С. 6). Подробнее об этом сюжете см. в письмах Брюсова И. М. Брюсовой от 19, 30 марта, 1 апреля 1915 г. и комментарии к ним М. В. Орловой в кн.. *Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. С. 170—175, 180—183. Еще в марте 1914 г. в «Биржевых ведомостях» был помещен отзыв В. Ф. Боцяновского об альманахе, в котором автор провидчески обратил внимание на предосудительный характер брюсовского рассказа: «...вышла первая книга альманаха „Альциона" На обложке синяя птица ⟨...⟩ К сожалению, нужно сказать, что, уловив синюю птицу и пришпилив ее на обложку, составители альманаха далеко не поймали ее для внутреннего содержания книги. ⟨...⟩ Открывается альманах рассказом Брюсова „После детского бала" Начало рассказа интересно. Двенадцатилетняя Ниночка бежит в сад на свидание с таким же Петей. Впрочем, Пете еще нет 12 лет. Первое объяснение в любви прелестно». Далее автор отзыва приводит обширные цитаты, раскрывающие содержание рассказа, и заключает: «Тут многоточие и сказке конец... Бедные Ниночка и Петя, Тильтиль и Митиль... Вместо Синей Птицы, вдруг... княгиня... А только сомнительно, чтобы Пете было меньше двенадцати... Ему, наверно, добрых пятьдесят лет. Только Брюсов этого не заметил. Поэт!.. ⟨...⟩ А в альманахе повесть Брюсова и посвященная Брюсову повесть Мозалевского, кажется, главное...» (*Анчар* [Боцяновский В. Ф.]. Литературные странички: За синей птицей // *БВ*. Утр. вып. 1914. 14 марта. (№ 14052). С. 8).

39
Измайлов — Брюсову
31 августа 1915 г., Петроград

Петроград, 31 августа 1915 г.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Мы печатали, кажется, без единственного уклонения все Ваши стихотворения. Не посердитесь, что воздержимся от «Скандинавской саги»[1]. Вы чувствуете, что это вызывается не чем иным, как единственно отдаленностью темы от нынешних настроений. А применить пророчество к нынешнему дню — все-таки было бы натяжкой.

Нас очень радует то, что Вы пишете в последнем письме о возможности воспользоваться нам Вашею работой. *Очень и очень* прошу новых стихов. У нас уже нет ничего. Разумеется, стихотворения с касанием хотя бы не войны, но все-таки момента — были бы для нас предпочтительнее. Впрочем, будем рады всякому. Точно также очень интересно было бы иметь от Вас и *рассказ* или статью — с самым широким простором выбора тем, какие Вы считаете подходящими к моменту.

Простите безобразное письмо. Ужасные условия редакционной работы.

Ваш искренно

А. И⟨змайлов⟩

P. S. Нельзя ли для «Хроники» узнать что-ниб⟨удь⟩ новое о жизни и работах В⟨алерия⟩ Я⟨ковлевича⟩ Б⟨рюсова⟩?

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 81. Ед. хр. 28. Л. 12. Машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

[1] В фонде Брюсова в РО ИРЛИ сохранилась беловая рукопись «Пророчества о гибели азов: Из скандинавской саги», посланная автором в редакцию газеты (РО ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 4. Л. 1—2). Опубл.. *Брюсов В.* Пророчество о гибели азов: Из скандинавской саги («Слушайте, все люди, сумрачные песни...») // Гюлистан: Альманах 1. М., 1916. С. 13—14.

40
Брюсов — Измайлову
3 сентября 1915 г., Москва

1 Мещанская, 32, Москва. 3 сентября 1915.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

По Вашей просьбе — сообщить Вам что-либо для «хроники», в газете, о моих новых работах, — стал я было набрасывать разные заметки, но «увлекся» (о себе говорить всего «увлекательно» ⟨так!⟩) и исписал 4 страницы, — впрочем, не всё только об себе самом[1]. Поступите с этим материалом, как хотите и как найдете удобным: дарю его в Ваше полное, бесконтрольное распоряжение. Извлеките существенное, отбросив рекламные части (чувствую, что кое-где проскользнула рекламность), зачеркните ненужное, оставив факты, поместите целиком или целиком же бросьте в корзину: всё будет (для меня) одинаково хорошо. Если бы всё же кое-чем Вы воспользовались, то лучше (мне кажется так, но и на этом, — *как ни на чем*, — не «настаиваю»), лучше помещать сообщения не сразу, а через дни, дабы не было слишком много обо мне[2]. Последнее сообщение, — о Горьком, — конечно, посылаю sous réserve*: так мне говорили, и я лично верю, что всё так и есть, но Вы, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, знаете это лучше моего[3]. Предпоследнее сообщение, — о Шюзевиле, — не очень свежо: книга вышла год назад, но, кажется, об ней не писали (впрочем, именно этот год я следил плохо за тем, что́ и где писали)[4]. Наконец, третье с конца сообщение, — о сборниках «У⟨ниверсальной⟩ б⟨иблиотеки⟩»[5], — совершенно точно в том, что касается меня и Вяч. Иванова; остальное всё — предположение, о котором мне говорили издатели, не делая из того никакой тайны[6]. И вообще никакой indiscrétion** в моих сообщениях нет: в этом отношении ими можно пользоваться без опаски.

Если *что-либо* из этих сообщений Вам и газете интересно, я готов и в будущем доставлять Вам материал в этом роде: сейчас сезон

* с оговоркой (*фр.*).

неосмотрительность, неосторожность (*фр.*).

только начинается, и я писал лишь о *себе*; зимой, напротив, у меня будут вести о *других*. Бывало, я давал такую «литературную хронику» одному юноше, который пользовал ⟨так!⟩ ее в газетах, где работал, последнее время в «Русс⟨ких⟩ вед⟨омостях⟩». Теперь этот юноша на войне и чуть ли не убит[7], и я охотно буду давать «московские вести» (о литературе) Вам, т. е. «Бирж⟨евым⟩ вед⟨омостям⟩», но только (это для меня *важно*) ни в коем случае *не* как сотрудник, а только как доставитель материала, которым распоряжается кто-либо другой.

Благодарю Вас за письмо. Постараюсь вновь доставлять Вам стихов, — и о войне, — а чтó до рассказа, то два-три (да, именно *три*) написаны, но никак не могу их доделать; удастся, — пришлю с признательностью за приглашение. А «пророчество о гибели», конечно, не ко времени[8]. И вообще я принципиально признаю право редакторов (чем и сам пользуюсь, когда что-либо редактирую) принимать и *не* принимать предлагаемое. Сотрудники смотрят с одной точки, редактор — с другой. «Не подходит к нашему изд⟨анию⟩» — формула, не позволяющая спора. И я прошу Вас свободно «отклонять» всё, что я могу прислать Вам не подходящее: и для тени «обиды» или «недовольства» я в том не усмотрю оснований (но *«основание тени»* простите).

Почему «Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩» не печатают «библиографий»? Вы бы основали этот отдел: и сами написали бы в нем много, и у меня бывают заметки[9], которым не место ни в «Русс⟨ких⟩ вед⟨омостях⟩», ни в «Русс⟨кой⟩ мысли», ни даже в моих «Известиях»[10] (сей журнал видали ли и не прислать ли его Вам?)

Дружески Ваш

Валерий Брюсов

Приходится извиняться за длинноту письма: извинение в наши дни — редкое, но Вальтер Скотт писал письма по 40 стр⟨аниц⟩: бедные его корреспонденты![11]

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 28—29.

[1] В архиве Измайлова в ИРЛИ сохранился этот автограф Брюсова — 7 сообщений под общим заглавием «Для хроники» (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 5. Ед. хр. 36. Л. 1—4).

[2] Измайлов воспользовался несколькими сообщениями из списка Брюсова. Первое из них — объявление о готовящейся к печати антологии «Поэзия Армении»: «Общую редакцию сборника принял на себя В. Я. Брюсов, который с этой целью посвятил минувшее лето (по своем возвращении с театра войны) на изучение армянского языка, под руководством профессора П. Н. Макинцяна. В. Я. Брюсову будет принадлежать в сборнике ряд переводов и им же будут написаны вступительные, историко-литературные очерки к каждому из четырех отделов. Деятельное участие в сборнике принимает еще Вяч. Иванов; кроме того, участвуют и обещали свое сотрудничество Ф. Сологуб, акад⟨емик⟩ И. А. Бунин, А. М. Федоров, Ю. Балтрушайтис, Н. Ашукин, П. Сухотин, А. Глоба и др.; ред⟨акция⟩ надеется также привлечь к участию К. Бальмонта, А. Блока, М. Кузмина и мн. др.» (Там же. Л. 1). См. примеч. 2 к п. 35; п. 52. Это сообщение в автографе пронумеровано карандашом — «№ 4», оно было помещено в газете с некоторыми расхождениями, в частности, в публикации снята информация из последнего абзаца о работе Брюсова и значительно сокращен список участников предприятия (см.: [Б. п.]. «Поэзия Армении» // *БВ*. Утр. вып. 1915. 23 сент. (№ 15103). С. 4). Второе сообщение о неопубликованной при жизни автора драме: «Валерий Брюсов закончил драму из современной жизни „Пироент", которую предполагает предложить Московскому императорскому Малому театру. „Пироент" (Pyrois, entis — античное именование планеты Марс) есть название фантастического корабля, или, точнее, снаряда, при помощи которого герой драмы, молодой русский инженер, надеется установить сношения с другими планетами. ⟨...⟩ Замысел драмы, однако, чисто психологический, напоминающий идею „Преступления и наказания" Для достижения своих грандиозных задач герой драмы должен пройти через преступление» (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 5. Ед. хр. 36. Л. 1—2). Пьеса опубл.. *Страшкова О. К.* В. Брюсов — драматург-экспериментатор. Ставрополь, 2002. С. 161—241; *Брюсов В.* Драматургия. М., 2016. С. 163—200. Сообщение отмечено в автографе карандашом «№ 1», опубл.: [Б. п.]. Новая драма В. Я. Брюсова // *БВ*. Утр. вып. 1915. 24 сент. (№ 15107). С. 2. Сообщение, анонсирующее выход сборника стихотворений Брюсова «Семь цветов радуги» (1916) (пронумеровано карандашом — «№ 2»), и заметка о новых изданиях «Пользы»: «Балладе Рэдингской тюрьмы» Оскара Уайльда и втором издании поэм Эмиля Верхарна в переводе Валерия Брюсова (Там же. Л. 2—3), — видимо, не были задействованы в газете.

[3] Ср.. «Максим Горький издает в изд⟨ательст⟩ве „Парус" серию сборников, посвященных литературам различных народностей, населяющих Россию. Одним из первых выйдет в свет сборник, посвященный литературе армянской. ⟨...⟩ Переводы стихов почти все будут исполнены заново нашими поэтами. Вступительный очерк, — обзор всей истории армянской литературы, — пишет для сборника проф⟨ессор⟩ П. Н. Макинцян» (Там же. Л. 4). Это сообщение последнее в автографе, помечено карандашом — «№ 3», опубл.. [Б. п.]. Сборники М. Горького // *БВ*. Утр. вып. 1915. 24 сент. (№ 15107). С. 2. В «Парусе» планировалось подготовить сборники армянской, латышской, финской, литовской, грузинской, татарской, еврейской, украинской литературы. Удалось выпустить только «Сборник армянской литературы» (1916), «Сборник латышской литературы» (1917) и «Сборник финляндской литературы» (1917). См. также примеч. 4 к п. 36.

[4] Ср.. «В шуме военных действий и великих событий наших дней совершенно затерялась интересная книжка, изданная в Париже Жаном Шюзевилем: Jean Chuzewille,

„Anthologie des poètes russes", Paris 1915 ⟨так!⟩. Шюзевиль, в настоящее время — переводчик при французской армии, несколько лет жил в России и хорошо ознакомился с русским языком. „Антология", изданная г. Шюзевилем, содержит его переводы стихов Вл. Соловьева, К. Бальмонта, З. Гиппиус, Валерия Брюсова, Ф. Сологуба, А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, Макс. Волошина, М. Кузмина, Н. Гумилева и нек⟨оторых⟩ др⟨угих⟩» (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 5. Ед. хр. 36. Л. 3—4). Книга Шюзевиля была выпущена в издательстве «Cres» в 1914 г.

[5] Акционерное общество, организованное в 1915 г. на базе издательства «Польза» В. М. Антика. Под названием «Универсальная библиотека» здесь выпускалась и популяризаторская серия дешевых изданий (см.. *Юниверг Л.* Владимир Антик и его «Универсальная библиотека» // Лехаим. 2009. Апрель. № 4 (204). [Эл. ресурс]. URL. http://www.lechaim.ru/ARHIV/204/univerg.htm. (Дата обращ.. 31.07.2016)).

[6] Ср.: «Издательство „Универсальная библиотека" в Москве задумало выпустить ряд томиков, из которых каждый содержал бы избранные стихи одного из современных наших поэтов. ⟨...⟩ Первыми в этой серии выйдут томики, содержащие избранные стихи Вяч. Иванова и Валерия Брюсова. Далее изд⟨ательст⟩во надеется выпустить такие же маленькие антологии стихов К. Бальмонта, Ф. Сологуба, А. Блока, З. Гиппиус, Андрея Белого и др.» (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 5. Ед. хр. 36. Л. 3). См.. *Брюсов В.* Избранные стихи: 1897—1915. М.. Польза, 1915. 80 с.; *Сологуб Ф.* Земля родная: Выбранные стихи. М.. Универсальная библиотека, [1916]. 48 с. Сборники избранных произведений остальных поэтов в издательстве В. М. Антика не выходили.

[7] О ком идет речь, установить не удалось.

[8] См. п. 39.

[9] О деятельности Брюсова-библиографа см., напр.. *Боднарский Б. С.* В. Я. Брюсов как библиограф // Советская библиография. 1933. № 1/3. С. 156—165; *Дашкевич Н. А.* Деятели книги: В. Я. Брюсов // Книга: Исследования и материалы. М., 1971. № XXII. С. 221—228; *Гужиева Н. В.*: 1) Библиографическая деятельность В. Я. Брюсова // Там же. 1976. № 3. С. 51—64; 2) Книга и русская культура начала XX века: (Брюсов) // *РЛ.* 1983. № 3. С. 156—167

[10] Имеются в виду «Известия Литературно-художественного кружка», издававшиеся по инициативе и под редакцией Брюсова.

[11] Абзац вписан сверху.

41
Брюсов — Измайлову
13 сентября 1915 г., Москва

Москва, 1 Мещанская, 32. 13 сент⟨ября⟩ 1915.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю Вас очень за заботы о высылке мне гонорара, который мною получен (об чем я немедленно же известил контору

«Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩»). В ответ на Ваше предложение высылаю Вам кое-какие свои стихи, — что́ мог сейчас собрать. Говоря откровенно (я себя всегда критикую строго), стоит внимания лишь одно стихотворение, первое: «Над омутом»[1]; не вовсе плохо: «В траве»[2], — и это всё. Военное, «Казачье становье»[3], посылаю потому, что об таких Вы просили особенно (я его было прочил в какой-то сборник Городецкого, но как-то «не собрался» отослать)[4]. «Баллада» — совсем не хороша[5]. Переводы, конечно, имеют интерес только литературный, не художественный[6]. Опять повторяю, что все эти стихи предоставляю на Ваше «усмотрение». Возьмите, что́ сочтете пригодным для газеты, остальное спокойно бросьте (возвращать нет надобности: все копии у меня есть). Рассказ непременно постараюсь доставить Вам, и именно «военный». Ох, трудно это, — дабы не уподобиться авторам из «Лукоморья»![7]

Дружески Ваш

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 30. Впервые: *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. С. 248.

[1] См.. *Брюсов В.* Над омутом («Ветер, сумрачно пророчащий...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 20 сент. (№ 15099). С. 2.

[2] См.. *Брюсов В.* В траве («Красная и синяя...») // Огонек. 1916. 10 апр. (№ 15). С. 16. В дальнейшем под названием «Две головки».

[3] Имеется в виду: *Брюсов В.* На театре войны («Отбрасывая версты, стучит автомобиль...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 27 сент. (№ 15113). С. 2. В дальнейшем под названием «Казачье становье».

[4] Петроградская газета «Речь» в номере от 21 октября 1915 г. извещала читателей о том, что в книгоиздательстве «Краса» готовится к печати сборник под редакцией С. М. Городецкого и А. М. Ремизова «Скорбь. Русские писатели польскому народу разоренному», в который войдут стихи А. Ахматовой, К. Бальмонта, А. Блока, Ю. Балтрушайтиса и др. Брюсов также был приглашен участвовать в сборнике. О сотрудничестве Блока и др. писателей см. комментарии к разделу «Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921)» в кн.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. Александр Блок: Новые материалы и исследования. С. 447—448. Издание не было осуществлено.

[5] Имеется в виду: *Брюсов В.* За картами: Баллада («Опять истомой дышит март...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 1 окт. (№ 15121). С. 2. См. п. 47

[6] Переводы армянских народных песен «Поймала звездочка в небе... «Сшейте платьице для милой...» и стихотворений Аветика Исаакяна «Сорванную розу вет-

ке не вернуть...» и «Безвестна, безыменна, позабыта...» опубл.: Огонек. 1915. 4 окт. (№ 40). С. 11.

[7] См. примеч. Э. С. Литвин к этому письму: *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. С. 249. «Лукоморье» — еженедельный литературно-художественный и сатирический журнал (1914—1917). Как указывает современный исследователь, «несмотря на умеренно-развлекательный характер (в рамках проверенной и патриотической идеологии), благодаря родству с „Новым временем" ⟨...⟩ прикосновенность к изданию выглядела отягчающим обстоятельством в глазах либеральной интеллигенции. Первоначально в журнале предполагалось участие широкого круга лиц ⟨...⟩ и общее впечатление о нем складывалось вполне благоприятное ⟨...⟩ но со временем отношение к нему стало меняться» (*Соболев А. Л.* К истории «Сборника финляндской литературы» // Russian Literature. LXXI (2012). II. P. 246). В одном из октябрьских номеров «Биржевых ведомостей» было помещено открытое письмо одиннадцати писателей, которые уведомляли публику о выходе из состава участников журнала, объясняя это тем, что «в последнее время „Лукоморье" приняло нежелательную ⟨...⟩ тенденциозную окраску...» (*Ауслендер С., Долинов Ф. М., Иванов Г., Киселев Н., Кузмин М., Кузнецов Н., Мозалевский В., Рославлев А., Садовской Б., Слезкин Ю., Сологуб Ф.* Письмо в редакцию // *БВ*. Утр. вып. 1915. 30 окт. (№ 15179). С. 5).

42
Измайлов — Брюсову
21 сентября 1915 г., Петроград

Петроград, 21 сент⟨ября⟩ 1915 г.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Редакция «Биржевых ведомостей» *очень* просит Вас не отказать ей в возможно скорой присылке одного, а если возможно, *и двух* небольших рассказов. Она не стесняет Вас никакими темами, не требует касаний войны и просит только иметь в виду, что сложившийся у нее размер рассказа 300—350 строк.

Искренно благодарю Вас за стихи. Пожалуйста, не забывайте нас и впредь. Не посердитесь, что два (армянские[1] и дети в поле[2]) я отдал в «Огонек», не устояв пред усиленными просьбами его редактора[3]. Там печатается вся гвардия Парнаса, и Вы не будете в одиночестве.

Усерднейше просим р⟨асска⟩за, — сидим без материала.

Ваш искренно

А. Измайлов

За хронику оч⟨ень⟩ благодарю — вся в наборе[4], но перегружение № материалами чудовищно[5].

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 8. Типовое, машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

[1] Речь идет о переводах с армянского (см. примеч. 6 к п. 41).

[2] Имеется в виду: *Брюсов В.* В траве («Красная и синяя...») // Огонек. 1916. 10 апр. (№ 15). С. 16.

[3] В. А. Бонди.

[4] См. п. 40.

[5] Абзац вписан слева поперек листа.

43
Брюсов — Измайлову
24 сентября 1915 г., Москва

24 сент⟨ября⟩ 1915
М⟨о⟩ск⟨ва⟩, 1 Мещ⟨анская⟩, 32.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Благодарю за письмо. Рассказ у меня *есть*. Но он превышает (несколько) указанные Вами нормы: трудно в них уложить что-либо сколько-нибудь серьезное. Всё же этот рассказ («Последняя любовь»)[1] вышлю Вам в ближайшие дни на Ваше решение.

Уважающий Вас

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 31. На почтовой карточке. Адрес: Е⟨го⟩ в⟨ысоко⟩б⟨лагородию⟩ Александру Алексеевичу Измайлову редакция газеты «Биржевые ведомости» Галерная, 40 Петроград.

[1] См.. *Брюсов В.* Последняя любовь: Из записок вдовца // *БВ*. Утр. вып. 1915. 11 окт. (№ 15141). С. 2—3.

44
Брюсов — Измайлову
5 октября 1915 г., Москва

5 окт⟨ября⟩ 1915.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Посылаю Вам обещанный рассказ[1]: довольно-таки незначительный (по содержанию), но всё же слишком большой (по размерам). Что делать! Ничего не сумел написать короче. Если рассказ по этой причине, — или по другой, — окажется непригодным, буду очень просить вернуть мне рукопись: я его переделаю (распространю) и, может быть, сделаю из него что-либо годное.

Ваш Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 32.

[1] См. п. 43.

45
Измайлов — Брюсову
30 октября 1915 г., Петроград

Петроград, 30/X

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Редакция «Биржевых ведомостей» очень просит Вас не отказать ей в беллетристической вещице в Рождественский №. Стесняя авторов только размером рассказа (250 строк), она предоставляет им в остальном совершенный простор, не настаивая ни на «рождественских темах», ни на каком-либо касании совершающихся событий.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

И Ваших стихов у нас — ни пьески. *Всепокорнейше* просим. Без Вас какой же Рождественский номер! Пожалуйста![1]

Ваш искренно

А. Измайлов.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 10. Типовое, машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

[1] См. п. 47 и примеч. к нему.

46
Измайлов — Брюсову
6 ноября 1915 г., Петроград

Петроград, 6/XI 1915 г.

Редакция «Биржевых ведомостей» очень просит Вас не отказать ей в присылке Ваших стихотворений и среди них, в частности, одного или двух подходящих для Рождественского номера[1].

Само собой разумеется, редакция не стесняет Вас никакими обязательными касаниями ни святок, ни нынешних событий, предоставляя Вам лично почувствовать, что шло бы ныне в праздничный номер.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Искренно Ваш

А. Измайлов

P. S. Единственно, что у нас не прошло — это «С китайского»[2].

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 12. Типовое, машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

[1] См. п. 47 и примеч. к нему.

[2] Имеются в виду: Китайские стихи: «Твой ум — глубок, как море... «Пусть этот чайник ясный...»; «Ты мне дороже, чем злато...»; «Все дни — друг на друга похожи... «Глупец восклицает: Ломок...». 1-е и 4-е стихотв. впервые опубл.: *Брюсов В.* Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам: Стихи 1912—1918 гг. / со вступ. ст. автора. М., 1918. (С подзаголовком «Из китайской поэзии. Параллелизм»). 2-е, 3-е, 5-е — впервые: *Брюсов В.* Избр. соч. Т. 1: Стихотворения: Поэмы / вступ. ст. А. С. Мясникова; ред. и примеч. И. М. Брюсовой. М., 1955.

47
Брюсов — Измайлову
8 ноября 1915 г., Москва

Москва, 1 Мещанская, 32. 8 ноября 1915.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Опять спасибо — за память. Высылаю Вам 4 стихотв⟨орения⟩, — увы! — разысканные в старых бумагах (для книги стихов, которую заканчиваю печатанием и на днях, вероятно, уже доставлю Вам на Ваш строгий суд)[1]. Завтра вышлю еще 2 стихотв⟨орения⟩, поновее, «в запас»[2]. Но, пожалуйста, — о том весьма прошу, — просмотрите их и, если найдете не стоящими, не печатайте. Как за «парда» ополчился на меня «Ж⟨урнал⟩ ж⟨урналов⟩», но я ту балладу[3] в книгу всё же включил, ибо «пард» или «пардус» — хорошее старинное слово и значит «барс», а вовсе не «леопард»[4].

Рассказ, в 250 строк или *менее*, обещаю написать, ибо его уже придумал и доставлю вовремя (к началу декабря?)[5]. Задача соблазнительная — сказать multum*, но не multa**.

Преданный Вам

Валерий Брюсов

Весьма жаль, что обстоятельства решительно не позволили мне воспользоваться предложением «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩» — вновь поехать на фронт, при более благоприятных условиях для

* много (*лат.*).

многое (*лат.*).

наблюдения... Но всё то, об чем я писал в своем ответном письме, и мое здоровье сделали это для меня немыслимым![6]

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 33.

[1] Опубл.. *Брюсов В.*: 1) У канала («В угрюмом сумраке ночей безлунных...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 15 ноября. (№ 15211). С. 2; 2) Певцу «Слова» («Стародавней Ярославне тихий ропот струн...») // Огонек. 1915. 22 ноября. (№ 47). С. 1; 3) Синема моего окна («Мир шумящий, как далек он...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 6 дек. (№ 15253). С. 2; 4) Завещание («Я жизнь прожила безотрадно, бесцельно...») // *БВ*. Утр. вып. 1916. 1 янв. (№ 15300). С. 2. Вошли в сборник «Семь цветов радуги» (М., 1916).

[2] По всей видимости, обещанные два стихотворения не были отосланы.

[3] Имеется в виду: *Брюсов В.* За картами: Баллада («Опять истомой дышит март...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 1 окт. (№ 15121). С. 2. См. п. 41 и примеч. 5 к нему.

[4] В 26-м номере сатирического еженедельника «Журнал журналов» за 1915 г. в разделе «Камешки в лоб» был помещен анонимный пародийный отзыв, в котором автор приводил обширную цитату из брюсовского стихотворения и писал: «Валерий Брюсов в стихотворении „За картами" — на старости лет кокетничает рифмами на страницах „Биржевых ведомостей" 〈...〉 Если бы эти стихи сочинил *леопард*, никогда не видавший географических *карт* — то и тогда этот стихотворный *азарт*, достойный только гимназических *парт*, не оправдывал бы прельстившего Брюсова слова *„пард"* — Оставим котам месяц *март*» ([Б. п.]. Пучок за пятачок // Журнал журналов. 1915. Окт. № 26. С. 22).

[5] См.. *Брюсов В.* Кама-Шутра: Рассказ // *БВ*. Утр. вып. 1915. 25 дек. (№ 15290). С. 4.

[6] По-видимому, имеется в виду неизвестное письмо от редакции с повторным приглашением стать корреспондентом издания на театре войны. См. п. 28, 29, 30.

48
Измайлов — Брюсову
Декабрь 1915 г., Петроград

〈?〉 декабря 1915 г.[1]

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Редакция «Биржевых ведомостей» очень просит Вас не отказать ей в присылке нескольких Ваших стихотворений для утреннего издания. Она не стесняет Вас никакими откликами на современные события, но, конечно, особенно ценила бы лирические касания настроений, близких современной душе.

Примите уверение в совершенном уважении и искренней преданности.

Ваш А. Измайлов.

Очень просим стихотворение в Рождеств⟨енский⟩ номер и скучаем, что от Вас нет рассказа. Пожалуйста, не откажите!

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 16. Типовое, машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

[1] Поверх этой машинописной даты чернилами надписано: «29 февраля 1916 г.».

49

Измайлов — Брюсову

Декабрь 1915 г., Петроград

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Беспокоюсь. Нельзя ли уже прислать Рождественское (р⟨асска⟩з и стихи). Утешьте[1].

Всегда Ваш

А. Измайлов

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 14. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

[1] См. примеч. 5 к п. 47 Стихи Брюсова в рождественском номере не появились.

50

Измайлов — Брюсову

Конец декабря 1915 г. — начало января 1916 г., Петроград

Петроград, ⟨?⟩ декабря 1915 г.

Сердечный привет и пожелания лучшего в новом лете глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу.

Редакция «Биржевых ведомостей» очень просит Вас не отказать ей в присылке нескольких Ваших стихотворений для утреннего издания. Она не стесняет Вас никакими откликами на современные события, но, конечно, особенно ценила бы лирические касания настроений, близких современной душе.

Примите уверение в совершенном уважении и искренней преданности.

Душевно Ваш

А. Измайлов.

Пожалуйста, не откажите и в ближайшем рассказе.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 18. Типовое, машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

51

Измайлов — Брюсову

23 января 1916 г., Петроград

Петроград, 23 января 1916 г.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Редакция «Биржевых ведомостей» *очень* просит Вас не отказать в любезной присылке ей в возможно скором времени Ваших стихов и одного, а если возможно, и двух небольших рассказов для утреннего издания. Она не стесняет Вас ни темами, ни настроением, ни касаниями войны, и с внешней стороны просит только иметь в виду, что сложившийся у нее размер рассказа 300—400—450 строк.

Не поставьте себе в труд уведомить пишущего эти строки о Вашем согласии или отказе.

Ваш искренно

А. Измайлов

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 20. Типовое, машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Биржевых ведомостей».

52
Брюсов — Измайлову
8 марта 1916 г., Москва

Валерий Яковлевич Брюсов
Москва, 1 Мещанская, 32. 8 марта 1916.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Весьма я виноват перед Вами и «Бирж⟨евыми⟩ вед⟨омостями⟩», ничего не предлагал Вам последнее время, — кажется, уже несколько месяцев. Причины тому две: мое здоровье всё не позволяет мне работать так много, как хотелось бы и было бы надо, а в то же время принятое на себя обязательство издать сборник армянской поэзии поглощает все часы, какие я могу работать. Когда сборник выйдет, Вы увидите, какой неимоверный труд был всё же мною исполнен за полгода: я изучил целую литературу, обнимающую *1 ½ тысячелетия* (а точнее, — и все 2 ½, от V века до Р⟨ождества⟩ Х⟨ристова⟩!), и сам перевел свыше 100 поэм, самых разнородных поэтов, в самых разнообразных стилях![1] Но всё это, конечно, — объяснение, а не оправдание. Постараюсь всё же, сколько могу, выполнить Ваше желание. Одновременно с этим письмом высылаю три стихотворения из числа написанных за последнее время, причем два, так или иначе, касаются современности[2]. Какой-нибудь рассказ непременно «сочиню», но позвольте предложить его для пасхального №, так как для того, чтобы написать второй, не найдется у меня ни сил, ни свободного дня[3]. Наконец, если это Вам интересно, мог бы прислать Вам несколько «мыслей», которые всё собираюсь издать отдельной книжкой и недавно разыскал в своих бумагах и поставил на очередь[4]. Не предлагаю Вам переводов с армянского, так как много печатал их за эти месяцы в разных изданиях («Армянском вестн⟨ике⟩», «Новой жизни», «Одесском листке» и др. провинциальных газетах)[5], и думаю, что они читателю (некоему, «собирательному», который всё же существует) надоели.

Еще раз извиняюсь, что долго не давал знать о себе. Ваше предыдущее письмо[6] пришло в дни, когда я был на Кавказе, именно в Армении, где читал армянам лекции, поучая их красотам и богатствам их родной поэзии[7].

Преданный Вам

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 36—37.

[1] См. примеч. 2 к п. 35.

[2] Брюсов не выслал упомянутые стихи. См. п. 54.

[3] Рассказ Брюсова в пасхальном номере не появился.

[4] По-видимому, это обещание не было исполнено.

[5] «Армянский вестник» (М.), еженедельный журнал, изд. с 1916 г.; «Новая жизнь» (СПб., с 1914 — М.), литературно-обществ. альманах; «Одесский листок», газета, изд. с 1901. См.. Библиография В. Я. Брюсова: 1884—1973 / сост. Э. С. Даниелян, ред. К. Д. Муратова. Ереван, 1976. С. 112, 121—122.

[6] См. п. 50.

[7] В начале января 1916 г. Брюсов отправился в поездку на Кавказ по приглашению Бакинского общества любителей армянской словесности и Кавказского общества армянских писателей в Тифлисе для чтения лекций по армянской поэзии. 24 января Брюсов отбыл из Тифлиса в Москву, и уже 28 января в большом зале Политехнического музея состоялась его лекция об армянской поэзии.

53
Измайлов — Брюсову
12 марта 1916 г., Петроград

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Озабочиваясь о подарке русскому солдату к Пасхе, «Союз городов»[1] устраивает грандиозную лотерею, один из отделов которой, литературный, всецело рассчитан на содействие этому делу русских писателей. Во имя высокой цели укрепления общения между обществом и армией, позвольте убедительно просить Вас не отказать в Вашем, ценном для дела участии, — пожертвованием книг Вашего

сочинения с автографами, портретов с Вашим факсимиле и всего того, что Вы сочли бы удобным для общественного розыгрыша. Вы глубоко обязали бы этим тех, кто взял на себя заботу об организации подарка братьям, отстаивающим родину своею грудью, и дали бы им радость сознания непрерывающейся общности с народом. Ввиду того, что сроки для устройства лотереи крайне близки, не откажите дать Ваш отклик в возможно скором времени.

Пожертвования благоволите направлять на «Союз городов», Невский 21, с непременным обозначением — «в литературный отдел благотворительной лотереи».

Примите уверение в совершенном уважении и искренней преданности.

Леонид Андреев
А. Измайлов[2]

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 22—22 об. Типовое, машинопись с рукописными вставками, с подписями-автографами Измайлова, Л. Андреева. На бланке Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам.

[1] Всероссийский союз городов был организован в Москве в августе 1914 г. на съезде представителей городов для оказания помощи в санитарном обслуживании и хозяйственном снабжении армии. В июле 1916 г. объединился с аналогичным Земским союзом в единую организацию — Земгорсоюз.

[2] Розыгрыш лотереи состоялся 24 марта 1916 г. в оперном зале Народного дома в Петрограде. В организации лотереи Измайлов принял активное участие, ср. запись Ф. Ф. Фидлера от 28 марта 1916 г.: «24-го Измайлов попросил меня прийти в Союз городов и принять участие в проведении лотереи в пользу солдат. Там я говорил с ним не более минуты: он весь был поглощен регистрацией пожертвованных книг — работой, которую мог бы выполнить любой мало-мальски умеющий читать и писать» (*Фидлер*. С. 683). Отсутствовавшего председателя лотерейной комиссии Л. Андреева заменял Измайлов. О подробностях лотереи сообщалось в заметке «Розыгрыш лотереи „Союза городов"» (*БВ*. Утр. вып. 1916. 27 марта (№ 15466). С. 4). Здесь же помещено благодарственное письмо Измайлова и Л. Андреева писателям, принявшим участие в организации лотереи (Там же. С. 3). См. письма 52—57 в переписке Измайлова с Леонидом Андреевым. См. также: Письмо А. А. Измайлова П. П. Гнедичу от 14 марта 1916 г. (РО ИРЛИ. Ф. 73. Ед. хр. 260. Л. 6—6 об.); письмо Измайлова М. Горькому от ⟨10 марта⟩ 1916 г. (*ЛН—72*. С. 360).

54
Брюсов — Измайлову
23 марта 1916 г., Москва

23 марта 1916.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

К сожалению, ни 27 лет литературной деятельности, ни даже работа в газетах не отучили меня быть «взыскательным художником». Перечтя стихи, приготовленные для отсылки в «Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩»[1], я нашел их (стихи) достойными Гумилева, а не себя (это «между нами»)[2], разорвал листки и бросил в корзину. Так стихи и не дошли до редакции. Простите. Пришлю что-либо более стоящее внимания. Последнее время я пишу мало стихов, и всё хорошее, на беду, отдал «Русс⟨кой⟩ мысли».

Сегодня, прочтя в «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостях⟩» письмо Д. Протопопова (в № от 21 марта)[3], я написал 3 странички «патриотизма». Будьте обязательны, поглядите, — стоит ли их публиковать. Я что-то колеблюсь: порою кажется, что это печатать — просто неприлично. Но, в конце концов, я не уверен, а так как такого рода писания нельзя выдерживать в ящике по нескольку недель (как я то делаю со многими другими), то и посылаю свои листки на Ваш суд и Ваше усмотрение. Самым искренним образом (вне всякой фразы) прошу Вашего совета. Если и у Вас будет хоть какое-либо сомнение, *пожалуйста, не печатайте*. А если стоит напечатать, поместите и добавьте, что я прилагаю 10 р⟨ублей⟩[4], кои, дабы не пересылать денег, можно отчислить от моего гонорара[5].

Я написал несколько исторических миниатюр (рассказов, каждый — строк по 200), которые пришлю Вам после того, как они немного полежат у меня в столе[6].

Преданный Вам

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 38—39.

[1] См. п. 52 и примеч. 2 к нему.

[2] О взаимоотношениях Брюсова и Н. С. Гумилева см.. *Брюсов В.* Переписка с Н. С. Гумилевым (1906—1920) / вступ. ст., коммент. Р. Д. Тименчика, Р. Л. Щербакова; публ. Р. Л. Щербакова // *ЛН*. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 400—514.

[3] 17 марта 1915 г. немецкой подводной лодкой было потоплено русско-французское госпитальное судно Красного Креста «Португалия». Погибло более 100 человек, находившихся на борту. Трагическое событие широко освещалось в прессе, вызвало целую волну негодующих писем в редакцию, корреспонденции сопровождались денежными пожертвованиями читателей на установление памятника. Московская городская дума объявила конкурс на лучший проект, молодой скульптор И. Д. Шадр предложил проект монумента. Однако недостаток финансовых средств, потом гражданская война не позволили воплотить идею в жизнь. В упомянутом Брюсовым выпуске «Биржевых ведомостей» было помещено письмо юриста, публициста, земского деятеля Дмитрия Дмитриевича Протопопова, в котором говорилось о необходимости увековечивания памяти жертв войны и бесчеловечной жестокости, «низости» врага, к письму было приложено 5 рублей — пожертвование на установление памятника (*Протопопов Д.* Памяти погибших на «Портюгале»: (Письмо в редакцию) // *БВ*. Утр. вып. 1916. 21 марта. (№ 15454). С. 4).

[4] В своем отклике Брюсов пересказывал легенду о смерти Регула в переложении Диодора Сицилийского и мести Атилиев карфагенянам за убийство римского консула: «Уже не остается сомнений, что наши военнопленные подвергаются в Германии разным беззаконным истязаниям. Я лично слышал об этом рассказы от лиц, вполне заслуживающих доверия, лишь недавно, благодаря счастливым обстоятельствам, вернувшимся из Германии. Сходные сообщения не раз появлялись в печати русской и иностранной. ⟨...⟩ И, несмотря на то, мне хочется повторять слова, сказанные более двух тысячелетий назад: „Мучить пленных пристало пунам, но недостойно римлян", свойственно немцам, но не русским, и на немецкие зверства мы, русские, отвечать злодейством не можем. Другое дело — мстить за злодейство вечным напоминанием об нем» (*Брюсов В.* Урок истории // *БВ*. Утр. вып. 1916. 27 марта. (№ 15466). С. 2). Деньги пожертвованы на установление памятника погибшим на судне «Португалия».

[5] Внизу вписано: *verte* — переверни ⟨страницу⟩ *(лат.)*.

[6] «Исторических миниатюр» Брюсова в «Биржевых ведомостях», «Новом слове» и «Огоньке» не появилось. Рассказ «Последний император Трапезунда: (Исторические сцены 1470 г.)» был опубл. в симферопольской газете «Южное слово», в номере от 15 апреля 1916 г.

55
Брюсов — Измайлову
4 апреля 1916 г., Москва

Валерий Яковлевич Брюсов
Москва, 1 Мещанская, 32. 4 апр⟨еля⟩ 1916.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Наконец решаюсь послать Вам стихи, но опять надеюсь на Ваше «просвещенное внимание», что́ печатать, что — нет, ибо все стихотворения — не «бесспорны».

1) «Озимандия» — слишком известен по переводу Бальмонта[1] (мне хотелось передать пропущенное им, напр⟨имер⟩ — «и отчайтесь!»)[2].

2) «Осеребренная» — слишком «южно» (для осторожности объяснил я «каллипига» как — «именование Афродиты»[3], что, впрочем, и верно).

3) «Цыганский табор»[4] — недурен лишь некоторыми строфами (стихи 1—4, напр⟨имер⟩), а во многом надуман.

4) «Рыбье празднество»[5] — столь не в моем духе, что я и судить не берусь, терпимо ли это.

5) «Басня»[6] — тем более, но, впрочем, это дословное переложение Достоевского. Кстати: «личности» в басне нет; никто меня не вызывает «к газетному барьеру», — в настоящее время, по крайней мере.

Итак, многоуважаемый А⟨лександр⟩ А⟨лексеевич⟩, решите Вы, а я приму Ваше решение без всяких возражений.

С уважением

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 40.

[1] Имеется в виду перевод сонета П. Б. Шелли «Озимандия»; в 1893—1896 гг. был опубл. в отдельных выпусках переводов Бальмонта из Шелли, в 1903—1905 гг. включен в трехтомное Полное собрание сочинений английского поэта.

[2] См.. *Шелли П. Б.* Озимандия («Мне путник встретился, из древних стран прибывший...») / пер. В. Брюсова // Огонек. 1916. 1 мая. (№ 18). С. 12. О переводах обоих

поэтов см.. *Беджанян К. Г* Сонет «Озимандия» П. Б. Шелли в переводе В. Я. Брюсова // Кантех: Сб. научн. трудов. Ер., 2002. Вып. 3. С. 36—44; *Жаткин Д. Н., Рябова А. А.* Стихотворение П. Б. Шелли «Озимандия» в русских переводах конца XIX — начала XX в. // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2011. Вып. 1. С. 69—77

[3] См.. *Аннунцио Г., де.* Осеребренная («Когда, упав ничком, ты животом в песке...») / пер. В. Брюсова // *БВ.* Утр. вып. 1916. 8 мая. (№ 15545). С. 2. К стиху: «Каллипига, не ты ль лежала одиноко?» — в публикации сделано примечание переводчика: «Каллипига — одно из именований Афродиты» (Там же). См. также коммент. к републикации этого перевода в кн.. Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. М., 1994. С. 817

[4] См.. *Брюсов В.* В цыганском таборе («У речной изложины...») // *БВ.* Утр. вып. 1916. 10 апр. (№ 15493). С. 2. Отклик на стихотворение см.. *М. Б.* Человек в футляре // Журнал журналов. 1916. Апрель. (№ 17). С. 15.

[5] См.. *Брюсов В.* Рыбье празднество («Пусть царит унынье где-то на земле...») // *БВ.* Утр. вып. 1916. 1 мая. (№ 15531). С. 2. См. примеч. к этому стихотв. в изд.. *Брюсов В. Я.* Собр. соч.. в 7 т. М., 1973. Т. 2. С. 445.

[6] См.. *Брюсов В.* Лев и Свинья: Басня по Ф. М. Достоевскому («Однажды лев...») // *БВ.* Утр. вып. 1916. 2 мая. (№ 15533). С. 2.

56
Брюсов — Измайлову
16 апреля 1916 г., Москва

Валерий Яковлевич Брюсов
Москва, 1 Мещанская, 32. 16 апр⟨еля⟩ 1916 г.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Совесть меня мучила за то, что я послал Вам несколько стихотв⟨орений⟩ весьма «среднего» достоинства. Потому спешу послать Вам вещь, кажется, интересную, которую удалось написать: «Евангельские звери»[1]. Но — как знать: может быть, это — против военной цензуры? Если найдете, что так, не откажите — *вернуть мне рукопись* теперь же. «Утро России» напечатать решится, а лучше напечатать эти стихи еще в послепраздничные дни, иначе придется отложить до Рождества, если не до будущей Пасхи.

Преданный Вам

Валерий Брюсов

P. S. Кажется, ни одного «зверя» не проступил: если вспомните, может быть, скажете, и я добавлю новые строфы.

P. P. S. Латинский оригинал действительно существует, но мои стихи от оригинала очень далеки: взята лишь идея. Всё же мне кажется необходимым и как-то более красивым представить стихотворение — как *перевод*.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 41.

[1] См.. *Брюсов В.* Евангельские звери: Итальянский аполог XII века неизвестного автора («У светлой райской двери...») // *БВ*. Утр. вып. 1916. 24 апр. (№ 15517). С. 2.

57

Брюсов — Измайлову

3 мая 1916 г., Москва

В. Я. Брюсов.
Москва, 1 Мещанская, 32. 3 мая 1916.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

В № 218 «Огонька» помещен мой перевод сонета Шелли «Озимандия»[1]. В сонете оказались две неприятных опечатки. Сообщаю их на случай, если бы журнал захотел поместить поправки:

В стихе 4 напечатано: «в песок»; надо: «в пески».

В стихе 10 напечатано: «Озимандия, кто назван Царь Царей»; надо «Озимандия кто назван, Царь Царей».

В первом случае искажена рифма; во втором, от перестановки запятой, искажен смысл. Впрочем, поправки опечаток никогда «не достигают цели». Читатели справляться не станут, а кто прочел сонет, не увидит поправок. Поэтому оставляю дело на усмотрение редакции.

Пишу же это письмо больше затем, чтобы спросить Вас, насколько есть правды в газетных сообщениях о перемене в составе ред⟨акции⟩ «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩» и о изменении в Вашей личной деятельности[2]. Так как участвовать в «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омо-

стях⟩» и в «Огоньке» я был приглашен Вами и на Ваше имя обычно отсылал свои рукописи, то мне важно знать, как должны повлиять эти перемены на мое сотрудничество. Я считаю своим долгом, в этом отношении, вполне подчиниться Вашим указаниям и Вашему совету.

Благодарю Вас за напечатание моих «Евангельских зверей»[3] и «Рыбьего празднества»[4].

Преданный Вам

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 34. Машинопись с подписью-автографом.

[1] См. примеч. 1 к п. 55.

[2] В апреле 1916 г. Измайлов прекратил свою деятельность в «Биржевых ведомостях», в которых работал с 1898 г., и приступил к сотрудничеству в «Петроградском листке». Подробнее об этом см. во вступ. ст.

[3] См. п. 56.

[4] См. примеч. 5 к п. 55.

58
Измайлов — Брюсову

После 3 мая — начало июня 1916 г., Петроград

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Действительно я взял на себя редакцию другого издания и сейчас уже непричастен ни в какой мере к «Б⟨иржевым⟩ в⟨едомостям⟩»[1]. Глубоко благодарю Вас за ту чуткость, какую Вы проявляете в вопросах сотрудничества, но так как я ушел, сохраняя истинно дружеские отношения с редакцией и с издателем, то сейчас могу только просить Вас хранить те отношения, какие наладились при мне.

Петроград полон слухами, что и редактор «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩» берет другое дело. Но это едва ли достоверно. Значит все отношения следует вести по-прежнему с Михаилом Михайловичем[2].

Очень сожалею об опечатках, вкравшихся в Ваши стихи, но Вы правы, поправки не имеют смысла.

Искренно Вам преданный

А. Измайлов

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 24—24 об. Машинопись с рукописными вставками. На личном бланке.

[1] См. примеч. 2 к п. 57

[2] Гаккебуш. После ухода Измайлова из редакции Брюсов продолжил сотрудничество с «Биржевыми ведомостями»: он поставлял в издание сведения о литературных событиях, которые помещались без подписи автора, публиковал стихи, рассказы, статьи, участвовал в критико-библиографическом отделе (см.. Библиография В. Я. Брюсова: 1884—1973 / сост. Э. С. Даниелян, ред. К. Д. Муратова. Ереван, 1976. С. 114—115, 120; Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель. Т. 4. М., 1981. С. 208). Подробности дальнейшего участия Брюсова в петербургской газете отражены в его переписке 1916—1918 гг. с новым заведующим литературным и библиографическим отделом А. Л. Волынским (см.. Из переписки Валерия Брюсова и Акима Волынского / вступ. заметка, публ. и примеч. М. В. Покачалова и Л. А. Сугай // Неизвестный Брюсов: (Публикации и републикации). Ер., 2005. С. 392—400).

59
Измайлов — Брюсову

Июнь 1916 г., Петроград

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Имея намерение дать в *иллюстрированном приложении* к «Петроградскому листку» целый ряд фотографий писателей, артистов, художников и общественных деятелей на летнем отдыхе[1], редакция очень просит Вас не отказать в любезной присылке Вашей последней фотографии — отдельной или в группе с другими лицами.

Примите уверение в совершенном уважении.

Ваш А. Изм⟨айлов⟩

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 26. Типовое, машинопись, с рукописными вставками. На бланке редакции «Петроградского листка».

[1] Иллюстрированные приложения выходили два раза в неделю в составе номера газеты. Фотографические портреты писателей и общественных деятелей на летнем отдыхе были помещены в июньских, июльских, августовских, сентябрьских приложениях к «Петроградскому листку» за 1916 г. Портрет Брюсова в этих выпусках не появился.

60
Брюсов – Измайлову
23 июня 1916 г., д. Бурково

Москва, 1 Мещанская, 32. 23 июня 1916.
В. Я. Брюсов.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

С удовольствием я исполнил бы желание ред⟨акции⟩ «Петроградского листка» и благодарю Вас за память обо мне, но, к большому сожалению, я сейчас не располагаю своими новыми фотографиями. Есть портреты старые, которые много раз печатались в разных изданиях: эти не хочется посылать Вам. Правда, очень недавно Московское о⟨бщест⟩во имени Островского сделало целый ряд снимков с меня (весьма удачных), но я не могу добиться от О⟨бщест⟩ва ни одного экземпляра этих фотографий, хотя они уже продавались одно время. Если ред⟨акция⟩ «П⟨етроградского⟩ листка» настойчиво хочет иметь мою новейшую фотографию, может быть, редакция от своего лица обратится в названное О⟨бщест⟩во, сославшись на его обещание представить мне несколько экз⟨емпляров⟩ фотографии. Адрес для такого обращения следующий:

Москва, Первое общество имени Островского, Витольду Ромуальдовичу Йодко[1].

Думаю, что для газеты О⟨бщест⟩во не задержит высылку фотографии. Сам я, к сожалению, сейчас не совсем здоров и не выезжаю из деревни[2], так что не могу лично предпринять шаги в этом направлении, в Москве.

Помимо того, на всякий случай, *высылаю Вам** воспроизведение моего портрета, сделанного недавно художником С. А. Вино-

градовым. Портрет этот еще нигде не появлялся (в печати) и будет помещен лишь в № «Известий Л⟨итературно⟩-х⟨удожественного⟩ кружка», который выйдет осенью[3]. Но беда в том, что посылаемое воспроизведение — очень плохо (в «Известиях ⟨Литературно-художественного кружка ⟩» оно будет заменено другим, еще не готовым). Наконец, помнится, есть мои портреты (фотографии), пока нигде не печатавшиеся, у фотографа Здобнова в Петрограде (на Невском)[4].

Если же ред⟨акция⟩ с помещением моего портрета не торопится, я недели через 2—3 постараюсь доставить новую хорошую фотографию, работы К. Ф. Лео[5].

Преданный Вам

Валерий Брюсов

*) Отдельно — бандеролью, на Ваше имя.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 35. Машинопись с рукописными вставками.

[1] Речь идет о Первом литературно-драматическом и музыкальном обществе им. А. Н. Островского. В 1909—1930 гг. организация располагалась по адресу: Москва, Садовая-Кудринская, 9, в здании реального училища. Витольд Ромуальдович Йодко, сотрудник Общества, преподаватель музыки, цитрист.

[2] Бурково. См. примеч. 5 к п. 33.

[3] См.. Портрет Брюсова с рисунка С. А. Виноградова. 30 апреля 1916 г. // Известия Московского литературно-художественного кружка. 1916. Вып. 14/15. (Сентябрь — октябрь).

[4] Фотограф Д. С. Здобнов в 1891 г. открыл фотоателье на Невском проспекте, 10. В 1913 г. владельцем мастерской стал Л. К. Вассеринг, в память о Здобнове он сохранил на вывеске фотоателье имя прежнего владельца.

[5] К. Ф. Лео — фотограф, заведующий канцелярией Московского литературно-художественного кружка. См. примеч. 1 к п. 59.

61

Измайлов — Брюсову

После 23 июня — до 19 июля 1916 г., Петроград

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Редакция газеты «Петроградский листок», желая достойно отметить вторую годовщину нынешней войны анкетою среди выдающихся общественных и политических деятелей и представителей искусства и литературы, покорнейше просит Вас не отказать в любезной присылке в возможно скором времени нескольких строк, какие Вам хотелось бы сказать в знаменательную годовщину войны, в форме — всего лучше — сжатого афоризма[1].

Примите уверение в совершенном уважении.

Ваш А. Измайлов

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 28. Типовое, машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Петроградского листка».

[1] «Современники о войне: (Наша анкета)» была помещена в номере от 19 июля 1916 г., посвященном второй годовщине войны. Среди участников — архиепископ Финляндский Сергий, А. И. Куприн, И. И. Ясинский, проф. Н. Н. Глубоковский, И. А. Гриневская, Е. А. Нагродская и др. Брюсов участия в анкете не принял.

62

Измайлов — Брюсову

Июль 1916 г., Петроград

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Редакция «Петроградского листка» очень просит Вас не отказать ей в любезном сообщении (для печати) фактических (анекдотических) сведений о Вашем летнем отдыхе и о ваших новых литературных работах (более или менее подробно)[1].

Вы были бы очень добры, если бы и впредь не поставили себе в труд оказывать подобные услуги литературному отделу газеты.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

А. Измайлов

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 27 Типовое, машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Петроградского листка».

[1] На анкету о своем летнем времяпрепровождении откликнулись писатели Ф. Сологуб, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Л. Н. Андреев, А. В. Амфитеатров, А. И. Куприн, И. И. Ясинский, И. Н. Потапенко, П. Д. Боборыкин и др. Опубликована: [Б. п.]. Писательский слет: (Летние итоги) // Петроградский листок. 1916. 7 сент. (№ 246). С. 2; То же // Там же. 9 сент. (№ 243). С. 2. См. также п. 70 в переписке Измайлова и В. В. Розанова; п. 63 в переписке Измайлова и А. М. Ремизова. Брюсов сведения о своем летнем отдыхе не предоставил (см. п. 63, 64 и примеч. к ним).

63
Брюсов — Измайлову
6 августа 1916 г., д. Бурково

Москва, 1-ая Мещанская, 32.
6 августа 1916.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Перед Вами я в долгу: не ответил Вам на Ваше предложение — дать ответ для какого-то интервью (сейчас уже не вспомню — какого). Но я принципиально уклоняюсь от интервью (кроме самых исключительных случаев). Потому — простите: ту Вашу просьбу я исполнить не мог[1].

Что до нового Вашего предложения — «дать сведения о моем летнем отдыхе» etc., то прежде всего опять благодарю Вас за Вашу неизменную память обо мне во всех таких случаях. Но всё, что носит характер хотя бы самой слабой саморекламы, мне глубоко ненавистно. Рассказывать про себя, или даже поручить рассказать другому, как я живу в моей частной жизни, когда встаю и купаюсь, езжу ли на велосипеде, работаю ли в огороде (кстати: именно этим забавлялся всё лето), или даже в кого я влюблен, — всё это для меня невыносимо. С другой стороны, есть, конечно, в моей жизни, как жизни писателя, стороны, которые имеет право видеть и знать и «публика», да и стыдно было бы мне постоянно отвечать

на Ваши любезные предложения отказом. Поэтому, чтó можно, я сообщаю здесь, на отдельном листке, но, конечно, в третьем лице и с просьбой — использовать эти сообщения, как Вы найдете лучшим, т. е. сокращать, делить на части и переделывать написанное мною, по своему усмотрению[2].

Еще раз извините, что исполняю желание редакции, поддержанное Вашей подписью (чтó для меня важно), с такими ограничениями. Верьте, что я всегда готов, по мере возможности, откликаться на Ваши предложения.

Преданный Вам

Валерий Брюсов.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 71. Ед. хр. 23. Л. 2—2 об. Неотправленное письмо.

[1] Имеется в виду просьба о сжатом афоризме для анкеты, посвященной второй годовщине войны. См. п. 61.

[2] Автограф с сообщением Брюсова не обнаружен. См. п. 64.

64
Брюсов — Измайлову
18 октября 1916 г., Москва

В. Я. Брюсов
1 Мещанская, д. 32, Москва. 18 октября 1916.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Крайне должен извиниться перед Вами, что не ответил на Ваше последнее, июльское, письмо. Вы просили меня написать для «Петр⟨оградского⟩ листка» о моем «летнем отдыхе»[1]. Тема меня заинтересовала, и я даже *написал* свой отзыв[2]. Но именно в эти дни — захворал, и довольно серьезно, так что пришлось мне лечь в лечебницу, где делали мне операцию и т⟨ому⟩ под⟨обное⟩. Короче говоря, я в течение двух месяцев был болен и лишь теперь возвращаюсь к своим работам. Этим объясняется и мое молчание[3].

Сегодня я обращаюсь к Вам с просьбой, точнее, даже не я (ибо, как Вы знаете, я никогда не прошу «об отзывах» для своих книг), а Московский армянский комитет, in corpore* вынесший постановление, как издатель того сборника «Поэзия Армении», о котором Вы уже слышали от меня[4], — просить Вас написать об этой книге статью, заметку или хотя бы рецензию: я же только согласился передать эту просьбу Вам. Как редактор сборника, я не вправе судить об нем, но, кажется, могу сказать, что он впервые открывает русским читателям целый мир, — мир древней армянской поэзии, представляющий, на мой взгляд, огромный художественный интерес. Насколько переводчикам и редактору удалось воссоздать этот мир в одеянии русских стихов, — решите Вы, но, что сам по себе он заслуживает величайшего внимания, на этом я настаиваю. Поэтому я и решаюсь передать Вам просьбу издателей, в уверенности, что ни Ваше время, ни Ваш труд не будут потрачены совершенно бесплодно. Самая книга, — солидный том, в 500 с лишком стр⟨аниц⟩, большого формата, — конечно, высылается Вам: это — труд, стоивший мне лично 14 месяцев напряженных занятий (изучение языка, чтение целой библиотеки книг на разных языках, переводы, редактирование чужих переводов и т⟨ому⟩ под⟨обное⟩). Добавлю, что Ваш отзыв, помимо того, что Вы им очень обяжете меня, высоко ценящего Ваше мнение, — окажет поддержку и доброму делу, ибо сборник издан с благотворительной целью, в пользу армян, пострадавших от войны, — их же сотни и сотни тысяч. С этой последней точки зрения хотелось бы видеть Ваш отзыв в широко распространенном издании, как «Русское слово», но, разумеется, это уже зависит от Вашего решения.

Преданный Вам

Валерий Брюсов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 42. Машинопись с подписью-автографом.

[1] См. п. 62.

---

* в полном составе (*лат.*).

[2] См. п. 63.

[3] Дневниковая запись от 14 августа 1916 г. члена дирекции Литературно-художественного кружка С. А. Иванцова гласит: «Утром говорил по телефону с Иоа⟨нной⟩ Матв⟨еевной⟩ Брюсовой — Валерий Яковлевич лежит в лечебнице Постникова, где Петр Иванович вскрыл ему большой гнойник на ноге, явившийся результатом неудачного укола шприцем при впрыскивании морфия. Это занятие всё продолжается! ⟨...⟩ Операция прошла благополучно ⟨...⟩ Может быть, этот случай научит Вал⟨ерия⟩ Яко⟨вле⟩вича и придаст силы отвыкнуть от ужасной привычки к морфию» (*Брюсов В. Я.* Письма неофициального корреспондента. С. 10).

[4] См. примеч. 2 к п. 35, п. 36, 52. Антология «Поэзия Армении» вышла в свет 5 августа 1916 г.

65
Измайлов — Брюсову

После 18 октября — до 9 декабря 1916 г., Петроград

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

За присыл книги благодарю (хотя еще не получил ее). Буду стараться и написать, но теперь, увы, я связан контрактом не писать ни в каких иных газетах. Написанное пришлю[1].

Нам было бы интересно знать всё, что Вы делаете или около Вас делается, и я бы был Вам оч⟨ень⟩ благодарен за всякое о себе сообщение. Литер⟨атурный⟩ отдел оч⟨ень⟩ скоро разовьется в газетке и, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, будет не хуже других.

Искренний привет.

Ваш А. И⟨змайлов⟩

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 29—29 об. На личном бланке.

[1] После подписания контракта с «Петроградским листком» Измайлов был вынужден прекратить сотрудничество с другими изданиями. Остается неизвестным, получил ли он посланную ему книгу и выполнил ли просьбу Брюсова, — отзыв критика неизвестен. В многочисленных рецензиях на сборник, появившихся в печати в 1916—1917 гг., особенное внимание было уделено роли Брюсова — редактора и основного переводчика антологии.

66

Измайлов — Брюсову

9 декабря 1916 г., Петроград

Петроград, 9/XII 1916.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Не окажется ли возможным как-либо познакомиться с Вашим окончанием «Егип⟨етских⟩ ночей»[1], — с целью осведомления с ними читателей, в формате и во времени, какие Вы определили бы? — Очень заинтересован!

Искр⟨енний⟩ привет.

Ваш А. Изм⟨айлов⟩

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 33. На бланке редакции «Петроградского листка».

[1] См.. *Брюсов В.* Египетские ночи: Поэма в шести главах: (Обработка и окончание поэмы А. Пушкина) // Стремнины: Альманах. Кн. 1. М., 1916. С. 3—27 Издание было задержано цензурой и вышло в свет в начале 1917 г.

67

Брюсов — Измайлову

11 декабря 1916 г., Москва

Валерий Яковлевич Брюсов
Москва, 1 Мещанская, 32. 11 декабря 1916.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Медлил я Вам ответить, потому что всё надеялся одновременно выслать и свои «Египетские ночи», о которых Вы мне писали. Но альманах «Стремнины», где помещена эта поэма, был задержан цензурой, и до сих пор я нем ⟨так!⟩ получить ни одного его экземпляра. Вероятно, у меня всё же будут вскоре оттиски «Египетских ночей» (в обложке, с особой нумерацией страниц etc.): такую книжку поспешу Вам доставить[1].

Вы несколько раз просили меня доставить Вам сведения о моих новых работах. Посылаю Вам листок с перечнем их: используйте эти данные, как захотите[2]. Продолжаю скорбеть, что литература «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩» более не под Вашим руководством (хотя и не имею никаких причин жаловаться на новую редакцию)[3]. Но что такое «Петроградский листок»? Признаюсь: я плохо себе его представляю. Интересуется ли он сколько-нибудь литературой? Думаете ли Вы его, в этом отношении, реформировать?[4]

Преданный Вам

Валерий Брюсов

Если поместите в газете что-либо из посылаемых сведений, не откажите прислать вырезку: в Москве «П⟨етроградский⟩ л⟨исток⟩» и достать трудно!

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 43.

[1] Ср. письмо Брюсова заведующему отделом критики и библиографии «Биржевых ведомостей» А. Л. Волынскому от 12 декабря 1916 г: «Мои „Египетские ночи" напечатаны в альманахе „Стремнины", который был задержан цензурой (не по поводу моей поэмы), но теперь освободился. Вскоре я буду располагать отдельными оттисками поэмы, сделанными в виде книжки, с особой нумерацией стр⟨аниц⟩ и в обложке; такую книжку поспешу доставить Вам в редакцию газеты» (Из переписки Валерия Брюсова и Акима Волынского / вступ. заметка, публ. и примеч. М. В. Покачалова и Л. А. Сугай // Неизвестный Брюсов: (Публикации и републикации). Ер., 2005. С. 397). В газете было помещено сообщение об альманахе. См.. *Державин В.* Альманах «Стремнины». М., 1917 // *БВ*. Утр. вып. 1917 27 янв. (№ 16064). С. 6.

[2] Листок с перечнем не обнаружен. По всей видимости, Измайлов не воспользовался этими сведениями.

[3] См. п. 58 и примеч. 2 к нему.

[4] О преобразованиях, которые совершились в «Петроградском листке» под руководством Измайлова, см. вступ. ст. к наст. изд. См. об этом также: *Александров А. С.* А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916—1918) // *РЛ*. 2008. № 4. С. 133—142; *Шмагун О. В.* Известные журналисты в газете «для дворников и лакеев» // Медиаскоп: Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 2016. Вып. 3. URL. http://www.mediascope.ru/?q=node/2140. (Дата обращ.. 1. 08. 2016).

68
Измайлов — Брюсову
После 11 декабря 1916 г., Петроград

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Вы были бы оч⟨ень⟩ добры, ес⟨ли⟩ б нашли возможным предоставить «П⟨етроградскому⟩ листку» корр⟨ектурный⟩ оттиск Вашего окончания «Егип⟨етских⟩ ночей» для осведомления читателей[1].

Лично с больш⟨им⟩ нетерп⟨ением⟩ жду появления Вашей интересной работы.

Ваш искренно

А. И⟨змайлов⟩

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 31. На личном бланке.

[1] См. п. 66, 67 и примеч. 1 к нему.

69
Измайлов — Брюсову
18 июля 1917 г., Петроград

18 / VII 1917 г.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Позвольте обратиться к Вам с покорнейшею просьбой, — не отказать «Петроградскому листку» в участии в анкете на тему исполняющегося 27—28-го сего августа полугодия великого государственного переворота в России[1].

Редакция будет чрезвычайно благодарна Вам за всякое слово по этому поводу, хотя бы за краткий афоризм, за мимолетное воспоминание и т⟨ому⟩ п⟨одобное⟩. Конечно, она не стесняет Вас ни в выражении личного настроения, ни в форме.

Не откажите в любезности дать Ваш ответ и автограф в самом непродолжительном времени.

Примите уверение в совершенном уважении ⟨и⟩ искренней преданности

А. Измайлов

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 37 Типовое, машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Петроградского листка».

[1] Анкета «Русские люди о революции» опубл.. Петроградский листок. 1917 27 августа. (№ 206). С. 2. Среди участников — А. В. Амфитеатров, С. А. Венгеров, П. Д. Боборыкин, В. И. Востоков, В. Н. Сперанский, И. И. Ясинский и др. Брюсов участия в анкете не принял.

70
Измайлов — Брюсову
13 декабря 1917 г., Петроград

13 / XII.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Редакция «Петроградского голоса»[1] убедительно просит Вас не отказать в Вашей вещице для Рождественского номера. Условия времени позволяют совершенно не стеснять Вас никакими формами, и мы будем благодарны за всё, что бы Вы ни прислали от Вашего имени, — будет ли это набросок, страница из дневника, статья, фельетон, *стихотворение* или шутка. Глубоко порадуете согласием и крайне опечалите отказом.

Покорная просьба не отказать в любезном сообщении, можем ли мы на Вас рассчитывать.

Газета видоизменилась, — в ней сотрудничает постоянно Амфитеатров и т. д.[2]

Искренний привет.

Всего дороже было бы стихотворение на тему момента.

Искренно преданный Вам

А. Измайлов

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 15. Л. 38. Типовое, машинопись с рукописными вставками. На бланке редакции «Петроградского голоса».

[1] 19 ноября 1917 г. «Петроградский листок» был приостановлен, следующие два номера были выпущены под названием «Петроградский вестник», а с 30 ноября газета была переименована в «Петроградский голос».

[2] См. примеч. 4 к п. 67 В рождественском (иллюстрированном) приложении к «Петроградскому голосу» (1917 № 22), посвященном в основном мирным переговорам в Бресте, произведения Брюсова не появились. Его стихотворение «Путь и жизнь» («Озарен лампадой темной...») было помещено в новогоднем номере газеты (1917. 31 дек. № 26. С. 1). По-видимому, это единственная публикация Брюсова в издании.

ПЕРЕПИСКА А. А. ИЗМАЙЛОВА и А. В. АМФИТЕАТРОВА (1911–1918)

Вступ. ст. Н. Ю. Грякаловой,
подгот. текста и примеч. А. С. Александрова, Н. Ю. Грякаловой

Переписка Измайлова и Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862–1938), оппозиционного журналиста, публициста и популярного беллетриста, охватывает период с мая 1911 г. по начало августа 1918 г. Поводом к началу эпистолярного общения для Амфитеатрова, с 1904 г. находившегося в эмиграции и проживавшего сначала во Франции, затем в Италии, а с сентября 1911 г. поселившегося в живописном местечке Феццано, в Лигурии, на берегу Генуэзского залива[1], стало появление в апрельских номерах «Биржевых ведомостей» (а затем и в журнальном приложении «Новое слово»)[2] обстоятельного очерка о его творчестве, написанного давним петербургским знакомым из среды газетной журналистики. По всей видимости, начало их знакомства приходится на середину 1890-х гг., когда Амфитеатров, приглашенный в 1892 г. в газету «Новое время» в качестве ее московского корреспондента, активно входит в круг петербургских газетчиков, журналистов

---

[1] 21 сентября 1910 г. Амфитеатров сообщал М. Горькому: «Мы перебрались, и у нас очень хорошо: красиво, комфортно и уединенно» (*ЛН—95*. С. 214).

[2] *Измайлов А.* 1) Александр Амфитеатров: Очерк // *БВ*. Утр. вып. 1911. 21 апр. (№ 12281). С. 3; 22 апр. (№ 12283). С. 3; 2) Александр Амфитеатров: (Литературный портрет): Очерк // *НС*. 1911. № 4. С. 25—31.

и беллетристов. Измайлов регулярно откликался на литературные выступления Амфитеатрова начиная с 1901 г.: текущая беллетристика была в центре его внимания как ведущего еженедельной рубрики «Литературные заметки», обозрение театральных новинок он представлял в разделах «Театр, музыка и искусства» и «Мир изящных искусств» (за подписью: Смоленский), перепечатывались его обзоры и в ежемесячных приложениях к «Биржевым ведомостям»[3]. Постепенно фигура Амфитеатрова-романиста, выделяясь на фоне массовой беллетристики, начинает обрисовываться более рельефно, и вот уже дилогия «Сумерки божков» (1908–1909) выступает наряду с «Мелким бесом» (1905; 1907) Ф. Сологуба, «Тьмой» (1907) Л. Андреева как соизмеримые в глазах критика литературные явления[4].

Сетования Амфитеатрова на невнимание критики достаточно часты в его эпистолярии, однако писатель лукавил: объективных оснований для подобных ламентаций в общем-то не было – его публицистика и литературное творчество постоянно находились в фокусе общественного внимания, а имя – на кончике пера рецензентов, представлявших разные издания и направления. Так, сборник рассказов «Сказочные были» (1903) не прошел мимо пристрастного взгляда З. Гиппиус[5], роман «Княжна» (1910) вызвал отклик не только Измайлова, но и С. Ауслендера[6], историческая хроника «Зверь из бездны» (1911–1914) дала материал для размышлений В. Брюсову[7] и тому же Измайлову, а также филологу-классику

[3] См., например: *Измайлов А.*. 1) Театр, музыка и искусства: «Отравленная совесть» // *БВ*. 1901. 6 февр. (№ 36). С. 3; 7 февр. (№ 37). С. 3; 2) Роман А. В. Амфитеатрова «Виктория Павловна» и новая попытка решения женского вопроса // Новая иллюстрация. 1903. № 48. С. 382—384.

[4] *Измайлов А.* Вчерашний день в беллетристическом зеркале // *БВ*. Утр. вып. 1909. 14 мая. (№ 11104). С. 2; 16 мая. (№ 11108). С. 2.

[5] *Антон Крайний* [Гиппиус З. Н.]. Я? Не я? // Новый путь. 1903. № 7 (перепеч. в кн.. *Антон Крайний*. Литературный дневник (1899—1907). СПб., 1908. С. 126—130).

[6] *Ауслендер С.* Новые книги: А. В. Амфитеатров. «Княжна» [Рец.] // Речь. 1910. 22 нояб. (№ 321). С. 3.

[7] *Брюсов В.* Царства Араратские. О книге А. В. Амфитеатрова «Армения и Рим» // Русская мысль. 1916. Кн. 6. Отд. III. С 12—16.

А. И. Малеину[8]; в венгеровском словаре русских писателей и ученых было уделено внимание и его персоне[9]. Но в одном Амфитеатров был прав: до Измайлова так обстоятельно и — главное — комплиментарно о нем еще не писали[10]. Это был литературный портрет, исполненный сочувственником и литературным единомышленником. «Теплота», так тронувшая душу писателя-эмигранта (п. 1), исходила из искреннего стремления автора проникнуть в психологию творчества своего героя, найти объяснение его темпераменту фельетониста, бытописательской зоркости, стилистической безудержности. Критик чутко уловил органику амфитеатровского письма и объяснил ее не столько литературной традицией (близостью к Н. Лескову, Н. Костомарову, С. Максимову), сколько происхождением, избрав ориентиром социально-географическую детерминанту: «Духовная среда, из которой вышел Амфитеатров, и Москва, плоть и кровь которой есть его плоть и кровь, — обусловили в нем его своеобразие. ⟨...⟩ в таланте его всегда было что-то типично московское. ⟨...⟩ что-то кряжистое, русское, разудалое есть в Амфитеатрове. ⟨...⟩ Он пишет длинным, старинным периодом, немножко певуче ложатся его слова, как у бывалого искусного московского краснобая»[11].

Духовное родословие Амфитеатрова уходило в толщу поколений и было представлено многими замечательными лицами (его отец — протоиерей, настоятель Архангельского собора в Кремле,

[8] *М-н А.* [Малеин А. И.] 1) А. В. Амфитеатров. Собр. соч. Зверь из бездны. Т. I: Династия при смерти. СПб., 1911 // Исторический вестник. 1911. Окт. С. 358—360; 2) То же. Т. II: Золотое пятилетие. СПб., 1911 // Там же. 1911. Дек. С. 1175—1177; 3) То же. Т. III: Цезарь-артист. СПб., 1913 // Там же. 1913. Июнь. С. 1062—1064.

[9] *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1904. Т. 6. С. 331—334. Венгеров был также автором статьи об Амфитеатрове в «Энциклопедическом словаре» издателей Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (СПб., 1905. Т. 1, доп. С. 105).

[10] Горький даже не удержался от каламбура, адресуя Амфитеатрову вопрос: «Вас Измайлов измаял похвалами?» (*ЛН—95.* С. 305), на что тот отвечал в шутливом тоне: «Измайлова читал. Ах, какой я хороший писатель!» (письмо от 21 мая 1911 г. // Там же. С. 308).

[11] *Измайлов А.* Бегом через жизнь. (Александр Амфитеатров) // *Пестрые знамена.* С. 164, 165.

известный московский проповедник и духовник)[12]; Измайлов же был сыном простого дьякона церкви во имя Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище в Петербурге. Но если Амфитеатров избрал путь радикального разрыва со своим сословием и со всей системой религиозных взглядов («отошел от симпатий и идеалов сословия до противоположности и враждебности»[13]), то Измайлов, имея духовное образование, хотя и реализовал себя на светском поприще, остался глубоко верующим человеком, не потерявшим связей с церковью, что не в последнюю очередь определило его резко негативное отношение к большевистскому перевороту. Характерную портретную зарисовку оставит в своем дневнике Ф. Ф. Фидлер, предпринявший в 1908 г. совместно с Измайловым путешествие по Европе: «Конечный вывод в отношении Измайлова: чрезвычайно симпатичен, безукоризненно честен, как спутник начисто лишен мелочности, но как выходец из среды духовенства несколько узок и педантичен. Словом, — замечательный человек!» (*Фидлер.* С. 490).

Как происхождение, так и профессиональное становление в журналистской среде 1880—1890-х гг. наложили свою мету на литературные вкусы участников публикуемой переписки: без оговорок их обоих можно отнести к разряду «литературных староверов». Оба они — принципиальные противники новых течений в искусстве, склонные осуждать литературные новации с морально-охранительной точки зрения как «порчу нравов» и «упадок языка» (п. 13). Многие известные, а впоследствии и признанные выдающимися писатели-модернисты становились объектом их язвительных пародий и критических выпадов, порой остроумных, но зачастую плоско-банальных[14].

«Моде» и «исканиям» Амфитеатров декларативно противопоставлял «утверждение хороших русских традиций реализма в художественном и словесном творчестве», что предполагал реали-

---

[12] См. автобиографию Амфитеатрова: *Венгеров С. А.* Указ. соч. Т. 6. С. 331.

[13] *Пестрые знамена.* С. 164.

[14] См.. *Грякалова Н. Ю.* Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб., 2008. С. 55—58, 72—73.

зовать в очередном своем редакторском проекте — ежемесячном литературно-политическом журнале «Современник», идейно-эстетическую программу которого он изложил в письме к Горькому от 4 октября 1910 г.: «Зная меня, Вы знаете, какой вид придать я могу журналу. Общеходовых, затрепанных, модернистских и т. п. имен не будет, ни одного. За „модою“ гнаться — ни в коем случае. Словом, ни Потапенки в прошлом, ни Потемкина, ни даже Макса Волошина в настоящем. Журнал будет ровный, твердый, социалистический, ясный, внепартийный. ⟨...⟩ Десятилетие ученических тетрадок, выдаваемых за литературу, всем опротивело ⟨...⟩. Вот и дадим ей человеческий разговор серьезной мысли и здравого смысла»[15]. Фактически, а это подтверждает и публикуемая переписка, литературная политика Амфитеатрова-редактора во многом была направлена на поддержку писателей демократической ориентации, стоявших на позициях социального критицизма, что нередко вело к пренебрежению критерием художественности. Помимо групповых интересов, здесь можно усмотреть и влияние Горького, с которым Амфитеатров находился в то время в тесном общении: сам будучи автодидактом, он неизменно оказывал протекцию писателям из народа, восхищаясь тем, «как деревня пишет о себе самой»[16], и ряд амфитеатровских суждений и аттестаций отражают эту социальную ангажированность. Вообще установка на аутсайдеров литературного процесса была одной из причин провала издательских инициатив Амфитеатрова. Газета «Россия» (СПб., 1899—1902) — самое продолжительное из его предприятий[17], журнал «Красное знамя» (Париж, 1906—1907) просуществовал лишь год (вышло шесть номеров, тиражи некоторых из них остались невостребованными)[18], участие в издании и редактировании «Современника» длилось еще

[15] *ЛН—95*. С. 220.

[16] Там же. С. 394.

[17] См.. *Дробышевский Д. А.* Политика или прибыль: для чего была создана газета «Россия» (1899—1902)? // Вестник Воронежского гос. ун-та. 2014. № 2. С. 126—129.

[18] См.. *Гарэтто Э.* Первая русская революция: взгляд из Парижа. К биографии А. В. Амфитеатрова (1904—1907) // Минувшее: историч. альманах. Вып. 22. С. 353—357; Переписка А. В. Амфитеатрова и М. А. Волошина / публ. Н. Ю. Грякаловой // Там же. С. 377—387

меньше[19]. Полное крушение потерпела затея с изданием сборников «Энергия» (1913—1914), предпринятая после неудачи с «Современником» и направленная «на оздоровление художественно-этических вкусов», испорченных «литературой ученических тетрадок»[20]. К участию в новом предприятии Амфитеатров приглашал многих литераторов, в том числе Измайлова (п. 15), выдвигая требование «реальности и реальности» в качестве объединительного принципа. Однако ни женские истории в жанре «человеческих документов», ни мемуары из недавнего прошлого, ни историческая беллетристика третьестепенных авторов не могли поднять престиж издания, которое прекратилось после трех выпусков.

Памфлеты и критико-публицистические статьи Амфитеатрова, составившие сборники «Против течения» (1908) и «Мутные дни» (1912), книги пародий и шаржей Измайлова «Кривое зеркало» (1908) и «Осиновый кол» (1915), как и сборник очерков «Помрачение божков и новые кумиры» (1910) — характерные свидетельства эпохи, реакция на меняющуюся конфигурацию литературного поля. «Литература факта», «человеческого документа» и «здравого смысла», верным адептом которых выступал Амфитеатров, что обеспечивало ему популярность у массового читателя, постепенно теряет свою актуальность, как и «семинарский позитивизм», в приверженности которому Гиппиус справедливо упрекала писателя, подчеркивая несовременность и «несвоевременность» подобного миросозерцания[21]. В потоке массовой беллетристики по сути затерялись и рассказы Измайлова, с которыми он, как и со сборниками пародий и очерков, где его литературный профиль был очерчен гораздо выразительнее, регулярно знакомил своего корреспондента.

[19] В конце 1911 г. Амфитеатров сложил с себя обязанности редактора (см. примеч. 4 к п. 5). Журнал продолжал выходить вплоть до 1915 г. См.. *Муратова К. Д.* «Современник» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917· Большевистские и общедемократические издания. М., 1984. О редакционно-издательской деятельности Амфитеатрова в Петрограде см. ниже.

[20] См.. *Грякалова Н. Ю.* Человек модерна. С. 58—59.

[21] *Антон Крайний* [Гипиус З. Н.]. Жизнь и литература // Новая жизнь. 1912. № 11. Стб. 118.

Как литературный критик Измайлов оказался заложником избранной издателем «Биржевых ведомостей» С. М. Проппером стратегии, ориентированной на привлечение «читателя масс» и, соответственно, увеличение тиража газеты за счет литературного отдела, в котором в хрестоматийном изложении представлялись бы наиболее значительные явления массовой беллетристики. «Увы, по желанию издателя ⟨...⟩ я чаще осведомляю теперь читателя хрестоматийно, с помощью щедрых отрывков, чем стараюсь действительно критически оценивать вещь», — жаловался он Амфитеатрову (п. 14). Газетная поденщина забирала силы и время, но не приносила удовлетворения: «В силу какого-то фатума мне удается делать всё в четвертую часть своей возможности. Вечно спешу, опаздываю, наверстываю и — в итоге стою у той грани, когда страстно хочется одного, — отдыха, и в душе стоит густое недовольство всем, что делаешь» (Там же).

Сетования на хронический дефицит времени как следствие ускорения темпа жизни — своего рода симптом современности, в зависимость от которого Амфитеатров, например, склонен был поставить даже характер самого письма: «Все мы несчастны необходимостью быстрого письма, которая не одними материальными условиями создается, хотя последние, может быть, и на первом плане. Темп жизни дьявольски ускорен. Гончаров и даже Тургенев, когда писали роман с действием за десять лет до своего времени, писали его как роман современный, а нам приходится его писать уже как исторический. Я благую часть избрал, а — что же остается тем, кто хочет непременно бежать в ногу с эпохою, как не валять, валять и валять?» (п. 17). И хотя он вроде бы отделяет себя от тех литераторов, кто готов в погоне за актуальностью пренебречь художественностью, на деле он всегда оставался фельетонистом. Найденная Измайловым формула — «бегом через жизнь» — точно передавала природу беллетристического письма Амфитеатрова. Его особое качество — «способность мгновенно загораться от каждой искры действительности, богатство полемического темперамента, уменье сцеплять в интересную нить виденное, слышанное, читанное»[22] — Измайлов

[22] *Пестрые знамена.* С. 166.

оценил достаточно объективно, определив границу, отделяющую беллетриста от писателя психологической школы: «Фельетон — призвание Амфитеатрова. ⟨...⟩ Фельетонист бросает намек там, где психолог углубляется на самое дно. Он дает резонирующий монолог на две страницы там, где художник мастерски разбивает эти мысли между несколькими персонажами, не давая почувствовать своей морали. Художник работает полмесяца там, где для фельетониста достаточно одного вечера. ⟨...⟩ Фельетонист не сжимает так свои картины, как прирожденный романист. Чрезмерная размашистость — несомненный и иногда очень досадный недостаток Амфитеатрова как беллетриста. Некоторые его разговорные сцены можно сократить положительно наполовину»[23].

В отличие от своего корреспондента, Измайлов не обладал темпераментом полемиста и общественно-политического деятеля. Робость и чрезмерная деликатность, отмеченные современниками как положительные черты его характера, в области профессиональной литературно-критической деятельности оборачивались недостатком. Так, при подготовке сборника «Пестрые знамена» он исключил из него очерк о В. В. Розанове, к которому относился с искренней симпатией и пониманием, не выдержав эмоционального натиска Амфитеатрова, ярого его противника, не пожелавшего оказаться с ним под одной обложкой (п. 10, 11). Приведем свидетельство И. И. Ясинского, многие годы проработавшего бок о бок с Измайловым в «Биржевых ведомостях»: «У него был скорее робкий характер. Когда мы обсуждали с ним литературные темы, он высказывал всегда правильный взгляд на того или иного писателя, но начинал писать, и взгляд его изменялся до крайней степени. Он боялся признать какого бы то ни было начинающего писателя талантливым. Он ждал, что напишу я или что напишут другие»[24]. Амфитеатров же, напротив, делал ставку на эффектный полемический жест, демонстративное поведение, будь то шумный успех или

[23] Там же. С. 166, 167

[24] *Ясинский.* Т. 1. С. 535 (глава LXXV· А. А. Измайлов). Выразительный облик литератора запечатлен и в дневнике Фидлера (*Фидлер.* С. 492—494).

общественный скандал. Откликаясь публицистическими статьями, сатирами и памфлетами чуть не на каждое общественно значимое событие, что отразилось и в публикуемой переписке, он и свои беллетристические произведения оснащал узнаваемыми аллюзиями, намеками на компрометирующие реальных лиц обстоятельства. Читательский интерес при этом неизменно поддерживался криминальной либо психопатологической интригой, критикой в адрес привилегированных сословий и обличением современных нравов, а также отсылками к популярным медицинским, социальным, антропологическим теориям.

Находясь в эмиграции и оказавшись оторванным от полноценной журналистской деятельности — «газетной страды», а отчасти благодаря этому обстоятельству, Амфитеатров получил возможность приступить к реализации грандиозного беллетристического замысла — серии романов-хроник (см. примеч. 3 к п. 1), своего рода русских «Ругон-Маккаров». Писатель прослеживает судьбу нескольких московских семейств, показывая разрушение традиционных социальных страт и разложение дворянского уклада под натиском новых «хозяев жизни». В центре повествования — взаимоотношения между разными поколениями и сословиями, актуальные приметы времени: революционные настроения среди молодежи, вопросы женского равноправия, жизнь театральной и художественной богемы, расовые и гендерные проблемы. Задача писателя — создать обобщающий образ эпохи, выявить ее социально-психологические детерминанты, изобразить предельно широкий фон российской действительности, сосредоточившись на ее болевых точках и патологических зонах. Для этой цели Амфитеатров избрал определенный тип документально-исторического повествования с установкой на тотальную фактографичность, что, как он полагал, даст возможность проникнуть в законы истории и человеческой природы. Обращение к факту и быту писатель считал своим литературным кредо, активно полемизируя с модернистским тезисом «быт умер». Принцип воссоздания «бытовой истории» разных эпох, по преимуществу кризисных, финальных, стал идейным обоснованием его исторической концепции, положенной в основу многотомных реконструкций из истории Древнего Рима под назва-

нием «Зверь из бездны» (1911—1914), заинтересованным рецензентом которых выступил Измайлов.

Осенью 1916 г. Амфитеатров получил разрешение вернуться на родину. В архиве Измайлова отложилась телеграмма от его итальянского корреспондента, отправленная 16 октября 1916 г. из Парижа в редакцию «Петроградского листка». Амфитеатров уже готовил почву для возвращения, сообщая о своих ближайших планах — прочитать в ноябре — январе лекции в Москве, Петрограде и провинции, а также просил порекомендовать организатора такого турне. Темы определены: «Коснусь отношений России с властями стран бассейна Средиземного моря, особенно Италии. Потом славизм, польский вопрос и впечатления о странах нейтральных»[25]. Однако накал событий в России воспрепятствовал осуществлению задуманного. В Петрограде Амфитеатров вновь в гуще журналистской и общественной жизни кануна революции, возглавляет публицистический отдел газеты «Русская воля», издававшейся под патронажем министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Не оставляя надежд на роль лидера «левой» интеллигенции, он организовывает республиканский демократический союз «Свободная Россия», по своей политической программе представлявший нечто среднее между кадетами и эсерами, широкой поддержки, однако, не получивший. В конце января 1917 г. за публикацию в «Русской воле» очередного фельетона (его заглавие содержало криптограмму) с резкой критикой власти и цензуры Амфитеатров был вновь выслан в административном порядке в Иркутск, но прибыть к месту назначения не успел: Февральская революция дала возможность вернуться в столицу[26]. Уже 30 апреля 1917 г. он сообщает Измайлову о выходе нового редактируемого им издания — двухнедельного литературно-политического журнала «Красное знамя», на что тот откликается рецензионным обзором[27]. Параллельно начато издание сатирического еженедельника «Бич» (май — ноябрь 1917).

[25] РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 6. Ед. хр. 1. Л. 1 (текст на франц. яз.).

[26] [Б. п.]. Возвращение А. В. Амфитеатрова // Утро России. 1917 5 марта.

[27] *А. И.* [Измайлов А. А.]. «Красное знамя»: (Новый журнал А. В. Амфитеатрова) // Петроградский листок. 1917 14 мая. (№ 117). С. 3.

В корпусе публикуемой переписки 1916—1918 гг. представлены только письмами Амфитеатрова. К этому времени Измайлов выходит наконец на самостоятельное поприще — он становится редактором «Петроградского листка» (подробнее см. вступ. ст. к наст. изд.). Газета дважды меняла название: после закрытия буржуазных газет, последовавшего 18 ноября 1917 г., она была переименована в «Петроградский вестник» (вышло 2 выпуска), затем, вплоть до закрытия в августе 1918 г., выходила под названием «Петроградский голос». При Измайлове этот мелкобуржуазный и достаточно одиозный орган печати существенным образом изменил свое направление, в связи с чем позднее Амфитеатров красноречиво замечал: «Из монархического он превратился в либерально-демократический, даже с оттенком утопического социализма, впрочем, весьма бледно-розового. Антикоммунистический дух скорее чувствовался, чем выявлялся. Потому что почтенный радикал наш милейший А. А. Измайлов ненавидел большевиков до кровомщения, но напуган ими был до паники и чуть не падал в обморок при каждом слове, уязвлявшем торжествующих олигархов лжекоммуны прямо и открыто. Сберечь газету от закрытия как можно дольше было его главной задачей, да и требованием издателей»[28]. Это период активного сотрудничества Амфитеатрова в газете, куда он почти ежедневно отправлял очередной фельетон, который, как правило, сопровождал краткой запиской на отдельном листке или на визитной карточке. Кроме того, он — один из участников коллективного ком-

[28] *Амфитеатров А. В.* Дом литераторов в Петрограде 1919—1921 годов // Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2 / [сост., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтблата]. М., 2002. С. 210—211. Ср. характеристику Измайлова, данную с пробольшевистских позиций: «Александр Алексеевич по своим убеждениям был умеренным либералом, или так называемым либералом-консерватором, тихо возмущался произволом правительственных чиновников, но революция ему казалась еще большим произволом. Тем не менее, хотя он и скрывал от меня истинные свои ожидания, он возлагал надежды на контрреволюционный переворот. Ему тяжело было переживать то тяжелое положение, в котором очутились писатели моего времени, не имевшие возможности индивидуально откликаться на требования текущего момента или проникнуться его переживаниями и усвоить его революционную идеологию, что редко кому и удалось, если раньше он не был склонен к такому перелому; или — отойти в сторону, сложить руки и постепенно угаснуть в умственном одиночестве. Измайлов предпочел отступить в сторону» (*Ясинский*. Т. 1. С. 537—538).

мерческого проекта, рассчитанного на поднятие тиража издания, — романа «с продолжением» под названием «Чертова дюжина. Роман 13 авторов» (участвовали также А. Аверченко, П. Гнедич, А. Зарин, А. Измайлов, А. Куприн, Вас. Немирович-Данченко, И. Потапенко, Ф. Сологуб и др.)[29]. Тематика и содержание печатных выступлений Амфитеатрова — публицистических откликов на актуальные события, политических памфлетов, мемуарных очерков — свидетельствуют о поистине энциклопедическом охвате действительности, культурной эрудиции и великолепной памяти, сохранившей множество лиц и событий почти за тридцать лет его журналистской и писательской деятельности. Большевистскую революцию Амфитеатров не принял — в этом они с редактором газеты были единодушны — и непримиримую позицию по отношению к новой власти сохранил до конца жизни, вступая, уже в эмиграции, в альянсы с ее активными политическими противниками[30]. Ограничение свобод и новые цензурные притеснения со стороны большевиков и, как следствие, отсутствие литературного заработка, неоднократные аресты, массовые репрессии против интеллигенции, бедственное положение многочисленной семьи[31], — всё это вынудило Ам-

[29] Из-за закрытия газеты проект был прерван на начальной стадии. О данном эпизоде см.. Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым / публ. М. М. Павловой // *Ежегодник РО ПД* на 1995 год. СПб., 1999. С. 285—286.

[30] См., например: Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923—1924 / публ. Э. Гарэтто, А. И. Добкина, Д. И. Зубарева // Минувшее: историч. альманах. Вып. 13. М., СПб., 1993. С. 143—158; Амфитеатров и русские в Польше (1922—1932) / публ. Д. И. Зубарева // Минувшее: историч. альманах. Вып. 22. СПб., 1997 С. 388—474.

[31] В письме к Горькому от 28 февраля 1919 г. Амфитеатров выразительно описывает критическое материальное положение семьи в революционном Петрограде, а также сообщает о решении эмигрировать: «Отъезд свой и семьи моей, конечно, решил я, как необходимость, еще прошлым летом. В сентябре получил заграничные паспорта (на Швейцарию или Швецию), теперь просроченные, конечно. Уехать не было никакой возможности, потому что — то граница была закрыта, то, к моменту ее открытия, не оказывалось никаких денег на странствие. Вместо отъезда пришлось прожить зиму в условиях ужасающей безработицы и — нисколько не стыжусь слова: нищеты, потому что жалкое существование это в холоде, голоде и бездеятельности приходилось оплачивать вдесятеро дороже, чем могла бы стоить самая безумная роскошь. Потому что нас ведь семь душ, а — что значит теперь прокормить семь человек, Вы сами хорошо понимаете. Никакая работа не была возможна. ⟨...⟩ Газет нет и не будет. Частные издательства либо убиты чудовищными тарифами типографий и бумажного рынка,

фитеатрова 23 августа 1921 г. покинуть вместе с семьей пределы России, нелегально переправившись на лодке через Финский залив.

Переписка включает 35 писем Амфитеатрова, отложившихся в архиве Измайлова в РО ИРЛИ (Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8), и 12 писем Измайлова (автографы и машинопись), хранящихся в архиве Амфитеатрова в Блумингтоне (США) (Manuscripts Department, Lilly Library, Indiana University)[32]. Данный корпус документов публикуется полностью.

либо бездействуют выжидательно, либо, пользуясь безвыходным положением литераторов, с видом благодетелей берут за горло совершенно бессовестными условиями. Оставалось жить самоедством, в чем и упражнялись — буквально — до последней вещи в доме. Всё распродано и проедено. От минувшего величия остался рояль, без которого надо было бы поставить крест на музыке моего сына Данилы, композитора. Да, в виде злейшей насмешки, стильный зал 40-х годов, который всех приводит в восторг и решительно никому не нужен, так что, по всей вероятности, судьба его сгореть всем своим лимонным древом на топку плиты. А то сидим на чужом, спим на чужом, едим и пьем из чужого, платье, белье — всё продано — до рубища, в коем почтенна добродетель. ⟨...⟩ Я выдержал в Питере три тяжкие зимы, каждая была мне трудна, по отвычке от климата и от людей. Но последняя, третья, меня добила совершенно. Больше не могу. Должен бежать и спасать семью. Как-нибудь надо добираться к себе, в Леванто, хотя бы для того, чтобы там умереть. В Стокгольме, Париже, Лондоне, Праге, Вене, не говоря уж о Риме, у меня достаточно связей, чтобы найти работу. За свое имущество, брошенное в Леванто ради русских дел, тоже получу что-нибудь. Так что дотянем как-нибудь до времени, когда международные отношения уладятся до возможности международной почты и печати» (*ЛН—95*. С. 458, 459).

[32] Приносим искреннюю благодарность Элде Гарэтто за любезно предоставленные для публикации копии писем Измайлова.

1

Амфитеатров — Измайлову

6 / 19 мая 1911 г., Феццано, Италия

Fezzano. 1911. V. 19

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Кто-то из петербургских друзей доставил мне «Новое слово» и «Биржевые ведомости» с Вашею статьею обо мне[1], теплота которой очень меня тронула, так что, вот, захотелось написать Вам и поблагодарить Вас за хорошее отношение к моей литературной деятельности. Я по этой части человек не избалованный.

Вы отметили мою склонность к огромным предприятиям. Сейчас, приближаясь к 50-ти годам, чувствуешь больше потребность ликвидировать их, приводя сделанное и намеченное к деланию в одно органическое целое. Вы поставили особо старуху мою «Княжну», выделив ее из других моих беллетристических сочинений — и сей час Вы правы[2]. Но, если судьба мне прожить достаточно лет и сохранить силы, я когда-нибудь докажу Вам, что «Княжна» — необходимый член в летописи, которую хочу я по себе оставить. Ее оторванность объясняется тем, что еще не написаны мною «Шестидесятники» и «Семидесятники» — исторические романы, которые должны, вместе с «Восьмидесятниками», 4 томами «Девятидесятников», «Концом века», «Началом века», «Сумерками божков» и «Изгоями» составить полную, сколько сумею, картину русской интеллигентно-дворянской эволюции и демократизации с николаевских времен по наши. Кстати: второго тома «Девятидесятников» Вы, очевидно, не видали? Посылаю вам его. Третий печатается в «Современнике»[3].

Собственно говоря, это — единственный беллетристический замысел, который владел мною всю мою жизнь. Всё другое, что писал я в беллетристическом роде, не более, как этюды к той же теме («Виктория Павловна»[4], «Отравленная совесть»[5] и т. п.). Не считаю в том числе, конечно, вещей публицистических, как «Марья Лусьева»[6] и т. п. Историк по натуре, я в беллетристике не умею быть иным. Историческое начало меня всегда и всюду захватывает. Сказать ли Вам, почему я оставил ту же «Княжну» недоделанною? Потому что чувствовал, что начинаю увлекаться и — вместо романа — напишу, уже по документам, либо том о тридцатых-сороковых годах, либо о хлыстовщине. А мне было это невозможно тогда и *некогда*. Вот самое страшное слово моей жизни, которое и сейчас меня мучит... больше, чем когда-нибудь!

Я начал когда-то драму из эпохи Нерона, а кончилось это тем, что драма не пошла дальше первого акта, но я 17 лет проработал над «Зверем из бездны»[7], который теперь выходит. Начнешь рецензию книжки о декабристах, — потянет в источники, глядь, душа неспокойна, пока не напишешь целой большой статьи об александровской эпохе... Всегда так-то.

Если время и силы позволят мне закончить оба мои цикла: исторический — «Зверя из Бездны» (готово 4 тома, 2-й печатается, 3-й корректирую, 4-й выпущу осенью) и дальнейших трех томов о I-м веке христианской эры; и летописно-беллетристический о русском XIX веке по 1910 год, — то остаток лет буду проводить исключительно в том, чтобы, сидя под смоковницей, есть печатные пряники, запивая их медовою сытою. А, впрочем, пожалуй, вру. Еще что-нибудь начну.

Видаете, поди, иногда Дорошевича?[8] Кланяйтесь ему. К сожалению, я еще не получил первого тома «Зв⟨еря⟩ из Бездны», а мне хотелось бы послать ему эту книгу, так как он всегда очень интересовался этою моею работою, и я упоминаю о нем в предисловии...[9] Я его очень люблю, даже когда он меня злит и печалит, — вернее: если злит и печалит он меня, то потому, что я его очень люблю. Очень он хорошие фельетоны написал 1-го апреля и предыдущий[10].

Кланяйтесь Фидлеру![11]

Извините, что пишу карандашом: «владеть пером» разучился настолько, что даже векселей не подписываю, — рука болит.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

Вы совершенно правы: чем дальше живу, тем больше чувствую, как лезет из меня атавистический поп![12]

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 1—2 об.

[1] С появлением ежемесячного литературного приложения к «Биржевым ведомостям» — журнала «Новое слово» (1908 — август 1914) — Измайлов практиковал публикацию своих статей параллельно в двух изданиях. См.: *Измайлов А.*. 1) Александр Амфитеатров: Очерк // *БВ*. Утр. вып. 1911. 21 апр. (№ 12281). С. 3; 22 апр. (№ 12283). С. 3; 2) Александр Амфитеатров: (Литературный портрет): Очерк // *НС*. 1911. № 4. С. 25—31. Под названием «Бегом через жизнь. (Александр Амфитеатров)» был включен в сборник статей Измайлова «Пестрые знамена» (далее очерк цитируется по данному изд.).

[2] Достаточно высоко оценивая исторические романы-хроники Амфитеатрова, Измайлов считал роман «Княжна», действие которого отнесено к эпохе крепостного права, выбивающимся из общей повествовательной логики: «Это роман, каких много, с типами и положениями, которые буквально примелькались в сотнях книг наших якобы исторических романистов 〈...〉 Среди вещей Амфитеатрова, — где и фантастический „Жар-цвет", так, по-видимому, чуждый и миропониманию автора, находит свое оправдание, — „Княжна" кажется чем-то лишним и ненужным» (*Измайлов А.* Бегом через жизнь. (Александр Амфитеатров) // *Пестрые знамена*. С. 178).

[3] Перечисленные Амфитеатровым «исторические романы» составляют главное произведение писателя — историческую хронику «Концы и начала», включающую романы «Восьмидесятники» (1907), «Девятидесятники» (1910—1911), «Закат старого века» (1910), «Дрогнувшая ночь» (1914), «Вчерашние предки» (1928—1931). Роман «Сумерки божков», состоящий из двух частей — «Серебряная фея» и «Крестьянская война», — самостоятельное произведение, не входящее в хронику. Остались ненаписанными «Шестидесятники», «Семидесятники», «Изгои», как и упоминаемые «Конец века» и «Начало века» (этот замысел был частично реализован в романе «Закат старого века»). Роман «Восьмидесятники» вышел в двух томах (Т. 1: Разрушенные воли, Т. 2: Крах души; СПб.. Общественная польза, 1907). Во втором издании роман получил подзаголовок «Хроника 1880—1908 гг.» (СПб.: Общественная польза, 1908). Продолжением являлся роман «Девятидесятники. (Начало века)» (СПб.: Прометей, 1909—1911. Т. 1—2). В письме к М. Горькому от 21 сентября 1910 г. Амфитеатров констатировал: «Отослал я 2-й том „Девятидесятников" и с приятностью убедился, что роман еще и не начинался, а потому предстоит еще тома два!» (*ЛН—95*. С. 215). Третий том — «Закат старого века. (Концы и начала: Хроника 1880—1910 гг.)» — первоначально публиковался в журнале «Современник» (1911. Кн. 1—3, 8—12; отд. изд: СПб.. Просвещение, 1912), вышел с по-

священием М. Горькому: «Алексею Максимовичу Пешкову — великой русской душе, неугасимому пламеннику верующей воли, неутомимой творческой силе — дружески посвящается эта угрюмая повесть о бездушных, безвольных и бессильных днях. Александр Амфитеатров. Fezzano, 1910. XI. 29» (Современник. 1911. Кн. 1. С. 29).

[4] Роман Амфитеатрова, посвященный «тайной светской проституции», выдержал несколько изданий. Впервые: *Амфитеатров А. В.* Виктория Павловна: (Именины). СПб.: Изд. Райской, 1904. Измайлов откликнулся на него в одном из литературных обзоров: *Измайлов А. А.* Роман А. В. Амфитеатрова «Виктория Павловна» и новая попытка решения женского вопроса // Новая иллюстрация. 1903. № 48. С. 382—384). См. также: *Пестрые знамена.* С. 172—175. Имел продолжение под названием «Дочь Виктории Павловны» (1914—1915).

[5] Роману «Отравленная совесть» (1898) предшествовали этюды «Алимовская кровь» (1884) и «Людмила Верховская» (1890). На тот же сюжет была написана одноименная драма, постановка которой в антрепризе Е. А. Шабельской была отмечена Измайловым: ...зритель с вниманием следит за развивающейся перед ним историей страдания хорошей женской души, в силу роковой ошибки потерявшей свою нравственную свободу и подчинившейся жестокому гнету самовластной и низменной души» (*БВ.* 1901. 10 февр. (№ 40). С. 3; подпись: Смоленский).

[6] Публицистический роман Амфитеатрова, посвященный исследованию проституции как социально-патологического явления, в течение 1903 г. печатался в газете «Приазовский край». Отд. изд.. *Амфитеатров А. В.* Марья Лусьева. СПб.. Общественная польза, 1904; неоднократно переиздавался и имел продолжение «Марья Лусьева за границей» (1910). См.. *Пестрые знамена.* С. 176.

[7] «Зверь из бездны» — компилятивное историко-беллетристическое сочинение из жизни Рима эпохи Нерона. Печатался в сокращении в журнале «Современник» в 1911—1912 гг. Номер журнала (1911. № 6) с публикацией одной из глав романа — этюда «Черная сотня античного Рима» — был арестован, как и том 1 «Династия при смерти» (см. примеч. 3 к п. 4). Для собрания сочинений автором была подготовлена новая редакция. См.. *Амфитеатров А. В.* Зверь из бездны: Историч. соч. в 4-х томах. Т. 5—8. СПб. 1911—1914. Т. 1: Династия при смерти (1911); Т. 2: Золотое пятилетие (1911); Т. 3: Цезарь-артист (1913); Т. 4: Погасшие легенды (1914).

[8] С В. М. Дорошевичем Амфитеатрова связывали многолетние профессиональные и дружеские отношения. После разрыва Амфитеатрова с «Новым временем» в 1899 г. в качестве альтернативного издания ими совместно была организована газета «Россия» либерально-прогрессисткого направления; позже Дорошевич, являясь с 1908 г. редактором газеты «Русское слово» (изд. И. Д. Сытин), привлек к работе Амфитеатрова в качестве ее зарубежного представителя. См. мемуарный очерк «Дорошевич» в кн.. *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. М., 2004. С. 335—341 (также по указат.).

[9] Ср.. ...слова, которые остались мне очень памятны и полезно повлияли на мою работу, были сказаны случайно — не ученым и не историком, а товарищем моим по журналистике, известным литератором, остроумнейшим из русских фельетонистов, В. М. Дорошевичем. Когда он прочитал тот небольшой отрывок из моего труда, который, тоже под заглавием „Зверь из бездны", печатался в покойной газете „Россия" 〈...〉 и был ему посвящен мною в знак нашего сотрудничества и дружбы, — он с удивлени-

ем увидал, что римские императоры, легендарные всесторонним негодяйством своим, далеко не такие страшные черти, как их малюют, — по крайней мере в сравнении со светскими и духовными владыками последующих веков новой „христианской" цивилизации» (*Амфитеатров А. В.* Собр. соч. Т. 5: Зверь из бездны. СПб., 1911. С. XXVII).

[10] Амфитеатров имеет в виду фельетоны Дорошевича «Лихолетье» (*РС.* 1911. 27 марта. (№ 70). С. 3) и «Битва русских с немцами, или Ученый диспут: Первоапрельская шутка» (Там же. 1911. 3 апр. (№ 76). С. 4).

[11] Оба литератора были хорошо знакомы с Ф. Ф. Фидлером. См.. *Фидлер* (по указат.).

[12] Ср.. «Духовная среда, из которой вышел Амфитеатров, и Москва, плоть и кровь которой есть его плоть и кровь, — обусловили в нем его своеобразие. В сущности, ни одно сословие не сохранило в такой мере „густоту" неподвижного быта, резкую особенность и своеобразие быта, как сословие духовное. Этот быт, да еще в московской окраске, обволок, окутал Амфитеатрова, сложил все его симпатии. Собственно — он изгой своего сословия. Он не знал бурсы и давным-давно отошел от симпатий и идеалов сословия до противоположности и враждебности. Он так же покончил с ним, как Чернышевский и Добролюбов. Но молока матери не выплюнешь, хоть отплевывайся всю жизнь» (*Пестрые знамена.* С. 164).

2
Амфитеатров — Измайлову

6 / 19 июня 1911 г., Феццано, Италия

Fezzano. 1911. VI. 19

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

А я к Вам с просьбой.

Не знаю, кто в «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостях⟩» читает беллетристику, а потому решился направить к Вам рукопись одного молодого автора, имя коего Зиновий Алексеевич Пешков[1]. По отчеству и фамилии можете догадаться, что это — приемный сын Максима Горького. Парень любопытнейший. Исходил и изъездил весь свет, был на возу и под возом. Теперь начал писать. Один рассказ его был помещен в «Знании», другой — я взял в «Современник»[2]. Взял бы и тот, который Вам посылаю, но родитель автора и В. С. Миролюбов галдят на меня, что это будет понято, как «непотизм»[3]. Поэтому я и решился послать его Вам. Если устроите в «Бирж⟨евые⟩ в⟨едомости⟩» или «Новое слово», весьма тем обяжете и меня, и, конечно, еще больше — автора. Адрес его — тот же, что и мой[4].

Сюда ему и гонорарий пошлите, буде принята окажется вещь его. Мне рассказ нравится. Бодрый, жизнерадостный, человечный.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 3. Помета на полях письма: «О Зиновии Пешкове».

[1] Речь идет о рассказе З. Пешкова «Без работы: (Очерк из жизни в Америке)», который был опубликован при посредничестве Измайлова в «Биржевых ведомостях» (Утр. вып. 1911. 2 нояб. (№ 12613). С. 3; Утр. вып. 3 нояб. (№ 12615). С. 3; Утр. вып. 4 нояб. (№ 12617). С. 3; Утр. вып. 5 нояб. (№ 12619). С. 3), а также в литературном приложении «Новое слово» (1911. № 11. С. 54—67). З. Пешкову Амфитеатров посвятил мемуарный очерк «Не брат своих братьев» (см.. *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 181—187 и коммент. на с. 462—463).

[2] В кн. 12 «Сборника товарищества „Знание"» за 1906 г. был напечатан рассказ З. Пешкова «Дом» (подпись: Зиновий Пэ), в журнале «Современник» — «Страна Надежд» (1911. Кн. 5).

[3] В. С. Миролюбов, редактор литературного отдела журнала «Современник», отказывался напечатать очерк З. Пешкова как откровенно слабый, что совпадало с мнением Горького (см.. *ЛН—95*. С. 312). Однако Амфитеатров настаивал на публикации и в письме к Горькому от 4 июня 1911 г. замечал: «Относительно его рассказа я остаюсь при особом мнении, поддержанном, впрочем, всеми, где сущими. Рассказ как рассказ. По крайней мере, кусок жизни, и не совсем обыкновенной. Повествование бодрое, грамотное, при некоторой редакционной правке — даже гладкое и складное 〈...〉 У Вас в „Знании" я Вам насчитаю десять-пятнадцать рассказов, которые хуже Зинина. Уж эти мне повышенные требования к „своим" и страх литературного „непотизма"!» (*ЛН—95*. С. 316).

[4] В данный период Пешков жил в доме Амфитеатрова, выполняя обязанности его литературного секретаря; здесь он познакомился со своей будущей женой Л. П. Бураго, ремингтонисткой Амфитеатрова.

3
Измайлов — Амфитеатрову
16 июня 1911 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

Я немедленно передал рукопись сына Горького[1] Ясинскому, который сейчас, за отъездом Гаккебуша, является редактором «Нового слова». Априорно он высказался за прием вещи. Есть опасения

только вот в чем, — конкурс, объявленный газетой[2], дал ей 10 премированных и 40 непремированных рассказов. Они уже оплачены, и у хозяина, кажется, сейчас тенденция неблагоприятная к приему нового.

Я через два дня уезжаю из С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨урга⟩, на месяц[3]. Ясинского я просил осведомить Вас.

С великим наслаждением прочел два тома «Зверя из бездны». Кажется, со студенческой академической скамьи мне не случалось о Риме и римском читать более интересное, с момента прочтения Гиббона[4] и лекций Болотова[5], которого вообще не знают. Некоторое время среди своих знакомых был отчаянным пропагандистом Вашей книги. Вот пара кратких заметок о ней из «Русского слова»[6]. Будет стыдно, если настоящие специалисты ее не оценят[7].

Искренно преданный Вам

А. Измайлов
16/VI.

Письма Измайлова к Амфитеатрову публикуются по ксерокопиям из архива Амфитеатрова (Manuscripts Department, Lilly Library, Indiana University), подробнее см. в преамбуле к наст. разделу.

[1] Речь идет о рассказе З. Пешкова (см. п. 2).

[2] 2-й Всероссийский литературный конкурс редакции «Биржевых ведомостей» был объявлен в связи с 30-летием газеты; Измайлов входил в состав его литературного комитета, а возможно, был и секретарем, каковым являлся и в 1901 г., когда объявлялся аналогичный конкурс к 20-летию основания газеты. Рассказы лауреатов публиковались с июня 1911 г. по сентябрь 1913 г. как в самой газете, так и в приложениях. Рассказ З. Пешкова в конкурсе не участвовал, но в «Новом слове» и «Биржевых ведомостях» был опубликован (см. примеч. 1 к п. 2).

[3] Часть лета 1911 г. Измайлов проводил в дачном поселке Тарховка на берегу Финского залива.

[4] Английскому историку Э. Гиббону принадлежит классическое для своего времени исследование «История упадка и разрушения Римской империи» (1776—1788; рус. пер.. 1883—1886).

[5] Лекции В. В. Болотова, профессора Петербургской духовной академии, Измайлов слушал, будучи студентом. В статье «Жрецы богословия», посвященной 100-летию своей alma mater, Измайлов отмечал: «Болотов был истинный и прирожденный жрец науки. Сын чуть ли не деревенского дьячка, он взлелеял от младых ногтей мечту науки и отдался ей истинно жречески, отказавшись от всего другого...» (*БВ*. Утр. вып. 1909.

17 дек. (№ 11471). С. 6). «Лекции по истории древней Церкви» Болотова были изданы посмертно (СПб., 1907—1918. Т. 1—4).

[6] Речь идет о двух заметках Измайлова в рубрике «Новые книги» (*РС*. 1911. 31 мая. (№ 123). С. 2; 11 июня. (№ 133). С. 2). В первой из них критик отмечал, стараясь сохранить объективность: «Знаток древнего Рима, а ныне и вынужденный римлянин, Амфитеатров выступил с первым томом своего капитального исследования о римских цезарях: „Зверь из бездны" Это не результат случайного увлечения, какие бывали у нас на Руси и талантливым людям достаточно удавались. Это — итог многолетней любви и серьезного изучения. Амфитеатров работает по первоисточникам, не боится отяготить читателя картами и генеалогическими таблицами. Любитель этой области не пройдет мимо его исследования, где некоторые страницы художественно прекрасны ⟨...⟩ Досадное впечатление оставляют некоторые слишком современные и чисто фельетонные отступления исследователя, эти разговоры об Урусовых и Карабчевских, цитаты из Салтыкова и Гоголя».

[7] Первые три тома сочинения Амфитеатрова по мере их выхода были отмечены рецензиями филолога-классика А. И. Малеина (полное библиограф. описание приведено во вступит. заметке, примеч. 8), где он, отмечая «колоссальную начитанность и осведомленность» автора, живость изложения и в целом положительно оценивая подобный жанр, указывал на довольно многочисленные неточности при работе с источниками, во многих случаях вторичными.

4
Измайлов — Амфитеатрову
8 августа 1911 г., С.-Петербург

8 авг⟨уста⟩

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

По возвращении из моей летней поездки я осведомился у И. И. Ясин⟨ского⟩ о рукописи г. Пешкова[1]. Он просил еще неск⟨олько⟩ дней до выяснения вопроса окончательно с своим собратом по приему вещей. Ему лично вещь вполне понравилась.

У меня к Вам личная и усердная просьба. Для книги моей, куда войдет статья о Вас[2], — (надеюсь хоть несколько ее обработать и усовершить), мне бы очень нужны Ваш *портрет*, — новый, не бывший в печати, по возм⟨ожности⟩ современный, и *автограф* — размера этого листка, на к⟨ото⟩ром пишу, — строк 8—10, — что-ниб⟨удь⟩ вроде афоризма, имеющего касательство к Вашему писательскому облику, — в крайнем случае хотя бы неск⟨олько⟩ фраз в таком роде из Ваших вещей.

Не откажите мне в моей покорнейшей просьбе, — столько же и просьбе читательской, ибо я один из достовернейших свидетелей высокого к Вам интереса публики. Тосковал за этого читателя, узнав о конфискации Вашего «Зверя из бездны»[3].

Искренно уважающий Вас

А. Измайлов

На именном бланке.

[1] См. п. 2 и 3.

[2] Авторам, статьи о которых критик предполагал поместить во втором выпуске «Литературного Олимпа», он рассылал письма с просьбой прислать автограф и фотографию. Замысел претерпел изменения: был издан сборник «Пестрые знамена» (см. примеч. 1 к п. 10).

[3] В газете «Утро России» (1911. 2 июля. (№ 151)) было опубликовано следующее сообщение: «Наложен арест на книгу Амфитеатрова „Династия при смерти" Аресту предшествовала кампания правой печати, усматривавшей в книге оскорбление Величества в сравнении с временами Нерона». «Династия при смерти» — 1-й том историко-беллетристического сочинения «Зверь из бездны», сообщение о наложении на него ареста с возбуждением судебного преследования по ст. 128 уголовного уложения было помещено в «Книжной летописи» (1911. № 28. 16 июля. С. 44) в разделе «Правительственные распоряжения». В письме к Горькому от 19 июля 1911 г. Амфитеатров так оценивал ситуацию: «Что первый том уже запрещен, Вы, вероятно, уже знаете из газет. Второму недолго ждать той же участи, судя по кампании, ведомой справа. Не скажу, чтобы это было весело. Знаете, двадцать лет работать для того, чтобы тебе под конец всего намордником рот затянули, оно немножко жутко... 〈...〉 Знаете, которая это конфискация моих отдельных изданий с 1905 года? Одиннадцатая! Недурно для одного автора и поощряет работать в России, черт возьми» (*ЛН—95*. С. 324).

5
Амфитеатров — Измайлову
31 марта / 13 апреля 1912 г., Феццано, Италия

Fezzano. 1912. IV. 13

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Большое Вам спасибо за присыл «Кривого зеркала»[1]. Множество там страниц веселых и хороших.

Отчего Вы, с Вашею способностью к пародии, не начнете сатирического журнала еженедельного? Вы, по-видимому, в хороших

отношениях с Власом Дорошевичем. Чудесное дело бы могли сладить. И капитала не требует большого. Из тех военных предприятий, которые сами себя кормят. Я думал, что это поле занято, но, выписав Сатирикон[2], убедился, что оно совершенно свободно. Ведь это же не только пустопорожне, безнадежно пустопорожне, ибо пустопорожне по принципу. А какую потребность имеет публика в сатирическом слове, я видел по «Сверчку» в «Совр⟨еменнике⟩»[3]. Уж как он случайно и нехотя составлялся, буквально на затычку, а присутствие и отсутствие его в книжке сказывалось весьма ощутительным колебанием розницы. На нынешний 1912 год я предполагал его весьма расширить, что и сделал бы, если бы не пришлось мне отказаться от участия в журнале[4].

Нужен смех обществу, только не тот, который оно получает. Я думаю, что, даже обходя острые политические темы, на почве общественных, Вы, Дорошевич, с двумя-тремя «подголосками», и еще необходимостью — хорошим карикатуристом, могли бы иметь большой успех[5].

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 6.

[1] «Кривое зеркало: Книга пародии и шаржа» ([СПб.], 1910. Изд. 2-е) — самая известная и популярная книга Измайлова, выдержавшая несколько изданий. Книга дала название организованному А. Р. Кугелем совместно с артисткой З. В. Холмской в 1908 г. театру миниатюр и пародий «Кривое зеркало».

[2] «Сатирикон» (1908—1914), еженедельный сатирический журнал (изд. М. Г. Корнфельд, ред. А. Т. Аверченко — с № 30 1911 г.). В 1913 г. из-за разногласий с издателем группа основных сотрудников во главе с Аверченко вышла из издания и организовала «Новый Сатирикон», первый номер которого появился в июне 1913 г. Оба журнала продолжали существовать параллельно.

[3] «Сверчок», сатирический отдел журнала «Современник», которому Амфитеатров придавал большое значение. В письме к секретарю редакции П. В. Быкову от 19 апреля 1911 г. он так формулировал свое редакторское кредо: «Относительно стихов. Лирических я твердо решил не печатать. Отказал Бальмонту и др. ⟨...⟩ Может быть, летом ⟨...⟩ я, под рубрикою „Начинающие", напечатаю сразу страниц 16 стихов разных маленьких поэтов, заваливающих меня стихами, выбирая два из 50, если не больше. Но это будет скорее с педагогическою целью, чем с литературною: иллюстрация к настроениям стихотворствующей молодежи. Относительно стихов сатирических, наоборот, буду

чрезвычайно рад, если покусаете публику. Особенно эпиграммы нужны в „Сверчок"» (РО ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 21).

[4] Письмо Амфитеатрова о выходе из «Современника» было напечатано в газете «Речь» 21 января 1912 г. Обязанности редактора журнала взял на себя Е. А. Ляцкий, о чем он извещал Амфитеатрова 24 февраля 1912 г. (РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2. Ед. хр. 3). В письме к Д. Я. Айзману от 13 февраля 1912 г. Амфитеатров объяснял свое решение конфликтом с издателем П. И. Певиным, поведение которого спровоцировало уход наиболее активных сотрудников редакции, в результате чего «товарищеское» предприятие превращалось «в обыкновенное коммерческое издательство»: «Ушел я из „Совр⟨еменника⟩" ввиду того, что Певин повел с некоторого времени чисто коммерческую линию, переобидел множество сотрудников и стал вмешиваться грубейшим образом в литературную часть. Лично я не могу ни на что пожаловаться, так как кроме угодливости и лести ничего от него не видал, но покрывать своим именем отдаленные самоуправства политически безразличного человека слишком большой риск...» (РО ИРЛИ. Ф. 520. Ед. хр. 46). «Раскол» в редакции «Современника» активно обсуждался в ноябрьской переписке Горького и Амфитеатрова 1911 г. (*ЛН—95*. С. 359—372).

[5] Попыток издания как собственного сатирического журнала, так и совместно с Дорошевичем Измайлов не предпринимал.

6
Измайлов — Амфитеатрову

17 августа 1912 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

Так как мне довелось написать несколько строк по поводу Вашего «Заката Старого Века», то мне захотелось воспользоваться случаем и, посылая Вам вырезку из «Нового слова» (ежемесячного приложения к Б⟨иржевым⟩ в⟨едомостям⟩)[1], приписать и несколько своих строк.

С чувством уважения к широте Вашей и к живущему в Вас чувству справедливости прочитал я Вашу телеграмму семье Сувориных[2]. Она произвела прекрасное впечатление на всех, с кем приходилось говорить по этому поводу. Ваше положение было здесь привилегированным. Большинство пишущей братии на эти дни смерти старика как бы заперлось в своих кельях и оказалось «в нетях». В одном из предсмертных писем старик писал — «после меня будет развал», т. е. в газете. Думается, что это правда, хотя и не дело недель, а годов.

Собираюсь писать о «Закате» в «Русское слово»[3]. Слышу с большим интересом и о выходе Вашего «Ау»[4]; а что сталось с «Зверем из бездны»?[5] Неужели цензурные условия не позволят Вам довести до конца в печати это исследование?

Жду, — и знаю, что ждут — Вашего фельетона о Суворине[6]. Смерть этого падшего ⟨? ⟩ ангела, у которого когда-то были все-таки настоящие, а не поддельные крылья, как-то уныло подчеркнула нынешнее газетное безлюдье. Как о нем плохо и мелко пишут все, и не умея и не желая попытаться проникнуть в сложную и своеобразную его натуру. Как тот же покойник умел иногда в одной статье (вспомните хотя бы статью о Чехове[7]) подать человека целиком, раскусить, подсмотреть, нюхом почувствовать в биографии и характере то истинное и настоящее, чего собственно глазом не видел и ухом не слышал. «Свои» тянут Суворина в герои самоотречения и патриотизма, и как-то фатально все обходят истину — что это был из земных земной человек, по-своему великолепный в своей языческой хищности к жизни и за это достойный похвалы. С большим интересом жду Вашего слова и так думаю, что Вы не должны почтить по сему случаю ангела благого молчания, — Вы, так близко видевший суворинскую шуйцу и десницу.

Искренно преданный Вам

А. Измайлов
17/VIII.

---

[1] Речь идет о заметке в рубрике «Хрестоматия новой русской литературы: (В изложении А. Измайлова)» (*НС*. 1911. № 11. С. 113—129, о романе Амфитеатрова: С. 122—125).

[2] Смерть А. С. Суворина, последовавшая 11 августа 1912 г., вызвала большой резонанс в обществе. Телеграммы со словами соболезнования печатались в нескольких выпусках «Нового времени» в специальной рубрике. Телеграмма от Амфитеатрова была опубликована через день после кончины газетного магната. «Из Феццано: „Сердечно огорчен смертью Алексея Сергеевича. Противоположно расходясь с ним в политических взглядах, всегда продолжал любить в нем человека искренней доброй души, ценить громадный литературный талант, питать признательность к внимательному и ласковому опекуну моей литературной молодости. Амфитеатров"» (Телеграммы, полученные семьею почившего А. С. Суворина и редакцией «Нового времени» // Новое время. 1912. 13 авг. (№ 12082). С. 1). О своем неоднозначном отношении к личности создателя издательской империи Амфитеатров подробно рассказал в мемуарном очерке «Старик Суворин» (*Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 5—16).

[3] Заметка в «Русском слове», вероятно, не была напечатана из-за дефицита печатных площадей: осенью 1912 г. газета широко освещала 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. и Бородинской битвы. К роману Амфитеатрова Измайлов вновь обратился в рубрике «Хрестоматия новой русской литературы» (*НС*. 1912. № 9. С. 120—127).

[4] См.. *Амфитеатров А. В.* Ау!: Сатиры, рифмы, шутки, фельетоны и статьи. СПб.. Энергия, 1912. Измайлов уделил внимание сборнику в литературном обзоре (*БВ*. Веч. вып. 1912. 5 окт. (№ 13179). С. 5, подпись: Аякс).

[5] Очередные тома «Зверя из бездны» из-за цензурных препятствий вышли позже ожидаемого: т. 3 — «Цезарь-артист» — в начале 1913 г. (на тит. л. — 1912); т. 4 — «Погасшие легенды» — в 1914 г.

[6] В 1914 г. Амфитеатров опубликовал очерк «Антон Чехов и А. С. Суворин: Ответные мысли» (*РС*. 1914. 2 июля. (№ 151)). См.. *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 1. С. 465—483.

[7] Измайлов имеет в виду статью Суворина «Маленькие письма: DXV», которой тот откликнулся на смерть писателя (Новое время. 1904. 4 июля. (№ 10179). С. 2). Ее неоднократно цитирует Измайлов в своей книге о Чехове, так же как и Амфитеатров в очерке «Антон Чехов и А. С. Суворин: Ответные мысли» (см. примеч. 6).

7
Амфитеатров — Измайлову

26 августа / 8 сентября 1912 г., Феццано, Италия

Fezzano. 1912. IX. 8

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Очень Вам благодарен я за письмо и присылку статьи Вашей о «Закате»[1], к которому Вы слишком снисходительны — по крайней мере, в том виде, как он выпущен в свет неряхою «Просвещением», не приславшим мне корректуры. В романе нет целых трех глав, опущенных мною в «Современнике» по необходимости уместить в первом полугодии тихоновскую «Карьеру»[2]. Я рассчитывал дать их в отдельном издании, как вдруг — здравствуйте! Получаю радостное извещение, что оно уже отпечатано. Между тем именно в этих трех главах заключалось хоть слабое подобие того романического движения, в отсутствии которого Вы «Закат» вполне справедливо упрекаете[3].

Очень рад, что Вас удовлетворила моя телеграмма семье Сувориных[4]. Слева мне сделали за нее две-три кислые гримасы, но я, не будучи молоком, авось не сквашусь.

Вы об «Ау» хоть слышали, а я и не видал, и не слыхал[5]. Если вышло, то ровно полугодом позже, что следовало для успеха. Издательство называется «Энергия». Что же было бы, если бы называлось «Инерцией»?

«Зверь» под судом, что задерживает давным-давно сданные в «Просвещение» 3-й и 4-й томы[6].

Думал я написал небольшую повесть, а она за два года выросла в преогромный роман в трех частях, к коему сегодня только поставил финальную точку. Называется «Паутина». Первая часть, «Наследники», вышла летом в «Прометее». Вторую — «Аглая» — уже кончил корректировать, а третью — «Раздел» — сегодня дописал[7]. Ужас, какая толстая купчиха вышла! И будут же меня ругать!

Из-за ропшинских и винниченковых безобразий[8] хочу перескочить в «Концах и началах» очередные томы и дать картину русской послереволюционной эмиграции, ради чего обязался некоему московскому издателю для проектируемого им сборника написать повесть. Называться будет «Разбитая армия», листов 8—10[9].

А о Суворине писать не могу. Я его очень любил, и легко и быстро разобраться в впечатлениях его смерти мне вряд ли удастся[10]. Да и где печатать? Радикалов приведу в негодование и ужас, с полуправыми не хочу иметь дела, центрально-беспартийного прогрессивного органа, где можно было бы нейтрально поместить такую острую статью, у нас нету. Вообще, печататься негде, а с новым законом, должно быть, и вовсе печать умолкнет[11]. О «Дне» не знаете ли чего? Приглашен туда, список сотрудников, присланный Кугелем, чрезвычайно приличен[12].

Если буду писать о Суворине, то отдельною брошюрою, которую издам сам, дабы быть совершенно независимым.

С чего «Голос Москвы» на Вас набросился?[13] Не читал Вашей статьи о Сув⟨орине⟩ целиком, но кусок в «Нов⟨ом⟩ вр⟨емени⟩»[14] и другая статья Ваша в «Р⟨усском⟩ слове»[15] заключали очень многое не только резонного и дельного, но и прямо к выгоде покойника. Боюсь я, чтобы нововременские подголоски чрезмерным усердием восхваления не сделали из большого человека смешной фигуры. «Новое время» не сделает, потому что там имеются люди неглупые и талантливые, но «Россия»[16], «Гол⟨ос⟩ Москвы» и пр⟨очие⟩ суме-

ют и Господа Бога дураком показать, не то что Алексея Сергеевича. И, таким образом, совершенно исправят то невыгодное впечатление, которое, судя по частным письмам, произвел либеральный бойкот его похорон[17]. Вот уж с чем никогда не согласился бы. Каков бы ни был Сув⟨орин⟩, а журналистам-то такого строителя журналистики похоронить следовало с честью. Будь я в Петербурге, был бы на похоронах, хотя бы меня за то потом прокляли на всех соборах. До свиданья. Еще раз большое спасибо. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров.

⟨Р⟩. S. Читаете в «Заветах» Ивана Вольного?[18] Как это хорошо! Вот как настоящие-то мужики себя пишут... Хоть бы Вы о нем поговорили, а то «Заветы» эти — только предлог пережевывать ропшинский скандал[19], а на то, что в них, против чаяния, действительно путным оказалось, никто из критиков и внимание не хочет обратить. А Вольный этот, ей-ей, того стоит.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 4—5.

[1] См. примеч. 1 к п. 6.

[2] Роман В. А. Тихонова «Карьера» печатался в № 1—6 журнала «Современник» за 1911 г. В 1911 г. Тихонов входил в состав редакционно-издательского комитета «Современника».

[3] О «Закате старого века» (отд. изд. — 1910) Измайлов писал в литературном обзоре: «Роман Амфитеатрова обещает так же разрастись, как разрослись его „Восьмидесятники" Мелочи иногда одолевают автора и как бы волной относят от основного течения романа. Конечно, это не приходится отнести к его достоинствам. Прошедший уже несколько книжек, роман еще, в смысле действия, очень недалеко ушел от начальных страниц. Эта слабость движения и незначительность внешней фабулы определенно чувствуется как недостатки романа» (*НС*. 1911. № 11. С. 125). Эту мысль критик развивал и позже (*НС*. 1912. № 9. С. 120—127).

[4] См. примеч. 2 к п. 6.

[5] Сборник «Ау!» вышел в конце 1912 г. См. примеч. 4 к п. 6.

[6] См. примеч. 5 к п. 6.

[7] Роман «Паутина» выходил в издательстве «Прометей» в течение 1912—1913 гг.

[8] Речь идет об имевших общественный резонанс литературных событиях. Во-первых, о скандале в связи с публикацией в журнале «Заветы» (1912. № 1—8; 1913. № 1, 2, 4), основанном по инициативе лидера партии социалистов-революционеров В. М. Чернова и считавшемся ее печатным органом, антиреволюционного романа эсера-«бомбиста» Б. Савинкова (псевдоним: В. Ропшин) «То, чего не было» (№ 1 вышел

в апреле 1912 г.). «Самим фактом публикации Савинков бросал вызов „революционному подполью" и тем, кто олицетворял эсеровскую партию, — „партийному олимпу" Парижане-эсеры были возмущены, и споры не утихали весь период, пока печаталось произведение. Но скандал среди эсеров вспыхнул несколько позднее, когда 22 видных эсера поместили в „Заветах" протест, требуя прекращения публикации романа» (*Гончарова Е. И.* «Революционнное христовство» // «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е. И. Гончаровой. СПб., 2009. С. 63, см. также с. 66—68). Упоминаемый протест — письмо «В редакцию „Заветов"» (Заветы. 1912. № 8. С. 144). О партийной критике романа см.. *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. М., 1998. С. 557—567 В итоге Савинков вынужден был покинуть ряды партии. Отзывы Измайлова о романе Савинкова были напечатаны как в «Биржевых ведомостях» (Веч. вып. 1912. 8 авг. (№ 13114). С. 4), так и в литературном приложении «Новое слово» (1912. № 12). Во-вторых — о романе В. К. Винниченко «На весах жизни» (Земля. Сборник 9-й. СПб., 1911), где весьма критически изображались быт и нравы революционной эмиграции, также вызвавшем целый ряд откликов (см., например: *Клейнборт Л.* Крах души // Новая жизнь. 1912. № 7 С. 150—167; *Колтоновская Е.* На рубеже: (В. Ропшин «То, чего не было». В. Винниченко «На весах жизни») // Новый журнал для всех. 1913. № 2. С. 67—76; *Крайний А.* [Гиппиус З. Н.] Беллетристические воды // Русская мысль. 1912. № 8. Отд. III. С. 27—28). Измайлов также не оставил роман своим вниманием (см.. *Измайлов А. А.* Хрестоматия новой русской литературы: Герои революции в романе В. Винниченко «На весах жизни» // *НС.* 1912. № 9).

[9] Повесть переросла в роман и вышла отдельным изданием: *Амфитеатров А. В.* Разбитая армия: Роман. М.. Универсальное кн-во Л. А. Столяра, 1913. 327 с.

[10] О Суворине Амфитеатров написал лишь в 1914 г. (см. примеч. 6 к п. 6); замысел отдельного издания в виде брошюры, о чем идет речь далее, не осуществился.

[11] Осенью 1912 г. разрабатывался закон о печати, фактически предусматривавший возвращение к предварительной цензуре. Законодательная инициатива, выдвинутая Н. А. Маклаковым на рассмотрение Государственной думы в июне 1913 г., не получила поддержки: закон в первоначальном варианте, существенно ущемлявшем свободу слова, принят не был.

[12] «День» (СПб., 1912—1917) — ежедневная газета либерального направления, редактор И. Р. Кугель. Участие в ней Амфитеатрова было непродолжительным. Уже 23 декабря 1912 г. он писал Горькому: «Газета плоха. Хотела подражать старухе „России", но сил у нее нет даже и для имитации „Руси"» (*ЛН—95.* С. 418).

[13] Имеется в виду критический отклик в газете «Голос Москвы» (*Громобой.* [Бобрищев-Пушкин А. В.]. Мусор над могилою // Голос Москвы. 1912. 21 авг. (№ 192). С. 2) на статью Измайлова «Памяти А. С. Суворина» (*БВ.* Утр. вып. 1912. 12 авг. (№ 13088). С. 6).

[14] В рубрике «Среди газет и журналов» (Новое время. 1912. 14 авг. (№ 13083). С. 4) был приведен отрывок из статьи Измайлова, опубликованной в «Русском слове» (см. примеч. 13).

[15] См.. *Измайлов А.* Памяти А. С. Суворина // *РС.* 1912. 12 авг. (№ 186). С. 4.

[16] «Россия» (СПб., 1905—1914) — ежедневная политическая и литературная газета, редакторы А. Животовский, В. фон-Брискерн, с 1906 г. — печатный орган министерства внутренних дел.

[17] Похороны А. С. Суворина состоялись 14 августа на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. На них демонстративно отсутствовали представители либеральной и демократической печати. Подробное описание церемонии с перечислением присутствующих см.. *Глинский Б. Б.* Алексей Сергеевич Суворин: (биографический очерк) // Исторический вестник. 1912. Т. 129. С. 3—60. См. также: *Глинский Б. Б.* Алексей Сергеевич Суворин: биографический очерк. СПб., 1912. С. 57—60.

[18] Имеется в виду самое значительное произведение писателя из крестьян И. Е. Вольнова (псевд.. Иван Вольный) — «Повесть о днях моей жизни, радостях и злоключениях» (Заветы. 1912. № 1). Рекомендуя повесть Измайлову, Амфитеатров явно следует совету Горького, который писал ему в мае 1912 г. о своем литературном протеже: «Если попадет вам в руки книжка „Заветов" — обратите внимание на повесть Вольного: вот как деревня пишет о себе самой!» (*ЛН—95*. С. 394). Измайлов определил автобиографическое повествование Ивана Вольного как «повесть сына деревни об этой деревне, о своем отце, матери, о соседях, о густой тьме понятий и нравов, всё еще царящих в народе, о тяжкой доле женщины-крестьянки и о злой силе хмельного зелья над мужиком» (*НС*. 1912. № 12. С. 113—128).

[19] См. примеч. 8.

8
Измайлов — Амфитеатрову
7 сентября 1912 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

Никак не смел рассчитывать на получение от Вас такого дорогого для меня подарка[1]. И пришел он, кстати, — чуть не в самые мои именины![2] Вы сетуете на лета, но, если они еще шалунью рифму не гонят[3], и эти рифмы даются Вам так легко, — значит, можно еще спать спокойно!

Воля Ваша — закон. Конечно, не буду воспроизводить портрета, если Вам не хочется. Но в то же время это невозможно — дать более десяти автографов с портретами и автографами, а Вас дать «без ничего». Простите же мою piam fraudem* и не посетуйте, что я приложу к книге Ваш старый портрет, какой найду у Здобнова[4], а у предателя Фидлера попрошу какую-нибудь страничку Вашей рукописи (конечно, не частного письма)[5]. Вы здесь, таким образом, будете ни при чем, просто жертвой издательского самоуправства. В частной беседе, если хотите, даже ругните меня, но не зло, а доб-

* piam fraudem (*лат.*) — обман из добрых побуждений.

родушно, как бранят непомерных и докучных, хотя и преданных почитателей, от них же первый есмь аз.

А. Измайлов
7 сент⟨ября⟩.

P. S. На крайний случай, могу даже оговорить в предисловии, как я боролся с скромностью авторов. Но нужно ли это? — P. P. S. А что 3-й том «Зверя из бездны»[6]. Я знаю читателей, — не говоря о себе, — к⟨ото⟩рые ждут его с нетерпением, а теперь и с беспокойством.

---

[1] Неизвестно, о каком «подарке» идет речь.

[2] День ангела Измайлов праздновал 30 августа.

[3] Ср. у А. С. Пушкина: «Лета к суровой прозе клонят, // Лета шалунью рифму гонят» («Евгений Онегин», гл. VI, строфа XLIII).

[4] Д. С. Здобнов, известный петербургский фотограф, мастер фотопортрета.

[5] Ф. Ф. Фидлер коллекционировал различные литературные артефакты и был известен своим «литературным музеем».

[6] См. примеч. 5 к п. 6.

9
Измайлов — Амфитеатрову
14 сентября 1912 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

Очень благодарен Вам за письмо, и такое интересное[1]. Всегда только до некоторой степени колет меня мысль, что я насильственно вынуждаю Вас на письма, а это в отношении людей пера — преступление, за которое не должно быть прощения ни в сем веке, ни в будущем.

Ближайшею целью этого моего письма все-таки является просьба к Вам — будьте великодушны и не откажите прислать страничку (в размере открытки) — Ваш автограф для той книжки, куда войдет статья о Вас. Портрет по необходимости придется взять старый, у Здобнова[2], если уж Вы так полны предубеждения к своим портре-

там, как некогда писали мне. А без автографа книга, дающая всех авторов с портретами и автографами, выйдет кривая, и покупатели будут возвращаться в магазин, прося обменять им, очевидно, дефектную книгу. Под автографом я разумею хотя бы какую угодно афористическую выписку (чернилами) из любой Вашей книги. Вы бесконечно обяжете меня исполнением этой просьбы.

Могу ли я смотреть на некоторые фактические сообщения последнего Вашего письма как на материал, который я мог бы огласить в отделе литературных новостей? — разумею сведения о написанных Вами вещах.

Об «Ау» несколько раз справлялся в магазинах, а в последний раз и в самом издательстве. Везде отвечают, что книга еще не вышла[3]. Знаю, что не я один, а многие любители того жанра, в котором Вы теперь единственный, уже побрякивают в кармане рублем, приготовленным для «Ау», и пока огорчаются. Это действительно ужас — из заграницы вести дело с русским издателем, который, и живя с Вами в одном городе, требует, чтобы автор к нему приезжал каждую неделю, ругательски ругался с ним и чуть не бил по морде. А из Феццано такой и дубины не достанешь, тем более что (пародируя Пушкина) Кричевский всего только один на белом свете[4].

Позвольте при сей оказии направить Вам последнюю книжку моих рассказов не для чтения, а так — для мебели[5].

Душевно преданный Вам

А. Измайлов
14 сент ⟨ября⟩.

---

[1] Имеется в виду предыдущее письмо Амфитеатрова от 7 сентября 1912 г. (п. 7).

[2] См. примеч. 4 к п. 8.

[3] См. примеч. 5 к п. 7

[4] Кричевский — сотрудник типо-литографии «Энергия» (владелец — Э. М. Шапиро), где ожидала выхода в свет книга Амфитеатрова «Ау!». В тексте — пародийная аллюзия на «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина (ср.. «Я ль на свете всех милее, / Всех румяней и белее?»).

[5] См.. *Измайлов А. А.* Рассказы. СПб.. Шиповник, 1912.

10
Амфитеатров — Измайлову
26 сентября / 9 октября 1912 г., Феццано, Италия

Fezzano. 1912. X. 9

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Спасибо за книжку. Надписью совершенно сконфужен.

Рифмую, как пиита Минский:
Ей Богу, я не Карл Румынский!

Относительно портрета и пр⟨очего⟩ очень прошу Вас: не надо! На обложке Ваших рассказов прочел я содержание будущей Вашей книги (должен сознаться, ужасно мне не нравится ее название, — не знаю, как другие, но я олимпийцем никогда не был, не чувствую себя им, не буду и быть не хочу)[1]. Вижу рядом с собою: Розанов. Собирать свои статьи как угодно — Ваше законное и неоспоримое авторское право. Но дать *от себя* что-либо, хотя бы портрет и fac-simile, в книгу с Розановым я не могу, ибо литературная гадина эта мне бесконечно противна, и быть в одном помещении с нею я, по доброй воле, не согласен[2]. Настолько, что если бы Ваша книга была еще не отпечатана, я дружески просил бы Вас: выбросить меня совсем из списка «олимпийцев» второго тома.

У Здобнова я никогда не снимался. Откуда у него может быть мой портрет?

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 7

[1] На рекламном листе, помещенном в конце книги Измайлова «Рассказы», анонсировался его новый сборник: «В печати: Литературный Олимп. Т. 2-й. — Мережковский. — Амфитеатров. — Розанов. — Бунин. — Арцыбашев. — Бальмонт. — Вяч. Иванов. — Гиппиус. — Ремизов. — Чириков. — А. Блок. — Будищев и др.». По-видимому, учитывая эмоциональную реакцию Амфитеатрова, Измайлов не включил очерк о Розанове в окончательную редакцию книги. Изменил он и заглавие: книга стала

называться «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья», в ней были помещены фотопортреты писателей, факсимиле отсутствовали.

[2] В 1911—1913 гг. В. В. Розанов скомпрометировал себя в глазах либеральной общественности выступлениями в прессе на стороне обвинения в резонансном процессе по делу М. Бейлиса, обвинявшемся в ритуальном убийстве, в то время как передовая интеллигенция выступила в поддержку обвиняемого: 30 ноября 1911 г. в газете «Речь» было опубликовано коллективное обращение «К русском обществу (по поводу кровавого навета на евреев)», написанное В. Короленко и подписанное восьмьюдесятью тремя представителями русской интеллигенции (в их числе писатели М. Горький, Л. Андреев, А. Блок, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Е. Чириков, А. Серафимович, Ф. Сологуб, Ал. Толстой, М. Арцыбашев, Скиталец, С. Н. Сергеев-Ценский и др.). Имя Розанова стало синонимом национализма и юдофобии. Амфитеатрову, борцу против монархии и национализма, фигура Розанова-«нововременца» была глубоко антипатична. Неприязнь была взаимной. Розанов создал карикатурный портрет Амфитеатрова в одноименной статье-памфлете: «Человек огромный, шумный, производительный, с большим животом, с большою головою, сын или внук протодиакона или архиерея — и революционер, когда-то сосланный, теперь убежавший в Париж — всё черт знает для чего — обширно начитанный и образованный, но который пишет, точно бревна катает, вечно предпринимающий, вечно разрушающий, ничего не создающий, кроме заработка бумажным фабрикам...» (Новое время. 1910. 13 мая. (№ 12272); см.. *Розанов.* [Т. 4]. С. 434—436). См. также: *Розанов В.* Амфитеатров и Ропшин-Савенков ⟨так!⟩ // Новое время. 1912. 23 мая. (№ 13000); *Розанов.* [Т. 4]. С. 567—569.

11
Измайлов — Амфитеатрову
17 октября 1912 г., С.-Петербург

17 окт⟨ября⟩

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

А если я уведомлю Вас о том, что статьи о Р⟨озанове⟩ в книжке не будет и что еще до Вашего письма у меня уже было решение назвать книжку другим именем[1], — Вы не будете добры прислать мне просимый автограф в семь-восемь строк?

Искренне преданный Вам

А. Измайлов

СПБ, Вас⟨ильевский⟩ Остр⟨ов⟩, 17 ⟨-я⟩ л⟨иния⟩, 70.

[1] См. примеч. 1 к п. 10.

12
Амфитеатров — Измайлову

28 октября / 10 ноября 1912 г., Феццано, Италия

Fezzano. 1912. XI. 10

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Да, конечно, с удовольствием[1].

Посылаю Вам третьего дня «Ау».

Что нового на земном шаре?

Я сейчас дьявольски запутался во всякой запущенной работе и со страхом думаю о декабре и январе.

От выборной горячки[2] и от балканских дел[3] в глазах пестрит.

Часа три в день берет чтение газет, а не читать совестно. Больно уж горячее историческое время.

Если болгаре возьмут Константинополь[4] и возобновят Визант⟨ийскую⟩ Имп⟨ерию⟩, поедемте издавать «Византийские ведомости».

А и большую же игру проиграет матушка Россия![5]

До свидания. Желаю Вам всего хорошего!

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 8.

[1] См. п. 11.

[2] В сентябре — октябре 1912 г. состоялись выборы в IV Государственную думу.

[3] Осенью 1912 г. Балканский союз, куда входили Болгария, Сербия, Греция и Черногория, при поддержке России начал войну (Первая Балканская война, 9 окт. 1912 — 30 мая 1913) против Османской империи, закончившуюся поражением последней. Согласно Лондонскому мирному договору Турция лишилась почти всех своих владений в Европе.

[4] Болгарская армия, наиболее сильная из союзных армий, сконцентрировала главные стратегические силы на стамбульском направлении, однако попытки, предпринятые болгарскими войсками 17—18 ноября овладеть позициями на подступах к Стамбулу, успехом не увенчались.

[5] Россия, поддерживая страны Балканского союза, в то же время опасалась выхода болгар к Стамбулу, полагая, что это создаст неблагоприятные условия при решении вопроса о Черноморских проливах. К тому же она была в большей степени заинтересована в противостоянии Балканского союза Австро-Венгрии, чем Турции, поэтому

вместе с другими великими державами оказывала давление на страны Союза с целью заключения перемирия.

13
Амфитеатров — Измайлову
7 / 20 мая 1913 г., Феццано, Италия

Fezzano. 20.5.1913

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Приношу Вам сердечное спасибо за присыл Вашей интереснейшей книги[1], а также за любезную надпись на ней, слишком для меня лестную. Книжка мне очень нравится, — и, право, не потому, что в ней Вы меня хвалите. А очень много здравомысленного и простого, по естественному разуму и здравому смыслу сказанного, а значит, и верного. И красиво написано, в той выразительной простоте языка, по которой в последние годы просто изнываешь тоскою[2]. Чёрт знает, что делают с этим злополучным языком русским. Я уж не говорю о футуристах и пр.[3] Это не серьезно, а просто праздные люди издеваются (иногда не без злого остроумия) сами над собою, да и над временем, способным принимать это всерьез и печатать длиннейшие статьи вроде тех, которые только что прочел в «Совр⟨еменном⟩ мире»[4] и еще каком-то столь же толсто-скучном журнале. Это в конце концов не так уж страшно. Декадентские неологизмы не оставили почти никакого следа в настоящем литературном языке, и эти тоже не оставят. А вот скверно глубокое незнание языка, которое сочится сейчас через всякую, без исключения, газету и беллетристику, сочиняемую авторами, либо совершенно чуждыми русскому словарю и грамматике, либо, что еще хуже, поправляющими свое незнание мертвым, рабским и неумным изучением Даля и пр. Дело полезное, да надо его умеючи делать, а то все ряженых покойничков за живую речь выдают. С прискорбием приходится сознаться: сколько-нибудь сносный газетный язык остался только кое у кого — увы! — в «Нов⟨ом⟩ вр⟨емени⟩», да у стариков в «Рус⟨ском⟩ сл⟨ове⟩». Потому что молодые ужасны. От Вас давно

уж ни слуха ни духа. Как поживаете? Я уже думал было, что Вы на меня за что-нибудь рассердились. Невестке на отместку, посылаю Вам кое-какие мои новые книжки, — по обыкновению, что есть от милости моих издателей, они ведь присылают мне мои книги не ранее того, как их все не только прочитают, но и забудут. Я только что вернулся из довольно долгого, целый месяц взявшего, путешествия по Германии[5] и немножко поправился за это время рукою. Да и вообще отдохнул. Ведь это, собственно говоря, был мой первый отдых за семь лет. Зато сейчас прямо мука. Навалили корректур видимо-невидимо и все ругаются, что опаздывают. Всего мучительнее, конечно, четвертый том «Зверя из Бездны»[6]. А тут еще беллетристики недописанной целый воз. В газеты совсем не пишу. Некуда. Все скучно, не нравится, все не то. Если бы не слишком нужен был срочный заработок, так и вовсе бы бросил в газеты писать. Как-то всё некрасивее и некрасивее слагается на Руси это дело. Вот — пропустил тут целый месяц, не видав ни одной русской строчки, а возвратился, пересмотрел накопившиеся вороха периодической печати и не нашел даже тени чего-нибудь полезного и утешительного — душеспасительного слова, от которого Плюшкин обещал расчувствоваться... Как шевелится город Петербург? Небось, публика уже разъезжается... Я с осени переезжаю в недалекий от нас итальянский городок Леванто, где снял дом на целые шесть лет[7]. Буду там сидеть и писать разные исторические сочинения — о Ярославове сребре, о рукоятке меча у Трувора, о вожжах, на которых удавился Синеус[8], и т. д. Думаю, что отечеству сим принесу несказанную пользу, а себе если не удовольствие, то времяпрепровождение... Конечно, есть занятия и еще более невинные, — например, сделаться богоискателем или богостроителем[9]. Но боюсь, что если я начну строить Бога, то выстрою такого, что меня привлекут по 1001 статье...[10] Всё сижу у моря да жду погоды. То есть — когда вспыхнет что-нибудь молодое, сильное, яркое, такое, чтобы можно было угадать в нем будущее, лучшее настоящего... Но увы! Вместо того, молодежь наплывает всё такая, что — кажется, уже законное и выслуженное наше право прокиснуть несколько, а нельзя, — на шестом десятке годов приходится еще давать примеры и уроки бодрости...

Ну, значит, и ridi, pagliaccio![11] Наслаждения в этом нет никакого и нисколько не удивляюсь, если смех не смешон выходит... Читал Ваш отзыв о новой повести Сергея Ценского[12] и очень ею заинтересован. Это чрезвычайно талантливый человек, и мне всегда было жалко, когда он безнужно танцевал danse macabre[13] вместе с другими, как выражается Горький, Смертячкиными[14]. И стихи Вы смешные в «Русском слове» напечатали[15]. Это нужно, это хорошо.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Еще раз спасибо за книжку. Увидите Власа[16], — кланяйтесь!

Ваш Ал. Амфитеатров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 9—10.

[1] Речь идет о книге Измайлова «Пестрые знамена» (М., 1913).

[2] Оба корреспондента были единодушны в негативной оценке языковых новаций писателей-модернистов и встревожены обеднением языка массовой литературы и прессы, в чем видели симптом «упадка». Измайлов отмечал богатство амфитеатровского стиля и языка, их укорененность в национальной традиции: «Его тянет к ‹...› великолепному старинному языку и стилю Пролога и Миней, к славянщине, к старым словам, от которых пахнет кипарисом древних икон, ароматом ладана и талым воском. За смертью Лескова, Костомарова и Горбунова теперь никому не написать так легко, так изумительно стильно и правильно страницу древнерусским или церковным славянским языком ‹...›. Если у большинства нынешних лексикон — не более лексикона эсперантистов, — перед ним, на его письменном столе слов целые горы» (*Пестрые знамена*. С. 164, 165).

[3] В аналогичном ракурсе оценивали оба корреспондента и футуризм. В письме к Горькому от 25 ноября 1913 г. Амфитеатров задавал возмущенный вопрос: «Разве чем-либо иным, кроме безумия, можно объяснить отречение от человеческого языка, возвращение к татуировке и пр‹очие› юродства, о которых я читаю в газетах о футуристах?» (*ЛН—95*. С. 448). Измайлов написал о футуристах несколько гневных статей, назвав, например, в одной из них В. Маяковского «обер-циником» (*Измайлов А. А.* Темы и парадоксы // *БВ*. 1915. Утр. вып. 2 июня. (№ 14879). С. 2). См. также примеч. 1 к п. 44 в переписке Л. Н. Андреева и Измайлова (Наст. изд. С. 105).

[4] См.. *Кранихфельд Вл.* Литературные отклики: «80 тысяч верст вокруг себя» // Современный мир. 1913. № 4. С. 96—112.

[5] О своих впечатлениях от поездки в Германию Амфитеатров сообщал в письме к Горькому: «Я только что возвратился из путешествия, в котором провел месяц, весьма отдохнув и оживившись за это время ‹...› Путешествием своим я доволен свыше всякой меры, ибо как будто новый мир увидал. После весьма долгой разлуки с европейскою настоящею культурою Германия произвела на меня впечатление громадное. За восемь лет, что я ее не видал, она шагнула вперед невероятно во всех отношени-

ях. Богаты, образованны работники и даже благовоспитанны, чего прежде в немцах не замечалось» (*ЛН—95*. С. 426).

[6] О работе над четвертым томом «Зверя из бездны», а также над антологией «Забытый смех» Амфитеатров сообщал Горькому 11 июня 1913 г.: «Я сейчас совершенно зарылся в сатирическую хрестоматию, первый том которой сегодня наконец свалил с плеч и отослал издателю, и в четвертый том — „Зверя из бездны“, который, к ужасу моему, приходится переделать чуть-чуть не с начала до конца. Так долго лежала эта рукопись в праздности и так много за этот промежуток сделала — увы, должен огорчить Вас — германская наука. Много, конечно, и вранья, но уж и наработали, дьяволы!..» (*ЛН—95*. С. 429).

[7] Осенью 1913 г. семья Амфитеатровых переселилась в Леванто, арендовав виллу Оливьери. Ф. Ф. Фидлер, навестив Амфитеатрова летом 1914 г., отметил в своем дневнике: «24 июня / 7 июля я был в Леванто, где посетил Амфитеатрова. Он живет рядом с вокзалом, в роскошном трехэтажном доме, который называется „Вилла Оливье“; платит ежегодно всего три тысячи лир» (*Фидлер*. С. 639).

[8] Амфитеатров перечисляет легендарные мотивы древнерусской истории, восходящие отчасти к «Повести временных лет».

[9] Намек на популярные в 1910-х гг. философско-религиозные течения, затронувшие и каприйскую колонию русских политэмигрантов; так, богостроительские настроения нашли художественный отклик в «Исповеди» Горького (1908). Богостроительство было подвергнуто острой критике со стороны Г. В. Плеханова и В. И. Ленина.

[10] Статья 1001 Уложения о наказаниях предполагала уголовную ответственность за распространение сочинений или изображений, «развращающих нравы», «противных нравственности и благопристойности».

[11] Смейся, паяц! (*ит.*) — цитата из драматического ариозо Канио из оперы Р. Леонкавалло «Паяцы» (1892).

[12] Возможно, речь идет об отзыве Измайлова (*НС*. 1912. № 4) о повести С. Сергеева-Ценского «Медвежонок» (1911).

[13] Пляска смерти (*фр.*). Амфитеатров имеет в виду модернистские тенденции, характерные для писателей-неореалистов 1910-х гг., затронувшие и некоторые произведения Сергеева-Ценского: так, несколько саркастических пассажей он посвятил пьесе «Смерть» (*Амфитеатров А.* Против течения. СПб., 1908. С. 233—234) и роману «Бабаев» (*Амфитеатров А.* Собр. соч. Т. 15: Мутные дни. СПб., 1912. С. 148—164).

[14] Смертяшкин — собирательный образ писателя-декадента, созданный Горьким в цикле «Русские сказки» (1912; сказка III) и ставший нарицательным.

[15] Юмористических стихотворений или пародий Измайлова в газете «Русское слово» за период с января по май 1913 г. не обнаружено. Возможно, Амфитеатров имеет в виду статью Измайлова «Красавица, нюхающая табак» (посвящена первому изданию сборника Игоря Северянина «Громокипящий кубок»), где цитируется ряд стихотворений поэта-эгофутуриста в сопровождении критического текста (*РС*. 1913. 16 мая. (№ 112). С. 2); была включена в книгу «Критика о творчестве Игоря Северянина» (М., 1916), как и статья Амфитеатрова «Человек, которого жаль» (впервые: *РС*. 1914. 15 мая. (№ 111). С. 3—4).

[16] В. М. Дорошевич.

14
Измайлов — Амфитеатрову
После 21 мая 1913 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

Искренно благодарю Вас за память и за книги. Только если бы Вы знали, какая радость для меня Ваш автограф, то, наверное, не захотели бы меня огорчать присылкою книги без наложения Вашей руки. Успел уже я прочитать не только это (и многое с великим удовольствием и завистью к Вашему сочному, живому слову), но и «Раздел». Успел уже и написать о нем, точнее, познакомить с ним читателя масс[1]. Увы, по желанию издателя «Бирж⟨евых⟩ в⟨едомостей⟩» я чаще осведомляю теперь читателя хрестоматийно, с помощью щедрых отрывков, чем стараюсь действительно критически оценивать вещь[2]. Чрезвычайно занял меня там эпизод с Зоей. Так и хочется спросить у Вас, — с натуры ли это и откуда[3]. Попутно посылаю Вам мою заметку о «Дрогнувшей ночи»[4]. Не взыщите. В силу какого-то фатума мне удается делать всё в четвертую часть своей возможности. Вечно спешу, опаздываю, наверстываю и — в итоге стою у той грани, когда страстно хочется одного, — отдыха, и в душе стоит густое недовольство всем, что делаешь.

Замечаете ли Вы оттуда, из прекрасного Вашего далека[5], как много пишут о Вас здесь? Правда, не Бог знает кто и не Бог знает как глубоко, но постоянно. Библиография журналов уже никак не обходится без Вашего имени, а вчера Будищ⟨ев⟩ сообщил мне, что на рынке Ваши книги стоят... тотчас после Вербицкой[6]. Так как с ней едва соперничает и сам Толстой, — очевидно, этим нельзя огорчаться.

С нетерпением жду посл⟨едний⟩ том «Зверя из бездны»[7]. Интересно впечатление этого труда там, у праха цезарей. Кажется, там умеют более чутко ценить даже труд иноземца, чем у нас своего. Вот Волынский за Винчи уже гражданин г. Милана![8] Не приближается ли к Вам гражданство г. Рима. Русскому писателю, а в особенности в вашем положении, не излишня эта привилегия. Дай Вам Бог доброго здоровья и в печальный час встречи с добрыми ангелами, но

где гарантия того, что Вам не нужна будет привилегия ап⟨остола⟩ Павла в час разлуки с землей?[9]

Вы переезжаете в Леванто, Вы подписали условие на шесть лет[10]. Но неужели Вам навсегда заказаны пути на родину? Жить без мысли о такой возможности для меня было бы хуже смерти, и я подписал бы шестилетний контракт с отчаянием Громобоя, закладывающего душу Дьяволу[11].

Вы нашли ласковые слова для моих бедных «Пестрых знамен». Сердечно благодарю. Но кабы Вы знали, как, в частности, за очерк о Вас я краснею! Все это такое сырое, и даже просмотреть толком и углубить после газеты этого не пришлось, а как хотелось[12].

Будьте здоровы и счастливы.

Душевно преданный Вам

А. Изм⟨айлов⟩.

Датируется по содержанию.

[1] В очередном обзоре «Новые книги» Измайлов отмечал: «Романом „Раздел" Амфитеатров закончил свою последнюю трилогию „Паутина" В конце-концов, и новая его эпопея сводится к философии злостного банкротства наших верхов, на этот раз показанного на оскудевающем роде Сарай-Бермятовых. Должно быть, считаясь с упреками в слабости движения, в „Разделе" Амфитеатров не пренебрегает эффектами фабулы. Здесь есть даже таинственный автомобиль, который вырывает из среды обывателей одного человека, которого потом находят мертвым. Но в бытовом отношении интереснее история юной барышни из того же дворянского рода, которая, пресытившись к 16-ти годам впечатлениями жизни, идет в странную и загадочную секту извращенцев во вкусе хлыстов. Похоже, что Амфитеатров вскрывает какую-то подлинную провинциальную историю той причудливой эпохи русской жизни, когда у нас повсюду, как грибы после дождя, возникали лиги любви, союзы огарков и т. д. Приятно читать роман, написанный русским языком» (*РС*. 1913. 21 мая. (№ 116). С. 3).

[2] Хрестоматийности в изложении материала руководство издания потребовало от Измайлова еще в конце 1911 г. Условие распространялось на статьи критика для журнала «Новое слово», где была заведена специальная рубрика — «Хрестоматия новой литературы». В редакционной заметке, предваряющей первый обзор, в частности, сообщалось: «В самом сжатом изложении наш читатель найдет в открываемом ныне отделе полный отчет о том, что волнует сегодняшний день в области изящной литературы. Отводя под критическую оценку этих явлений столбцы газет, Редакция намерена здесь давать, главным образом, „хрестоматию" новой литературы с выдержками лучших мест произведений и более беглым обзором страниц меньшего литературного значения и достоинства. Выполнение этой задачи взял за собой писатель А. А. Измайлов, с талантом которого хорошо знакомы наши читатели» (*НС*. 1911. № 11. С. 113).

[3] См. п. 17, где Амфитеатров дает комментарий к данному образу.

[4] См. «Недавнее время в новом романе А. В. Амфитеатрова „Дрогнувшая ночь"» в составе обзора «Хрестоматия новой литературы» (*НС*. 1912. № 12. С. 113—128).

[5] Парафраз, отсылающий к роману (поэме) Н. В. Гоголя «Мертвые души»: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу...» (гл. II); ср. также письмо В. Г. Белинского к Гоголю от 15 (3) июля 1847 г.: «Вы ⟨...⟩ столько уже лет привыкли смотреть на Россию из Вашего прекрасного далека...» В Италии (в Риме) Гоголь прожил около пяти лет, где завершил работу над «Мертвыми душами».

[6] В статье В. Л. Львова-Рогачевского сообщалось, что, согласно данным отчета библиотечной выставки за 1911 г., по читательскому спросу Амфитеатров занял второе место в провинциальных библиотеках после Л. Вербицкой, опередив Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, Горького, Л. Андреева, Куприна (*Львов-Рогачевский В. Л.* Писатель без выдумки // Современный мир. 1911. № 9. С. 242). Аналогичные сведения приводились и в статье Л. Клейнборта «Максим Горький и читатель низов» (Вестник Европы. 1913. № 12).

[7] См. примеч. 5 к п. 6.

[8] Исследование А. Волынского «Леонардо да Винчи» ([СПб., 1899]; 2-е изд.. Киев, 1909), написанное в беллетристической форме, получило высокую оценку русских и зарубежных критиков и искусствоведов, в 1908 г. Волынский был избран почетным гражданином Милана.

[9] Апостол Павел как римский гражданин имел ряд привилегий, в частности, он не мог быть приговорен к казни по решению суда в Иудее.

[10] См. п. 13.

[11] Аллюзия на первую часть поэмы В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев. Старинная повесть в двух балладах» (1810), где рассказывается о грешнике Громобое, заключившем договор с дьяволом и продавшем ему свою душу за земные блага. Сюжет восходит к роману Х.-Г. Шписа «Двенадцать спящих дев, история о привидениях»; в поэме Жуковского действие перенесено в условную Древнюю Русь.

[12] См. примеч. 1 к п. 1.

15
Амфитеатров — Измайлову
25 июня / 8 июля 1913 г., Фецциано, Италия

Fezzano. 8. 7. 1913.

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Написал было Вам я очень большое письмо, да, так как диктовал его, вышло оно нескладное, а продиктовать так вот до сих пор и не собрался со временем, а тою порою легли на него кучи бумаг и — найти его не могу.

Как найду, пришлю, потому что там я отвечал на некоторые Ваши мне указания, в большинстве совершенно справедливые.

А вот сейчас пишу по спешному делу, которое меня очень интересует и авось заинтересует также и Вас.

С осени этого года книгоиздательство «Энергия» начинает ряд сборников, редакторство и организацию которых поручило оно мне[1]. Дело предпринимается на три года, с правом пролонгации, в случае успеха, на такой же срок. Постановка будет солидная, прочная, без сверхъестественных гонораров, но с аккуратными и достаточными, на мой взгляд, платежами. Печатать будем не одну только беллетристику, а также научно-популярные статьи и публицистику. Конечно, очень хочу сатирического отдела. Решил обратиться к Вам с большою просьбою, поработать для этого издания, чем можете, и дать нам кое-что в одну из первых книжек. Компания будет хорошая и приятная. Очень было бы хорошо, если бы Вы дали какую-нибудь сатирическую вещь. Они Вам так удаются. Сообщите, если принципиально согласны, пожалуйста, также и условия гонорара, который Вы пожелали бы получать, как за стихи, так и за прозу. Буду очень усердно ждать от Вас ответа, а покуда — до свидания.

Желаю вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 11.

[1] Литературно-художественные сборники «Энергия» (имели следующие разделы: Изящная словесность. Критика. Публицистика. Научные популяризации. Мемуары. Сатира. Фельетон) вышли тремя выпусками: вып. 1 — 1913 г., вып. 2 и 3 — 1914 г. (роспись содержания см.. *ЛН—95*. С. 437), хотя по первоначальному амбициозному замыслу издателей предполагалось шесть выпусков ежегодно (см. письмо Амфитеатрова к А. Ф. Кони от 16 сентября 1913 г. // РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 41). Участия в них Измайлов не принимал.

16
Измайлов — Амфитеатрову
2 июля 1913 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

Рад душой сотрудничать там, где Вы хозяин, и благодарю за честь. Жанр, о к⟨ото⟩ром Вы говорите, мне близок и приятен, — не знаю только, как условия моего труда позволят мне фактически проявлять свое искреннее желание. Очень уж много — и скверной, черной — работы по газетам, в коих я на ответственном деле и на питающем меня жалованьи[1]. Уже сейчас я веду серьезный разговор об эмансипации от «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩»[2]. Если это приведет к свободе, — тогда я, безусловно, буду ревностным вкладчиком в Ваш журнал.

Очень бы благодарен был Вам, ес⟨ли⟩ б⟨ы⟩ нашлось письмо, Вами писанное мне, но не посланное. Думаю, мне не нужно говорить Вам, как высоко я ценю Ваши строки.

Посылаю, кстати, последние строки о «Разделе». Это опять не критика, а больше осведомление читателя о книге, но издателю угодно это подписывать моим именем[3].

Душевно преданный Вам

А. Измайлов
2 июля

---

[1] Измайлов находился на постоянном жаловании в «Биржевых ведомостях», а также сотрудничал в «Русском слове» и в приложениях к «Биржевке». В дневнике Ф. Ф. Фидлера имеется запись от 14 июля 1908 г.: «В „Биржевых ведомостях“ он (Измайлов) имеет твердое жалованье — двести рублей ежемесячно; сверх того, получает шесть копеек за строчку. В „Слове“ ему платят за строчку десять копеек, а в „Русском слове“ — пятнадцать» (*Фидлер*. С. 487).

[2] Ср. запись в дневнике Фидлера от 24 мая 1913 г.: «Измайлов ⟨...⟩ конфиденциально сообщил мне, что Корецкий пригласил его в редакторы „Пробуждения“ и он не знает, как поступить» (*Фидлер*. С. 606). Сотрудничество в качестве штатного корреспондента с «Биржевыми ведомостями» Измайлов прекратил только в 1916 г., когда стал редактором «Петроградского листка».

[3] Речь идет об обзоре, в котором романам писателя был посвящен раздел «Великая дворянская разруха в новой трилогии А. В. Амфитеатрова» (*НС*. 1913. № 7 С. 113—127).

17
Амфитеатров — Измайлову
12 / 25 июля 1913 г., Феццано, Италия

Fezzano. 25. 7. 1913.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Нашел то письмо и по вашему желанию воспроизвожу оное, с прибавлением кое-чего нового, наросшего за сие ⟨время⟩ к тому же материалу. Девица Зоя, которая Вас интересует, пере⟨не⟩сена с юга на север, — человеческий документ относится к городу Киеву, с примесью некоторых однородных эпизодов из Харькова и Владимира[1]. Кстати, позвольте похвастаться. Вы вот написали, что я предсказал Илиодора[2]. Это, может быть, и слишком, так как Илиодора и пр⟨очих⟩ было не трудно предчувствовать. А вот с иоаннитско-хлыстовской богородицей мне действительно так повезло, что она в Питере даже оказалась, как у меня в романе, Смирновою[3].

Ну, куда нам в почетные граждане Рима. И Калуга-то никогда не изберет[4]. Простите за отсутствие автографов, — я буквально делаюсь дурак-дураком, когда мне надо отличиться на этом поприще. Впредь не буду, а Вы уж простите, если глупо напишу.

Очень бы хотелось посмотреть матушку Русь, но сие невозможно по ста сорока тысячам причин, из которых главная: довольно русского шпиона и здесь вокруг меня ходит. Вот прочитайте прилагаемый документец[5]. Я документец этот хочу на немецкий язык перевести и послать Moll'ю. Так что уж ехать туда, где прямо к ним в рот влезешь. Пусть хоть издали достают, если уж так хочется им меня слопать.

Получил сегодня письмо от Будищева[6]. Если видаетесь с ним, — кланяйтесь. Хороший человек.

Получил пригласительное письмо от «Сатирикона», подписанное Виктором Кугелем. О, Господи! Да сколько же их?..[7] Петербургская журналистика, по-видимому, делается совершенно семейным делом. Вот этак — семья Сувориных, вот этак семья Кугелей и пр. и пр. На предложение «Сатирикона» я отвечал отказом, хотя такого рода журнал мне улыбается. Но у них какая-то неясная история со старой редакцией, а, правду сказать, я в таких случаях бываю робок,

не попасть бы в глупую историю и не оказаться бы нарушителем стачки литературного труда против капитала.

Ах, уж эта мне «Дрогнувшая ночь». Вот, жду корректур из «Просвещения»[8]: чувствую, что придется мне над нею работать, как над новою вещью. Поддался увящаниям разных человеков и вывел ею «Современник» из большого затруднения, переместив себя в таковое, а, в виде благодарности за то, получил большое свинство[9].

Четвертый том «Зверя из Бездны», надеюсь, к сентябрю выйдет. Сдал всю корректуру. Сейчас итальянцы перевели мою комедию «Дон Жуан в Неаполе»[10]. Пойдет здесь. Что из этого будет, — не знаю. В Москве ее ругали, а Дорошевич писал мне, что ничего, хорошо, только очень плохо была поставлена. Верю. А комедий, все-таки, заглазно, больше писать не стану.

Все мы несчастны необходимостью быстрого письма, которая не одними материальными условиями создается, хотя последние, может быть, и на первом плане. Темп жизни дьявольски ускорен. Гончаров и даже Тургенев, когда писали роман с действием за десять лет до своего времени, писали его как роман современный, а нам приходится его писать уже как исторический. Я благую часть избрал[11], а — что же остается тем, кто хочет непременно бежать в ногу с эпохою, как не валять, валять и валять?

А меня вот еще и староверская трусость одолевает иной раз. Из-за этого глупого пережитка смял я в «Разделе» фигуру Модеста, для которой — ах, какие у меня остались данные! Не посмел подчеркнуть в нем гомосексуалиста и voyeur'а*. Тогда как в записках, давших мне материал для этой фигуры, — тут-то и центр тяжести. Я не посмел сказать, потому что побоялся, что не сумею «оприличить» секрета его сводничества: что барин этот гомосексуальный мазохист, нуждается в унижении, и что для него наслаждение предать Аглаю в том, что он «воображает себя на ее месте».

С Зоей, которая Вам так любопытна, я тоже спасовал, ибо только вскользь намекнул на женское соперничество, которое развивается вокруг этой девицы. Четыре раза начинал писать и бросал,

* voyeur (*фр.*) — вуайерист, человек, проявляющий нездоровое любопытство к сценам интимной жизни и скрыто наблюдающий за ними.

написав десяток страниц: неизобразимо, — по крайней мере, для меня... Получается либо фальшь, полная намеков, представляющих нездоровую пищу для воображения и, следовательно, создающих порнографичность; либо такая необузданная и дикая странность, что жутко... И я не берусь бросить подобный брандер[12] в публику. Сейчас сдаю Михайлову[13] в «Прометей» первый том «Дочери Виктории Павловны» — «Злые Призраки»...[14] Вот видите, как у нас: даже романы детей имеют... Неожиданно для себя, пессимистическую вещь написал, кажется.

Спасибо Вам за обещание работать для «Энергии». Напишите-ка что-нибудь поскорее для первых книжек. Серошевский дал чудесную вещь[15].

Написал я в «Русское слово» приглашение Тэффи (не зная ее имени и фамилии!)[16], но ответа не имею и сомневаюсь: что сие значит? Не переслали письма или обиделась?.. Мне бы хотелось получить ее. Я ее писания очень люблю.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 12—14.

[1] См. п. 14.

[2] Иеромонах Илиодор (в миру С. М. Труфанов), духовный и политический деятель, связанный с «Союзом русского народа». Поддерживал Г. Распутина, затем — его противников. Сложил с себя сан и объявил о разрыве с Русской православной церковью. С 1914 г. — за границей, бежал, имея на руках материалы, изобличающие Распутина и компрометирующие царскую фамилию. Имеется в виду следующее высказывание Измайлова: «...один раз пророчество Амфитеатрова попало как раз в точку. В его „Сумерках божков" зарисован некий черносотенный инок Экзакустодиан. Я тогда читал и думал: карикатура! Но прошло пять лет, пришел Илиодор, и вот Экзакустодиан почти бледен!..» (*НС*. 1912. № 12. С. 114).

[3] Амфитеатров подчеркивает совпадение фамилий героини его романа Соломониды Смирновой и реального лица — Дарьи Васильевны Смирновой, сектантки хлыстовского толка, известной как «охтинская богородица», объекта интереса богоискательской интеллигенции; возбужденное против нее уголовное дело по обвинению в вымогательстве на религиозной почве (см.. Огонек. 1911. № 25. С. 10) имело немалый общественный резонанс.

[4] Реплика на слова Измайлова (см. п. 14). Амфитеатров родился в г. Калуге, куда его отец после окончания Московской духовной академии в 1858 г. был назначен ин-

спектором и учителем Калужского духовного училища и где в 1860 г. женился и принял сан священника; в августе 1864 г. был переведен в уездный город Лихвин. См.. *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 1. С. 26—27; 485.

[5] Амфитеатров имеет в виду письмо, разосланное в ряд изданий, где сообщалось об установленной за ним слежке; было опубликовано в газете итальянских социалистов «Avanti» под заголовком «Письмо А. В. Амфитеатрова по поводу установленной за ним агентами русской полиции слежки» (воспроизведено на рус. яз.. *БВ.* Веч. вып. 1913. 31 июля. (№ 13677)). «Мы, русские эмигранты, — писал здесь Амфитеатров, — к этому, увы, привыкли. За мной следили в Риме, в Специи, в Париже и в Кави-Лаванья, о чем я в свое время уже писал, напечатав на столбцах „Avanti" текст телеграммы, с которой я обратился к министру-президенту Джолитти, с просьбой защитить меня от русских шпионов». Заканчивалось письмо возмущением по поводу вездесущности полицейской слежки: «...возмущает то, что власть русской полиции доходит до Италии, до этой действительно конституционной и либеральной страны ‹...› (страны Мадзини и Гарибальди)». Вырезка из «Avanti» была послана Измайлову и при его посредничестве напечатана в «Биржевых ведомостях». О публикации письма на немецком языке сведениями не располагаем.

[6] 15 писем беллетриста А. Н. Будищева к Амфитеатрову за 1900—1901 и 1912—1913 гг. сохранились в архиве писателя в Блумингтоне.

[7] В журналистике, критике, издательском и театральном деле работали три брата: Александр, Иона и Виктор Кугели.

[8] Роман «Дрогнувшая ночь» вышел отдельным изданием в изд-ве «Просвещение» в 1914 г. (впервые: Современник. 1911. Кн. 11).

[9] Намек на редакционный конфликт, в результате которого Амфитеатров сложил с себя полномочия редактора журнала.

[10] «Дон Жуан в Неаполе: (Шутка в 3 действиях)» (*Амфитеатров А.* Собр. соч. Т. 19) была поставлена в Москве в частном театре К. Н. Незлобина. См.. *Кречетов С.* [Соколов С. А.]. «Дон Жуан в Неаполе»: (Театр К. Н. Незлобина) // Рампа и жизнь. 1913. № 10. С. 7—8. О переводе пьесы на итальянский язык и ее постановке в Италии сведениями не располагаем.

[11] Лк. 10: 42.

[12] Брандер — снаряд с зажигательной смесью.

[13] Н. Н. Михайлов, владелец издательства «Прометей».

[14] «Дочь Виктории Павловны. Роман в 3-х повестях», вышедший в издательстве «Прометей» (Повесть 1: Злые призраки. СПб. 1914; Повесть 2: Законный грех. 1914; Повесть 3: Товарищ Феня. Роман в 3-х повестях. Повесть 1: Звезда закатная. 1915).

[15] В 1-м сборнике «Энергия» была опубликована «фантастическая повесть» В. Л. Серошевского «Дары северного ветра», негативно воспринятая критикой. См., например, отзыв Е. Замятина, рецензировавшего первые два сборника (Ежемесячный журнал. 1914. № 3. С. 156—157; подпись: Евг. З.).

[16] Тэффи приняла предложение Амфитеатрова, опубликовав во 2-м сборнике «Энергия» стихотворение «Смерть», в 3-м — «Подсолнечник».

18
Измайлов — Амфитеатрову
14 ноября 1914 г., Петроград

С.-Петербург. 14 ноября 1914

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

Благодарю Вас за любезный ответ и очень жалею о невозможности пока получить что-нибудь от Вас. «Биржевые ведомости» с наступлением войны подверглись большой реформе[1]. Сейчас нет почти ни одного большого литературного имени, которое отказывало бы нам в участии. Прошли уже вещи Куприна, Сологуба, Андреева — говорят, что обещал нечто и Горький. В газете пишет прогрессивная профессура. Словом, в ней уже не зазорно печататься.

От Вас хотелось бы иметь статей 10—12 в год[2]. Предложить могли бы 50 коп. за строку. Безразлично, будут ли это фельетоны на общественные или литературные темы, будут ли это небольшие рассказы, шаржи, пародии (коим я так завидую). Успех газеты построен на том, что она не дает тяжелого материала. Все без исключения фельетоны — кратки. В одном номере удается давать несколько хороших имен. Едва ли нужно прибавлять, что сейчас необходимо было бы хотя какое-либо отдаленное касание мировой катастрофы.

Как жаль, что Вы всё так далеко, что невозможно видеть Вас, что невозможно (а при моей мышьей суете и тем паче) сказать Вам слово то благодарности (за прочитанное), то удовлетворения или ответно улыбнуться на Вашу улыбку издалека. Когда это будет!..

Ваш душевно

А. Измайлов

На редакционном бланке газеты «Биржевые ведомости».

[1] О переменах в газете в связи с началом Первой мировой войны см. во вступ. ст.

[2] В конце 1914 — начале 1915 гг. публикаций Амфитеатрова в «Биржевых ведомостях» не было.

19
Амфитеатров — Измайлову
12 / 25 сентября 1915 г., Рим, Италия

Roma. 1915. IX. 25
Palazzo Massimo

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Здравствуйте! Как живете-можете?

Я весною чуть не поколел от аппендицита, но, пролежав больше месяца и промаявшись всё лето последствиями, теперь очнулся, несмотря на удрученное состояние духа, в котором держит и не выпускает проклятущая война. Совсем «заделался», как говорят в Одессе и, увы, начинают писать и некоторые беллетристы более северного происхождения, итальянским журналистом[1], ибо каждую неделю приходится печатать две-три статьи, сражающиеся с гнусностью германофильских агентов и глупостью или невежеством, усердствующими в русофильстве по методу крыловского медведя:

Хвать друга камнем в лоб!..[2]

Если бы я писал сейчас столько по-русски, сколько по-итальянски, то, вероятно, расплатился бы со всеми своими долгами и уже строил бы в Вологде собственный каменный дом, на случай третьей ссылки. Но здесь — увы! — получаю только удовлетворение в сознании, что хоть чем-нибудь могу быть полезен родной стране, столько обижаемой и своими, и чужими...

Имею к Вам большую просьбу — не только собственную, сколько за жену мою Илларию Владимировну, которая перевела животрепещущую пьесу Анны Виванти «L'invasore» и стремится процензуровать ее и поставить на каком-либо из питерских частных театров[3]. Если бы Вы ей помогли поскорее пройти первое мытарство, большое сказали бы мы Вам спасибо! Вещь, по-моему, весьма эффектная, затрагивает острый современный вопрос и, будучи написана женщиною талантливою, достаточно литературна. Язык перевода, кажется, довольно живой; я слегка проредактировал. Женские роли уж очень выигрышные.

Вижу, что Вы работаете в «Истор⟨ическом⟩ вестн⟨ике⟩»[4]. А со мною вот какая история вышла. После болезни своей приехал я на краткий июльский отдых в свое убежище в Леванто и нашел среди кучи газет письмо с предложением Б. Б. Глинского написать нечто для его журнала[5]. Письмо очень меня удивило, так как, не говоря уже о резкой разнице политических взглядов, «Истор⟨ический⟩ вестн⟨ик⟩» меня в 1914—1915 гг. не только ругал, но и пером душки Ежова пустил обо мне новоизобретенную скверную клевету, которой я раньше даже не слыхивал, хотя музей мой по этой части довольно обилен[6]. Но, рассматривая письмо, обрел я на нем июньскую дату 1914 года, т. е. ровно через год попало оно ко мне в руки, ранее заблудившись в дебрях военных почт (вероятно), а затем провалявшись в Леванто всё время, что я был в Риме. Очень сожалею, что своею безответственностью дал Глинскому повод подозревать меня в невежливости, но сейчас, после годового молчания, отвечать как-то нелепо, тем более после удовольствия быть облаянным. А журнал он, прости его Господи, издает престранный. Покойный Шубинский, вероятно, очень растерялся на том свете, как ему теперь свое детище понимать... По отделу материалов бывает интересное.

Я, под громом войны, работая над «Концами и началами», написал и сдал «Прометею» роман, который опять хотел назвать «Попы», но Михайлов взвыл, что нецензурно, и будет он называться «Звезда Закатная»: вторая часть «Товарища Фени», продолжение «Законного греха»[7]. Не знаю, что вышло. Любопытно, что Вы скажете, так как Вы по этой части знаток. Хотелось коснуться «илиодоровщины» и пр. несколько иначе, чем принято. Кстати: Илиодор мне дважды писал. Ему очень туго живется за границей[8].

А, впрочем, кому легко? Я — до «Русского слова» — буквально чудом просуществовал почти полгода, а теперь, до сих пор, оплакивая это чудо задним числом, бьюсь как рыба об лед, и порою кажется, что выбиваюсь из сил. А ведь получаю хорошие деньги — по крайней мере, номинально, в России, потому что от курса можно сойти с ума...

Мои еврейские друзья собираются основать в Палестине свое царство, чему я весьма энергично содействую[9]. Но не знаю, что

именно — банк или государственное казначейство получат почин от сборов с всероссийского кинематографического позорища «Марьи Лусьевой»[10], о котором мне пишут такие милые подробности, что того гляди начнешь относиться с меньшею суровостью к Верочке Чеберяк[11]. Грабили меня, по изгойству моему, немало, но всё же до сих пор не так нагло, Быстрицкий, по крайней мере, прислал мне 476 рублей, чем и поверг меня в совершенное изумление, ибо остальные ровно ничего не прислали...

Очень жаль мне, что ушел от командования великий князь Ник⟨олай⟩ Ник⟨олаевич⟩[12]. На мою последнюю телеграмму, уже после ухода, он ответил так просто, грустно и искренно в немногих словах, что показался мне хорошим человеком... А их у нас до ужаса мало!

Ну, как всегда, — молчал, молчал, и расписался... Если бы Вы знали, сколько я могу и сколько бы мне надо сказать!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Кто меня помнит и не поминает лихом, — всем сердечный поклон.

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 15—18.

[1] Амфитеатров в это время работал в Риме в качестве корреспондента «Русского слова», во главе созданного им корреспондентского бюро стояли его сын В. Амфитеатров-Кадашев и З. Пешков. См. очерк «Борьба с немецким богатырем» (*Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 174—176).

[2] Цитата из басни И. А. Крылова «Пустынник и Медведь» (1808).

[3] «L' invasore» («Оскверненные») — пьеса А. Виванти о драматической судьбе двух женщин, подвергшихся насилию во время Первой мировой войны. Впервые была поставлена в Турине в 1915 г. Сведения о ее постановке в России не обнаружены.

[4] Редактором ежемесячного журнала «Исторический вестник» (1880—1917, Санкт-Петербург) после смерти в 1913 г. С. Н. Шубинского, его основателя и бессменного редактора, стал Б. Б. Глинский, ранее бывший помощником редактора. Начиная с 1914 г. Измайлов, до того печатавшийся в «Историческом вестнике» лишь периодически, стал выступать с ежемесячными обзорами «Новости истории. Обозрение журналов», а также со статьями по истории церкви, литературно-критическими и мемуарными заметками (*Измайлов А. А.*. 1) Под фиолетовой мантией: Полунощные свистуны: (Эпизод из жизни бывшего экзарха архиепископа Никона) // Исторический вестник. 1914. № 5. С. 554—562; № 6. С. 915—926; 2) А. А. Луговой: (Литературная характеристика) // 1914. № 12. С. 919—934; 3) Под фиолетовой мантией: (Из жизни митрополита Илиодора).

№ 4. С. 103—120; 4) Принц и нищий: (Из воспоминаний о К. М. Фофанове) // 1916. №. 5. С. 459—478). Сотрудничество прекратилось в 1916 г.

[5] Это письмо нам неизвестно.

[6] Речь идет о статье сотрудника редакции Н. М. Ежова «Алексей Сергеевич Суворин» (Исторический вестник. 1915. № 3. С. 856—879). Отдельные высказывания автора, в частности, о причинах ухода Амфитеатрова из «Нового времени», были расценены последним как заведомо неверные.

[7] См. примеч. 13 к п. 17.

[8] См. примеч. 2 к п. 17.

[9] Амфитеатров поддерживал постоянный контакт с Владимиром (Зеевом) Жаботинским, идеологом и лидером сионистского движения, пропагандировал его литературное творчество (см. его переписку с М. Горьким за август — сентябрь 1910 г.).

[10] Речь идет о фильме «Марья Лусьева» (Торговый дом «Creo» М. Быстрицкого; режиссер П. Чарыдин, сценарист М. Быстрицкий), вышедшем на экран 16 июня 1915 г. (не сохранился).

[11] В. В. Чеберяк (Чеберякова), свидетельница по делу Бейлиса. Вероятно, речь идет об игровом фильме «Тайны Киева, или Процесс Бейлиса» (реж. И. Сойфер, 1913). По цензурным соображениям фильм не мог быть показан в России, и фирма «Креофильм» продала негатив за границу, фильм демонстрировался в ряде стран Западной Европы и в Америке.

[12] Великий князь Николай Николаевич 23 августа 1915 г. был смещен с поста Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, который занимал с начала войны. См. очерк Амфитеатрова «1914—1915 годы. Телеграммы Великого князя Николая Николаевича» (*Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 176—181).

20
Измайлов — Амфитеатрову
17 октября 1915 г., Петроград

Петроград. 17/X 1915 г.

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

13-го окт⟨ября⟩ 1915 пьеса Вашей супруги[1] разрешена С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨ургской⟩ цензурой за № 10245. Что прикажете делать дальше?

Душевно преданный Вам

На редакционном бланке газеты «Биржевые ведомости».

[1] См. примеч. 3 к п. 19.

21
Амфитеатров — Измайлову
1 / 14 ноября 1915 г., Рим, Италия

Roma. 1915. XI. 14

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Большое спасибо за письмо и за хлопоты. Мне тоже в пьесе А. Виванти многое нравится, несмотря на ее спешность и несколько фельетонные эффекты. Искренняя она, — вот что дорого. Если цензор не погубит, как Вы думаете: где ее ставить? Идти с поклоном к бесчисленному роду Кугелей[1], владеющему русским театральным делом суверенно с феодами, не хочется, а сами мы так оторвались от России, что совершенно не в состоянии определить, где истинное пристанище «Оскв⟨ерненных⟩» — такое, чтобы сыграли и поставили прилично, и деньги заплатили бы, не жульничая. А то уж очень они, анафемы, нужны и уж очень российские издатели с нами бесцеремонны. Прямо издеваются, как над бесправными людьми, у которых коротки руки, особенно теперь, в военное время, с 40-дневным обменом письма и ответа, с 40 чентезимами[2] телеграфного тарифа. Эти последние слова даже писать противно, — до такой степени надоело мне коверкать французский язык для того, чтобы потом безграмотные переводчики коверкали в «Р⟨усском⟩ сл⟨ове⟩» русский и всё это, по совокупности, выходило за моей подписью... Ваши сравнения слишком лестны для меня, но утомлен и недоволен я очень. Должен тянуть лямку, потому что иначе не могу обойтись материально по множеству окружающих меня людей с их пестрыми нуждами, но невтерпеж. Притом, заколачивая гвозди золотообразным переплетом, весьма легко так его отделать, что весьма скоро он будет никуда не годен ни в качестве молотка, ни в качестве переплета. Но «la gente che paga»* менее всего стесняется этим соображением. Вколачиваю-вколачиваю гвозди и даже не смею делать пауз, потому что иначе «хазява сердюцца»...

Ил⟨лария⟩ Вл⟨адимировна⟩ напишет Михайлову и Лурье о Вашем желании получать корректурные оттиски моих выходящих

* la gente che paga (*ит.*) — люди, которые платят.

книг. Сейчас отосланы рукописи в «Прометей» — «Звезда закатная» (с попами, — из серии «Дочь Виктории Павловны», продолжение «Злых Призраков» и «Законного Греха») и «Буйная кровь», вторая часть «Сестер»[3], где попробовал я написать бродягу из духовных изверженных в манере, по-моему, несколько отличной от тех типов, канон которых утвердил М. Горький. Кончаю «Рубеж»: роман-мост, который должен соединить группу «Концы и начала» с группою «Виктории Павловны», что очень трудно технически... ничего, авось слажу!

«Ист⟨орический⟩ вестн⟨ик⟩» щекотливо поставлен не тем, что его издают Суворины, к которым я никакого предубеждения не имею и помню их людьми гораздо более порядочными большинства из тех, кто на них вешает собак. Я печатался у покойного С. Н. Шубинского, как А. В. Сандро[4], много позже своего разрыва с «Н⟨овым⟩ вр⟨еменем⟩» и сего за грех отнюдь не почитал, не почитаю и почитать не намерен. А тем, что Глинский превратил его в журнал неожиданностей, в котором «ура» и «караул» сталкиваются, взаимно компрометируя друг друга. «Лукоморья» не видал ни единого №[5]. Плохо?.. Ругань на его участников читал в «Дне», кажется[6].

Юмористическая преемственность, по-моему, есть литературный «закон природы». Работая над «Забытым смехом»[7], я многократно обличал себя, Дорошевича и др. сверстников, не исключая Чехова, в тех же заимствованиях от поколения «Искры» и оперетки 70⟨-х⟩ годов, в которых Вы каетесь по отношению к нашему времени. Это не заимствования, а «резонанс»...

Желаю вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 19—21.

[1] См. примеч. 7 к п. 17

[2] Чентезимо (от *лат.* centesimus — сотая часть) — итальянская разменная монета, одна лира содержала сто чентезимо, вышла из употребления в середине XX в.

[3] Хроника в четырех романах под названием «Сестры» начала выходить уже в Берлине в 1922 г.

[4] Один из псевдонимов Амфитеатрова. См., например: *А. В. Сандро* [Амфитеатров А. В.]. Майков и катакомбы // Исторический вестник. 1903. Март. С. 1010—1029.

[5] Еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и сатирический журнал «Лукоморье» (Пг., 1914—1917; издатель М. А. Суворин). Рассылался в 1914 г. подписчикам приостановленного «Сатирикона».

[6] Речь идет о статье: *Homunculus.* [Заславский Д. И.]. Экс-Лукоморцы // День. 1914. 31 окт. (№ 300). С. 3.

[7] Составленная Амфитеатровым двухтомная антология русской сатирической поэзии «Забытый смех: „Поморная муза"» (Сборник первый: Беранжеровцы. М., [1914]; Сборник второй: Гейневцы. М., 1917; планировавшийся к изданию «Сборник третий: Некрасовцы» не вышел), снабженная очерками об авторах и примечаниями, где указывались заимствования и параллели в текстах В. С. Курочкина, П. И. Вейнберга, В. П. Буренина и др.

22
Измайлов — Амфитеатрову

18 ноября 1915 г., Петроград

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

Я исполнил Ваше поручение в отношении г-жи Мироновой[1]. К сожалению, с нею это дело не устроилось. Благодаря за внимание, она лично разъяснила мне, что чувствует себя настолько утомленной, что в этот сезон, безусловно, не согласится выступить *ни в одной драме,* тем более в такой тяжелой; что она давно и тщетно ищет комедии и только в ней будет играть. Ко всему этому прибавляет соображение, которое действительно сейчас имеет большую силу у антрепренеров: театры решительно избегают пьес с касанием войны. Очевидно, потому, что впечатление их на публику очень тяжелое, они не имеют успеха и идут со второго представления при пустом театре[2]. Военных пьес не ставят сейчас *ни в одном театре в С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨урге⟩ и ни в одном в Москве.* Даже одноактные вещицы в театрах миниатюр — исключительно комического оттенка, с высмеиванием немцев.

Всё, что Вы рекомендуете мне сделать, я сделаю, но положение дела едва ли не безнадежно. Лично я знаю, что Корш предупреждает авторов — «всё, кроме пьес о войне!». В С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨урге⟩, кроме Малого, действует единственный театр Яворской[3], который определенно чурается этого жанра.

Если бы я имел уверенность, что мои письма и посылки достигают Вас, я был бы очень рад послать Вам свою новую книгу о Чехове (биография), где много и благодарно я использовал и Ваши страницы[4]. Несомненно, Вы могли бы, если бы пожелали, дать мне неоценимые поправки и пояснения.

Душевный привет.

Ваш А. Измайлов
18/XI – 1915.

А уже невозможно от Вас получить что-нибудь для «Бирж⟨евых⟩ ведомостей»?

---

[1] В. А. Миронова, известная актриса Малого (Суворинского) театра, с успехом исполняла роли как трагического, так и комического репертуара (имела амплуа гранд-кокет). Речь идет о переговорах в связи с постановкой пьесы А. Виванти (пер. И. В. Амфитеатровой), см. п. 19, 20, 21.

[2] Деятели театра по-разному относились к пониманию функции искусства в годы войны. О противоположных точках зрения на данный вопрос см., например: *Купцова И. В.* «Inter arma silent musae»?: Дискуссии в периодической печати о назначении искусства в годы Первой мировой войны // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: Политика и поэтика: Исследования и материалы. М., 2013. С. 579—588.

[3] Театр Л. Б. Яворской на Офицерской ул. просуществовал всего один год (1915—1916).

[4] См.. *Измайлов А. А.* Чехов: 1860—1904: Биографический набросок. М., 1916. В книге цитируются очерки и воспоминания Амфитеатрова о Чехове.

23
Измайлов — Амфитеатрову
30 ноября 1915 г., Петроград

Петроград. 30/ н⟨оября⟩ 1915 г.

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

Сегодня полученное от Вас письмо, видимо, писано еще до получения Вами известия о благополучном проходе драмы через цензурные уши. Вы должны были уже получить и другое мое, менее отрадное письмо с извещ⟨ением⟩ об уклонении Мироновой от взя-

тия пьесы[1]. Боюсь, что вообще то письмо д⟨олжно⟩ было произвести на Вас, на чужбине, впечатл⟨ение⟩ тяжелое. Что делать: Вы сами, конечно, не захотели бы подкрашенной лжи. И сейчас я должен повторить то же. В отдалении Вам естественно не улавливать здешних настроений, тем более что они и в самом деле мало логичны, т. е. здравая логика в них искривлена доводами практицизма. Да, зритель устал от войны и ищет в театре отдыха. Антрепренеры *решительно,* без единого исключения, не ставят батальных пьес *нигде.* Вы, вероятно, видите газеты из России, — проверьте это, взглянув театр⟨альные⟩ публикации.

В С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨урге⟩ — два театра, далеких от задач «святого искусства»[2], и один из них исключен[3]. Хотите ли Вы, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ я переслал пьесу Яворской, несмотря на всё сказанное? Театр — плачевный. Все главные роли играет она. Она вернулась из Англии, потеряв молодость, — таланта у ней никогда не было, — его заменяло страстное (и почтенное) влечение к сцене. Ес⟨ли⟩ б⟨ы⟩ теперь были здесь Вы и была жива «Россия»[4], — над ней не смеялись бы. Ее жалко.

Ч⟨то⟩б подтвердить Вам, насколько далеким от самых скромных предъявлений я считаю эти оба (и единств⟨енных⟩) театра, сошлюсь на то, ч⟨то⟩ у меня есть своя пьеса. Эгоистически дело ее постановки мне близко. И я не сделал и не сделаю шага, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ ставить ее в С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨урге⟩, хотя очень готов хлопотать о ней в Москве[5].

Куда хотите Вы переслать Вашу пьесу из театров московских? Мне это не трудно, сделаю это с удовольствием. Но — не знаю, как Вы смотрите. Театров там много, и много порядочных. Т. е., пожалуй, ни одного такого, к⟨ото⟩рый бы так цинически относился к творч⟨ескому⟩ слову, как С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨ургские⟩.

Всякое Ваше письмо — для меня большое удовольствие. Вам кланяются все, о ком ⟨так!⟩ доводится г⟨ово⟩рить по поводу их. Вчера, в част⟨ности⟩, кланялись Вам Вас. И. Немир⟨ович-Данченко⟩ и Г. С. Петров, виденные на одной частной вечеринке. Вообще литер⟨атурная⟩ братия живет в узком разброде, какого Вы не могли видеть даже в Ваш последний приезд. Невесело, неуютно и для молодежи неназидательно.

Рад бы был послать Вам только что законченную биографию Чехова. Рад бы был выслушать Ваши поправки, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ избежать ошибок (которые и сам отчасти уже вижу) в новом издании. Есть ли надежный путь переслать Вам ее? Книжка вышла большая, — 600 стр.[6]

И сразу сел за новую монографию — «Лесков». Фигура — уника, вся и в солнечных пятнах, и в дьявольских тенях[7]. Просто захватил и повлек. И сижу теперь в журналах и газетах 60—70⟨-х⟩ гг., и с добрыми старухами да старцами, помнящими гневного, лукавого и умного старика.

Сердечный привет.

Ваш А. Измайлов

На редакционном бланке газеты «Биржевые ведомости».

[1] См. п. 20, 22.

[2] Имеются в виду Малый (Суворинский) театр и театр Л. Яворской.

[3] См. п. 22.

[4] Не совсем ясно, что имеется в виду: Амфитеатров скептически относился к таланту Л. Яворской, назвав ее в одном из очерков «странным сценическим недоразумением» (*Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 13).

[5] Измайлов приложил немало усилий для постановки собственной пьесы «Мертвые властвуют: (Тени)» в Москве, заручившись содействием драматурга С. А. Шиманского, о чем свидетельствуют его письма к Измайлову (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 372. Л. 46—55). Пьеса Измайлова была напечатана как приложение к журналу А. Р. Кугеля «Театр и искусство» (*Измайлов А. А.* Мертвые властвуют: (Тени): Драма в 4-х д. Пг.: Журн. «Театр и искусство», 1916). Поставлена осенью 1916 г. в Московском драматическом театре (реж. Ю. Э. Озаровский).

[6] См. примеч. 4 к п. 22. Измайлов рассылал свою книгу литераторам, близко знавшим Чехова, в надежде получить от них замечания и новые факты, чтобы учесть их в следующем издании. Например, П. П. Гнедич благодарил автора и сообщал: ...спасибо Вам за книгу о „Чехове" Я ее просмотрел бегло, читать буду на будущей неделе. Много очень интересного. Пропуск есть вот какой: в 1893 году Чехов приехал в Петербург, положил основание беллетристическим обедам, что потом существовали лет двенадцать. История этих оснований и сами обеды еще не нашли своего „историка" В публичной библиотеке есть два альбома этих обедов ⟨...⟩ Об них сказать стоит. Я как-нибудь возьмусь за это» (письмо от 2 октября ⟨1915 г.⟩ // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 90. Л. 46). Впоследствии, при участии М. П. Чеховой, книга была доработана и готовилась к переизданию под названием «Чехов: (Жизнь — творчество — личность)», однако этот проект не осуществился. В архиве Измайлова сохранился печат-

ный экземпляр с его правкой и примечаниями сестры писателя М. П. Чеховой и его братьев М. П. и И. П. Чеховых (РО ИРЛИ. Ф. 115.Оп 1. Ед. хр. 7 592 л.).

[7] Имеется в виду неоконченная работа Измайлова «Лесков и его время» (1916—1921) (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 5); опубл.. *Измайлов А. А.* Лесков и его время / подгот. текста О. Л. Фетисенко и А. С. Александрова; преамбула к коммент. А. С. Александрова, коммент. О. Л. Фетисенко // Н. С. Лесков: Классик в неклассическом освещении. СПб., 2011. С. 155—544.

24
Амфитеатров — Измайлову
18 / 31 марта 1916 г., Рим, Италия

Рим, 31 марта 1916 года.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Одновременно с этим письмом посылаю Вам заказною бандеролью несколько пародий, написанных сыном моим, Владимиром Александровичем. Они мне кажутся недурными и стоящими напечатания, так что я прошелся поправками только по одной. Сын мой, когда появляется в литературе, подписывается «Владимир Кадашев», по моему давнему совету — при жизни моей, чтобы не терпеть ответственности за грехи отца своего и не принимать напрасно похмелья в его пиру. Если Вам пародии понравятся, нельзя ли их напечатать в «Биржевых ведомостях» или ином приличном издании[1], где они будут прочтены публикой и оплачены конторой? Простите, что беспокою просьбой, исполнением которой меня весьма обяжете.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Александр Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 24. На личном бланке: Alessandro Amfiteatroff. Roma, Corso Vittorio Emanuele 141 / Telefono 51-20. Черновик письма сохранился в РГАЛИ (Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр. 166).

[1] Публикация не выявлена.

25
Амфитеатров — Измайлову
24 декабря 1916 г., Петроград

Петроград 24. XII. 1916

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Во-первых, с праздником![1]

Во-вторых, просьба. Не будете ли Вы так добры — не дадите ли для новогоднего номера «Русской воли» шутки стихотворений, пародий и т. п.? Номер весь предполагается сделать полусатирическим, полуюмористическим при участии всех «сатириконцев» и мн. других[2]. Был бы Вам чрезвычайно благодарен. Хороший гонорар подразумевается само собою. Материал желательно было бы иметь (стихов 100—120) в среду 28 утром, не позже. Не откажите уведомить, будут ли. Так как, из-за праздников, контора и редакция будут закрыты, то дайте мне знать по новому адресу моему — Песочная 4, кв. 9. Телефон у меня еще не поставлен, а в доме есть телефон, да не помню номера. Очень хотелось бы повидаться с Вами, да такая каторжная жизнь идет, что из-за всякой суеты и спеха перестал узнавать собственных детей.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 22. На редакционном бланке газеты «Русская воля».

[1] Имеется в виду Рождество, праздновавшееся 25 декабря (по старому стилю).

[2] В газете «Русская воля», выходившей в Петрограде с 15 (28) дек. 1916 г. по 25 окт. 1917 г. (издатель Н. А. Гредескул), Амфитеатров возглавлял публицистический отдел и почти ежедневно помещал очерки и заметки. Подробнее см.: *ЛН—95*. С. 31—57 В новогоднем номере участвовали «сатириконцы» А. Аверченко, Лоло (Л. Мунштейн), художник Ре-Ми (Н. Ремизов); публикаций Измайлова не выявлено.

26
Амфитеатров — Измайлову
30 апреля 1917 г., Петроград

Петроград, IV/30 1917

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Вот я и опять издаю «Красное знамя»[1] и — чаял ли, гадал ли когда-нибудь? — в Петрограде! В условиях свободной печати!

Был бы очень рад и благодарен Вам, если бы собрались прислать в журнал какую-либо Вашу пародию, стихи или очерк. Поди ведь храните кое-что погибшее при старом режиме и не устаревшее при новом?

Посылаю Вам черновой проспект, который выяснит Вам намерения и физиономию журнала в новой его трансформации. Ваш секретарь телефонировал мне насчет корректур первой книжки. Пришлю. Обратите в ней особое *Ваше* внимание на «Митру» Арефина: замечательнейшая картина быта уездного духовенства и губернской консистории[2]. Я от нее в великом восторге. Вы оцените.

Я хотел бы сдать в «Петр⟨оградский⟩ лист⟨ок⟩» объявление о журнале, но «Речь» и «Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩» меня ужасно разорили, а ведь денег-то за мною никаких не станет, так что роскошничать рекламой я не в состоянии, тем более сейчас, когда лишен определенного дохода из «Русской воли». Нельзя ли устроить, при помощи Вашего авторитета, чтобы «Листок» 1) взял за объявления подешевле, 2) дал бы кредит хоть на месяц, другой? Очень обязали бы, а плательщик я верный. Подписка идет весьма недурно, а розничн⟨ые⟩ заказы очень хороши. Настолько, что, боюсь, типография не осилит их в полном количестве.

Затем имею к Вам дело внегазетное. Будучи редактором «Рус⟨ской⟩ воли», основал я при ней республиканский демократический союз, который сразу пошел шибко и бойко, но весьма тяготился связью своей с «Русской волей» ввиду ходивших о ней слухов[3].

Терпели — из-за меня. Поэтому уход мой из «Р⟨усской⟩ в⟨оли⟩» был в Союзе приветствован, как праздник. Потом же на общем собрании, большинством 112 голосов против 1, было постановлено

отделиться от «Р⟨усской⟩ в⟨оли⟩», порвать с нею все связи и начать новое самостоятельное существование под именем Дем⟨ократического⟩ Респ⟨убликанского⟩ Союза «Свободная Россия». Союз, несмотря на очень скромные средства свои, живет очень бодро и работает деятельно и на издательском и на агитационном поприще, а в скором времени, как найдем постоянное помещение, то учредим клуб. В Союзе до 500 членов, всё больше трудовая интеллигенция, а по взглядам — республиканское кадетство с уклоном в эс-эрство, коего, как Вам известно, я старый и верный сочувственник. Стремление к работе и просвещению в этой полутысяче людей поистине трогательное. Как выборная ячейка к будущему Учредительному Собранию, такая организация тоже заслуживает серьезного внимания. Но ей нужны люди с именем, люди, способные быть, так сказать, факелами в ночи, просвещать и влечь, манить и руководствовать. В Совете сейчас три литератора: я, Вас. Ив. Немирович-Данченко, Д. Я. Айзман. За выходом из Союза сотрудников «Р⟨усской⟩ воли», нам надо добрать 4 членов (общее число — 15). Мне очень хотелось бы привлечь Вас к этому делу. Пожалуйста, побывайте у нас на общем собрании 4-го мая, в четверг, Владимирский 21, прямо против церкви. Будет интересный доклад по земельному вопросу народовольца Б. И. Еллинского, а затем прения. Посмотрите, — может быть, понравится; а если понравится, то, может быть, и войдете в союз, а если войдете в союз, то, может быть, и не прочь будете потом войти и в совет и поработать в комиссиях, и вообще, поруководствовать.

Я был бы, повторяю, очень рад и благодарен Вам. Черновой набросок программы Союза прилагаю.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 25—25 об. На бланке журнала «Красное знамя».

[1] Журнал «Красное знамя» Амфитеатров издавал в Париже с апреля 1906 г. по июль 1907 г. (см.. *Гарэтто Э.* Первая русская революция: Взгляд из Парижа: К биографии

А. В. Амфитеатрова (1904—1907) // Минувшее: историч. альманах. Вып. 22. СПб., 1997 С. 353—357). После возвращения в Россию Амфитеатров в марте 1917 г. заключил с издателем И. Ф. Вейсбергом договор о выпуске двухнедельного литературного, политического и исторического журнала «Красное знамя» под собственной редакцией. Вышло всего два номера журнала (см.. *ЛН—95.* С. 60). Появление первого номера Измайлов отметил публикацией, проникнутой пафосом обретения гражданских свобод, где фиксировал внимание на принципиальной разнице двух исторических эпох, когда осуществлялся амфитеатровский проект: «Это было в 1906 году. Приехал из-за границы ваш приятель, передавал впечатления, показывал покупки и, оглянувшись, нет ли в комнате лишнего, говорил: — Привез я и „Красное знамя" Если хотите, сегодня читаем его вечером вслух у NN. Заходите.

И маленькую книжечку на тоненьких, почти папиросных листах, таскали по журналам, слушали на вечерах в непроглядном дыму студенческих папирос, смаковали, обсуждали, а тот, кто был ее собственником, на несколько дней становился интересным человеком. Во время обысков глаза жандарма загорались удовольствием, попадая на красное пятно знамени, изображенного на обложке ‹...›.

Каким давним кажется это время теперь, когда вчера вышедшая новая книжечка „Красного знамени" лежит перед нами с точным указанием адреса редакции на Песочной улице, набранная рукой не парижского эмигранта, а раскрепощенного русского наборщика, получившего восьмичасовой рабочий день и отдыхающего в воскресенье! И немножко жаль, что обложка не является копией той прежней, знакомой и любимой, которая напоминала бы нам времена, когда мы были на десяток лет моложе... (*А. И.* [Измайлов А. А.]. «Красное знамя»: (Новый журнал А. В. Амфитеатрова) // Петроградский листок. 1917 14 мая. (№ 117). С. 3).

[2] *Арефин С.* Митра: (Сцены из жизни захолустья) // Красное знамя. 1917. № 1. С. 1—51. Обозревая первый номер «Красного знамени» Измайлов писал: «Значительная часть книжки отдана драматическим сценам С. Арефина „Митра", в которых ново то, что впервые за весь период существования сценической литературы здесь сделана попытка вывести на подмостки духовенство. Черносотенный соборный протопоп, которому затевают учинить свинство, но который сам успевает сделать своим противникам гораздо больше, — на этот раз не прячется ни под видом „пустынника", ни под видом „отшельника", ни под „фирмою", а так-таки и ходит на сцене в рясе, а дьякона басят, воспевают и возглашают благоденственное и мирное житие...» (*А. И.* [Измайлов А. А.]. «Красное знамя»: (Новый журнал А. В. Амфитеатрова) // Петроградский листок. 1917. 14 мая. (№ 117). С. 3).

[3] Газета «Русская воля» выходила в Петрограде с 15 (28) декабря 1916 г. по 25 октября (7 ноября) 1917 г. на средства финансово-промышленных кругов и возглавлялась депутатом III и IV Государственных дум, министром внутренних дел А. Д. Протопоповым, крайне непопулярным в обществе, чему во многом способствовали слухи о его связи с Департаментом полиции и политическим сыском, что впоследствии подтвердилось (см.. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П. Е. Щеголева. М.-Л., 1927. Т. VII; «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1—2. М., 2004). Сотрудничество Амфитеатрова с газетой в качестве редактора прекратилось после публикации 22 января 1917 г. криптограммы

(«Этюды. VI»), в которой первые буквы каждого слова прочитывались как резкий выпад против цензуры (см.. *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 464—465).

27
Амфитеатров — Измайлову
29 ноября 1917 г., Петроград

1917. XI. 29

Дорогой Александр Алексеевич, сегодня не мог к Вам дозвониться, а между тем есть спешная надобность. 1) Ввиду невыхода «П⟨етроградского⟩ л⟨истка⟩»[1] нужен ли святочный рассказ, о котором мы уславливались, или я могу им располагать? 2) Все-таки я и вчера не получил денег. Пожалуйста, постарайтесь, чтобы мне хоть сегодня-то прислали их, а еще лучше, чтобы выдали их предъявителю сего, ибо мне уж очень нужны суммы. Если весь причитающийся гонорар не подсчитан, то пусть (приплатят?) хоть тысячу рублей в счет. Ужасно жаль, что с «П⟨етроградским⟩ л⟨истком⟩» первый блин комом. Пожалуйста, дайте мальчику несколько номеров газеты с «Глушь-матушкой»[2].

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 33—33 об. На визитной карточке.

[1] 18 ноября 1917 г. состоялось массовое закрытие буржуазных газет согласно резолюции ВЦИК по вопросу о печати от 17 (4) ноября. 19 ноября вышел последний номер «Петроградского листка». Газета сменила свое название на «Петроградский вестник» (вышло всего два номера). С 30 ноября газета стала выходить под названием «Петроградский голос», издавалась до середины августа 1918 г.

[2] *Амфитеатров А. В.* Глушь-матушка // Петроградский вестник. 21 нояб. (№ 1). С. 2; 22 нояб. (№ 2). С. 2.

28
Амфитеатров — Измайлову
Начало декабря 1917 г., Петроград

Александр Валентинович Амфитеатров поздравляет «Петр⟨оградский⟩ голос» с воскресением[1] и извещает, что его телефон теперь работает.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 50. На визитной карточке. Датируется по содержанию — началу выхода газеты «Петроградский голос».

[1] См. примеч. 1 к п. 27

29
Амфитеатров — Измайлову
17 декабря 1917 г. Петроград

1917. XII. 17
Петроград

Дорогой Александр Алексеевич,

Хотел послать Вам в субботу фельетон, но налезли разные неприятные люди с неприятными разговорами, выбили из настроения и сел я писать поздно, ⟨так⟩ что послать уже не пришлось. Сегодня пересмотрел, поправил, — посылаю. Думаю, что на эту тему надо было бы поговорить «Петр⟨оградскому⟩ гол⟨осу⟩» не один раз и многими перьями[1].

Очень прошу Вас, чтобы контора прислала мне гонорар за помещенные статьи. Как поживаете?

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 26.

[1] Скорее всего, речь идет о публицистическом выступлении в поддержку П. М. Рутенберга, эсера, при Временном правительстве — помощника петроградского гене-

рал-губернатора по гражданской части, арестованного большевиками и заключенного в Петропавловскую крепость (*Амфитеатров А.* Снимите узы!: (Письмо в редакцию) // Петроградский голос. 1917 5 (18) дек. (№ 5). С. 2).

30
Амфитеатров — Измайлову
19 декабря 1917 г., Петроград

Петроград, 19/XII. 1917

Дорогой Александр Алексеевич.

У меня испорчен телефон. Ко мне еще кое-как дозваниваются человеки, а от меня не действует совсем. Посылаю Вам статейку о Луначарском[1].

Пожалуйста, дайте распоряжение по конторе насчет присыла гонорара. Страдаю отсутствием капиталов.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 28. На редакционном бланке газеты «Вольность». Логотип зачеркнут.

[1] О каком очерке Амфитеатрова идет речь, установить не удалось: в «Петроградском голосе» он опубликован не был. Впоследствии им был написан мемуарный очерк «„Блажен муж Анатолий"» (см.. *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 195—201).

31
Амфитеатров — Измайлову
20 декабря 1917 г.. Петроград

1917. XII. 20

Дорогой Александр Алексеевич.

Предъявитель сего, сын мой Данило, уполномочен получить с «Пет⟨роградского⟩ гол⟨оса⟩» мой гонорар. В случае, если бы таковой еще не был подсчитан, будьте добры распорядиться, чтобы

касса выдала Даниле в счет гонорара тысячу рублей. Да! А как же быть с рождественским №?[1]

Желаю Вам всего хорошего

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 29—29 об. На визитной карточке.

[1] Несмотря на отмену новой властью рождественских праздников и запрет на выпуск праздничных номеров, Измайлов все же решился выпустить традиционный для дореволюционной прессы праздничный рождественский номер, который открывался редакционной статьей «Под рождественский звон» (Петроградский голос. 1917 24 дек. (№ 22)). «Подвал» первой страницы занимал фельетон Амфитеатрова «Праздничное». В номере были помещены рассказы Куприна, Вас. Немировича-Данченко, фельетон А. Аверченко, статьи А. Кугеля и А. Зарина.

32
Амфитеатров — Измайлову
21 декабря 1917 г., Петроград

Петроград. 1917. XII. 21

Дорогой Александр Алексеевич.

Письмо Ваше получил, а вчера сын мой Данило получил и гонорар. Спасибо.

Фельетон на воскресенье напишу и постараюсь прислать пораньше.

Что у Вас залежался Луначарский? Впрочем, по его поступкам он такой свинья, что мне даже жаль, зачем я отнесся к нему сравнительно легко[1].

Посылаю Вам все-таки рассказ, который думал дать Вам на Рождество, для ознакомления. Если бы надумались его печатать, то дайте знать, и тогда я на воскресенье писать не буду, а если не хотите, то простите мне его образно senza complimenti*.

* senza complimenti (*ит.*) — попросту, без лишних слов.

О Луначарском же уведомите, если можно, немедленно, потому что есть другие интересные темы и спешные, да я боюсь загромождать редакцию новыми присылами, пока не прошел старый.

Я все без телефона маюсь и это просто ужасно. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров.

Фамилия «Грушницкого» — Арбенин[2].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 30—31 об.

[1] См. примеч. 1 к п. 30. Возможно, Амфитеатров имеет в виду позицию А. В. Луначарского, проводившего как нарком просвещения политику большевиков в области культуры, в конфликте с артистами петроградских государственных театров, отстаивавшими право на творческую независимость и обвиненными им в «полусаботаже»; в итоге комиссар государственных театров Ф. Д. Батюшков был уволен с должности.

[2] Неясно, о ком идет речь.

33
Амфитеатров — Измайлову
28 декабря 1917 г., Петроград

XII. 28. 1917. Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

С праздниками-с! Уж и праздники![1] Ну, да, никто как Бог...

Хотел с Вами непременно повидаться, но холодища арестовали мою итальянскую особу на неопределенный срок, ибо я от них, в буквальности, плачу и задыхаюсь и теряю последнюю нежность к отечеству.

Посылаю Вам переделанную статейку о Луначарском, которую я отчасти сократил, а отчасти дополнил новыми его подвигами. По спешному характеру, не давайте ей лежать.

А у Вас, оказывается, в «Веч⟨ернем⟩ часе»[2] перемены. Узнал от сына, который побывал у меня на Рождество.

Ваше письмо принял к сведению и буду присылать более краткие писания[3]. Думаю, не возобновить ли мне свою бывалую «Записную книжку»?[4]

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Ам⟨фитеатров⟩

Четверостишие на славяно-русско-еврейский жаргон:

Абиэ, бабие
Ой, вей мир!
Велие похабие
Троцкий мир![5]

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 32.

[1] Встреча рождественских и новогодних праздников 1917 г., официально отмененных новой властью, проходила в атмосфере, которую достаточно точно иллюстрирует письмо А. С. Лазарева-Грузинского к Измайлову от 15 декабря 1917 г.: «Хотя, как я слышал (сам я газет не читаю), одним из декретов Рождество и Н⟨овый⟩ год отменены, позвольте держаться старины и поздравить Вас с милым праздником Рождества и грядущим Н⟨овым⟩ годом. Что пожелать в Н⟨овом⟩ году? Когда-то желали мы друг другу нового счастья. Но это было во времена деспотии, монархии, Победоносцевых и Плеве и т. д. и т. д. Теперь в блаженные времена республики — каких свобод пожелаем друг другу... Чего? Разве: — Только не нового позора! ⟨...⟩ Почему я не читаю газет? Потому что с 8 по 20/XII бурж⟨уазные⟩ газеты в Москве решили не выходить, а „социал-демократические" мне читать не хочется...» (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 174. Л. 58).

[2] «Вечерний час» — газета, выходившая в Петрограде с 27 нояб. по 27 дек. 1917 г. См.. [Б. п.]. Разгром «Нового вечернего часа» // Новый вечерний час. 1918. 11 янв.

[3] По-видимому, в несохранившемся письме к Амфитеатрову Измайлов просил о присылке в газету более коротких фельетонов. С подобной просьбой редактор обратился к целому ряду авторов, например, в письме к Ф. Сологубу от 29 декабря 1917 г.: «Дорогой Федор Кузьмич, если бы я мог не огорчить Вас, то я очень просил бы — как мы и уговаривались — придерживаться маленького фельетона (от 100 до 200). Последний присланный — почти ровно 300. Наша газета по многим условиям, о которых долго писать, необходимо должна держаться малой формы. И Амфитеатров для нас вдвое сокращает размер своего фельетона. В новогоднем номере идет много авторов, и необходимо маленькое» (Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым. С. 81).

[4] Рубрику под названием «Записная книжка» Амфитеатров вел в 1909 г. в газ. «Одесские новости», где помещал публицистические и литературно-критические статьи. В период с января по август 1918 г. в «Петроградском голосе» вышло несколько

статей Амфитеатрова с заглавием «Записная книжка» (см.. Петроградский голос. 19 апр. (№ 63). С. 1; 16 июня. (№ 107). С. 2; 7 июля. (№ 124). С. 2; 10 июля. (№ 126). С. 2). Аналогичную рубрику Амфитеатров вел в это время и в других изданиях, см., например: *Амфитеатров А.* Записная книжка // Рампа и жизнь. 1918. № 26—30. С. 13 [об артистке С. П. Волгиной].

[5] Сатирическая аллюзия на трехэтапные переговоры в Брест-Литовске, ставке германской армии, по заключению сепаратного мира: на втором этапе советскую делегацию возглавлял Л. Д. Троцкий, на тот момент — нарком иностранных дел. Брестский мирный договор был подписан 3 марта 1918 г.

34
Амфитеатров — Измайлову
1 января 1918 г., Петроград

1918. I. 1

Дорогой Александр Алексеевич.

С Новым годом, migliori auguri!*

Посылаю Вам статейку по сезону[1]. Какой проклятый климат!

Рассчитывал побывать на вашем сборище, по приглашению Ф. Н. Зейлигера[2], но... 24°!!!

А Луначарский-то у Вас застрял![3]

Почему-то я не получил воскресного № «П⟨етроградского⟩ г⟨олоса⟩». Пришлите, пожалуйста. Равным образом, буду Вам очень благодарен, если распорядитесь в конторе, чтобы послали мне сегодня или завтра тысячу рублей: полагаю, что моего гонорара наберется близь этой суммы.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 35.

[1] См.. *Амфитеатров А.* Крещенский вечерок // Петроградский голос. 1918. 6 янв. (№ 4). С. 1—2.

[2] Ф. Н. Зейлигер, издатель газ. «Петроградский голос».

[3] См. примеч. 1 к п. 30.

* migliori auguri (*ит.*) — наилучшие пожелания.

35
Амфитеатров — Измайлову
13 января 1918 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич.

Прилагаемая статья, спешная по теме. Хорошо было бы пустить ее завтра[1]. Имейте в виду, что на воскресение я дам фельетон — завтра вечером или утром в субботу.

Филипп Николаевич[2] говорил мне о брошюре на 28 февраля. Жду подробностей и материалов.

Отчего Вы не привлечете к газете Ашешова[3], который сидит сейчас без газеты и без дела? Все-таки ведь это лучший из зубастых передовиков, хороший лево-правый? Если бы Вы и Ф. Н. дали мне полномочия на привлечение его, я это устроил бы с особенной охотой.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 45. Б. д., датируется по содержанию.

[1] Мемуарный очерк Амфитеатрова «А. И. Шингарев в Риме» (Петроградский голос. 1918. 14 янв. (№ 8). С. 2) — отклик на произошедшую 7 января 1918 г. расправу революционных матросов над депутатами Учредительного собрания от партии кадетов А. И. Шингаревым и Ф. Ф. Кокошкиным.

[2] Ф. Н. Зейлигер.

[3] С Н. П. Ашешовым, публицистом, литературным критиком, беллетристом, Амфитеатров был знаком многие годы. Впоследствии он упоминал о нем в следующем контексте: «В 1918 году гг. Адрианов, Ашешов, Муйжель, Тан и другие вновь приобретенные чемпионы советской публицистики плюнули бы в глаза тому, кто осмелился бы предсказать им, что в 1921 году они сделаются придворными певцами славы Ленина, Троцкого и Зиновьева и яростными патриотами РСФСР» (*Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 212).

36
Амфитеатров — Измайлову

20 апреля 1918 г., Петроград

Дорогой Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ексеевич⟩!

По возможности, поставьте завтра в субботу, как отклик на нынешнего Горького[1].

Если Лунач⟨арский⟩ не пошел, пришлите мне его с подателем. А как решили о «Поэтессах и ведьмах»?[2] Мне надо знать — на предмет писать ли фельетон?

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 43. Б. д., датируется по содержанию.

[1] См.. *Амфитеатров А.* «Мещане» в 1918 г. // Петроградский голос. 1918. 21 апр. (№ 65). С. 1.

[2] Рассказ был опубликован в журнале «Огонек» (1918. № 3. С. 1—11).

37
Амфитеатров — Измайлову

Конец апреля — середина мая 1918 г., Петроград

Дорогой Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ексеевич⟩.

Насчет Луначарского не спрашиваю. Понимаю.

А почему не поставили «Визит» в центр?[1]

Посылаю, на всякий случай, фельетон на завтра.

Всего хорошего.

Ваш Амфитеатров

Ужасно бестелефонье Ваше.

Запоздал с фельетоном, потому что тщетно пытался дозвониться.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 47 Б. д., датируется предположительно.

[1] О каком фельетоне идет речь, выяснить не удалось.

38
Амфитеатров — Измайлову
27 мая 1918 г., Петроград

Петроград 27. V. 1918

Дорогой Александр Алексеевич.

Пожалуйста, поставьте прилагаемую заметку о «ДМО», если возможно, завтра в «Петр⟨оградском⟩ голосе»[1]. Очень обяжете.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 36.

[1] Детское музыкальное общество, организовано в 1918 г., первоначально его концерты проходили на квартире Амфитеатровых. Автором заметки, опубликованной без подписи, мог быть либо сам Амфитеатров, либо кто-то из членов его семьи. В ней, в частности, сообщалось: «Во втором концерте „Дмо" ⟨...⟩ 26 мая, была повторена программа первого, с дополнением декламационных выступлений Володи Малышева и Ирины Гес де Кальве, отлично читающих стихи Блока. Кроме того, юное общество показало нового скрипача, Мишу Шапиро, с тоном, сильным не по летам ⟨...⟩ Из прежних исполнителей публике по-прежнему же нравились пение Ляли Дрызго, скрипка Романа и виолончель Максима Амфитеатровых и хоровые, с инсценировкою песенки Поталовского. Юный концертмейстер „Дмо", Данило Амфитеатров, аккомпанировал своим товарищам на прекрасном Бехштейне, с большим мастерством и вкусом. Третий концерт общества, по совершенно новой программе, назначен на четверг, 6 июня. В „Дмо" записывается очень много детей, в помещении общества (Песочная, 4, кв. 9) постоянная детская толчея. Оба концерта детского музыкального общества увенчались полным успехом, и моральным, и материальным» ([Б. п.]. Во втором концерте «Дмо... // Петроградский голос. 1918. 28 мая. (№ 91). С. 4).

39
Амфитеатров — Измайлову
25 июня 1918 г., Петроград

Петроград. 1918. VI. 25

Дорогой Александр Алексеевич.

Пожалуйста, поместите завтра прилагаемую заметку и вообще на этой неделе поддержите ДМО[1]. Переехало оно в собственное помещение и нуждается в средствах, концерты надо давать и давать, а газетных объявлений нет, афиши непосильно дороги, так что без газетного внимания невозможно оповестить публику. Очень обяжете.

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 37

[1] Ср.. «Детский праздник, организованный местным „центрокультом", собрал несколько сот детей и много взрослых ⟨...⟩ Публика с большим вниманием прослушала концерт детского музыкального общества: повторена была программа концерта, данного в Аничковом дворце, с тою единственною переменою, что „Дмо" показало новую свою солистку-пианистку, Любу Файнберг (13 л.). Девочка обладает сильно развитою техникой и отлично сыграла две трудные пьесы Мендельсона. Все дети-исполнители имели шумный успех, даже с цветочными подношениями (скрипачу Шапиро и М. Амфитеатрову). Это, пожалуй, уже и лишнее. Концерты „Дмо" тем и симпатичны, что чужды обстановки и нравов „вундеркиндства", и тот характер желательно и необходимо за ним сохранить. 6-й концерт „Дмо" 30 июня в 3 ч., в зале института Ольденбургской» ([Б. п.]. ДМО в Павловске // Петроградский голос. 1918. 26 июня. (№ 114). С. 4). В том же номере было опубликовано сообщение об аресте Амфитеатрова, произошедшем накануне: «К известному писателю А. В. Амфитеатрову (жив⟨ет⟩ в д. № 4, по Песочной ул.), в ночь на вчера явились три красноармейца с ордером от районного совдепа на право производства обыска и ареста. Обыск продолжался от 2 ½ до 4 ½ ч. утра... Была произведена выемка разных бумаг и переписки писателя. Производившие обыск держали себя вполне корректно. Обеспокоенным домашним А. В. Амфитеатрова красноармейцы заявили, что писатель будет отвезен в комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (Гороховая, 2), куда и следует доставить для арестованного пищу. На случай, если бы его там не оказалось, пищу направить в „Кресты" По окончании обыска А. В. был увезен на автомобиле» ([Б. п.]. Арест А. В. Амфитеатрова // Петроградский голос. 1918. 26 июня. (№ 114). С. 4). См. также: *Покр⟨овский⟩А.* А. В. Амфитеатров и Гороховая № 2 // Петроградский голос. 28 июня.

(№ 116). С. 2. Поводом к аресту послужила публикация статьи «Жертва политической истерии» (Новые ведомости. Веч. вып. 1918. 21 июня), где излагалась версия совершенного накануне убийства комиссара по делам печати, пропаганды и агитации Союза коммун Северной области М. М. Володарского.

40
Амфитеатров — Измайлову
3 июля 1918 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

Был бы очень Вам благодарен, если бы Вы дали место в «Петербургском листке» вышеписанной заметке завтра[1] и, может быть, одной строчкою напомнили бы о том же послезавтра. Оповещение об анкете получил третьего дня[2].

Сегодня напишу и пошлю.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 49. Б. д., датируется по содержанию.

[1] Речь идет о заметке, в которой сообщалось об аресте и освобождении А. Куприна: *Амфитеатров А.* Узы А. И. Куприна // Петроградский голос. 1918. 4 июля. (№ 121). С. 2. Несколько заметок (без подписи) о данном событии появилось в выпуске за 5 июля.

[2] Возможно, речь идет о традиционной анкете, посвященной летнему отдыху писателей. Типовые письма с просьбой принять участие в подобной анкете редакции газет рассылали авторам в июне-июле каждого года. См., например: Наст. изд. С. 380. Ответы опубликованы не были из-за закрытия издания 3 августа 1918 г.

41
Амфитеатров — Измайлову
12 июля 1918 г., Петроград

1918. VII. 12

Дорогой Александр Алексеевич.

Посылаю Вам маленькую статью, извлеченную из последней моей лекции «Мифология голода»[1], имеющую, однако, не мифологическое, а самое реальное значение для современности.

Прилагаемые две заметки, пожалуйста, пустите завтра[2].

Всего Вам хорошего.

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 38.

[1] В выпуске за 13 июля, как и в следующих, упомянутая статья опубликована не была.

[2] Второй материал, присланный в редакцию, опубл.. *Амфитеатров А.* Молебен осин // Петроградский голос. 1918. 14 июля. (№ 130). С. 2.

42
Амфитеатров — Измайлову
15 июля 1918 г., Петроград

1918. VII. 15

Дорогой Ал⟨ександр⟩ Алек⟨сеевич⟩.

Посылаю Вам набросок о Чехове. Прилагаемую заметку будьте добры поместить завтра[1].

Пожалуйста, употребите все возможные и невозможные усилия, чтобы завтра выдали гонорар. В доме буквально полное обнищание. Завтра до получения из «⟨Петроградского⟩ голоса» и на базар уже не с чем послать. Никогда не думал я быть доведенным до такой радости! Хуже, чем в Тифлисе, 30 лет тому назад[2], да тогда мне было 25 лет и не был я обязан питать 14 человек.

Ну-ну! Вывернусь, — поп ⟨?⟩ будет!

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 39.

[1] См.. *Амфитеатров А.* Мысли о Чехове // Петроградский голос. 1918. 17 июля. (№ 131). С. 2.

[2] В Тифлисе в 1888 г. Амфитеатров начал свою карьеру журналиста и беллетриста сотрудничеством в «Новом обозрении» (ред. Н. Я. Николадзе), где выступал под псевдонимом Сюрприз.

43
Амфитеатров — Измайлову

После 17 июля 1918 г., Петроград

Дорогой Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ексеевич⟩.

Вот — написал и посылаю.

Очень мне досадно, что «На престоле»[1] не пойдет в субботу: у меня тут некоторый расчет политический. Если возможно, то нельзя пустить его хотя бы в вечернем издании?

Всего хорошего.

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 41. Б.д., датируется по содержанию.

[1] Очевидно, имеется в виду фельетон о Николае II. После известия о расстреле царя и царской семьи, произошедшем в ночь с 16 на 17 июля 1918 г., Амфитеатров решил снять свою публикацию. Об этом он просил Измайлова в следующем июльском письме, см. п. 44. В выпуске за 20 июля «Петроградский голос» перепечатал официальное сообщение из «Известий ЦИК».

44
Амфитеатров — Измайлову

После 17 июля 1918 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич.

Сейчас Гессен из «Нов⟨ых⟩ вед⟨омостей⟩»[1] звонил мне, что, по наведенным в Смольном справкам, убиение Николая обсуждать с добросовестностью нельзя без большого риска для газеты, так что моей статьи пустить в «Н⟨овых⟩ вед⟨омостях⟩» не смеют. Само собою, что то же самое было бы и у Вас в «П⟨етроградском⟩ г⟨олосе⟩», которого отношения еще более плачевны, кажется. Вы сами понимаете, что безразличная формальная статья о Николае, подписанная моим именем, произвела бы странное и неприятное впечатление. Восемнадцать лет войну вел с человеком, а по смерти его не сумел сказать ничего кроме общих фраз! Так что уж лучше будет промолчать. А на воскресенье фельетон напишу и пришлю. У меня сегодня куча денежных неприятностей и вдобавок телефон шалит, — вероятно, по предвидению, что на этой неделе его снимут. Как немножко от всего этого очухаюсь, сяду писать и к вечеру кончу. Прилагаю заметку, пожалуйста, пустите[2].

Ваш Ам⟨фитеатров⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 48—48 об. Б. д., датируется по содержанию.

[1] А. И. Гессен, журналист и литератор, специальный корреспондент «Русского слова» и «Биржевых ведомостей» в Государственной думе.

[2] Неизвестно, о какой заметке идет речь.

45
Амфитеатров — Измайлову

Конец июля — начало августа 1918 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич.

Посылаю две заметки — обе смешные, а потому коротенькие. О Зилотти ⟨так! ⟩ очень просят напечатать молодые композиторы:

Щербачев и др. Я подписал ее инициалами, чтобы не было двух одинаковых подписей. Если бы они вышли обе в завтрашнем №, чего я очень желал бы[1]. Но если находите нужным, то оставьте полную подпись. Завтра часа в три с половиной или немного раньше я думаю заехать в редакцию. Вы будете?

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 46. Б. д., датируется предположительно.

[1] Публикации не выявлены. А. И. Зилоти, известный пианист, дирижер и педагог; созданная им антрепризная концертная организация «Концерты А. Зилоти» (1902—1919) ставила своей целью знакомство публики с русской музыкой и была весьма популярна. Будучи директором Мариинского театра, выступил на стороне труппы в конфликте с А. В. Луначарским (см. примеч. 1 к п. 32) и был по его распоряжению арестован в ночь на 13 января 1918 г. и отправлен в «Кресты». В конце 1919 г. эмигрировал.

46
Амфитеатров — Измайлову

Конец июля — начало августа 1918 г., Петроград

Дорогой Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ексеевич⟩.

Пожалуйста, поставьте завтра две прилагаемые заметки.

Писать ничего не пишу, ибо мечусь в поисках денег, но — весьма безуспешно.

Нет ли охотника взять квартиру и приобретения ⟨?⟩ обстановки?[1]

Всего хорошего.

Ваш А. А⟨мфитеатров⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 44. Б. д., датируется предположительно.

[1] Летом 1918 г. Амфитеатров начал хлопоты о выезде за границу. См. письмо к Горькому от 28 февраля 1919 г., приведенное в предисловии к данному разд. (примеч. 31).

47
Амфитеатров — Измайлову
15 августа 1918 г. Петроград

1918. VIII. 15

Дорогой Александр Алексеевич.

Посылаю Вам три черновика из серии русского былинного эпоса

«Земля Святорусская»

«Закат Богатырский»

И первую половину «Господина Великого Новгорода»[1]. Второй у меня не нашлось.

А также старую мою статью (1913 г.), излагающую мой взгляд на кинематограф, еще в то время, когда он был в великом презрении.

Печатайте и совершите, что найдете нужным[2].

Carte blanche*.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Амфитеатров

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 40.

[1] По-видимому, речь идет о первоначальных вариантах пьесы «Василий Буслаев» — переработке русского былинного эпоса, которая будет обсуждаться в ноябре 1919 г. на секции «Исторических картин» издательства «Всемирная литература» (см.. *ЛН—95*. С. 346). Опубл.. *Амфитеатров А.* Василий Буслаев: Представление в 4 действиях. Берлин; Ревель, 1922).

[2] Несмотря на то, что газета «Петроградский голос» на 147-м номере (3 августа) прекратила свое существование, Измайлов еще надеялся на возобновление издания с помощью третьих лиц, которые смогли бы финансировать дальнейшую деятельность газеты. Об этом он сообщал П. П. Гнедичу 21 августа 1918 г.: «Превратности судьбы нашей газеты — в самом процессе. Если в дело входит компаньон, — всё войдет в норму на этих днях и последует окончательная с вами расплата. Если судьба не состоится, — будет совершена ликвидация дела, и мною специально заявлено издательству о необходимости полного погашения долга Вам. Во всяком случае, я вас уведомил о наших делах» (РО ИРЛИ. Ф. 73. Ед. хр. 260. Л. 13—13 об.). Материалы некоторое время еще продолжали поступать в редакцию.

* carte blanche (*фр.*) — букв.. чистый лист; неограниченные полномочия, предоставляемые доверенному лицу.

ПЕРЕПИСКА А. А. ИЗМАЙЛОВА и А. М. РЕМИЗОВА (1911–1918)

Переписка Измайлова с представителем русского литературного модернизма прозаиком Алексеем Михайловичем Ремизовым (1877–1957) завязалась в 1911 г. Когда состоялось знакомство двух современников, доподлинно неизвестно, но в архиве критика в коллекции с инскриптами писателей сохранился, предположительно, шмуцтитул с дарственной надписью: «Александру Алексеевичу *Измайлову* А. Ремизов. 30 ноября 1909»[1]. Это первое, известное нам, зафиксированное пересечение двух современников.

В критических обзорах литератора имя Ремизова стало появляться с 1907 г.[2] Первые отклики Измайлова о нем написаны в насмешливо-пародийной тональности. Стихотворная пародия на постановку в декабре 1907 г. в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской «Бесовского действа» — один из первых сатирических

---

[1] РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 4. Ед. хр. 4. Л. 71.

[2] См.. *Измайлов А.*. 1) Литературные гробокопатели // Слово. 1907 16 нояб. С. 2 (подп.. *Неблагосклонный читатель.*); 2) Театр г-жи Комиссаржевской. «Бесовское действо над некиим мужем, а также прение Живота со Смертью» А. Ремизова // *БВ.* 1907 5 дек. (№ 10237). С. 4—5 (подп.. Смоленский); 3) «Бесовское действо над некиим мужем, а также прение Живота со Смертью» в театре Комиссаржевской // *PC.* 1907 7 дек. (№ 281). С. 4; 4) Поток богатырь на «Бесовском действе» // *БВ.* Утр. вып. 1907 9 дек. (№ 10244). С. 3; 5) Литературная пестрядь: (Заметки и впечатления) // Образование. 1908. № 8. Отд. 3. С. 7—17

откликов на творчество Ремизова[3] — была крайне негативно воспринята писателем[4]. Впрочем, сам текст стихов Измайлова действительно содержит в себе стилистически рискованные пассажи на грани общественного приличия:

«Ну, — смекает Поток, — хоть и много здесь рож,
Много разных хвостов, пестрых шорсток, —
Не скажу, чтобы жанр этот очень хорош,
И прогресса не вижу с наперсток.
Хоть искусство модерн
я не смею судить,
Но за этим не стоило долго ходить.
В наш бы век (не служили мы моде!)
Мы сказали про это — „дерьмо-де“».
⟨...⟩
Засвистели мужчины в ключи от столов,
Тонким голосом взвыли девицы.
В креслах, в ложах, в галерке, у райских столбов
Исступленные тянутся лица...
Тут лишь понял Поток весь искусства секрет:
Очевидно, и зритель, и критики цвет,
И наука — центральным признали
Представленье не сцены, а в зале[5].

[3] См.. *Измайлов А.* Поток богатырь на «Бесовском действе» // *БВ.* Утр. вып. 1907 9 дек. (№ 10244). С. 3. Пародия была включена автором в сборник: *Измайлов А. А.* Кривое зеркало: Пародии и шаржи. СПб., 1910. С. 164—168.

[4] Отношение пародируемых авторов к таким язвительным откликам было разное. Например, А. А. Блок, по воспоминаниям К. Чуковского, «сам как бы присоединялся к смеющимся», а пародии Измайлова его смешили (*Чуковский К. И.* Собр. соч. Т. 5. С. 186). Также без обид воспринимали эти шуточные шаржи В. Я. Брюсов, М. Горький, В. В. Розанов и др. современники. В то же время Л. Андреев крайне болезненно встретил появление пародии на рассказ «Сын человеческий» (*Измайлов А. А.* Сын человеческий, или Роковой граммофон: (Из книги пародий) // *РС.* 1909. 10 мая. (№ 105). С. 3). Столь же острой оказалась реакция Ремизова: даже спустя почти полстолетия писатель не мог простить своего Зоила, о чем свидетельствует запись в Рабочей тетради 1956 г.: «Мои слова со злой руки А. А. Измайлова стали предметом шуточных пародий» (*Ремизов А. М.* Рабочие тетради // Грачева А. М. Жанр романа и творчество А. Ремизова (1910—1950-е годы). СПб., 2010. С. 333).

[5] *Измайлов А. А.* Кривое зеркало. С. 200—201.

В том же насмешливом ключе в конце мая 1909 г. была опубликована показательная заметка критика «Не любо не слушай, а врать не мешай»[6], подписанная псевдонимом Аякс. Приведем характерные для восприятия критика выдержки и из нее: «Несомненный любитель и ценитель русской старины, Ремизов весь ушел в архаические словечки, покрытые плесенью веков и требующие подстрочных примечаний. Читаешь Ремизова и — порой ничего не понимаешь. Авторская мысль скачет, как блоха. Несообразностями Ремизов кокетничает без всякой совести ⟨...⟩ Сны Ремизова только лики. Смысла в них не отыскать с фонарем. Ни символа, ни даже аллегории! Если иногда он дурно ловит дикую психологию сна, то это еще не оправдание общего недоуменного чувства, вызываемого коллекцией его рассказов, „пересыпанных глупостями", по собственному авторскому выражению»[7]. Далее, пародируя стиль Ремизова, Измайлов добавляет: «Нашли какого-то балагура и послали к Ремизову-крысе в чулан. — Съел ли он меня или только полакомился фруктами я, — заключает Ремизов, — сколько ни старался, не могу восстановить в моей куриной памяти. Очевидно, не съел, к счастью русской литературы, об упадке которой, очевидно, не приходится говорить, пока жив Ремизов. И в наказание тем, „у кого чешется язык и кто говорит глупости", можно рекомендовать съесть не самого Ремизова, а проглотить хотя бы полдюжины его снов. Средство не хуже „Телемахиды", когда-то применявшейся в качестве карательной меры»[8].

Эта небольшая статья очевидной недружелюбной и ироничной направленности, изобилующая критическими оценками и субъективированными высказываниями, появилась в печати приблизительно за две недели до события, которое на многие годы связало имена двух современников. 16 июня 1909 г. в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» было напечатано письмо в редакцию «Писатель или списыватель?» за подписью «Мих. Миров», в котором

[6] *Аякс* [Измайлов А. А.]. В литературном мире: Не любо не слушай, а врать не мешай // *БВ*. Веч. вып. 1909. 29 мая. (№ 11130). С. 3.

[7] Там же.

[8] Там же.

Ремизов обвинялся в плагиате[9]. Опубликованные Ремизовым сказки «Мышонок» и «Небо пало» заимствованы, по мнению автора заметки, из сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (Записки Имп. русского геогр. общества по отделу этнографии. Т. XXXIII. СПб., 1908)[10]. Письмо было перепечатано несколькими изданиями, и в прессе по этому поводу разгорелась полемика[11].

Вскоре после появления материала о плагиате в ряде корреспонденций было названо имя его предполагаемого автора. М. М. Пришвин, в чьей записи в сборнике была опубликована сказка «Мышонок» и один из защитников Ремизова, выступил в газете «Слово» с письмом в редакцию под заглавием «Плагиатор ли А. Ремизов?»[12]. Первоначально автор предполагал поместить эту заметку в газете «Речь». 20 июня 1909 г. он сообщал Ремизову: «В „Речи“ отказали. „Мы, — говорят, — в эту полемику не хотим ввязываться, напечатайте в 'Бирже⟨вых⟩ вед⟨омостях⟩'. Писал: Измайлов“»[13]. По-видимому, именно эта версия происшедшего закрепилась в околосимволистских кругах[14]. И именно этого объяснения до конца жизни придерживался сам Ремизов. Вероятно, еще так глубоко ранившая Ремизова пародия 1907 г., негативные отзывы Измайлова о его творчестве 1908—1909 гг. вполне подготовили почву для предвзятого восприятия писателем литературного скандала летом 1909 г. Появление же памфлета в «Биржевых ведомостях» как бы заведомо делало Измайлова причаст-

[9] *Миров Мих.* Писатель или списыватель? (Письмо в редакцию) // *БВ.* Веч. вып. 1909. 16 июня. (№ 11160). С. 5—6.

[10] Об этой истории подробнее см.. *Данилова И. Ф.* Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е гг.). Helsinki, 2010. С. 103.

[11] Подробнее см. по указат. в книге: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902—2013) / авт.-сост. Е. Р. Обатнина, Е. Е. Вахненко. СПб., 2016. 834, [2] с.

[12] См.. Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Р. Обатниной // *РЛ.* 1995. № 3. С. 204—205. Здесь же в приложениях републикованы статья Пришвина и ремизовское «Письмо в редакцию» (с. 204—209).

[13] Там же. С. 168.

[14] См. письмо В. В. Гофмана к А. А. Шемшурину от 28 августа 1909 г. / преамбула, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 257

ным к его авторству, хотя статья и написана в нехарактерной для стиля критика манере[15].

Спустя год свое объяснение обстоятельств появления в газете заметки о «плагиате» Ремизова изложил и Измайлов — в письме к Ф. Сологубу от 25 марта 1910 г.: «Моя личная точка зрения на все недоразумения, связанные с кричащим термином „плагиат“, не совпадает с редакционной. По личному опыту я знаю, какие штуки здесь шутит память и как нетрудно двум авторам попасть в одно веяние мысли. Для меня нет ничего отвратительнее восторженного захлебывания толпы, когда Чуковский обвинил Бальмонта за три выражения, схожие в статье с выражениями какого-то англичанина (Бальмонта, у которого 20 книг!)[16], или Ремизова за пользование сказкой. Я уезжал на Кашинские торжества, когда приняли обвинение Ремизова, и, забрав корректуру письма, доказывал, что не стоит его давать. Добился только того, что смягчили выражения. Моя роль в газете вообще незначительна»[17].

В июне 1909 г. Измайлов действительно отправился в Кашин на торжества в связи с канонизацией святой Анны Кашинской — событие, по масштабам и значимости сопоставимое с Саровскими торжествами 1903 г. Предвкушая впечатления от поездки, Измайлов писал В. В. Розанову 7 июня 1909 г.: «Собираюсь в Кашин. Не по-

[15] Сравнение стилистической манеры письма о плагиате и авторских статей Измайлова, а также материалов, подписанных его псевдонимами (Аякс и Смоленский), выявляет их полное несовпадение. Не лишним будет отметить, что даже в анонимных публикациях, по которым удалось установить авторство Измайлова, Александр Алексеевич не смог преодолеть типичных для своего стиля приемов. См., например: *Александрова Э. К., Александров А. С.*. 1) Маска профессора: (К истории одной мистификации) // Вестник СПбГУТД. 2013. № 3. С. 57—61. (Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки); 2) Позитивисты vs. символисты (К истории восприятия одного блоковского стихотворения) // Филологические науки. 2015. № 5. С. 33—41.

[16] Речь идет о статье: *Чуковский К.* Литературная неделя: Литературные стружки // Речь. 1909. 3 авг. (№ 210). С. 3.

[17] Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым. С. 207—208. Слова критика о плагиате в этом письме были реакцией на публикацию в «Биржевых ведомостях» статьи Ник. Картера (О. Л. Оршера) «Как пишутся Рождественские рассказы», в которой, в частности, указывалось, что источником сказки Сологуба «Снегурочка» является рассказ «Девочка из снега» американского писателя Н. Готорна (См. подробнее: там же. С. 207.)

едете ли Вы? Страшно интересен *народ* в таких случаях, и я ценю такие с ним соприкосновения ⟨...⟩ И со всею этою немощною, слепою, глухою, косноязычною, юродивою, нищею, кликушескою Русью в буквальном и метафизич⟨еском⟩ смысле удастся поговорить усты ко устам»[18]. Из Кашина Измайлов пишет серию репортажей, появившихся 12–13 июня 1909 г. — «Собираются старцы: (Впечатления в Кашине)», «Русь болящая: (Впечатления в Кашине)». Психологически довольно сложно представить себе, чтобы Измайлов перед своей поездкой или сразу по возвращении из нее написал язвительную заметку на Ремизова. Очевидно, мысли критика в тот момент были заняты всё же иными темами — вылившимися в репортажи из российской глубинки.

Показательно и то, что Измайлов называет автором письма о плагиате Корнея Ивановича Чуковского — сотрудника газеты «Речь», где, как мы помним, отказались печатать письмо Пришвина в защиту Ремизова и объявили автором «Письма в редакцию» Измайлова. Насколько можно доверять таким источникам?[19] Известно, что Чуковский был в хороших отношениях с редакцией «Биржевых ведомостей»[20], а за Чуковским-критиком закрепилась репутация мастера «разгромного фельетона» и отрицательного рецензента по призванию[21], но дополнительных веских доказательств его причастности к данной истории нет. Сам Корней Иванович был

[18] Наст. изд., с. 404.

[19] Ср., напр., слова Леонида Андреева по поводу этого печатного органа: «А какие лжецы в „Речи", какие шулера!» (письмо к Измайлову от 25 марта 1916 г. // Наст. изд. С. 124).

[20] Изредка он печатал здесь свои статьи (см., например: *Чуковский К.* «К годовщине потемкинских дней: (Воспоминания очевидца)» // *БВ.* Утр. вып. 1906. 15 июня. (№ 9342). С. 5—7) и неоднократно обращался с просьбами о помещении объявлений разного характера. См., например, письмо к А. В. Руманову от начала марта 1912 г.: «У меня в „Биржевых" много друзей и близких: Вы, И. И. Ясинский, А. А. Поляков, — много просто хороших знакомых: А. А. Измайлов, К. Льдов, — и всё же я уверен, что эта моя просьба останется втуне и всуе. Просьба такая: поместить в Хронике не петитом — (знаю я этот роковой петит „Биржевых"!), что: 9-го марта, вечером, в Тенишевском зале, К. И. Чуковский повторит свою лекцию „Религия красоты и страдания" (Оскар Уайльд). Билеты от 20 к⟨опеек⟩ до 2 р⟨ублей⟩ имеются в книжных магазинах М. О. Вольфа» (*Чуковский К. И.* Собр. соч.. в 15 т. М., 2013. Т. 14. С. 286—287).

[21] См.. *Иванова Е.* Неизвестный Чуковский // Там же. Т. 6. М., 2012. С. 14—15.

дружен с Ремизовым, сразу после публикации в «Биржевых ведомостях» он с негодованием обращался к Алексею Михайловичу: «Хочу писать о Вашем апокрифе. Мне нужны точные сведения, как и что. Простите, но молю Вас: приезжайте завтра ко мне! ⟨...⟩ Хочу задать перцу невежественным сволочам» (письмо от 17 июня 1909 г.)[22]. Впрочем, эти защитительные намерения не получили своего воплощения.

Версия А. М. Ремизова и его отношение к этой истории были преданы писателем гласности уже после революции: в отдельных письмах, а также в мемуарных книгах — «Кукха» (Берлин, 1923) и в опубликованном уже после смерти писателя «Петербургском буераке» (Париж, 1981) — автором пресловутого письма он называл Измайлова[23]. Основываются его утверждения на косвенных свидетельствах третьих лиц и исходят от конкурировавшего с «Биржевыми ведомостями» печатного органа. Или Алексей Михайлович владел более вескими доказательствами причастности критика к данному инциденту? То, что в «Петербургском буераке» Ремизов довольно неточно припоминает эту историю (в частности, указывает, что письмо было подписано псевдонимом Аякс, а не Мих. Миров), говорит в пользу того, что писатель не обладал точными свидетельствами и находился под впечатлением неопределенных слухов[24].

Во всей этой истории недобрую службу могла сыграть устоявшаяся репутация Измайлова как непримиримого критика «русского

[22] Там же. Т. 14. С. 188.

[23] См.. *Ремизов.* Т. 10. С. 184—188; *Ремизов.* Т. 7 С. 92. Об этом см. также: *Данилова И. Ф.* Литературная сказка А. М. Ремизова. С. 103.

[24] Ср.. «Вечером вернулись в Петербург. На Финляндском вокзале я купил вечернюю „Биржевку" Развернул — и прямо мне в глаза жирным шрифтом заглавье: „Писатель или списыватель?" В тексте мелькает мое имя, не А., а „г." — разобрать не могу, но чувствую, дело не о бесовских хвостах, вышучивание, а что-то не в шутку. Статья — вся страница. Подпись: Аякс, псевдоним А. А. Измайлова. Разберу дома. / И подумалось „Чуковский обо мне не напишет, а тут Измайлов — Александр Алексеевич Измайлов (1873—1921)", имя куда громче Корнея Чуковского, и с ним считаются — вечерняя „Биржевка"! / В заглавии „Писатель или списыватель" мне показалось что-то не совсем. Дома разобрал. / А. А. Измайлов уличает меня в плагиате. Приводятся параллельно два текста сказки „Небо пало"· мой из „Скетинг Ринга" и оригинал из сборника Н. Е. Ончукова» (*Ремизов.* Т. 10. С. 185).

décadance'а». Действительно, найдется немало статей, в которых он в самых резких выражениях высказывается о «поэзии смутного неуловимого». В кого только не выпускал Измайлов «ядовитых жал» в своих критических фельетонах. Одни названия измайловских статей красноречиво отображают его отношение к художественным поискам писателей-модернистов: «Торжествующий Приап и соревнователи маркиза де-Сада в русской литературе» (о творчестве М. Кузмина); «Откуда пошли неоархаисты и порнографы»; «Новый хмель на старых руинах», «В райке цирка: (Литературные шпагоглотатели и престидижитаторы)» и др. К тому же со сторонней точки зрения, заведование литературным отделом «Биржевых ведомостей» только усиливало возможность подозрений в причастности Измайлова к публикации письма[25].

Большинство своих статей, в том числе заостренно резких, Измайлов публиковал под собственной фамилией, псевдонимами пользовался довольно «прозрачными» для читателей — Смоленский (так подписывались статьи на театральные темы) и Аякс (так помечались преимущественно небольшие заметки). Не менее известна была история со статьей «Быль, а не легенда», в которой

[25] В своем качестве заведующего отделом Измайлов не нес ответственности за характер и направленность материалов, принадлежавших сторонним авторам. В его обязанности входило ведение ежемесячного критического фельетона на разные литературные темы, рецензирование книжных новинок, составление библиографических отчетов. Редакционную политику в больших газетах определял помощник главного редактора или редактор. В «Биржевых ведомостях» это в разное время — И. И. Ясинский, В. А. Бонди, М. М. Гаккебуш; в «Русском слове», где Измайлов также заведовал литературным отделом, — Ф. И. Благов. Не всегда редактор был благосклонен к материалам самого Измайлова. Ср., например, приведенные выше высказывания критика в письме Сологубу или свидетельство Ф. Ф. Фидлера от 28 февраля 1910 г.: «Позиция Измайлова в газете достаточно прочная, хотя Бонди подчас сокращает его статьи, а то и вовсе не печатает» (*Фидлер*. С. 530). Если рассуждать об ответственности за помещение сомнительных материалов, то возлагать ее стоит всецело на редакторов, которые в погоне за яркими сенсационными темами не гнушались, как известно, безответственных утверждений, создавая тем самым скандальную репутацию изданию и подогревая к нему интерес публики. Ср., например, оценку Фидлера: «Жалели ⟨Д. М.⟩ Цензора: по сообщению „Биржевых ведомостей", он упал вчера с трамвайной подножки и разбился о мостовую; его жизнь в опасности... Неожиданно распахнулась дверь, и вошел — Цензор! Он и в самом деле свалился с подножки, но повреждения, полученные им, незначительны. (Значит, опять эти лживые, падкие на сенсацию „Биржевые ведомости"!)» (*Фидлер*. С. 674).

критик выступил с обвинениями В. Крестовского в плагиате[26]. Заранее зная об ответной нетерпимой реакции сына писателя — Владимира Всеволодовича Крестовского[27], Измайлов тем не менее не отступился от своего намерения и опубликовал обличительную статью. Впоследствии в конфликте разбирался третейский суд, и решение было вынесено не в пользу автора критической статьи. Впрочем, всё это лишь косвенные доводы. Как бы то ни было, каких-либо дополнительных (и убедительных) доказательств причастности или непричастности Измайлова к этому событию в арсенале историков литературы пока не имеется. Мало что проясняет в этом деле и переписка писателя и критика.

Эпистолярное общение Измайлова и Ремизова, длившееся с 1911 по 1918 г., — это диалог двух представителей литературного мира, дружественно настроенных друг к другу. В августе 1911 г. Измайлов работал над составлением книги «Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья», куда планировал включить статью-портрет о творчестве Ремизова. В своем письме Ремизову от 8 августа 1911 г. он сообщал о планах и просил прислать для этого издания автограф и портрет[28]. Ремизов откликнулся на письмо критика.

Статья о Ремизове, вошедшая в сборник под заглавием «Старорусские кружева: (Быль и легенда А. М. Ремизова)», — наиболее обстоятельный отклик критика на творчество прозаика. Здесь уже нет тех резких оценок, какие мы находим в его ранней статье «Не любо не слушай, а врать не мешай». Измайлов считает, что «Ремизов — писатель, которого природа сотворила для писательства»; отмечает его особое отношение к языку: «Он любит жизнь, любит самый процесс писательского наблюдения. Любит русский язык, любит до восторга, до чудачества, роется в библиотечной пыли, перетря-

[26] *Измайлов А.* Быль, а не легенда // *РС.* 1913. 25 окт. (№ 246). С. 2.

[27] Подробнее см. в переписке Измайлова и В. Я. Брюсова // Наст. изд. С. 171—172.

[28] См. п. 1.

хивая скучные академические издания, выискивая словечко, оборот, поговорку, прибаутку»[29]. В этой же статье проявилась и одна из главных черт критических выступлений Измайлова о писателях модернистского направления — рассмотрение творчества представителей нового искусства сквозь призму эстетических канонов классиков XIX в. Он замечает: «Природа наделила Ремизова прекрасною в этом смысле писательскою цепкостью. Такою хваткою в высшей мере обладал у нас Лесков. Где только он ни выуживал жемчужин и украшений своих книг: и в раскольничьей рукописи, и в живом говоре, и в закапанном воском Прологе, и в дневнике старого генерала, и святой книге, и в грязи!»[30] Ставя имя Ремизова рядом с Лесковым, Измайлов в то же время делает оговорку: «Но Лесков был и яркий, могучий, и цельный талант. Наградив Ремизова наблюдательной цепкостью, судьба отказала ему в очень ценном для беллетриста даре, — даре синтеза, в живом воображении, в мастерстве создавать художественное целое из мелкой мозаики»[31].

В этой же статье Измайлов как будто намекает и на скандал 1909 г.: «Можно обвинить его в чем угодно, но не в шаблонности, не в стереотипности. У него оригинально всё, начиная с внешнего облика. Он оригинален как человек, и это уже не новость для печати»[32]. Далее автор непосредственно касается событий, связанных с публикацией плагиата: «Мировоззрение Ремизова действительно вышло из поэтической народной сказки, из деревенского суеверия. Как на других влияли Пушкины, Гоголи, Байроны, так на него действовали, его покоряли и увлекали всевозможные сборники сказок, легенд, преданий, громоздкие томы изданий Академии наук или географических и этнографических обществ. В этой области Ремизов ⟨...⟩ редкий знаток и ⟨...⟩ страстный любитель. ⟨...⟩ Две книги Ремизова „Посолонь“ и „Лимонарь“, где собраны подделки и пересказы народных легенд и сказок, — может быть, самые законченные, самые стильные и самые ценные книги Ремизова, из которых даже

[29] *Пестрые знамена*. С. 87—88.

[30] Там же.

[31] Там же. С. 88—89.

[32] Там же. С. 92—93.

не специалист может видеть прямо блистательное знание им русского мифа и чувствование народно-русского стиля»[33].

Статья Измайлова была прочитана Ремизовым; на критические замечания он отреагировал в письме от 25 мая 1913 г.: «Много Вы правильного говорите обо мне в той части статьи Вашей, где копытите меня. Правда, не умею я писать, не умею описывать, как люди движутся, и думаю (и Вы это уразумели), в этом всё мое существо, нищее, безногое»[34].

Помимо внимания к литературным темам, корреспонденты проявляют обоюдный интерес к старине: они писали друг другу о приобретенных иконах, делились впечатлениями о старинных книгах. Как следует из письма Ремизова от 30 апреля 1914 г., Измайлов подарил писателю древнерусскую рукопись-свиток, так называемый столбец, приобретенный, по-видимому, в антикварной лавке или на букинистических развалах Апраксинского рынка, где критик был частым гостем. Текст этой рукописи Ремизов переработал в «Столбец. Письмо горностаево»[35]. Также современники преподносили друг другу традиционные для двух пишущих людей подарки — книги собственного сочинения. Ремизов в свою очередь неоднократно проявлял оригинальность: на именины в 1912 г. он преподнес Измайлову игрушку из своей коллекции — птицу-колпалицу (см. п. 28), а из поездки 1913 г. в Троице-Сергиеву лавру привез в качестве сувенира ложку.

В нескольких корреспонденциях 1915 г. речь заходит о читателях Ремизова, обвинявших писателя в некорректном использовании фольклорных текстов. Одно из таких писем попало в руки Измайлова, и он переслал его Ремизову, подчеркнув при этом и свое отношение к писателю, и к его творческому методу[36].

Часть писем носит исключительно деловой характер: Ремизов просил внести коррективы в публикуемые тексты; некоторые письма — это типовые приглашения, призывающие принять участие

[33] Там же. С. 95.

[34] См. п. 35.

[35] См. п. 41.

[36] См. п. 45.

в опросах «Биржевых ведомостей» и «Огонька» на самые разные темы. С переходом Измайлова весной 1916 г. в «Петроградский листок» переписка практически прекратилась. Редактор приглашал писателя к участию в анкете «Петроградского листка», и, судя по ответу от 26 августа 1916 г., прозаик даже намеревался откликнуться, но так этого и не сделал. Последнее известное нам (недатированное) письмо Ремизова написано, по-видимому, в апреле 1918 г. В нем писатель отказывается от какого-то неординарного предложения; возможно, Измайлов приглашал корреспондента к участию в написании коллективного романа — «Роман 13-ти» — так и нереализованном проекте «Петроградского голоса».

Последнее упоминание имени писателя в литературном наследии Измайлова мы находим на страницах историко-литературного труда о Лескове, где, в частности, прослеживается творческая связь автора «Соборян» с произведениями таких писателей-модернистов, как Ремизов, Вяч. Иванов, М. Кузмин: «В тона библейской красоты, в библейские образы, в библейский ритм переливается слово художника, не порвавшего с исконною русскою духовною литературой и — странно сказать, — представляющего здесь единственные в целой литературе народа образцы чарующих слияний светского книжного мастерства с тончайшей красотою поэзии и витийства церковного. Здесь лежит совершенно незамеченная сторона творчества и заслуги Л⟨еско⟩ва, возвращающего заблудившееся русское слово к неисчерпаемым и нетленным истокам былого богатства и былой красоты ⟨...⟩ Через сорок лет бродящие в пустыне наткнутся снова на эти истоки. Дивные старорусские „глаголы“ бриллиантами загорятся в стихах Вячеслава Иванова, „Лимонаре“ Ремизова, в стихах и ритмах Кузмина, в перезвонах Клюева. Единственной посредствующей вехой, за к⟨ото⟩рую можно закрепить в прошлом эту связь старого и нового, высится автор „На краю света“ и „Запечатленного Ангела“»[37].

В этих оценках уже нет ни иронии, ни недооценки творческих поисков писателей-модернистов, а только признание их заслуг и та-

[37] *Измайлов А. А.* Лесков и его время // Н. С. Лесков: Классик в неклассическом освещении. С. 382.

ланта. Взгляд современников Измайлова на его отклики спустя годы был разным: одни говорили о нем как об уравновешенном критике золотой середины, другие не без обиды в душе вспоминали его как автора сатирических, ироничных фельетонов и ядовитых пародий на модернистские поиски 1900-х гг. Алексей Михайлович Ремизов, очевидно, относится к последним: и спустя десятилетия Измайлов остался в его памяти «клопиной шкуркой», «главным в „Биржевке“ тараканомором»[38].

В архивохранилищах России сохранились, очевидно, не все письма, когда-либо написанные литераторами друг другу. Письма Ремизова печатаются по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ (24 п. — Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276.; 1 п. — Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 298; 2 п. — Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 1118); в РГАЛИ (2 п. — Ф. 2571. Оп. 1. Ед. хр. 307; 2 п. — Ф. 227. Оп. 3. Ед. хр. 27); в ОР РНБ (2 п. — Ф. 124. Ед. хр. 3616; 1 п. — Ф. 474. Альб. 2; 2 п. — Ф. 309. Ед. хр. 30). Письма Измайлова отложились в двух фондах Ремизова: 11 п. и 3 приглашения на именины в РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85; 16 п. в ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117.

[38] См.. *Ремизов*. Т. 10. С. 187—188.

1

Измайлов — Ремизову

8 августа 1911 г., С.-Петербург

8/VIII.

Искренноуважаемый Алексей Михайлович,

Я издаю книгу, в к⟨ото⟩рую в числе 10—15 других входит ваш литературный портрет[1]. Статья эта предварительно имеет пройти в «Новом слове» (при «Бирж⟨евых⟩ в⟨едомостях⟩») и в самой газете — в сентябре[2].

Если Вы не питаете ко мне очень большой антипатии, то, может быть, будете столь ласковы, что дадите мне для книги *не бывший* в печати Ваш портрет и страничку автографа. Чем ближе к Вашей писательской личности были бы Ваши строки (хоть 5—8, такого формата, как этот листок), — тем мне было бы приятнее и для дела лучше.

Позвольте надеяться, что Вы исполните мою покорнейшую просьбу. Мой адрес — Вас⟨ильевский⟩ Остр⟨ов⟩, 17 лин⟨ия⟩, 70)[3]. Если бы у Вас имелся Ваш портрет, где Вы в Вашем раритет-кабинете (о чем есть речь в статье со ссылкой на П. Кожевникова)[4], — это было бы совсем хорошо.

Читая Ваше и потом реализуя свои мысли на бумаге, очень жалел, что не мог на многое услышать Ваше собст⟨венное⟩ уяснение.

Искренно Вас уважающий и преданный

Измайлов.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 1—2. На личном бланке.

1 Речь идет о книге «Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья» (М., 1913). Авторам, статьи о которых планировалось поместить в книге, критик рассылал письма с просьбой прислать автограф и фотографию (см. также п. 4 Измайлова к А. В. Амфитеатрову; п. 60 к В. В. Розанову; п. 5 А. А. Блока в наст. изд.). Статья о Ремизове вошла в книгу под заглавием «Старорусские кружева: (Быль и легенда А. М. Ремизова)» (см.. *Пестрые знамена.* С. 87—115), сопровождена портретом. Автографы писателей в этой книге опубликованы не были.

2 См.. *Измайлов А. А.* Бесовские арабески: (Литературный портрет А. Ремизова) // *НС.* 1911. № 9. С. 64—69; То же // *БВ.* Утр. вып. 1911. 15 сент. (№ 12531). С. 3; 16 сент. (№ 12533). С. 3.

3 Адрес проживания Измайлова. Дом располагался рядом со Смоленским кладбищем — отсюда происхождение его псевдонима: Смоленский.

4 См.. *Кожевников П.* Коллекция А. М. Ремизова: (Творимый апокриф) // Утро России. 1910. 7 сент. (№ 243). С. 2.

2
Ремизов — Измайлову
11 августа 1911 г., С.-Петербург

Таврическая 3в кв. 23
Алексей Михайлович Ремизов
11 VIII 1911 г.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Пришлю Вам и автограф, и карточку. С игрушками нет у меня карточки, не снимался. Придется такую, с фотографии снятую.

Посылаю Вам III т⟨ом⟩ мой[1].

А. Ремизов

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2571. Оп 1. Ед. хр. 307. Л. 1.

[1] Третий том собрания сочинений Ремизова вышел в начале августа 1911 г.: *Ремизов А. М.* Сочинения: в 8 т. Т. 3. СПб.: Шиповник. 1911. 214 с.

3
Ремизов — Измайлову
12 августа 1911 г., С.-Петербург

12. VIII. 1911 г.
Таврическая 3в кв. 23

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Посылаю Вам два автографа[1]. К сожалению, тем почерком, каким переписывал всегда свои рукописи, мне писать теперь трудно. Нынче летом ушиб я себе правую руку во сне, и так рука разболелась, как хвост висела. Теперь не болит, а все-таки завитки и завитушки трудно даются.

Автографы — из новой редакции «Пруда». С весны всё лето сидел над исправлениями «Пруда», и новая редакция для меня еще пышет, а потому мне и в голову пришло выписать из «Пруда»*[2].

А. Ремизов.

* Выйдет осенью — т. VII.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 3616. Л. 2.

[1] См. примеч. 1 к п. 1.

[2] В конце сентября — начале октября 1911 г. вышла третья редакция романа «Пруд» в составе т. 4 собрания сочинений Ремизова в издательстве «Шиповник» (СПб., 1911. 370 с.). Подробнее о романе, а также об истории его публикации см.. *Ремизов.* Т. 1. С. 508—534.

4
Измайлов — Ремизову
7 октября 1911 г., С.-Петербург

7 окт⟨ября⟩.

Искренноуважаемый Алексей Михайлович,

Если бы Вы хотели, мы могли бы дать в «Огоньке» снимки с Вас, Вашего диковинного кабинета-музея и описание его. Если Вы не прочь, м. б., Вы позволили бы мне побывать у Вас, сгово-

риться, а потом прислать и фотографа. Не поставьте себе в труд известить меня[1].

Ваш Измайлов

В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩, 17 л⟨иния⟩, д. 70.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 3.

[1] В письме ведутся переговоры о подготовке публикации: *А* [Измайлов А. А.]. В волшебном царстве: А. М. Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. 29 окт. (№ 44). С. [10—11].

5

Измайлов — Ремизову

14 октября 1911 г., С.-Петербург

Позвольте, искренноуважаемый Алексей Михайлович, воспользоваться Вашим любезным дозволением сегодня в субботу, 15-го, часов в 8—9[1].

Ваш искренно

А. И⟨змайлов⟩
14 окт⟨ября⟩

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 4. На личном бланке.

[1] См. п. 4. Вероятно, письмо было написано накануне дня приглашения.

6

Измайлов — Ремизову

17 октября 1911 г., С.-Петербург

Душевноуважаемый Алексей Михайлович,

З. И. Гржебин[1] пишет мне, что если я сегодня, во вторник, приеду в час в «Шип⟨овник⟩»[2], то найду и Вас там. Очень бы рад Вас

снова увидеть и в этой надежде захвачу туда и «Русских демономанов»[3] и Требник, его же беси трепещут и трясутся. Попугайте им Серафиму Павловну[4].

Я буду в «Шип⟨овнике⟩» от часу до двух.

Ваш А. Измайлов
17 окт⟨ября⟩

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 5.

[1] З. И. Гржебин — художник-карикатурист и график, издатель. Вместе с С. Ю. Копельманом основал в 1906 г. издательство «Шиповник», в котором в 1910—1912 гг. выходило собрание сочинений Ремизова в 8 т.

[2] С 1910 г. издательство располагалось в доходном доме А. Я. Барышникова по адресу: Николаевская ул. (ныне Марата), д. 31.

[3] Цикл статей Н. С. Лескова, в первой публикации — «Случай из русской демономании» (Новое время. 1880. 1—25 июня. № 1529, 1533, 1536, 1542, 1552). Впоследствии цикл под заглавием «Русские демономаны» опубликован в сборнике: *Лесков Н. С.* Русская рознь: Очерки и рассказы: (1880—1881). СПб., 1881. 442 с. В письме речь идет об этом издании. См. также в статье Измайлова: ...целиком в область таинственного и сверхчувственного он ⟨Лесков — *А. А.*⟩ ушел в своем полубеллетристическом очерке, не вошедшем в полное собрание сочинений, однако, внесенном самим писателем в забытую теперь книгу „Русская рознь" В „Русских демономанах" Лесков ушел в исследование одного из интереснейших и не обследованных явлений русской жизни, — так называемого кликушества и истерии, чему он дал совершенно своеобразное и довольно убедительное обоснование» (*Измайлов А. А.* Таинственное в жизни выдающихся людей: Чудеса в решете в квартире писателя Н. С. Лескова: (Окончание) // *БВ.* Утр. вып. 1914. 8 янв. (№ 13939). С. 6).

[4] С. П. Ремизова-Довгелло, жена А. М. Ремизова.

7
Измайлов — Ремизову
21 октября 1911 г., С.-Петербург

21/X

Искренноуважаемый Алексей Михайлович

Гаккебуш[1] просит у Вас дать нам 2 р⟨асска⟩за. Один в Рожд⟨ественский⟩ №, — что-ниб⟨удь⟩ с легким сему соответствием, и не больше 500 стр⟨ок⟩ — другой, — не связывая себя никакими условностями, хотя бы и побольше, — до печатного листа (и, в крайн⟨ем⟩

сл⟨учае⟩, и чуть побольше)[2], — с одним соображением — интересности.

Сегодня получили от Булла[3] фотографии.

Преданный Вам

А. И⟨змайлов⟩

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 6.

[1] М. М. Гаккебуш, публицист, в разное время редактор «Биржевых ведомостей» и его приложений.

[2] Для публикации Ремизов предложил сказки «Святой работник» и «Золотой кафтан»); см. п. 8.

[3] К. К. Булла, владелец фотоателье в С.-Петербурге, фотограф Министерства императорского двора и Управления С.-Петербургского градоначальника. Подразумеваются снимки для статьи в «Огоньке»: *А* [Измайлов А. А.]. В волшебном царстве: А. М. Ремизов и его коллекция. С. 10—11.

8
Ремизов — Измайлову
22 октября 1911 г., С.-Петербург

22/4 X 1911 г.[1]

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

20-ого передал я Вашему швейцару автограф мой о Вындрикезвере[2]. Передал ли он Вам? К Вам не стучался: час был неурочный.

Можно ли прийти к Вам во вторник 25-ого в 2 ч. дня? Нет ли у Вас книги Алмазова «Тайная исповедь в православн⟨ой⟩ восточн⟨ой⟩ церк⟨ви⟩» т. I, II, III 1894 г.[3] Один начетчик мне о III т. рассказывал, что очень интересная книга — «Приложения». Таких больших вещей — в 500 стр. у меня нету. Есть у меня пересказы народных сказок, моя обработка этих сказов. При них примечание.

Я Вам принесу показать, если в вторник к Вам ничего прийти. («Святой работник»[4], «Ворожея»[5], «Золотой кафтан»[6].)

Всего Вам хорошего

А. Ремизов.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 3616. Л. 1—1 об.

[1] В некоторых письмах Ремизов приводит дату по старому и новому стилю.

[2] Факсимиле автографа было опубликовано в статье «В волшебном царстве: А. М. Ремизов и его коллекция»: «А есть еще вындрик-зверь. Солнце ходит по избу, вындрик под землею. Ни дня ему, ни ночи отдыха, прочищает он ключи и источники подземные. Алексей Ремизов» (Огонек. 1911. № 44. С. 10). Вындрик-зверь — предмет коллекции Ремизова, в статье Измайлова о нем упоминается следующее: «Есть дальше в коллекции *Вындрик-зверь*. Живет он под землей, прочищает источники земные. „Он поворохнется, — земля потрясется. Так сказано про него в Голубиной книге. По поздним сказам, живет он теперь на святой горе и Богу молится. Только это — не верно. Когда же ему молиться? Весь он всегда в движении" И действительно, тонкому, узкому Вындрику придан характер вечного устремления» (Там же).

[3] Речь идет об издании: *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви: Опыт внеш. истории исслед. преимущественно по рукописям: Т. 1—3. Одесса: Типо-лит. Штаба Одес. воен. окр., 1894.

[4] Опубл.. *Ремизов А. М.* Святой работник: Народная сказка // Волны. 1912. № 1. С. 41; То же // Солнце России. 1912. № 2 (110). С. 5.

[5] Опубл.. *Ремизов А. М.* Сказки // Северные записки. 1913. № 2. С. 45—50 (I. Робкая. С. 45—46; II. Ворожея. С. 47—48; III. Пес-богатырь. С. 48—50).

[6] Народная сказка «Золотой кафтан» была опубликована в рождественском выпуске «Огонька» (1911. № 52. С. [6—7]. Публикация проиллюстрирована Н. К. Рерихом специально по заказу журнала.

9
Измайлов — Ремизову

Между 22 и 24 октября 1911 г. ⟨?⟩, С.-Петербург

Искренноуважаемый А⟨лексей⟩ М⟨ихайлович⟩,

Необычайно срочно **идет статейка. Ради Бога, просмотрите ее сейчас же, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ наш же посланник мог ее от Вас взять. Иначе запоздает №.**

Простите торопливость, — я говорил![1]

Ваш И⟨змайлов⟩

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 11.

[1] По-видимому, в этой недатированной записке речь идет о корректуре статьи «В волшебном царстве: А. М. Ремизов и его коллекция». О ней см. примеч. 2 к п. 8.

10

Измайлов — Ремизову

10 ноября 1911 г., С.-Петербург

Искренноуважаемый Алексей Михайлович,

Только теперь мне удалось покончить с нашим делом. Одна сказочка послана в набор[1]. Гаккебуш[2] сказал мне, что в любое время Вы можете получить за нее сумму, какую мне называли. Остальной материал посылаю, извиняясь за промедление.

Искренно Ваш

Измайлов.
10/XI

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 7

[1] Речь идет о сказке «Золотой кафтан». См. примеч. 6 к п. 8.
[2] См. примеч. 1 к п. 7

11

Ремизов — Измайлову

14 ноября 1911 г., С.-Петербург

14/27 XI 1911 г.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Такая мне незадача: три раза приходил я в «Б⟨иржевые⟩ в⟨едомости⟩» Михаилу Михайловичу[1] показаться и всякий раз, прождав без толку, уходил домой. Был я в 1 ч. дня — в Михайлов день, около 7-и веч⟨ера⟩ в субботу 12 н⟨оя⟩б⟨ря⟩ и сегодня в 6-ть вечера.

Не в жалобу, а в разговор пишу Вам. Ведь надо же мне все-таки показаться.

Насчет денег служитель сказал мне, что по субботам от 1 ч. — до 3-х выдают. Просто не знаю, как быть мне. «Огонька» с «Волшебн⟨ым⟩ царством» (№ 44) мне не прислали[2].

Александр Алексеевич, как напечатают мою сказку-пересказ, велите прислать мне, если можно, не 1, а 2 экз⟨empляра⟩ книги. Или 1 экз⟨емпляр⟩ книги и 1 оттиск[3].

Загнался совсем: то на Хованщину, то на Скрябина[4]. И книги Ваши лежат у меня, не несу Вам. «Требник, — сказали мне, — ничего нет особенного, и денег за него больших не дадут, униатский он, недавний»[5].

Всего Вам хорошего

А. Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 1—1 об.

[1] М. М. Гаккебушу.

[2] См. примеч. 1 к п. 4.

[3] Речь идет о сказке «Золотой кафтан». См. примеч. 6. п. 8.

[4] По-видимому, Ремизов посещал сольные концерты Скрябина, состоявшиеся в Петербурге в конце октября и начале ноября 1911 г.; премьера оперы «Хованщина» М. П. Мусоргского состоялась на сцене Мариинского театра 7 ноября 1911 г.

[5] См. п. 6, 12.

12
Измайлов — Ремизову
16 ноября 1911 г., С.-Петербург

Искренноуважаемый Алексей Михайлович,

Очень сочувствую Вашим неудачам. Может быть, извинением их может служить то, что Гаккебуш в последнее время полубольной. Едва ли он мог вообще принимать эти дни. Получение гонорара действительно по субботам. Я напомню завтра, кому следует, чтобы гонорар Вам был точно приготовлен, а в «Огоньке» сам распоряжусь.

Сказка[1], вероятно, пойдет в «Огоньке» в рожд⟨ественский⟩ номер. А, впрочем, ничего не знаю. Как Вы знаете, это не моя область. Спросить же не могу срочно, — бываю с Гакк⟨ебушем⟩ не в одни часы. Во всяком случае, оттиски ее будут к Вашим услугам, — т. е. номерами «Огонька».

Спасибо за требник. Я тоже вижу, что он не может иметь цены у антикваров.

Жаль, что мы так с Вами далеко раскинуты и редко видаемся.

Ваш А. Измайлов.

16. XI. 1911.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 8—8 об.

[1] См. примеч. 6 к п. 8.

13
Ремизов — Измайлову
24 ноября 1911 г., С.-Петербург

24/7 XI

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Я совсем расхворался и потому глаз не кажу. Книги Ваши лежат, завернул их, завязал, только с рук на руки передать. Будет легче, буду выходить на волю, принесу Вам[1].

«Огонек» получил, спасибо.

Ваша статья «в Огоньке» икону в дом явила, — и Ваша статья и мои размышления, из которых «Петушок» вышел[2]. Пришел ко мне старец, икону принес Предтечу — «Ивана осляничека обидяющего»[3]. Три рубл⟨я⟩ ему дал за икону, больше не мог. Теперь висит у меня. Сговоримся, будете у нас, посмотрите.

А. Ремизов

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 30. Л. 2.

[1] См. п. 6.

[2] Опубл.. *Ремизов А. М.* Петушок: [I] // Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». СПб., 1911. Кн. 16. С. 205—221.

[3] Название неканонической иконы «Осляничек обидяющий», подробнее о ней см. в примеч. к публикации рассказа «Петушок»: *Ремизов.* Т. 3. С. 663.

14
Измайлов — Ремизову

После 24 ноября 1911 г., С.-Петербург

Искренноуважаемый Алексей Михайлович,

Радуюсь за «чудоявленную икону» и чуточку Вам (благожелательно) завидую[1]. Сочувствую Вам в хвори Вашей. И сам я — не очень, а семейные некоторые неприятности и совсем выбивают из колеи. Надо всем этим великая трудовая суета. Жадствую настоящего по душе дела, а пишу чепуху.

Рад буду с Вами свидеться, и икону посмотреть любопытен. Если будет случай, забросьте бесострашную книгу в Галерную[2], но так, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ это Вам не было в труд. На той неделе будет подосужнее, — хочу зайти к апраксинским книголюбам[3], показать им Требник и заказать себе «Ангела благого молчания» по имеющемуся у меня чертежу[4].

Ваш Измайлов.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 10—10 об.

[1] См. примеч. 3 к п. 13.

[2] По адресу: Галерная ул., д. 40 располагалась типография «Биржевых ведомостей».

[3] Рельефное и не лишенное автобиографизма описание книжных развалов Апраксинского рынка Измайлов приводит в своем рассказе «Букинист»: «В свободный час я люблю бродить по лавкам наших антиквариев разного рода. Под низкими потолками помещений Апраксина и Александровского рынков еще посейчас есть многое, стоящее высокого внимания. В старину водились в них настоящие сокровища. Теперь здесь не найти Рембрандта или Вандика [*Ван Дейк*] „за красненькую", но можно найти Айвазовского и наткнуться на великолепные уникумы старого искусства или на книгу, уцелевшую от воды, огня и даже от острия меча цензора эпохи Екатерины и Александра Благословенного, когда, после истории с Новиковым, а потом указа о закрытии масонских лож, книги жгли тысячами. Иногда удастся отыскать здесь и интересную рукопись, как удалось, например, найти однажды переписку Герцена на московской толкучке. В этих лавках старинщиков среди всевозможного бумажного хлама подчас не редкость встретить кой-кого из наших литературных стариков или записных любителей старины. Несколько лет назад здесь можно было часто видеть старика Лескова с палкой, в шубе и меховой шапке с козырем, покойного певца Стравинского, большого библиомана, или старообрядческой складки фигуру знаменитого библиографа Е. Эти уж были аристократами в искусстве и людьми состоятельными, но сюда же властно тянет и литературную богему. Это для нее своего рода благородный спорт, захваты-

вающий не практическим расчетом купить рубль за алтын, но удовлетворяющий законной потребности красивого, которое изящной душе хочется насадить даже и в убогой „меблировке" Потому-то эту, в молодости заведенную слабость трудно бросать и придя в возраст и завоевав положение. Есть ко всему этому какое-то прикосновение старины к тайне, что-то в ней манящее и интригующее, и это влечет в свою меру и силу. Наконец, среди самих старинщиков попадается любопытный и своеобычный тип людей, с которыми литературному человеку иногда поговорить любопытно и полезно. Видимо, одно простое, но постоянное прикосновение к книге отбрасывает луч света даже на простецкий ум, и мне счастливилось находить здесь людей серьезной и многогранной начитанности и живого природного смысла» (*Измайлов А. А.* Букинист: (Рождественский рассказ) // Новая иллюстрация. 1903. № 51—52. С. 411—414).

[4] Речь идет об иконе «Ангел благого молчания» (варианты названия: «Спас Благое Молчание», «Благое Молчание») — иконографический тип изображения Иисуса Христа в ангельском чине, до воплощения, в виде безбородого юноши с крыльями за спиной, в белой далматике с широкими рукавами, кайма и пояс которой украшены жемчугом.

15

Ремизов — Измайлову

29 ноября 1911 г., С.-Петербург

29/12 XI 1911 г.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Оставляю Вам сверток: бесосоставная книга, книга Лескова, книга Ясинского. Благодарю Вас за них. Хотелось бы с Вами до Рождества увидеться.

Желаю Вам всего хорошего

А. Ремизов

V т. мой я потому Вам не посылал, что «Шиповники» Вам дадут[1]. А надпишу я Вам на старинной бумаге и листок вклею в книгу у Вас. Серафима Павловна поклон шлет Вам

А. Р⟨емизов⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 3.

[1] Книга вышла во второй половине ноября 1911 г. В V т. Сочинений Ремизова были опубликованы «Крестовые сестры», «Чертыханец», «Галстук», «Мака» (СПб.. «Шиповник», [1911]. 237 с.).

16
Измайлов — Ремизову
19 декабря 1911 г., С.-Петербург

19/XII

Искренноуважаемый Алексей Михайлович,

Редакция «Биржевых ведомостей» намерена дать своим читателям сообщение о том, какою работою и какими замыслами заняты сейчас наиболее интересные представители нашей литературы[1].

Не откажите в любезном сообщении, какая литературная работа сейчас занимает Вас. Так как анкета оглашается на этих же днях, а ответ не предполагается пространный (что и невозможно по техническим условиям), то Редакция позволяет себе просить Вас прислать просимое в кратчайший срок, какой только для Вас возможен.

Привет.

Ваш А. Измайлов.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 9. Типовое, на бланке «Биржевых ведомостей».

[1] Ответы были опубликованы в «Огоньке» (1912. № 1. С. 17). В анкете приняли участие: В. Г. Авсеенко, К. С. Баранцевич, П. Д. Боборыкин, А. А. Блок, А. Н. Будищев, А. Л. Волынский, А. А. Измайлов, Вас. И. Немирович-Данченко, И. Н. Потапенко, А. М. Ремизов, В. Я. Светлов, Ф. К. Сологуб, Ф. Н. Фальковский, В. А. Тихонов, Е. Н. Чириков. В своем ответе А. М. Ремизов сообщал: «В начале 1912 г. издательство „Шиповник" выпускает VI и VII тома собрания сочинений, куда входят сказки, легенды и пьесы *действа*. Все произведения мои в этом издании выходят в новой редакции. Редактирование берет много времени. Закончив *русалью* „Лейлу" — музыка А. К. Лядова, подготовляю новый балет, материал для которого беру из русских апокрифических сказаний. Изучая отреченные повести наши и западные легенды, остановился на *видениях* для картины из этой области. Готовлю *бытовую* повесть» (Огонек. 1912. № 1. С. 18).

17
Ремизов — Измайлову
21 декабря 1911 г., С.-Петербург

21/3 XII 1911 г.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Вчера я получил от Вас напечатанное письмо о предполагаемой анкете «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩». Прилагаю при сем листок[1].

Очень мне трудно говорить о предположениях. Как-то страшно произносить слова о том, что еще только делается, и не знаешь, сделается ли.

О содержании начатых произведений я совсем не могу говорить. «В разрядку» ставлю слова, намекающие о содержании моих работ.

19 XII на репетиции «Орфея» ко мне подошел З. Л. Олькин из «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩» и рассказал мне об анкете[2]. Я обещал ему известить его, когда ко мне зайти на Таврическую[3]. Может быть, теперь и не надо ему ко мне приходить? Понемногу начинаю писать правою рукой, хотя мне этого не полагается, месяц не велено: болит локтевой нерв. Всякий день меня гальванизируют. А электричество — очень неприятная вещь: щиплет, как горчичник. Сижу, читаю. Только и выходил, что на репетицию давно ожидаемого волшебного «Орфея»[4].

К моей коллекции прибавились три страшные шкуры лютого зверя с рогами. Охотник «дикий» принес мне.

Александр Алексеевич, не пожалуете ли к нам 28 декабря вечером часов в 10, и икону Вам покажу и зверей покажу.

Серафима Павловна кланяется.

А. Ремизов

Печатается по: РГАЛИ. Ф.227 Оп. 3. Ед. хр. 27 Л. 1—2.

[1] См. примеч. 1 к п. 16.

[2] З. Л. Олькин, журналист, сотрудник «Биржевых ведомостей» в 1910-х гг.; публиковался под псевдонимами: З. О.; Зеон; Кин.

[3] Петербургский адрес Ремизова с сентября 1910 по июнь 1915 г.: Таврическая ул., д. 3в, кв. 29 («дом Хренова»).

[4] По-видимому, речь идет о репетициях в Мариинском театре оперы Глюка «Орфей и Эвридика» (1911); постановка В. Э. Мейерхольда в декорациях А. Я. Головина в соавторстве с М. М. Фокиным.

18
Ремизов — Измайлову
25 декабря 1911 г., С.-Петербург

25 XII 1911 г.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Очень перед Вами извиняемся: просили мы Вас на 4-ый день к нам, а святки наши расстроились. Серафима Павловна[1] захворала, и елка у нас стоит невеселая.

А. Ремизов

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 227 Оп. 3. Ед. хр. 27 Л. 3.

[1] См. примеч. 4 к п. 6.

19
Измайлов — Ремизову
5 января 1912 г., С.-Петербург

Искренноуважаемый Алексей Михайлович,

С Новым годом и — побольше счастья и здоровья!

Простите, что только сейчас пишу Вам, хотя потребность эту чувствую давно. Дел — хаос! Спасибо за ответ на анкету, — не откажите и на буд⟨ущее⟩ время[1].

Собирался к Вам в условленный день и не поехал, ввиду отмены вечера. Поправилась ли Серафима Павловна, — привет ей.

Жаль, что и она, и вы прихварываете. Это всё еще успеется.

Занятно бы посмотреть Вашу икону и шкуры[2]. Но так скачу с дела на дело, что всё не собрался и к апраксинским старинщикам потолковать о Требнике.

Был на днях у некоего странного человека, т⟨ак⟩ н⟨азываемого⟩ дяди Миши, про к⟨ото⟩рого идет речь как про колдуна. Ничего примечательного. Не ходите. — На днях иду в два общества с медиумом беседовать с чертями. Так в крещенские дни занимались они делом[3].

Ваш Измайлов.
5/1.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 12—13 об.

[1] См. примеч. 1 к п. 16.
[2] См. п. 17
[3] Измененная цит. из эпиграфа к I главе «Пиковой дамы» А. С. Пушкина «А в ненастные дни...

20
Ремизов — Измайлову
5 февраля 1912 г., С.-Петербург

5/18 II 1912.
Таврическая 3в кв. 23
А. Ремизов

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Если поинтересуетесь требником Петра Могилы (изд⟨ание⟩ 1646 г.)[1], идите в Аптекарский склад на Невский, 79 и спросите Соломона Леонтьевича Сегаля, скажите ему Вашу фамилию, и он Вам всё покажет.

Соломона Леонтьевича застать можно в магазине от 9 ч. утра до 10 ч. вечера (не бывает в магазине от 6 ½ ч. — 8 ч. в⟨ечера⟩)[2].

Экземпляр очень хороший, одно горе: вся 3-ья часть — бесная — вырвана. Но и без этой драгоценной части любопытна книга, хороши гравюры.

Соломон Леонтьевич мой давний знакомый, в магазине № 79 он служит; книга не ему принадлежит.

Всего Вам хорошего

А. Ремизов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 1118. Л. 1.

[1] Требник митрополита Киевского Петра Могилы составлен и издан им же в 1646 г. Книга готовилась для духовенства в качестве практического руководства по всем случаям совершения частного богослужения, без погрешностей и заблуждений, вкравшихся в церковную обрядность под влиянием католичества.

[2] С. Л. Сегал, приятель Ремизова со времен его ссылки на Русский Север (1901—1903 гг.); владелец часового магазина в Вологде, в котором начинающий писатель, выпускник Московского Александровского коммерческого училища, вел бухгалтерию (подробнее об этом см. коммент. И. Ф. Даниловой: *Ремизов*. Т. 4. С. 465—466).

21
Измайлов — Ремизову
12 февраля 1912 г., С.-Петербург

Душевноуважаемый Алексей Михайлович,

Спасибо Вам, что меня иногда вспоминаете. А я в такой жалкой суете, что даже противно. Вот читаю, что выходят еще 2 тома В⟨аших⟩ соч⟨инений⟩[1]. Рад бы прочесть и написать, а — дойдут ли руки? Книги на меня валятся градом и снятся ночью. Бегло просматриваю хлам, а хорошее оставляю на удовольствие, — время же бежит и бежит... Исчезают в суете дніе наши и лета наша со тщаянием[2]. Треб⟨ник⟩ П⟨етра⟩ М⟨огилы⟩ я некогда изучал в нашей Публ⟨ичной⟩ библ⟨иотеке⟩. Там есть экз⟨емпляр⟩ полный и прекр⟨асной⟩ сохранности. Там мож⟨но⟩ видеть и изображ⟨ение⟩ чертей, — ринувшихся на стадо свиное. Занимательные.

Душев⟨но⟩ бы рад повидать Вас, да дела не пускают.

Ваш искренно

А. Изм⟨айлов⟩.
12/2

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 14—14 об. На личном бланке.

[1] Очевидно, речь идет о 6-м и 7-м томах Соч. Ремизова, вышедших в феврале 1912 г., см.. *Ремизов А. М.* Сочинения. Т. 6: Сказки. СПб.. Шиповник, [1912]. 274 с.; Сочинения. Т. 7· Отреченные повести. СПб.. Шиповник, [1912]. 207 с.

[2] Из 7-й песни Отходной молитвы.

22
Ремизов — Измайлову
12 апреля 1912 г., С.-Петербург

12/25 IV 1912 г.
Таврическая, 3[в] кв. 23
А. Ремизов

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

На Пасхальной неделе я послал Михаилу Михайловичу[1] 4 сказки: «Шантряп», «Догадливая», «Берестяный клуб» и «Господен звон»[2]. А ответа от него и не получил. А сейчас ответ его важен: я бы тогда вперед деньги получил, если сказки одобрены.

Из «Шиповника» я с февраля не получаю, и жить стало трудно.

Знаю, что не Ваша тут рука, не Ваша воля, все-таки бываете в редакции и Михаила Михайловича видите.

Всего Вам хорошего

А. Ремизов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 1118. Л. 2.

[1] С просьбой о присыле материла для «Биржевых ведомостей» обратился сам Гаккебуш, который 14 января 1912 г. писал Ремизову: «Позвольте просить Вас дать для одного из наших изданий „Биржевых ведомостей", „Огонька" или „Нового слова" рассказ около ½ печ⟨атного⟩ листа для помещения в этих изданиях в текущем году. Очень обяжете извещением о Вашем согласии или несогласии и о сроке, когда я мог бы ждать Вашей вещи. Выдача гонорара будет произведена немедленно по получении рукописи» (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 1). В письме к М. М. Гаккебушу от 29 февраля 1912 г. Ремизов сообщал: «Посылаю Вам 4-е сказки: I „Господен звон", II „Шантряп", III „Догадливая", IV „Берестяный клуб" Которые из этих сказок Вам не пригодятся, верните мне. Известите» (РГАЛИ. Ф. 157 Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 2).

[2] В «Биржевых ведомостях» и в приложениях эти сказки опубликованы не были. Произведения вошли в книгу: *Ремизов А. М.* Докука и балагурье: Русские сказки. СПб.. Сирин, 1914. 279 с. В 1912 г. в «Огоньке» были опубликованы сказки «Жаден-пальцы» (№ 9. С. [2]), «Обреченная» (№ 13. С. [5—6]).

23
Измайлов — Ремизову
13 апреля 1912 г., С.-Петербург

Душевноуважаемый Алексей Михайлович,

Видел, спрашивал. Он ответил, что предлагал эти вещицы Бонди для «Огонька», т⟨а⟩к к⟨ак⟩ собственно для «Нов⟨ого⟩ слова» считает их не тем материалом, к⟨ото⟩рый там облюбован[1]. Сказал, что будет просить у вас рассказа в принятом смысле. Это ведь действительно так, — «Н⟨овое⟩ слово» есть журнал, к⟨ото⟩рому всего дороже содержательный интерес вещей. К тонкостям литературы тот читатель достаточно равнодушен.

Живу в жалкой сутолоке. Оч⟨ень⟩ жалею, что, в частности, Вас совсем не видаю. А есть и интересное. На днях, напр⟨имер⟩, один дьякон принес мне преинтересную книгу. Какие-то сказания о ветхозавет⟨ных⟩ событиях, но не по библии, а по каким-то легендам. Очевидно, как⟨ой⟩-то хронограф. Рукописный, старый. Думаю, что оч⟨ень⟩ старый. В первую же минуту подумал о Вас, — вот бы кому! Если бы вздумали посмотреть, — милости прошу. Спишемся или сговоримся. Отдать книги не могу даже самому верному ч⟨е⟩л⟨ове⟩ку, ибо дал ему слово не передавать в другие руки. Книга, вероятно, денежная.

Держу на столе Ваши последние два томика, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ перечесть, и — наипаче «Лимонарь»[2]. Но захлестывает суета и вместо того, что хотел бы, читаю всякий хлам.

Привет от души Вам и С⟨ерафиме⟩ П⟨авловне⟩.

Ваш искренно

Измайлов

13/ IV

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 15—16.

[1] См. примеч. 1 к п. 22.
[2] См. примеч. 1 к п. 21. В т. 7 Сочинений Ремизова вошел раздел — «Лимонарь: Луг духовный».

24
Ремизов — Измайлову
17 апреля 1912 г., С.-Петербург

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Задержите дьяконский хронограф. Зайду к Вам после 20-ого[1]. Напишу тогда Вам, условимся. Сейчас мне очень трудно выходить, сижу дома.

А. Ремизов

От Серафимы Павловны поклон Вам.

17/30 IV 1912

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 4.

[1] См. п. 23.

25
Измайлов — Ремизову
9 мая 1912 г., С.-Петербург

Обидно, глубокоуважаемый Алексей Михайлович, — только вчера встретился дьякон. Сообщил, что уезжает на этих днях до сентября в деревню (болеет)[1]. Так как немножко ответственно держать ценную книгу летом у себя, когда и сам собираюсь уехать[2], то я отдал ему книгу, сказав, что Ваш досмотр уже придется сделать тогда в сентябре.

Меж⟨ду⟩ прочим прибавил он, что у него может и еще кой-что найтись по этой части. Книга — хронограф исключительно ветхозаветный. Любопытные вещи о детстве Ноя и т. п. Может быть, впрочем, всё это для Вас не новость.

Где лето?

Привет.

Ваш Измайлов

Николин день[3].

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 17

[1] См. п. 23, 24.

[2] Лето 1912 г. Измайлов провел в дачном поселке Тарховка, под Петербургом.

[3] По народному календарю 9 мая отмечался праздник «Никола Вешний».

26

Измайлов — Ремизову

27 августа 1912 г., С.-Петербург

27. VIII.

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

Хоть ничего не могу предложить Вам у себя интересного, но очень бы хотелось видеть Вас у себя сего 30, в четв⟨ерг⟩, на именинном пироге, вечером (с 9). Искренно бы обрадовали. Хотел бы знать, как Вы и каково настроение.

Искренно преданный Вам

А. Измайлов.

(17 лин⟨ия Васильевского Острова⟩, д. 70)

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 18. На почтовой карточке: «Таврическая 3[в], 23. Е⟨го⟩ в⟨ысокородию⟩ Алекс⟨ею⟩ Мих⟨айловичу⟩ *Ремизову*». Имеется помета Ремизова: «27/8 1912».

27
Ремизов — Измайлову
28 августа 1912 г., С.-Петербург

28/10 VIII 1912

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Алексеевич!

Если не уеду из Петербурга, приду непременно Вас поздравить, да пирога отведать, приду пораньше, часов в 8. К Вам поздно-то страшно[1].

Всего Вам хорошего.

А. Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 5.

[1] По-видимому, указывает на отдаленность места проживания Измайлова и на невозможность в позднее время найти там извозчика.

28
Ремизов — Измайлову
30 августа 1912 г., С.-Петербург

30/12 VIII 1912

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Алексеевич!

Сговорился вчера с Гржебиным, соседом моим[1], собраться на именины к Вам, а вот посылаю письмо да птицу-колпалицу (когда-то Иван-царевич летал на этой птице), в Костроме я достал эту птицу[2]. С утра разнемогся и идти в таком виде не решаюсь: себе — в бремя, другим — в скуку.

Поздравляю Вас, Александр Алексеевич, и жить Вам и быть Вам на земле весело.

А. Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 6.

[1] З. И. Гржебин, соучредитель и совладелец издательства «Шиповник», в это время сосед Ремизова по дому (Таврическая ул., 3[в]): «Гржебин по одной лестнице; дверь через площадку» (*Ремизов*. Т. 8. С. 467).

[2] Речь идет об игрушке из коллекции Ремизова. Птица-колпалица, по словам писателя, возила Ивана-царевича, который «отрезывал ей в пищу мясо от своих икр» (*Кожевников П.* Коллекция А. М. Ремизова: (Творимый апокриф) // Утро России. 1910. 7 сент. (№ 243). С. 2).

29
Измайлов — Ремизову
1 сентября 1912 г., С.-Петербург

1 сент⟨ября⟩

Дорогой Алексей Михайлович,

Тронут Вашею ласковостью и подарочком. Машинально приложил сову к губам и засвистел (был в комнате один), и так почудилось, что она подвыла[1]:

— Холодно! Холодно! Холодно, — что в самом деле подумалось, что она живая. Это вы ее наколдовали, и на нее лег отсвет Вашего поэтического миропонимания. Спасибо сердечное. Будет она у меня стоять на столе и напоминать детство.

Очень-очень жалею, что Вы частенько прихварываете. Так ведь Вы еще молоды, — чего это расклеились!

Надо мной бегают по потолку детские ножки. Значит, семья того дьякона, у к⟨ото⟩рого занятный хронограф, уже съехалась. Если сам не приехал, то верно — приедет на днях. Когда бы вы ни захотели повидать книгу, — напишите, — зайдем к нему[2].

Еще — не черкнете ли (для газеты): где были, что делали, кого видели, что занятное слышали[3].

Хочу душой Вас видеть, но как трудно вырваться из моего хаоса! Однако, хоть раз в году да должны мы видеться, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ я мог отвести душу в беседе с Вами, в к⟨ото⟩рой для меня столько услады. Кругом люди-практики, дельцы да пустышки. Мало стало настоящих.

Обнимаю Вас. Привет Серафиме Павловне.
Ваш душой

А. И⟨змайлов⟩.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 117 Л. 19—20. Имеется помета Ремизова: «2/15 IX 1912».

[1] См. примеч. 2 к п. 28.

[2] См. п. 23, 24, 25.

[3] Измайлов просит Ремизова прислать материал, использованный им для статьи «В литературном мире: Осенний слет» (ответ Ремизова см. в примеч. 1 к п. 30). В статье были опубликованы реплики литераторов о летнем времяпрепровождении. Помимо Ремизова, в опросе приняли участие П. Д. Боборыкин, А. В. Амфитеатров, Ф. Сологуб, Вас. И. Немирович-Данченко, В. А. Тихонов.

30
Ремизов — Измайлову
2 сентября 1912 г., С.-Петербург

2/15 IX 1912
Таврическая 3в кв. 23

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Спасибо за письмо Ваше. Приду к Вам непременно, оправлюсь и приду. Холод этот меня измучил совсем. Посылаю для газеты, если это пригодится[1]. Всего Вам хорошего.

А. Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 7.

[1] Ремизов прислал развернутый ответ: «А. М. Ремизов предпринял летом длинное путешествие по родной провинции. — Добрым словом, — говорит он, — помяну минувшее лето. Много дал мне Бог испытать и увидеть, а того больше — услышать. Странников Божиих встретил я, что *расточают* дары жизни своей по дорогам нашим, — бездорожию унылому. Крепких русских людей встретил я, что не продадут Россию за какую копейку. А много жалобы в мире нынче, что продают… мать про-

дают свою за копейку! Кони носили меня, да Бог помиловал, остановил коней и мне еще на свете побыть дал — посмотреть на Божий свет, полюбоваться им, послушать, что в людях говорят. Был я во Ржеве городе, у Воскресения в церкви был, где правил когда-то службу ржевский протопоп о. Матфей. Крепкой великой веры был о. Матфей и до сих пор живет память о нем: смертью голодной уморил себя. — Заходил я к Денисихе. — „Пряничная торговля Денисова-Калашникова", пряник купил ржевский в 6 фунтов с половиною, белый пряник, в узорах, с миндалем, а дух — фисташковый. В самое пекло жил я в Бобровке, в усадьбе у А. А. Рачинской (Бобровка в 15 верстах от знаменитого Татева, где потрудился свой век С. А. Рачинский). С детьми — в Бобровке много детей, был там и Разбойничек, была и Коза Козловна, — да за писанием прошли дни в Бобровке. Был я и в Костроме-матушке, видел в Ипатьевском монастыре Псалтырь Годуновскую с миниатюрами, работы изумительной русских мастеров наших. И еще другую видел я там Псалтырь, поменьше и такую „роскошную", поблекшую всю, тончайшую, согретую вздохами умиленного сердца, видел *вòздухи* царевны Ксении, дочери царя Бориса, своими руками царевна вышивала; фонарь трогал — это тот фонарь самый, с которым люди „всего мира" шли царя Михаила в Москву на престол звать. Под Успеньев день стоял я у всенощной в соборе перед Федоровской (евангелист Лука писал), ночи над прологом сидел. Беседовал с знаменитым Иоаном Митричем, ревнителем костромской старины, про которого в людях идет молва, что такой *столбец* (свиток) отыскал он длины непомерной. На себе носит, двадцать лет читает, дочитать не может, а написано в столбце том, как нашему русскому царству быть. Всё лето писал, всё повесть мою писал, „Пятую язву", герой которой студенецкий судебный следователь, статский советник Бобров по примеру дьяка Василия Тимофеева да Авраамия Палицына, затеял сочинение, нечто вроде обвинительного акта русскому народу. Вот о жизни его я и писал» ([Б. п.]. В литературном мире: Осенний слет // *БВ*. Веч. вып. 5 сент. (№ 13127). С. 6). В «Биржевых ведомостях» была опубликована сокращенная версия отклика Ремизова. Автограф сохранился в архиве Ю. Г. Оксмана в РГАЛИ (Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 92. Л. 16—17), его публикацию с зафиксированной редакционной правкой см. в кн.. *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 102—104.

31
Ремизов — Измайлову
8 ноября 1912 г., С.-Петербург

8/21 XI 1912
Таврическая 3в кв. 23

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Разрешите мне к Вам прийти в четверг или в пятницу рукопись посмотреть[1]. Могу я быть у Вас: в четверг часа в 3, а в пятницу и в 3 и в 4 и в 5, как хотите.

Не хочется мне Ваши часы нарушать.

А. Ремизов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 1.

[1] См. п. 23, 24, 25, 29.

32

Ремизов — Измайлову

26 декабря 1912 г., С.-Петербург

26 XII 1912
Таврическая 3в кв. 23
А. Ремизов

Дорогой Александр Алексеевич!

С праздником Вас, с Рождеством, с Новым годом. Виноват я перед Вами, наобещал прийти и до сих пор не пришел[1]. Трудные дни были.

Послал я Д. И. Бразулю-Брушковскому[2] о таинственном. И прошу Вас, Александр Алексеевич, скажите в редакции, чтобы не вымарывали слов моих[3]: я старался кратко, сжимал — больше невозможно. Вышла страница — 1724 буквы[4].

В феврале, даст Бог, пришлю Вам книгу мою с рассказами[5] и с «Бисером малым», который, я слышал, Вам не понравился[6]. Признаюсь, когда писал, думал, что Вам-то и будет по сердцу.

Всего Вам хорошего, Александр Алексеевич, отдыхайте — или и на праздниках нету Вам отдыха?

А. Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 8.

[1] См. п. 31.

[2] Д. И. Бразуль-Брушковский, журналист, участвовал в ряде провинциальных и столичных периодических изданий, сотрудник газеты «Биржевые ведомости».

[3] Возможно, Ремизов выражает недовольство в связи с сокращением его текста о летнем отдыхе 1912 г., см. примеч. 1 к п. 30.

[4] В декабре 1912 г. «Биржевые ведомости» опубликовали реплики «писателей, артистов, художников» о таинственном. Ответы были предуведомлены вступлением редакции: «Рождественские святки — время по преимуществу россказней из мира таинственного, мистического. Внося свою лепту в этот традиционный обычай, редакция и дает ниже несколько свидетельств о таинственном в жизни наших известных писателей, артистов, художников, слово которых сомнению не подлежит» (Таинственное: Писатели и артисты о загадочном в их жизни // *БВ*. Веч. вып. 1912. 29 дек. (№ 13321). С. 4). Свои ответы прислали: П. П. Г(недич), С. А. В(енгеров), Тэффи, Н. Н. Ходотов; П. М. Н(евежин), Ф. Сологуб, И. А. Гриневская. Ремизов прислал развернутый ответ: «Тот год выдался не легкий, дни — заботливы и тревожны, часы — тяжки, минуты — безумны. Поздно вечером, помню, вернулся я из театра, засветил свет у себя в комнате, присел к столу и думал, много о чем думал и так, не сказал бы, что минуту только что думалось, о людях думал, о книгах, о России нашей, о русском нашем и о тех, душа о ком болит... Перебивая мои мысли, заговорил кто-то, и странно, не по-русски, по-английски заговорил... это домовой наш, его голос, я сейчас же узнал. Я никогда не видал его, одно знаю, живет он в моей комнате на левом валике дивана под волчьей шкурой. Странно, такой русский и так заговорил вдруг! Но меня уж другое мучило: слово, которое повторял домовой, обидное, гнусное такое, мучило меня, и я хотел резко ответить ему, но сдержался и сказал, как сказал мудрец: — Эх, хозяин, еще хорошо, что не всё ты про меня знаешь, а то и не так бы меня назвал! — Домовой замолк, ничем не отзывался. А я встал, чтобы идти из комнаты и остановился: на диване на правом валике, на козлиной шкуре вдруг поднялось что-то, так чучела серая и как будто с длинными заячьими ушами. Я нагнулся посмотреть поближе и отступил: да вовсе это не уши заячьи, это глаза торчали, глаза ушами заячьими подымались с лица над головою, и свет разгорался в них, зеленоватый, разгораясь волной, сновал. Ничего не говорил *глазатый*, ни о чем не спрашивал меня, и только смотрел, а свет волной катил из его налитых глазатых глаз — так и смотрел, так и светил, и всё, кажется, и тайники самые подсердечные мои светил. Волны вились, плыли, тонкими нитями кружились, плыли все ближе и ближе, и я увидел, не шелковинки тонкие, острейшие иголки и неизбежные тянулись ко мне, мучили меня мертвой тоской. И подошла волна, кольнула — прямо сюда кольнула меня, вот сюда, где так мне больно было в тяжкие часы, в мои безумные минуты. Я перекрестился — и выскочил вон» (Там же).

[5] Подразумевается: *Ремизов А. М.* Подорожие: Рассказы. СПб.. Сирин, 1913. 264 с. В издание вошел цикл миниатюр «Бисер Малый: От словес Дебренского старца» (опубл.. Заветы. 1912. № 8. Отд. 1. С. 42—60). Книга вышла из печати весной 1913 г. В архиве Л. И. Аверьяновой (РО ИРЛИ. Ф. 255. Ед. хр. 48) сохранился лист с дарственной надписью: «Александру Алексеевичу Измайлову на праздник святыя Пасхи. Алексей Ремизов. 1913 г.». Предположительно этот лист был вложен в книгу «Подорожие» или вырван Измайловым из нее. Ответом на этот дар стала книга *Пестрые знамена*, см. п. 33.

[6] Речь идет об отзыве: *Измайлов А. А.* В литературном мире: Словеса Дебренского старца // *БВ*. Веч. вып. 1912. 5 дек. (№ 13283). С. 5. В целом отзыв составлен в негативном ключе, хотя в нем даны и положительные оценки цикла. Ср.: «В таком роде все сказы Ремизова, которые можно было бы назвать легендарными примитивами. Про-

стенькая мысль, беглая картинка, коротенькая притча. В сущности, впечатление чего-то бедного и скудного даст Пролог тому, кто, не зная его, хотел бы знакомиться с ним по страничкам Ремизова. Пролог, на самом деле, некоторыми страницами великолепен. В нем много мудрого и поэтического. Это — „темник" для писателя, на палитре которого краски богаты, как у Лескова. Красок у Ремизова и нет. Он не дает вам ни заката в пустыне, ни вида „искупителя", ни образа подвижников. „Все виды искусства хороши, кроме скучного" Трудно подвести ремизовские сказы под понятие „нескучного искусства" Не верит же он сам в бесов и бесноватых, в вошь, подобную мышам, и в грех проспавших заутреню. Когда такое сказание читаешь в Троицких листках Почаевской лавры, рассчитанных на народ, их понимаешь. Как литературное произведение, рассчитанное на читателя толстого журнала, — его встречаешь с недоумением, даже питая уважение к литературному и человеческому облику Ремизова» (Там же).

33
Измайлов — Ремизову

3 января 1913 г., С.-Петербург

Дорогой Алексей Михайлович,

Приветствую Вас и жену Вашу с светлыми святками и Новым годом. Давай Бог здоровья и жадности в работе.

Очень благодарю Вас за Ваш отрывок. Это, пожалуй, самое интересное среди того, что сказали другие[1].

Спасибо Вам и за память и за Вашу искренность, — в касании вопроса о «Словесах старца»[2]. На этот раз разность взглядов наших вот в чем. Я убежденный сторонник стилизованного рассказа на фоне апокрифа сказки, легенды из пролога, Талмуда и т. д. Но единственным правом на существование такого жанра я считаю перерождение легендарного мотива в собственном писательском воображении. Вот почему я считаю прекрасными сказы Лескова, где хотя бы в «Льве старца Герасима» дана такая картина пустыни, что ее хочется заучить наизусть. Это уже от Лескова. Ничего подобного в прологе нет[3]. Я бы думал, что должно брать из сказа канву, ствол, а все краски и листья должны быть наши. С этой стороны я почувствовал неудовлетворенность, после очень внимательного прочтения сказов старца. Простите мне мою непрошеную искренность, но в моем положении или надо быть искренним, или ничего не писать[4].

Совсем на днях должна выйти моя книжка, куда между прочим пошел очерк о Вас. В основе он остался тем же, но я постарался со всею ясностью заявить в нем мое искреннее преклонение перед Вашею человеческой и писательской личностью[5]. Мне думается, что если Вы прочтете его не с большим удовлетворением, то с меньшим неудовольствием.

Заметили ли Вы, что Академия наук приступает к изданию старинного апокрифа? Это будет превосходный подарок нам с Вами.

А я болен, и в 1-й день года лежал в постели.

Ваш А. Измайлов

3/I.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 4—4 об.

[1] Речь идет об ответе Ремизова на анкету «О Таинственном». Его ответ см. в примеч. 4 к п. 32.

[2] См. примеч. 5 к п. 32.

[3] Сказы, или т. н. «византийские легенды», — цикл стилизованных повестей Н. С. Лескова, написанных им в конце жизни. Этим произведениям Измайлов посвятил отдельную главу в книге «Лесков и его время», см.. *Измайлов А. А.* Лесков и его время / подгот. текста, преамбула А. С. Александрова (в соавт. с О. Л. Фетисенко) // Н. С. Лесков: Классик в неклассическом освещении. СПб., 2011. С. 416—435.

[4] В письме Измайлов уточняет мысли из отдельных пассажей рецензии. Ср.. «В последние годы жизни Лесков, всегда сильно тяготевший к старорусской духовной литературе, увлекся нашими Прологами. Наперерыв с Толстым, он выискивал из старых, так называемых „отреченных" книг характерные сказания и чеканил из них удивительно стильные и иногда трогательные легенды. „Прекрасная Аза", „Лев старца Герасима", „Скоморох Памфалон" останутся надолго памятниками этого своеобразного красивого увлечения старого великолепного мастера. Но в Лескове горячо бился нерв писателя современности. Старые, покрытые пылью городов легенды были дороги ему не сами по себе, а как иллюстрации его глубоких и часто тонких нравственных идей. В колпаке скомороха Памфалона можно угодить Богу гораздо больше, чем под монашеской рясой ‹...› Сейчас по стопам Лескова идет Ремизов. „Бисер малый" — это двадцать небольших благочестивых сказок, не больше странички величиной, из ветхих книг Иоанна Лествичника, из Ефрема Сирина, а главным образом — из рукописи Пролога XVI века и рукописного же Подлинника села Ереня. Но Ремизова увлекла сама по себе ветхая красота старых сказаний, их яркая стильность, их общая благочестивая мысль. Это — человек, раз навсегда влюбившийся в старую нашу письменность, в кроткую, благочестивую ее поучительность, в святость ее, в испуг ее перед „бесной

силой", в самое слово ее, в самую внешнюю передачу слова, в рукописный завиток, в киноварную букву, выведенную рукой терпеливого искусника XVI или XVII веков. Не ищите у Ремизова той идейности, к какой нас приучил Лесков. „Бисер малый" — просто легенды, благочестивые притчи и поучения» (*Измайлов А. А.* В литературном мире: Словеса Дебренского старца // *БВ.* Веч. вып. 1912. 5 дек. (№ 13283). С. 5). См. также примеч. 6 к п. 32.

[5] Измайлов говорит о своей книге «Пестрые знамена» (М., 1913). В сборник вошел очерк о Ремизове «Старорусские кружева: (Быль и легенда А. М. Ремизова)» (с. 87—101); первоначально опубл.. *Измайлов А. А.* Бесовские арабески: (Литературный портрет А. Ремизова) // *НС.* 1911. № 9. С. 64—69.

34
Ремизов — Измайлову
14 января 1913 г., С.-Петербург

14 I 1913
Таврическая 7 кв. 23

Дорогой Александр Алексеевич!

Простите, что не написал Вам ничего. Получил письмо от Вас, что больны, а сам уж был на краю совсем: только-только что у стола, а в глазах темь да зелень.

Мне писал В. А. Бонди о рассказах для «Огонька»[1]. Ничего я не мог ему дать и пообещать не мог.

Не могу писать и нельзя, все градусы высоко стоят. Опять, как три года назад, воспаление легкого (левого). Так не хотелось ложиться, а лежу.

Всего Вам хорошего, Александр Алексеевич.

А. Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 10.

[1] В. А. Бонди, литератор, редактор журнала «Огонек», газеты «Биржевые ведомости».

35
Ремизов — Измайлову
25 мая 1913 г., Париж, Франция

25 V / 7 VI 1913
Paris, 63 rue Monsieur le Prince
Hôtel de l`Univers
A. Rémisoff

Дорогой Александр Алексеевич!

Благодарение Вам мое выражаю за книгу Вашу, — переслали мне ее сюда.

Много Вы правильного говорите обо мне в той части статьи Вашей, где копытите меня. Правда, не умею я писать, не умею описывать, как люди движутся, и думаю (и Вы это уразумели), в этом всё мое существо нищее, безногое[1].

А что до похвального, не к писанию моему относящегося, Бог с Вами, Александр Алексеевич, мешок-то на колокольню и я таскал в великую Среду, и тяжелый!

Всего Вам хорошего

Отдохните летом, Ваше дело трудное.

А. Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 12—13.

[1] Подразумеваются размышления Измайлова в главе о Ремизове: «Наградив Ремизова наблюдательской цепкостью, судьба отказала ему в очень ценном для беллетриста даре, — даре синтеза, в живом воображении, в мастерстве создавать художественное целое из мелкой цветной мозаики 〈…〉 Ремизов определенный статик. Он мастер описывать и почти не умеет рассказывать» (*Пестрые знамена*. С. 88—89).

36
Измайлов — Ремизову
29 августа 1913 г., С.-Петербург

30
АВГУСТА,
иже во святых отца нашего
благоверного великого князя Александра
Невского, в схимонасех
Алексия.
(Для памяти: Вас⟨ильевский⟩ остр⟨ов⟩, 17, д. 70).

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 15. Приглашение на традиционные именины Измайлова.

37
Ремизов — Измайлову
29 августа 1913 г., С.-Петербург

Дорогой Александр Алексеевич!

Праздники заходят с вечера, и потому в час всенощной пишу Вам — поздравляю Вас с ангелом. Хочется мне прийти к Вам завтра вечером и приду часов в 9, только бы всё было не так, как сегодня, кроме как ко всенощной никуда не пойдешь, — так опять я расстроился и изнемог.

Ложку Вам от Сергий-Троицы привез,
принесу[1].

А. Ремизов

Серафима Павловна кланяется Вам

29 августа 1913

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 14.

[1] 7 августа 1913 г. Ремизовы, возвращаясь из длительного заграничного путешествия, посетили Троице-Сергиеву лавру. См.: Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / публ. Е. Р. Обатниной // *Ежегодник РО ПД* на 2002 г. СПб., 2006. С. 403—404. Такой же подарок Ремизов приготовил не только Измайлову; ср. в его письме к Д. В. Философову: «Посылаю Вам ложку от Троице-Сергия, сам купил — для моего Философова» (Там же. С. 403).

38
Измайлов — Ремизову
24 декабря 1913 г., С.-Петербург

24. XII. С светлым праздником, дорогой Алексей Михайлович. Тем дороже был Ваш ласковый подарочек, чем грустнее было ощущение при виде новой В⟨ашей⟩ книги[1]: «Не прислал Алешенька. Видимо, рассердился»[2]. Спасибо душевное. Три вещи показал бы Вам у себя любопытные, если бы пожаловали, но слышу — прихварываете. Грустно. Привет Сераф⟨име⟩ Павловне.

Обнимаю Вас.

Ваш А. И⟨змайлов⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 2. Открытое письмо с портретом Г. Р. Державина. На карточке: «СПб. Таврическая ул. 7 кв. 23. Е⟨го⟩ в⟨ысокородию⟩ Алексею Михайловичу Ремизову».

[1] Вероятно, речь идет о книге: *Ремизов А. М.* Докука и балагурье: Русские сказки. СПб.. Сирин, 1914. 279 с.

[2] Возможно, Измайлов полагает, что Ремизова могли задеть некоторые пассажи из его, в целом положительной, рецензии на повесть «Пятая язва». Ср.. «Как жаль, что Ремизов не унаследовал от старого писателя ⟨Лескова — *А. А.*⟩ и еще двух черт, без которых не может быть настоящего художника, — мастерства выдумки и способности рисовать жизнь в действии, а не в стоянии (памятника, а не статика)!» (*Измайлов А. А.* Новости литературы: «Пятая язва» // *РС*. 1912. 10 нояб. (№ 260). С. 5).

39
Измайлов — Ремизову
Середина января 1914 г., С.-Петербург

Сердечный привет дорогому Алексею Михайловичу.

Если на днях придет к Вам некто Вавулин[1], — примите его: он покажет Вам любопытные рукописи[2].

Ваш искренний доброжелатель.

А. Измайлов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 3.

[1] Н. В. Вавулин, журналист, автор книги «Безумие, его смысл и ценность: Психологические очерки с 24-мя иллюстрациями» (СПб., 1913); Измайлов познакомился с ним в середине 1900-х гг. В коллекции инскриптов из архива критика сохранился титульный лист издания с дарственной надписью Вавулина: «От автора с чувством симпатии и глубокого уважения Александру Алексеевичу Измайлову — в знак моей признательности за ласку и привет, оказанные мне в июне 1906 г. при первом моем выступлении на литературную дорогу. СПб. Ноября 29 дня 1912 г.» (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 7).

[2] Очевидно, речь идет о записях фольклорных текстов. В январе 1914 г. Вавулин опубликовал в «Биржевых ведомостях» сказку «Черные гости» (*Вавулин Н.* Черные гости: Сказка // *БВ*. Веч. вып. 1914. 2 янв. (№ 13932). С. 4). К публикации имеется авторское примечание: «Сказка эта записана мною со слов моей няньки, крестьянки Гдовского уезда, дер. Залустижья».

40
Ремизов — Измайлову
15 января 1914 г., С.-Петербург

15 генваря 1914 г.

Дорогой Александр Алексеевич!

Спасибо Вам за Ваш добрый, слишком добрый отзыв[1]. Вы много верного сказали обо мне в прошлом, и я ценю слова Ваши.

Александр Алексеевич, всё собираюсь к Вам. От Добронравова узнал, как можно условиться с Вами о дне: телефон мне Ваш сказал в «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостях⟩»[2]. Я так и сделаю.

Я очень плохо себя чувствую. Осенью, как вернулся, так и захворал. А теперь за хворь расплата: истощен весь и измучен. Надо уехать на месяц, доктор советует. Вот и думаю, куда и как. Еще ничего определенного не решили[3].

Если бы Вавулин, о котором пишете, меня предупредил за день! А то, боюсь, придет утром, а у меня будет в глазах темнеть.

Всего Вам хорошего, Александр Алексеевич. Скоро уж я и приеду к Вам и Вас буду просить к нам.

А. Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 15—16.

[1] Возможно, Измайлов передал Ремизову оттиск ежемесячного фельетона «Хрестоматия новой литературы» из журнала «Новое слово» (*Измайлов А. А.* Хрестоматия новой литературы // *НС.* 1914. № 2. С. 113—118). Первый параграф фельетона «Отражение богоискательства в художественной литературе: („Свет незаходимый" — А. Ремизова)» посвящен циклу рассказов, опубликованных в конце 1913 г. (см.. Русская мысль. 1913. Кн. 10. Отд. 1. С. 45—60; Там же. Кн. 11. Отд. 1. С. 3—16). В фельетоне Измайлов дает высокую оценку творчеству Ремизова в целом: «Много воды утекло с тех пор, как Ремизов впервые взял перо писателя, многое за это время написал, вот, когда волосы его начинают слегка серебриться, к нему приходит известность, признание, ласка журналов, приветливость критиков. Его имя становится той маркой, которую каждому журналу лестно иметь на себе. Перед ним уже то счастливое положение, когда журнал возьмет от него вещь, не считаясь с тем, что она прямо не служит идеям и тенденциям, излюбленным в редакционном кружке. Вольнодумцы позволят ему на своих страницах говорить о Боге, и социал-демократы и марксисты примут от него пересказ из славянского Пролога или киевского Патерика. Уже ничего не мешает Ремизову быть теперь самим собою, чего так жадно и так напрасно ищут и ждут многие» (*Измайлов А. А.* Хрестоматия новой литературы // *НС.* 1914. № 2. С. 113).

[2] Л. М. Добронравов, прозаик, актер, режиссер и пианист. См. о нем в книге Ремизова «Петербургский буерак» (*Ремизов.* Т. 10. С. 362—369). Добронравов поддерживал дружеские отношения с Измайловым и часто бывал у него в гостях. См., например, его сообщение в письме к Ремизову от 26 декабря 1913 г.: «Был я в первый день Рождества, по обычаю, у А. А. Измайлова, который вспоминал Вас и Ваш рассказ в „Русской мысли" о Париже. Ему чрезвычайно понравился» (РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 4 об.).

[3] В 1914 г. Ремизовы предприняли длительное заграничное путешествие по Европе: в апреле — мае они посещали итальянские города (см. п. 41), а в июле остановились в Берлине. О европейском турне Ремизовых см. также: *Ремизов.* Т. 3. С. 634.

41
Ремизов — Измайлову
30 апреля 1914 г., С.-Петербург

30 апреля 1914 г.
Таврическая, 7 кв. 23
209-69

Дорогой Александр Алексеевич!

Знаю, не от Вас это зависит, и только прошу напомнить В. А. Бонди.

Я ему писал, а звонить по телефону стесняюсь. А деньги очень нужны за «Кабачную кикимору»[1], хотим в воскресенье в путь отправляться не близкий — к Угоднику Николе в град Бари и в Рим седмохолмный[2].

Вы меня простите, Александр Алексеевич, что прошу о передаче просьбы моей к В. А. Бонди[3].

Ваш дар — столбец в 4 арш⟨ина⟩ 14 верш⟨ков⟩ будет напечатан[4].

Всего Вам хорошего желаю

Алексей Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 17

[1] Опубл.. *Ремизов А. М.* Кабачная кикимора: Народная сказка // Огонек. 1914. № 18. С. [12—16].

[2] Ремизов с женой отправился в Рим в мае 1914 г.

[3] С просьбой к Измайлову Ремизов обратился после нескольких неудачных обращений к Бонди. В письме к редактору «Огонька» от 26 февраля 1914 г. писатель, в частности, сообщал: «Посылаю Вам для пасхального „Огонька" две сказки („Голова" и „Подожек") под общим названием *„За душу"* Эти две сказки отвечают на один вопрос (что за душу человеку бывает?), этим вопросом они и объединены. Прошу, если найдете возможным, гонорар прислать мне вперед на квартиру» (ОР РНБ. Ф. 90. Ед. хр. 27 Л. 5). См. также письмо Ремизова к Бонди от 5 марта 1914 г.: «Я Вам послал для Пасхального „Огонька" две сказки („Голова" и „Подожек") под общим названием *„За душу"* Мне хотелось бы получить гонорар вперед (по 40 к. за строч⟨ку⟩), и я просил бы прислать его ко мне на дом» (ОР РНБ. Ф. 90. Ед. хр. 27 Л. 7).

[4] Столбцы — древнерусские рукописи-свитки. Об этом типе рукописей Ремизов написал следующее: «Столбец — это узенькие полосы бумаги, склеенные концами и скатанные в трубочку. Размер столбцов разный: попадают и такие, не длиньше нашей почтовой бумаги, а другой раз возьмется, и мерить — аршину не хватить, да и рас-

катать его негде, а если вверх подымать, с Ивановскую колокольню будет» (*Ремизов А. М.* Россия в письмах: Столбец: Письмо горностаево // Заветы. 1914. Кн. 6. Отд. 1. С. 178—188. Речь идет о рукописи, подаренной Измайловым. Текст рукописи лег в основу ремизовской публикации «Столбец», впоследствии вошел в цикл «Россия в письмах». Оттиск первой публикации с инскриптом писателя сохранился в архиве критика:

«Александру Алексеевичу Измайлову

Оттиск из 6-й книги „Заветов" с воспроизведением столбца — дар Александра Алексеевича Измайлова.

Алексей Ремизов

30 авг⟨уста⟩ 1914 г.»

(РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 19).

42

Измайлов — Ремизову

30 августа 1914 г., Петроград

202-84

30

АВГУСТА,

иже во святых отца нашего

благоверного великого князя Александра

Невского, в схимонасех

Алексия.

(Для памяти: Вас⟨ильевский⟩ остр⟨ов⟩, 17 д. 70).

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 16. Печатное приглашение на традиционные именины Измайлова.

43

Ремизов — Измайлову

8 октября 1914 г., Петроград

8 окт⟨ября⟩ 1914 г.

Дорогой Александр Алексеевич!

Посылаю «Свет необоримый»[1].

На другой лад не ладится.

Дайте на волю выйти, воздухом подышать, а то очень мне трудно и куда уж ко «блохе» подступать.

Всего Вам хорошего

А. Ремизов

Может быть, возможно мне получать утр⟨енние⟩ «Биржевые ⟨ведомости⟩», если так водится.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 20.

[1] См.. *Ремизов А. М.* Свет необоримый: Святозерская повесть // *БВ.* 1914. Утр. вып. 10 окт. (№ 14424). С. 3.

44
Ремизов — Измайлову
31 октября 1914 г., Петроград

31 окт⟨ября⟩ 1914 г.

В редакцию «Биржевых ведомостей»[1].

Приношу мою благодарность редакции за приглашение на годичный обед сотрудников.

По нездоровью моему не могу быть на обеде.

Желаю всего хорошего

Алексей Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 21. Приглашение на обед сотрудников «Биржевых ведомостей», возможно, было послано за подписью Измайлова, поэтому ответ и сохранился в архиве критика в основном массиве писем Ремизова. Приводим данное письмо в настоящем своде, как имеющее непосредственное отношение к Измайлову, который выступал в том числе и посредником сотрудничества Ремизова с изданиями С. М. Проппера.

[1] Традиционный обед сотрудников, инициатором которого выступал Проппер. Эти мероприятия проходили в торжественной обстановке. В обедах участвовали не только сотрудники «Биржевых ведомостей», «Огонька» и «Нового слова», а также пригла-

шенные авторы, но и политики, крупные промышленники, сотрудники посольств. Об участии Измайлова в этих обедах см. в воспоминаниях Ясинского: «Заботясь о добрых отношениях с сослуживцами и товарищами, Измайлов не пропускал ни одного большого праздника без поздравительных визитов, а на наших редакционных обедах, или когда сотрудники приглашались издателем к себе в дом (на угол Невского и Екатерининского канала, там, где был выстроен впоследствии американский дом Зингера), являлся во фраке и, пощипывая бородку, выражал свои лучшие пожелания жене издателя и самому издателю» (*Ясинский*. Т. 1. С. 535).

45
Измайлов — Ремизову

После 16 февраля — начало марта 1915 г., Петроград

Дорогой Алексей Михайлович,

Я надеюсь, что Вы не истолкуете в смысле недоброжелательства с нашей стороны посылку Вам при сем прилагаемого письма г-жи Андрониковой[1], полученного редакцией и имеющего к Вам отношение. Сначала я хотел лично ответить этой особе, с попыткой уяснить ей разницу между записью ученым народной легенды и художественным воссозданием. Но это и заняло бы много времени (и я так горю в хаосе дел), и, пожалуй, было бы ненужным: может быть, это трудно внушать. Поэтому я теперь посылаю Вам письмо, — поступайте, как хотите. Если угодно, выясните ей сами эту разницу: если угодно, — оставьте письмо без ответа. Редакция во всяком случае отвечать не будет.

Не знаю, здесь ли Вы, а во всяком случае нам нужны Ваши вещи, и в том числе пасхальные.

Искренне Ваш

А. Измайлов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 10.

[1] 16 февраля 1915 г. в редакцию «Биржевых ведомостей» обратилась с письмом Н. А. Андроникова, дочь священника и собирателя фольклора А. С. Андроникова: «Обращаюсь к Вам, Господин Редактор, с просьбой: пожалуйста, не принимайте больше в печать переделанных вещей моего отца, написанных г-ном А. Ремизовым. В про-

шлый год за декабрь месяц им были помещены две вещи: „Микола Милостивый" и „Солдат" Эти же самые вещи были записаны в 90-х годах моим отцом. Одновременно с этим письмом я посылаю Вам их, чтобы Вы могли удостовериться в правдивости моих слов. Надеюсь, что дальнейшая переделка и перепечатка кончится» (РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 4. Ед. хр. 6. Л. 1—2). В письме речь идет о сказках Ремизова «Никола милостивый, угодник Божий: Народное сказание» (*БВ*. Утр. вып. 1914. 6 дек. (№ 14538). С. 2) и «Солдат. Народная сказка» (Там же. 25 дек. (№ 14575). С. 3). Н. А. Андроникова предполагает, что источником сюжетов ремизовских сказок является публикация ее отца: *Андроников А. А.* Народные сказки Костромской губ., записанные в 90-х гг. XIX в. // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1914. Вып. 1. С. 127—141.

46
Ремизов — Измайлову
6 марта 1915 г., Петроград

6 марта 1915 г.

Дорогой Александр Алексеевич!

Посылаю Вам рукопись «Семь бесов» для пасхального №-а «Биржевых ведомостей»[1]. И покорная просьба, накажите корректору, сохранить мой

фимиан

и кандило

Боюсь, что это неискушенного смутит.

И еще просьба о гонораре: как можно будет получить, позвоните мне,

хотелось бы на шестой неделе иметь

деньги, чтобы загодя приготовления начать

пасхальные

Всего вам хорошего

Алексей Ремизов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 22.

[1] Опубл.. *Ремизов А. М.* Семь бесов: (Рассказ) // *БВ*. Утр. вып. 1915. 22 марта. (№ 14741). С. 6. Орфографические особенности, на которых настаивал Ремизов, были учтены при публикации.

47
Ремизов — Измайлову
25 апреля 1915 г., Петроград

25. IV. 1915 г.

Дорогой Александр Алексеевич!

Прошение пишу к Вам:

Не найдет ли возможным редакция «Биржевых ведомостей» с 1 мая выслать мне газету бесплатно.

Алексей Ремизов.

Алексей Михайлович Ремизов
Петроград, Таврическая 7, кв. 23.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 474. Альб. 2. Л. 138.

48
Измайлов — Ремизову
Начало мая 1915 г., Петроград

Дорогой Алексей Михайлович,

Ко мне обратился неведомый из провинции человек[1] с письмом № 1-й, какое при сем приложено[2]. Не имея ни времени, ни охоты вступать в переписку по делу, прямо меня не касающемуся, я ответил ему советом обратиться, если он хочет, непосредственно к Вам, как к лицу, вполне компетентному по вопросу, какой его интересует. Письмо его послать Вам не решился, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ не вызвать какого-ниб⟨удь⟩ недружественного толкования. Но он не удовлетворился этим и все-таки просит направить его письмо к Вам. Исполняю его просьбу, в надежде, что Вы в таких условиях уже не поймете этого посыла неверно. Я позволил себе только одну поправку в письме № 2-й[3] — где он не совсем точно цитирует мое к нему в три строки письмо[4].

**Сердечный привет. А что же обещанные р⟨асска⟩зы?[5]
Ваш искренно**

А. Измайлов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 8.

[1] Подразумеваются письма Гиацинта Г., читателя Ремизова из Рязани, который обратился с письмами к Измайлову (сохранилось письмо № 1 от 10 апреля 1915 г. и недатированное письмо № 2 — РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 4. Ед. хр. 7); были пересланы Ремизову и сохранились в его архиве.

[2] Письмо Гиацинта Г. от 10 апреля 1915 г.: «Только сейчас я прочел во второй раз в „Пестрых знаменах" Ваш критический этюд о А. М. Ремизове — „Старорусские кружева" и считаю нужным прибегнуть к небывалому приему вдумчивого читателя — спросить у Вас разъяснения.

Самое характерное у Ремизова — конечно, его язык. И вот тут-то я наталкиваюсь на одну необъяснимую вещь: с необычайной смелостью А. Ремизов, уподобляясь Бенедиктову, изобретает или находит массу таких слов, которые звучат — простите за вольность — как древнеассирийские или папуасские речения. Кому и для чего нужны эти словечки, столь излюбленные Ремизовым? Литературный язык отнюдь не выиграет от таких ремизовских словечек, как вергасá, охаверник, внепрепонный, шкамарда и т. п. — имя же им легион. Кажется, наш язык дает количество слов, достаточное для того, чтобы выразить свои мысли с желаемыми гибкостью и полнотой. Но Ремизову этого не хватает: он напряженно морщит свой лоб, и старорусский бес, который несомненно засел в голове Ремизова, лукаво нашептывает ему ужасающий по своей дикости и бессмысленности ассортимент слов, которого нигде не услышишь. Неужели А. Ремизов не может удержаться от соблазна блеснуть такими словечками, как гундырка, шкулепа, дубастить, прособачить (sic!) и т. д.? К чему это? Для чего он употребляет эти чудовищные глаголы, пахучие прилагательные и существительные? Что это — желание пооригинальничать своим косноязычием или привычка? Начальник департамента в XX в. употребляет такие слова у Ремизова, что волосы становятся дыбом — напр⟨имер⟩ вергасá (что это значит — неизвестно), „прихвостить", „любилочка", „глагольливый", „говяда", обгриванный и др. [„Несекомая пуповина" и др.]. Многоуважаемый Александр Алексеевич! Что же это? Объясните мне, вопиющему во пустыне, что это значит? В чем разгадка ремизовского языка? Как может литературно-образованный человек подносить читающей публике диковинный, никому не нужный, никому не понятный и действующий на нервы лексикон? Для чего Ремизов с варварской непоследовательностью мешает в одной фразе такие, абсолютно неприемлемые в совокупности слова, как „телефон", „пресс-папье" — и „вергасá" с единственным, неподражаемым глаголом „взглуздить"? Если это необъяснимо, то ответьте мне, почему русские критики касаются этого слегка, точно ремизовский язык — заурядная вещь, не стоящая особенного внимания?

Ведь все эти словечки — варварство, уродование литературного языка! Нельзя допускать, чтобы в XX в., когда язык беллетристики настолько облагородился, при-

шел Ремизов и с издевательской аккуратностью „обогатил" его своими словесными аттракционами! Критика должна восстать ⟨против⟩ ремизовского языка, нахватанного из мертвых старинных книг. Ему не место в романе или рассказе.

Если Вы, Александр Алексеевич, разъясните мне мои недоумения, я буду Вам бесконечно благодарным. А. Ремизов выбил меня из колеи и раздражил меня. Пусть же Ваше слово успокоит меня: ответьте мне, и пусть слово присяжного критика даст приговор ремизовскому языку и душевное равновесие — мне» (РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 4. Ед. хр. 7 Л. 1—2 об.).

[3] Письмо Гиацинта Г. № 2 предположительно от конца апреля 1915 г.: «Благодарю Вас, Александр Алексеевич, за Ваш ответ. Но вполне ясного ответа по существу дела он мне не дал. Вы вполне справедливо отписали мне, что Ремизову свойственно всё ремизовское, а Вы Измайлов, ergo — обратитесь непосредственно к самому Ремизову.

Теперь вопрос — удобно ли спрашивать у Ремизова объяснения по поводу его ничем не объяснимого пристрастия к летописным словам? Весьма возможно, что Ремизов является в этой области фанатиком, который сочтет за оскорбление всякий честный вопрос по поводу его словечек, обращенный к нему. Я подчеркиваю свои слова — честный вопрос, потому что в нем не скрывается никакая задняя мысль. Читатель недоумевает. Просветите его, г. Ремизов!

Есть свободный, гибкий, музыкальный русский язык — язык Пушкина, Гоголя, Тургенева, Майкова — и есть другой русский язык с клеймом: made by Remizoff, язык, обремененный забытыми, затхлыми, косноязычными речениями, смысл которых нужно определять по словарю. Эти речения имели право на существование тогда, когда русский язык еще не был тронут западным влиянием. Но теперь, когда он так неизмеримо расширился и обогатился — прямо грешно вылавливать мудреные апокрифические словечки и вставлять их без нужды в свои произведения. Если это не спорт, не щегольство, не желание обратить на себя внимание и не фанатическая привязанность к русскому языку со всеми его крайностями — то трудно придумать еще какое-либо объяснение по поводу этой вещи.

Прошу Вас, уважаемый Александр Алексеевич, передать это письмо Ремизову, чтобы он лично ответил мне. Может быть, его объяснения и прольют свет на эту загадочную для меня вещь. Весьма вероятно, что и не я один терзаюсь в недоумении перед причудливостью ремизовского языка — может быть, по всей России сотни сознательных читателей, захлопнувших прочитанную книгу Ремизова, задумываются над странным капризом автора, преподносящего им язык, обильно уснащенный диковинными, нигде не слыханными глаголами, мудреными, загадочными существительными и прилагательными, от которых темнеет в глазах. Ответ на честный вопрос читателя — вот чем может Ремизов рассеять мое недоумение. Если Вы почему-либо не можете или не находите нужным передать это письмо мое Ремизову, то сообщите мне его адрес. Хотя, конечно, лучше было бы, если бы Вы лично вручили Ремизову мое давнишнее недоумение» (РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 4. Ед. хр. 7 Л. 3—4).

[4] Поправки относятся к следующим строкам письма: «Благодарю Вас, Александр Алексеевич, за Ваш ответ. Но вполне ясного ответа по существу дела он мне не дал. Вы вполне справедливо отписали мне, что *Ремизов есть Ремизов*, а Вы Измайлов, ergo — обратитесь непосредственно к самому Ремизову» (Там же. Л. 3. Подчеркнуто исправленное место. В письме Гиацианта Г.: «...Ремизову свойственно всё ремизовское»).

[5] О предоставленных Ремизовым для публикации произведениях см. п. 49.

49
Ремизов — Измайлову
17 мая 1915 г., Петроград

1915 г. 17 мая

Дорогой Александр Алексеевич!

Получил письмо Ваше и письма Гиацинта[1].

Повести цареградския я никак не могу откладывать, потому что книгу хочу выпустить летом — «Чаемый Цареград». После телефонного ответа Вашего — полежать, может, придется им! — отдал я их в «Лукоморье»[2], где напечатают их сейчас же. «Лукоморье» же и книгу издаст[3].

И есть у меня к Вам просьба, Александр Алексеевич. Первая просьба: был у Вас в руках «Невский сборник» (гранки), если сохраняете, дайте мне мой «Столп золотой», я перепишу его; не сохранилось у меня чистовой рукописи, а сборник не достанешь и «Аполлон», печатавший его, мне не отвечает[4].

А вторая просьба о «Алексее, человеке Божьем» («Страд Господен», или, как переменить следует: «Камень драгий»)[5].

Этот «Камень ⟨драгий⟩» войдет в мою книгу «Россия в письмах», которую составляю[6]. Если бы мне дали Вы гранки этого письма каличьего! Все ждал, что появится этот рассказ в «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостях⟩», покупаю газету ежедневно, а рассказа не вижу.

Вот, Александр Алексеевич, если можно, сделайте!

Всего Вам хорошего

Алексей Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 24—25.

[1] См. примеч. 1, 2 и 3 к п. 48.

[2] Речь идет о произведениях, вышедших в июне — августе в литературно-художественном и сатирическом еженедельнике «Лукоморье»: *Ремизов А. М.*. 1) Город обреченный // Лукоморье. 1915. № 25. 20 июня. С. 11; Зловещее // Там же; Лей иконописец // Там же. № 32. 8 авг. С. 12—13.

[3] Цикл сказаний о Царьграде, замысел написания которых возник у Ремизова с началом Первой мировой войны в 1914 г. Предполагалось, что цикл под заглавием «Чаемый Царьград» будет опубликован отдельной книгой в издательстве «Лукоморье»,

однако замысел не осуществился. Впоследствии цикл вошел в книгу «Трава-мурава» (Берлин, 1922). Подробнее об истории создания см.. *Линдеберг О. А.* «Чаемый Царьград» Алексея Ремизова и петроградское издательство «Лукоморье» // Печать и слово Санкт-Петербурга: (Петербургские чтения — 2010). Ч. 1: Книжное дело. Культурология. СПб., 2011. С. 62—66.

[4] Речь идет о сказке «Золотой столб», впервые опубликована: Невский альманах: Жертвам войны: Писатели и художники. Пг.; М., 1915. С. 64—66.

[5] Опубл.. *Ремизов А.* Камень драгий // *БВ*. Утр. вып. 1915. 7 июня. (№ 14889). С. 2. Впоследствии включен в книгу «Среди мурья» (М., 1917) под заглавием «Божий человек» и в иной редакции.

[6] «Россия в письмах» — цикл произведений Ремизова, печатавшихся в ряде периодических изданий с 1914 г. Первая публикация вышла в журнале «Заветы» (см.. *Ремизов А. М.* Россия в письмах: Круг жизни: Письма 1817—1826 гг. // Заветы. 1914. Кн. 3. Отд. 1. С. 136—154). В предисловии к публикации автор объяснял художественные задачи задуманного цикла: «Россия знает имена свои. К ним и обращено всё наше внимание: для России, для нас они святы. Но и те, среди которых сложились имена непреходящие, они тоже „были люди" и отошли под памятники и кресты людьми: для России, для нас и о них должна быть память. Как же проходила жизнь того общества, из которого вышло имя единственное, непреходящее? Как жили все эти отшедшие под крепкие памятники без памяти народной и все те притаившиеся под крестами, и вся жизнь-то которых до первой осени?» (Там же. С. 137). Впоследствии название цикла было скорректировано; первый том отдельным изданием был опубл.. *Ремизов А. М.* Россия в письменах. Т. 1. М., Берлин, 1922. 224 с. «Камень драгий» в цикл включен не был.

50
Измайлов — Ремизову
7 июня 1915 г., Петроград

Петроград 7/VI 1915 г.

Дорогой Алексей Михайлович,

Редакция «Биржевых ведомостей» убедительнейше просит Вас не отказать ей в возможно скором посыле одного, а может быть, двух небольших рассказов, не стесняя Вас никакими темами, никакими касаниями войны и прося только считаться с принятым у нас размером — 250—300—350 строк[1]. Разумеется, очень приятно, если бы по настроению рассказ считался с моментом. Но и это не обязательно, если рассказ будет интересный и фабульный.

Не поставьте себе в труд поскорее уведомить пишущего Вам эти строки.

Ваш искренне

А. Измайлов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 6. Типовое, на бланке «Биржевых ведомостей».

[1] Рассказ Ремизов предоставил только в июле, см. п. 52.

51
Измайлов — Ремизову

После 7 июня 1915 г., Петроград

Дорогой Алексей Михайлович,

«Камень ⟨драгий⟩»[1] передаст Вам В. Н. Гордин[2]. А вот — сказки[3].

Какое горе с нашей несчастной войной! Совсем расстроился.

А все-таки не худо бы когда тихим вечером втроем, м. б., еще с В. Н. ⟨Гординым⟩ — пройтись берегом Невы да потолковать.

Ваш И⟨змайлов⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 7

[1] Речь идет о выпуске «Биржевых ведомостей» с публикацией рассказа Ремизова «Камень драгий» (см. примеч. 5 к п. 49).

[2] В. Н. Гордин, прозаик, журналист.

[3] По-видимому, Измайлов выслал Ремизову экземпляр пасхального выпуска с публикацией: *Ремизов А. М.* Семь бесов // *БВ.* Утр. вып. 1915. 22 марта. (№ 14741). С. 6.

52
Ремизов – Измайлову
8 июля 1915 г., Петроград

Казанская[1]
1915 г. 8 VII

Дорогой Александр Алексеевич!

Посылаю Вам совсем малое слово, не найдете ли возможным его напечатать, как некий стих[2]. Это пока. Затем будет рассказ, который и доставлю Вам, рассказ из нашей жизни[3].

Всего Вам хорошего

Алексей Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 26.

[1] Праздник обретения иконы Казанской Божией Матери.

[2] Публикаций, подходящих под данное описание, в июле — августе 1915 г. в «Биржевых ведомостях» и приложениях не выявлено.

[3] Вероятно, речь идет о рассказе «Чайничек», публикация которого в «Биржевых ведомостях» не состоялась. См. п. 53.

53
Ремизов – Измайлову
27 июля 1915 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

Посылаю Вам «Чайничек». Его можно разделить на два №: сначала гл⟨ава⟩ 1 и 2, затем 3, 4 и 5-ая.

Когда набор сделают, известите[1].

Всего Вам хорошего

Алексей Ремизов.
27 июля 1915 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 28.

[1] Публикация рассказа в «Биржевых ведомостях» не состоялась. 5 августа 1915 г. Ремизов также получил отказ из газеты «Русское слово» (см. об этом: *Ремизов.* Т. 3. С. 637). Впервые опубл.. Русская мысль. 1915. № 10. С. 143—163.

54
Измайлов — Ремизову
Август 1915 г. ⟨?⟩, Петроград

Дорогой А. М.!

Очень просим для «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩» *реальный* рассказец. Выручите!

Ваш А. И⟨змайлов⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 1. Недатированная записка. Возможно, на этот зов Ремизов откликается в п. 55 от 24 августа 1915 г. Не исключена более ранняя датировка.

55
Ремизов — Измайлову
24 августа 1915 г., Ессентуки

24 VIII 1915 г. (понед⟨ельник⟩)
Ессентуки,
санаторий д⟨окто⟩р⟨а⟩ Зернова,
ком. 338
А. Ремизов[1]

Поздравляю Вас, дорогой Александр Алексеевич, с днем Вашего ангела!

В нынешний год не пришлось побывать у Вас, пирога отведать именинного. Тут живем, лечимся и бедуем. Всё неудачи, всё дурные случайности: то Серафима Павловна хворает, то я заскриплю, — очень тут неустроенно для нездоровых.

Если, Бог даст, пойдет дело на поправку, сочиню Вам рассказ и пришлю Вам для «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩».

Всего Вам хорошего.

Кланяется и поздравляет Вас Серафима Павловна.

Алексей Ремизов

Почему-то в Ессентуках не видно и не слышно «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩».

«Огонек» есть.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 29.

[1] В Ессентуках в санатории доктора М. С. Зернова Ремизовы отдыхали трижды — в 1915, 1916 и в 1917 гг. Пребывание в санатории нашло отражение в автобиографической прозе писателя. Подробнее: *Розанов Ю. В.* Курортный текст А. М. Ремизова // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер.. Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2016. № 1. С. 46—49.

56
Ремизов — Измайлову

2 сентября 1915 г., Ессентуки

2 сент⟨ября⟩ 1915 г.
Ессентуки,
санаторий д⟨окто⟩р⟨а⟩ Зернова
ком. 338
А. Ремизов

Дорогой Александр Алексеевич!

Посылаю Вам рассказ «Сестра усердная» для «Б⟨иржевых⟩ ве-д⟨омостей⟩»[1]. Небольшой рассказ, и, думаю, не будет затруднения прошлого[2]. И хочу попросить Вас отдать его в набор поскорее, чтобы по возвращении в Петербург (числа 10 сент⟨ября⟩) мог, недолго дожидаясь, я получить гонорар.

Всего Вам хорошего

Алексей Ремизов

Серафима Павловна Вам кланяется.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 31.

[1] См.. *Ремизов А. М.* Сестра усердная: Рассказ // *БВ.* Утр. вып. 1915. 20 сент. (№ 15099). С. 2.

[2] По-видимому, речь идет об отказе в публикации рассказа «Чайничек»; см. примеч. 1. к п. 53.

57

Измайлов — Ремизову

30 октября 1915 г., Петроград

Дорогой Алексей Михайлович,

Редакция «Биржевых ведомостей» очень просит Вас не отказать ей в беллетристической вещице в Рождественский №[1]. Стесняя авторов только размером рассказа (250 строк), она предоставляет им в остальном совершенный простор, не настаивая ни на «рождественских темах», ни на каком-либо касании совершающихся событий.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности

Ваш искренно

А. Измайлов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 5. Типовое, на бланке «Биржевых ведомостей».

[1] В рождественском номере приняли участие: прот. Конст. Аггеев, А. Блок, Л. Андреев, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, И. Шмелев, Т. Щепкина-Куперник, Тэффи, К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Бунин, К. Тренев, М. Шагинян, С. Г. Петров (Скиталец), П. Соловьева, А. Измайлов, С. Есенин, Н. Клюев, А. Ремизов, И. Ясинский, С. Ауслендер, М. Волошин, И. Рукавишников. См. примеч. 3 к п. 58.

58

Ремизов — Измайлову

Ноябрь 1915 г., Петроград

X/XI 1915
Песочная, 8 кв. 3

Дорогой Александр Алексеевич!

Посылаю Вам «Николину поруку».

Хотелось бы мне, чтобы напечатали ее 6-го декабря[1]. Покажите Гаккебушу. Если ему не понравится и не захочет он ее печатать, очень прошу Вас, верните ее мне загодя.

Всего Вам хорошего

Алексей Ремизов

За «Осиновый кол» благодарствую[2].

К Рождеств⟨енскому⟩ №-у рассказ приготовлю[3].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 32.

[1] Просьба Ремизова была выполнена: *Ремизов А. М.* Николина порука: Народная сказка // *БВ*. Утр. вып. 1915. 6 дек. (№ 15253). С. 4. 6 декабря (ст. ст.) — день почитания святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского.

[2] Речь идет о книге Измайлова «Осиновый кол: Книга пародий и шаржа: (2-й томик „Кривого зеркала")» (Пг., 1915). Издание включало в себя сатирические произведения (баллады, басни, рассказы и поэмы) на актуальную военную тему. Сборник остался практически незамеченным критикой, появилось лишь несколько отрицательных рецензий, см., например: *Горнфельд А. Г* [Рец. на:] А. Измайлов. Осиновый кол: Книга пародий и шаржа. Пг., 1915 // Русские записки. 1915. № 12. С. 335—337

[3] В рождественском номере опубл.. *Ремизов А. М.* На птичьих правах // *БВ.* Утр. вып. 1915. 25 дек. (№ 15290). С. 2—3.

59

Ремизов — Измайлову

21 декабря 1915 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

Покорнейшая к Вам просьба. Если будете смотреть корректуру рассказа моего *«На птичьих правах»*, вставьте, пожалуйста, в самом конце 2-ой главы *перед* последнею фразою след⟨ующую⟩ фразу: ⟶

— Только у нас и могут допускать такую мерзость! — сказал электрический старец.

— А я бы каждого там по морде! — отозвался начал⟨ьник⟩ собач⟨ьей⟩ команды.

Буду очень Вам благодарен[1]

А. М. Ремизов
21 XII 1915

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2571. Оп 1. Ед. хр. 307 Л. 2. На почтовой карточке. На карточке маргиналия неустановленного лица: Получено мною: 28. III. 1916.

[1] См. примеч. 3 к п. 58. Просьба Ремизова была выполнена.

60

Ремизов — Измайлову

25 марта 1916 г., Петроград

25 III 1916 г.

Дорогой Александр Алексеевич!

Хочу попросить Вас, если только это не затруднит Вас, исправьте в рассказе моем «Свет нерукотворный» во 2-ой главе строч⟨ка⟩ 10-ая или 11-ая (по рукописи)[1]

У меня написано: ... от Лопухинских воздушных мачт | радиотелеграфа | до ...

А надо: от Лопухинских воздушных мачт | завывающей Искровки | до...... ...

Вчера случайно узнал народное название радиотелеграфа Искровкой, очень меткое название и живописующее.

Всего Вам хорошего

Алексей Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 33. На почтовой карточке: «Е⟨го⟩ в⟨ысоко⟩родию Александру Алексеевичу Измайлову В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩ 17 л⟨иния⟩ 70. Здесь».

[1] Рассказ опубликован под общим заголовком «Среди мурья и неурядицы» под номером II вместе с двумя другими (I. Перчатки; III. Звезды): *БВ*. Утр. вып. 1916. 10 апр. (№ 15493). С. 2. Просьба Ремизова была выполнена.

61
Измайлов — Ремизову

Начало июня 1916 г., Петроград

Дорогой Алексей Михайлович,

Имея намерение дать в иллюстрированном приложении к «Петроградскому листку» целый ряд фотографий писателей, артистов, художников и общественных деятелей на летнем отдыхе, редакция очень просит Вас не отказать в любезной присылке Вашей последней фотографии — отдельной или в группе с другими лицами[1].

Примите уверение в совершенном уважении.

Ваш А. Измайлов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 11. Типовое, на бланке «Петроградского листка».

[1] См. примеч. 1 к п. 64.

62
Ремизов — Измайлову
9 июня 1916 г., Петроград

9 VI 1916
Последний день на Песочной.

Дорогой Александр Алексеевич!

Квартиру мы свою бросили, а новой не нашли. Едем на волю Божью. Не знаю, долго ли пробудем в Черниговск⟨ой⟩ губ⟨ернии⟩, и куда дальше, еще не знаю[1].

Если понадобится, напишите мне на петербургский адрес:

Русский торгово-промышленный б⟨анк⟩

Морская, 15

Инспектору Федору Ивановичу Щеколдину для А. Ремизова[2].

Из «Пет⟨роградского⟩ лист⟨ка⟩» получил печатное письмо[3].

Будет какое изображение, пришлю[4].

Всего Вам хорошего

Алексей Ремизов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 34. На почтовой карточке: «Е⟨го⟩ в⟨ысоко⟩родию Александру Алексеевичу Измайлову В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩ 17 л⟨иния⟩ 70. Здесь».

[1] Речь идет об имении родственников С. П. Ремизовой-Довгелло Берестовец в Борзненском уезде Черниговской губернии.

[2] Федор Иванович Щеколдин — автор повести «Электрическое солнце» (альманах «Пряник», 1915). Знакомый Ремизова, через которого он вел деловую корреспонденцию в 1916 г. См., например, письмо Ремизова к Блоку от 5—6 июня 1916 г. (*ЛН—92*. Кн. 2. С. 121).

[3] См. п. 61.

[4] См. примеч. 1 к п. 64.

63
Измайлов — Ремизову
31 июля 1916 г., Петроград

31 VII 1916

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

Редакция «Петроградского листка» очень просит Вас не отказать ей в любезном сообщении (для печати) фактических (анекдотических) сведений о Вашем летнем отдыхе и о Ваших новых литературных работах (более или менее подробно).

Вы были бы очень добры, если бы и впредь не поставили себе в труд оказывать подобные услуги литературному отделу газеты[1].

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

А. Измайлов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 12. Типовое, на бланке «Петроградского листка».

[1] См. примеч. 1 к п. 64.

64
Ремизов — Измайлову
26 августа 1916 г., Ессентуки

Ессентуки, санат⟨орий⟩ Зернова
Ком. 341
26. VIII. 1916 г.

Дорогой Александр Алексеевич,

Поздравляю Вас со днем Вашего ангела! В этом году не придется мне быть у Вас на именинах. Письмо получил Ваше, напишу сказ о летнем отдыхе, жду только фотографию[1].

Лето прошло в страде, только тут отогреваемся. Как у Вас с газетою, наладилось ли всё? Серафима Павловна кланяется вам и поздравляет.

Всего Вам хорошего.

А. Ремизов

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 30. Л. 1.

[1] Ответ Ремизова на анкету о летнем отдыхе в «Петроградском листке» и его иллюстрированном приложении не выявлен.

65

Измайлов — Ремизову

Вторая половина августа 1916 г., Петроград

30
АВГУСТА,
иже во святых отца нашего
благоверного великого князя Александра
Невского, в схимонасех
Алексия.

Свидетельствуя искреннее уважение,
А. Измайлов покорно просит Вас
на кусок пирога (в условиях военного времени)
к 9-ти часам вечера,
Екатерининский канал, д. № 10, кв. 7[1].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 14. Печатное приглашение на традиционные именины Измайлова. Датировка письма возможна в связи с указанием адреса — Екатерининский канал, д. № 10, кв. 7 — по которому Измайлов проживал с лета 1916 г. до середины августа 1918 г.

[1] Об именинном вечере Измайлова 1916 г. сохранилось свидетельство Ф. Ф. Фидлера от 31 августа 1916 г.: «В этом году Измайлов собирался праздновать свои именины 29 или 31 числа, но — вопреки своему намерению — устроил празднество вчера. Было около 75 человек (каждый получил печатное приглашение); среди них — очень много друзей Измайлова (очевидно, сотрудники „⟨Петроградского⟩ Листка“) с женами. Большинство гостей рассчитывало попасть на беспримерно роскошный банкет,

ибо Измайлов отмечал не только свои именины, не только серьезное повышение по службе, но и новую квартиру (Екатерининский канал, 10, кв. 7; впрочем, он сохраняет за собой квартиру у Смоленского кладбища)» (*Фидлер.* С. 693).

66
Ремизов — Измайлову
Апрель 1918 г.⟨?⟩, Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

Благодарю Вас за память. Должен отказаться от предложения Вашего: и не умею и не успею. И скажу Вам, не представляю, как сие возможно[1].

После тяжкой болезни моей[2] перебиваюсь мелочами — временником. Не могу кончить повести моей, начатой еще в Берлине. Только Промыслом Божиим сохраняем, живу на белом свете.

Алексей Ремизов

В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩ 14 л⟨иния⟩ 31, кв. 48[3]
209-69

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 35.

[1] По-видимому, Измайлов обратился к Ремизову с неординарным предложением об участии в написании коллективного романа. С такой инициативой критик выступил в редакции «Петроградского голоса» в начале 1918 г. «Чертову дюжину» (или «Роман 13-ти»), по его замыслу, должны были создать 13 ведущих литераторов, среди них А. В. Амфитеатров, А. И. Куприн, Вас. И. Немирович-Данченко, Ф. Сологуб, А. Т. Аверченко, П. П. Гнедич, И. Н. Потапенко и др. Ср.. «13 авторов разработают общий замысел увлекательного романа, на котором читатель немножко отдохнул бы от речей об аннексиях и контрибуциях, о последних выступлениях на заседаниях циксовдепа и т. д.» (*Измайлов А. А.* Роман тринадцати! // Петроградский голос. 1918. 4 мая. (№ 73). С. 2). Подробнее об этом см.. *Александров А. С.* А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916—1918) // *РЛ.* 2008. № 4. С. 133—142.

[2] В конце сентября 1917 г. Ремизов заболел крупозным воспалением легких. См.. *Ремизов.* Т. 7 С. 563.

[3] Последний адрес проживания Ремизовых в Петрограде.

А. А. Измайлов. Сер. 1880-х

А. А. Измайлов. Сер. 1890-х

Здание, в котором размещалась типография газеты «Биржевые ведомости» (С.-Петербург, Галерная ул., 40)

А. А. Измайлов. Конец 1890-х

И. И. Ясинский. 1904

С. М. Проппер
в своем редакционном кабинете. 1900-е

В 1898 г. Ясинский ввел Измайлова в состав постоянных сотрудников газеты «Биржевые ведомости»

«Измайлов принялся писать усердно, аккуратно являлся в редакцию и выгодно выделялся среди сотрудников "Биржевых ведомостей" своей благообразной внешностью, новой енотовой шубой и кожаными на медвежьем меху калошами.

Его несколько семинарский вид и его солидная любезность сначала вызывали улыбки, но мало-помалу к нему привыкли, а его ровный характер успокоительно действовал на нервы всегда более или менее возбужденных газетных работников»

(*Ясинский*. Т. 1. С. 535).

А. А. Измайлов и Клавдия Владимировна де Планьи. 1912

Фотография подарена Измайловым В. В. Розанову в ноябре 1912 г. На обороте надпись:

«Дорогому Василию Васильевичу Розанову. От искреннейшего почитателя его человеческой интересности и его огромного, оригинальнейшего таланта. С любовью и уважением А. Измайлов».

Под фотографией приписано рукой Розанова: «Измайлов и его "Клодина" — его слова. Очень милая женщина (с ребен<ком>) очень несчастная в замужестве, очень его любящая».

А. А. Измайлов. Шарж Пьер-О. 1910

А. А. Измайлов и Ф. Ф. Фидлер. 1910-е

Иллюстрація къ лекціи „помраченіе божковъ“ А. А. Измайлова.

Шарж на лекцию А. А. Измайлова «Помрачение божков». 1909

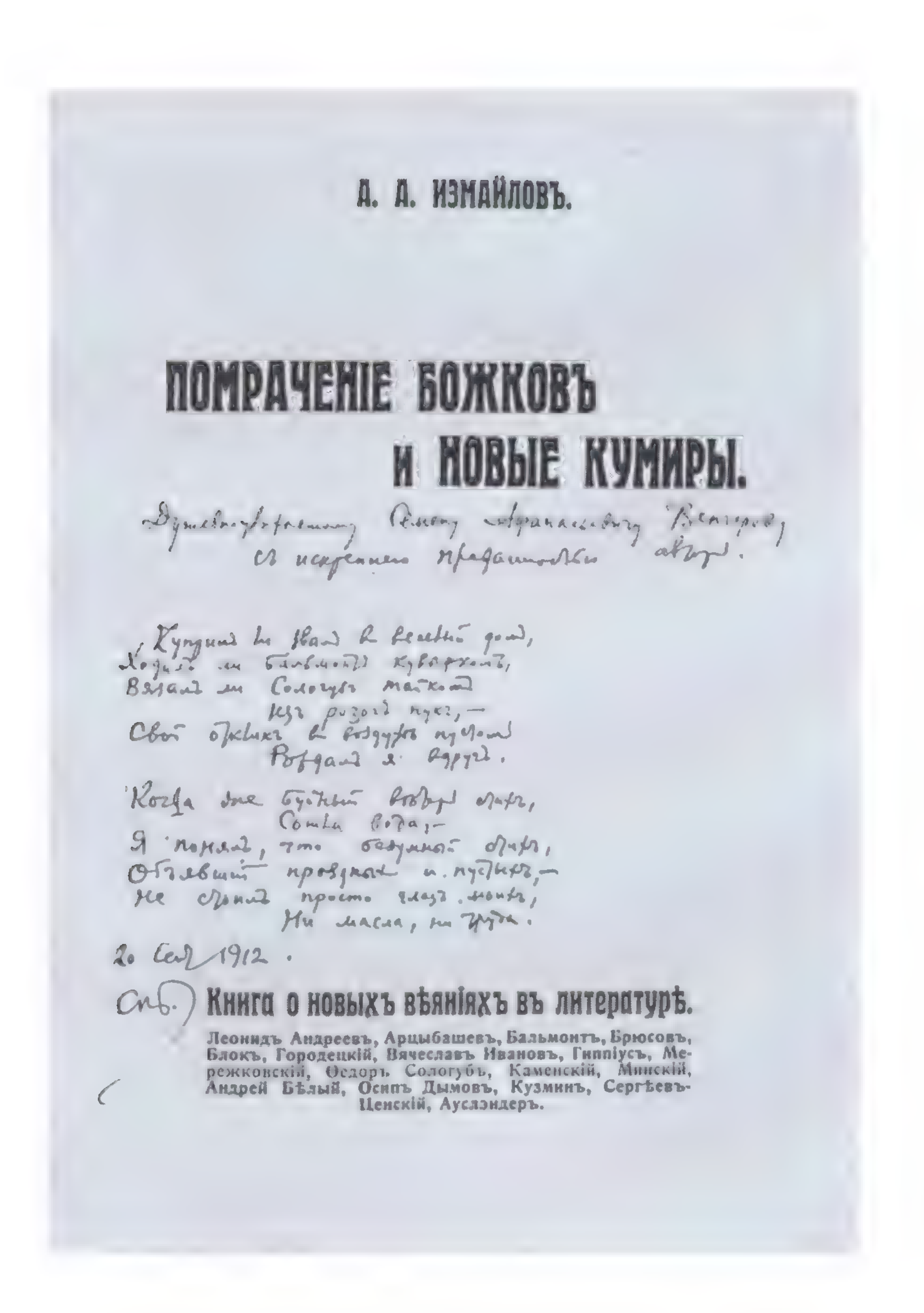

А. А. Измайлов. 1910-е

Могила А. А. Измайлова. С.-Петербург, Смоленское кладбище. Современное фото

Надпись на могиле А. А. Измайлова. С.-Петербург, Смоленское кладбище. Современное фото

А. А. ИЗМАЙЛОВЪ.

ПОМРАЧЕНІЕ БОЖКОВЪ И НОВЫЕ КУМИРЫ.

Книга о новыхъ вѣяніяхъ въ литературѣ.

Леонидъ Андреевъ, Арцыбашевъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Блокъ, Городецкій, Вячеславъ Ивановъ, Гиппіусъ, Мережковскій, Өедоръ Сологубъ, Каменскій, Минскій, Андрей Бѣлый, Осипъ Дымовъ, Кузминъ, Сергѣевъ-Ценскій, Ауслэндеръ.

Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910 (вышла в 1909 г.).

Титульный лист с дарственной надписью С. А. Венгерову:

«Душевноуважаемому Семену Афанасьевичу Венгерову с искреннею преданностью автор.

Куприн ли звал в веселый дом,
Ходил ли Бальмонт кувырком,
Вязал ли Сологуб тайком
Из розог пук, —
Свой отклик в воздухе пустом
Рождал я вдруг.
Когда же буйный ветер стих,
Сошла вода, —
Я понял, что безумный стих,
Объявший праздных и пустых, —
Не стоил просто глаз моих,
Ни масла, ни труда.

20 сент. 1912. СПб».

А. Измайловъ.

Пестрыя знамена.

Литературные портреты безвременья.

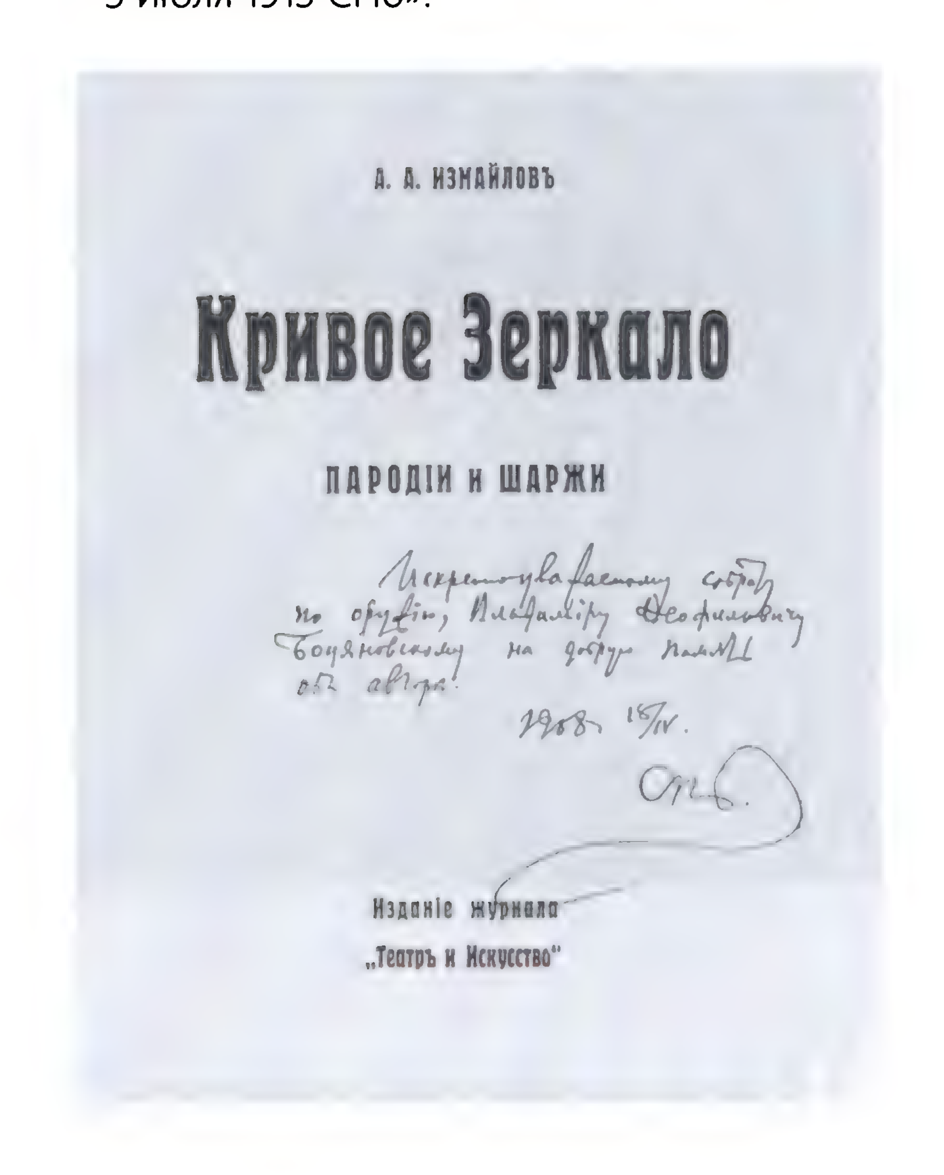
Мережковскій. — Бальмонтъ — Блокъ — Арцыбашевъ. — Амфитеатровъ. — Бунинъ — Будищевъ. — Вячеславъ Ивановъ. — Гиппіусъ. — Чириковъ. — Ремизовъ. — Вересаевъ

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина

Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М., 1913. Титульный лист с дарственной надписью С. А. Венгерову:

«Глубокоуважаемому Семену Афанасьевичу Венгерову, Геродоту новой литературы, на добрую память от искренно преданного и за многое благодарного ему автора.

3 июля 1913 СПб».

А. А. ИЗМАЙЛОВЪ

Кривое Зеркало

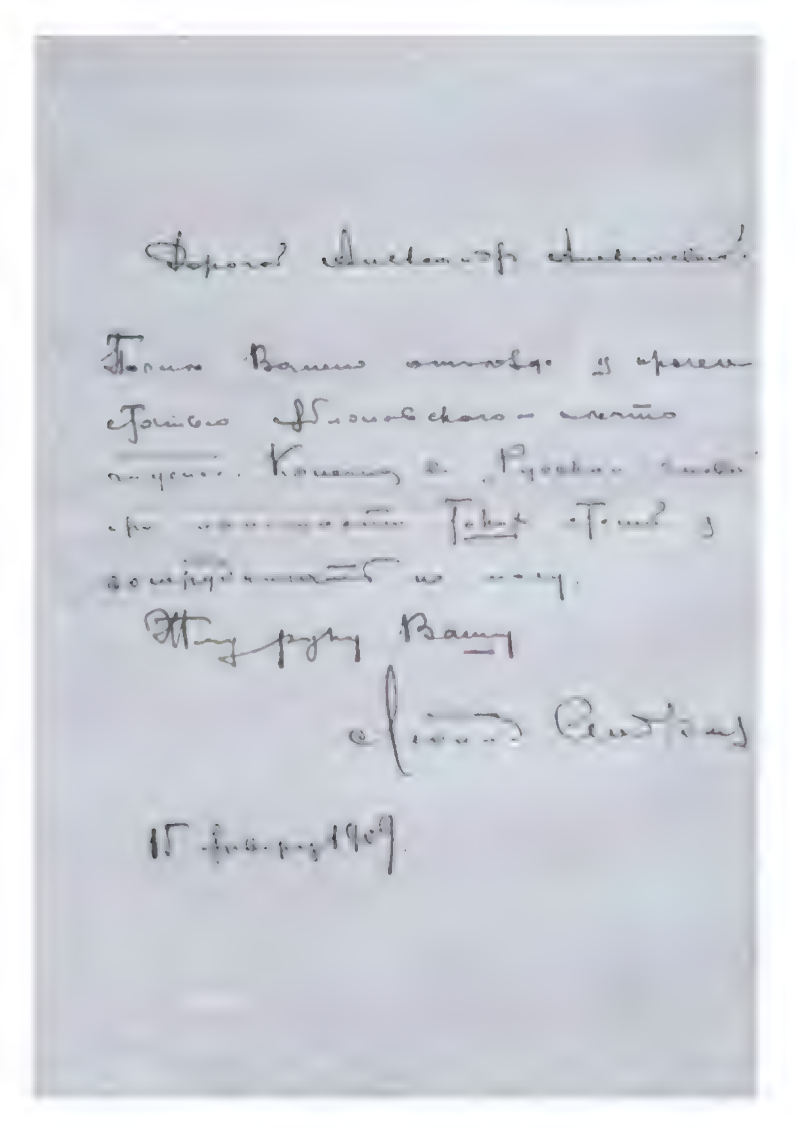
ПАРОДІИ И ШАРЖИ

Изданіе журнала „Театръ и Искусство"

Кривое зеркало: пародии и шаржи. СПб., 1908. Титульный лист с дарственной надписью В. Ф. Боцяновскому.

Л. Н. Андреев и А. А. Измайлов на балконе дома в Ваммельсуу. 1909

Дорогой Александр Алексеевич!

Жму руку Вашу

Леонид Андреев

15 января 1909

Письмо Л. Н. Андреева А. А. Измайлову от 15 января 1909 г. Автограф

Л. Н. Андреев. 1910
Надпись на фото рукой Андреева:
«Из "Анатэмы": "— Хорошая труба!.. Но почему же она может только в одну сторону?" Леонид Андреев. 1910 г.»

А. А. Измайлов и семья Л. Н. Андреева.
Сидят (слева направо): А. А. Измайлов, А. И. Андреева, М. А. Андреева. Стоят: Л. Н. Андреев (в центре), В. Регинин (крайний справа, держит за руку сына Андреева). Ваммельсуу. 1909

В. Я. Брюсов. 1910.

«Александру Алексеевичу Измайлову Память первых встреч Валерий Брюсов 1910, Москва»

Рис. Ре-Ми.

К. Арабажинъ. Корнѣй Чуковскій. А. А. Измайловъ В. Боцяновскій.

ЛЕКЦІЯ ОБЪ АНДРЕЕВѢ.

Лекторъ К. Чуковскій:—Милостивые Государи! Разберемъ сердце Андреева, вникнемъ въ его душу... Всюду у него не люди, а страшныя рожи, какъ у Трактирщика Тюхи... Анатэма—рожа, Сынъ Человѣческій—рожа, «Стѣна»—рожа и «жили-были»—рожа! Кто Андреевъ? Онъ—садовникъ! Замѣтьте, въ «жили-были» онъ все толкуетъ о какихъ-то яблочкахъ «бѣлый наливъ», въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «тонокъ, какъ спаржа», а голову одного изъ своихъ героевъ—съ чѣмъ онъ ее сравнилъ? Съ тыквой онъ ее сравнилъ. Доказавъ, что Андреевъ садовникъ, пойдемъ дальше... Докажемъ, что Андреевъ, въ сущности, не садовникъ, а содержатель провинціальнаго звѣринца... или младотурокъ или человѣкъ-сандвичъ—какъ хотите—мнѣ все равно.

«Лекция об Андрееве». Рис. Ре-ми. 1910

А. А. Измайлов. Шарж. 1912

А. В. Амфитеатров. Шарж. 1912

А. М. Ремизов. Шарж. 1912

В. Я. Брюсов. Шарж. 1910

А. В. Амфитеатров.
Открытка. Нач. 1900-х

А. М. Ремизов. 1909

Дорогой Александр Алексеевич!
Благодарю Вас за память. Должен отказаться от предложения
Вашего: и не сумею и не успею. Я скажу Вам, не представляю,
как сие возможно.
После тяжкой болезни моей перебиваюсь мелочами —
временником. Не могу кончить повести моей,
начатой еще в Берлине.
Только Промыслом Божиим сохраняемый живу на белом
свете.
Алексей Ремизов

В. О. 14 л. 31 кв. 48
209-69

Последнее письмо А. М. Ремизова А. А. Измайлову. Автограф

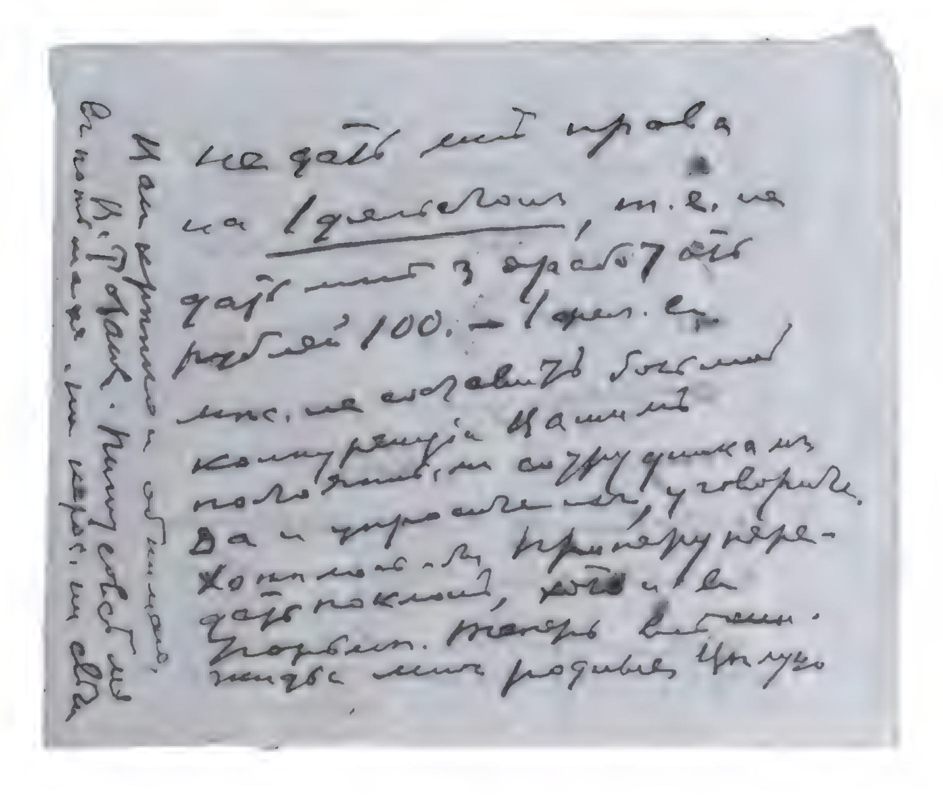

Э. Ф. Голлербах. Рис. М. В. Добужинского. 1923 <?>

В. В. Розанов. Нач. 1900-х

а от меня, кроме
одного Флоренского
и С. Н. Дурылина,
отвернулись, т. е.
перестали вовсе
здороваться все „московские
славянофилы" из-за „Апокал."
[illegible] [illegible]. [illegible]!
Отчего-ли [illegible] [illegible]

не дать мне права
на 1 [illegible], т. е. не
дать мне 3 заработать
рублей 100. — 1 [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible], [illegible].
Да и [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]. Теперь [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Письмо В. В. Розанова А. А. Измайлову от августа 1918 г. Автограф

Г. С. Петров в Черменецком монастыре. 1907

Г. С. Петров с женой и сыном в Черменецком монастыре. 1907

Череменецкий монастырь. Открытка. Начало XX в.

К. Д. Бальмонт. 1900-е

А. А. Блок. 1907

Bruxelles, 83, rue St-Georges, Ixelles. 16 янв. н. ст. 1908.

Многоуважаемый
Александр Алексеевич,

Сегодня отправил Вам перевод "Михаэля Крамера". Я сделал его в сотрудничестве с моей женою, с которой вместе я работал над Гауптманом и Зудерманом в изд. Скирмунта, и над Мутером в изд. "Знания". Имя ее должно стоять рядом с моим. Корректуры прошу посылать по ее адресу — France, Paris, Passy, 17, rue Singer, M-me Catherine Balmont. — Это удобнее, ввиду моей подвижности. Писать же прошу мне в Брюссель. "Эльгу" готовлю. Если у Вас еще предстоят какие-либо переводы из Гауптмана или других Европейских писателей, я охотно взял бы на себя еще что-нибудь.

Свидетельствую свое уважение.

К. Бальмонт.

Письмо К. Д. Бальмонта А. А. Измайлову от 16 января 1908 г. Автограф

ПЕРЕПИСКА А. А. ИЗМАЙЛОВА и В. В. РОЗАНОВА (1909–1918)

Переписка Измайлова и Василия Васильевича Розанова (1856–1919) занимает важное место в их эпистолярном наследии. Не случайно, понимая большое историко-литературное и культурное значение этих материалов, вскоре после смерти Измайлова письмами Розанова заинтересовался Эрих Федорович Голлербах (подробнее см. переписку с ним Измайлова в наст. изд.), обратившийся в ноябре 1921 г. к брату критика — Алексею Алексеевичу — с просьбой предоставить эпистолярий для публикации. Однако брат Измайлова, «ознакомившись ближе с содержанием писем, изменил свое решение» и «по соображениям чисто морального свойства» посчитал, «что с оглаской писем следует несколько повременить»[1].

Переписка двух современников уже привлекала к себе внимание исследователей: письма многократно цитировались, несколько писем Розанова к Измайлову (преимущественно 1918 г.; с большими неточностями) были воспроизведены в публикации «Нового

[1] Письмо Алексея Алексеевича Измайлова к Э. Ф. Голлербаху от 9 ноября 1921 г. // НИОР РГБ. Ф. 453. Карт. 1. Ед. хр. 30. Л. 3.

журнала»[2]. Однако в полном виде эпистолярный диалог Измайлова и Розанова публикуется впервые[3].

Расцвет отношений Измайлова и Розанова относится к 1909–1912 гг. О некоторых их встречах сохранились пометы в записной книжке Измайлова, названной им «Дела и люди. (Заметки современника)». В эту книжку критик вписывал свои впечатления, разговоры, запомнившиеся афоризмы и литературные анекдоты. По-видимому, одна из первых и, очевидно, очень важных встреч с Розановым состоялась в начале января 1908 г. на именинном обеде у общего знакомого, прозаика и драматурга И. Л. Леонтьева-Щеглова. Общение протекало под впечатлением резонансного события: 12 января 1908 г. состоялось особое совещание Святейшего синода, на котором их близкий знакомый и корреспондент свящ. Г. С. Петров был лишен духовного сана (подробнее см. в наст. изд. письма Г. С. Петрова к Измайлову). Это обстоятельство наложило отпечаток на содержание разговора — обменивались мнениями о будущем церкви, о духовенстве и о Л. Н. Толстом.

В записной книжке Измайлов так передает диалог с Розановым:

«— Вчера т⟨олько⟩ что синодское определение, сметающее остатки свободы совести.

Разговорились, к⟨а⟩к мы оба представляем будущее рус⟨ской⟩ ц⟨ерк⟩ви. Я ск⟨а⟩з⟨а⟩л, ч⟨то⟩, по-моему, разыгрывается реформация, что половина интеллигенции и сейчас настроена лютеранственно, х⟨отя⟩ и не крестилась ни в какого Лютера. Отметает ненаучное, но Веры хочется.

— Я совсем не соглас⟨ен⟩ с Вами. Всё ч⟨то⟩ угодно, но т⟨олько⟩ не лютеранство мыслю для России. Лютеранство — холод, рассу-

[2] Письма В. Розанова к Измайлову (1909—1918) / публ. Д. Перчонка // Новый журнал. 1979. Кн. 136. С. 121—126.

[3] См., напр., отрывки из писем в обстоятельной статье А. В. Ломоносова (*Розановская энциклопедия*. Стб. 420—426); о роли Измайлова в жизни Розанова в 1917—1919 гг. см. также упоминания: *Розанов В. В.* Письма 1917—1919 годов / публ., примеч. Е. В. Ивановой и Т. Померанской // Литературная учеба. 1990. Кн. 1. С. 70—88; *Фатеев В. А.* Жизнеописание Василия Розанова. СПб., 2013. С. 954—999. Переписка Розанова и Измайлова за 1918 г. представлена нами в публикации: «Пусть Бог смилуется над Вами, над нами, над несчастной Россией... В. В. Розанов и А. А. Измайлов после октября 1917 г. // Наше наследие. 2016. № 1. С. 58—73.

дочность. У нас всё порыв, экстаз, пьянство. Отсюда и пьянство в народе, и пьянство в духовенстве — ответ. Там и в вере рассудок и жизни трезвость (Поражал вот такими скачками образной и синтезирующей мысли). Лют⟨ер⟩ — кадеты, мы — черносотенцы (православие), я — крайний левый. Но мне ближе черносотенцы, ч⟨е⟩м кадеты с их изворотливостью и лганьем. Но по крайн⟨ей⟩ мере к⟨ак⟩ое-то убеждение, хоть и черносотенное.

Б⟨ыл⟩ разгов⟨ор⟩, ч⟨то⟩ готовы сместить Антония (ради Гермог⟨ена⟩ и Владимира)[4].

— Это буд⟨ет⟩ несчаст⟨ье⟩ для ц⟨ерк⟩ви, ибо Ант⟨оний⟩, х⟨оть⟩ и ч⟨е⟩л⟨ове⟩к безвольн⟨ый⟩ и недаровит⟨ый⟩, но те двое совсем негодяи. Что же будет. (Спохватились). Впроч⟨ем⟩, это в общ⟨ем⟩ о несчастии. С моей — счастье, ибо чем хуже, тем лучше. И чем скорее всё сметется, тем лучше.

— Что же, вы ставите ч⟨то-⟩ниб⟨удь⟩ на место сметенного или так и да будет пустота.

— Не нужно черноверия. Пусть поймут, что всё б⟨ыло⟩ не нужно»[5].

Пространная запись в дневнике Измайлова — свидетельство его неподдельного интереса к личности и мыслям Розанова. Таких помет в записной книжке найдется еще несколько. Другая — касается непосредственно произведений писателя: «Никто не почув⟨ствовал⟩, ч⟨то⟩ сила Роз⟨анова⟩ в том, ч⟨то⟩ в книгах (не г⟨ово⟩ря уж о таких, к⟨а⟩к „Уед⟨иненное⟩“ или „О⟨павши⟩е Листья“) — он „исповедуется“, а не пишет. Все — сплошная исповедь с откр⟨о⟩в⟨ениями⟩ Руссо о себе в грязном. И в этом он б⟨ыл⟩ оч⟨ень⟩ русским ч⟨е⟩л⟨о⟩век⟨ом⟩»[6].

Первый период эпистолярного общения публициста и критика приходится на 1909—1912 гг. — время интенсивного обмена рецензиями и обсуждения произведений друг друга.

[4] Упомянуты: Антоний, митрополит Петербургский и Ладожский (с 1898); Гермоген, епископ Саратовский и Царицынский; Владимир, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (1912—1915), первенствующий член Святейшего синода.

[5] Альбом: *Измайлов А. А.* «Дела и люди. (Заметки современника)» // РГАЛИ. Ф. 227 Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 16 об.—17

[6] Там же. Л. 66.

В начале мая 1909 г. Розанов обращается к Измайлову с просьбой о написании рецензии на недавно вышедшую свою книгу «Итальянские впечатления». Призыв не остался без ответа: сразу в двух крупных газетах, в которых сотрудничал на тот момент Измайлов, — сначала в «Биржевых ведомостях», а затем и в «Русском слове», — появились его отклики на книгу[7].

С этого момента и вплоть до конца 1912 г. практически все книги, выходившие из-под пера Розанова, попадают в орбиту критической рецепции его корреспондента. Измайлов становится чуть ли не самым преданным читателем и внимательным критиком знаменитого публициста[8].

В 1910 г. Измайлов пишет рецензию на книгу «Когда начальство ушло...», в 1911 г. — отмечает выход «Темного лика» и книги «Люди лунного света»; в 1912 г. — рецензирует «Уединенное» и «Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову».

Из работ этого времени наиболее обстоятельной следует признать статью «Вифлеем или Голгофа: (В. В. Розанов и неудавшееся христианство)»[9], написанную для журнала «Новое слово». Этот материал Измайлов долго обдумывал: замысел статьи появился у критика в мае[10] 1910 г., а публикация вышла только в октябрьском номере «Нового слова».

В пространной аналитической статье-портрете Измайлов всесторонне рассматривает творческую индивидуальность Розанова. Он тонко подметил противоречивость личности писателя и столь же контрастное восприятие его идей в обществе: «У него еще множество хулителей и врагов. Оспариваемый и пререкаемый, умеющий вызывать какую-то особенную, глубокую до нежности и ласковости, читательскую любовь одних, раздражающий других одним

[7] *Аякс* [Измайлов А. А.]. В литературном мире // *БВ*. Веч. вып. 1909. 18 мая. (№ 11111). С. 3—4; *Измайлов А. А.* Около чужих алтарей: (О Розанове и его новой книге) // *РС*. 1909. 3 июня. (№ 125). С. 1.

[8] Подробнее см., *Розановская энциклопедия*. Стб. 420—426.

[9] *НС*. 1911. № 10. С. 34—38; см., В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология: [в 2-х кн.] / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Фатеева. СПб., 1995. Кн. 2. С. 81—90.

[10] См. п. 21.

своим именем, вызывающий чужих людей на интимнейшую переписку и странно не задевающий душ других, — Розанов совершает свою литературную карьеру, подходящую вот уже к рубежу четверти века»[11].

Мнение же самого Измайлова однозначно: он видит в Розанове «своеобразный и большой талант», дарование самобытное и мало похожее на «обыкновенные современные писательские лица»; Розанов — «писатель, который думает „свое“, не очень заботясь о том, насколько это совпадает с общими думами», а «сила притягательности Розанова, помимо ⟨...⟩ искренности, в самой сущности его писательских влечений»[12].

В статье Измайлов прослеживает отношение Розанова к христианству, анализирует его работы — «Легенда о Великом Инквизиторе», «Около церковных стен», «Темный Лик»; отмечает и знаменательный сдвиг публицистических интересов писателя: «Сопоставляя мир и монастырь, девство и брак, отшельничество и семью с детьми, Розанов не мог не остановиться перед огромным вопросом бытия — вопросом пола. С этой минуты этот вопрос загорелся для него костром и пылает десяток лет, горя и не сгорая, как библейская купина перед Моисеем. Это даже не увлечение, не захват, — Розанов точно заболел, забеременел этой думою»[13].

В касании вопросов пола в таких произведениях, как «Семейный вопрос в России», в большой книге «В мире неясного и нерешенного», в «Людях лунного света», Измайлов отмечает новаторство философских поисков Розанова и его творческую смелость; подчеркивает в нем «пламенного певца семьи как „святой земли“, как союза целомудрия и чистоты, как храма, где отец — жрец и царь»[14].

Розанов же отозвался о книгах Измайлова в печати лишь единожды — статьей «Критик русского décadence'а», представляющей

[11] Цит. по: В. В. Розанов: pro et contra. Кн. 2. С. 81.

[12] Там же. С. 82.

[13] Там же. С. 88.

[14] Там же. С. 89.

собою рецензию на книгу «Помрачение божков и новые кумиры»[15]. Эта статья является, пожалуй, самым значительным из всех появлявшихся в дореволюционной печати откликов на книги Измайлова. В ней Розанов дает своему современнику очень высокую оценку: «Ум спокойный, не раздраженный и не раздражительный, большое знание литературы в ее прошлом и настоящем, но самое главное и редкое качество — любовь к человеческому слову во всех его изгибах, переживаниях и формах, а следовательно, любовь и к книге, и к писательскому лицу...»[16]

Впрочем, отдавая дань Измайлову-критику, Розанов в целом не соглашается с идейным пафосом книги «Помрачение божков и новые кумиры». Возможно, это связано с тем, что в новой работе Измайлов отходит от своей прежней недооценки творчества писателей-модернистов. Если в начале литературного пути он критически отзывался о новаторских поисках представителей нового искусства, то с 1905 г. взгляды его постепенно меняются. И в сборнике 1909 г. критик уже не только признает право модернистов на внимание читателей, но и говорит о феномене народившейся литературы нового типа. Конечно, отнюдь не всё принимает Измайлов у писателей-современников, но в целом прежнее негативное отношение к творчеству представителей русского декаданса меняет.

Розанов не торопится признать значение новых художественных «ценностей»: «Нет, как-то не верится впечатлению книги: декадентство — уголок русской литературы, бьющийся за существование и, наконец, действительно, просочившийся и на страницы мастодонтов печати. Но и только. Это — именно уголок, но не русская литература. Декаденчество отнюдь ее не обняло, не победило в ней. / ⟨...⟩ Ах, если бы всё было так, как думает Измайлов... Действительно, много новых людей пришло, но ни один не принес с собою гения»[17]. Столь упорное нежелание Розанова разглядеть достоинства модер-

[15] *Варварин В.* [Розанов В. В.]. Критик русского décadence'а: А. А. Измайлов. Помрачение божков и новые кумиры. М., 1910 // *РС.* 1909. 29 сент. (№ 222); *Розанов.* [Т. 19]. С. 304—310.

[16] *Розанов.* [Т. 19]. С. 304.

[17] Там же. С. 308.

нистской литературы и ее творческие потенции объясняется тем, что он практически не знал и не интересовался писателями «новой волны». Э. Ф. Голлербах в своей монографии «В. В. Розанов: Жизнь и творчество» (1918) отмечал: «Новых писателей, „молодых“, Розанов почти не читал и был к ним равнодушен»[18].

Несмотря на всю наивность и даже ошибочность некоторых утверждений Розанова, Измайлов положительно воспринял этот печатный отклик о своей книге и горячо благодарил его автора. А Розанов в письме от октября 1909 г. обещал при личной встрече дополнить высказанное в рецензии.

Редко откликаясь на книги Измайлова в печати, Розанов стремился хотя бы в письмах отчасти восполнить этот недостаток и часто давал в них высокую оценку литературно-критическим сборникам, отдельным фельетонам и очеркам своего корреспондента. Отметим также и сохранившуюся в розановском альбоме с письмами вклейку с краткой, но теплой характеристикой критика: «Измайлов А. А. прелестный» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 724). В октябре 1909 г. Розанов с похвалой высказался о книге пародий «Кривое зеркало», а в 1910—1911 гг. с удовлетворением отметил статьи о Н. И. Познякове, И. Л. Леонтьеве-Щеглове, М. Н. Альбове и К. М. Фофанове (см. п. 39, 37); критические суждения Измайлова о рассказах М. Горького и Л. Андреева Розанов использовал в своей, оставшейся в корректуре, статье «„Цветословы“ и риторы» (подробнее см. примеч. 1 к п. 36). Отсутствие полноценного внимания публициста к книгам критика не осталось без дружеского сочувствия Розанова. Свои переживания по этому поводу он излил в письме от января 1911 г. (п. 35).

После 1913 г. эпистолярный диалог корреспондентов прервался на несколько лет, но их личные отношения не прекратились. Судя по дневниковым записям Ф. Ф. Фидлера, Розанов был частым и желанным гостем на именинах Измайлова, традиционно отмечавших-

[18] Цит. по: *Голлербах Э. Ф.* Встречи и впечатления / сост., подгот. текстов и коммент. Е. А. Голлербаха. СПб., 1998. С. 89.

ся 30 августа[19]. В свою очередь Измайлов не прекращал бывать на «воскресеньях» Розанова[20].

Несколькими письмами современники обменялись в 1916—1917 гг. Измайлов выслал Розанову свою книгу об А. П. Чехове, вышедшую в 1916 г., предлагал сотрудничество в «Петроградском листке», который стал редактировать с весны того же года. Впрочем, плодотворного сотрудничества с этим изданием у Розанова не получилось. Заочный диалог опального публициста и критика оживился после Октябрьской революции.

1918 год современники встретили по-разному. Розанов в конце августа 1917 г. при содействии единомышленников — П. А. Флоренского и А. А. Александрова — покинул Петроград и переехал в восточный район Сергиева Посада — Красюковку, где поселился с семьей в доме бывшего ректора Вифанской духовной семинарии свящ. Андрея Андреевича Беляева. Измайлов продолжал редактировать газету «Петроградский голос»[21], преодолевая нараставшие материальные лишения и идеологические препоны, пережил приостановление издания, штрафы, аресты сотрудников, наконец, — закрытие газеты; испытал собственную неустроенность.

Зимой 1917—1918 гг. Розанов вместе с семьей, совершенно не приспособленный к жизни в провинции, «не имея ни запасов продуктов, ни дров»[22], оказался в тяжелейшем бытовом положении. Тщетные попытки найти заработок приводили писателя в отчаяние, его письма к друзьям и бывшим коллегам наполнены просьбами о помощи. Несмотря на все трудности, в условиях жесточайших лишений, Розанов затеял издание «Апокалипсиса нашего времени», выпуски которого распространялись и в Петрограде. Эти брошюрки были сигналом для всех тех, кто помнил

[19] См.. *Фидлер*. С. 608, 694.

[20] *Голлербах Э. Ф.* Встречи и впечатления. С. 89.

[21] Подробнее о работе Измайлова на посту редактора см.. *Александров А. С.* А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916—1918) // *РЛ*. 2008. № 4. С. 133—142; Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым / публ., вступ. ст. и примеч. М. М. Павловой // *Ежегодник РО ПД* на 1995 год. СПб., 1999. С. 180—181, 286—287

[22] *Фатеев В. А.* Жизнеописание Василия Розанова. С. 961.

писателя, вестью о том, что он жив и продолжает работать[23]. До июля-августа 1918 г. в Петроград о положении Розанова долетают только отдельные и крайне неопределенные слухи, нередко далекие от соответствия истинному — крайне бедственному — положению писателя. Так, в мае 1918 г. две заметки об «Апокалипсисе» появились в «Петроградском голосе», в одной из них наряду с откликом на новое произведение Розанова довольно неопределенно сообщалось и о его жизни: «Это — как бы естественное продолжение нашумевших „Уединенного“ и „Опавших листьев“. Это не фельетоны, это только наброски, парадоксы, темы, мимолетные думы, из которых, правда, почти каждую можно обратить в фельетон 〈...〉 Хаотически несется мысль Розанова, смятенного, сокрушенного обстоятельствами, *может быть, испытавшего уже и холод и голод*»[24] (курсив мой. — А. А.).

Отзываясь на подобные слухи, в письме от 28 июня 1918 г. Измайлов писал: «Что Вы? Как Вы? Прошла ли для Вас та проклятая жуть, какой на меня повеяло от Вашей критики на полях „Апокалипсиса“? 〈...〉 У нас в СПб настоящий голод, размеров к〈ото〉рого никогда я не предусматривал в самом страшном своем сне 〈...〉 Что Ваш „Апокал〈ипсис〉“? Я не знаю его далее, кажется, 5-й брошюр-

[23] В 1918 г. в Петрограде неоднократно возникали слухи о расправе над журналистами правых изданий. Например, в мае 1918 г. в «Петроградском голосе» сообщалось: «Куда делись наши правые беллетристы, публицисты, философы 〈...〉. Почти все без исключения они молчат, отойдя куда-то в сторону, может быть, уехав, может быть, нуждаясь. Отшельником живет в Царском Меньшиков и молчит. Бориса Суворина успели уже похоронить, но, кажется, слухи эти „несколько преувеличены“» ([Б. п.]. Литературный календарь: «Апокалипсис наших дней» // Петроградский голос. 1918. 25 мая. (№ 89). С. 2). Осенью 1918 г. литературный Петроград содрогнется от вестей о расстреле 20 сентября публициста М. О. Меньшикова на берегу Валдайского озера на глазах его шестерых детей (Об этом см.. *Меньшикова М. В.* Как убили моего мужа, М. О. Меньшикова в г. Валдае Новгородской губ. / записала Л. И. Веселитская-Микулич // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [сб. материалов]. М., 1993. С. 239—250. (Российский архив. [Т.] IV); *Меньшикова О. М.* Начало жизни // Наше наследие. 1997 № 42. С. 42—47). В октябре 1918 г., по сведениям З. Н. Гиппиус, в Петрограде распространилось известие о расстреле Розанова: «Чудовищный слух, которому отказываешься верить: будто расстреляли В. В. Розанова, этого нашего, мало известного Европе, но талантливого писателя, русского Ницше» (*Гиппиус З. Н.* Собр. соч. Т. 8: Дневники: 1893—1919. М., 2003. С. 447).

[24] [Б. п.]. Литературный календарь: «Апокалипсис наших дней». С. 2.

ки. Продолжаете ли Вы его? ⟨...⟩ Был бы счастлив, если мог в своей газете с Ваших слов сообщить большую правду о Вас»[25].

На это сообщение Розанов, всегда с большим вниманием относившийся к откликам на собственные труды, не мог не отозваться. В недатированном (предположительно — середина июля 1918 г.) и пространном ответе, названном самим писателем «историческим» и подсказанным «небом», он сообщает об апокалипсическом перевороте, совершившемся, прежде всего, в его душе, пишет о кардинальном пересмотре взглядов на еврейский вопрос, распоряжении уничтожить собственные книги, написанные «против евреев и ⟨...⟩ в связи с процессом Бейлиса». В этом же письме философ дает разъяснения мотивам, побудившим его к созданию «Апокалипсиса нашего времени»[26].

Это исповедальное письмо, в свою очередь, не оставило равнодушным Измайлова, который, получив 6/7 выпуски «Апокалипсиса», мог одним из первых ознакомиться с откровениями «странной и мечущейся души». Печатный отклик критика не заставил себя долго ждать; статья «Закат ересиарха: (В. В. Розанов и его „Апокалипсис“)» появилась в 143-м номере «Петроградского листка». В этой статье Измайлов обращается к темам, затронутым в письме Розанова, рассуждает о решении философа уничтожить издания, «написанные против евреев», дает высочайшую оценку дарованию Розанова: «Без всякого сомнения, первый сейчас по углубленности, по еретической силе отрицания, по образности и своеобразию философский ум, Ересиарх. И после смерти Лескова, никто так не годится на это амплуа, как он. Почти ницшеанские прозрения...»[27] По поводу 6/7 выпусков «Апокалипсиса» Измайлов замечает: «...это уже не „писатель пописывает, читатель почитывает“, — это вопль тоски и отчаяния, который звенит над вашим ухом, потому, что не мог не вырваться ⟨...⟩. Это „исповедь горячего сердца“ по типу Мити Карамазова, — с лирикой, плачем, растерянными воззвания-

[25] См. п. 76.

[26] См. п. 77

[27] *Измайлов А. А.* Закат ересиарха: (В. В. Розанов и его «Апокалипсис») // Петроградский голос. 1918. 30 июля. (№ 143). С. 2.

ми к Богу, как с похмелья, — полурев, полурыкание и вот-вот полушепот, полубормотание»[28]. В своей заметке критик акцентирует внимание и на бедственном положении Розанова: «Это книга великой муки, выстраданная и выплаканная писателем, который был отречен и отлучен и теперь — голоден»[29].

В июльском письме Розанова к Измайлову прояснилась вся катастрофичность материального положения «сергиевопосадского затворника». В состоянии полной безнадежности он призывал своего корреспондента обратиться за помощью к когда-то крайне антипатичному и ненавистному С. М. Пропперу, владельцу «Биржевых ведомостей», который, впрочем, находился под арестом и помочь бы не смог. Измайлов, понимавший всю утопичность просьбы Розанова и безвыходность положения, обратился от его имени в Постоянную комиссию пособий нуждающимся литераторам при Академии наук, которая, судя по письму Измайлова от 26 июля 1918 г., выделила Розанову 100 рублей.

По инициативе Измайлова Розанов также обратился в Литературный фонд с заявлением о выделении пособия. Документ сохранился в архиве Фонда (см. примеч. 2 к п. 78).

В июле и августе 1918 г. в переписке литераторов заходит речь и о возможном сотрудничестве Розанова в «Петроградском голосе», которое, впрочем, не состоялось из-за закрытия в августе «буржуазных» газет: фельетон, высланный философом для публикации, так и не был напечатан. О катастрофическом положении дел в редакции Измайлов сообщил в письме от 11 августа 1918 г. (п. 83).

В августе до Розанова доходит первая денежная помощь, которой он сумел по-своему практично распорядиться[30]. Счастливый

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Известно, что Розанов не всегда удачно распоряжался деньгами, присланными ему в 1918 г.: ср., например, свидетельство С. Н. Дурылина: «Однажды в холодную осень 1918 г. вижу, он в плаще, худой, старый, тащится по грязи по базарной площади Посада. В обеих руках у него банки (...) Обе банки были с кубиками сушеного бульона „Магги" Я с ужасом глядел на него. Он истратил на бульон все деньги, а „Магги" был никуда не годен — и вдобавок подделкой» (*Дурылин С. Н.* В своем углу: из старых тетрадей / вступ. ст. Г. Е. Померанцевой; сост., примеч. Е. И. Любушкиной; публ. А. А. Виноградовой. М., 1991. С. 215).

и глубоко благодарный своему петербургскому другу, он сообщал, что смог приобрести творог и даже некоторое количество мяса, из которого удалось сделать суп и жаркое (п. 84).

В письмах этого времени заходит речь и об отношении к Розанову бывших соратников — «московских славянофилов», которые, как он отметил в августовском письме, «кроме одного Флоренского и С. Н. Дурылина, отвернулись, т. е. перестали вовсе здороваться» (п. 82). Причиной послужила резкая перемена во взглядах писателя на «еврейский вопрос», публикация «Апокалипсиса». В одном из писем Розанов заметил, что и многие ранние его статьи на эту тему недопонимались (п. 81). В свою очередь Измайлов, работавший долгие годы в либеральных «Биржевых ведомостях» и всегда относившийся индифферентно к проявлениям национализма, считал подобные взгляды предубеждениями[31] и с недоумением встретил сообщение Розанова о его размолвке с московскими славянофилами (п. 83).

В октябре — ноябре 1918 г. Измайлов и Розанов обменялись еще несколькими письмами. В посланиях к «сергиевопосадскому затворнику» Измайлов сообщал о новостях из Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии наук и из Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда), интересовался дальнейшей судьбой «Апокалипсиса», говорил о положении дел в журналистике, рассказывал о собственном безотрадном существовании (п. 85). В ноябрьском письме Измайлова (19 ноября 1918 г.) речь заходит о назначении Литературным фондом Розанову долгожданной пожизненной пенсии. Сообщает критик и о намечавшихся возможностях по изданию собрания сочинений Розанова, о своей готовности вести такие переговоры от имени писателя.

Последнее письмо Розанова полно безнадежности и отчаяния, а «страшные, психозные»[32] ноты звучат в нем еще сильнее (п. 89).

[31] Ср., напр., мнение Измайлова о националистических взглядах Суворина: *Аякс* [Измайлов А. А.]. Нараспашку: (А. С. Суворин в переписке с В. В. Розановым) // *БВ*. Веч. вып. 1912. 21 дек. (№ 13311). С. 5—6.

[32] См.. *Измайлов А. А.* Закат ересиарха († В. В. Розанов) // Творчество (Харьков). 1919. № 5—6. С. 27—30; цит. по: В. В. Розанов: pro et contra. Кн. 2. С. 99.

Написано оно было, по-видимому, за несколько дней, а может быть, и часов до рокового апоплексического удара, случившегося 24 ноября и приковавшего Розанова к постели. Переписка оборвалась. Слухи о трагедии дошли до Петербурга. В начале 1919 г. в первом выпуске журнала «Вестник литературы», где Измайлов некоторое время подрабатывал, появилась заметка, в которой он деликатно сообщал о состоянии здоровья писателя: «В. В. Розанов уединился в Сергиевом Посаде. Его „Апокалипсисов наших дней“ вышло 9 выпусков. Последний конфискован и положил конец этим своеобразным фельетонам-пророчествам-оглядкам. Несколько статей его прошло в издании В. Ховина „Книжный угол“. Неожиданны его песни на старую тему о „неудавшемся христианстве“, но на новый лад... Последние сведения о его здоровье тревожны. В минувшем году он вкусил самой настоящей нужды»[33].

5 февраля Розанова не стало. На смерть друга критик отозвался некрологом, дав высокую оценку личности и творчеству мыслителя: Розанов «перестал быть человеком и стал *явлением*»[34].

Переписка Розанова и Измайлова публикуется по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ. Ф. 115. Ед. хр. 280 — письма В. В. Розанова, РГАЛИ Ф. 419. Ед. хр. 276, 467, ОР РНБ Ф. 414. Ед. хр. 37 — письма Измайлова; а также 1 неотправленное письмо Розанова — РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 1. Очевидно, что из большой переписки сохранились не все корреспонденции; нам известно 89 писем, многие из них датируются по содержанию, ряд датировок носит предположительный характер.

[33] *Измайлов А. А.* Что делается в литературе // Вестник литературы. 1919. № 1—2. С. 8.

[34] *Измайлов А. А.* Закат ересиарха: († В. В. Розанов). С. 91.

1
Розанов — Измайлову
Начало мая 1909 г., С.-Петербург

Дорогой Александр Алексеевич!

Совестно Вас просить, а что делать: при всех «достоинствах» — из которых не ложно по крайней мере одно:

День каждый, каждую годину
Привык я *в думах* провождать, — [1]

книжки мои никогда не имели успеха, а только «почтительное признание». Шуба красивая, но не теплая. — Словом, друг мой, — соберитесь с силами и напишите в «Рус⟨ское⟩ Сл⟨ово⟩» и упомяните хоть кратко в «Бирж⟨евых⟩ Вед⟨омостях⟩». Сам я много раз для других делал, — и не стыдите меня, что делаю это, — однако *впервые* для себя. От книги лег долг на меня в 950 р. и надо их в 2 года выцарапать[2].

Пожалуйста, соберитесь ко мне в воскресенье[3].

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 34. В первой публикации писем Розанова к Измайлову (Новый журнал. 1979. Кн. 136) неверно указано, что в письме речь идет о книге Розанова «Темный лик: Метафизика христианства» (1911), вышедшей в декабре 1910 г. Датируется в связи с письмом Розанова к Гершензону и ответом последнего от 8 мая 1909 г. (см.. Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. 1909—1918 / вступ. ст., публ. и коммент. В. Проскуриной // Новый мир. 1991. № 3. С. 220—221). См. также примеч. 1 к наст. письму.

[1] Цит. с искажением стих. А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829). Ср. с письмом к М. О. Гершензону, в котором философ просит дать отзыв об «Италь-

янских впечатлениях: «Посылаю Вам новую мою книжку. Совестно просить, а что делать: при всех „достоинствах", из которых не ложно одно:

День каждый, каждую годину
Привык я *в думах* провождать, —

книги мои никогда не имели успеха, а только „почтительное признание" Шуба красивая, но не теплая. — Словом, мой добрый энтузиаст, соберитесь с силами и дайте о книге отзыв в „Вестн⟨ике⟩ Евр⟨опы⟩" Сам я много раз эту вещь делал для других, — и, может быть, Бог простит, что прошу ее — однако *впервые* — сделать для себя» (См.. Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. 1909—1918. С. 220).

[2] Речь идет о книге «Итальянские впечатления», вышедшей в мае 1909 г. Подробнее о ней: *Розановская энциклопедия*. Стб. 1525—1530.

[3] «Журфиксы», проводимые на квартире Розанова по воскресеньям, — одно из важнейших мест встречи интеллектуалов Петербурга Серебряного века (подробнее см.. *Розановская энциклопедия*. Стб. 1348—1356).

2
Розанов — Измайлову
Начало мая 1909 г., С.-Петербург

Дорогой Александр Алексеевич!

Я не послал Гр⟨игорию⟩ Сп⟨иридонови⟩чу книги, так как не знаю его адреса («Тверь», а дальше?)[1]. Но мне бы хотелось увидеть себя в *Вашей* оценке[2]. Она и беспристрастнее (поверьте, я порицаний упреков не боюсь, а боюсь *равнодушия*): а главное, Вы и сами не знаете своей главной ценности, как критика, которая (ценность) делает Вас чуть ли не единственным в наше время литерат⟨урным⟩ критиком. Качество Ваше заключается в том, что в Вас сохранилось допотопное, вымершее с литературными мамонтами, чувство интереса к литературе *вне себя* (т. е. вне Вас), интерес к *книге,* интерес *к другому, не к своему лицу.* А ведь все критики или якобы «критики» теперь «пишут себя и о себе» и только делают видимость, что пишут о книгах и авторах. Пример критика, страстно сживавшегося с читаемою книгою, мы имеем в Белинском: без этого и вообще нет критики, и ее теперь нет у нас вовсе. Критика есть «разбор», а мы читаем только «исповедания»...

Сам я поэтому же есть вовсе не критик; соглашаюсь — «умный» и «интересный» писатель, но — не критик. И всегда, когда я сажусь за «критику», то просто не знаю, что делать: сознаю, что нужно

«разбирать», и чувствую, что могу только «проповедать». Это и мучительно, и отвратительно.

В Вашей критике *Ваша* личность почти спрятана, и не от того, что нет ее, а от того, что она — не хулиганская и не высовывается вперед, когда дело идет о *другом*. Это целомудрие в писателе, которое почти исчезло (с мамонтами). Теперь все «любят себя как Бога»[3].

Ну их...

Читая о себе Григ⟨ория⟩ Спир⟨идоновича⟩, я знаю, что увижу Григ⟨ория⟩ Спир⟨идонови⟩ча, пишущего свое, себе и о своем. А это мне известно. Мне, напр⟨имер⟩, хочется, чтобы критик ответил на то, на что много лет я ищу ответа и не нахожу: отчего «В. Розанов» (как я чувствую) есть *не привившийся к русскому обществу и русской литературе писатель?* Что этому помешало и мешает? *Свои* качества у него (Р⟨озано⟩ва) есть: но что же мешает этим качествам связаться в один узел с жизнью общества, мыслями его, чувствами, идеями.

Я — одиночка. И уже так понимаю, что, очевидно, одиночкою и *умру*.

Ведь книги мои «ползут» и буквально почти не расходятся. А их — много, и, кажется, содержательны.

Между тем по тем, по другим, по десятым признакам я вижу, что собственно *литераторами* они прочтены. Иногда цитируют, *не ошибаясь*, 10 лет назад сказанные мною фразы. Чт́о же это значит?

Я какой-то писатель *для писателей*, а не для публики. Чт̀о это за явление, — не постигаю. Литература — знает меня, общество — ни-ни!

Не понимаю. Но грустно.

Видите — подражаю Вам в адресе: Вы его краткость довели до абсолютности.

Жму руку.

В. Розанов.

Приходите!

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 42—43 об.

[1] Г. С. Петров, священник, общественный деятель, журналист, публицист и проповедник. В апреле — мае 1909 г. Г. С. Петров находился в Твери. Об этом подробно сообщалось в прессе. См., к примеру: *Астра* [Богданов А. А.]. У Григория Петрова в Твери // *БВ.* Веч. вып. 1909. 19 мая. (№ 11112). С. 2. О Петрове подробнее см. раздел: Письма Г. С. Петрова к Измайлову в наст. изд. Известны несколько его откликов о книгах В. В. Розанова. См.. *Петров Г. С.*. 1) Около церковных стен // *РС.* 1905. 30 нояб. С. 2; 2) Там же. 3 дек. С. 1; 3) Благодатная весть. 1906. 15 янв. С. 2. В интонации письма Розанова чувствуется переоценка личности известного публициста. Если в начале 1900-х гг. Розанов широко поддерживал Г. С. Петрова, в том числе в 1907 г., когда священника за его активную публицистическую деятельность сослали в Черменецкий монастырь «на клиросное послушание», то начиная с конца 1900-х гг. взгляды Розанова меняются. В итоге в собрании писем 1899—1910 гг. он оставил следующую характеристику Петрова: «Одна из самых отвратительных фигур, мною встреченных за жизнь. — Но какова слабость человеческой природы: постоянной льстивостью и „вниканием во все мои идеи" он подкусил на много лет меня» (*Ломоносов А. В.* Корреспонденты В. В. Розанова: (Биобиблиографические комментарии к записям Розанова на письмах, хранящихся в НИОР РГБ // Российская государственная библиотека: Записки отдела рукописей. Вып. 52. М., 2004. С. 459). О взаимоотношениях Розанова и Петрова см. также.. *Розановская энциклопедия.* Стб. 700).

[2] Схожие интонации см. в письме к М. О. Гершензону, которого Розанов, так же как и Измайлова, просил дать отклик на книгу: «А хорошо, если б Вы об „Ит(альянских) впеча(тлениях)" написали в „В(естник) Евр(опы)" Со всех сторон важно и между прочим для продажи. Мне же — не теперь, но когда-нибудь — вообще хотелось бы прочесть о себе у Вас, „строгого и лучшего историка литературы" теперь. Говорят, Овсян(нико)-Куликовск(ий) какой-то странный, Н. Котлярев(ский) очень патетичен и, кажется, с сахаром, В. Брюсов — порченый декадент. А Вы „соединяете ученость с талантом"· такая редкость у нас» (Письмо (от середины августа 1909 г.) // Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. С. 223).

[3] Из стихотворения З. Н. Гиппиус «Посвящение» («Небеса унылы и низки...»), 1894 г.

3
Измайлов — Розанову
Начало июня 1909 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Я давно должен был ответить Вам на Ваше дорогое для меня письмо, но хотелось соединить с ответом и фактическое осуществление моих намерений. Теперь я могу это сделать. Прилагаемая здесь вырезка из «Биржевки» есть то, что можно было сделать в нашей маленькой газетке, достаточно беззаботной относительно явлений чисто литературных[1]. Сегодня я послал большой фелье-

тон в Москву — значит, Вас можно просить просматривать эти дни «Русское Слово»[2], что, впрочем, Вы, вероятно, и без того делаете. — Не сообщал Вам адреса Г. Петрова, ибо и сам знал только — «Тверь», а побывав у него, узнал, что он сам вам пишет письмо[3]. К сведению Вашему, если будете посылать ему книгу, — он там уже недолго, и надо поспешить[4].

Всюду слышу о большом интересе к вашей книге[5]. Между прочим, Ясинский просил меня даже походатайствовать пред Вами, чтобы Вы его не забыли (Ч⟨ерная⟩ Р⟨ечка⟩, Головинская, 9)[6].

На страшно интересную тему, какую Вы наметили в последнем письме ко мне, мне бы очень хотелось и поговорить и написать. К сожалению, это удалось тронуть только самым краешком в фельетоне, который и без того вышел чудовищно большим.

Душевно Вам преданный

А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 159.

[1] Имеется в виду заметка: *Аякс* [Измайлов А. А.]. В литературном мире // *БВ*. Веч. вып. 1909. 18 мая. (№ 11111). С. 3—4.

[2] Подразумевается отзыв о книге Розанова «Итальянские впечатления». См.. *Измайлов А. А*. Около чужих алтарей (О Розанове и его новой книге) // *РС*. 1909. 3 июня. (№ 125). С. 1.

[3] Г. С. Петров приглашал Измайлова к себе в Тверь, о чем есть запись в его письме от 8 мая 1909 г.: ...страшно буду рад видеть Вас в Твери. Хорошо здесь на Волге» (см. п. 17 в разделе: Письма Г. С. Петрова // Наст. изд., с. 582).

[4] Петров оставался в Твери до конца мая. В «Биржевых ведомостях» сообщалось: «Г. С. Петров доживает последнюю неделю в Твери. В зависимости от некоторых, чисто семейных обстоятельств, вскоре он или передвигается к Петербургу, или совершит прогулку по Волге» (*Астра* [Богданов А. А.]. У Григория Петрова в Твери // *БВ*. Веч. вып. 1909. 19 мая. (№ 11112). С. 2).

[5] «Итальянские впечатления» (1909).

[6] И. И. Ясинский, прозаик, журналист, поэт, литературный критик, переводчик, драматург, издатель и мемуарист. По приглашению Ясинского Измайлов был введен в 1898 г. в состав сотрудников «Биржевых ведомостей». Дом Ясинского находился недалеко от Черной речки, на Головинской улице, 9 (ныне — Лисичанская ул.). Воспоминания Ясинского, а также сведения о нем см.. *Ясинский*. Т. 1. 720 с., Т. 2. 488 с.

4

Розанов — Измайлову

7 июня 1909 г., д. Лепенене, близ Териок

Горячее спасибо.

Отлично. — Но почти жалею, что *теперь* просил Вас (опять рассеянность, забывчивость): ведь теперь эти 12-ти дюймовые снаряды — не действуют, и пальба по вниманию публики, разъехавшейся на дачи и, конечно, не покупающей книг, напрасна: а к осени, когда думают, «чего бы купить», конечно, *русские* всё забудут. «Россея». Ей-ей, мои книжки (кроме «Легенды»)[1] до сих пор все не шли. Я на Вас посетовал (очень), что Вы не исполнили обещания и не были у меня в воскресенье.

За Териоками, Лепенене, дача Хайнен, № 4[2].

Ваш искренне

В. Розанов.

А нельзя ли, хоть телеграммой отложить посланную в «Рус⟨ское⟩ Сл⟨ово⟩» статью, отложить до 1-го сентября?[3] Если да — пожалуйста. Уплачу тройную телеграмму. Не сердитесь на мою суетность. Есть причины.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 1—2 об. На конверте рукой Розанова: «Заказное. В *С.-Петербург. Вас. Остров*, 1-ая линия, дом 61 *или* в Редакцию „Биржевых Ведомостей" Его Высокородию Александру Алексеевичу Измайлову от В. Розанова. Станция Териоки, Финляндской жел. дороги, деревня Лепенене, дача Хайнен». На почтовом штемпеле — 7 VI. 1909. Датируется по штемпелю получения.

[1] Подразумевается книга «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского: Опыт критического комментария» (впервые: Русский вестник. 1891. № 1—4), выдержавшая к 1909 г. три отдельных издания (1894, 1902, 1906).

[2] С мая 1909 г. Розанов с семьей проводил летний отдых на даче в Лепенене за Териоками.

[3] Подразумевается статья Измайлова. См. п. 3.

5
Измайлов — Розанову

После 7 июня 1909 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Я был готов исполнить Ваше желание и обратился к А. В. Руманову[1], каждодневно говорящему с Р⟨усским⟩ С⟨ловом⟩ по телефону. Однако он мне отсоветовал это. Ему кажется, — и признаюсь, и мне, — что (если вообще верить в то, что отзывы двигают книги) *несравненно* благоприятнее отзыв о книге Вашей *сейчас*, когда добрая половина туристов еще на отлете и именно может заинтересоваться путевыми впечатлениями писателя[2], к⟨ото⟩рого любит. В сент⟨ябре⟩ интерес будет уже только платонический, а здесь можно будет за Ваш счет блеснуть при случае умным замечанием и глубокой догадкой.

По совести, и я так думаю, и потому мы вместе дерзновенно решили Вам противоречить и не хлопотать о задержании фельетона, не только потому, что мне хочется поскорее его съесть.

Собираюсь в Кашин[3]. Не поедете ли вы? Страшно интересен *народ* в таких случаях, и я ценю такие с ним соприкосновения. Сейчас тешу себя надеждой, что меня не арестуют зря, как было под Саровом[4], и со всею этою немощною, слепою, глухою, косноязычною, юродивою, нищею, кликушескою Русью в буквальном и метафизич⟨еском⟩ смысле удастся поговорить усты ко устам.

Душевно Ваш

А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 194—195 об. На бланке «Биржевых ведомостей».

[1] А. В. Руманов, журналист, заведовал петербургским отделом газеты «Русское слово» (1906—1918 гг.).

[2] В 1901 г. Розанов предпринял путешествие по Италии, а в 1905 г. он побывал в Швейцарии и Германии. Впечатления от этих поездок легли в основу книги «Итальянские впечатления».

[3] В июне 1909 г. в Кашине состоялись торжества в связи с канонизацией святой Анны Кашинской, супруги благоверного князя Михаила Тверского. В город съезжались

тысячи богомольцев. Об этом см.. *Измайлов А. А.* 1) Собираются старцы: (Впечатления в Кашине) // *БВ.* Утр. вып. 12 июня. (№ 11154). С. 5—6; 2) Там же. Веч. вып. 1909. 12 июня. (№ 11154). С. 2; 3) Русь болящая: (Впечатления в Кашине) // Там же. Утр. вып. 13 июня. (№ 11156). С. 6; 4) Там же. Веч. вып. 13 июня. (№ 11156). С. 3.

[4] Подразумевается поездка Измайлова в Саров в июле 1903 г. на грандиозные торжества по случаю канонизации Серафима Саровского. См. об этом его статьи: *Измайлов А. А.*. 1) Саровское торжество // *БВ.* Утр. вып. 1903. 16 июля. (№ 348). С. 2; 2) Там же. 19 июля. (№ 354). С. 2; 3) Там же. 20 июля. (№ 356). С. 3; 4) Там же. 22 июля. (№ 359). С. 2.

6
Розанов — Измайлову

Начало июня 1909 г., д. Лепенене, близ Териок

Ну, спасибо, дорогой и милый Александр Алексеевич!

Всё очень хорошо, верно и глубокомысленно. Рад, что вспомнили Карамзина[1]: с университетских лет я собрал все его, еще в кожаных переплетах изд‹ания› 179... и 1802—3—8 годов: и вообще мне дорого живо представлять и ежедневно чувствовать, как именно с него, *в один век,* русская литература от безграничной *наивности,* от младенческого лепета (но столь милого и грациозного у Кар‹амзина›) поднялась к такой серьезности и содержательности и мужеством, опытом и размышлением в сущности перезрела западные литературы.

Так как до чего же *наивен* Шпильгаген перед Толстым и Диккенс перед Достоевским. Они (вообще, не Диккенс) даже до нашего Лескова не дорастают. Много особенного есть в русской душе. Но это... океан для разговоров. Зимою непременно приучитесь скучать у Розанова.

Ваш В. Розанов.

Добрый путь к Кашину[2].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 40.

[1] Рассуждая о «записках» путешественников и воспоминаниях отечественных авторов, отличившихся в этом жанре («Хорошие книги можно пересчитать наизусть.

Гончаров, Норов, Боткин, Немирович, Г. Петров, Дедлов»), Измайлов в своем отзыве замечал: «Была на Руси одна большая такого рода книга. В свое время она всколыхнула русскую интеллигенцию. Почти можно сказать, что это была первая книга русского интеллигента и для русской же интеллигенции. Конечно, я говорю о „Письмах русского путешественника" Карамзина, — книга, которую и сейчас совсем запыленную, состарившуюся, отошедшую в историю — можно, однако, перелистывать прямо с удовольствием» (*Измайлов А. А.* Около чужих алтарей: (О Розанове и его новой книге). С. 1).

[2] См. примеч. 3 к п. 5.

7
Розанов — Измайлову
8 июня 1909 г., д. Лепенене, близ Териок

8 июня

Дорогой Александр Алексеевич!

Еще раз прочитал Вашу статью о себе[1], — прежде чем положить в «архив», — и еще раз большое, глубокое, горячее спасибо: и как от *человека* (не только писателя), которого Вы так хорошо поняли и характеризовали, — *с такой любовью.* Это — редко в жизни: но помните, что «любить — это также счастливо, как быть любимым». Моя милая жена тоже Вас очень благодарила в разговорах.

Ваш В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 36.

[1] Речь идет о статье: *Измайлов А. А.* Около чужих алтарей: (О Розанове и его новой книге). С. 1.

8
Измайлов — Розанову
Август 1909 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Не откажите прислать, как только возможно скоро, снимок с Вашим портретом, *непременно на лоне природы.* Мы дадим это не-

медленно в «Огонек»[1]. Ничего, если в семейной обстановке. Если нужно, вернем оригинал с благодарностью. Чем оригинальнее Ваш костюм, Ваша поза, тем нам приятнее. Будьте добры прибавить к этому несколько строк Ваших летних впечатлений и работ.

Сердечно благодарю Вас за Ваши милые и драгоценные для меня письма. Я тогда же хотел ответить, но — подлая суета!.. Хотелось бы и сейчас написать, но — должен спешно отправить десяток писем.

Простите за эксцентричную просьбу. Но очень будет приятно, если Вы на нее откликнетесь с Вашею обычною ко мне ласковостью.

А что, — о статейке для «Нов⟨ого⟩ Слова», хотя бы короче воробьиного носа, — нам нельзя заговаривать? «Н⟨овое⟩ Слово» — ежемесячник при «Бир⟨жевых⟩ Вед⟨омостях⟩»[2].

Душевно Ваш

А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 179—179 об. На бланке «Биржевых ведомостей».

[1] Традиционно в сентябрьских выпусках «Огонька» печатались сообщения о летнем времяпрепровождении писателей, артистов, художников, депутатов Государственной думы. В 1909 г. такие публикации с фотографиями общественных деятелей и с небольшими репликами о летнем отдыхе появились в № 38—41 еженедельника. Под заглавием «Как проводили лето писатели и артисты» в № 38 были представлены фотографии М. Г. Савиной, Е. Н. Чирикова, Ф. Ф. Фидлера, А. А. Измайлова, Г. С. Петрова, П. А. Сергеенко, С. В. Яблоновского, Б. А. Лазаревского, М. П. Арцыбашева, К. С. Баранцевича, К. М. Фофанова и др., в выпуске № 39 — фотографии Л. Андреева и Л. Н. Толстого; в выпуске № 41 — сообщения о летнем отдыхе и фотографии И. Рукавишникова, А. И. Куприна, А. Лугового.

[2] «Новое слово», ежемесячный журнал, приложение к «Биржевым ведомостям». СПб. 1908—1914, ред. И. И. Ясинский. В 1909 г. в «Новом слове» были опубликованы «Афоризмы» Розанова (№ 10. С. 39—40), а также его очерк «Надгробное слово Гапону» (№ 12. С. 6—11). Статьи Розанова, опубликованные в «Новом слове» за 1910 г., см. в примеч. 7 к п. 9.

9

Розанов — Измайлову

До 24 августа 1909 г., д. Лепенене, близ Териок

Дорогой Александр Алексеевич!

Пришлите-ка мне Вашу книгу пародий[1]: я прочел 1, о Л. Андр⟨ееве⟩ и граммофоне[2] — превосходно! Ведь это такой прелестный и редкий дар.

Портретов несколько лет не снимал: да в Лепенене и нет фотографий. Да и вообще это мелкотно сниматься. Простите шутку и цинизм: «можно лишь за особую плату», т. е. вообще-то ни за что и ни про что. Сниматься можно лишь случайно и «в такую минутку», напр⟨имер⟩ бы нам с Вами за говоровским квасом[3]. Да и противно мне, что литераторы все снимаются. Напр⟨имер⟩, Л. Андр⟨еев⟩ в «Искре». — «Цыпочка!..»[4] — проговорил я, взглянув на красивого меланхолика. Неужели литераторы займут место prima-балерин, а то и певичек из Буфа. К черту всё это.

Что касается статьи для «Н⟨ового⟩ Сл⟨ова⟩», то (большое «между нами» ⟨так!⟩) первое время я хотел *докончить* недописанную для «Р⟨усского⟩ Сл⟨ова⟩» статью о «Яме» Куприна[5]: но, увидя, что это при «Бирж⟨евых⟩ Вед⟨омостях⟩», т. е. *у* Пропера, мне не захотелось: Вы знаете, что я евреев почти люблю и никак от русских их не отделяю: но *единичный* из евреев, «уже не еврей», интеллигент-Пропер, богач-Пропер, либерал-пропер ⟨так!⟩, чуть ли не приват-доцент Пропер[6] — мне совершенно и единственное в литературе лицо — непереносим[7]. Что-то уж слишком характерное и яркое и около «грехов» литературы, которые есть или выпукло начинаются.

Эти бедные селенья
и проч. (из Тютчева)[8]

окончательно вытоптаны, изглажены или изгажены «ими», «такими» и, может быть (от того и грустно), и «нами грешными».

Словом, Вы меня уже давно поняли.

На даче[9] мы 2-й год рядом с милыми священниками Антоновыми[10]. Ал⟨ександра⟩ Ник⟨олаевна⟩[11] много рассказывала о духовен-

стве и аборигенах Смол⟨енского⟩ кладбища: и мне это показалось картиннее «Соборян» Лескова (коих, впрочем, я не читал — между нами). И говорили о Вас с большой симпатией. Я рад, что Вы сидите по уши в «быту». Для писателя это абсолютно необходимо.

Неужели Вы не приедете на Звенигородскую, д. 18, кв. 23?[12]

Почти до нас — на трамвае.

Ваш преданный

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 3—4. Дата получения: «1909. 24/VIII» — рукой Измайлова.

[1] Подразумевается книга пародий Измайлова «Кривое зеркало», выдержавшая к 1914 г. пять изданий. См. современное научное переиздание этой книги: *Измайлов А. А.* Кривое зеркало: Книга пародий и шаржа / подгот. текста, вступ. ст., коммент. Е. В. Хворостьяновой. СПб., 2002. 336 с.

[2] Пародия «Сын человеческий, или Роковой граммофон: (из книги пародий)» впервые была опубликована: *РС*. 1909. 10 мая. (№ 105). С. 3. В «Кривое зеркало» пародия включена со второго (СПб., 1910) издания книги.

[3] Хлебный квас Говоровского завода.

[4] Имеется в виду фотография (Л. Андреев за письменным столом), опубликованная в августовском номере «Искр» (1909. 16 авг. (№ 32). С. 1). Также в номере был опубликован ряд фотографий Андреева в его доме в Ваммельсуу.

[5] Статью о «Яме» А. И. Куприна Розанов опубликовал в «Новом времени», см.. Куприн // Новое время. 1909. 26 нояб. (№ 12109); *Розанов*. [Т. 4]. С. 424—426.

[6] С. М. Проппер, издатель газеты «Биржевые ведомости» и ее приложений: журналов «Новое слово», «Новая иллюстрация» и «Огонек»; хозяин книжного издательства; гласный Петербургской городской думы.

[7] Свое неприязненное отношение к Ропперу и его изданиям Розанову все-таки удалось преодолеть. В «Новом слове» им были опубликованы несколько статей: *Розанов В. В.*: 1) М. П. Соловьев и К. П. Победоносцев о бюрократии // *НС*. 1910. № 1. С. 18—22 (*Розанов*. [Т. 20]. С. 9—15); 2) Загадки русской провокации: Очерк // Там же. № 3. С. 4—10 (*Розанов*. [Т. 20]. С. 73—82); 3) Галерея портретов русских писателей г. Пархоменко // Там же. № 5. С. 2—23 (*Розанов*. [Т. 20]. С. 158—164); 4) Из литературных впечатлений: в Религиозно-философском обществе // Там же. № 7. С. 22—24 (*Розанов*. [Т. 20]. С. 230—233); Константин Леонтьев и его почитатели // Там же. № 7. С. 22—26 (*Розанов*. [Т. 7]. С. 554—557); 5) Из дел нашей школы // Там же. № 8. С. 23—27 (*Розанов*. [Т. 20]. С. 278—285); 6) Евреи и христиане: очерк // Там же. № 9. С. 4—16 (*Розанов*. [Т. 20]. С. 297—303); 7) Культурная океания // Там же. 1911. № 1. С. 4—9 (*Розанов*. [Т. 21]. С. 7—15); 8) Французский труд о Влад. Соловьеве // Там же. № 7. С. 4—12; 9) Из жизненных встреч: К. М. Фофанов // Там же. 1911. № 11. С. 19—23 (*Розанов*. [Т. 4]. С. 546—553).

[8] Стихотворение Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья» (1855).

[9] Летние месяцы 1909 г. Розанов вместе с семьей проводил под Петербургом в деревне Лепенене, ж. д. станции Тюрисевя, недалеко от Териок (ныне Зеленогорск).

[10] Антонов Николай Родионович, протоиерей, ключарь петербургской церкви Воскресения на Крови; автор книги «Русские светские богословы и их религиозно-общественное миросозерцание. Т. 1» (СПб., 1912), публицист, участник Религиозно-философских собраний, корреспондент и близкий знакомый Розанова. Семья Антоновых распалась, о чем сохранилось упоминание Розанова: «Сам по себе он „не прыток"; но вот качество: от него ушла жена, Алекс. Ник., красивая, видная баба, вообразившая, что она может „петь"· и он с 5-ю детьми, имея службу и законоучительство, управился. Обратился в няньку и „домашнего учителя"» (В. В. Розанов о ближних и дальних: (Пометы к письмам корреспондентов) / вступ. ст., публ., и коммент. А. В. Ломоносова // Литературоведческий журнал. 2000. № 13/14. Ч. 1. С. 107—108). О Н. Р. Антонове см.. *Розановская энциклопедия*. Стб. 85—87

[11] А. Н. Антонова, жена священника Антонова.

[12] С июля 1909 г. по июнь 1912 г. Розановы жили в семикомнатной квартире (№ 23) на Звенигородской ул., д. 18.

10
Измайлов — Розанову
25 августа 1909 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Одновременно с этим посылаю Вам «Кривое Зеркало». Если вообще я не сделал этого раньше, то только потому, что не мог даже представить себе, чтобы мое могло Вас интересовать. Всё мое кажется мне таким слабым, что не ходя далеко за образом, весь я в литературе кажусь себе всегда в кривом зеркале.

У меня бывают мысли, я много читаю, весь век учился и учусь теперь, жадно лечу на всех интересных людей, знаю многих, вознесенных судьбою почти в «великие», — и, однако, изо дня в день и из года в год по судьбе своей должен писать, как бы становясь на корточки, под уровень улицы, только мечтая о чем-то порядочном. В душе я все-таки думаю, что я лучше этих своих отражений. Я ненавижу свои книжки уже в день их появления и ужасаюсь их через год. Казалось бы, это подает надежды, что я исправлюсь. Но это мало утешает.

Поэтому я не посылал Вам никогда ничего и всего бы менее хотел, чтобы Вы знали «Зеркало». Это чистый продукт газетчины,

в душе мною ненавидимой, голое зубоскальство, подчас нагловатое, подчас непристойное (правда, потому что непристоен век). Такой книжки я не мог бы предложить на чтение сестре, младшему брату[1]. Но время такое, что ему этой книжкой я угодил всего более: ни одна не разошлась так хорошо. Ни за одну меня так не похваливали. А я слушал и думал: ну и эпоха!..

О фотографии — признаться, я почти б⟨ыл⟩ убежден, что будет так. Вы, наконец, обрели трижды и давно заслуженное Вами право даже случаем не заходить в те заведения, где — увы! — нам еще приходится жить на положении вроде загульных девиц или вышибал. Моментами это тяжело до острой боли. Чувствуешь, как сам мельчаешь, принижаешься, сбиваешься со вкуса, даже с русск⟨ого⟩ языка, окруженный махонькими людьми, чужими литературе, готовившимися в аптекарские помощники и говорящими «благодаря чуме» и «функционирует».

И о «Нов⟨ом⟩ Слове», признаться, не верил. Хотя всему Вашему здесь были бы безумно рады[2].

Прочтя о возможности снимка в увековечение минуты за говоровск⟨им⟩ квасом, я подумал, как было бы чудесно, если бы Вас можно было бы поймать на слове и действительно оказаться некогда с Вами на одном стекле[3], хотя бы и в качестве одного из многочисл⟨енного⟩ антуража. Это было бы для меня большою честью.

А все-таки *лично мне* Вы когда-то обещали Вашу фотографию, и, если бы это осуществилось, я был бы крепко рад и душевно Вам благодарен.

Бытовая густота кругом меня действит⟨ельно⟩ настоящая. У меня есть две литер⟨атурные⟩ мечты, и одна, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, самая настойчивая — написать роман о новом духовенстве, к⟨ото⟩рого уже Лесков не застал. Даже и название давно есть «Улица смерти»[4]. Но, может быть, эта мечта умрет вместе с газетчиком Измайловым, автором... «Кривого зеркала».

А «Соборян» Вы прочтите. Там окажутся целые *листы* удивительной красоты рядом с листами почти обугленными.

Буду благодарить Антоновых за доброе слово. Вообще убеждаюсь, что люди больше бранят, и ценишь доброе на вес золота.

На Звенигородскую *непременнейше* заявлюсь, как только Вы переедете[5].

Ваше Лепенене я пишу, копируя: думал, что не дойдет. Теперь напишу смелее. Сам не понимал, а почтальон понял.

Душевно Ваш

А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 139—142 об.

[1] О родственниках Измайлова сохранилось не много сведений. Известно, что его младший брат — Алексей Алексеевич Измайлов, окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию в 1893 г. и служил священником в церкви Смоленской иконы Божией Матери на одноименном кладбище Васильевского острова. Алексей Алексеевич после смерти брата предпринимал усилия по увековечиванию его памяти: был одним из организаторов Союза писателей им. А. А. Измайлова в 1922 г., в состав которого входили (В. Гордин, В. Ленский, Н. Позняков, А. Скорбный, Ф. Сологуб, А. Тиняков, К. К. Фофанов, И. Ясинский) (См.. Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1, ч. 2. С. 393); пытался — безуспешно — опубликовать что-то из творческого наследия брата. В мае 1926 г. Алексей Алексеевич Измайлов передал в Пушкинский Дом архив покойного брата. Умер в 1934⟨?⟩ г. — дата на надгробии. Сестра и племянник (сын сестры) литератора умерли раньше Измайлова, в 1920 г., о чем есть сообщение в его письме к Ясинскому: «Всё кругом валится. Сегодня зарыл в могилу племянника, ушедшего вслед за сестрой» (письмо от 12 января ⟨1920 г.⟩ // РО ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. Ед. хр. 310. Л. 8). Известно также, что после смерти Измайлова его библиотека досталась в наследство его племяннице — Ариадне Алексеевне Измайловой (см. Записка Ясинского И. И., Сологуба Ф. К., Сперанского В. Н. и др., удостоверяющая о наследовании библиотеки Измайлова А. А. его племянницей Измайловой Ариадной Алексеевной // РГАЛИ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 190).

[2] Подразумевается отказ Розанова сотрудничать в «Новом слове», приложении к газете «Биржевые ведомости» (см. примеч. 7 к п. 9).

[3] Совместные снимки Измайлова и Розанова не известны.

[4] Измайлов известен как автор многочисленных рассказов о жизни сельского и провинциального духовенства, которые начиная с 1901 г. оформлялись им в сборники и выходили отдельными изданиями (*Измайлов А. А.*. 1) Черный ворон. СПб., 1901 (2-е изд. — 1903). 382 с.); 2) Рыбье слово. СПб., 1903. 300 с.; 3) В бурсе. СПб., 1903. 300 с.; 4) Осени мертвой цветы запоздалые. СПб., 1905. 304 с.). Свой новый замысел Измайлову воплотить не удалось.

[5] Имеется в виду переезд семьи Розанова в Петербург после летнего отдыха на даче.

11
Измайлов — Розанову

После 29 сентября — начало октября 1909 г., С.-Петербург

Милый и дорогой Василий Васильевич,

Безгранично счастлив Вашею ласковостью и Вашими суждениями. Поймал себя на инстинктивном движении — приложить к губам газетный лист, как бы целуя Вас, отсутствующего. Этот отзыв неоценим для меня, как исходящий от Вас, и это такое счастье, на которое я, — клянусь, — не рассчитывал в самых сокровенных и дерзких мечтаниях[1].

Еще до получения Вашего односложного письмеца[2] я соображал, здесь Вы уже или еще почему-либо сидите в Финляндии. Я *непременно* хочу быть у Вас, чтобы прежде всего поблагодарить Вас от всей души.

С радостью узнал, что у нас есть Ваша статья. Стащил ее из редакции и сегодня буду читать.

Запомнилось, что Вы свободнее по воскресеньям. Так и постараюсь.

Душевно преданный Вам

А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 184—185 об.

[1] Измайлов благодарит Розанова за отзыв, см.. *Варварин В.* [Розанов В. В.]. Критик русского décadence'а: А. А. Измайлов. Помрачение божков и новые кумиры // *РС*. 1909. 29 сент. (№ 222); *Розанов.* [Т. 19]. С. 304—310.

[2] Это письмо Розанова неизвестно.

12
Розанов — Измайлову

Начало октября 1909 г., С.-Петербург

Рад, А⟨лександр⟩ А⟨лексеевич⟩, что доставил Вам удовольствие: а ведь моя статья-то вяловата и скучновата[1]. Договорю ее: будьте,

дорогой, *серьезны* и спокойны... До чего это редко в литературе. Но я не б⟨ыл⟩ очень искренен в статье: мы с Верочкой (12 л⟨ет⟩)[2] до упаду смеялись, читая у Вас в «Кр⟨ивом⟩ Зер⟨кале⟩» о «литературных встречах»[3]. Точь-в-точь я слушаю «воспоминания» Фаресова[4].

Всё это хорошо, и умно, и верно. Но, *кажется*, лучшую пародию Вы егоза не включили: о Л. Андрееве и граммофоне[5]. Я по ночи только начал: но от души хохотал. Приходите непременно ⟨в⟩ это *воскресенье вечером* (утром мы на «Игоре»)[6].

Ваш В. Розанов.

Звенигородская. д. 18 кв. 23.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 19.

[1] Подразумевается рецензия Розанова на книгу Измайлова «Помрачение божков и новые кумиры» (см. примеч. 1 к п. 11).

[2] Розанова Вера Васильевна, дочь В. В. Розанова и В. Д. Бутягиной. Вере было уже 13 лет.

[3] Речь идет о пародии «Знаменитые встречи: (Из литературных воспоминаний Анкудина Козодоева)» (*Измайлов А. А.* Кривое зеркало. СПб., 1908. С. 19).

[4] А. И. Фаресов, русский революционер, народник, писатель, публицист, литературовед. Автор многочисленных очерков и воспоминаний о русских писателях Н. С. Лескове, И. И. Каблице, А. К. Шеллере, А. Н. Неустроеве и др.

[5] См. примеч. 2 к п. 9.

[6] Речь идет о спектакле Мариинского театра «Князь Игорь» — опере А. П. Бородина в 4 действиях с прологом, дававшемся утром в воскресенье 4 октября.

13
Измайлов — Розанову

Начало октября 1909 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Руманов просил лицо, желающее получить билет на дело Петрова, направить к нему: он устроит[1].

Посылая книжки Вашей барышне[2], пользуюсь случаем приложить сюда нек⟨ото⟩рые пустячки, — быть может, они предоставят

Вам какой-нибудь интерес. У меня этим старичкам невесело среди молодежи. «Гамлет»[3], к сожалению, не полный. Не побрезгуйте.

Душевно Ваш

А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 165.

[1] Имеется в виду судебный процесс над Г. С. Петровым, проходивший в октябре 1909 г. В «Биржевых ведомостях» сообщалось: «В маленьком, так сказать, „заштатном" зале, где обыкновенно происходят заседания уездного члена окружного суда, слушалось сегодня дело 〈...〉 Григория Спиридоновича Петрова. Г. С. Петрову вменялось в вину издание книжки „Притчи скептика" Амфитеатрова, в которой помещены были рассказы, собственно говоря, „Мистик и скептик", сказка о штанах и др. В рассказах этих прокуратура усмотрела богохульство и отношение к личности Христа в шутливой и насмешливой форме, оскорбляющей религиозное чувство христианина» ([Б. п.]. Дело Г. С. Петрова // *БВ*. Веч. вып. 1909. 7 окт. (№ 11350). С. 3).

[2] Вероятно, имеется в виду падчерица Розанова — Александра Михайловна Бутягина. См. п. 14.

[3] Предположительно речь идет об изданиях И. Н. Измайлова, беллетриста и драматурга 1880-х гг., сотрудника юмористических журналов, пользовавшегося псевдонимом Гамлет.

14
Розанов — Измайлову
9 октября 1909 г., С.-Петербург

Забили меня хлопоты, дорогой Александр Алексеевич, — телефон, к Вам не доходит, да и страшно спускать Вас с 3-го этажа к швейцару, и я вот Вам еще не писал: — 1) Благодарю за память. 2) Но книги — в каком смысле? Я понял — «просмотреть» (полюбоваться), дочь говорит — «дарит», но я не доверяю, ни малейше не претендую, и — в полном недоумении. Книги очень ценные, и, верьте, в Вашей библиотеке они будут тоже великолепным украшением. Новенькие должны взглядывать на старых, *помнить их*.

Получил сейчас письмо от одного друга, И. Л. Леонтьева-Щеглова[1]: с закрытием «Слова»[2] он лишился совсем заработка и впал

в такое уныние, всё говорит о нищенстве, да ведь и в самом деле, кроме нищенства, ничего ему не предстоит, если его не спасет force majeure* или deus ex machina**. Он редкого благородства человек, с маленькими поэтическими причудами: и будь Литературный фонд и Фонд при Академии наук[3] в надлежащих руках — ему прямо надо бы устроить 1) квартиру-комнатку, и 2) стол скромный, и 3) дать дожить, т. е. прожить в покое и безделье лет 5—10. Он изработался, иструдился и выгорел: но горел чистою восковою свечой. Не мог ли бы энергичный Иер⟨оним⟩ Иер⟨онимович⟩[4] чего-нибудь придумать для него, лучше всего — в смысле, я думаю, технической работы, небольшой, стариковской, полегче, поудобнее. С Сувориным он почему-то и на чем-то разошелся, да и Суворин, будучи сам стар, по-видимому, имеет антипатию к инвалидам. Впрочем — это мое мнение. «Нов⟨ое⟩ Вр⟨емя⟩» вообще на таком шибком ходу, да и психология там (очень *милая* в бездне отношений) такова, что *именно* Щеглову может только помять крылья. Тут нужен *приятель, друг,* с лаской и деликатностью его. Как только приедет К. С. Тычинкин[5], — один из деятелей в «Н⟨овом⟩ Вр⟨емени⟩» — то, конечно, я ему буду говорить о Ив⟨ане⟩ Л⟨еонтьевиче⟩; но имею мало надежд. Тут нужен субъективный дух[6]. Подумайте, мой дорогой, о нем: поговорите внимательно с И⟨еронимом⟩ И⟨еронимовичем⟩, и, может, вдвоем что-нибудь придумаете. Я думаю, нужно его поманить и сотрудничеством в «Н⟨овом⟩ Сл⟨ове⟩», вообще у человека надо поднять энергию. Эх, страшно и жалко человека в таком состоянии: и еще Мечников мечтает «дать бессмертие» человеку[7]. Лучше бы он сочинил «беспредельный корм». А уж «прожить сами сумеем». Жму руку.

Ваш В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 5—6. На письме рукой Измайлова проставлена дата получения: «1909 окт⟨ябрь⟩ 9».

[1] И. Л. Леонтьев-Щеглов (наст. имя и фам. Иван Леонтьевич Леонтьев) — прозаик, драматург, критик, мемуарист. Переписка Розанова и Леонтьева-Щеглова хранится в РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 279, 516.

---

* чрезвычайные обстоятельства (*фр.*).

** «бог из машины»; *здесь*: вмешательство высшей силы (*лат.*).

[2] «Слово» — ежедневная политическая, общественная и литературная газета, выходила в Петербурге с 1903 по 1909 г. В 1906 г. Леонтьев-Щеглов редактировал литературный отдел газеты «Слово», также публиковал здесь очерки и воспоминания о русских писателях, актерах, художниках и общественных деятелях. Измайлов сотрудничал в этом издании, публикуя критические фельетоны под общим заглавием «Литературные беседы».

[3] Подразумевается Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам; создана в 1895 г. при Императорской Академии наук — Академический фонд. С 1909 г. председателем комиссии был Н. А. Котляревский, историк литературы, литературный критик, публицист, первый директор Пушкинского Дома (см. архив: РО ИРЛИ. Ф. 540). Измайлов состоял членом комиссии. Подробнее о ее деятельности см.. *Хохлова Н. А.* Обзор архива Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам // *Ежегодник РО ПД* на 1998—1999 гг. СПб., 2003. С. 23—47 В архиве фонда сохранилось дело И. Л. Леонтьева-Щеглова (РО ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 2. № 71), в котором содержатся прошения беллетриста. Из материалов дела следует, что литератор получал пенсию от Постоянной комиссии для пособий нуждающимся ученым, литераторам и публицистам начиная с 1895 г. В последние годы его пенсия составляла от 30 до 50 руб. в месяц. После смерти Леонтьева-Щеглова в комиссию обращалась его вдова, которая также на протяжении многих лет получала назначенную ей материальную помощь (подробнее см.. Ф. 540. Оп. 2. № 71).

[4] И. И. Ясинский.

[5] К. С. Тычинкин, педагог, служащий издательства А. С. Суворина, заведующий типографией газеты «Новое время».

[6] Судя по письмам И. Л. Леонтьева-Щеглова, обращения Розанова к К. С. Тычинкину и редакции «Нового времени» в целом имели положительный результат. Так, 21 октября 1909 г. он писал своему «ходатаю»: «Вдвойне тронут Вашим двойным откликом, нежно любимейший Василий Васильевич! *Алексея Сергеевича* ⟨Суворина⟩ я *очень* и искренно люблю, — и могу ли забыть, что он для меня сделал... в свое время??..... И, потом, — как никак, — писал я в „Нов⟨овом⟩ Врем⟨ени⟩" без малого 20 лет — одна привычка (даже к шрифту) чего стоит! ⟨...⟩ Крепко кланяюсь многодобрейшему Константину Семеновичу ⟨Тычинкину⟩ и крепко благодарю за душевное внимание, которым несомненно воспользуюсь» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 516. Л. 18—18 об.). См. также письмо от 3 декабря 1909 г.: «Еще несколько слов, дорогой Василий Васильевич, по поводу „одного неудачного литератора..." Если действительно в „Новом Времени" держится некоторая симпатия относительно И⟨вана⟩ Л⟨еонтьева-⟩Щ⟨еглова⟩, то отчего бы не возобновить на сцене Суворинского театра его комедию „Затерянный Мудрец", так несправедливо снятую после второго представления... десять лет тому назад?!.» (Там же. Л. 21).

[7] Взгляды И. И. Мечникова на проблему старения человеческого организма см. в его книгах «Этюды о природе человека» (рус. пер. — 1904) и «Этюды оптимизма» (1907), неоднократно переиздававшихся.

15
Измайлов — Розанову
После 9 октября 1909 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Конечно, я разумел, что «дарю» Вам посылаемые книжки и, если не написал целиком этого слова, то только потому, что мне казалось оно почти смешным в прилож⟨ении⟩ к такому пустяку. Было похоже — «на тебе, небоже» и т. д. Так что и теперь могу только повторить, — не побрезгуйте.

У меня есть кой-что интересное по масонству. «Ключ к таинству натуры»[1], «Об ордене Св. Креста»[2] и т. д. — С этим небось мне жалко расстаться. Как курьез сообщу Вам, что один из известн⟨ых⟩ с⟨анкт-⟩п⟨етер⟩б⟨ургских⟩ антиквариев сказал моему знакомому (не зная, что мой знакомый), что теперь-де на рынке масонских книг мало, — «все Измайлов скупил». А у меня — соверш⟨енные⟩ пустяки[3]. Так пишется история и создается репутация.

Об Ив⟨ане⟩ Леон⟨тьевиче⟩ я часто думаю с чувств⟨ом⟩, не свободным от эгоистического страха и тревоги. Он всегда очень друж⟨елюбно⟩ относился ко мне, и я его люблю. С полож⟨ением⟩ его давно знаком и знаю, что получилось для него с закрыт⟨ием⟩ «Слова». Тревога моя от мысли — что если и со мной под старость будет так? Уж в «Слове» в послед⟨ние⟩ дни (или год) он дышал, к⟨а⟩к рыба на песке. Беллетристикой жить сейчас соверш⟨енно⟩ невозможно, кроме как попавшим в моду, да и то я знаю, что такие, напр⟨имер⟩, баловни, как Ан⟨атолий⟩ Каменск⟨ий⟩[4] положительно перебиваются с хлеба на квас (ну, не в букв⟨альном⟩, конеч⟨но⟩, смысле), хотя им раскрылись многие двери. Тем тяжелее человеку старому, усталому, утратившему легкость во всем.

Но мысль об изобретении для него лучшего ставит в тупик. Полож⟨ение⟩ Яс⟨инско⟩го далеко не то, что встарь. Он сам в долгах, почти ничего, кроме Пропп⟨ера⟩, не имеет, устал, былой энергии, о какой Вы пишете, нет, и что при всем жел⟨ании⟩, он, вероятно,

не мог бы обеспечить ему ничего, кроме р⟨а⟩з⟨дель⟩ца в «Н⟨овом⟩ Слове». Я буду с ним г⟨ово⟩рить и буду думать, — но...

Между нами, И⟨ван⟩ Л⟨еонтьевич⟩ имеет (кажется, 40 ⟨рублей⟩) пенсии из фонда Ник⟨олая⟩ II[5]. — Это достоверно, но м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, он не г⟨ово⟩рит об этом по естеств⟨енным⟩ чувств⟨ам⟩, и в Фонде хороший принцип — помогать втайне[6]. Эта поддержка — только с нын⟨ешнего⟩ года, и, конечно, капля в петербург⟨ском⟩ бюджете.

Да, всё это беспредельно грустно, в бессонную ночь страшно. — Привет Вашим.

Душевно Ваш

А. И⟨змайлов⟩

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 166—167 об.

[1] Труд в четырех частях баварского теософа второй половины XVIII в. Карла Эккартсгаузена: Ключ к таинствам натуры: в 4 ч. / [пер. А. Ф. Лабзина]. СПб., 1804; 2-е изд. [СПб., 1821].

[2] Точное название: Письма к другу и завещание сыну об Ордене св. К⟨реста⟩ / пер. с нем. [А. Ф. Лабзина]. СПб., 1816. VIII, 225 с. Автор книги — Иоанн Август Штарк.

[3] Измайлов был библиофилом и имел в своей домашней библиотеке редкие издания, о некоторых ценных приобретениях он сообщал в письмах к Ремизову (см. раздел: Переписка Измайлова и А. М. Ремизова в наст. изд.). В рассказе «Букинист: (из книги „мистических рассказов")» приводится перечень редких изданий, предложенных герою рассказа для покупки. Среди изданий упоминается и книга «Письма к другу и завещание сыну об Ордене св. К⟨реста⟩» (*Измайлов А. А.* Букинист: (из книги «мистических рассказов») // Новая иллюстрация. 1903. № 51—52. С. 410—416).

[4] А. П. Каменский, прозаик, драматург, киносценарист.

[5] См. примеч. 3 к п. 14.

[6] Эта реплика Измайлова, как и часть письма, были использованы Розановым в его статье «Под старость лет», вышедшей 22 октября 1909 г. в «Новом времени» (*Розанов.* [Т. 19]. С. 333—337). Розанов писал: «Об Академическом фонде (фонде Императора Николая II) приходится слышать много доброго: он помогает деятельно, молча, без шума и огласки» (Там же. С. 336).

16
Розанов — Измайлову

Середина октября 1909 г., С.-Петербург

Ал⟨ександр⟩ А⟨лексеевич⟩!

Горячо благодарю за прелестнейший подарок! Слава Богу, что И⟨ван⟩ Л⟨еонтьевич⟩[1] получает 40: все-таки «что-нибудь»[2].

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 24.

[1] И. Л. Леонтьев-Щеглов. См. п. 14 и 15.

[2] Подразумевается размер ежемесячной пенсии, назначенной И. Л. Леонтьеву-Щеглову Академическим фондом.

17
Розанов — Измайлову

23 октября 1909 г., С.-Петербург

2 слова в ответ: Вышло ли «Нов⟨ое⟩ Слово»?[1]

Звенигородская, д. 18. кв. 23.

В. Р⟨озанов⟩

Не сердитесь за напечатку письма?[2] Не сделал ли я бестактности относительно И⟨вана⟩ Л⟨еонтьевича⟩?[3] Несколько тревожусь.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 3684. Л. 1. На почтовой карточке. Датируется по штемпелю отправления.

[1] Розанов интересовался выходом журнала в связи с публикацией его «Афоризмов»; см.. Новое слово. 1909. № 10. С. 39.

[2] Розанов ввел в свою статью «Под старость лет» письмо Измайлова (см. п. 15), представляя его писателем «в полном ходу» (См.. *Розанов.* [Т. 19]. С. 335). Все имена и реалии из письма Измайлова убраны. А пассаж об Анатолии Каменском Розанов изменил. Ср.. «Беллетристикой жить сейчас совершенно невозможно, кроме как попавши в моду; да и то я знаю, что такие, например, баловни, как (названо мое „преуспевающее" имя), положительно перебиваются с хлеба на квас, — ну, не в буквальном, конеч-

но, смысле» (Там же. С. 335). В статье Розанов акцентировал внимание на бедственном положении И. Л. Леонтьева-Щеглова, не называя его имени: «Я вспомнил бедную, но до редкости культурную квартирку этого писателя. Сам — хорошего дворянского рода, великий поклонник Александра II в его реформационную пору, он всё оставил для шутливого рассказа и водевиля, а в часы досуга бродил по Александровскому рынку и букинистам и мало-помалу собирал редчайшие и интереснейшие портреты наших писателей ⟨...⟩. И вот теперь не стало возможности хранить даже „музей“: нечем натопить его, даже нужно „убираться“ из трех комнаток, наконец, надо подумать: „Где же и на что я буду есть?“ А есть надо каждый день: Бог так несовершенно устроил человека, что непременно каждый день!» (Там же).

[3] И. Л. Леонтьев-Щеглов. Очевидно, Леонтьев прочитал фельетон Розанова, свое отношение он высказал в письме к нему от 22 октября 1909 г., в котором процитировал запись из дневника, подчеркнув тем самым всю значимость поступка Розанова: «*Из дневника И. Л. Щеглова.* Сейчас прочел в „Нов⟨ом⟩ Врем⟨ени⟩“ статью В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ Р⟨озанова⟩, сильно взволновался и отправился в Казанский Собор — поставить „Празднику“ 2 свечи — одну за В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ Р⟨озанова⟩ — не только от лица И⟨вана⟩Л⟨еонтьева-⟩Щ⟨еглова⟩ — но за всё доброе, волнующее, выливающееся из-под пера В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ Р⟨озанова⟩!!! !!!» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 516. Л. 20—20 об.)

18
Измайлов — Розанову

После 23 октября 1909 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

«Н⟨овое⟩ Сл⟨ово⟩» выходит аккуратно 1-го. Позвольте мне иметь в виду, что эта книжка Вас интересует и в момент выхода направить ее к Вам.

Помилуйте, могу ли я быть недовольным Вашею цитатою. Я только пожалел о том, что, не предвидя никак будущего применения письма, я не позаботился о том, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ оно было поэкспрессивнее и поярче. Я только могу благодарить Вас за оказанную мне честь[1].

Вот что до И⟨вана⟩ Л⟨еонтьевича⟩ — боюсь, чтобы в самом деле это его не огорчило. Есть нек⟨ото⟩рые черты, к⟨ото⟩рые позволяют догадаться и не очень близкому к нему ч⟨ело⟩веку, что речь о нем. А бедность и несчастие, в особенности хранящие память о прежнем достатке и счастьи, бывают страшно чувствительны к вниманию людей не близких.

Но я думаю, что простая личная встреча Ваша всё уладит с ним.
Душевно Ваш

А. Измайлов.

С нетерпением жду продолжения «Магической страницы»[2].

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 177—178 об.

[1] См. примеч. 2 к п. 17

[2] Подразумевается статья Розанова «Магическая страница у Гоголя», публиковавшаяся частями («Весы». 1909. № 8. С. 25—44; № 9. С. 44—67; *Розанов*. [Т. 19]. С. 383—420).

19
Измайлов — Розанову

Начало декабря 1909 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Редакция «Огонька» намерена дать своим читателям автографические ответы выдающихся людей мира искусства и литературы и общественных деятелей на вопросы, какие пожелания высказали бы они России к наступающему году.

Она позволяет себе беспокоить Вас просьбою дать такой ответ, подписав его собственноручно и прислав его не позднее 10 сего декабря[1].

Примите уверение в искренней преданности

А. Измайлова.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 160. Типовое, на бланке журнала «Огонек».

[1] Ответы на анкету были опубликованы в «Огоньке» (1910. № 1. С. 9—21). Розанов выразился лаконично: «Побольше хлеба и поменьше крови» (С. 16). Свои ответы прислали многие литераторы, художники, публицисты, общественные деятели: И. Бунин, С. Городецкий, И. Гриневская, К. Льдов, Д. Ратгауз, К. Фофанов, З. Гиппиус, А. Луговой, Вас. Немирович-Данченко, И. Леонтьев-Щеглов, А. Волынский и мн. др.

20
Измайлов — Розанову
Февраль 1910 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Вы не поверите, как исключительно поставлено у нас дело с «Н⟨овым⟩ Словом». Издатель не хочет, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ оно распространялось в СПБ, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ из него не появлялось перепечаток, к⟨ото⟩рые делали бы невозможным проводить статьи в «Бирж⟨евых⟩ Вед⟨омостях⟩» после появления их в «Н⟨овом⟩ Сл⟨ове⟩». Это желание его настолько категорично, что положительно №№ находятся все под ключом до истечения месяца со дня выхода книжки! Даже сотрудникам книжки выдаются с трудом. Между нами, даже Боборыкину высылали книжки каждый раз по моему особ⟨ому⟩ прошению с предъявлением его письма! Чёрт знает, что такое!

Но пусть это не исходит от *меня.*

В понед⟨ельник⟩ я увижу Гаккебуша, журн⟨ал⟩ в этот день Вы получите.

Сам книжки не видел и не могу Вам сказать, напечатана ли Ваша вещь.

Вот с гонораром проще — в любую субботу, приблизит⟨ельно⟩ от часу до 4.

Соловьев, конечно, оч⟨ень⟩ скользкий предмет. Соприкоснув его Победоносцеву, Вы соединили сено с огнем[1]. Не удивляюсь, что вышло остро. Трудно сказать что-либо о наших, — у нас тоже нравы робкие.

Скучаю по Вашем вечерке[2]. Но захлестнуло Кн. Гамсуном[3], срочными статьями, литер⟨атурными⟩ Фондами, жду с часа на час смерти Бьернсона[4], — просто некогда обедать и спать. Да продлит Господь ему век!..

Душевно Ваш

А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 163—164 об.

[1] Подразумевается статья: *Розанов В. В.* М. П. Соловьев и К. П. Победоносцев о бюрократии // *НС.* 1910. № 1. С. 18—22. Опубликована также: *БВ.* Утр. вып. 1910. 6 янв. (№ 11500). С. 3 (*Розанов.* [Т. 20]. С. 9—15).

[2] Имеются в виду «воскресения» Розанова.

[3] В 1909—1910 гг. Измайлов был секретарем издания пятитомного собрания сочинений Кнута Гамсуна, готовившегося в издательстве А. Ф. Маркса (выходило в 1910 г. как приложение к журналу «Нива»), являлся автором посвященного Гамсуну критико-биографического очерка, открывавшего публикацию его произведений в этом издании. В соавторстве с переводчицей Марией Благовещенской он выпустил в 1910 г. книгу «Кнут Гамсун: Биография по неизданным источникам и литературная характеристика» (СПб.. «Шиповник», 1910). Подробнее см. письма к Измайлову А. А. Блока, М. П. Благовещенской и К. Д. Бальмонта в наст. изд.

[4] Б. М. Бьёрнсон, норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1903 г. Умер 13 апреля 1910 г. в Париже, похоронен с почестями в Норвегии. На смерть Бьёрнсона Измайлов откликнулся статьей: Северный Богатырь: (Памяти Бьёрнстерне-Бьёрнсона) // *РС.* 1910. 15 апр. (№ 86). С. 3.

21
Измайлов — Розанову
10 мая 1910 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Не потому, что Вы закинули мне ласковое слово (а Ваше одобрение для меня исключит⟨ельная⟩ радость), но только под толчком Вашего письмеца хочу сказать Вам, что я был в восторге от «Физики и метафиз⟨ики⟩ пр⟨оституции⟩»[1]. Хотел немедленно написать Вам, но сколько хороших намерений умирает от того, что их отложишь в первую минуту.

Потом подошли дела, а еще дальше подоспело и соображение — «сам знает, что хорошо», «нужен ли ему мой восторг» и т. д. и — так и не написал. Но вырезал статью и вторично прочел с той, которую люблю[2], и рад был, что Ваши мысли и мои мысли стали и ее мысли.

Недели 2 назад с удовольствием прочел «Когда нач⟨альство ушло⟩»[3] — В душе пожалел, что не получил от Вас книги, но так понимаю, что, вероятно, — как часто бывает, — бросили Вам десяток-другой книг, и у Вас уже их нет. В «Р⟨усское⟩ С⟨лово⟩» тогда же послал статейку[4], приспособляя ее под тот жанр, какой тогда тре-

бовался. Теперь жанр изменили. Буду писать по-другому. Но эту статейку я всё же просил дать, не в пример прочему.

Еще — замышляю я дать для «Нов⟨ого⟩ Слова» в ряде характеристик нынешних интереснейших авторов статейку о Вас[5]. Но пугаюсь трудностей. Сделать это надо популярно, весело, для нашего читателя. Времени для изучения — minimum. Можно так сделать, что ничего не выйдет. В отнош⟨ении⟩ Вас это мне было бы беспредельно стыдно. И еще — Вы такой широкий, что ни Сологубы, ни Куприны, ни Арцыбашевы, к⟨оторы⟩х я делаю в один вечер, — не идут в сравнение. Не поможете ли Вы каким советом?

Понахватать из Волжских и К°[6] и сделать тяп-ляп. Но тогда с Вас надо взять слово, что не будете читать. — Привет всем Вашим. — Скоро ли на дачу? Я ныне уеду на месяц непременно — в лес и одиночество.

Ваш душевно

А. И⟨змайлов⟩.
10/V

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 149—150 об.

[1] Подразумевается статья: *Варварин В.* [Розанов В. В.]. Физика и метафизика проституции: (К 1-му всероссийскому съезду борьбы с проституцией) // *РС*. 1910. 24 апр. (№ 93). С. 1—2; *Розанов*. [Т. 20]. С. 151—158. Письмо Розанова, о котором идет речь, нам неизвестно.

[2] Имеется в виду Клавдия Владимировна де Планьи, гражданская жена Измайлова.

[3] «Когда начальство ушло... 1905—1906 гг.» (СПб.. Тип. А. С. Суворина, 1910) — книга Розанова, вышедшая в начале апреля 1910 г. Подробнее о ней см.. *Розановская энциклопедия*. Стб. 1549—1552.

[4] Отзыв был опубликован: *Измайлов А. А.* [Рец. на кн.. Розанов В. В. Когда начальство ушло] // *РС*. 1910. 5 июня. (№ 127). С. 2 (Новые книги. «Воспоминания» К. Головина. — В реакционном подполье. — Плеве. — Игнатьевский земский собор. — Вл. Соловьев. — «Когда начальство ушло» — Розанова. — Письма заживо похороненного).

[5] В журнале «Новое слово» Измайлов с марта 1910 г. публикует серию статей-портретов о писателях современниках. Этот своеобразный цикл критик открыл очерком «Северный сфинкс: (Федор Сологуб и его писательство)» (*НС*. 1911. № 3. С. 76—79). Статья о Розанове вышла под заглавием «Вифлеем или Голгофа: (В. В. Розанов и неудавшееся христианство)»; см.. *НС*. 1911. № 10. С. 34—38.

[6] Имеется в виду критик А. С. Глинка, публиковавшийся под псевдонимом Волжский. Наиболее известная его работа о Розанове — «Мистический пантеизм Розано-

ва» (Новый путь. 1904. № 12; Вопросы жизни. 1905. № 1—3). О нем см.. *Розановская энциклопедия*. Стб. 250—254.

22
Измайлов — Розанову
29 августа 1910 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Ничем не могу соблазнить Вас особенным, кроме разве того, что увидите своих собратий, а все-таки не могу отказать себе в приятнейшей надежде повидать Вас у себя 30-го, за именинным пирогом (с 8 ч.)[1]. Бесконечно обрадовали бы меня, если бы предприняли тяготу странствия от Вас на 17-ую Линию, д. 70, у Смоленского кладбища (там же, где свящ⟨енник⟩ Антонов)[2].

Смутно, а — надеюсь.

Душевно Ваш

А. Изм⟨айлов⟩.
29/VIII.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 151—151 об.

[1] Измайлов приглашает Розанова на свои именины. Именины критика были не только событием его личной жизни, но заметным явлением в литературной жизни Петербурга. В разные годы эти торжества посещали известные беллетристы. Розанов неоднократно становился участником этих ежегодных собраний. Сохранилось несколько ярких записей в дневнике Ф. Ф. Фидлера об участии философа в них, например, запись от 31 августа 1911 г.: «Был вчера у Измайлова на именинах. ⟨...⟩ Все были крайне удивлены, увидев Розанова — двурушника и слугу двух господ („Новое Время" и „Русское Слово"), тем более что Измайлов и его „жена" прямо-таки вызывающе ухаживали за ним и явно предпочитали прочим гостям» (*Фидлер*. С. 563—564). Ср. также запись от 31 августа 1913 г.: «Вчера именины Измайлова. Куприн тут же направился к буфету; он хмелел всё заметней. Увидев мерзавца Розанова (которого он здорово разделывал в своих эпиграммах), он попросил, чтобы его представили. Я испугался, что он влепит ему оплеуху, но вместо этого, пожав ему руку, он сказал: „Давайте поцелуемся!" — и прижался лицом к его лицу. Я слышал, как Розанов произнес комплимент по поводу его таланта, но также и упрек — в связи с его пьянством. До скандала дело не дошло» (Там же. С. 608).

[2] Священник Н. Р. Антонов. См. примеч. 10 к п. 9.

23
Розанов — Измайлову

8 сентября 1910 г., С.-Петербург

Капище моего сердца! Оказывается, что «бегом-то по Европе» бегают не столько вообще русские туристы, сколько А. А. Изм⟨айл⟩ов[1]. Мы с женой решили, что Вы от того показали пятки в Мюнхене[2], что были «не один», а я, в своем духе, добавил мысленно: «он — с невестой, — и не захочет ни ее оставлять 1 сидеть в №, ни знакомить с нею хотя бы и друзей». Знаю эти счастливейшие положения, ибо испытал их[3].

Ну, Бог с Вами.

На именинах не был, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ вот 2 недели ни за порог дома. Меня постигло большое несчастие, и я так пришиблен им, что никого видеть и слышать не хочется. Опять болезни... Тяжело говорить[4]. И вообще я чувствую, что дом наш входит в полосу гробов... Страшно жить и так тяжело на душе, что хочется, уткнувшись мордой куда-нибудь, — скулить как прищемленная собака[5]. «Слог мой весел, а душа моя печальна». В Мюнхене от того мне и хотелось провести с Вами вечерок, что я в Вас чую «теплого семинариста» (и у меня это не порицание), с которым можно отвести душу. Вы в литературе уже немногий оставшийся от «старых лет Св⟨ятой⟩ Руси». Пошла теперь всё какая-то сволочь.

Люб⟨ящий⟩

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 7—7 об. Дата «IX. 8. 1910» карандашом — рукой Измайлова.

[1] Обыгрывается название статьи Измайлова о его путешествии по Европе; см: *Измайлов А. А.* Бегом по Европе // *РС*. 1910. 3 сент. (№ 203). С. 2.

[2] Летом 1910 г. Измайлов предпринял поездку по Европе: посетил города Италии и Германии. В Мюнхене, как следует из письма, случайно столкнулся с Розановым. Свои впечатления о поездке критик изложил в очерке: Бегом по Европе // *РС*. 1910. 3 сент. (№ 203). С. 2. На посещение Мюнхена Розанов откликнулся статьей: Мюнхенский монашенок // Новое время. 1910. 21 сент. (№ 12402); 22 сент. (№ 12403); *Розанов*. [Т. 20]. С. 338—345.

[3] Будучи женатым на А. П. Сусловой, Розанов 5 июня 1891 г. обвенчался тайным браком (без записи и без свидетелей) с В. Д. Бутягиной. Долгие годы венчанным приходилось скрывать свое положение и даже покинуть Елец. О последствиях, грозивших Розанову, сохранилась запись в воспоминаниях С. Н. Дурылина: «Если б это открылось ⟨...⟩ Вас⟨илий⟩ Вас⟨ильевич⟩, как двоеженец, подлежал бы не только церковным, но и гражданским карам — разлучению с женой, с детьми и ссылке на поселение» (В. В. Розанов: pro et contra. Кн. 1. С. 241).

[4] Речь идет о частичном параличе на почве инсульта, случившемся 26 августа 1910 г. с Варварой Дмитриевной Бутягиной, спутницей жизни В. В. Розанова. Подробнее о ней см.. *Розановская энциклопедия*. Стб. 354—357

[5] Ср. с записью в «Уединенном»: «26-го августа 1910 г. я сразу состарелся. 20 лет стоял „в полдне" И сразу 9 часов вечера. Теперь ничего не нужно, ничего не хочется. Только могила на уме. Никакого интереса в будущем. Потому что никакого интереса уже не разделит „друг" Интерес нужен „вдвоем"· для *одного* — нет интереса. Для „одного" — могила» (*Розанов*. [Т. 30]. С. 66).

24
Измайлов — Розанову
8 сентября 1910 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Видит Бог, встреча с Вами в Мюнх⟨ене⟩ была для меня искреннейшей радостью. На чужбине радуешься исключительно не только человеку, к⟨ото⟩рого душевно любишь и пред писат⟨ельским⟩ даром к⟨ото⟩рого преклоняешься, но даже просто чужому, но русскому. Я был действ⟨ительно⟩ не один, но не с невестой, а с ведомым Вам М. М. Гаккебушем, и он свидетель, что всё время во мне жило какое-то убеждение, не раз ему высказанное:

— Встретим В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩!

Покоилось это на том, ч⟨то⟩ в день почти отъезда из Рос⟨сии⟩ я прочел в «Р⟨усском⟩ С⟨лове⟩» Вашу статейку уже с границы[1]. И тогда же подумал 1 — как уже густо оседают на него впечатления, 2 — как он может, урвавший из Р⟨оссии⟩, после года сплошной и огромной работы, сразу писать и 3 — «м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, встречусь, — вот узнать бы, куда В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ поехал».

Но в самый день встречи меня в Мюнх⟨ене⟩ поймал Н. А. Котлярев⟨ский⟩ и обязал словом зайти к нему переговорить по делам комиссии пособий при Акад⟨емии⟩ наук[2]. Он запаздывал, и б⟨ыло⟩

необходимо через меня, в ней состоящего, передать нек⟨оторые⟩ распоряжения. Так я и отдал вечер этому деловому совещанию, а утром рано уже мы выехали выше. Надо было рано и залечь спать.

Смущало еще — 11 ч. вечера. Вечера ли? — думал я? Ведь вы тоже странствующий и едва ли так «по-петербургски» строите свой день. Не напутал ли я? Не звали ли в 11 дня? Но как будто около этого часа мы же и встретились.

Так это, к великой досаде моей, и соскользнуло. Я послал Вам открытку. Не знаю, получили ли?[3]

Душевно сочувствую Вашим огорчениям. Что у Вас? Болезнь кого-то близкого? Да, собственная, пожалуй, лучше. Но не сгущаются ли слишком цвета под давлением горя. М. б., всё образуется.

Не сами ли и Вы уже начали хворать?[4]

Вот я уже начал. Из путеш⟨ествия⟩ я привез почти слепоту глаза. Не вижу им почти ничего. Лечу. Делаю подкожн⟨ые⟩ впрыскивания, лежу в темной комнате. Преодолевая запрещение, читаю, пишу одним глазом. Не могу иначе. Думаю, о том, ч⟨то⟩ не могло бы быть насмешки более злой, чем лишить *меня* глаз. Есть люди, не берущие книги в руки, — я читал днем и ночью, и от меня легче отнять хлеб, чем книгу.

И как скучаю! Я сразу состарился духом. Тычу перо мимо чернильницы, кладу ложку мимо стакана и невольно думаю, куда же делся тот маленький мальчик, потом юноша, которого я так хорошо помню. Вместо него уже слепнущий человек. Как скоро проходит жизнь.

Болезнь моя — отслоение сетчатки. Неизлечима, но быв⟨ают⟩ исключения. Под такое надеются подвести меня и потому лечат.

С наслаждением читал то, что Вы писали последнее время[5]. Случалось еще так, что в последнее время чтения моего (до определения болезни) перечитывал много из «В мире неясного»[6] и делился с человеком[7], которого люблю (вот почему невесты и никого из женщин не нужно было за границей), и радовался, видя глубокое *женское* сочувствие тому, что мне, как мужчине, казалось у Вас истиною.

Посылаю Вам корр⟨ектуру⟩ той заметки о В⟨ашей⟩ книге, к⟨ото⟩-рая б⟨ыла⟩ сдана в «Р⟨усское⟩ С⟨лово⟩», набрана там, но должна б⟨ыла⟩ пройти в иной редакции, ибо переменился фасон моих заметок[8]. — Вы не получили в достаточн⟨ом⟩ колич⟨естве⟩ этой книги? Если бы она нашлась у Вас, Вы бы очень обрадовали ею старика. Я ее нарочно не купил сам, а прочитав, сдал.

30-го вытащил с полок «В мире неясного». — Думал просить Вас приложить руку.

А помните, Вы обещали мне ваш портрет? Как бы Вы меня обрадовали!

Не сердитесь на мое попрошайничество.

Не устроилось ли что-ниб⟨удь⟩ с Ваш⟨ими⟩ зарезанными книгами?[9] Неужели так-таки смертный окончат⟨ельный⟩ приговор.

Не посердитесь на маленькое читательское разъяснение по пов⟨оду⟩ послед⟨ней⟩ Вашей в «Р⟨усском⟩ Сл⟨ове⟩» статьи.

Владимир есть епископ Римс⟨кий⟩ и Кронштадтский. Как ни невероятно, такое сочетание сочтено у нас возможным. Вы — яркий пример того, что свежему человеку невозможно и допустить такой комбинации титулов. Однако, это факт[10].

Никогда не пишу таких прямых писем. Простите.

Ваш искренно

А. Измайлов.
8/IX.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 155—158.

[1] Речь идет об очерке: Пограничные запахи // *РС*. 1910. 2 июля. (№ 150); *Розанов*. [Т. 20]. С. 233—234.

[2] Разговор с Н. А. Котляревским касался не только вопросов, связанных с Академическим фондом. В своей заметке «Котляревский в Обер-Аммергау» Измайлов рассказывает подробно о целях пребывания последнего в Германии — изучение европейского театра (примечательно здесь и упоминание Розанова): «Близится срок возвращения русских туристов „из дальних странствий" и из провинциальных поездок. На днях возвращается В. В. Розанов из своего путешествия по Италии и по Германии. Талантливый писатель снова побывал в Риме и сейчас находится в Мюнхене. Через неделю возвращается управляющий репертуаром Императорских театров Н. А. Котляревский. Профессор отдал в это лето особую дань изучению заграничного театра.

Он специально ознакомился с постановками театра Рейнгардта и посетил знаменитые представления „Страстей Господних" в Обер-Аммергау» (читай беседу с Н. А. Котляревским в заметке: *Аякс* [Измайлов А. А.]. Н. А. Котляревский в Обер-Аммергау // *БВ*. Веч. вып. 1910. 11 авг. (№ 11859). С. 5).

[3] Открытка Измайлова нам неизвестна.

[4] См. примеч. 4 к п. 23.

[5] По-видимому, подразумеваются фельетоны, написанные под впечатлением путешествия в Германию; см.. *Розанов*. [Т. 20].

[6] «В мире неясного и нерешенного» (СПб., 1901; 2-е изд. СПб., 1904) — книга Розанова, составленная преимущественно из статей 1898—1899 гг., посвящена проблемам пола, брака, семьи.

[7] См. примеч. 2 к п. 21.

[8] См. примеч. 4 к п. 21.

[9] Подразумевается книга «В темных религиозных лучах» (1910), отпечатанная в Петербурге тиражом 2400 экз. и запрещенная цензурой. Розанов разделил текст книги и выпустил две работы: «Темный лик: Метафизика христианства» (СПб., 1911) и «Люди лунного света: Метафизика христианства» (СПб.,1911).

[10] Измайлов комментирует пассаж статьи Розанова «Метафизический разговор», опубликованной в «Русском слове» (1910. 4 сент. (№ 204)): « — Епископ Владимир из Кронштадта? — Нет, русский епископ из Рима. Ему подчинены все русские заграничные церкви. Тут я чего-нибудь не понимаю, или мне неверно сообщили. Псаломщик русской посольской церкви мне только на днях передал, что „все русские церкви за границею подчинены кронштадтскому епископу" Но, вероятно, это „русские посольские церкви", т. е. приписанные к министерству иностранных дел, что ли. Тогда как частные русские церкви за границею *обыкновенные приходские*, должны быть подчинены русскому епископу в Риме. Оба сообщения, очевидно, в каком-то отношении, с каким-то ограничением, правильны» (*Розанов*. [Т. 20]. С. 317—318).

25
Розанов — Измайлову
10 сентября 1910 г., С.-Петербург

Что это такое за «отслоение сетчатой оболочки», дорогой А⟨лександр⟩ А⟨лексеевич⟩: судя по тому, что мы *ею видим* — это что-то нехорошее... Помоги Вам Бог. Никогда не слыхал о такой болезни глаз.

Конечно, книгу Вам пришлю и вот сейчас даже надпишу посвящение. И портрет с дочкою: одинокого нет[1]. Книга *в большом виде* — не пройдет: и обращаю я ее в 2 малых[2]. Бездна расходов. А в Мюнхене я проклинал себя, что не сказал Вам: «Ждем в 8, в 9 вечера»: сидели с 8-ми ч⟨асов⟩ дома с женою и проклинали себя, что не си-

дим с Вами. Ужасно хотелось повидаться. 11 ч⟨асов⟩ я назвал со страху: «а вдруг да не поспеем домой»: ибо мы с 2 немцами и еще не знали, «куда повернется обозрение Мюнхена».

Но «бегом по Европе» — только устаешь...[3] И все отели... Впредь прицеливайтесь в 1 пункт, и поживите *с неделю*, и никак не менее 3-х дней в 1 городе. Поправляйтесь. Не унывайте. И я Вам скажу не льстя, что Ваша нормальная литература, во-первых, всегда полная *осведомленности* и интереса к делу, к жизни, к литературе (как хороша и *верна* б⟨ыла⟩ Ваша статья по поводу «Записок» преосвященного Саввы[4], — да и всегда за Вас берешься с мыслью: «он не обманет»), *спокойная и ясная* — так необходима в наше время, когда каждое «я» копается ножками жука в куче навозной и поднимает вокруг себя «что-то туманное и вонючее»...

Ну, чёрт с ней. Я раз только Вас осудил: где-то увидел, что Вы снялись на мосту с Леон⟨идом⟩ Андреевым[5].

И вообще эти «снимки литераторов» мутят мою душу. Подумайте, вспомните: можно ли представить себе Баратынского или Тютчева снятыми «обнявшись на берегу пруда». Пожалуй — это и хорошо: но дома для близких, для друзей, в «домашней фотографии» и для семейного альбома. Знаю, что «издания требуют». Но нужно уклоняться.

Ваш с вечным «спасибо»

В. Розанов.

За рецензию — спасибо! Книжка плохо идет (раз в 6 хуже «Итальян⟨ских⟩ впечатлений») и должно быть не окупит типографии и бумаги (мой почти идеал)[6].

О горе моем домашнем скажу, когда б⟨удет⟩ поправляться: а то тоскливо говорить, да и боюсь «сглазить» (я полон «примет»).

Книгу и портрет принесу в «Бирж⟨евые⟩ Вед⟨омости⟩», когда буду там: а то по почте такой «охапкой» не дойдет.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 8—9 об. На бланке газеты «Новое время». Дата «10 сент⟨ября⟩ 1910» рукой Измайлова.

[1] По-видимому, Розанов отослал портрет с дочерью Варей, ученицей частной гимназии Е. С. Левицкой в Царском Селе.

[2] Подразумевается книга «В темных религиозных лучах» (1910). См. примеч. 9 к п. 24.

[3] См. примеч. 1 к п. 23.

[4] Речь идет о статье Измайлова: Под фиолетовой мантией: (дневники двух архиереев) // *РС*. 1910. 29 июня. (№ 147). С. 2. Архиепископ Савва (в миру Иван Михайлович Тихомиров), архиепископ Тверской и Кашинский. «Автобиографические записки» Высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского, публиковались на протяжении многих лет в «Богословском вестнике» (См.. Богословский вестник. 1897—1911. Кн. 1—12). О публикации «Записок» Розанов высказался в негативном ключе в статье «В духовно-училищном мире»: «Я вспоминал без конца тянущиеся в „Богословском Вестнике" записки преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и наперсника митрополита Филарета, где говорится так много о визитах к нему полувысокопоставленных особ и полностью печатаются не только письма, но и записочки Влад. Карловича Саблера, о Христе же, сколько помню, ни разу и нигде не упоминается. Собеседник лениво повел в воздухе рукою. 〈...〉 „Записки преосвящ. Саввы", до которых никому дела нет, журнал их Бог весть для чего печатает, скорее всего, по ироническому характеру редактора, и проч., и проч., и т. д., день за днем и месяц за месяцем...» (*РС*. 1911. 15 марта. (№ 60); *Розанов*. [Т. 21]. С. 49—52).

[5] По всей видимости, Розанов подразумевает снимок, опубликованный в «Искрах» (1909. 11 окт. (№ 40). С. 318). Выпуск иллюстрированного приложения был посвящен «Анатэме» Л. Андреева. На с. 318 издания помещена фотография А. Дранкова, на которой засняты Л. Андреев и Измайлов на балконе второго этажа дома Андреева в Ваммельсуу.

[6] Подразумевается рецензия: *Измайлов А. А.* [Рец. на кн.. Розанов В. В. Когда начальство ушло...] // *РС*. 1910. 5 июня. (№ 127). С. 2.

26
Измайлов — Розанову
После 10 сентября 1910 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Марк изображается со львом, Иоанн с орлом[1], а Вам и Бог велел быть изображенным с кем-либо или с чем-либо, символизирующим семью, — то, что для Вас выше всего на земле и что поэтому для Вас более всего характерно. Я был растроган Вашим портретом и портретом «ученицы царскосельской гимназии» и потому, что я об этом так давно уже думал и по самим обстоятельствам, как это случилось[2]. Я лежал в полном мраке с впрыснутой в глаз

под кожу солью, когда пришел Н. Р. Антонов[3] и принес мне от Вас дары. В полной тьме, не видя друг друга, мы посидели и поговорили, и тут я узнал горчайшую Вашу новость о болезни Вашей супруги. Вот тот же Антонов говорит, что от этой болезни совершенно оправляются. Дай-то Бог! Я был поражен, — такою здоровою, цветущею и веселою я встретил ее в Мюнхене! Да, ходим по тропинке бедствий, и темен завтрашний день!

Передайте мой душевный привет выздоравливающей.

Удивляюсь слабому движению Вашей последней книги[4]. Столько везде вижу и слышу самых искренних Вам комплиментов. Два из них прилагаю — один из письма частного ко мне лица (к⟨ото⟩рого, конечно, я уже удовлетворил), другой из немецкой газеты, где Ваша книга отмечается среди выдающихся явлений сегодняшнего русского дня. Когда раздробленная книга выйдет[5], забросьте мне не книгу, а открытку с извещением, — вероятно, удастся сделать отметки о ней — под этим предлогом.

Портрет Ваш уже водружен у меня на стене, и таким образом Вы теперь всегда со мною.

О глазе моем ничего не могу Вам сказать хорошего. Был у Беллярминова[6], и вот уже знаменитость мне подтверждает, что дело очень плохо и уже надо благодарить Бога, что правый глаз не внушает пока опасений и обещает послужить.

Душевно Ваш

А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 170—171.

[1] Измайлов отсылает к иконографической традиции соотнесения евангелистов с четырьмя существами: ангелом, львом, быком и орлом.

[2] См. примеч. 1 к п. 25.

[3] Священник Николай Родионович Антонов; см. примеч. 10 к п. 9.

[4] Речь идет о книге Розанова «Когда начальство ушло...

[5] Подразумевается книга «В темных религиозных лучах» (1910); см. примеч. 9 к п. 24.

[6] Л. Г. Беллярминов, офтальмолог. В 1883 г. окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге, с 1893 г. там же профессор кафедры глазных болезней; предложил

новые методы офтальмоскопирования и операции при некоторых глазных заболеваниях.

27
Розанов — Измайлову
После 10 сентября 1910 г., С.-Петербург

Беда на Вас нашла, дорогой Александр Алексеевич, — великая. Разумею слова Беллярминова. И в такие годы, и в самом разгаре труда и расцвета биографии. Нужно принимать меры, и длительные, на годы, на всю жизнь. Вот что значит не лечиться вовремя... Но в одном из Ваших писем б⟨ыли⟩ слова: «мне это сказала одна девушка, очень мне близкая» (ее-то я и принял за «спутницу» в Мюнхене), — по поводу чего-то о женском вопросе[1]. Во всяком случае в квартире Вашей должен быть друг, конечно — наилучше женщина, которая бы Вам читала и которой бы Вы диктовали. Тут кроме «пользы трудов» замешан и вопрос «о существовании»: «чем жить» не в толстовском смысле, а в смысле Глеба Успенского. И лучше бы всего, если б этот друг изучил стенографию. Тогда через ½ года практики Вы научились бы «говорить статьи» и, пожалуй, их можно «сказать» еще лучше, чем «написать».

Еще: Вы писали, у Вас есть замужняя сестра[2]. И *сестры* (особенно у духовных) гораздо лучше «к братьям», чем братья — «к сестрам».

Вообще вооружайтесь и укрепляйтесь.

Хороший Вы *русский человек* в основе: и потому и хороший русский писатель. Утихнувшие и «примиренные» нами 60-е годы.

Берегите это.

Вообразите: я ведь не читал Вашей статьи о себе в «Р⟨усском⟩ Сл⟨ове⟩»[3]. Как-то просмотрел, — а как — и сам не знаю. Всё «впопыхах». Сказал уже Колышко[4], что *была*: и Вы попросите «друга» мне сообщить в каком №, а если не помните, то в *каких числах* какого месяца и под каким заглавием, — и я выпишу из конторы «Рус⟨ского⟩ Сл⟨ова⟩».

Как только у себя полегчает, т. е. через месяц, — я буду у Вас. Конечно, Вы теперь постоянно дома и я, наверное, и всегда Вас застану.

Любящий

В. Розанов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 30—31. На бланке отеля: Carlton-Hotel Bad Nauheim an den Bädern und Park.

[1] Это письмо Измайлова нам неизвестно. См. п. 21, 24.

[2] О родственниках Измайлова см. примеч. 1 к п. 10.

[3] См. примеч. 4 к п. 21.

[4] И. И. Колышко, публицист, критик, журналист, сотрудничал во многих столичных газетах: «Гражданине», «Русском слове», «Новом времени».

28
Розанов — Измайлову
После 20 сентября 1910 г., С.-Петербург

Как хорошо Вы сегодня написали о Позднякове ⟨так!⟩[1]. Но отчего он помер? Неужели прогрессивный паралич? Ведь у него были 2 дочери замужем, — и я у И. Л. Щегл⟨ова⟩ его видел пресчастливым тестем?!

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 26. На бланке редакции газеты «Новое время».

[1] Н. И. Позняков, литератор и педагог, автор рассказов для детского чтения. Скончался 18 сентября 1910 г. Подразумевается статья: *Измайлов А.* Памяти Н. И. Познякова: († 19-го сентября) // *БВ.* Веч. вып. 1910. 20 сент. (№ 11926). С. 4—5.

29

Измайлов — Розанову

28 сентября 1910 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Беспокою Вас, надеясь, что ради этого стоит побеспокоиться. Предъявитель сего достал от архиеп⟨ископа⟩ Макария Томского 48 писем Победоносцева и прочел мне[1]. Многое *чрезвычайно* интересно, как характеристика личности К⟨онстантина⟩ П⟨етровича⟩. Как стилен даже в своем языке этот умирающий инквизитор! Не сомневаюсь, Вам это доставит удовольствие. Николай Францевич Масловский (это лицо) может Вам сам прочесть их (писано неразборчиво).

Что Вы сделали бы по этому *великолепный* фельетон — это так же мне ясно, как то, что меня зовут моим именем. Но ему хочется извлечь из сего и деньги. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, Вы дадите ему добрый совет насчет «Нов⟨ого⟩ Вр⟨емени⟩». С «Рус⟨ским⟩ Сл⟨овом⟩» он пытал счастье, но расстроил дело.

Извините, что доселе не прислал Вам отзыва о Вас из «Р⟨усского⟩ Сл⟨ова⟩» — на днях найду[2]. Пять дней я сидел во тьме, и хотя была одна ночь: я чуть не криком кричал, — были иглы в глазе. Повредили роговицу. Читать, писать еще запрещено.

Любящий Вас иск⟨ренне⟩

А. Изм⟨айлов⟩.
28/IX.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 168—169 об.

[1] По-видимому, подразумеваются письма, опубликованные в том же году: 38 писем бывшего обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева к Высокопреосвященнейшему Макарию, архиепископу Томскому / публ. свящ. С. П. Дмитриевского. Томск: тип. Приюта и Дома Трудолюбия, 1910. 38 с. Публицистические отклики Розанова на эти письма нам неизвестны.

[2] См. примеч. 4 к п. 21.

30
Измайлов — Розанову
3 октября 1910 г., С.-Петербург

3/X — 10

Дорогой Василий Васильевич,

Едва нашел свою заметку о «Когда начальство...»[1]. Вероятно, это июнь или май. Было в общем фельетоне о «Новых книгах» в одну от суббот.

Читал сегодня о Богучарском и К° и понимал Вас[2]. А не вранье ли это (впрочем, соверш⟨енно⟩ искреннее) о Плещееве и Глебе? Успенский содрогался за чужой разрезанный палец. Как-то нелепо представить его *тут* радующимся[3].

Доставил ли Вам удовольствие Масловский письмами Победоносцева?[4]

Как то в вашей семье? Я на свой глаз махаю рукой.

Ваш душевно

Изм⟨айлов⟩

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 162—162 об.

[1] См. примеч. 4 к п. 21.

[2] Богучарский В. Я., публицист, историк российского революционного движения. Измайлов подразумевает статью Розанова «В русских потемках» (Новое время. 1910. 2 окт. (№ 12413); *Розанов.* [Т. 20]. С. 347—355), в которой последний откликался на появление воспоминаний Богучарского в журнале «Русская мысль» (см.. Русская мысль. 1910. № 9).

[3] Измайлов ставит под сомнение достоверность процитированного Розановым пассажа из воспоминаний В. Я. Богучарского. Критик недоумевает по поводу изображения мемуаристом реакции литераторов на событие 1 марта 1881 г. — убийство императора Александра II. «Н. В. Шелгунов и его приятель Н. Р. гуляли первого марта по Невскому и были „оба почти очевидцами происшедшего события" В этот же день, в шесть часов вечера, „к Шелгунову собралось несколько близких друзей его *из литераторов* и кое-кто из революционеров. Шелгунов был сдержан, но, очевидно, *внутренно* доволен... ⟨...⟩ Большинство литературной братии отдавалось, напротив, *чувству радости* и строило самые радужные планы. Старик Плещеев и соредактор по „Делу" Шелгунова, Станюкович, особенно врезались мне своим оптимизмом в памяти. ⟨...⟩ Кстати сказать, что даже такой на редкость умный человек, каким был

Михайловский, еще несколько дней спустя утверждал, что „на этот раз к нам идет революция" И ему вторил своими картинными выражениями Глеб Успенский» (цит. по: *Розанов*. [Т. 20]. С. 347).

[4] Реакция Розанова на письма К. П. Победоносцева нам неизвестна.

31
Измайлов — Розанову
18 октября 1910 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Посылаю Вам отзыв о Вас, только что полученный с послед⟨ней⟩ книжкой «Совр⟨еменного⟩ Мира»[1]. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, Вам все-таки интересно, а можете проглядеть. Всё о Вас всегда я вырезаю, но для своих папок. Отсюда — ни строки не взял.

С радостн⟨ым⟩ чувством прочел в какой-то правой газете, что Ваша книга о церкви наконец-таки выйдет[2]. «Я ускользнул от Эскулапа, худой, обритый, но живой...»[3] Жаль, что покупюрят книгу.

Хорошие люди завели ныне обычай осведомлять о книге даже до ее выхода.

Если бы Вы дали мне эту возможность, я бы последовал этому обычаю хороших людей. Вообще позвольте быть назойливым и заявить свои претензии на экземпляр. Очень бы хотел отвести душу и на писании об этой, ближайшей сердцу моему книге, если вы не имеете в «Р⟨усском⟩ Сл⟨ове⟩» кого покомпетентнее меня.

Напишу и в «Биржевку».

Был с своим глазом у Сергиева, величайшего трудника по делу целения недугующего человечества. Он меня утешил, — через 1 ½ года (почему через 1 ½, а не через два хотя бы?) я вообще ослепну на больной глаз, а потом и самый глаз внешне испортится тусклостью.

У Влад⟨имира⟩ Соловьева была эта же болезнь. Но он был — сын солнца, и ему посчастливилось вытащить выигрышный билет — один из тысячи. Сетчатка у него сама прислоилась.

Этою же благородной болезнью страдали Мунэ-Сюлли[4], Герман Банг[5] и наш Боборыкин[6]. Попал в компанию я ничего себе, но утешен этим мало.

Душевно Ваш

Изм⟨айлов⟩
18/X

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 153—154 об.

[1] *И. Л.* [Ларский И.]. [Рецензия] // Современный мир. 1910. № 10. С. 162—163. Рец. на кн.. *Розанов В. В.* Когда начальство ушло... СПб., 1910.

[2] Подразумевается книга Розанова «Темный Лик: Метафизика христианства» (СПб., 1911). О цензурных препятствиях, возникших в связи с ее изданием, Измайлов написал в рецензии: «Сейчас Розанов издал новую книгу — „Темный лик" Она отпечатана в пяти тысячах экземпляров давно, была осуждена, потом ее резали, выбросили из нее семьдесят (семьдесят!) мест, и вот она видит свет. На память о старой книге и как бы в укор операторам он оставил к ней прежнее предисловие и прежнее оглавление, где вся середина выпущена ⟨...⟩. Но, по собственному признанию автора, книга от пропусков не получила изменений тона, ни одного колебания в мысли. И мысль его сказалась полно и определенно, как ни старались нырнуть под нее и ухватить ее на самом „дне христианства" цензурные чиновники» (*Измайлов А. А.* О В. В. Розанове и смертной тени христианства // *РС.* 1911. 22 янв. (№ 17). С. 2).

[3] Цит. стих. А. С. Пушкина «NN (В. В. Энгельгардту)» («Я ускользнул от Эскулапа...») (1819).

[4] Муне-Сюлли — выдающийся французский актер. На рубеже XIX—XX столетий гастролировал в России.

[5] Г. Й. Банг, датский писатель, критик, журналист и деятель театра.

[6] П. Д. Боборыкин, русский писатель, драматург, журналист.

32
Розанов — Измайлову
Начало ноября 1910 г., С.-Петербург

Здравствуйте!

На случай, чтобы не разойтись: посылаю в «Р⟨усское⟩ Сл⟨ово⟩» статью «Л. Т⟨олстой⟩ и Грот Н. Я.»[1]. Может и Вам Конст. Як. Грот[2] прислал «Сборник»? Ну, не сердитесь на ~[3] усталого В. Розанова.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 21.

[1] Подразумевается статья: Л. Н. Толстой и Н. Я. Грот: (Предсмертные мысли Л. Н. Толстого) // *РС*. 1910. 14 нояб. (№ 263); *Розанов*. [Т. 20]. С. 399—407 В материале речь идет о сборнике (вышел в ноябре 1910 г.): Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей, учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911.

[2] Грот Константин Яковлевич — филолог-славист, архивист, профессор Варшавского университета, член-корреспондент Российской академии наук, почетный член Петербургского и Московского Археологических институтов, лицейского пушкинского общества, брат известного философа Н. Я. Грота.

[3] Знак бесконечности.

33
Измайлов — Розанову
10 ноября 1910 г., С.-Петербург

Дорогой В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩,

Как Вы можете писать слова: «не сердитесь», применяя их ко мне, когда мое отношение к Вам не только всегда любовно, а нежно, моментами же, — большею частью после прочтения чего-либо Вашего, — прямо умиленно.

Я даже оч⟨ень⟩ рад, что Вы взяли на себя написать о Гроте. Я книги не получал[1], видел ее только случайно и по беглому взгляду почувствовал, что, кажется, это не особенно ярко и заманчиво, как тема, — прежде всего чересчур философично и серьезно, а публика любит попроще.

Сегодня по моей просьбе собрали мне все толстовские номера пров⟨инциальных⟩ газет. Увидя их, Вы возрадовались бы, ибо вот где ответ на Ваши когда-то мне высказанные жалобы, что Вы не видите своего читателя из широких слоев.

Вас цитируют всюду и везде, разными местами Ваших статей, но в высш⟨ей⟩ степени изобильности, всегда если не с прямо выраженным, то с предполагающимся согласием и сочувствием. Иногда вот с такими прибавками:

«Вдумчивый В. Варварин (под этим псевдонимом скрывается известный всей России мыслитель) в яснополянской теме видит, где и как проходят границы христианства и границы язы⟨чества⟩»[2].

Я пожалел, что поздно спохватился, а то бы можно было завалить Вас такими вырезками.

Единственно неприятным вам местом является сообщение «Сарат⟨овского⟩ Листка» — следующее:

«Семья Толстого сидит за чаем в зале 1-го класса. Софья Андреевна читает газеты, комкает „Русское Слово“ и говорит относительно статьи Варварина:

— Разве можно так писать!

На ее лице, — бледном, нервно-возбужденном, — негодование. Ее успокаивают сыновья. Тут же врачи, Горбунов-Посадов, Чертков, Буланже (последователь и друг Л. Н-ча)»[3].

Но, во-первых, откуда сей корр⟨еспондент⟩ знает, что С⟨офья⟩ А⟨ндреевна⟩ сердится именно на Вашу статью, а во-вторых, кажется, на статьи Ваши о Т⟨олстом⟩ в «Р⟨усском⟩ С⟨лове⟩» решительно не приходилось бы ей сердиться.

Что-то как будто напутано!

Еще посылаю Вам сегодняшнюю статью «СПб Листка». Ваш псевдоним понравился какому-то газетчику[4].

Думается, не стоит опротестовывать этого печатно, но на Вашем месте я послал бы открытку Скороботову[5] или сказал ему по телефону, что так нельзя впредь.

С наслаждением читаю всё Ваше о Т⟨олстом⟩. Это совершенно своеобразно, глубоко и по форме прекрасно. Теперь бы я уже ничего не мог читать о Т⟨олстом⟩, — ваше с радостью и поучением[6].

И что Вы там говорите о Вашей усталости! Не принимаете ли Вы за усталость то тихое и созерцательное настроение, к⟨ото⟩рое просто овладевает Вами с годами и с окончательною — уже навсегда — установкою мировоззрения? Боевое в человеке замирает, идеалы непротивления, приятия всяких иных убеждений берут верх, и жизнь принимается вся, как есть, в тихой радости и благодарности небу.

Даже в себе я иногда начинаю это чувствовать и, вероятно, этим кончу, и скажу с Гамсуном:

— Слава Богу за жизнь, — *интересно* было жить!..[7]

Искренне любящий Вас

А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 172—175.

[1] См. примеч. 1 к п. 32.

[2] Вырезка из газеты, вклеенная в письмо; цитата из неустановленного источника. В корреспонденции обсуждается статья Розанова «Язычество и христианство в Ясной Поляне» (*РС.* 1910. 4 нояб. (№ 254). С. 1; *Розанов.* [Т. 20]. С. 383—388). Отклики на фельетоны Розанова в связи с уходом из Ясной Поляны и смертью Толстого см. по указат. в книге: Уход и смерть Льва Толстого: Корреспонденции. Статьи. Очерки / сост., подгот. текста, коммент., указат., статья А. С. Александрова, Э. К. Александровой; вступ. ст. В. Е. Багно; под ред. А. В. Лаврова. СПб., 2010.

[3] Вырезка из газеты, вклеенная в письмо; цитируется материал: [Б. п.]. Письма из Астапова: (от нашего специального корреспондента) // Саратовский листок. 1910. 9 нояб. (№ 242). С. 3.

[4] В «Петербургском листке» под псевдонимом Варварин в ноябре 1910 г. появилось несколько статей; см.. Погребение // Петербургский листок. 1910. 10 нояб. (№ 309). С. 3; У могилы // Там же. 12 нояб. С. 2 (см. в книге: Уход и смерть Льва Толстого: Корреспонденции. Статьи. Очерки. С. 498—499).

[5] Н. А. Скороботов, журналист, сотрудник целого ряда изданий; работал в «Петербургской газете», «Петербургских ведомостях», «Биржевых ведомостях», «Голосе», «Московском листке» и др. С 1884 г. редактор «Петербургского листка».

[6] На уход и смерть Льва Толстого Розанов откликнулся серией статей; см. по указат. в кн.. Уход и смерть Льва Толстого: Корреспонденции. Статьи. Очерки. СПб., 2010. 720 с.

[7] Цит. из вступления к роману К. Гамсуна «Странник, играющий под сурдинку» (1909).

34
Розанов — Измайлову
После 10 ноября 1910 г.⟨?⟩, С.-Петербург

Спасибо, мой милый, добрый А⟨лександр⟩А⟨лексеевич⟩, за письмо. И всегда Вы так тепло отзоветесь. Жму руку. Здоровья!

Ваш В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 23.

35
Розанов — Измайлову
Конец января 1911 г., С.-Петербург

Спасибо, Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ексеевич⟩, — так устал, так «перетерлась душа» около болезни жены, что вот только сейчас собрался поблагодарить Вас за разбор «Т⟨емного⟩ Л⟨ика⟩»[1]. Он произвел большое впечатление как реакция после Струве и проч⟨их⟩[2], — и друзья (не из частых посетителей меня) (вообразите, юные) приходили и приносили статью Вашу, воображая, что я не получаю «Рус⟨ского⟩ Сл⟨ова⟩», и, конечно, ничего не зная о «Варварине»[3]. Вообще я много получил дорогого и из писем в «Рус⟨ское⟩ Слово» (пересылают мне) и прямо в последнее время: есть какой-то «невидимый читатель», который *любит.* А кто он? И представить себе не умеем. Лично я воображаю, что у меня *не много* читателей, но *очень любящих.* И, признаться, доволен «такой постановкой вопроса». Когда попадешь в стадо: хуже, затопчут. Да и с ума сведут. Я думаю, читатель в 90 % виновен в искривлении и гибели М. Горького и Л. Андреева. Писатель от такого множества «уцепившихся за плечи» и «ждущих всякого слова» теряет равновесие и не знает, «что бы еще выдумать». Это ужасно. О *большой* славе можно сказать: ну ее к чёрту, слишком шумно.

Мне больно, мой дорогой, что я Вам не даю «эквивалента» в критике. Не думайте, что не болю ⟨так!⟩ от этого. Но очень стар и слаб, да и «1000» мыслей (забот, планов etc.). Мой взгляд на Вас, однако, всегда один и тверд: Вы крепко держите в руках мерило здравого смысла, русского чувства действительности и, кроме того, «честный как шестидесятник», т. е. без кумовства и сватовства, в журналистике, в отношениях. А то теперь все «свои люди» и «свои отношения», в которых читатель и не разберется. Читатель решительно потерял «путеводную звезду».

Ваш любящий

В. Розанов.

Не скрою: 2 слова — о «стреле Себастьяна» и «исповеданиях» всего дороже[4]: но ставлю около этого — «бы» («выросли *бы* в роту

грибы»[5]) и не решаюсь применять к себе. Нет: тише, надо быть тише. И лучше и *счастливее.*

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 37—38.

[1] Имеется в виду материал: *Измайлов А. А.* О В. В. Розанове и смертной тени христианства // *РС.* 1911. 22 янв. (№ 17). С. 2.

[2] Подразумеваются статьи: *Струве П. Б.*. 1) Большой писатель с органическим пороком: (Несколько слов о В. В. Розанове) // Русская мысль. 1910. № 11. С. 132—146; 2) На разные темы: Жестокая поговорка и извращенная психология // Там же. 1911. № 1. С. 182—184. Первая статья П. Б. Струве «Большой писатель с органическим пороком: (Несколько слов о В. В. Розанове)» посвящена книге «Когда начальство ушло...» (СПб., 1910). В ней автор, в частности, резко критикует Розанова за сотрудничество в «Новом времени». Обличения Струве заставили многих пересмотреть свои отношения с Розановым. Показательно в этой связи резкое письмо Г. С. Петрова к Розанову от 1 декабря 1910 г., как реакция на прочтение статьи Струве: «Я только вчера приехал в Выборг и вечером прочитал Ваше письмо. Статью Струве о Вас я читал уже давно, и она меня поразила. Я много лет уже не читаю „Нового Времени" и потому не знал, что Вы там писали. Прочел выдержки Струве и... ахнул. Ваше объяснение в письме ко мне, что Вы, будучи в редакции „Нового Времени", способны иногда, дурачась, писать что угодно, для меня ни мало не убедительно. Писать нововременские глупости Меньшиков может и впредь, и дурачась, но В. Розанову стыдно и писать то, что приводит Струве, и объяснять свои нововременские упражнения „дурачеством" Какие тут *дурачества*, когда столыпинская свора опричников грабит и душит русский народ, а вы, нововременцы, эту столыпинскую сволочь славите, а противников коронованного хулигана, Николая Половцева-Романова, погромщика и вора, поливаете помоями. Это — не дурачества. Это..., как это называется, Вы и лучше знаете. И если Вам было больно при чтении статьи Струве, — *поделом* Вам и благо Вам. ‹...› Простите за горечь моего письма, но благо, свобода, светлое будущее, затоптанное Романовым в грязи, русского народа мне дороже всех личных „приязней" Я порвал связь с церковью, когда увидел, что она — проститутка для тысячей, так связь с отдельными людьми меня не удержит сказать им правду» (РО ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 677 Л. 1—2). См. также рецензии: *Чуковский К. И.* Открытое письмо В. В. Розанову // Речь. 1910. 24 окт. (№ 292). С. 3—4; *Пешехонов А.* Бесстыжее светило, или изобличенный двурушник // Русские Ведомости. 1910. 2 дек. (№ 278). С. 3; *К. А.‹Арсеньев К. К.?›* [Рецензия] // Вестник Европы. 1911. № 1. С. 338—341; *Г Б.* [Глинский Б. Б.]. [Рецензия] // Исторический Вестник. 1911. № 1. С. 335—337; *Собеседник* [Игнатов И. Н.]. Скандал в благородном семействе // Русские Ведомости. 1911. 18 янв. С. 2; и др.

[3] Варварин — псевдоним Розанова, под которым он выступал в «Русском слове».

[4] Подразумевается пассаж из статьи Измайлова: «Пусто в великой исповедальне. К кому пойти читателю и понести свою скорбь? К язычнику Сологубу? К Арцыбашеву? К Каменскому? Есть один писатель, к которому можно пойти и к которому люди определенного, *его* склада уже идут, судя по тому, что эти голоса к нему идущих, их письма он сам берет и печатает в своих книгах, как подспорье, как прояснение свой мысли.

В противоположность беллетристам, которым не о чем писать иначе, как о молодых людях, вдруг одевающихся в женские платья, или публицистам, спорящим о кадетах и октябристах, — этот человек живет, кажется, с весеннею стрелою в сердце, как Себастиан, и когда бы это ни было и где бы он ни был, — весь во власти одних вопросов. Как же надо веровать, и как строить жизнь по вере, и как понять кругом разлитую тайну, — тайну пола, тайну отверженного народа, тайну Христова явления, тайну Библии, идею Изиды, идею Астарты, тайну таких глубоких душ, как Гоголь, Достоевский?» (*Измайлов А. А.* О В. В. Розанове и смертной тени христианства. С. 2).

[5] Народная поговорка: «Если бы да кабы да во рту выросли грибы».

36
Измайлов — Розанову
11 февраля 1911 г., С.-Петербург

11/II 1911

Дорогой Василий Васильевич,

Ни одной марки дома и потому, извините, — открытка. Сердечное Вам спасибо за помин меня, к⟨ото⟩рый ничуть не умаляется от того, что он остался в корректуре[1]. С наслажд⟨ением⟩ читал Ваши строки, — Это святая истина, а о «Девах» и «рече» — преостроумно[2]. Меня от всех этих «эскизов», «набросков», «этюдов», «отрывков», «nocturno, quasi una fant..»* и т. д. (придумали же, мерзавцы, и оправдание себе в подзаголовках!), от всей этой бессодержат⟨ельной⟩ стилистики — воротит. И посмотрите, — этим кишат все газеты, журналы, и приемные редакций полны студентов и студенток, так поплевавших на перо и думающих, что создали «произведение».

В «Н⟨овом⟩ В⟨ремени⟩» ко мне давно мною уясненная и сознанная антипатия. Когда ни цитир⟨уют⟩ меня из «Р⟨усского⟩ С⟨лова⟩» (если им нравится), мое имя всегда заменяется — «критик „Р⟨усского⟩ Сл⟨ова⟩“». Когда они подловят меня в чем-либо или имеют вообще повод ошельмовать, они полностью пишут мою фам⟨илию⟩. Я вычеркиваюсь всюду в числе присутствующих или говорящих или выступающих. Это было ошибкой начать статейку с моего имени, — никогда не пройдет[3].

* notturno, quasi una fantasia — ноктюрн вроде фантазии (*ит.*).

У Стасюлев⟨ича⟩ есть воспом⟨инания⟩ о том, как явилися в свет «Senilia» (XLI стр. из «Нивы», Тург⟨енев⟩, т. I)[4]. Там не сказано прямо, что Тург⟨енев⟩ писал свои пьески «всю жизнь». Это были действит⟨ельно⟩ его «материалы». Во всяком случае, отобрав из них 50, он их «тщательно и собственноручно переписал» рукою почти умирающего, — значит, ваша мысль во всяк⟨ом⟩ случае верна. Это — итоги жизни, и на черте жизни завершившиеся[5]. — Я немножко досадовал, что раньше не написал Вам по поводу одной строки Вашей в послед⟨ем⟩ письме. Это о «реванше» мне[6]. Клянусь Вам, я никогда этого не ждал и не жду, ни тогда, когда писал о Вас, ни тогда, когда еще буду писать. И я же имею Ваше слово о мне, — и за него уже я Вам бесконеч⟨ный⟩ должник.

Не осталось места даже для привета супруге Вашей.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 134. На почтовой карточке: «*Звенигородская*, 18, 23. Васил. Васильев. *Розанову*».

[1] Измайлов подразумевает корректуру статьи «„Цветословы" и риторы». Фельетон был отклонен редакцией «Нового времени». Корректура сохранилась в архиве Измайлова (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 5. Ед. хр. 61), автограф в НИОР РГБ. Ф. 249. Карт. 6. Ед. хр. 11. Л. 1—3. Публикацию фельетона см.. *Розанов В. В.* Неопубликованные статьи / текстолог. расшифровка и коммент. А. В. Ломоносова // Российская государственная библиотека: Записки отдела рукописей. Вып. 53 / сост. С. М. Сергеев. М., 2008. С. 463—466.

[2] Имеется в виду пассаж из статьи Розанова: «А Горькие и толстоногие Андреевы пусть упражняются на „Куоколовские темы"· „как он, мрачный, бежал по улице, спасаясь от полицейских, и вбежал в публичный дом, и увидел Деву" „А Дева ему рече:...". „А он Деве рече" И всё „дева" и всё „юноши", и все они друг другу „рече", ну — и чёрт с ними...» (*Розанов В. В.* Неопубликованные статьи. С. 466).

[3] Фельетон «„Цветословы" и риторы» Розанов начинает с упоминания статьи Измайлова о «последних рассказах М. Горького и Л. Андреева», а также приводит выдержки из нее (Рассказ змеи о том, как у нее появились ядовитые зубы, Леонида Андреева // *РС.* 1911. 2 февр. (№ 26). С. 2).

[4] Речь идет о мемуарных заметках М. М. Стасюлевича «Из воспоминаний о последних днях И. С. Тургенева и его похороны», опубликованных в первом томе собрания сочинений писателя, вышедшего как приложение к журналу «Нива» за 1898 г.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч.. в 12 т. СПб., 1898. Т. 1. 8, LX, 403 с.

[5] Измайлов отзывается этими строками на рассуждение из статьи Розанова: «...Тургенев собственно создал *вечную форму* для духовной, поэтической, художественной деятельности старости, старцев. Так только и могут творить, сумеют творить, смеют творить старцы, — люди с огромным опытом жизни, люди страшно расширенного горизонта, *на пороге вечности*, уже *прощаясь с землею...*» (*Розанов В. В.* Неопубли-

кованные статьи. С. 465). См. также статью Розанова: Лучшая книга по средневековой истории: (К воспоминаниям о М. М. Стасюлевиче). Опубл.: Новое время. 1911. 30 янв. (№ 12531); *Розанов.* [Т. 21]. С. 25—28.

[6] См. п. 35.

37
Розанов — Измайлову
18 мая 1911 г., С.-Петербург

Среда. Спасибо за память ⟨о⟩ Фоф⟨анове⟩[1], — и даже не за него, коего не могут унизить «они», а за характеристику «их», за общий энергичный отпор им[2]. — — — Не писал «спасибо» за «Б⟨иржевые⟩ В⟨едомости⟩» и «Р⟨усское⟩ Сл⟨ово⟩», п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ Вы всё сами знаете, что я мысленно говорил Вам, и зачем «удваивать» и говорить известное[3]. Но в общем — огромное спасибо. Вы вот много лет мне верный, хороший друг.

В. Розанов.

Фоф⟨анов⟩ собственно не «ангел в виде демона»: а в сущности Ангел, брошенный фатальной рукой в навоз. Ужасная жизнь.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 28.

[1] К. М. Фофанов, поэт. Скончался 17 мая 1911 г. от хронического алкоголизма. Подразумевается некролог и статья: *Измайлов А.*. 1) † К. М. Фофанов // *БВ.* Утр. вып. 1911. 18 мая. (№ 12327). С. 2; 2) Памяти К. М. Фофанова // Там же. Веч. вып. 1911. 18 мая. (№ 12328). С. 3. В некрологе подробно описаны последние дни и часы К. М. Фофанова, скончавшегося в Петербурге в помещении фельдшерской школы (Васильевский остров, Малый проспект, д. 17). В некрологе сообщалось: «Покойный поэт, проживавший последнее время на ст. Сергиево, полторы недели тому назад простудился и заболел крупозным воспалением левого легкого. Первые дни болезни К. М. пролежал в Сергиеве и только 11 мая, благодаря помощи „Литературного фонда", редакций двух СПб. газет и одного популярного фельетониста, тяжело больной поэт был перевезен в Петербург и помещен в фельдшерскую школу Камераза». После смерти поэта состоялась панихида, на которой присутствовали И. И. Ясинский, А. А. Измайлов, представитель редакции «Нового времени» К. С. Тычинкин, поэт Игорь Северянин и др.

[2] Вероятно, Розанов имеет в виду размышления Измайлова о критиках, скептически отнесшихся к поэтическому дарованию Фофанова, ср.. «Справедливость требу-

ет сказать, что, как и Чехова, [Н. К.] Михайловский не заметил вовремя и не оценил Фофанова. Отдавший свои симпатии гражданской поэзии, Н. К. не был подкуплен прелестью и нежностью фофановской песни. В том же 1888 г. в своем „Дневнике читателя" он признался, что не видел особенного смысла в стихах молодого поэта (...). Михайловский упустил из внимания, что прозаическими терминами железнодорожного или канцелярского обихода, конечно, можно опрозаить и убить самый высокий поэтический, даже религиозный порыв» (*Измайлов А.* Памяти К. М. Фофанова // *БВ.* Утр. вып. 1911. 18 мая. (№ 12327). С. 2).

[3] Розанов благодарит Измайлова за отзывы на книгу «Люди лунного света: (Метафизика христианства)» (1911): *Измайлов А. А.* Люди лунного света: (В. В. Розанов о тайне полов) // *БВ.* Веч. вып. 1911. 24 мая. (№ 12336). С. 3; Там же. Утр. вып. 1911. 25 мая. (№ 12337). С. 6; *Измайлов А. А.* Рец. на кн.. Розанов В. В. Люди лунного света // *РС.* 1911. 31 мая. (№ 123). С. 2.

38
Розанов — Измайлову
30 августа 1911 г., С.-Петербург

В течение вот уже долгой литературной деятельности я замечал не только часто, но постоянно, что как только в печати скажешь что-нибудь насмешливое, злое, презирающее, негодующее, и, словом, скажешь *к разрушению*, — так это всеми, всею печатью, подхватывается, превозносится, хвалится, и, в конце концов, действует... Если же что-нибудь скажешь с любовью, с уважением, и, словом, — *к созиданию*, то как бы это ни было сказано, — оно не получает никакого значения, силы, не помнится, не читается, не запоминается, *не нужно*. И, видя это — я возненавидел литературу. Печально с этим жить и еще печальнее умереть[1].

В. Розанов
30 августа 1911 г. СПб.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 10.

[1] Видимо, ответ Розанова на просьбу Измайлова об автографе для сборника «Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья». Литературно-критическое эссе о Розанове в книгу не вошло. См. примеч. 3 к п. 39.

39

Розанов — Измайлову

Ноябрь 1911 г., С.-Петербург

Добродетельный Климович опять прислал вырезку из Вас («В⟨ифлеем⟩ и⟨ли⟩ Г⟨олгофа⟩»): спасибо, милый, — и больше чем за печать — за ту ласку души, какою вот столько лет я чувствую себя обвеян от Вас[1]. Помните, как уткнувшись носом в тарелку, мы с Вами беседовали на именинах Ив⟨ана⟩ Л⟨еонтьевича⟩?[2]

Если будете издавать продолжение «Олимпа»[3] — советую поместить некрологи 1) Леонтьева[4] 2) Альбова[5], — и даже о Фофанове[6]. Последнее — характерно.

А о Леонт⟨ьеве⟩ *и особенно об Альбове* так хорошо, как (простите) Вы никогда не писали или мне не попадалось[7]. Просто это меланхолическая музыка, которая не должна быть забыта, и это нужно в книгу.

Клодине привет — и рукопожатие[8].

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 32.

[1] *Измайлов А. А.* Вифлеем или Голгофа? (В. В. Розанов и «неудавшееся христианство») // *НС.* 1911. № 10. С. 34—38.

[2] И. Л. Леонтьева-Щеглова.

[3] Подразумевается книга Измайлова «Литературный Олимп» (1911), которая была составлена преимущественно из газетных фельетонов. В сборнике были помещены статьи-портреты писателей-современников. В 1911 г. Измайлов затеял выпуск второго сборника, который планировал назвать «Литературный Олимп»-2; позже название было пересмотрено, и сборник вышел под заглавием «Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья» (1913). В новую книгу вошли статьи о Д. С. Мережковском, К. Д. Бальмонте, А. А. Блоке, М. П. Арцыбашеве, А. В. Амфитеатрове, И. А. Бунине, А. Н. Будищеве, Вяч. Иванове, З. Н. Гиппиус, Е. Н. Чирикове, А. М. Ремизове, В. В. Вересаеве.

[4] И. Л. Леонтьев-Щеглов умер 4 апреля 1911, см. некролог: *Измайлов А. А.* † И. Л. Щеглов // *БВ.* Веч. вып. 1911. 4 июня. (№ 12355). С. 4. «Последний год существование стареющего беллетриста-драматурга было ни жизнью, ни смертью. Может быть, это было нечто худшее смерти. От прежнего Ивана Леонтьевича, статного, живого и остроумного человека, в прошлом красавца-офицера — осталась только

печальная тень. Осунувшееся, страшно исхудавшее лицо стало бескровно-восковым задолго до смерти. Тонкую шею, казалось, едва обтягивала кожа. Тусклыми стали когда-то прекрасные глаза. Сахарная болезнь истощала его. Он выполнял невероятную диету, — воздерживаясь почти от всего. Туберкулезный процесс, обычно завершающий сахарную болезнь, развился на этой подготовленной почве с трагическою быстротою. Под гнетом болезни психика Щеглова подверглась разрушению, едва ли не меньшему, чем его физическая организация. Неврастения давно делала над ним страшное завоевание. Писательская работоспособность его замирала» (*Измайлов А. А.* † И. Л. Щеглов. С. 4).

[5] М. Н. Альбов — сын дьякона, беллетрист, журналист; умер 12 (25) июня. См. некролог Измайлова: † М. Н. Альбов // *БВ*. Веч. вып. 1911. 13 июня. (№ 12369). С. 3—4; Там же. Утр. вып. 1911. 14 июня. (№ 12370). С. 6.

[6] См. примеч. 1 к. п. 37

[7] В некрологе М. Н. Альбову, в частности, отмечалось: «Первым ушел Фофанов, за ним Щеглов, вот не стало и Альбова. Какая-то жуткая ликвидация стариков! На пространстве меньше месяца — три некролога. 〈...〉 Он лет 15 как уже ничего не писал. Всё, что некогда печаталось, были отрывки, осколки, перепечатки, начала без конца и главы без продолжений из старых тетрадей или старых изданий. 〈...〉 Это был в полном смысле писатель „на покое" В жизни моей я не видел более трагической и плачевной картины умирания в человеке писателя, совершенного изсякновения в нем священного дара творчества. 〈...〉 Все произведения М. Н. заняли восемь томов в полном собрании его сочинений. Альбов считал свою миссию исполненной до точки. Он давно знал, что не прибавит сюда уже ни одной страницы. Михаилу Нилычу шел 60-1 год. Здоровье его было разрушено настолько, что врачи удивлялись, как он мог существовать с каким-то остатком одного легкого» (*Измайлова А. А.* † М. Н. Альбов // *БВ*. Веч. вып. 1911. 13 июня. (№ 12369). С. 3—4)

[8] Так Розанов называл гражданскую супругу Измайлова Клавдию Владимировну.

40
Розанов — Измайлову

Начало декабря 1911 г., С.-Петербург

С Р〈ождеством〉 Х〈ристовым〉 и Н〈овым〉 Г〈одом〉!!

Только из почтительности «к брату моему» хотел Вам написать о «замышляемом»[1], но потом

«...отрекся от ветхого мира...»[2]

и пишу другое.

Друг Саша: будем старыми семинарами из Вологды, из Костромы, и не побежим за жидовскою нечистью, к〈отор〉ая облепила литературу в виде анонсов анкет и всякой нечисти.

Того ради — не пишу. Знаю, что в душе Вы со мной согласны.

Хочется очень Вас повидать.

Я люблю Вашу молчаливость, даже люблю, что Вы не всё говорите, что думаете, почему-то это в Вашем стиле, *очень люблю, что Вы — попович*[3].

Чувствуя, что время скоро издыхать, заворачиваю оглобли (литер⟨атурно⟩) к попам. Они будут отпевать. И как Вы меня переживете, то вот просьба (на случай): чтобы ни венков, ни проводов (особ⟨енно⟩ литературных), и чтобы все так, безмолвно и уединенно (и чтобы ни одной речи на могиле: выскочу из могилы и буду драться).

А чтобы дроги, и плохонький гробик, и плетутся сзади 2—3 старушки да мои детишки, да хоть Вы, но при условии сокрытия, что Вы — литератор.

Так «всё по-русски». Ну ее к чёрту, иноземщину[4]. Мечта, чтобы схоронили в Ельце, где, найдя 2-ую жену, нашел счастья и ***путь***. Противен Петербург: и ради Бога, «не в углу литераторов» на Волковом: холера у мертвеца сделается[5].

Прощай, Саша. В моей душе и *для глаза моего* ты тем дорог, что один из последних литераторов. За это я бы тебе дал 3-х любовниц (яко Иакову, все-таки за *это* люблю жидов, что у них по 3 яйца вместо обычных 2-х). Кстати: ужасно мне понравилась твоя живая и какая-то вдумчивая Клодина, и если она не оскорбится, а паче не оскорбишься ты, я при следующей встрече поймаю ее, она будет хохотать и сердиться, и я все-таки ее расцелую в обе щеки, в глазки и в губки. Ну, теперь плюйся.

В. Розанов

Не суди, дорогой.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 59—60 об. К последнему абзацу письма сделана приписка рукой брата Измайлова: «В присутствии Клодины В. В. всегда пускал слюну».

[1] То есть ответ на типовое обращение с просьбой поделиться с читателями «Биржевых ведомостей» ближайшими творческими планами. Об этой анкете см. в переписке Измайлова с Л. Н. Андреевым.

[2] По всей видимости, неточная цитата из «Новой песни» (так называемой «Марсельезы», другие варианты заглавия «Рабочая марсельеза», «Фабричная марсельеза» и т. п.) П. Л. Лаврова: «Отречемся от старого мира! / Отряхнем его прах с наших ног!»; считалась самой популярной русской революционной песней с 1880-х гг. вплоть до конца 1917 г.

[3] О происхождении Измайлова из духовного сословия см. во вступ ст.

[4] Ср. запись во втором коробе «Опавших листьев»: «Литературная память самая холодная. На тех немногих „литературных похоронах", на которых я бывал (и никогда не любил), меня поражало, до чего идущим за гробом — никакого дела нет до лежащего умершего. Разговоры. „Свои дела" И у „выдающихся" заботливая дума, что он скажет на могиле. / Неужели эти „сказыватели" пойдут за моим гробом. Бррр... / То ли дело у простецов: жалость, слезы, всё» (*Розанов.* [Т. 30]. С. 264).

[5] Подразумевается Волковское кладбище; ранее официально Волково кладбище; известно «Литераторскими мостками» — участком, на котором захоронено много русских писателей, архитекторов, ученых и общественных деятелей.

41
Измайлов — Розанову

Начало декабря 1911 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Спасибо за доброе и интимное письмо. Я временами так горько чувствую отсутствие наших встреч, наших соприкосновений! Но дело уже и не в одной моей занятости (временами превосходящей всякие вероятия), а и в том, что с болезнью жены, — перекосились и линии Вашей жизни, и уже даже и в именины Ваши[1] я не решусь искать Вас, — может быть, и тут будет не до гостей.

Был бы огорчен настроением Вашего письма — этими думами о смерти и протестами Вашими, к⟨ото⟩рые хотите провести даже в самой смерти своей, — если бы конец В⟨ашего⟩ письма не был столь жизнерадостным (о Клодине). Нет, настроение Ваше не похоронное, это *так* только мечтается мстительно в минуты раздражения и ссоры. Так муж решает расходиться с женой и всё обдумывает. Но на самом деле Вы еще крепко любите жизнь, и она не вся в П⟨етер⟩бурге и в литературе, и — Вы никогда «не разойдетесь». Вообще думать о безносой Вам еще совсем не след⟨ует⟩, — это не ⟨так!⟩ по годам, ни по успеху, ни по положению, ни по характеру Вашему.

А просто — жизнь подносит каждодневно впечатления, гнусные, как касторка. В нынешние времена в самом деле хорошему (хотя бы по идеалам, а не по житию) человеку — жить так же противно, как во дни оны верному еврею, видящему кругом возрастание всяческой мерзости, языческих дубрав, смешений с филистимскими девками и т. д. Время идет безблагодатное, люди стали сплошною сволочью, святыни оплеваны, страшно за детей близких людей, что же будет, когда им придется вырасти! Горе непраздным и доящим, и блаженны неимущие чад![2] Просто как-то не стало даже умных людей, интересных людей! Никого не хочется приблизить в друзья, — всё пустое, никто ничего не читает, не знает, ничего не видал. Хочется окружить себя невидимым железным кольцом и не подпустить к себе и не вспугнуть своего уединения. Спасение в том, чтобы ничего не принимать близко к сердцу, — но как этому научиться? Да и научишься, мож⟨ет⟩ быть, тогда, когда останется жить полгода.

Всё, что Вы завещаете о своей «храмине тела», к⟨ото⟩рую собираетесь оставить здесь, отходя к страшному и отъемлющему духи князей[3], — я давно вписал в свое завещание и Вам советую тоже. Еще вписал сам туда — заморозить меня (на случай летаргии) и родным объявить в письме в ред⟨акцию⟩, что печатание моих писем будет нарушением моей воли. А то, когда пустил себе пулю в лоб Гофман, пришла ко мне женщина и предложила его переписку с ней[4]. «Тут есть очень интимное!» В ее глазах это увеличивало ценность. Вот достойная дщерь века!

Обнимаю Вас.

Ваш А. И⟨змайлов⟩

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 138 об. На письме помета рукой Розанова: «1911?».

[1] Именины Розанов отмечал 1 января — в память святителя Василия Великого.

[2] Лк. 21: 23; Лк. 23: 29.

[3] См.. Пс. 75: 13.

[4] В. В. Гофман, поэт, писатель, журналист. Жизнь Виктора Гофмана неожиданно оборвалась в Париже — 13 августа (31 июля по старому стилю) 1911 г.; находясь в состоянии внезапного психического расстройства, покончил с собой выстрелом из револьвера в номере отеля. Погребен в Париже, на кладбище Bagneuse.

42
Розанов — Измайлову

Начало декабря 1911 г., С.-Петербург

Дорогой Александр Алексеевич,

Примите даму-писательницу. Кредо (Лаппо-Данилевскую), очень интересную, которая хочет поговорить с Вами[1]. Назначьте ей день и час.

Ваш любящий В. Розанов.

Кл⟨оди⟩не поклон.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 124. № 3684 (Собр. Вакселя). Л. 2. На визитной карточке.

[1] Н. А. Лаппо-Данилевская (псевд.. Н. А. Кредо), прозаик. Встреча Измайлова и Лаппо-Данилевской состоялась 12 декабря 1911 г., об этом свидетельствует инскрипт с датой на титульном листе книги — *Кредо Н. А.* В тумане жизни. (СПб., 1911): «Очень интересному, симпатичному собеседнику, мелькнувшему в часовой беседе ярким „типом" От автора многоуважаемому А. А. Измайлову. 12. XII. 1911» (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 4. № 3. Л. 48). О романе Лаппо-Данилевской «Жена министра» Измайлов написал критический отзыв в журнале «Новое слово» (См.. *Измайлов А. А.* Хрестоматия новой литературы: Роман Н. А. Лаппо-Данилевской «Жена министра» // *НС*. 1912. № 10. С. 113—128). Роман печатался летом — осенью 1912 г. в «Историческом вестнике» (См.. *Розановская энциклопедия*. Стб. 506). В апреле 1913 г. Лаппо-Данилевская обещала прислать Розанову отдельное издание романа: «Вскоре выйдет отдельным изданием „Жена министра", и я пришлю Вам эту скромную (по количеству выраженных мыслей) книжку. Положите ее на полку, прочтя лишь несколько строк, отмеченных карандашом красным. ⟨..⟩ Надеюсь, что сила нарастающего во мне сознания моего духовного „я" окрепнет настолько, что понемногу идя по лестнице вверх и я достучусь до светлых слов, до лучезарных мыслей...» (Письмо Н. А. Лаппо-Данилевской к В. В. Розанову от 12 апреля 1913 г. // НИОР РГБ. Ф. 249. М. 3876. Ед. хр. 11. Л. 4—5).

43
Розанов — Измайлову

Вторая половина декабря 1911 г., С.-Петербург

Дорогой Александр Алексеевич!

Не поместите ли вы *под новый год* рассказ моей старшей дочери (падчерицы) — по-моему и мило сделанный, и интересный, и правдивый[1]. Само собою: я не навязываю, и ни 1 комарик не слетит

с проволоки нашей дружбы, если Вам рассказ не понравится: но мне он чистосердечно нравится, ибо такие случаи, как рассказанный, я видал, и знаю, что они интересны и психологичны.

Иначе бы Вам и не послал. Поместить его надо в № на новый год. А где — в «Биржевых», «Огоньке» или «Нов⟨ом⟩ Слове» — Вы сами подумайте. Розанов — платный (она курсистка, излишне добросовестная, и всё хочет сама зарабатывать — это не шутя, и правда). Ну, и finis. Скучно без Вас. А путешествовать к Вам — как в Египет: так же далеко.

Ваш В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 15—16.

[1] Подразумевается Александра Михайловна Бутягина, падчерица Розанова, дочь В. Д. Бутягиной от первого брака. Подробнее о ней см.. *Розановская энциклопедия*. Стб. 173—174. Судьба рассказа нам неизвестна.

44

Розанов — Измайлову

Конец декабря 1911 г., С.-Петербург

С Рожд⟨еством⟩ Христовым и наступающим Новым Годом!

Дорогой Александр Алексеевич!

!!Пожелание: энергии и некоторого веселья!! и еще:

будете в конторе «Н⟨ового⟩ Сл⟨ова⟩» — то скажите там так, чтобы *не позже* 3-го января я мог получить гонорар из «Н⟨ового⟩ Слова» (ибо дети 5-го уже едут в Царское, в школу[1], — и нужен огромный взнос, который заготовлен лишь в сумме 320 руб.)[2].

Ваш. В. Роз⟨анов⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 47 На визитной карточке. Василий Васильевич Розанов. СПб. «Новое время». Москва «Русское слово». СПб., Звенигородская, д. 18 кв. 23.

[1] См.. примеч.1 к п. 25.

[2] Розанов пишет о гонораре за статью, помещенную в ноябрьском номере «Нового слова», см.. *Розанов В. В.* Из житейских встреч: К. М. Фофанов // *НС*. 1911. № 11. С. 19—23 (*Розанов*. [Т. 4]. С. 546—553).

45
Измайлов — Розанову
31 декабря 1911 г., С.-Петербург

31/XII

Дорогой Василий Васильевич,

Лучшие пожелания к новому году (празднику, который не люблю по многим пунктам). — Деньги Вам устроены и ждут Вас в конторе. — Когда впадаю в тоску от скучных кругом людей, с печалью думаю о том, что из-за проклятой суеты лишен радости почаще бывать у Вас.

Привет всем Вашим. По поводу рассказа[1], — Вам, вероятно, писали, что новогодний № давным-давно был готов?

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 152. На почтовой карточке с фотографией А. Дункан.

[1] См. примеч. 1 к п. 43.

46
Розанов — Измайлову
Конец декабря 1911 г. или начало января 1912 г. ⟨?⟩, С.-Петербург

Ну?!

Звенигородская, 18, кв. 23.

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 17 Недатированная записка, сохранившаяся в архиве Измайлова среди писем конца 1911 г.

47
Измайлов — Розанову

11 апреля 1912 г. ⟨?⟩, С.-Петербург

11/IV.

Воистину воскрес, дорогой Василий Васильевич. Привет Вам и всем Вашим. Ныне беседую с Вами только при помощи «Н⟨ового⟩ Вр⟨емени⟩» и «Р⟨усского⟩ С⟨лова⟩»[1]. — Так радостно «встретился» с Вами в первый день пасхи[2]. Скучаю, не видя Вас.

Душевно преданный Вам

А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 176. На почтовой карточке (дата на штемпеле не прочитывается) с фото: Firenze — Palazzo Pretorio — La Scala. Карточка отослана на адрес: СПб., Звенигородская 18, кв. 23. По содержанию это письмо, скорее всего, относится к 1912 г. Ответное поздравление с Пасхой, с которого начинается письмо, предположительно — отклик на пасхальный фельетон Розанова, см. примеч. 2.

[1] Последняя статья Розанова в «Русском слове» вышла 15 ноября 1911 г.

[2] Возможно, подразумевается фельетон Розанова: Христос воскресе! // Новое время. 1912. 25 марта. (№ 12944); *Розанов.* [Т. 22]. С. 72—75. В 1912 г. Пасха приходилась на 25 марта.

48
Розанов — Измайлову

После 12 апреля 1912 г., С.-Петербург

Дорогой Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ексеевич⟩!

Большая у меня к В⟨ам⟩ просьба и так сказать морально ответственная. Я сделал «каку» неумной рецензией Шульговскому[1], коего давно знаю по «Азе»[2]: и она оказалась чрезвычайно вредна для издания[3] (т. е. стало *трудно* отыскать издателя) для громадного труда по теории и *истории* стихотворчества, который, я думаю, он великолепно выполнит (он чрезвычайно образован). Затем: начал против него травлю кружок «парнасцев-декадентов-мистиков» Вяч. Иванова и Кузьмина ⟨так!⟩[4]. После рецензии я *ближе* узнал

Шульговского и вижу, что он человек-поэт и немножко человек-буря, а во всяком случае человек-живость. Уверен, что он — с *будущим*. Теперь, он просит меня поправить впечатление, и т. к. самому уже невозможно, то через других[5]. Лично я в рецензии, конечно, ошибся, прочтя лишь 3 первые стихотворения. Я обещал попросить Бурнакина[6] и Вас, Бурнакину лично скажу, а Вам — пишу. Прилагаю и последнее письмо его. Его верните мне. Жму руку. Клодине semper* кланяюсь. Она милая. А Вы меня не забывайте. Эх бы свидеться.

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 39—39 об.

[1] Н. Н. Шульговский, поэт и стиховед, автор ряда книг по стиховедению. Подразумевается отрицательная рецензия Розанова: *Розанов В. В.* Н. Шульговский. Лучи и грезы: Стихи, поэмы и миниатюры. С.-Петербург, 1912. Опубл.. Новое время. 1912. 11 апр. (№ 12959); *Розанов*. [Т. 22]. С. 78—80. В ней, в частности, отмечалось: «Автор умен, и, может быть, даже излишне умен: *он себя пытал* внутренним и верным пытанием: а ответов, *наверное*, оттого не дал, что ответы в душе у него прошептались отрицательные. И на вопрос: „Поэт ли он?" — покачаем головой в раздумье и ничего не скажем» (цит. по: *Розанов*. [Т. 22]. С. 79).

[2] Пьеса опубликована в 1910 г.; см.. *Шульговский Н. Н.* «Аза»: ист. и религ.-филос. драма в 4 д. и 7 карт.: происходит в 5 в. по Р. Х. в Александрии. СПб., 1910. 132 с. В своей рецензии Розанов высоко оценивает это произведение: «Господин Н. Шульговский, автор очень красочной пьесы из александрийской жизни V века по Рожд. Хр., под названием „Аза", которая была напечатана в 1910 г., но до сих пор почему-то нигде не играна‹...›» (см.. *Розанов*. [Т. 22]. С. 78—80).

[3] Розанов ссылается на сообщение в письме Шульговского: «Книга моя застряла. Не только 50 экз‹емпляров›, на продажу которых Вы надеялись, но и десятка еще не продано. В магазины сдана маленькая часть, а новых требований нет. Тем более книга дорогая, а несмотря даже на дорогую цену, в случае распродажи *всех* экземпляров не получилось бы чистого дохода, достаточного даже для второго издания. Публикации съели массу денег» (См.. *Эдельштейн М. Ю.* «Мастодонт поэзии не кто иной, как Вяч. Иванов»: два письма Н. Н. Шульговского к В. В. Розанову // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 707).

[4] Об отрицательном отношении к себе в кружке Вяч. Иванова Шульговский сообщал Розанову в письме: «Я был на фиксе у одного из „глав" ее, поэта-мастодонта, ихтиозавра в поэзии. ‹...› У этого „пииты" собирается вся модная „клика" Как я узнал, появление моей книги вызвало там негодование. Сам глава говорит обо мне не иначе

* всегда (*лат.*).

как с краской в лице. ⟨...⟩ Вот *там* решено меня *утопить*. Ляганья *печатные* (не критика, а именно *ляганья*) уже начались» (Там же).

[5] В недатированном письме к Розанову Шульговский просил его о новой рецензии: «За критику *всей* книги, но подробную и обоснованную, я был бы только благодарен. Вот у меня теперь к Вам просьба. Если Вы *сами* не хотели бы больше писать обо мне, то ведь у Вас есть знакомые в редакции. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, Вы были бы добры, приняв во внимание то, что я описал теперь, поговорить с ними и попросить их разобраться в моей книге» (письмо ⟨начала апреля 1912 г.⟩ // Там же).

[6] А. А. Бурнакин, критик, журналист, издатель; сотрудничал в «Новом времени», «Лукоморье», издавал газету «Полдень».

49
Измайлов — Розанову

Конец апреля — начало мая 1912 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Вы верите моей полнейшей и радостной готовности сделать вам всё приятное, что в моих силах. Рад бы душой исполнить и дело о Шульг⟨овском⟩ — маленькое «но» в этом случае в том, что не мне Вам уяснять. Вы по себе знаете ту заваленность книгами, к⟨ото⟩рая буквально съедает меня. Сыплется буквально книжный град, — 70, 100 экз., в неделю. Путем ни до чего не успеваешь доходить. В то же время есть известная обязательность доходить до явлений некоторых. Истор⟨ических⟩ журналов обойти не могу, новой вещи «модных», какая всех, — да и меня первого, — интересует, замолчать не могу, шести томиков Джека Лондона, к⟨ото⟩рый вот уже у всех в руках, — не заметить не могу и т. д.[1] Так уходит всё время, не знать ⟨так!⟩ куда. А писатели умирают, а писатели самочествуются каждую неделю, а в «Бирж⟨евых⟩ ⟨Ведомостях⟩» сидеть каждое утро до двух часов надо... Так сейчас накопилось у меня никак не менее 30 книг стихов, — того материала, к⟨ото⟩рый, по правде сказать, всего менее интересует публику и какой всего менее нравится себе и нужен редакторам. Вот потому, чтобы дойти до изучения книги стихов, могут быть препятствия. По крайней мере, нет особенных побудителей. Но это не значит, что я говорю нет. Я говорю: «да, но»...[2]

Что же «Уединенное»? Как мне узнать, когда о нем можно будет писать[3]. Не поставьте себе в труд, когда это случится, бросить мне одно слово по телефону. — Хотел Вам послать на днях сочувств⟨енный⟩ Вам фельетон Бурнакина из «Голоса Москвы», но подумал, что он сам Вам его, наверное, предоставит[4].

За потасовку дураку Рубакину — спасибо[5]. Я рад, что он избавил меня от библиографии, но ведь это же чёрт знает, что он пишет! Весь мир для него приготовительный класс.

Где Вы летом и как здоровье Ваше и Вашей супруги? Я нанял дачу в Тарховке. Лес, море, тишь и относит⟨ельная⟩ глушь[6]. Так проживу, отдыхая месяц с К.[7], к⟨ото⟩рая Вас тепло помнит и просит Вам кланяться.

Душевно Ваш

Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 186—187 об. *Дата на письме «6/VI 1912» — проставлена, видимо, Розановым по памяти. Содержание письма позволяет говорить о том, что оно было написано в начале мая 1912 г.

[1] Собрание сочинений Джека Лондона выходило в издательстве Н. Н. Михайлова «Прометей» в 1912—1915 гг. Предисловие к изданию написал Л. Андреев. Отзывы Измайлова об этом собрании не выявлены.

[2] Статья Измайлова о книге Шульговского не выявлена.

[3] «Уединенное» (СПб., 1912), книга вышла в начале марта 1912 г. Выход издания вызвал судебное преследование автора, обвиненного Главным управлением по делам печати в порнографии. На книгу был наложен арест, однако большая часть тиража разошлась и была распродана до санкций цензуры (см.. *Розановская энциклопедия.* Стб. 2223). «Уединенному» Розанова критик посвятил цикл статей, вышедших во второй половине мая 1912 г. См.. *Измайлов А. А.* «Уединенное» — новая книга В. В. Розанова // *БВ.* Веч. вып. 1912. 19 мая. (№ 12944). С. 7; 21 мая. (№ 12946). С. 4; 22 мая. (№ 12948). С. 5.

[4] Подразумевается статья: *Бурнакин А.* Литературные портреты: В. В. Розанов // Голос Москвы. 1912. 29 апр. (№ 99). С. 2.

[5] Н. А. Рубакин, книговед, библиограф. В 1912 г. вел в газете «Русское слово» раздел библиографии. До Рубакина библиографические обзоры о «новых книгах» и «исторических журналах» в «Русском слове» вел Измайлов. По-видимому, критик отмечает в письме приход Рубакина в газету и смену своих обязанностей в этом издании.

[6] Тарховка, дачный посёлок под Петербургом; в настоящее время часть города Сестрорецка. Лето 1912 г. Розанов провел с семьей на даче под Петербургом (ст. Сиверская). См. п. 54.

[7] Клавдия Владимировна, гражданская жена Измайлова.

50
Розанов — Измайлову
7 мая 1912 г., С.-Петербург

Дор⟨огой⟩ Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ексеевич⟩!

Скажу спасибо за разбор[1]. Посылаю 2 письма, оч⟨ень⟩ характерные[2], ignoti * из Москвы[3] и М. Горького[4]. Их верните. Рубакин: спрашивал молодого человека, я думаю, в начале чахотки, и такого благородного лица, как редко встретишь: носил корректуры от Вайсберга[5], и как-то вижу на улице идет и задумался-задумался, читает:

— Ну, вам, наверное, все дают (на чай) кому носите.

— Редко. Дадут и не дадут. *Вот г. Рубакин — никогда не дает.*

— Не может быть, не та фамилия! Такой русский человек и демократ.

— Нет, Рубакин. — И называет его книгу.

Между тем уже для кого бы стараться литераторам, как для этого глубокой кротости и такой очевидно любознательности юноши. Но Рубакин *даже не заметил* золотого своего читателя, и вообще читателя[6].

В. Розанов.

Да: главную-то радость и забыл: жена сегодня, 7-го мая, в первый раз умылась *обеими* руками (после 1 года 9 месяца), а то всё только утирала лицо мокрою губкою. Мы оба в неописуемой радости[7].

Письма — секрет

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 11. На бланке газеты «Новое время».

[1] См. примеч. 3 к п. 49. Розанов заранее благодарит критика за отклик о книге.

---

* неизвестного (*лат.*).

[2] Узнав от Измайлова о его желании написать отзыв об «Уединенном», Розанов решает ознакомить критика с двумя откликами читателей на книгу. См. примеч. 3 и 4.

[3] Речь идет о письме об «Уединенном» Григория Викторовича Рочко — поэта, мемуариста, сотрудника «Русских ведомостей», «Речи» и «Русской мысли» (см. п. 51). О написании письма Рочко так вспоминал в своих мемуарах: «Когда я прочел „Уединенное“, я почти тотчас написал Розанову взволнованное письмо и получил от него быстрый ответ, что я его тронул индивидуальным подходом» (*Рочко Г. В.* Воспоминания попутчика — В начале и в конце жизни. Переписка Г. В. Рочко с В. В. Розановым и А. Т. Твардовским / публ., подгот. материалов, сопроводит. текст и коммент. С. Г. Хлавна (Рочко) // Новый мир. 1996. № 3. С. 193. Письма Рочко к Розанову хранятся: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 621).

[4] Письмо Горького об «Уединенном», написанное примерно в первых числах апреля, было последним его письмом к Розанову. В нем, в частности, сообщалось: «...нашел на столе „Уединенное“, схватил, прочитал раз и два, насытила меня Ваша книга ⟨...⟩ глубочайшею тоскою и болью за русского человека ⟨...⟩. Господи помилуй, как мучительно трудно быть русским! Ибо ни один народ не чувствует столь глубокой тяги земной и нет на земле больших *рабов Божьих,* чем мы, Русь. ⟨...⟩ Читая Вашу книгу, — Вам кричал это, не зло кричал, а с великой болью за Вас и, право, с любовью к Вам. Какой у Вас огромнейший талант, какая жадная, живая, цепкая мысль» (*Горький.* Т. 10. С. 9).

[5] Вайсберг Ф., совладелец типографии в Петербурге (Екатерининский канал, 71—6). В 1911—1913 гг. в типографии Ф. Вейсберга и П. Гершунина печатались популярно-просветительские брошюры Н. А. Рубакина. Также в этой типографии печатались книги Розанова «Около церковных стен» (1906. Т. 1—2), «Ослабнувший фетиш: (Психологические основы русской революции)» (1906), «Темный Лик: Метафизика христианства» (1911), позднее — «Апокалипсическая секта: Хлыста и концы» (1914).

[6] В более развернутом виде эпизод, пересказанный в письме, Розанов впоследствии предназначал для оставшегося неопубликованным при его жизни сборника «Сахарна», однако в окончательный его состав запись введена не была. См.. *Розанов.* [Т. 9]. С. 243, 245.

[7] Радостными переменами Розанов делился также с П. А. и А. М. Флоренскими (письмо от ⟨7 мая 1912 г.⟩): жена моя впервые умылась сегодня больною левою рукою, т. е. умыла лицо нормально, „как человек“, обеими руками, и *водою*: а то она почти уже 2 года несчастная могла лишь вытирать мокрою губкою, держа ее в правой здоровой руке...» (*Розанов.* [Т. 29]. С. 268).

51
Розанов — Измайлову
После 10 мая 1912 г., С.-Петербург

Дорогой Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ексеевич⟩!

Верните мне письма Горького и Рочко[1]. Боюсь, не потеряли ли Вы: между прочим, не имею *адреса* Рочко: а нужно ему написать. Жду В⟨ашей⟩ рецензии.

Ваш любящий

В. Розанов.

Письма не пишите для краткости.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 13. На бланке газеты «Новое время».

[1] См. примеч. 3 и 4 к п. 50.

52
Измайлов — Розанову
До 19 мая 1912 г., С.-Петербург

Пристыдили Вы меня, дорогой Вас⟨илий⟩ Вас⟨ильевич⟩. — Я, всегда аккуратный, ныне задержал возврат писем. Это потому, что от Рочко хотелось взять один-другой штрих для своей статейки о книге, — так у него многое сказано хорошо и метко, а главное — неолитературщенными словами, от к⟨ото⟩рых мне уже нет спасения. Так и хотелось сделать две-три заметки для себя, а день был обычный — хаос.

Поразит⟨ельно⟩ интересно письмо Горького[1]. Хороший он человек в детской прямоте своей. Мне бы вот так не сказать, ясно расчленяя нравящееся от неприятного в человеке и писателе.

Клавдия душевно благодарит Вас за книгу. Она прочла ее до послед⟨ней⟩ буквы и ссылается на нее, как на евангелие[2]. Мне приятна особ⟨енно⟩ одна в этом черта. Своим религиоз⟨ным⟩ тяготениям

она, воспитанная в отвлечении от этих мыслей, ищет всегда авторитетных подкреплений. В этом смысле Ваши настроения было для нее радостно и утешит⟨ельно⟩ встретить. Она просила Вас от всей души поблагодарить.

Сердечно рад Вашей семейной радости. Что мож⟨ет⟩ быть выше этого возвращения от безнадежности в радость, от умирания в жизнь![3]

Любящий Вас

А. Измайлов

P. S. Думаю написать целый фельетон об «*Уед⟨иненном⟩*» в «Биржевке».

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 188—189 об. На письме дата: «VI — 1912», по-видимому, проставлена рукой Розанова по памяти и неточно. Письмо по содержанию написано до появления 19 мая 1912 г. первой статьи Измайлова об «Уединенном».

[1] См. примеч. 4 к п. 50.

[2] Вероятно, экземпляр «Уединенного» был послан Розановым в подарок.

[3] Подразумевается некоторое улучшение в состоянии здоровья В. Д. Бутягиной. См. п. 50.

53
Измайлов — Розанову
14 июня 1912 г., С.-Петербург

14/VI — 1912

Дорогой Василий Васильевич,

С тысячею извинений возвращаю Вам столь долго задержанный портрет Ваш. К сож⟨алению⟩, Здобнов сделал мне только один снимок вместо просимых нескольких, и я не могу послать Вам даже того маленького процента, какой был бы естествен при возвращении. Но негатив цел и, по его возвращ⟨ении⟩ в С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨ург⟩, я закажу и пришлю Вам один-другой экз⟨емпляр⟩.

С книгой Сытин что-то безбожно задержал. Не пойму, что такое[1].

На днях от одного из читат⟨елей⟩ и почитателей Ваших я получил письмо с извещ⟨ением⟩, что в этом июне истекло 30 лет педагогич⟨еской⟩ деят⟨ельности⟩ В. В. Роз⟨анова⟩ и что он мог бы дать нам о сем статью. Переговорив с ред⟨актором⟩, я мог ему ответить просьбой — прислать статью[2].

А ведь это, д⟨олжно⟩ б⟨ыть⟩, совпадает и с юбил⟨еем⟩ литературным?[3] Я знаю Ваши взгляды насчет чествований, но газетн⟨ые⟩ статьи — дело особое. И если Вы подтвердите факт, — Вам сотворим триумф.

Когда я пишу, что-ниб⟨удь⟩ «критическое», я не знаю ясно, было это хвалой или обидело. И всегда, — за редчайш⟨им⟩ исключ⟨ением⟩ — было ощущение и боязнь, — кажется, обидел. Это, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, г⟨ово⟩рит о моей относительной искренности в наш век прелюбодейный и грешный. Ради этого, если я сказал Вам что-ниб⟨удь⟩ терпкое, по пов⟨оду⟩ «Уед⟨иненного⟩», простите меня[4].

У меня радость — в кармане письмо издат⟨еля⟩ с отпуском на м⟨еся⟩ц, и я на днях уеду из СПб в место, где можно купаться, ходить по лесу, набрасывать драму (совсем забыв о газете) и не разлучаться с «К⟨лодиной⟩», говорящей о Вас всегда с душевным уважением.

Душевно Ваш

Ал. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 190—191 об.

[1] Измайлов говорит о своей книге «Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья», вышедшей в Москве в 1913 г. в издательстве И. Д. Сытина. Первоначально в эту книгу Измайлов планировал включить и статью о Розанове. Очерки о писателях-современниках критик предполагал снабдить их автографами и фотопортретами. В письме, вероятно, речь идет о возвращении фотопортрета Розанова. Объявленная к публикации, статья о Розанове не была включена в книгу. См. п. 11 в переписке Измайлова с А. В. Амфитеатровым в наст. изд.

[2] К 30-летнему юбилею педагогической деятельности Розанова в газете «Биржевые ведомости» была опубликована статья под псевдонимом Измайлова (Аякс), написанная самим Розановым; материалы других авторов по этому поводу нам неизвестны: *Аякс.* В. В. Розанов: (К 30-летнему юбилею. 1882—1912 гг.) // *БВ.* Веч. вып. 1912. 21 нояб. (№ 13260). С. 5—6. Подробнее см. коммент. 1 к п. 61.

[3] См. п. 54.

[4] Измайлов извиняется за резкие высказывания в своем фельетоне об «Уединенном»; см. примеч. 3 к п. 49.

54
Розанов — Измайлову

Июнь 1912 г., ст. Сиверская,
д. Белогорка, С.-Петербургская губ.

Ст⟨анция⟩ Сиверская Варшавск⟨ой⟩ ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩, имение Белогорка, дача № 11.

Конечно, за всё (об «Уед⟨иненном⟩») — спасибо[1]; не поблагодарил, ибо «перо враг мой» (устал очень). Да ведь и вот что:

1) В расположении дружбы и понимании В⟨ами⟩ я ***уверен***. Чего же больше: при ***этом*** фоне можно и ругать — всё будет приятно, ибо всё уже вытекает не из каменистого, а из сочувствующего, хотя бы и ревниво-враждебного отношения. Только NB: не понравилось: «он даже готов жать руку Победоносцеву»[2]. Может, Вы его не знали, или это слова *ad redactorem**, бывает — изредка — у всех опытных. Никто не подозревает, что «святой» Рачинский[3], 20 лет живший в избе с ребятами и учивший их грамоте — был в 40 раз консервативнее, жестче и ненавистнее к «новым движениям» *Победоносцева,* который даже «Рел⟨игиозно-⟩фил⟨ософские⟩ собрания»[4] *без устава* ⟨раз⟩решил и попросил Плеве[5] не вмешиваться. Ну и т. д. ***Потом*** все узнают.

На учительство определен с 1 июля 1882 года[6]. 1-й труд печатный вышел к 10-му августа 1886 («О понимании»)[7]. Об образовании: педагог я был неважный, рассеянный, «свои мысли» и проч⟨ее⟩, но важна книга собственно о министерстве просвещения — «Сумерки просфещения» ⟨так!⟩ (1893 год в «Русск⟨ом⟩ Вест⟨нике⟩») и «Афоризмы и наблюдения», в 1894 в «Русск⟨ом⟩ обозрении»[8].

Целую друга от души. Варюше немного лучше, после года энергичнейшего лечения; вообще она прояснилась. Кл⟨одине⟩ поклон и целую . В моих теориях пола то доброе, что они меня (всю

* для редактора (*лат.*).

душу подвинули) сделали удивительно добрым, ласковым, *активно* ласковым и внимательным к Кл⟨одинам⟩, и вообще всем любвям, которые я все люблю как собственные, мне все они милы, — приятны, благородны, — хотя это не «я» и «не со мною». И это я считаю правильной точкой зрения, которая если б распространилась, то много бы горя и слез утерла.

В. Р⟨озанов⟩

Пожалуйста — от Здобнова мне на мой счет — 12 карточек (кабинетных). У меня нет, а многие просят.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 48—49 об. На бланке редакции газеты «Новое время».

[1] См. п. 49 и примеч. 3 к нему, п. 52 и примеч. 4 к п. 53.

[2] Рассуждениями о К. П. Победоносцеве открывается третья часть статьи Измайлова об «Уединенном»: «Розанов ворчит на жизнь, на людей, на литературу, заполненную Бобчинскими, бросает мимоходные мысли о Чернышевском, которого „я бы поставил не только во главе министерства, но во главе системы министерств", о Боборыкине, о Победоносцеве, которому было „наплевать" на общественное мнение. Как мне нравится Победоносцев, который на слова: „это вызовет дурные толки в обществе", остановился и не плюнул, а как-то выпустил слюну на пол, растер и, ничего не сказал, пошел дальше... Розанов сам так возненавидел газетных Бобчинских, что готов в этом случае с удовольствием пожать хотя бы такую руку, как победоносцевская» (*Измайлов А. А.* «Уединенное» — новая книга В. В. Розанова // *БВ.* Веч. вып. 1912. 22 мая. (№ 12948). С. 5).

[3] Переписку Розанова и С. А. Рачинского см.. *Розанов.* [Т. 29]. С. 413—605.

[4] «Религиозно-философские собрания» — встречи литераторов, богословов, религиозных философов; проходили с ноября 1901 г. по апрель 1903 г. в Петербурге в зале Русского географического общества (Чернышёва пл., 2). Устраивались по инициативе Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философова, В. В. Розанова, В. С. Миролюбова, А. Н. Бенуа, В. А. Тернавцева и др. с согласия обер-прокурора Св. синода К. П. Победоносцева и митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского). О Религиозно-философских собраниях подробнее см.. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 гг. М., 2004. С. 176—177; Записки петербургских религиозно-философских собраний: 1901—1903. М., 2005. 543 с.

[5] В. К. фон Плеве, министр внутренних дел (1902—1904); убит эсером Егором Созоновым в Петербурге.

[6] Розанов сообщает факты своей биографии в связи с желанием газеты «Биржевые ведомости» откликнуться на юбилей публициста. См. п. 53.

[7] «О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (М., 1886) — философский труд Розанова, первое опубликованное произведение мыслителя, вышедшее в начале июня 1886 г.

[8] Цикл статей по вопросам образования «Сумерки просвещения» («Русский вестник». 1893. № 1—3, 6) и «Афоризмы и наблюдения» («Русское обозрение». 1894. № 10—12) наряду с другими ранними статьями Розанова составили сборник «Сумерки просвещения», изданный П. П. Перцовым в 1899 г. Подробнее см.. *Розановская энциклопедия*. Стб. 2186—2190.

55
Измайлов — Розанову
7 июля 1912 г., Тарховка, С.-Петербургская губ.

7. VII.

Дорогой Василий Васильевич,

Мой отъезд на месяц в деревню помешал мне выполнить в отнош⟨ении⟩ Вас, как юбиляра, мою повинность (приятную). Уезжая, я просил В. Ф. Боцяновского[1] выполнить это дело за меня, побеседовав с Вами, — этот план был ободрен редактором. Если он еще не списывался с Вами и обратится впереди — пойдите ему навстречу. Думается, беседа может выйти исключительного интереса. Если замедлится до меня, — я это выполню. Живем с К⟨лодиной⟩ в Тарховке. Купание, лес, благодать и *ничегонеделание*. Даже газет не читаю. К⟨лодина⟩ Вам оч⟨ень⟩ благодарна за добрую приписку и жалеет, что Вас невозможно увидеть нашими гостями.

Ваш Изм⟨айлов⟩

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 193. На почтовой карточке адрес: «Никол. ж. д. Ст. Сиверская, Белогорка, дача 11. Вас. Вас. Розанову».

[1] В. Ф. Боцяновский, сотрудник «Биржевых ведомостей», автор воспоминаний об Измайлове, подробнее о нем см.. Воспоминания В. Ф. Боцяновского о Федоре Сологубе, Евтихии Карпове, Александре Измайлове / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. С. Александрова // *РЛ*. 2012. № 3. С. 176—188; *Боцяновский В. Ф.* Трагедия Блока / вступ. ст., подгот. текста и комм. А. С. Александрова // Блоковский сборник. № 5. СПб., 2016. С. 372—397

56

Измайлов — Розанову

Вторая половина августа 1912 г. ⟨?⟩, С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Запамятовал Ваш новый адрес[1], — пишу на газету.

«Аще обретох благодать пред тобою, не мини раба твоего!»[2]

30
августа,
В день иже во с҃тых отца наших, бл⟨аговерного⟩ кн⟨язя⟩
Александра
Невского.
17 лин., д. 70.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 144. На бланке «Биржевых ведомостей». Письмо-приглашение на именины. Письмо не датировано, но, судя по всему, относится к 1912 г., т. к. вклеено Розановым в альбом с письмами 1912 г. Измайлов также упоминает о новом адресе, куда Розанов с семьей переехал летом 1912 г. (см. примеч. 1). Об именинах Измайлова см. подробнее примеч. 1 к п. 22.

[1] Квартиру на Коломенской ул. (д. 33, кв. 21) Розанов с семьей снял в июне 1912 г. и проживал здесь до августа 1915 г.

[2] Быт. 18: 3.

57

Розанов — Измайлову

2 сентября 1912 г. ⟨?⟩, С.-Петербург

Коломенская, д. 33. кв. 21
Ал. Ал. Измайлова и
его очаровательную
Клодину (непременно!!
переговорив — «да!»)
ждет уединенная семья
Коломенских (д. 33 кв. 21)[1]

Отшельников,

между 5—10 вечера в это воскресенье, т. е. сейчас[2].

Ибо: в 2 ч. мы обедаем, до 4-х почиваем, а в 10 моя больная ложится спать, и всё делается тихо.

Знаю, не удобно Вам: но приходите к чаю в 5 часов, в 8 мы закусываем, и после закусыванья в 9—10 еще пьем чай.

Ваши друзья, — и из дочерей по крайней мере одна «почитательница» «хитрого Измайлова» (ее слова)[3].

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 53. На бланке редакции газеты «Новое время». Обращение относится к началу сентября 1912 г. — как ответный жест после приглашения на именины к Измайлову 30 августа 1912 г. См. п. 56.

[1] См. примеч. 1 к п. 56.

[2] Розанов приглашал Измайлова 2 сентября 1912 г.

[3] Вероятно, А. М. Бутягина.

58
Измайлов — Розанову

4 сентября 1912 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Вышло с моей стороны почти свинство, — я не только не мог приехать, но до сего дня не мог и извиниться перед Вами.

В воскресенье я прочитал Ваше письмо поздним вечером, — с утра уезжал в Гатчину[1]. Вообще, к великому моему сожалению, простой выезд куда-либо мне приходится комбинировать за несколько дней, при хронической занятости. Это, вероятно, и Вам очень хорошо известно по себе. Свободный вечер высматривал за четыре дня.

Но надо было сейчас же повиниться, а я вот два дня проносил эту необходимость в себе. Так некогда, — и опять подошли разъезды.

Простите, ради Бога, и попросите извинить нас Вашу супругу, коей от души желаю доброго здоровья.

Искренне Ваш

А. Измайлов.
4 сент⟨ября⟩ 1912.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 142—143.

[1] В Гатчину Измайлов выезжал для написания цикла статей об А. И. Куприне, см.. *Аякс* [Измайлов А. А.]: 1) У А. И. Куприна // *БВ.* Веч. вып. 1912. 7 сент. (№ 13131). С. 4—5; 2) Новая пьеса А. И. Куприна // Там же. 1912. 8 сент. (№ 13133). С. 5—6.

59
Розанов — Измайлову
4 сентября 1912 г., С.-Петербург

Всё посылаю[1]. Кланяюсь Клодине. Она очень мила. Очень благородна. Только надо.

Re⟨ci⟩p⟨e⟩: Caly bromati 0,1

Aqua distillata. 0,9*[2]

и — покой.

Берегите её. Это вам Бог послал. Обычно холостые литераторы «паршивеют и закисают» к 40-ка годам: да и как иначе?! Но женщина всё спасает: чем? Духом, телом, всем. Всем *иным* нежеле всё наше... «закисанья» не образуется, ибо «встречные токи» (с нами) образуют вихри, водовороты, течения, и словом, *жизнь и движение.* Тут и дух, и *физиология,* и культура. И, словом, — «сам Бог»... Очень, очень милая, и такая правдивая, и Вас страшно любит, до «столбняка». Это даже опасно *для нее,* и вот отчего приходит мысль о сбережении ее[3].

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 57 На бланке газеты «Новое время».

* Рецепт: Бромид калия 0,1, дистиллированная вода 0,9 (*лат.*).

[1] См. п. 60.

[2] Бромид калия (калий бромистый) — широко использовался как противосудорожное и седативное вещество в конце XIX и начале XX в.

[3] Письмо, видимо, написано после состоявшейся встречи.

60
Измайлов — Розанову
5 сентября 1912 г., С.-Петербург

5 сент⟨ября⟩.

Дорогой Василий Васильевич,

Бесконечно благодарю Вас за всё, — за портрет, автограф[1], Р. Церковь[2], книгу «Клодине» и за ласку, прозвучавшую в вашей записочке о ней. Она страшно Вам благодарна, — конечно, не верила, что Вы запомните и действительно пришлете книгу. Читает, делится со мной. Хотя мы уже несколько вечеров специально вдохновлялись Вашей книгой.

О портрете не беспокойтесь. Я даже не буду его посылать в цинкографию. Но, с Ваш⟨его⟩ позволения, пересниму его и пошлю в Москву уже только копию, а это немедля верну Вам.

Душевно любящ⟨ий⟩ Вас

Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 161.

[1] Вероятно, подразумевается автограф и портрет, предназначавшиеся для статьи о Розанове в книге Измайлова «Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья» (1913). Под автографом может также пониматься очерк «себя и трудов своих» «к 30-летию учительства», написанный Розановым и опубликованный под псевдонимом Измайлова Аякс в ноябрьском выпуске «Биржевых ведомостей» (см. п. 61, 62).

[2] Подразумевается книга Розанова «Русская церковь: Дух. Судьба. Очарование и ничтожество. Главный вопрос» (СПб., 1909), отпечатанная в тип. А. С. Суворина.

61
Розанов — Измайлову
Начало ноября 1912 г., С.-Петербург

Дорогой Александр Алексеевич!

Смущение берет меня — *отослал* ли я Вам «очерк себя и трудов своих» к 30-летию учительства?[1] Я тогда же *исполнил* и должен был послать *заказным:* но от Вас нет отзыва, а по смыслу — он должен бы быть, и я не понимаю, 1) послал я? 2) или затерялось? или 3) Вы не здоровы, или «совсем некогда».

Ответьте 1-ой строкой.

Коломенская д. 33 кв. 21

Ваш любящий

В. Розанов.

Кажется, дней через 7 я уезжаю за границу[2].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 55.

[1] *Аякс.* В. В. Розанов: (К 30-летнему юбилею. 1882—1912 гг.) // *БВ.* Веч. вып. 1912. 21 нояб. (№ 13260). С. 5—6. Статья написана Розановым. Подписана известным псевдонимом Измайлова. Черновой автограф сохранился в НИОР РГБ (Ф. 249. Карт. 9. № 33). В конце автографа статьи приписка Розанова: «Нельзя ли целиком поместить в „Нов‹ом› Слове", а выдержки по Вашему усмотрению в „Биржевых В‹домостях›"» (цит. по: *Розановская энциклопедия.* Стб. 422). Современный исследователь отмечает: «Треть рукописи Розанов отвел своей книге „О понимании" Этот материал был исключен редакцией при публикации статьи» (*Ломоносов А. В.* Измайлов Александр Алексеевич // Там же). Появление публикации было отмечено корреспондентами Розанова, например, А. П. Устьинский в письме от 9 декабря 1912 г. к Розанову отмечал: «Наконец-то я дождался фельетона о Вас. Добрейший А. А. Измайлов напомнил в „Биржевых Ведомостях" (за 5-е декабря) русскому обществу о тридцатилетии Вашей литературной деятельности. Я готов прыгать от радости, по этому случаю» (НИОР РГБ. Ф. 249. Карт. М4209. Ед. хр. 13. Л. 53; дата публикации указана неточно). См. также п. 64.

[2] Предполагавшаяся поездка за границу связывалась с необходимостью для В. Д. Бутягиной пройти курс лечения. Ср. с ноябрьской записью, включенной во второй короб «Опавших листьев»: «Завтра консилиум из 4-х докторов: „можно ли и целесообразно ли везти за границу" ‹...› В банке долгу 5000, и „на заграницу" придется взять тысячи 3» (запись от 9 или 10 ноября 1912 г. // *Розанов.* [Т. 30]. С. 320—321). Заграничная поездка Розанова не состоялась. 20 ноября 1912 г. Варвара Дмитриевна была госпитализирована в петербургскую клинику вел. кн. Елены Павловны.

62
Измайлов — Розанову
После 15 ноября 1912 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Простите мое свинство и неблагодарность. Получено. Тогда же вделано в рамку и сдано в набор, Бонди[1] в первые дни был страшно доволен, а теперь не дождешься от него, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ поставил. Смутило его то, что уж дата точная (июнь) миновала[2]. На днях настою, чтоб это поставил в газету. С Балканами, Думой, рядом смертей — Антония, Мамина — совсем ничему нет места[3].

Беседа преинтересная, — в особ⟨енности⟩ для почитателей Ваших, от к⟨ото⟩рых Вы биографию Вашу доселе вовсе утаили.

Еще раз простите. Поначалу немедленно хотел Вас поблагодарить и уведомить. Потом со дня на день думал, что отвечу самым делом. Так никогда отложенное не восполняется.

Догадываюсь, что заграницу подсказывает Вам болезнь Вашей супруги. Да сохранит ее Бог.

Ваш искренно

А. И⟨змайлов⟩

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 145—146.

[1] Бонди В. А., литератор, редактор журнала «Огонек» и газеты «Биржевые ведомости».

[2] Речь идет об очерке «В. В. Розанов: (К 30-летнему юбилею. 1882—1912 гг.)»; подробнее см. примеч. 1 к п. 61. Имеется в виду начало педагогической деятельности Розанова. Ранее он называл другую дату: «На учительство определен с 1 июля 1882 года» (см. п. 54).

[3] Подразумеваются события, находившиеся в центре общественного внимания в начале ноября 1912 г.: Первая Балканская война (9 октября 1912 г. — 30 мая 1913 г.); первая сессия Государственной думы IV созыва (открылась 15 ноября 1912 г.); кончина 2 ноября 1912 г. митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (в миру Александр Васильевич Вадковский); смерть писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка 15 ноября 1912 г.

63
Розанов — Измайлову

Конец ноября 1912 г., С.-Петербург

Ах, друг милый Саша! Чудные портреты, благодарю за надпись[1]. Более всего мне в Вас нравится, что у Вас *порода* глубоко русская, которую Вы не испортили легкомыслием, ни иностранщиной. «Ума не занимать стать». Клодина великолепна. Знаете, каюсь: я в столовой сказал ей: «ну, поцелуйте меня». «Ведь 60 лет: это ничего не стоит»[2]. Отказалась. Я даже ахнул в душе. Только с ребенком она была сурова, когда укладывала спать. *А ребенок на чудо хорош* и, я думаю, талантлив. Увы: портреты пойдут в Румянцевский с Вашими мне писульками. Там мой Архив[3]. И Вы пришлите 2-ой экз.

В. Розанов.

Посылаю чуть не через неделю: ни конвертов, ни марок, ни досуга даже сходить в ватер. Целую, обнимаю, всего любящий В. Розанов.

Очень извиняюсь, что хотел поцеловать
Клодину. Но я же не виноват, что она хороша.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 46.

[1] Розанов благодарит Измайлова за высланные на память фотографии: снимок, снятый с портрета Измайлова кисти неизвестного художника, и фотографию, где он запечатлен вместе с Клавдией Владимировной. Фотографии сохранились в архиве Розанова вместе с письмами Измайлова (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 147). На фото с «Клодиной» дарственная надпись: «Дорогому Василию Васильевичу Розанову от искреннейшего почитателя его человеческой интересности и его огромного, оригинальнейшего таланта. С любовью и уважением А. Измайлов».

Под фотографией маргиналия рукой Розанова: «Измайлов и его „Клодина" — его слова. Очень милая женщина (с ребен⟨ком⟩) очень несчастная в замужестве, очень его любящая».

[2] Розанову было 56 лет.

[3] Розанов еще при жизни начал передавать свой архив на общественное хранение в Румянцевский музей в Москве. Подробнее: В. В. Розанов о ближних и дальних: (Пометы к письмам корреспондентов) / вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Ломоносова // Литературоведческий журнал. 2000. № 13/14. Ч. 1. С. 75—76.

64
Розанов — Измайлову
Конец ноября 1912 г., С.-Петербург

Спасибо, дорогой Александр Алексеевич!

Всё очень хорошо вышло, — и старательно, и со смыслом. И кое-что очень нужное вообще[1]. — — — Не сохранилось ли у Вас моего оригинала, нельзя ли его достать из типографии. Из Москвы мне пишет один молод⟨ой⟩ автор, что составил книгу-брошюру обо мне и главнейше посвященную книге «О понимании»[2]. И вот я думаю было бы полезно послать ему самое краткое и очень удачное изложение хода моей мысли в этой книге. Я и знал почти, что место это в *«Бирж⟨евых⟩ Вед⟨омостях⟩»* не может пройти: а в брошюре очень идет. Но это — если не затруднит Вас. Целую Вас крепко. Думаю всё о «†» или «о еже ниспослати христианского конца животу нашему». *Думать*, батюшка, можно во всех странах, «и с иудеем и с эллином», а умирать можно только *со своими*. Между прочим в Вас меня всегда тянула «семинарская закваска»[3], что из «Божьей родни», как называл их новгородец Передольский[4]: хотя и *бывают* же они иногда...

Ну, не стану говорить.

Жму руку. Ваш печальный

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 44—45.

[1] Розанов пишет о статье, основу которой он подготовил сам: *Аякс.* В. В. Розанов (См. примеч. 1 к п. 61). В редакции «Биржевых ведомостей» материал подвергся правке и значительному сокращению, которые Розанов одобряет в письме.

[2] «О понимании: опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (1886); подробнее см.. *Розановская энциклопедия.* Стб. 1758—1762.

[3] Имеется в виду происхождение Измайлова из духовного сословия и полученное им духовное образование.

[4] В. С. Передольский, историк, археолог, выдающийся новгородский краевед: крупный собиратель древностей края и «пионер новгородской археологии».

65
Измайлов — Розанову
Конец ноября 1912 г., С.-Петербург

Дорогой Василий Васильевич,

Извиняюсь, что с таким замедлением возвращаю Вам оригинал Вашей рукописи. Ее не так легко было отыскать. По оригиналу Вы убедитесь, что она не была в руках наборщиков. Я посылал в типографию, как и говорил Вам, передиктованную рукопись[1].

Не могу не сознаться, что возвращаю Вам не без большого сожаления.

Попутно посылаю номер провинциального издания, куда только недавно вошла статья о Вас[2].

Здобнову я передал Ваш заказ. Он сказал, что желание Ваше исполнит, но «почему бы ему не зайти ко мне сняться теперь. Я с большой неохотой печатаю карточки с чужих негативов. Мне гораздо приятнее было бы получить Розанова современного».

Встретив недавно о. Н. Антонова[3], я узнал о Вашем горе и о том, какое расстройство оно внесло в Вашу жизнь[4]. Очевидно Вам теперь не до фотографий. Но если бы туча прошла, и к Вам вернулось Ваше благодушие, Вы очень порадовали бы старика Здобнова, питающего к нашей братии большую симпатию и снимающего литераторов почти бесплатно. Да поднимет Бог Вашу больную.

Ваш А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 148.

[1] Речь идет о рукописи статьи — «В. В. Розанов: (К 30-летнему юбилею. 1882—1912 гг.)»; подробнее см. примеч. 1 к п. 61.

[2] Имеется в виду статья о Розанове (см. примеч. 1) во втором издании «Биржевых ведомостей», распространявшихся в провинции.

[3] См. примеч. 10 к п. 9.

[4] Вероятно, речь идет о госпитализации В. Д Бутягиной. См. примеч. 2 к п. 61.

66
Измайлов — Розанову
24 декабря 1912 г., С.-Петербург

Дорогому имениннику[1] — счастья, больной — здоровья, всем радостного года.

Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 196. Телеграмма отослана 24. XII. 1912 г. на адрес: Коломенская 33, кв. 21.

[1] См. примеч. 1 к п. 41.

67
Розанов — Измайлову
Начало 1913 г., С.-Петербург

Дорогой Александр Алексеевич!

Не откажитесь мне сейчас же сообщить *адрес* и *телефон* господина, у которого, — Вы сообщали, — очень много греческих древних монет. Теперь выпадет дней 10 полегче, и я бы с удовольствием поехал в них покопаться[1].

Что за мистификация, что «Изм⟨айлов⟩ Ал. Ал. член комисс⟨ии⟩ литер⟨аторов⟩» и пр. *Камская, 20* Тел. 459-49 во «Всем Петерб⟨урге⟩»[2].

Кланяюсь. Жму руку

Ваш В. Розанов.

Коломенская, д. 33, кв. 21.
Тел. 467-87.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 50.

[1] Розанов был обладателем значительной коллекции древнегреческих и древнеримских монет (подробнее об этом см.. *Розановская энциклопедия*. Стб. 1751—1756).

[2] Запись о том, что Измайлов является сотрудником «Постоянной комиссии, состоящей при Императорской Академии наук, для пос. нуждающихся ученых, литераторов и публицистов», появилась в справочнике «Весь Петербург» за 1912 г. В данном случае подразумевается справочник на 1913 г. (Весь Петербург на 1913 год: 20-й г. изд. СПб., [1913]. С. 255), где Камская ул. 20 значится как адрес проживания брата Измайлова — Алексея Алексеевича.

68
Измайлов — Розанову

Конец 1915 — первая треть 1916 г. ⟨?⟩, Петроград

Дорогой Василий Васильевич,

Вы не знаете Проппера и не можете поэтому представить, с какими трудностями сопрягалась бы попытка введения в состав редакции нового члена, хотя бы для временной замены отъезжающего сотрудника. Когда я заговорил об отъезде и замене себя другим лицом, — членом же редакции — я встретил категорический отказ. Он у нас полновластный хозяин, и даже советы наши ему не нужны. Всё, что представляется мне возможным извлечь Вам из нашей газеты, — это сотрудничество по части передовиц, — не общего фельетонного характера, но по тем вопросам, к⟨ото⟩рые Вам детально известны и по которым можно сказать что-либо действительно новое.

Всё это очень грустно, но что делать. Самочувствие всех нас вообще скверное.

Вы пишете в Подъяческую. Нужно в Мещанскую[1]. Ваше письмо проблуждало на почте, и вот почему я получил его позже, чем следовало, и отвечаю Вам несвоевременно.

Шлю привет.

Ваш А. Изм⟨айлов⟩.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 467 Л. 18—18 об. По-видимому, это ответ на несохранившееся письмо Розанова.

[1] Розанов неверно указывает адрес; главная контора находилась по адресу: Невский пр., д. 28. По адресу Мещанская ул., д. 25 располагалась редакция «Биржевых ведомостей».

69
Розанов – Измайлову
Апрель–май 1916 г.⟨?⟩, Петроград

Чудно о Куропаткине[1].

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 71. Вероятно, эта недатированная записка относится к апрелю — маю 1916 г.; см. примеч. 1.

[1] Предположительно, Розанов восхищается какой-то статьей в «Петроградском листке», которая в свою очередь послужила поводом для упоминания Куропаткина в фельетоне июля 1916 г.: «Кто истинно счастливый человек»: (из тем Карамзина) // Московские ведомости. 1916. 2 и 6 июля (№ 152, 153); *Розанов.* [Т. 24]. 275—276.

70
Измайлов – Розанову
Июль 1916 г., Петроград

Глубокоуважаемый Василий Васильевич,

Редакция «Петроградского Листка» очень просит Вас не отказать ей в любезном сообщении (для печати) фактических (анекдотических) сведений о Вашем летнем отдыхе и о Ваших новых литературных работах (более или менее подробно).

Вы были бы очень добры, если бы и впредь не поставили себе в труд оказывать подобные услуги литературному отделу газеты[1].

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

А. Измайлов

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 467 Л. 17 Типовое, на бланке «Петроградского листка» (Екатерининский канал, 31). Обращение — рукой неизвестного; подпись — рукой Измайлова. В архиве Измайлова в коллекции с письмами Розанова сохранился конверт с датой на штемпеле: «31.7.1916». Само письмо прозаика не выявлено. Возможно, в этом конверте был отправлен ответ на обращение Измайлова.

[1] Сведения о своем летнем отдыхе Розанов не предоставил. В сентябре в «Петроградском листке» появилась статья, в которой сообщалось о летнем времяпрепрово-

ждении писателей (упомянуты Ф. Сологуб, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Л. Н. Андреев, А. В. Амфитеатров, А. И. Куприн, И. И. Ясинский, И. Н. Потапенко; П. Д. Боборыкин и мн. др.). См.. [Б. п.]. Писательский слет: (летние итоги) // Петроградский листок. 1916. 7 сент. (№ 246). С. 2; Там же. 9 сент. (№ 243). С. 2.

71
Розанов — Измайлову

12 сентября 1916 г. ⟨?⟩, Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

Спасибо за Чехова[1]. Посылаю Вам статейку. Дорогой: если бы Вы нашли возможным платить по 15 к.? *М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩?* Эта статья отвергнута в «Нов⟨ом⟩ Вр⟨емени⟩»; ибо «думают так и так». Ну, это — всё равно, а статья горячо сказана. И ей-ей, 15 к. стоит[2].

Жму руку.

Клодине поклон и «самое потихоньку» besé*.

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 51. Датируется по почтовому штемпелю на сохранившемся конверте. Надпись на конверте: «Городское. Екатерининский канал. Дом 31. Его Высокородию Александру Алексеевичу Измайлову. Редактору „Петроградского листка" *Личное* от В. Розанова».

[1] Подразумевается книга: *Измайлов А. А.* Чехов: 1860—1904: Биографический набросок. М., 1916. 592 с.

[2] Вероятно, речь идет о статье «В нашем милом обществе», опубликована в «Петроградском листке». 1916. 4 окт. (№ 273); *Розанов.* [Т. 24]. С. 381—383.

72
Измайлов — Розанову

Начало января 1917 г., Петроград

Дорогой Василий Васильевич,

Будучи у Вас, я не хотел омрачать Ваш именинный день[1] выклянчиванием статейки для своей газеты. Позвольте письму быть

---

* *искаж.* от *фр.* baiser — целовать; поцелуй.

назойливее меня самого. Зная, как Вы увлечены любимой работой, не смею просить специально сесть и писать «легкий жанр» для меня. Но Вы сами сказали, что посл⟨еднее⟩ время с «Н⟨овым⟩ В⟨ременем⟩» часто выходят несогласия, и статей не печатают. Нельзя ли рассчитывать на одну из таких? Вы бесконечно обрадовали бы меня. У «Листка», между прочим, такое изобилие «духовного» подписчика, как ни у какой газеты. Здесь Вас очень любят, и относятся к Вам с огромным интересом даже те, кто не любят. Порадуйте их и меня[2].

Искренно преданный Вам

А. Измайлов

Близится 10-я годовщина Победоносцева. Вот бы Вам рассказать, как он нагрянул однажды на Вас у м⟨итрополита⟩ Антония за беседой[3]. И, м. б., просто обновили бы нечто, что было когда-то напечатано в «Р⟨усском⟩ Слове»[4].

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 467 Л. 13—14. На бланке: редакция «Петроградского листка». Екат. кан. 31.

[1] См. примеч. 1 к п. 41.

[2] Сотрудничество Розанова с «Петроградским листком» не было особенно плодотворным. В этом издании в 1917 г. была опубликована статья Розанова: [Б. п.]. Надоевшие ноты // Петроградский листок. 1917 13 июля. (№ 182); *Розанов*. [Т. 24]. С. 513—514.

[3] Этот эпизод, возможно, в изложении Розанова, Измайлов пересказывал в статье 1909 г., посвященной 2-й годовщине смерти К. П. Победоносцева: «Вечером ⟨...⟩ к митрополиту, благословившему устройство религиозно-философских собраний и симпатизировавшему отчему делу, собрались запросто побеседовать учредители собраний: Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, архимандрит Антоний (Грановский, ныне находящийся на покое епископ Нарвский), В. М. Скворцов, издатель „Миссионерского обозрения" и вместе чиновник особых поручений при синодальном обер-прокуроре и некоторые другие лица. Радостный хозяин усладил беседу об отвлеченных материях, предложив своим гостям чай и легкую закуску. Вдруг во время беседы входит келейник и, к общему удивлению, докладывает митрополиту, что к нему пожаловал г. обер-прокурор синода, тогда всесильный и грозный К. П. Победоносцев. При этих словах произошла сцена, сильно напоминающая апофеоз гоголевского „Ревизора" Владыка направился навстречу новому гостю, приехавшему проведать болящего, а прочие приросли к своим местам. Митрополит представил К. П. По⟨бедоносце⟩ву всех гостей. Передают, что К. П., разговорившись, произнес громовую речь, в которой подверг критике деятельность религиозно-философских собраний» (*Измайлов А. А.* Победоносцев: (ко второй годовщине смерти) // *БВ*. Веч. вып. 1909. 11 марта. (№ 11002). С. 4—5).

[4] Розанов сотрудничал в «Русском слове» в 1895—1897 и в 1905—1911 гг. С 1905 г. — постоянный автор издания; публиковался под псевдонимом Варварин. Последняя статья Розанова в «Русском слове» вышла 15 ноября 1911 г., подробнее: *Розановская энциклопедия*. Стб. 2038—2040.

73
Розанов — Измайлову
13 марта 1917 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич!

Пришла беда, и помогите мне. «Нов⟨ое⟩ Вр⟨емя⟩» испугалось тем, что «рабочие депутаты» чуть не запретили его, отказывается что-либо печатать, если это не есть прямая ругань на царя и прошлое[1]. «Петр⟨оградский⟩ Листок» в этом отношении гораздо свободнее, и Вы понимаете, конечно, что руганью ничего не возыметь, а нужно разбирать дело. А нужно — есть, да и 5 чел⟨овек⟩ детей, и 2 больные[2]. Посылаю Вам ряд статей, не принятые в «Нов⟨ое⟩ Вр⟨емя⟩»[3].

Хочу еще одну написать — о распутинской истории, сближая ее с «Тартюфом» Мольера, но как Тартюфа понимаю я сам, а не критика. Эта статья задумана, а еще не написана[4]. Посылаю Вам статьи, в порядке, как я их писал для «Нов⟨ового⟩ Вр⟨емени⟩», а Вы распределяйте уже сами[5].

Только я изберу псевдоним: дело в том, что в «Н⟨овом⟩ Вр⟨емени⟩» мне повысили гонорар с 20 к. на 35, с тем, чтобы не печататься в других газетах. Но Вы понимаете, что 35×0=0. Я избрал псевдоним В. К-кий[6].

Может быть, Вы найдете возможность поговорить о мне и моем особенно трудном положении с Румановым[7]. Он крайне мне преданный человек и всё сделает, чтобы напечатать меня анонимно в «Бирж⟨евых ведомостях⟩» и в «Русск⟨ом⟩ Сл⟨ове⟩», в журнале, кажется, «Новое Слово» (особый для провинции).

Будьте другом.

В. Розанов.
13 марта.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 1. Неотправленное.

[1] С весны 1917 г., после Февральской революции, на страницах «Нового времени» публиковались материалы с критикой Временного правительства и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Мотивы публикаций «Нового времени» с февраля по октябрь 1917 г. — анархия, беззаконие, безвластие в стране (подробнее см.. *Малышев Д. В.* Газета «Новое время» и периодическая печать Петрограда в 1917 г. // Автореф... канд. ист. наук. СПб., 2004). Издание было закрыто в первый день после Октябрьской революции.

[2] Дети Розанова Татьяна (22-х лет), Вера (20 лет), Варвара (19 лет), Василий (18 лет), Надежда (16 лет). В семье продолжали болеть Варвара Дмитриевна Бутягина и дочь Вера, у которой врачи обнаружили легочный процесс (в 1916 г. находилась на излечении в санатории Халила).

[3] По-видимому, как и письмо, статьи отосланы не были.

[4] Вероятно, замысел не был воплощен.

[5] Статьи, вероятно, отосланы не были. В печати не появились.

[6] Публикации Розанова под этим псевдонимом неизвестны.

[7] См. примеч. 1 к п. 5.

74
Розанов — Измайлову
29 июля 1917 г., Петроград

Саша, милый! Не дай погибнуть. Дай *писать*[1]. Передовые. Без подписи. Лучше всего *скрой фамилию*. Не надо ее, окаянной, причины всех моих проклинаний. *Сделай личную дружбу*, объяви сотрудникам хоть фамилию *Сергеев Иван Алексеевич*, из товарищей по Академии, и который нуждается в заработке. Я буду тебе оставлять статьи в Редакции.

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 64. Дата карандашом, рукой Измайлова.

[1] Измайлов не успел откликнуться на просьбу Розанова. В августе вместе с семьей публицист покинул Петроград (см. примеч. 2 к п. 75).

75
Измайлов — Розанову
1 января 1918 г., Петроград

1 янв⟨аря⟩

Дорогой Василий Васильевич,

Все эти дни мороз, голод, тьма, беспутие (заносы и прекращение трамв⟨айного⟩ движ⟨ения⟩), ужасы бесправия изводили нас. Накануне Ваш⟨их⟩ именин, зная, что трамв⟨аи⟩ не пойдут, а извозчики не выедут, я написал Вам приветств⟨енное⟩ письмо, не надеясь лично побывать у Вас в Ваш день[1]. Утром позвонил по телеф⟨ону⟩ и — узнал, что добрый Бог уже надоумил Вас ранее покинуть наш проклятый город[2]. Благо Вам! Письмо разорвал, а привет шлю по указ⟨анному⟩ мне адресу.

Пусть Бог смилуется над Вами, над нами, над несчастной Россией. Душевно желаю Вам найти мир и спок⟨ойствие⟩ для любимой работы, в чем можно найти единственное ныне утоление печали. Всё валится в бездну, всё изнемогло, что несло в себе искру благородства, мечты совершенства и просто вкуса. Никакой Дост⟨оевский⟩ в «Бесах» не провидел всего нынешнего ужаса. Я не живу, а влачу существование. При деньгах — в доме холодно, голодно, темно (электр⟨ичество⟩ не горит), на дело хожу пеш, огромные концы — вперед и назад. Измучился, изнемог, для себя не живу, своих почти не видаю, своего — для души — дела не делаю, — газета берет всё, в награду ставя под риск каждодневного увоза в Смольный и посадки под арест.

Грущу, что Вы так далеко, но там бесспорно Вам и семье лучше, под епитрахилем святого Сергия[3]. Пусть он утвердит Вашу душу, — не сомневаюсь, — тоскующую и смятую. Углубитесь в Египет[4] и верьте в эту *нужную* работу, которая *когда-то* будет оценена, и, м. б., не так далеко это когда-то. Без веры в то, что настоящее не вечно, что здравый смысл вернется людям, а Бог вернется из безвестного отсутствия — надо было бы умереть.

Сердечный привет Вашей супруге и семье. Обнимаю Вас крепко.
Душевно Вам преданный

А. Измайлов.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 467 Л. 11—12 об. На редакционном бланке «Биржевых ведомостей».

[1] См. примеч. 1 к п. 41.

[2] В конце августа 1917 г. при содействии П. А. Флоренского и А. А. Александрова Розанов уехал с семьей из Петрограда и поселился в восточной части Сергиева Посада — Красюковке, в доме священника А. А. Беляева.

[3] Подразумевается Сергиев Посад (Сергиевский Посад, с 1919 г. — Сергиев), город Московской губернии, названный в память основателя Троице-Сергиева монастыря Сергия Радонежского.

[4] Измайлов указывает здесь на интерес Розанова к древнему Египту и на работу его над трудом «Возрождающийся Египет», выходившим отдельными выпусками под заглавием «Из восточных мотивов». Подробнее см.. *Розановская энциклопедия*. Стб. 1460—1462. Первый выпуск издания (Пг.: тип. «Сириус», 1916) Розанов подарил Измайлову с теплой дружеской надписью (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: аннотированный каталог; публикации / сост. М. С. Лесман [и др.]. М., 1989. С. 185).

76
Измайлов — Розанову
28 июня 1918 г., Петроград

Петроград 28/VI 1918 г.

Дорогой Василий Васильевич,

Что Вы? Как Вы? Прошла ли для вас та проклятая жуть, какой на меня повеяло от Вашей критики на полях «Апокалипсиса»?[1] Возьмите свою «душу в руки». Жутко всем. У нас в СПб настоящий голод, размеров к⟨ото⟩рого никогда я не предусматривал в самом страшном своем сне. Хлеба, кроме 1/8 (и то не каждый день), не достать *ни за какие* деньги. Вместо хлеба жарим какую-то дрянь из шкуры картофеля и сухих кореньев. Научился селедку есть без хлеба. По кладбищу хожу[2] и ем завязи акации, уже завидуя апостолам, «восторгавшим класы»[3]. Счастлив в тот день, когда удастся

достать конины... Ну, долго и нудно говорить об этих гнусностях чрева, о коих в обычн⟨ое⟩ вр⟨емя⟩ не хотел и думать.

Что Ваш «Апокал⟨ипсис⟩»? Я не знаю его далее, кажется, 5-й брошюрки. Продолжаете ли Вы его?[4] Ведь, вероятно, и там ужасны условия печатания. (Мы здесь погорели, печатаемся в чужой типографии и разоряемся)[5].

В эти дни в газетах часто мелькало Ваше имя. «Апок⟨алипсис⟩» дошел досюда. У нас были большие выдержки[6]. Упоминал о нем Мережк⟨овский⟩ на лекции[7]. Возгорелась и полемика в газетах на фоне осуждения Вами литературы русской, ничего не предугадавшей. Постанов шаблонный: «для Роз⟨анова⟩ не ново так хулить л⟨итерату⟩ру». Две вырезки посылаю[8]. Был бы счастлив, если мог в св⟨оей⟩ газете с Ваших слов сообщить бóльшую правду о Вас, чем фантазии газетчиков, вроде Дюбуа ⟨так!⟩[9]. Очень порадовался бы и письмом, и сообщением о себе для печати.

Недавно видел Буренина[10]. Физически бодрый, а духовно смят. «Хочу одного, — смерти». Крепко жму Вашу руку и дружески целую. Пошли Бог Вам и нам бодрости.

Иск⟨ренне⟩ Ваш

А. Измайлов

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 467 Л. 1—4. На редакционном бланке «Петроградского листка».

[1] «Апокалипсис нашего времени» — неоконченный труд Розанова, создававшийся в тяжелейших условиях 1917—1918 гг. Весной 1918 г. выпуски печатавшегося в Сергиевом Посаде издания (тип. И. И. Иванова) впервые доходят до Петербурга. На них появляется ряд рецензий и откликов (подробнее см.. *Литературная жизнь России 1920-х годов*. Т. 1, ч. 1. С. 68). В «Петроградском голосе» опубликованы с выдержками из «Апокалипсиса наших дней» 2 заметки без подписи (1918. 24 и 25 мая), в одной из которых, в частности, сообщалось: «Есть что-то жуткое в этих болезненных сомнениях, в этих воззваниях к когда-то спасавшему и жившему Христу и рядом, почти в отречении от бога, не умеющего накормить, и в готовности предпочесть язычество неудавшемуся христианству. Хаотичность, напоминающая страницы последних книг Ницше» ([Б. п.]. Литературный календарь: «Апокалипсис наших дней» // Петроградский голос. 1918. 25 мая. (№ 89). С. 2).

[2] Речь идет о Смоленском кладбище, рядом с которым проживал Измайлов по адресу: Васильевский остров, 17-я линия, д. 70. Несмотря на то что с переходом в «Пе-

трогpадский листок» он получил квартиру на Екатерининском канале, квартира у Смоленского кладбища оставалась за критиком.

[3] Ср.: «В то время иде Иисус в субботы сквозе сеяния; ученицы же Его взалкаша, и начаша востерзати класы и ясти» (Мф. 12: 1). См. также: Лк. 6: 1.

[4] С 15 ноября 1917 г. по 2 сентября 1918 г. вышло десять выпусков «Апокалипсиса нашего времени» с общей пагинацией. В архиве Розанова сохранились материалы на несколько десятков выпусков книги, не увидевших свет при жизни автора. Впервые опубликованы в кн.. *Розанов.* [Т. 12].

[5] Речь идет о пожаре в типографии «Петроградского голоса», уничтожившем значительные площади типографского цеха. Убыток исчислялся в 2000000 рублей. В огне погибли годовые комплекты «Петербургского листка» с 60-х гг. XIX в. Редакция и контора не пострадали, и газета нашла приют в другой типографии (подробнее см.. *Покровский А.* Пожар в тип. «Петроградского Голоса» // Петроградский голос. 1918. 27 марта. (№ 68). С. 2).Об этих же проблемах в редакции «Петроградского листка» Измайлов сообщал 26 июня в письме к Сологубу: «Крайние материальные затруднения (в результате пожара и других обстоятельств ⟨...⟩) вынуждают редакцию на крайнюю экономию по всем отделам» (Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: переписка с А. А. Измайловым. С. 287).

[6] См.. [Б. п.]. О чем пишут // Петроградский листок. 1918. 24 мая. (№ 88). С. 1; [Б. п.]. Литературный календарь: «Апокалипсис наших дней» // Петроградский голос. 1918. 25 мая. (№ 89). С. 2.

[7] Вероятнее всего, подразумевается лекция Д. С. Мережковского «Россия будет! (Интеллигенция и народ)» (12 мая 1918 г.), организованная Школой журнализма в Тенишевском училище. Эта лекция имела большой резонанс в печати. См. анонс лекции: [Б. п.]. «Россия будет»: (лекция Д. С. Мережковского) // Петроградский голос. 1918. 12 мая. (№ 78). С. 2; в газете приводились также выдержки из лекции: ([Б. п.]. «Россия будет»: (на лекции Д. С. Мережковского) // Петроградский листок. 1918. 14 мая. (№ 79). С. 2). В печатном тексте лекции, впрочем, имя Розанова не упоминается (см.. Южный огонек. 1918. № 15—16). Об откликах см. также: Литературная жизнь в России 1920-х годов. Т. 1, ч. 1. С. 186.

[8] Выдержки из откликов на «Апокалипсис нашего времени» см. в изданиях: Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1, ч. 1. С. 67—68; *Розановская энциклопедия.* Стб. 1224—1233. Вероятно, Измайлов отослал Розанову одну заметку из «Петроградского листка» (см. примеч. 1), другую из газеты «Новый вечерний час» (*Дюруа.* На Олимпе недавнего прошлого. III. В. В. Розанов // Новый вечерний час. 1918. 22 июня. (№ 96). С. 3).

[9] Имеется в виду заметка, подписанная псевдонимом *Дюруа.* В ней, в частности, сообщалось о решении Розанова распорядиться об уничтожении собственных книг, написанных «против евреев», что Измайлов счел «фантазией». Реальность этого факта прояснилась в ответном письме Розанова (см. п. 77). Ср. в заметке «На Олимпе недавнего прошлого»: «Не так давно В. В. Розанов распорядился уничтожить на несколько тысяч рублей своих же книг, направленных против евреев. Причина: раскаяние в том, что он в течение 30 лет занимался несправедливой травлей этого народа. Жест этот весьма любопытен, значительность его подчеркивается всем известным особо-бережливым отношением его к металлу. Но всё же он характеризует собою ту растерянность мысли, тот сумбур миросозерцания, в которое впал Розанов, да и не он один» (Там же).

[10] В. П. Буренин, литературный и театральный критик, поэт-сатирик, драматург; сотрудник закрытого властями «Нового времени».

77
Розанов — Измайлову

Середина июля 1918 г., Сергиев Посад

Дорогой и милый друг Александр Алексеевич!

Я рад был получить Ваше письмо... И, когда подошел вечер, и вот настала ночь, когда я обыкновенно «пишу», а вместе с тем приходят и «вещие сны», то мне показалось, что и письмо Ваше и особенно та вырезка из газеты, какую Вы мне прислали в своем письме, и она сообщает — я уверен был, что это *никому неизвестно,* — о распоряжении, посланном мною месяца четыре тому назад на имя управляющего книжным магазином и книжными складами «Нового Времени», г-на Сосницкого, моего приятеля и друга, — об уничтожении *всех моих книг враждебных против евреев*[1] *и написанных в связи с процессом Бейлиса*[2] (до тех же пор, Вы знаете, я не был враждебен евреям), — мне показалось, что и письмо это и вырезка из газеты есть что-то *вещее,* что̀ я решительно чувствую *на себе и около себя* всё время в Сергиевом Посаде, всё время как издаю «Апокалипсис нашего времени», всё время как у меня окончательно созрела мысль, созрел план, созрели доводы пересмотреть еще раз спор между юдаизмом и христианством. Сосницкому я написал очень мотивированное, очень длинное письмо о всей той ерунде и вздоре, какая лежит какою-то прямо *магическою подпочвою,* я думаю — *Христовою подпочвою,* под всею тою ненавистью, какая, увы, пропитывает один только христианский мир, одни только несчастные христианские души, в отношении евреев... О, какие это несчастные души, действительно запутавшиеся в грехе, ***ноуменально*** (из Канта) запутавшиеся в грехе[3]. Но я перечитал, в Евангелии Матфея, глава 24, и в Евангелии Луки, не помню главы, — слова Христа о разрушении Иерусалима, а затем еще страшнее — глава 2-ая Второго послания Апостола Павла к Фессалоникийцам о (*будто бы!!*) Втором пришествии Антихриста на землю[4] — и мне стала до

того ясна и очевидна картина всего «первого-то пришествия»: что я только диву дался: «да как же это богословы, столько жевавшие и пережевывавшие» всё Евангелие, все священные вообще книги, *ничего не видели, ничего вообще не усмотрели*. Прямо во исполнение, простите, *дерзких* слов Христа: «Вы будете видеть, и не увидите, вы будете слышать и не услышите». Всё *прямо* написано. Всё *прямо* есть. Всё *прямо* сказано. Если же прибавить рев и стоны Апокалипсиса: «Аз есмь первый и Последний», «Альфа и *Омега*»[5]: то какое же может быть сомнение, что, конечно, «на планете, именуемой Землей» появился вместо «Единого Творца и Вседержителя»...

Но мне страшно досказывать Вам в частном письме, да Вы и не поверите, Вы, также любящий русскую землю, и все ее святыни, и все ее обеденки... как и я тоже, и я бедный. Совершилось именно планетное дело, именно космогоническое дело, отчего люди *в истории своей не замечали*, как нельзя же из истории гуннов и Алариха «усмотреть космических явлений» и «движения земли около солнца»[6]. Вот именно я и заметил *космические причины* человеческих *исторических перемен*: и тогда всё и сразу объяснилось. До того просто и до того очевидно. Всё — *разбивается*. Вся наша история... увы, христианская, европейская история. Действительно, действительно времена Апокалипсиса. Они — пришли, они — вот... Господи. Ну, всё это я разжую. Иуда — действительно прав. Моисей действительно основателен и весь основателен. Уже с 8—9 выпуска (он тоже выйдет соединенно) появится прямо страшное чтение и у меня. Пока же я посылаю Вам хорошо сохраненный *единственный экземпляр* 6-го и 7-го выпуска. Может быть, Вы напечатали бы его в своей газете, или в газете у Проппера*. Но... что сделать с типографиею И. Иванова, чисто кустарною[7], и где кроме 12-ти мальчиков и девочек от 9-ти до 14-ти лет, работает и набирает мой «Апокалипсис» *единственный двадцати двухлетний собственный сын*. На самом деле «Апокал⟨ипсис⟩» должен бы печататься как в эпоху Реформации и Ульриха фон-Гутена[8] 500.000 экземпляров — и тогда он должен бы и он смог бы, сможет произвести религиозный пере-

* *Приписка Розанова внизу листа:* «Непременно, однако, *за гонорар*: я так безумно нуждаюсь, и вот керосин, сейчас догорающий в лампе, всего *на донышке*».

ворот (потому что сказать — «церковный», это ***мало***). Но, Господи: услыши меня! Услыши, услыши! Может быть — чудо. Вот — добрый Измайлов; вот — Пропер ⟨так!⟩: которого ведь я видел, который меня *не незнает:* видел с покойным добрым и праведным Мих. Петровичем Соловьевым[9] на даче у И. И. Ясинского[10]. Поговорите с Проппером, будьте «Ангелом-Посланником», может быть, в самом деле «чудеса начинаются». Господи. Я верю в Тебя.

Любящий В. Розанов.

Я переехал в *Сергиев Посад, Московск⟨ой⟩ губернии, Красюковка Полевая улица, дом священника А. А. Беляева.*

Выпуск 6—7 задержан на месяц или на два ввиду ареста Куприна в Москве, и ввиду моего «контр-революционерства» тоже в 6—7 выпуске[11].

Всё это письмо можете опубликовать, Александр Алексеевич, как равно и перепечатать, всего бы лучше *как бывало делалось* с Тэффи[12] и вообще «видными людьми», *сразу* т. е. *одновременно* в газетах Вашей и у Пропера. Яйца теперь 9 *рублей десяток*, мясо есть свежее, прекрасное по 8 р. фунт.

Господи, если бы вступился за меня могучий Пропер: ведь он как и Сытин[13] — гениальный человек. Правда, ведь он меня *знавал когда-то* (на обороте листа)*. Когда-то мы ехали с ним, в его чудной коляске, *пара в дышлах,* через мост на Неве с дачи загородной И. И. Ясинского: и так было приятно именно «могуче ехать», т. е. лошади *не устали*, не извозчичья кляча. Родной мой, *поезжайте к Проперу*. Поезжайте, поезжайте *сейчас*. Выпросите у него, у *жены* его, у ***дочери*** (очень милая, я раз видел в театре!!) 2 фунта кофею, 2 фунта цикорию, 4 фунта сахара, 1 фунт какао (безумно хочется какао). Господи: да ведь я могу и мяса попробовать, и яичек купить теперь: что ему стоит, целому Проперу

Проперу

выслать «Розанову целую тысячу рублей аванса в счет будущего сотрудничества в „*Биржевых Ведомостях*“», *для коего никаких теперь*

* *Приписка Розанова.*

препятствий нет ввиду целого апокалипсического переворота *прежде всего совершившегося-то в моей душе.* Может быть, именно — «судьба». Саша, поезжай! Клодина[14], уговори своего чернокудрого Александра*.

Милый Саша: пусть в мудром *уме своем* Пропер сам «обдумает меня», я ему совершенно, вполне доверяю.

И вот что еще, Саша. У меня есть *никогда не виданный* мой друг, футурист — еврей — и страшный «русский патриот» (да! да!) Виктор Ховин**. *Съезди к нему*: передай поклон — горячий, горячий — от меня. Он имеет «лавочку книжную», продал 60 экз. «Апокалипсиса» и *просил выслать еще.* Я, конечно, *буду высылать* и всё ждал выхода 6 и 7 №№. И буду ему высылать не «с уступкою *ради* книгопродавцев» 35 %, а *ему милому и доброму Ховину* т⟨о⟩ е⟨сть⟩ с уступкою 50 %[15]. Да еще если бы Вы заехали к Руманову: дом 35, Морская: это тоже мой верный друг, прекрасный, никогда мне не изменявший[16]. Господи: как я теперь ценю и иначе совсем оцениваю евреев, сколько в них *интимного,* теплого, лучшего, чем эти парикмахеры-греки и эти «грузовики-автомобили» римляне.

Ну, Саша. Услужи. Спаси Розанова. Спаси *больную его жену* и *малых детей.*

Это письмо, я верю, историческое. Его сказало небо. С него начнется Реформация. Ты, Саша — Ульрих фон Гутен, я — Лютер. Поезжай, поезжай, поезжай к Проперу. Чувствую — спасен Розанов. Для формы:

Проверь, чтобы в магазинах «Нового времени» и складах *были действительно уничтожены,* т. е. реально и на глазах, все четыре книги против евреев:

«Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови». 2 р. 50 к.

«Европа и евреи». 50 к.

«Ангел Иеговы» у евреев. 30 к.

«В соседстве Содома». 30 к.[17]

---

* *К этому абзацу, слева, поперек текста запись*: «Напишите имя и отчество Пропера и подробный адрес».

** *Сбоку приписка*: Ховина контора адрес: Петроград, у Симеоновского моста[18], Караванная ул., угол Фонтанки 2—5, квартира 21

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 65—68 об.

[1] См. примеч. 8 к п. 76. Ю. О. Сосницкий — управляющий книжным магазином и складом «Нового времени», редактор шахматного отдела газеты «Новое время». О своем решении Розанов сообщил и в оставшейся неопубликованной при его жизни части «Апокалипсиса... «Книги же и брошюры мои, написанные и напечатанные в связи с процессом Бейлиса, и самого названия коих я не хочу повторять, должны быть уничтожены. Хотя об этом было мною выражено в 1918 году требование „Управлению книжным магазином и складом" „Нового времени" (фирма А. С. Суворина), на имя управляющего ими Юлия Осиповича Сосницкого, — тем не менее означенное распоряжение мое во исполнение *приведено не было*» (*Розанов.* [Т. 12]. С. 185).

[2] М. М. Бейлис, еврей, приказчик кирпичного завода Зайцева в Киеве, обвиненный в ритуальном убийстве православного мальчика Андрея Ющинского. Процесс, в результате которого Бейлис был оправдан, широко освещался в печати. Розанов откликнулся на процесс целым рядом резких обвинительных статей, которые потом были включены им в книгу «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (СПб., 1914). Одновременно с этой книгой отдельными брошюрами вышли близкие по содержанию и объединенные в серию «Истоки Израиля» следующие издания: «Ангел Иеговы у евреев», «В соседстве Содома», «Европа и евреи». Подробнее см. статьи в *Розановской энциклопедии.* Стб. 116—117, 1765—1767

[3] Ноумен (*греч.* νουμενον — «постигаемое», от νοεω — «постигаю») — философский термин, обозначающий явления и объекты умопостигаемые, в отличие от чувственно постигаемых (данных нам в объективной реальности) феноменов.

[4] См.. Мф. 24: 1—42, Лк. 21: 6—26, 2 Фесс. 2: 1—17 Выдержки из этих текстов Розанов приводит в вып. 8/9 «Апокалипсиса нашего времени».

[5] См.. Откр.1: 17, «Альфа и Омега» повторяется в разных стихах Откровения, напр., Откр. 1: 8.

[6] Аларих I, вождь и первый король вестготов, правил в 382—410 гг., несколько раз осаждал Рим.

[7] В типографии И. Иванова в Сергиевом Посаде печатались выпуски «Апокалипсиса нашего времени».

[8] Ульрих фон Гуттен, немецкий рыцарь-гуманист, один из главных авторов «Писем темных людей».

[9] М. П. Соловьев,. юрист, публицист, государственный деятель, начальник Главного управления по делам печати в 1896—1899 гг. Подробнее о взаимоотношениях с ним Розанова см.. *Розановская энциклопедия.* Стб. 906—911.

[10] И. И. Ясинский, прозаик, журналист, критик, редактор «Биржевых ведомостей», «Нового слова».

[11] 1 июля в Гатчине арестовали А. И. Куприна за публикацию в № 15 газеты «Молва» от 22 июня 1918 г. фельетона «Михаил Александрович». В «Петроградском голосе» см. об этом: *Амфитеатров А.* Узы А. И. Куприна // Петроградский голос. 4 июля. (№ 121). С. 2. Из-за содержания выпуски 6—7 «Апокалипсиса нашего времени» были задержаны (См.. *Розанов.* [Т. 12]. С. 44).

[12] Тэффи (наст. имя Н. А. Лохвицкая), автор ярких сатирических фельетонов. Розанов намекает на то, что в отдельные периоды Тэффи сотрудничала сразу в несколь-

ких периодических изданиях, имевших различную политическую направленность. Её стихотворные фельетоны печатались в либеральных «Биржевых ведомостях» и одновременно ее юмористические очерки и стихотворения в легальной большевистской газете «Новая жизнь».

[13] И. Д. Сытин, издатель массовой газеты «Русское слово», книготорговец. Розанов и Измайлов долгие годы сотрудничали в «Русском слове».

[14] Имеется в виду Клавдия Владимировна, гражданская супруга Измайлова, в это время с ним уже не проживавшая. Ср. показания Ясинского: «С горечью в сердце признался он [Измайлов — *А. А.*] мне, между прочим, что подруга его жизни, хотя только в последнее время, когда он материально расцвел в „Петербургском листке", ставшая жить с ним на одной квартире, оставила его месяца через два или через три» (*Ясинский*. Т. 1. С. 539).

[15] В. Р. Ховин, журналист, критик, издатель. Оказал большую поддержку Розанову в 1918 г., продавал выпуски «Апокалипсиса» в своем книжном магазине. В недатированном письме Ховину (предположительно июль 1918 г.) Розанов сообщает некоторые подробности печати 6—7-го выпуска «Апокалипсиса» и условия распространения: «Я Вас люблю, я Вам доверяю. Со слезами на глазах я Вам написал писульку, но (увы) задержал ⟨...⟩ ее до выпуска 6—7 Апок., который должен был выйти „вот-вот" Но типограф. „продержал его под машиною" 1 ½ недели ⟨...⟩ и я всё ждал-ждал. Пока „арестовали Куприна" из-за „контр-революции", а у меня как раз в выпуске 6—7 „огромадная контр-революция" (ненавижу, главное — *презираю* революцию) — и Елов [владелец книжного магазина — *А. А.*] решил до времени *спрятать* весь 6—7 выпуск, наконец-то *отпечатанный*. Конечно, я Вам буду отпускать, для Вашей милой лавочки, о, какой милой *для меня* теперь, с уступкою 50 %, чтобы и Ховин имел выгоду» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 24. № 132 (2-я половина 1918 г.). О взаимоотношениях Ховина и Розанова, их переписку, статьи Ховина о Розанове см. в сборнике: Контекст: Ежегодник теории и истории литературы 2013. М., 2013. С. 292—367 (письма Розанова к Ховину из РО ИРЛИ в публикации не были учтены).

[16] Об А. В. Руманове см. примеч. 1 к п. 5. В РО ИРЛИ сохранилось примечательное письмо Розанова к Руманову, предположительно июня-июля 1918 г., с выражением благодарности за материальную помощь; Розанов, в частности, писал: «Дорогой мой! Вы *один* были, который никогда меня не оставлял, *не забывал* и как-то носил меня в сердце, несмотря на всё, и в пору „выступления Розанова против революции" и выхода из „*Рус⟨ского⟩ Слова*", и в более для Вас болезненную, конечно, пору Бейлиса, зная, веря: „Это — дурно, не верно: но Розанов есть Розанов, и *я верю в самого Розанова*, а на прочее закрываю глаза" И знаете: гениальная по сердечности Ваша вера в Розанова не обманула Вас и (скоро) это раскроется. Хороший мой. Я плачу в эту минуту не могу писать» (РО ИРЛИ. Ф. 114. Оп. 3. Ед. хр. 53.).

[17] См. примеч. 2. О желании Розанова уничтожить свои книги Измайлов напишет в фельетоне, еще шире предав огласке этот факт: « — Слышали, Розанов прислал из Сергиевой Пустыни в суворинский магазин приказ сжечь четыре его книги об евреях? Говорил известный старый критик, который мог знать истину, а не молву. Потом я услышал и узнал об этом из письма самого Розанова. Еще через день прочитал и в газете. То, что сам он считал интимным, и о чем обыкновенно узнается из некролога, уже вылетело на улицу. Удивился ли я, удивлены ли вы? Не всю ли жизнь так удивлял Ро-

занов, странная и мечущаяся душа...» (*Измайлов А. А.* Закат ересиарха: (В. В. Розанов и его «Апокалипсис»). С. 2).

[18] Ныне мост Белинского через р. Фонтанку в створе ул. Белинского. До 1923 г. — Симеоновский, по названию находящейся поблизости церкви св. Симеона и Анны.

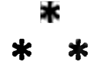
78
Измайлов — Розанову
26 июля 1918 г., Петроград

Петроград 26/VII 1918 г.

Дорогой Василий Васильевич,

Простите, что без прямого В⟨ашего⟩ разрешения я от В⟨ашего⟩ имени обратился в «Постоянн⟨ую⟩ Комиссию пособий нужд⟨ающимся⟩ литераторам» при Акад⟨емии⟩ Наук (в коей состою членом. Председатель Нестор Александр⟨ович⟩ Котляревский). Высланные Вам 100 р. идут оттуда. Я советую Вам подать прошение (через меня) о постоянной Вам пенсии. Вы на это имеете право и по заслугам В⟨ашим⟩, и по правам несчастия. Состояние кассы жалкое, тем не менее систематич⟨еское⟩ пособие будет Вам высылаться несомненно, по рассмотрении просьбы в заседании. Выдачи — тайны[1].

2-й мой совет — подайте такое же прошение Лит⟨ературному⟩ Фонду. Он несомн⟨енно⟩ тоже придет Вам на помощь. Академ⟨ическая⟩ Комиссия выдает пособия, не требуя возврата. Фонд — как ссуду, но, кажется, есть и ассигновки безвозвратные. Прошения тоже, если угодно, мож⟨но⟩ прислать на мое имя. Председатель Венгеров, Сем⟨ен⟩ Афан⟨асьевич⟩[2].

Очень, очень Вас благодарю за Ваше большое и столь доверительное письмо. Беспокойно и с глубочайшим сочувствием думаю о Вас и постигшей Вас беде. Беда и около нас. Всё разрушено, а что не разрушено, то дорушается. Газета на краю гибели. Пожар подточил ее[3]. Все эти дни жили так, что не знали, выйдем завтра или нет, станут рабочие к талеру[4] или потребуют категорич⟨ески⟩ уплаты долгов. И сейчас едва ли мы преодолели все препятствия. За

целый м⟨еся⟩ц сотрудникам, и мне в том числе, не выдают жалований. Цены ужасающие, — хлеба не достать ни за какие деньги. Картоф⟨ель⟩ 4.50 фунт. Масло 20. Сыр, скверный, 18. Какое м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ в такой жизни самочувствие! Какое влечение «к прекрасному». Быть бы живу. Помыслы опошлены и низменны, они только около брюха, вечно голодного. Вы гениально об этом говорите.

Уже более м⟨еся⟩ца Проппер и Бонди под арестом[5]. Проппер — как Иов, внезапу лишившийся богатства, благ, семьи, сытости, положения. Обвиняют его, каж⟨ется⟩, просто как буржуя, к⟨а⟩к бывш⟨его⟩ издателя газеты. Не послужат ли к Вашему скудному утешению то, что ч⟨е⟩л⟨ове⟩к, у к⟨ото⟩рого Вы надеялись найти помощь в тяж⟨елом⟩ полож⟨ении⟩, — оказывается в полож⟨ении⟩ горшем Вашего!

Ховину я писал. Жду ответа. Знаете ли Вы, что скончалась А. Г. Достоевская?[6] — С огромн⟨ым⟩ интересом читал выпуски 6—7 «Апок⟨алипси⟩са». Цитирую. Пишу о нем. Вышлю Вам газету, к⟨а⟩к только напечатаю, если напечатаю (но уже написано)[7].

Буду рад Вашему письму. Настойчиво советую подать два прошения. Эти учрежд⟨ения⟩ должны помочь нам и часто помогают ничтожным литературщикам. — Сердечный привет семье. Спаси Вас Бог.

Ваш искр⟨енне⟩

А. Измайлов
26/VII
СПб.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 467 Л. 5—6 об. На редакционном бланке «Петроградского листка». На письме имеются маргиналии Розанова; на последней странице — черновик его обращения в Литературный фонд.

[1] Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам создана в 1895 г. при Императорской Академии наук. С 1909 г. председателем комиссии был Н. А. Котляревский, историк литературы, литературный критик, публицист, первый директор Пушкинского Дома. Прошения Розанова о материальной помощи были направлены председателю комиссии (см.. письмо Розанова к Н. А. Котляревскому от ⟨конца августа 1918⟩ // *Розанов В.* Письма 1917—1919 годов / вступ. ст., публ., примеч. Е. Ивановой и Т. Померанской // Литературная учеба. 1990. Кн. 1. С. 82—83).

[2] Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (неофициальное название: Литературный фонд) — благотворительная общественная организация, существовавшая с 1859 по 1922 г. Подробнее о деятельности Лит. фонда, а также список исследований о нем см.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 гг.: словарь. М., 2004. С. 144—147. С. А. Венгеров, литературный критик, историк литературы, библиограф; в 1916—1919 гг. председатель Литературного фонда. Обращение Розанова сохранилось в архиве Лит. фонда:

«В Литературный Фонд.

Прошение о пособии коллежского советника

и газетного сотрудника Василия Васильевича Розанова.

Находясь в безвыходном положении вследствие полного прекращения какого-либо заработка, имея 63 года и страдая склерозом головного мозга, угрожающего мне постоянным ударом по приговору лечивших меня в Петрограде врачей А. И. Карпинского, Леон. Роб. Шернваля и Ал. Ст. Жихарева, — обремененный семьею из больной жены и пяти человек детей, — прошу покорно Литературный Фонд изыскать какой-либо способ *длительно* помочь мне дожить печальный остаток дней, посвященных всецело литературе. И в случае, если бы Литературному Фонду удалось назначить мне пособие, прошу выслать оное по адресу:

Сергиев Посад, Московской губернии Красюковка

Полевая улица, дом священника Беляева

Василию Васильевичу Розанову.

С почтением остаюсь Василий Розанов

28 июля 1918 года» (РО ИРЛИ. Ф. 155 (Литературный Фонд).

Журнал № 18 от 20 августа 1918 г. Л. 27).

В журналах заседаний Литературного фонда сохранились 3 записи с решением об оказании В. В. Розанову финансовой помощи: От 20 августа 1918 г.: «Прошение *В. В. Розанова:* страшно бедствует; живет в Невской Лавре ‹так!›. Измайлов поддерживает ходатайство. Определили: Выдать пособие на три месяца по 100 руб. 300 руб. продолж‹ающееся› пос‹обие›. Ордер № 233» (Там же. Л. 2 об.). От 25 декабря 1918 г.: «Сообщение С. А. Венгерова о крайне стесненных обстоятельствах *В. В. Розанова.* Определили: Выдать 200 руб. на 2 месяца. Ордер № 35 (Там же. Журнал № 3 от 25 декабря 1918. Л. 2). От 12 февраля 1919 года: «*Розанов В. В.* Тяжело болен. Нуждается в помощи. Сообщение Ховина об обстоятельствах, в которых находится Розанов в Сергиевом Посаде, Определили: выдать 300 руб. бесср‹очной› ссуды. Ордер. № 77» (Там же. Журнал № 6 от 12 февраля 1919. Л. 2).

[3] См. примеч. 5 к п. 76.

[4] Талер — в полиграфии стол с плоской поверхностью в любой машине или станке, на котором выполняют производственные операции.

[5] С. М. Проппер и В. Бонди были арестованы в связи с выходом журнала «Огонек» (№ 17) с политическими карикатурами (номер был конфискован). В июле об освобождении арестованных ходатайствовали члены Комитета защиты свободы печати М. Гофман, А. Кауфман, Л. Клячко, С. Кондурушкин (*Литературная жизнь России 1920-х годов.* Т. 1, ч. 1. С. 220).

[6] А. Г. Достоевская, вторая жена (с 1867 г.) Ф. М. Достоевского, скончалась 9 июня 1918 г. (Ялта, Крым). Известие о смерти Анны Григорьевны дошли до Петрограда лишь в конце июля 1918 г. В статье «Спутница жизни Достоевского: (Памяти А. Г. Достоев-

ской)» Измайлов отмечал: «Не из телеграммы, не из некролога, — случайно, рикошетом, долетела до нас весть, что в Крыму „на этих днях" скончалась Анна Григорьевна Достоевская. Прощай, тихое воспоминание наше, старая сказка наша, живое среди нас воплощение вечной памяти о „всечеловеке"!» (Петроградский голос. 1918. 24 июля. (№ 138). С. 2).

[7] Подразумевается статья: *Измайлов А. А.* Закат ересиарха: (В. В. Розанов и его «Апокалипсис»). С. 2.

79

Измайлов — Розанову

31 июля 1918 г., Петроград

Петроград. 31. VII. 1918

Дорогой Василий Васильевич,

Не посердитесь на посылаемую статейку[1]. Она диктована добрым к Вам чувством, но в ней есть неприятные для Вас (своей искренностью) строки. Простите, но только так, мне думалось, можно было рассказать широким массам о Вашей нынешней жизни, косвенно побудить друзей Ваших помочь Вам в трудный час. Очень прошу извинить, если сделал это с болью Вам.

Экземпляр Ваш строго храню, готовый выслать Вам по перв⟨ому⟩ Ваш⟨ему⟩ требованию. Но — не скрою — храню надежду, что Вам удастся «отвоевать» другие, а этот, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, и позволено будет оставить мне[2].

В ближ⟨айшем⟩ засед⟨ании⟩ комиссии пособий буду хлопотать о новой помощи Вам. Но жду для Фонда Вашей санкции, боясь сделать Вам неприятное. Фонд несомненно мог бы Вам помочь серьезно, не мелочью.

Буду с нетерпеньем ждать Вашего письма и распоряжений. Жадно ждал бы нового выпуска «Апокал⟨ипсиса⟩»: но трудно надеяться на регулярность сейчас издания книги. Мы с газетой тоже висим на волоске и не знаем, спасемся ли.

Привет Вашим.

Искренно преданный Вам

А. И⟨змайлов⟩
31. VII

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 467 Л. 7—8. На редакционном бланке «Петроградского листка».

[1] См. примеч. 7 к п. 78.
[2] Имеется в виду экземпляр «Апокалипсиса нового времени» (вып. 6—7), высланный Розановым Измайлову в июле 1918 г., см. п. 77

80
Розанов — Измайлову
3 августа 1918 г., Сергиев Посад

Вот что значит дать совет практичный и деловой, дорогой Александр Алексеевич!

Спасибо, милый. Передайте и две записочки Нест⟨ору⟩ Ал⟨ександрови⟩чу[1] и Сем⟨ену⟩ Аф⟨анасьеви⟩чу[2], оба люди добрые и заботливые. Не в силах даже запечатать в конвертах, пусть прочтут «так», без конв⟨ертов⟩. Пишу почти в темноте: ни света, ни керосина. Увы, и мыла чуть-чуть.

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 69. Дата «3 авг⟨уста⟩ 1918» — рукой Измайлова. Ответ на п. 78.

[1] Н. А. Котляревскому.
[2] С. А. Венгерову.

81
Розанов — Измайлову
7 августа 1918 г., Сергиев Посад

Даже жена, перечев, сказала: «Какое милое Измайлова письмо». Она хоть и без буквы «Ѣ»[1] (в сущности *по-новому*), но великая умница, и, сама того не зная — *великий художник слова;* я же, конечно,

прежде всего смотрел «утилитарности мне», рабу и окаянному, т. е. «хлебца подай» (читателям) и выдержки об евреях. Я не понимаю: евреи или не понимают себя, или забыли свою историю, или слишком развращены русскими. Иначе ведь они должны бы, уже со статей в «Новом Пути»[2] — обнять мои ноги. Я же *чистосердечно* себя считаю... почти не «русским писателем», но настоящим и воистину последним еврейским пророком. *Люблю же их беззаветно.* Чу́дна статья об А. Гр. Достоевской[3]. *До умиления.*

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 76—76 об. На почтовой карточке. Датируется по штемпелю. Дата проставлена Измайловым: «7 8. 18». На карточке: «Александру Алексеевичу Измайлову. В Петроград. Вас. Остров, 17ая линия, дом 70». Ответ на п. 79.

[1] Речь идет о неточностях в написании слов В. Д. Бутягиной, ср.. «Когда я ей объяснил, что нужно же писать „мнѣ" и вообще в дательном падеже — ѣ, то она, не пытаясь вникнуть и разобраться, вообще везде предпочла писать ѣ. Когда я ей объяснил, что лучше везде писать *е*, то она уже не стала переучиваться, и удержала старую привычку (т. е. везде ѣ)» (*Розанов.* [Т. 30]. С. 231).

[2] «Новый путь» (1903—1904), ежемесячный журнал; в нем были опубликованы многочисленные статьи и заметки Розанова, а также значительная работа: «Юдаизм» (1903. № 7—12), которая, по всей видимости, и подразумевается в письме.

[3] См. примеч. 6 к п. 78.

82
Розанов — Измайлову
Между 7 и 10 августа 1918 г., Сергиев Посад

А от меня, кроме одного Флоренского и С. Н. Дурылина, отвернулись, т. е. перестали вовсе здороваться, все «московские славянофилы» из-за «Апокал‹ипсиса›», дорогой Александр Алексеевич! Отчего бы Вам *в месяц* не дать мне права на *1 фельетон*, т. е. не дать мне заработать рублей 100. — 1 фел‹ьетон› в мес‹яц›, не составит большой конкуренции Вашим постоянным сотрудникам. Да и упросите их, уговорите. Хотелось бы Проперу передать поклон, хоть

и в тюрьме[1]. Теперь все они жиды мне родные. Целую Вас крепко и обнимаю.

В. Розанов.

Пишу совсем впотьмах. Ни керосина, ни свечи.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 62—62 об.

[1] См. примеч. 5 к п. 78.

83
Измайлов — Розанову
11 августа 1918 г., Петроград

11 авг⟨уста⟩

Дорогой Василий Васильевич,

Большая для меня всегда радость Ваше письмо или вообще Ваш присыл[1]. Тяжело было бы теперь отказаться от этого большого утешения в совершенно безрадостном нынешнем существовании. Почему оно безрадостно? Потому, что голодно (фунт крупы, если посчастливится достать, — 15 р., фунт скверной ржаной, с помесями муки — 11—13 р.), пренебреженно («последними» людьми стали), скудно и всячески угнетенно. Ваш фельетон пришел на др⟨угой⟩ день после *закрытия* бурж⟨уазной⟩ печати. Закрыты и мы после штрафа в 5 т⟨ысяч⟩. Всё это нам просто непосильно; мы изнурены пожаром, стихиями, общество бедностью, при к⟨отором⟩ газета — вредная роскошь. На издательстве огромн⟨ые⟩ долги. Рабочие и сотр⟨удники⟩ хотят ликвидировать предприятие и уже сделали к этому шаги. Я — безработный, к⟨а⟩к и все кругом. Судите, насколько опред⟨еленно⟩ я могу что-либо сейчас г⟨ово⟩рить Вам о Вашем сотрудничестве, кроме одного — у себя ли, у других ли, призову все усилия, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ сотрудничество наладилось. А то, эта вечная минорная песня всех писательских переписок, не миновавшая даже биографий Достоевских и Розановых!

Фельетон прекрасивый. Если будем снова существовать, — первый разговор в ред⟨акционом⟩ совете о нем и о Вас.

В Фонде Венгерова и в Ком⟨иссию⟩ Пособий Котляревского немедленно были пересланы Ваши прошения, и, м. б., Вы, уже имеете оттуда фактич⟨еские⟩ ответы? Венг⟨еров⟩ в телеф⟨он⟩ ск⟨а⟩з⟨а⟩л, ч⟨то⟩ будет рад хлопотать за Вас и ч⟨то⟩ заседание будет наутро. Приблизит⟨ельно⟩ он намечал 500 на первые 5 месяцев (т. е. по 100) до дальнейших распоряжений, и обещал в таком смысле действовать[2].

Поражен отнош⟨ением⟩ к Вам «м⟨осковских⟩ славянофилов». Неужели и эти, знающие Вас, не способны смотреть выше уровня, на к⟨отором⟩ поставлены глаза В⟨аших⟩ литератур⟨ных⟩ собратий? В моей душе как-то раз навсегда уместилось совсем особенное Вас восприятие, и меня не испугает никакой Ваш уклон, никакой выкрик. Всего менее хочется заниматься подсчетом Ваших противоречий или непоследовательностей, — да их горы, да Вы весь из них, и в этом и есть суть того, что называется Розанов, и что в этой хаотичности своей, искренности, мимозной чувствительности мне и дорого и интересно. И от многих, кого ценю, я встречал близкую Вам формулу (Дорошевич). Неужели же москвичи — тоже только статистики, в дан⟨ном⟩ случае подсчитавшие Ваши строки «в пользу» еврейства и учетшие их. «Мир стал маленький, и по нему прыгает маленький, ничтожненький человек»[3].

Душевно Вам преданный

А. Измайлов.

PS. Сейчас Амф⟨итеатров⟩ сообщил об аресте Дорош⟨евича⟩[4]. Написал бы Вам о СПб делах и слухах, но это поставило бы письмо под риск выемки.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 467 Л. 15—16 об. На личном бланке.

[1] В архиве Измайлова не выявлено.

[2] См примеч. 2 к п. 78.

[3] Цит.. *Ницше Ф.* «Так говорил Заратустра» (см. Ч. 1, гл. 5).

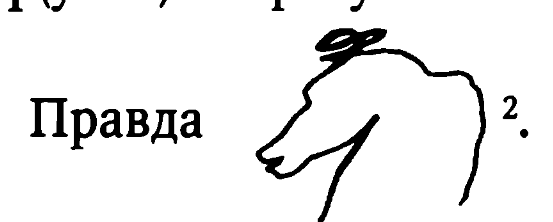
[4] В. М. Дорошевич, журналист, публицист, театральный критик. Об аресте Дорошевича упоминаний в письмах Амфитеатрова к Измайлову нет, видимо, новость была сообщена по телефону или устно, так как Амфитеатров был ведущим фельетонистом «Петроградского голоса». Несколько пассажей об этом событии сохранилось в воспоминаниях журналиста: «В Февральскую революцию Дорошевич был окрылен, но большевицкий октябрь его раздавил. Особенно после ареста, который длился, правда, всего несколько часов, но разбил его больше, чем иного год каторги» (*Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. Т 2. С. 340).

84

Розанов — Измайлову

23 августа 1918 г., Сергиев Посад

Так энергично! Так молодец! Ну, спасибо[1]. Уже сейчас купил 2 ф⟨унта⟩ творогу. И 1-й раз говядины *и* на жаркое *и* на суп.

Правда [2].

Но ничего — мама[3] не узнает. Говорил только, что «худощавы» от «недокорма». Целую. Обнимаю. Счастлив. И глубоко благодарю. Только... *продолжилось бы.* Вот это страшно, если «эпизод».

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 77—77 об. Датируется по штемпелю отправления. На почтовой карточке: «Петербург. Вас. Остров, 17 лин., д. 70. Александру Алексеевичу Измайлову».

[1] В этом письме Розанов благодарит Измайлова за усилия в получении для него финансовой помощи от Литературного фонда и Комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам. Одновременно с этим письмом на адрес Измайлова была направлена благодарственная открытка с просьбой переслать ее С. А. Венгерову («Перешлите по адресу, коего я *не знаю*»): «Спасибо, добрый Семен Афанасьевич. Никогда не забуду. В. Розанов» (Письмо от 23 августа 1918 — дата на штемпеле // ОР РНБ. Ф. 414. № 37). Так же Розанов направил письмо Н. А. Котляревскому: «...спасибо за пособие 100 р. Это Ал⟨ександр⟩ Алекс⟨еевич⟩ смастерил, и он же, добряк, предложил обращаться к Академии наук» (письмо ⟨от конца августа 1918 г.⟩ // *Розанов В.* Письма 1917—1919 годов. С. 82).

[2] Имеется в виду купленная Розановым конина.

[3] В. Д. Бутягина.

85
Измайлов — Розанову
11 октября 1918 г., Петроград

11 окт⟨ября⟩

Дорогой Василий Вас⟨ильевич⟩,

Ваши открытки счастливые: я их получил все, даже при отсутствии заказа (почтового). Мои письма, едва ли все дошли до Вас. Пособия академ⟨ической⟩ Ком⟨иссии⟩ могут быть и далее, но, к сож⟨алению⟩, пока в кармане председ⟨ателя⟩ лишь ассигновка 100 тыс⟨яч⟩, но денег еще нет[1]. Позвольте от В⟨ашего⟩ им⟨ени⟩ восстановить дальнейш⟨ее⟩ ходатайство и настоять вообще на выдаче В⟨а⟩м пенсии (не быв⟨ает⟩ более 50 р. в месяц). Венгеров по телеф⟨ону⟩ на мой вопрос ответил, ч⟨то⟩ посылы б⟨удут⟩ сделаны. С больш⟨им⟩ удов⟨ольствием⟩ видел В⟨а⟩ш⟨е появл⟨ение⟩ в «Мире»[2] и с наслажд⟨ением⟩ прочел фельетон об уничижителях Грибоед⟨ова⟩ и Гоголя. Что «Апокал⟨ипсис⟩». Продолжается ли?[3] В СПб бурж⟨уазной⟩ печати нет и восстановл⟨ения⟩ ее не видно. Я безработен, уныл, проедаю что могу и читаю лекции перед кинема в народных представлениях. На душе тяжело. Если и возникнут газеты, — наша не сможет: она соверш⟨енно⟩ разрушена, и издатель банкрот. Был бы крайне рад Вашей вести. Уезжать из СПб всё же не думаю.

Искр⟨енне⟩ Вам преданный

А. Изм⟨айлов⟩

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 467 Л. 9. На почтовой карточке.

[1] Вероятно, на это письмо Розанов ссылается в обращении к Н. А. Котляревскому: «Во 1-х умоляю Комиссию не отказать в дальнейших же месячных высыланиях, во 2-х кажется, что мне Комиссиею было определено высылать уже месяца 2 или 3 назад, и только „денег не выдавали" (Измайлов) — тогда нельзя ли дослать за эти месяцы — тоже» (письмо от ⟨ноября 1918 г.⟩ // *Розанов В.* Письма 1917—1919 годов. С. 82).

[2] «Мир», газета, выходившая с 3 августа по 8 октября 1918 г. в Москве. Подзаголовок: «Орган пацифистов», ред.-изд. И. Константинов. См.. *Розанов В.* Наше словесное величие и деловая малость // Мир. 1918. 6 окт. (№ 52). С. 2; *Розанов.* [Т. 24]. С. 543—548. Сотрудничество в газете было непродолжительным (через номер после появления фельетона Розанова газета прекратила свое существование) и неудачным.

В письме к Э. Ф. Голлербаху Розанов признавался: «*Редактор*, по-видимому арестованный, не мог уплатить мне 400 р. гонорара за помещенный 1-й фельетон, — не имея денег, чтобы даже вернуться в Посад, а в Посаде у семьи я взял „последнюю керенку" в 20 р. и уже их потратил на папиросы» (*Розанов*. [Т. 17]. С. 377).

[3] См. примеч. 4 к п. 76.

86
Розанов — Измайлову
18 октября 1918 г., Сергиев Посад

Дорогой Александр Алексеевич!

Пишите всегда *адрес* свой на письмах... Теперь до того «съезжаю на другую квартиру» и даже на «другой свет», что пишешь с сомнением, по *тому* ли адресу.

Вот что, мой молодец: на слова письма Вашего: «Пособия Академ⟨ической⟩ Комиссии *могут быть и далее продолжены*»... «Позвольте от В⟨ашего⟩ имени возобновить *дальнейшее ходатайство и* настоять вообще на выдаче Вам *пенсии* (не бывает больше 50 р. в месяц)». На это я, как заядлому литератору, витающему в вечностях литературы, скажу как Фамусов:

— Сто раз вам повторять:

— Сказать: «прошу», что «очень рад»...

И проч. Итак: не «позволяю», а — ***шлю*** Вам сказать Академической Комиссии, что

Розанов — устал...
Розанов — изнеможен...
Розанов — вообще есть только «кое-что» от прежнего литератора

И я прошу Академическую Комиссию назначить мне *Вечную пенсию* на остаток дней моих, которые *уже недолги.*

В. Розанов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 74—74 об. Открытое письмо. Датируется по штемпелю отправления. На почтовой карточке: «*В Петроград. Вас. Остров, 17 линия, д. 70*. Его Высокородию Александру Алексеевичу *Измайлову*».

87
Измайлов — Розанову
19 ноября 1918 г., Петроград

19/XI

Дорогой Василий Васильевич,

Давно не имеем о Вас никаких ⟨?⟩ слухов. Как милует Бог, столь на нас ныне гневный? Сыты ли?

Акад⟨емическая⟩ Ком⟨иссия⟩ получила ассигновку удвоенную. Это еще не деньги, только чек, но он неизм⟨енно⟩ реализуется, и, в частн⟨ости⟩, Ваше дело с устройств⟨ом⟩ пенсии *несомненно. Пенсия пожизненна* и не отнимается.

Давно не читал ничего Вашего, кроме к⟨а⟩к перечитывал прежнее. Сколько прекр⟨асных⟩ возможностей упущено за время свободного печатания книги? К⟨а⟩к досадно, ч⟨то⟩ Вы не наладили полн⟨ого⟩ собр⟨ания⟩ соч⟨инений⟩, когда около Вас ходили и Сытины[1], и «Скорпионы» и пр. — Возникают надежды, связанные с денежными иностранц⟨ами⟩, и уже через меня ведут переговоры — Мережков⟨ский⟩, Куприн, Сологуб, Амфит⟨еатров⟩. — Могу ли вести о Вас речи? Буду вести их до получ⟨ения⟩ согласия.

Ваш искр⟨енно⟩

И⟨змайлов⟩

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 467 Л. 10. На почтовой карточке.

[1] Сытин Иван Дмитриевич. См. примеч. 13 к п. 77

88
Розанов — Измайлову
25 ноября 1918 г., Сергиев Посад

Конечно, конечно, милый и дорогой, — ведите переговоры, — смело, свободно, *от себя* и как бы имея мою *полную* (формальную) доверенность.

Сытин[1], Цетлин[2], Брокгауз[3]. И мечта издать «Полное собрание сочинений Р⟨озано⟩ва» (***кто*** же от этого отказывается??!!) была бы чудесна и избавила бы, выкупила и искупила, в этот ужасный год!!!

За ценою полистно особенно не гонитесь. Ведь у меня «Opera omnia»* не менее 50 огромных томов. Из них «Опав⟨ших⟩ листьев» новых не менее как томов на 8—10, *оконченный* уже «Апокалипсис», выпусков 50, и из «Восточн⟨ых⟩ мотивов» — тоже уже *окончено* в тексте.

Любящ⟨ий⟩

В. Розанов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 75—75 об. Дата на штемпеле почтовой карточки: «25.11.18». Датируется по штемпелю отправления. На карточке: «В *Петроград*. Вас. Остров, 17 линия, дом 70. Александру Алексеевичу *Измайлову*».

[1] См. примеч. 13 к п. 77

[2] М. О. Цетлин, поэт, беллетрист, редактор, меценат. В 1915 г., находясь в эмиграции, М. О. Цетлин организовал в Москве издательство «Зёрна». После Февральской революции вернулся в Россию, однако в 1918 г. эмигрировал.

[3] Подразумевается издательство «Брокгауз-Ефрон», основанное в СПб. в 1889 г. в результате соглашения, заключенного типографом И. А. Ефроном с немецким издательством «Ф. А. Брокгауз» (Лейпциг) с целью публикации на русском языке многотомного «Энциклопедического словаря» (1890—1907). В 1-й пол. 1910-х гг. фирма «Брокгауз-Ефрон» преобразована в акционерное общество «Издательское дело», после Октябрьской революции 1917 г. временно закрыто, возобновило деятельность в 1918 г., ликвидировано в начале 1930-х гг.

89
Розанов — Измайлову

Конец ноября 1918 г., Сергиев Посад

Одни жиды, одни жиды, одни жиды!! О, как я поверил, как я теперь верю в Бога их Бессмертного-Помогающего, Вечно живого. Когда наш — так мертв. 2000 ⟨лет⟩ терпели, страдали. Всё перенесли. И вот — ***их*** Б⟨ог⟩ оправдался. О, как оправдался!!! Непременно приму обрезание. Никакого — крещения. Эта водица, ха, ха, ха...

---

* Полное собрание сочинений (*лат.*).

Помогайте. Всё забудьте. Себя забудьте. Одна мысль — сотрудничать у Пропера, у действительно великого Пропера, забыв всех этих *прощалыг* Сувориных. *Отчаяние.* Бегите, помогайте. Униженный⟨?⟩ Розанов.

Спеши, спеши Измаил! Сын Агари!!![1]

Надевай шапку, и выходи из дома!

Нет, не алжирский лев перед Вами умирающий от перепуга[2], а собака без папиросы («одно утешение», «один Дух утешитель»[3]), и хватает собака за штаны доброго, милого Ал⟨ександра⟩ Алекс⟨еевича⟩[4]:

— Что̀ же, что же и Академия и Фонд[5], «старые верные казенные учреждения», тоже выдали, тоже предали Розанова: ни копейки не выслали.

Молите, просите.

Немедленно пишите.

Что же не выслали.

Отчаяние полное. Лютое.

В. Роз⟨анов⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 61—61 а. По-видимому, последнее письмо Розанова к Измайлову, написанное, вероятно, незадолго до случившегося с писателем инсульта. В статье «Закат ересиарха: († В. В. Розанов)» Измайлов отмечает, что это письмо Розанова было последним, обращенным к нему (см.. В. В. Розанов: pro et contra. Кн. 2. С.100).

[1] Измаил, библейский герой, сын Авраама от рабыни Агари (Быт. 16: 3).

[2] Ср. в статье Измайлова «Закат ересиарха: († В. В. Розанов)»: «В последней прижизненной и им прочтенной своей [Измайлова — *А. А.*] статье о Розанове, почти отходной [„Закат ересиарха: (В. В. Розанов и его ‘Апокалипсис’)" — *А. А.*] ⟨...⟩ я вспоминал недавно перед тем происшедший случай: при перевозке цирка Гагенбека, где-то в Германии, поезд сошел с рельс. Ничто и никто не пострадал в вагонах, но — четыре берберских льва были найдены мертвыми. Испуг льва нечто столь страшное, что сердце льва его не выносит. / Таковы таинства натуры, — писал я, — робкие зайцы и хрупкие лани — съежились и отделались легким испугом. „Так при мировых катаклизмах, когда маленький человек благополучно живет и спекулирует, Ницше и Розановы сходят с ума или умирают"» (В. В. Розанов: pro et contra. Кн. 2. С. 99).

[3] См.. Иоан. 14: 16—17

[4] Измайлова.

[5] Т. е. Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии наук и Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд). См. примеч. 1 и 2 к п. 78.

ПЕРЕПИСКА А. А. ИЗМАЙЛОВА и Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХА (1919)

Непродолжительная, длившаяся всего несколько месяцев, но информативно насыщенная переписка Измайлова и искусствоведа Эриха Федоровича Голлербаха (1895—1942) завязалась в марте 1919 г. Их личная встреча произошла, по-видимому, в Петербурге на квартире В. В. Розанова за несколько лет до начала эпистолярного диалога, во второй половине 1910-х гг. Об этом есть беглое упоминание в посвященной философу монографии Голлербаха: «В те годы, когда я бывал у Розанова (1915—1917 года), Религиозно-философское общество уже не заглядывало на его „воскресения“ (день приемов) ⟨...⟩ Из писательской братии продолжали изредка бывать у него, если не ошибаюсь, — А. М. Ремизов, К. И. Чуковский, М. А. Кузмин, Н. О. Лернер, А. А. Измайлов и кое-кто из „правого лагеря“»[1].

Переписка началась по инициативе Голлербаха, который обратил внимание на статью Измайлова о последних днях жизни Розанова в «Вестнике литературы» с выдержками из писем «сергиевопосадского затворника»[2]. В 1918—1919 гг. искусствовед стал автором

[1] *Голлербах Э. Ф.* В. В. Розанов: Жизнь и творчество // Голлербах Э. Ф. Встречи и впечатления / сост., подгот. текстов и коммент. Е. А. Голлербаха. СПб., 1998. С. 89.

[2] *Измайлов А. А.* Что делается в литературе // Вестник литературы. 1919. № 3. С. 4—5.

первой монографии, целого ряда статей и публикаций, связанных со знаменитым современником[3], а в 1921 г. инициировал создание двух кружков, посвященных памяти Василия Васильевича и изучению его творчества — при Вольфиле и при Доме литераторов; среди участников этих объединений были А. Белый, А. Л. Волынский, Е. П. Иванов, Н. О. Лернер, В. Р. Ховин, К. А. Эрберг и другие[4]. «Живейший интерес» к философскому миру Розанова, его биографии[5] и свел Голлербаха с Измайловым. Отвечая на первое письмо своего корреспондента, критик отмечал: «То, что Вы любили В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩, и то, как Вы воспринимаете его примирение в смерти, — уже скрепляет нас заочно дружбою, и наши руки тянутся к горячему пожатию через головы холодных, равнодушных, тупо не понимавших В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ или отлично его понимавших, но трусливо прятавшихся от него в сторонку, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ не оказаться в „дурном“ общ⟨ест⟩ве» (см. п. 2). Темами переписки Измайлова и Голлербаха стали личность философа, кончина, завещание, архив.

Заочное общение корреспондентов оборвалось в ноябре 1919 г.: в это время Измайлов переживал духовный кризис и депрессию, вызванную в том числе тяжелым материальным положением. Впрочем, их личные встречи не прекратились. Измайлов и Голлербах несколько раз виделись у общих знакомых. Об одной из таких встреч искусствовед упомянул в некрологе «Памяти А. А. Измайлова»: «Вспоминается мне последняя встреча с ним совсем недавно

---

[3] См.. *Е. Г* [Голлербах Э. Ф.]. Завет Розанова // Жизнь искусства. 1919. 21 мая. (№ 142). С. 2; *Голлербах Э.* Посмертное письмо В. В. Розанова // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 8—9; *Э. Г* [Голлербах Э. Ф.]. Посмертные письма В. В. Розанова // Там же. № 6. С. 15; *Э. Г* [Голлербах Э. Ф.]. Из предсмертных писем В. В. Розанова // Там же. № 8. С. 13—14. См. также: *Розановская энциклопедия.* Стб. 276—278.

[4] См. об этом: «Пишите, пишите, но без „похвального слова“ [Анкета об отношении писателей Р. В. Иванова-Разумника, Б. Зайцева, Н. О. Лернера, Н. Н. Русова к творчеству В. В. Розанова] / предисл. и публ. Л. Ильюниной // Наше наследие. 1989. № 6 (12). С. 61—63.

[5] В 1930-е гг. современники предупреждали Голлербаха о возможных последствиях его «ретроградных» интересов и «убеждений»: «*Там* мне всё вспоминались *пророческие* слова Чуковского (в ноябре [19]32 г. в столовой Ленпублита ⟨...⟩): „Забудьте вы о Роз[анове], *погубит* Вас этот несчастный реакционер“» (*Голлербах Э.* Незабываемо: Записная книжка I: Самоотчет 1933 г. // Голлербах Э. Ф. Встречи и впечатления. С. 222).

у В. Н. Сперанского, его тихий, ласковый, немножко по-семинарски „окающий“ говор, улыбка с оттенками застенчивости и печали, короткая, одними кистями рук, жестикуляция»[6]. После смерти Измайлова 15 марта 1921 г. Голлербах проявил интерес к сохранившимся в его архиве письмам Розанова и собирался даже подготовить их к печати. Алексей Алексеевич Измайлов, брат критика и его наследник, был готов предоставить материалы для публикации, однако, «ознакомившись ближе с содержанием писем, изменил свое решение», — как он сообщил в письме, — «по соображениям чисто морального свойства»[7].

Письма Голлербаха воспроизводятся по автографам РО ИРЛИ (Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 93); письма Измайлова — НИОР РГБ (Ф. 453. Карт. 29). В приложении публикуются два открытых письма Голлербаха, тематически примыкающих к переписке: 1) «Открытое письмо литераторам. К полугодовщине со дня смерти В. В. Розанова. 5 февраля 1919» печатается по автографу, сохранившемуся в архиве А. М. Ремизова (РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 1—2); 2) ⟨Открытое письмо⟩ Надежде Васильевне Розановой и другим осуждающим печатание писем † В. В. Розанова. 12 июля 1919 г. (ГЛМ. Ф. 362. Оп. 2. Ед. хр. 150. Л. 1—2).

[6] *Голлербах Э. Ф.* Памяти А. А. Измайлова // Там же. С. 100. Некролог был опубликован в «Вестнике литературы» (1921. № 4—5 (28—29). С. 13). Отметим, что в нем впервые были представлены отрывки писем Измайлова к Голлербаху.

[7] Письмо Алексея Алексеевича Измайлова к Э. Ф. Голлербаху от 9 ноября 1921 г. (НИОР РГБ. Ф. 453. Карт. 1. Ед. хр. 30. Л. 3).

1
Голлербах — Измайлову
13 марта 1919 г., Детское Село

13. III. 19

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

В. Н. Сперанский[1] сообщил мне, что в «Известиях (или Вестнике?) Общества литераторов и ученых» появится Ваша статья о покойном В. В. Розанове[2]. Не откажите прислать мне этот номер, — когда он выйдет, или благоволите указать адрес редакции.

Известна ли Вам моя недавно вышедшая книжка о Василии Васильевиче?[3]

Если нет, я пришлю Вам ее.

Знаете ли Вы, как умер В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩?

Кончина его была чудесная, светлая, радостная, — сплошная осанна Христу[4]. В нем произошло великое перерождение. Сознание, что он умер легко и радостно (он, так мучительно боявшийся смерти), — единственное утешение для меня, связанного с В⟨асилием⟩ В⟨асильевичем⟩ безграничной любовью и дружбой.

Пожалуйста, исполните мою просьбу, буду весьма признателен.

Э. Голлербах.

Детское Село (б. Царское Село), Пешковская, 27.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 93. Л. 1—1 об.

[1] Сперанский Валентин Николаевич — правовед и историк философии, преподавал в Петербургском университете, Психоневрологическом институте и в других учебных заведениях. После 1917 г. был одним из руководителей Общества взаимопомощи литераторов и ученых. См. о нем: *Голлербах Э. Ф.* Встречи и впечатления. С. 461.

[2] Статья, посвященная последним дням жизни Розанова, с выдержками из его писем Измайлову, появилась в рубрике «Что делается в литературе» («Вестник литературы». 1919. № 3. С. 4—5).

[3] Речь идет о первой монографии, посвященной В. В. Розанову; печаталась в журнале «Вешние воды» (1918, янв. — февр., март — апр.), после закрытия журнала издана отдельной книгой: *Голлербах Э. Ф.* В. В. Розанов: Личность и творчество: опыт критико-биографического исследования. Пг., 1918. 50 с. Брошюра вышла в свет осенью 1918 г. См. комментированное переиздание в кн.. *Голлербах Э. Ф.* Встречи и впечатления. С. 39—93.

[4] Эти сведения исходили от дочери философа Надежды Васильевны Розановой. Ср., например, ее письмо к Голлербаху от 2 мая 1919 г. в собрании М. С. Лесмана. См.. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: аннотированный каталог; публикации / сост. М. С. Лесман, Н. Г. Князева и др. М., 1989. С. 292.

2
Измайлов — Голлербаху
16 марта 1919 г., Петроград

Простите, — не знаю Вашего имени-отчества.

Я действительно имею поручение дать *несколько строк* о В⟨асилии⟩ В⟨асильевиче⟩ и — предпочел уклониться от этого[1]. Писать надо было оглядываясь и направо, и налево, и чуть ли не еще куда-то, — судите, что можно в таком случае написать! И я сказал, что готов написать о Р⟨озанове⟩ книгу, готов написать статью, но 30 строк и в нынешний момент — не могу и не умею.

К стыду моему, не читал Вашей книги и буду искр⟨енне⟩ Вам благодарен, если бы создалась возможность получить от Вас ее. То, что Вы любили В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩, и то, как Вы воспринимаете его примирение в смерти, — уже скрепляет нас заочно дружбою, и наши руки тянутся к горячему пожатию через головы холодных, равнодушных, тупо не понимавших В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ или отлично его понимавших, но трусливо прятавшихся от него в сторонку, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ не оказаться в «дурном» общ⟨ест⟩ве.

Сегодня перебирал письма В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩[2] и — подмывает мысль написать о нем если не книгу, то хоть хорошую статью — воспоминательно-портретного типа. Какие ласковые, какие дружеские письма, какая исключительная интимность во многих

признаниях, в особ⟨енности⟩ в последние месяцы! *Это* будет интересно даже чужим ему. Уже сейчас мертвая тень Розанова представляется огромной по сравнению с тем, как его видели живого. Удел его — расти, иным малиться[3].

Искренне был бы рад встрече с человеком, к⟨оторый⟩ любил Розанова. Кажется, нам трудно не понравиться друг другу при этом условии.

С искренним уважением

А. Измайлов.
16/III.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 453. Карт. 29. Л. 1—2. На личном бланке.

[1] Несколько статей о Розанове Измайлов все-таки опубликует; см. примеч. 2 к п. 1 и примеч. 4 к п. 7

[2] Переписку Розанова и Измайлова см. в наст. изд., с. 385—509.

[3] Ин. 3: 30.

3
Голлербах — Измайлову
23 марта 1919 г., Детское Село

23. III. 19

Посылаю Вам, Александр Алексеевич, мою брошюру о В. В. Розанове, весьма несовершенное исследование о нашем общем друге. Мне говорили, что она распродана[1], но у меня осталось еще два экземпляра, один из которых и прошу Вас принять. На скверную репродукцию моего портрета не следует обращать внимания, — это неуместная затея издателя[2].

...Вы правы, что мертвая тень Розанова уже сейчас — больше его прежней, прижизненной величины. И она будет расти, только не всем виден будет этот рост. Rosanoff est mort — vive Rosanoff![3]

Жду с нетерпением, когда младшая дочь В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ исполнит свое обещание — прислать мне тó, что было продиктовано В⟨асилием⟩ В⟨асильевичем⟩ в дни болезни, в предчув-

ствии смерти[4]. Не сомневаюсь ни на минуту, что увижу воочию, как «уменьем умирать душа облагорожена» (Ал. Блок)[5].

Знаю, что в моей статье кое-чего не хватает для полной характеристики В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩, есть и лишнее (особенно в примечаниях). Жаль, что не пришлось поместить в приложении некоторых очень интересных писем по цензурным соображениям. После того, как книжка вышла в свет, я получил еще десять писем от В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩, в которых есть много ценного и важного как в биографическом, так и в философском отношении. Таким образом, в книжку не вошли самые существенные письма.

Никогда еще не писал В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ таких горячих, искренних, взволнованных исповедей, как осенью минувшего года. Вся его многодумная, многообразная душа, усталая и страдающая, вылилась в этих последних письмах. Не знаю, появятся ли они когда-либо в печати и нужно ли их печатать[6].

Когда получили Вы последнее письмо от В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩? — Мне он писал в последний раз 26 октября прошлого года. Письмо кончается словами: «Устал. Прощайте. В. Р.». Об усталости В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ писал и раньше, но «прощайте» встречается впервые в этом 32-ом и последнем письме, — и оно оказалось пророческим[7].

———————————————————————————

———————————————————————————

...Вы знаете, существуют инфракрасные и ультрафиолетовые лучи. В них есть нечто «трансцендентное», в том смысле, что они недоступны непосредственному восприятию. Между тем первые обладают значительным тепловым действием, вторые сильно действуют химически. Ни те ни другие не видимы человеческим глазам.

Розанов был светилом, излучавшим именно такой незримый свет. Лучи его грели только нас, немногих, и влияли на нас «химически». Его книги поистине астрономия невидимого. Глазные нервы обывателей нечувствительны к свету Розанова, к его инфракрасным и ультрафиолетовым лучам.

Настоящих читателей у него даже не сотни, а всего десятки. Зато тысячи хулителей и клеветников. Но верю: образ В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩, его думы, заветы и чаяния не могут умереть. Верю и в то, что «где-то есть не наша *связь*, а лучезарное *слиянье*» (Ин. Анненский)[8]. Мы, связанные с В⟨асилием⟩ В⟨асильевичем⟩ духовным родством и бережной любовью, дождемся этого слияния, когда придет наш час, когда надвинется последняя усталость.

Я написал небольшой некролог о В⟨асилии⟩ В⟨асильевиче⟩. Напечатать его, разумеется, негде[9]. Сейчас он находится у В. Н. Сперанского, когда он вернет мне его, я пришлю Вам, если угодно. Хотел бы повидаться с Вами (предупреждаю только, что я плохой собеседник) и был бы рад, если бы Вы собрались ко мне в Царское. Лучше всего в воскресенье или в четверг, с поездом 1 ч. 10 м. из Петрограда. Я встречу Вас на вокзале и покажу, если пожелаете, Царскосельские Дворцы-Музеи. Могу провести Вас в недоступные публике личные апартаменты Н⟨иколая⟩ II и его супруги. Прошлым летом В. К. Лукомский и я занимались изучением и описью этих помещений со всем их любопытным содержимым[10].

Остальную часть дня проведем у меня. О приезде предупредите меня письмом (за два-три дня). Желаю всего доброго и жду ответа.

Э. Голлербах.

P. S. Я хотел бы прочесть все, что когда-либо было написано Вами о Розанове, — помню, была Ваша заметка в «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостях⟩»[11]. Если она сохранилась у Вас, пришлите мне ее на время.

Э. Г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 93. Л. 2—5.

[1] Брошюра Голлербаха о Розанове была отпечатана тиражом около 300 экз.; см. примеч. 3 к п. 1.

[2] М. М. Спасовский, публицист, биограф, редактор-издатель студенческого литературно-художественного журнала «Вешние воды» (1914—1918).

[3] Розанов умер — да здравствует Розанов! (*фр.*). Перефразирован знаменитый девиз: Le roi est mort — vive le roi! (Король умер — да здравствует король!, *фр.*).

[4] Надежда Васильевна Розанова, дочь В. В. Розанова, исполнила свое обещание — названные материалы сохранились в архиве Голлербаха; см.. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. С. 292. См. также п. 6.

[5] Цит. из стих. А. Блока «По улицам метель метет...» (1907).

[6] Голлербаху удалось воплотить свой замысел. Впервые: Письма В. В. Розанова к Э. Голлербаху. Берлин, 1922. Девять писем Розанова к Голлербаху опубликованы в книге: *Голлербах Э. Ф.* В. В. Розанов: Личность и творчество. Пг., 1918. Письма Розанова к Голлербаху см.. *Розанов.* [Т. 17]. С. 337—383.

[7] См.. Письма В. В. Розанова Э. Голлербаху / подг. текста, публ. и коммент. Е. Голлербаха // Звезда. 1993. № 8. С. 124—127

[8] Цит. из стих. Ин. Анненского «Аметисты» («Когда, сжигая синеву...»).

[9] Подразумевается статья: *Голлербах Э. Ф.* Памяти Розанова (1856—1919) // Жизнь искусства. 1919. 27 марта. № 105. С. 3.

[10] В. К. Лукомский, известный историк, геральдист и генеалог. В 1917—1918 гг. участвовал в Царскосельской (Детскосельской) художественно-исторической комиссии, которая занималась регистрацией и охраной памятников и предметов искусства в Царском Селе. См: *Голлербах Э. Ф.*: 1) Художественные ценности в бывших особняках Детского Села // Северная коммуна. Пг., 1919. 9 апр. № 78 (271). С. 4; Охрана предметов искусства в Детском Селе // Жизнь искусства. 1920. 10—12 дек. № 628/630. С. 2; и др.

[11] Измайлов написал свыше 10 статей, заметок, рецензий о книгах Розанова. См.. *Ломоносов А. В.* Измайлов Александр Алексеевич // *Розановская энциклопедия.* С. 420—425.

4
Измайлов — Голлербаху
26 марта 1919 г., Петроград

26/ III 1919

Искренне уважаемый Эрих Федорович,

Очень-очень благодарю Вас за Вашу книжечку. Чувствую, как она полна интереса и как живо сделана. Живу, к сожалению, в такой суете эти дни, что не мог еще заняться ею.

Благодарю и за ласковый зов. Рад бы им воспользоваться, если бы полегчало с делами, с голодом и с передвижением. В. Н. Сперанский с таким одушевлением передавал мне свои впечатления о н⟨екролог⟩е, каким Вам обязан. Это увлекательно.

Простите лаконичность моего письма: пишу не дома, в холоде, на тычке. По 48 часов не бываю дома и ночую, как бедуин, каждую

ночь на новом месте[1]. Жестоко слово, но стало правдой: первые стали последними[2].

Искренне Ваш

А. Измайлов.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 453. Карт. 29. Л. 3—4. На бланке «Петроградского голоса».

[1] С начала августа 1918 г. перестал выходить редактируемый Измайловым «Петроградский голос». В 1919—1920 гг. критик существовал на случайные заработки.

[2] Мф. 19: 30.

5
Измайлов — Голлербаху

Апрель — начало мая 1919 г., Петроград

Многоуважаемый Эрих Федорович,

Очень благодарю Вас за возможность познакомиться с Вашею интересною статьей[1]. Если Вы хотите моего мнения, я бы сказал, что она — более беседа в кругу знавших и любивших покойного, чем литературный портрет. Отсюда в ней то тепло, к⟨ото⟩рое располагает и к тому, о ком пишут, и к тому, кто пишет, но это — мало чем литер⟨атурный⟩ портрет, и в этой ст⟨атье⟩, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, не лишне было бы ввести еще нечто, в дополнение характеристики, для обрисовки тех сторон, какие были в В⟨асилии⟩ В⟨асильеви⟩че замечательны, — вовсе здесь не тронуты.

Простите, что избрал такой способ возврата Вам рукописи: живу один, невозможно вырваться на почту: изнемогаю от физич⟨еских⟩ утомлений.

Искр⟨енне⟩ Вас уважающий

А. И⟨змайлов⟩.

Печататется по: НИОР РГБ. Ф. 453. Карт. 29. Л. 5—5 об.

¹ По-видимому, речь идет о рукописи статьи: *Е. Г* [Голлербах Э. Ф.]. Завет Розанова // Жизнь искусства. 1919. 21 мая. (№ 142). С. 2.

6
Голлербах — Измайлову
10 мая 1919 г., Детское Село

10. V. ⟨19⟩19

Только что получил из Сергиева Посада (от Над⟨ежды⟩ Вас⟨ильевны⟩ Розановой) пакет с документами — письмами, завещаниями, записками, относящимися к последним дням единственного, незабвенного В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩[1]. Материал огромной важности, глубоко содержательный. Многое получает новое освещение, отпадают некоторые легенды и т. д. Кое-что я считаю возможным и даже должным предложить вниманию тех, кто знал и ценил В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩. Таким людям, как Вы, нужно всё знать о В⟨асилии⟩ В⟨асильевиче⟩, ясно ощущать его. Он здесь, рядом, он не умер. Если хотите, условимся, назначьте вечер, — может быть, у меня?

«Клейкие весенние листочки, голубое небо», о которых говорил Иван Карамазов, здесь уже налицо. «Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь, первые свои молодые силы любишь...»[2] Ничего этого нет на вашем Васильевском Острове[3], уверяю Вас.

Э. Голлербах

Статьи Ваши не затерял, не бойтесь, верну при случае или пришлю вскоре[4]. Они очень хороши, внимательны, участливы, словом, Ваше перо.

Э. Г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 93. Л. 6—7

¹ См. примеч. 4 к п. 3.
² См.. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.. в 30 т. Л., 1974. Т. 14. С. 210.
³ Адрес проживания Измайлова: 17-я линия Васильевского острова, д. 70.

[4] Вероятнее всего, речь идет об альбоме с вклеенными статьями критика о Розанове. В архиве Измайлова не сохранился.

7
Измайлов — Голлербаху
15 мая 1919 г., Петроград

15. V.

Необычайно интересно то, о чем Вы говорите. Очень благодарю Вас за то, что Вы готовы разделить со мной наваждение ознакомления с тем, что было *интимное* и *тайное* у ч⟨елове⟩ка, к⟨оторого⟩ мы оба любили. Увы! — я сейчас лишаю себя возм⟨ожности⟩ отлучаться на целый день: со вчерашн⟨его⟩ дня, прижимаемый нуждой, д⟨олжен⟩ б⟨ыл⟩ взять служеб⟨ное⟩ место, соверш⟨енно⟩ частное, соверш⟨енно⟩ не по моей спец⟨иальности⟩ — вроде забивания гвоздей головой. Голова не для того создавалась, но — видно, ни от чего отказываться не приход⟨ится⟩ в это⟨м⟩ лучшем из миров[1].

Сказать вам, — будьте ласковы, привезите, посетите — не смею. Знаю, что и Вам это одинак⟨ово⟩ было бы трудно. Отказаться от такой радости тоже — жутко. Не знаю, что и сказать. 4 дня в неделю относительно я буду вечером свободен. Три отсутствовать. Сейчас, впрочем, по воскресеньям — снят с места.

Встретил Мережк⟨овского⟩ — говорит, получил письмо от доч⟨ери⟩ В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ с р⟨асска⟩зом (страшно интересным) о его послед⟨них⟩ днях и дне: Последних *слов* нет[2]. — От ред⟨актора⟩ «Вестника литер⟨атуры⟩» слышал, ч⟨то⟩ в очеред⟨ном⟩ № будет одно из послед⟨них⟩ писем Роз⟨анова⟩ к кому-то из литер⟨атурных⟩ собратий[3]. — Вчера вручил свою статью (большую) Горнфельду о Роз⟨анове⟩ для харьк⟨овского⟩ ж⟨урнала⟩ *«Творчество»*[4]. Рад буду, если пройдет. Но Харьков, но почта, но условия печати, но колебание почвы под самим журналом!..

Сердечный привет.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 453. Карт. 29. Л. 6—6 об. На личном бланке.

[1] Неточная цитата из романа Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1758).

[2] Подразумевается письмо Надежды Васильевны Розановой к Мережковскому о последних часах жизни и о смерти Розанова. Судьба письма неизвестна. Подобные письма были направлены и другим писателям — М. Горькому, Б. А. Садовскому, А. А. Блоку, П. П. Перцову. О последних годах жизни Розанова, а также письмо Н. В. Розановой П. П. Перцову см.: *Розанов В.* Письма 1917—1919 годов / вступ. ст. Е. Ивановой; публ. и примеч. Т. Померанской // Литературная учеба. Кн. 1. 1990. С. 70—88. Также см.: [Голлербах Э. Ф.]: 1) Из предсмертных писем В. В. Розанова // Вестник литературы. 1919. № 8. С. 13—14; 2) Письма В. В. Розанова // Накануне. Берлин. 1922. 1 апр. (№ 6). С. 5.

[3] См.: *Голлербах Э. Ф.* Посмертное письмо В. В. Розанова // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 8—9.

[4] А. Г. Горнфельд, литературовед, критик, переводчик, публицист. Активно сотрудничал в харьковском журнале «Творчество». Подразумевается статья: *Измайлов А. А.* Закат ересиарха // Творчество. Харьков, 1919. № 5/6. С. 27—30.

8
Голлербах — Измайлову
27 июня 1919 г., Детское Село

27. VI. ⟨19⟩19

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Возвращаю с благодарностью Ваши превосходные статьи о В⟨асилии⟩ В⟨асильевиче⟩. Вот видите, — вы напрасно опасались мне дать эти вырезки, я не «зачитал» их, несмотря на великое искушение.

На днях совершил нечаянную нескромность — прочитал с живейшим интересом Ваше пространное (на шести страницах) письмо к А. Ф. Кони по поводу стихов одного молодого поэта, имени коего Вы осторожно не упоминаете[1]. По-моему, Вы очень снисходительны в оценке его творчества. Правда, юноша был даровит, но невероятно захвален льстивыми родственниками и друзьями, видевшими в нем второго К. Р.[2], если не больше. К числу таких усердных восхвалителей принадлежал и А. Ф. Кони. — Мне думается, что на Руси всегда было некоторое количество хорошо воспитанных и довольно способных офицериков, любивших «злодейские стишки». Обилие сладких и нежных слов в творчестве юного (ныне, может

быть, покойного) баловня судьбы, едва ли искупает обычную гусарскую фатоватость, пошлость и «легкость в мыслях»[3].

Я потерял уже всякое чаяние увидеть Вас в Царском, что очень грустно. Не можете ли Вы охарактеризовать в двух словах М. А. Кузмина и Ю. Юркуна как писателей?[4] Произведения первого мне давно отлично известны и хочется только услышать Ваше решительное суждение, а второго совсем не знаю, но интересуюсь им ввиду какой-то странной его близости к Кузмину.

Душевно преданный Вам

Э. Голлербах

P. S. Маленькая поправка к одной из Ваших статей: «О понимании» писалось не три года, а целых пять лет[5].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 93. Л. 8—9 об.

[1] Подразумевается В. П. Палей, сын великого князя Павла Александровича от его морганатического брака с Ольгой Валерьяновной Пистолькорс. Упоминаемое письмо А. А. Измайлова к А. Ф. Кони сохранилось (ИРЛИ. Ф. 134 (архив А. Ф. Кони). Оп. 3. Ед. хр. 2256. Л. 1—3 об.). Его публикацию и историю создания см.. *Александров А. С.* О первом отзыве на стихотворения Владимира Палея: (По архивным материалам) // Наше наследие. 2011. № 4. С. 98—105.

[2] Вел. кн. Константин Константинович.

[3] Аллюзия на реплику Хлестакова из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (действ. 3, явл. 6).

[4] Ю. И. Юркун, прозаик, драматург, художник-график, интимный друг М. А. Кузмина.

[5] «О понимании: опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (1886) — философский труд В. В. Розанова. Голлербах делает поправку к статье: *Аякс.* В. В. Розанов: (К 30-летнему юбилею: 1882—1912 гг.) // *БВ.* Веч. вып. 1912. 21 нояб. (№ 13260). С. 5—6. Аякс — известный псевдоним Измайлова, однако статья написана самим Розановым; см. автограф с просьбой о публикации (НИОР РГБ. Ф. 249. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 1). Подробнее об обращении Розанова и о публикации этой статьи — в переписке Розанова с Измайловым в наст. изд., с. 474.

9

Измайлов — Голлербаху

8 сентября 1919 г., Петроград

8 сент⟨ября⟩

Я давно должник Вам, многоуважаемый Эрих Федорович, — и не отвечал и не благодарил. Являясь одной прислугой у себя, распыляешься совершенно. Духовную жизнь едва теплишь, пытаясь читать, идя по улице. Близко превращение в полное быдло, помышляющее только о еде.

Благодарю Вас за книжечку стихов[1], за письма. Это как бы вести из какого-то иного мира. И Вам, по-видимому, еще доступны некоторые «веселости» мира, от коих я уже отвык (писание стихов, их издание). Дай Вам Бог подольше сохранить это.

«Открытое письмо» одновременно возвращаю в другом конверте[2]. Я позволил себе пометить красн⟨ыми⟩ точками то, что, по-моему, выдвинуто преувеличенно-вызывающе. Принадлежа к большим почитателям В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ Р⟨озанова⟩, я бы все-таки так не написал. Вообще — позвольте быть откровенным — я бы не выступил с таким письмом-воззванием. Творить памятник Р⟨озано⟩ву нужно, но самим делом. Пишите восп⟨оминания⟩ о нем, книгу о нем, затевайте альманах, сводные мемуары — это действеннее и ближе к цели, чем воззвания, и не только по нашему растерзанному времени, когда никому нет заботы о Фил⟨ософском⟩ собр⟨ании⟩, а и не потому, что придет следом за этим.

Два слова о Палее. Кони обратился ко мне, я писал искренно и сейчас думаю, что для 18 лет, к⟨а⟩к мне тогда говорили, стихи были решительно обещающими. С автором я не был знаком и огородил себя от знакомства. В этих кругах я всего менее искал. Если бы тут завязались «отношения», был бы только неприятно сконфужен, до такой степени будучи им не свой. Всё это говорю к тому, ч⟨то⟩б⟨ы⟩ сказать, что в отзыве в ту минуту, когда писал его, был искренен[3]. Может быть, сейчас прочтя, почувствовал бы, что и Вы. Не знаю. Забыл.

Соблазнительно бы быть у Вас в Царском, но сейчас и думать не могу. Живешь — день да ночь, сутки прочь, в усталости, суете и пыли, от к⟨ото⟩рой некогда стряхнуться.

Ваш А. Изм⟨айлов⟩
8 сент⟨ября⟩

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 453. Карт. 29. Л. 7—8 об.

[1] *Голлербах Э. Ф.* Чары и таинства: Тетрадь посвящений. Пг., 1919. См. подаренный Измайлову экземпляр: РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 36.

[2] Открытое письмо литераторам: К полугодовщине со дня смерти В. В. Розанова (5 февраля 1919); см. наст. изд., с. 532—534.

[3] См. примеч. 1 к п. 8.

10
Голлербах — Измайлову
12 сентября 1919 г., Детское Село

12. IX. ⟨19⟩19

Дорогой Александр Алексеевич, мне очень совестно, что я своими письмами вынуждаю (отчасти) Вас, усталого и занятого, отвечать мне. Но едва ли я смогу отделаться от желания писать Вам хотя бы изредка. Меня связывают с Вами непреодолимые «токи» симпатии, еще с тех дней моей ранней юности, когда я почти плакал над Вашими страницами о Чехове[1]. С тех пор Чехов и Вы связались в моем представлении воедино. Вообще, когда думаю о Вас или просто вспоминаю Ваше имя, на меня веет ароматом *настоящей*, не фальсифицированной, Литературы (с большой буквы), веет чем-то безгранично дорогим и милым. Поверите ли Вы, что немец (хоть немцем я себя не считаю и даже плохо владею немецким языком) может любить русскую литературу «больше всего на свете». Это так, уверяю Вас.

Милый Александр Алексеевич, неужели *всё* сгинуло безвозвратно? Подумайте, *Вы говорили некогда о литературном безвременьи*[2]. По моему глубокому убеждению, никакого безвременья не было.

Беллетристика потеряла Чехова, философия — Вл. Соловьева, догорал (как художник) Л. Толстой, но ведь какой ослепительной кометой ворвался и расцвел Розанов. А разве Андреев, Куприн, Сологуб, Зайцев, Мережковский, Гиппиус не *большие, не сильные* люди? Может быть, не сильные, но большие, наверное.

Полагаю, что Вы клевещете на себя, уверяя, что «едва теплите» духовную жизнь. Знаю по опыту, как нудно и тяжко влачить теперь существование, и сочувствую. Но неугасима, неистребима, духовная жизнь. Тлеет под пеплом. Мы только временно принуждены унести «зажженные светы в катакомбы, в пустыни, в пещеры»...[3]

«Веселостей» я не знаю, напротив, в последнее время сплошь живу в тревогах и огорчениях. Вы справедливо осуждаете меня за «Открытое письмо» о Розанове[4]. Я легко впадаю в ошибки и сознаю и всегда с опозданием. О бедном П⟨алее⟩ я написал потому, что он блистательно опроверг свое дарование второю книгой стихов, почти сплошь неудачной[5]. Я и не думал намекать на «искательство» с Вашей стороны, и если Вам показалось так, простите великодушно.

Жалею, что не можете собраться ко мне, был бы рад Вам очень; ко мне можно с ночевкой и вообще без церемоний.

Отчего Вы не браните меня за стихи? Я был бы только благодарен, если бы Вы написали мне, что они плохи[6].

Искренно преданный Вам

Э. Голлербах
Детское Село,
Пешковская, 27

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 93. Л. 10—13.

[1] См.. *Измайлов А. А.* Чехов: 1860—1904: Биографический набросок. М., 1916.

[2] В конце 1900 — начале 1910-х гг. Измайлов написал ряд критических статей, называя этот период «литературным безвременьем». В 1913 г. вышел его сборник «Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья» со статьями о Д. С. Мережковском, К. Д. Бальмонте, А. А. Блоке, М. П. Арцыбашеве, А. В. Амфитеатрове, И. А. Бунине, А. Н. Будищеве, Вяч. Иванове, З. Н. Гиппиус, Е. Н. Чирикове, А. М. Ремизове, В. В. Вересаеве.

[3] Цит. стих. В. Я. Брюсова «Грядущие гунны» («Где вы, грядущие гунны... 1905).
[4] См. примеч. 2 к п. 9.
[5] См.. *Палей В. П., кн.* Стихотворения: Сборник 2-й. Пг., 1918. См. примеч. 1 к п. 8.
[6] См. примеч. 1 к п. 9.

11
Измайлов — Голлербаху
30 октября 1919 г., Петроград

30/X.

Дорогой Эрих Федорович,

Благодарю за греющее письмо, благодарю за Ваши «Опавшие листья»[1].

Вот это нравится мне несравнимо больше стихов. Не обидьтесь, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ я говорю не о Ваших стихах[2], а вообще о стихах. Покаюсь и удивлю Вас, — с годами устоялось какое-то странное в душе отношение к стихам и стихотворчеству. Да, Пушкины, Лермонтовы — это где-то на своем месте стоит, как великое, незыблемое и нужное для жизни. А рядом — *наши* стихи, Бальмонта, Ваши, мои. Это что-то слишком *для себя*, для своих, чего бы, собственно, не следовало печатать для всех. Легкий и мимолетный жанр, что-то дополнительное к чему-то, не пища, а соус к пище, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ и очень приятный, но не существенно нужный. Раз, в 40 лет, я спросил себя (и через неск⟨олько⟩ лет спросите себя Вы), что если бы старый любимый учитель, встретя меня, спросил через 25—30 лет после разлучения, «а что же Вы делаете?» — и я должен был бы ответить «пишу стихи». И я почувствовал, как было бы стыдно сказать это. Не буду пояснять. Продумайте это сами и почувствуйте. А не почувствуете, — значит, Вам надо еще выждать годков пять.

В этом ощущении, думается, нет ничего от толстовской рисовки, но есть нечто от чеховского просто-реального уважения к жизни.

Мысли, чувства, веяния проносятся в уме и так запечатлеваемы, как научил нас Розанов, — это оч⟨ень⟩ хорошо, ибо так просто, честно, чуждо литературничанья. Не слишком ли уж упрощенно в смысле литер⟨атурной⟩ формы? Но время оправдывает это упрощение.

И многое у Вас поистине прекрасно, глубоко, честно и нужно. *Пока* надо забрасывать так свои думы на бумагу. После разберемся. Между нами, я тоже это делаю. У Вас это иногда выходит с интимностью Вашего учителя. И даже с его словесною красотою. Посылаю вам из своей наблюдательской ложи — habet![3] Но именно с таким разбором печатайте, как поступили. Ибо написанного и подмеченного, вероятно, много больше.

О музык⟨альных⟩ наблюдениях Ваших думаю, и у Вас против меня как бы больше одним органом восприятия. Я здесь неуч и младенец.

За всё ласковое о себе спасибо. Едва ли стою. Но искренности Вашей верю и целую ⟨так!⟩ ее.

О «безвремении» не из упрямства позволю себе отстаивать встаре сказанное в самой резкой форме. О, как я опечален всею судьбой, всем устремлением нашей литературы. Какое злое разрушительное дело она делала! Как страшно звучал над моим ухом всё оплевавший, всё швырнувший в грязь хохот Салтыкова. Мучеником и подвижником стоит Гоголь, понявший, какое злое дело сделал в свою меру и гигантскую силу, и как он каялся, и как он бессильно пытался на стертом фоне Кувшинного Рыла нарисовать улыбку![4] Но всё это тема *целой жизни,* даже не десятка фельетонов. Сумеем ли мы это вскоре понять и взять отсюда урок, — не знаю. Может быть, и ничему не научимся!..

Крепко жму вашу руку.

Вы пережили ужасы[5]. Но я нарочно отвлекаюсь от всего этого — в воздух мира и свободы.

Печатается по: НИОР РГБ. Ф. 453. Карт. 29. Л. 9—10 об.

[1] См.. *Голлербах Э. Ф.* В зареве Логоса: Спорады и фрагменты. Пг., 1920. Книга Голлербаха, по-видимому, по своей структуре и характеру напомнила Измайлову розановские «Опавшие листья».

[2] См.. *Голлербах Э.* Чары и таинства: Тетрадь посвящений. Пг., 1919.

[3] «Hoc habet!» — восклицание римских зрителей на гладиаторских боях, при получении гладиатором смертельного ранения.

[4] В данном случае Измайлов разделяет взгляды Розанова, который неоднократно высказывался критично по отношению к сатирическому направлению русской литературы, представленному именами Гоголя, Салтыкова-Щедрина; см.. *Розановская энциклопедия.* Стб. 856—857, 261—275 и др. статьи.

[5] 20 октября 1919 г. Сев.-Западная армия ген. Н. Н. Юденича заняла Царское Село.

12
Голлербах — Измайлову
15 ноября 1919 г., Детское Село

Хотим мы созидать и — разрушать
Всё сызнова начнем, сначала:
Ужели погибать и воскресать
Душа упрямая устала?
(*З. Гиппиус*)[1]

То́, что Вы говорите о современной поэзии, Александр Алексеевич, признаться, огорчило меня. Разве нет в ней таких выкованных, отчеканенных строк, которые «вечнее», нетленнее, *нужнее* многих фолиантов прозы. Разве нет таких стихов, взвешивая которые, Муза, соблюдавшая правду, убеждается, что они «томов премногих тяжелей»?..[2]

В последнее время я часто перелистывал (как-то случайно) «Сети» Кузмина. Перечитывая его пьесы, я чувствую так ясно, что не будь их, было бы в нашей поэзии большое «пустое место».

Но еще значительнее (меня опьяняют и взвинчивают наркотически) некоторые строки, именно *строки* Блока, Гумилева, Анненского. Вы писали не раз о Блоке[3], но вот не помню, писали ли Вы о двух других. Сколько трепета, сколько сгущенности духа есть в некоторых вещах этих поэтов. И еще поставлю на высокий пьедестал Гиппиус и Белого.

Что проза! Чего стоит леденящая, мертвящая беллетристика Лазаревских, Дымовых, Муйжелей, Олигеров, Слезкиных, Ауслендеров, Будищевых, Чириковых... Уже не говорю о доцветающих, догорающих Потапенках, Баранцевичах, Ясинских.

Ведь это же тоска непроходимая. Это теперешнее молоко — водянистое, безвкусное, тошнотворное. Да и его почти нет. Ведь литературы сейчас *нет* (вымерла или притаилась?). Единственно, что еще уцелело хоть частично — стихи. Это характерно и знаменательно. «Вожатый» Кузмина, «Костер» Гумилева[4]. Есть еще порох в пороховницах. Не всё, конечно, хорошо и гладко в этих стихах, но по сравнению с прозой это — чудесное «*сгущенное* молоко». Согласитесь ли Вы с тем, что рассказы, напр⟨имер⟩, Гиппиус или Кузмина, всегда были из рук вон слабы, унылы, надуманны, вялы. Это потому, что весь «заряд» своего дарования они тратили (и слава Богу) на изготовление «сгущенного молока».

Однако, ловлю себя на том, что забыл отделить, обособить, окружить фимиамом почтения прозу Андреева, Куприна, Мережковского, Вашу, Бориса Зайцева. *Это*, конечно, большое мастерство и «стихотворству» не только не уступит, но и забьет, заглушит.

Простите, что я так развязанно жестикулирую в той области, в которой опыт дает «книги в руки» Вам, а не мне. Но, знаете, я убежден, что если бы Ваш (*ваш*) Чехов писал стихи, то у нас не было бы теперь большевизма. Подумайте, что я под этим подразумеваю.

В № 9-ом «Вестника литературы» появился почти ругательный отзыв Мазуркевича о моих стихах[5]. Вначале это раздосадовало меня, но потом я утешился тем, что ведь мерка Мазуркевича — это масштаб «воробьиного носа» («Дышала ночь восторгом сладострастья»... тоже воробьиного) и я осмеливаюсь отнести к себе слова его романса — «Я не для Вас, а Вы не для меня» [6].

Прочтя на Вашем конверте титул «Всероссийский совет снабжения железнодорожников», я искренно порадовался за Вас, полагая, что это место Вашей теперешней службы: счастливые железнодорожники, как известно, избавлены от общей необходимости голодать. Я в последнее время так ощутительно воспринял дыхание Царя-Голода, что, кажется, готов был бы бросить свое эстетичное, но голодное музейное дело не только ради железнодорожничества, но

и ради красноармейства. Но возможностей таких не имею и к тому же ни на что не годен, никаких не имею достоинств. Мне совершенно не знакомы столь полезные вещи, как счетоводство, бухгалтерия, пишущая машинка и пр.

...Вообще — голодание, и даже не столько голодание, сколько постоянное *ожидание* тупика, обрыва, провала, на дне которого — голодная смерть, — это целая проблема, над которой я прежде не думал, но в которой есть грозные испытания и любопытные неожиданности. Я думаю, Земля только потому так уверенно мчится по своей орбите, что она *сыта* (как Планета, как Существо), не знаю, чем — той ли пламенеющей кашей, что таится в ее недрах, или той аппетитной, подрумяненной коркой, которой она покрыта на поверхности. — Я вовсе не посягаю на острословие.

Хотел бы знать, что (о чем) Вы пишете в последнее время и чаете ли воскресение мертвых. Боже, неужели не дождемся настоящих книг, журналов, газет!? Когда же кончится летаргический сон великой, любимой, родной нашей литературы!..

Тоска. Всё застилается снегом, стынет, леденеет. Хорошо говорить и думать о «сладких тайнах холода»[7], созерцая эти мертвые снежные оковы из окна жарко протопленной комнаты. Но топливо надежд, дрова упований совсем на исходе, осталось всего несколько щепок...

Умер Л. Андреев — как незаметно, под скверный шумок повседневной бестолочи, прошла эта смерть[8]. Какой сильный, славный художник ушел от нас.

Ставлю точку, говорю Вам «до свидания». Досадно, что расстояние и дорожная разруха (всего четыре поезда, трамваи до шести) лишают меня удовольствия увидеть Вас у себя или приехать к Вам. Но я был недавно у Сперанского[9] с ночевкой, — если соберусь к нему опять с ночевкой, зайду к Вам, с Вашего разрешения, предупредив о том заранее открыткой.

От души желаю Вам всего доброго, если не превосходного, то хотя бы выносимого (в наши дни поистине невыносимых событий).

Ваш Э. Голлербах

15 ноября 1919 г.

---

1 Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 93. Л. 14—17 об.

[1] Из стих. З. Гиппиус «Сызнова» («Хотим мы созидать — и разрушать... 1907).

[2] Из стих. А. Фета «На книжке стихотворений Тютчева» («Вот наш патент на благородство... 1883).

[3] О статьях Измайлова о творчестве Блока см. в наст. изд., с. 598—606.

[4] Подразумеваются сборники стихотворений: *Кузмин М.* Вожатый. Пг., 1918; *Гумилев Н. С.* Костер. Пг., 1918.

[5] В. А. Мазуркевич, поэт, прозаик, драматург. Имеется в виду рецензия: *М-ч. В.* [Мазуркевич В. А.]. Э. Голлербах. «Чары и таинства»: Тетрадь посвящений. Петербург 1919 г. // Вестник литературы. 1919. № 11. С. 13.

[6] Речь идет о романсе В. А. Мазуркевича «Письмо: (Монолог)» («Дышала ночь восторгом сладострастья... 1900).

[7] Из стих. А. Блока «По улицам метель метет...» (1907).

[8] Леонид Андреев скоропостижно скончался 12 сентября 1919 г. Был похоронен у поселка Ваммельсуу (в 1956 г. перезахоронен в Ленинграде на Литераторских мостках на Волковом кладбище).

[9] См. примеч. 1 к п. 1.

Приложение 1

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЛИТЕРАТОРАМ. К ПОЛУГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ В. В. РОЗАНОВА (5 ФЕВРАЛЯ 1919 г.)

Смиритесь, русские писатели, задавите в себе «литераторов» и всё «литературное» — мелкое тщеславие, честолюбие, стремление возвести свое писательское «я» в единственную, незыблемую ценность. Каждый из вас по-своему хорош, нужен, интересен, но поверьте одному, поймите одно: Василий Васильевич Розанов был первым *мировым* мыслителем, безумно-гениальным, гениально-не-

повторимым, неповторимо-великим! Создадим же ему вечную память. Будем изучать его произведения до последнего слова (многие и многие их не знают), будем распространять его мысли и раскрывать скрытое значение его слов. Заклеймим жалостью уличных зубоскалов, насмешливых глупцов, пошлых завистников, целые десятилетия лаявших на Розанова и до сих пор произносящих его имя с наглой и тупой улыбкой.

Розанов был пророком. Розанов был титаном, провидцем, *святым*. Он был святым, потому что гениальность и есть святость. У него было много недостатков, многое было в нем уродливо, но это нисколько не опровергает его святости: «нечто» (в «ничтожестве»), чтобы сознать себя; самосознание становится сильнее всего после вины; Грааль и Копье родственны.

«Свет из тьмы! Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их...» (Вл. С.)[1]

Розанов был нужен, как нужен был Христос, но «по-другому», «по-современному». Он не был вторым Христом, но не был и Антихристом, он был «Анти-антихрист». В наш век псевдорелигиозности и псевдокультурности он был воплощенным Ренессансом истинной религии и культуры.

Будем любить Достоевского, Толстого, Вл. Соловьева, но еще больше полюбим (когда до конца *узнаем*) Розанова. При всей своей слабости, он был *сильнее* их; при всей своей порочности — непорочнее, светлее, чище. Умирая, он благословил нас, литераторов, завещал забыть вражду и разделение, всех простил и у всех просил прощения[2]. Благословим же и мы его великою любовью, великим сочувствием, великим пониманием. Будем славить его имя, невзирая ни на какие осуждения справа или слева, сверху или снизу. Необходимо воссоздать Петербургское религиозно-философское общество, несколько лет тому назад прекратившее свою деятель-

ность, и назвать его «Религиозно-философским обществом имени В. В. Розанова»[3]. При нем должен возникнуть особый семинарий по изучению жизни и творчества Розанова[4].

Это будет лучшим памятником покойному великому мыслителю.

Э. Голлербах

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 1—2.

[1] Третья строфа стих. Вл. Соловьева «Мы сошлись с тобой недаром...» (1892).

[2] Из предсмертного письма Розанова «К литераторам», ср.. ...ничего нет хуже разделения и злобы и чтобы они всё друг другу забыли, и перестали бы ссориться» (*Розанов В.* Письма 1917—1919 годов. С. 86).

[3] Религиозно-философское общество было основано в Петербурге в 1907 г., прекратило свое существование в 1917 г.

[4] Голлербах в 1921 г. инициировал создание двух кружков, посвященных памяти Розанова — при Вольной философской ассоциации (1919—1924) и при Доме литераторов.

Приложение 2

⟨ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО⟩ НАДЕЖДЕ ВАСИЛЬЕВНЕ РОЗАНОВОЙ И ДРУГИМ ОСУЖДАЮЩИМ ПЕЧАТАНИЕ ПИСЕМ † В. В. РОЗАНОВА. 12 ИЮЛЯ 1919 г.

Опубликование предсмертных заветов В. В. Розанова я не считаю предосудительным, а тем более не считаю «спешным и нелепым» по следующим причинам:

1) В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ страдал великой болезнью совести и имел благородную страсть публично обнажаться («Уединенное», «Опавш⟨ие⟩ листья» и мн. др.);

2) Опубликование писем умершего писателя составляет если не долг, то право всякого, у кого они имеются; едва ли нужно на это особое разрешение родственников, т. к. печатающий письма может сам ответить как за свой поступок, так и за содержание писем;

3) Литературная этика не осуждает пользование какими бы то ни было материалами, полученными в собственность по соглашению или случаю после смерти писателя; вероятно, М. М. Спасовский, В. Р. Ховин и др. лица, владеющие рукописями В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩, напечатают их, когда придет пора, без всякого испрашивания милостивого согласия родственников В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩; то же относится и к обширной корреспонденции В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩.

4) Если же настаивать на «этике», то следует вспомнить, что сам В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ глубоко презирал всякую «этику» и признавался, что не знает, через *ѣ* или *е* пишется слово «нравственность»[1].

В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ печатал чужие письма почти всегда без разрешения еще живого автора, и вообще, как известно, ни с письмами, ни с цитатами не церемонился. Так⟨им⟩ обр⟨азом⟩, если я и нарушил требования «этики» или «такта», то едва ли существует более подходящий способ достойно почтить память В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩.

5) В частности, когда в 1916 г. я дал В⟨асилию⟩ В⟨асильевичу⟩ согласие на напечатание моих писем (в «Вешних водах») *без* моей подписи, то В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ этого условия не исполнил[2].

6) Духовная близость к В⟨асилию⟩ В⟨асильевичу⟩ и тесная наша дружба, многократно им засвидетельствованная (и, на мой взгляд, более надежная, чем призрачные узы кровного родства), позволяет мне считать, что присланные мне по моей просьбе копии с его предсмертных писем и завещаний именно «представлены в мое распоряжение».

7) Всякое завещание, завет, последняя воля имеют характер гласности, пишутся «во всеуслышание» и при той откровенности и наклонности к самообличению, какие были свойственны В⟨асилию⟩ В⟨асильевичу⟩, он, вероятно, вполне сочувствует обнародованию его последних заветов, если этот факт ему известен.

8) Неожиданное для меня и внутренне противоречивое уверение Н⟨адежды⟩ В⟨асильевны⟩, что я «мало понимал» В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩, возвращаю Н⟨адежде⟩ В⟨асильевне⟩ обратно, т. к. она прежде всего не усвоила завета В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ забыть «разделе-

ния, злобу и ссоры» и, по-видимому, смотрит на письма покойного отца как на материал, приносящий «деньгу», а потому составляющий монопольную собственность семьи В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩. Если угодно, я охотно возмещу Н⟨адежде⟩ В⟨асильевне⟩ убытки.

9) Теплые, миролюбивые слова, с которыми В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ обратился перед смертью ко *всем* литераторам[3], к евреям[4] и пр., могут быть всеми услышаны лишь через посредство печати. Точно так же и опровержение слухов, что В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ умер язычником, а не христианином, необходимо было поместить в печати, что я и сделал[5]. Непонимание свойственной В⟨асилию⟩ В⟨асильевичу⟩ покаянной тревоги и заботливой любви к людям неудивительно, ибо дети гениальных родителей всегда являются наглядным опровержением пословицы, что «яблоко от яблони недалеко падает».

10) Что касается замечания по поводу «скудной, обывательской газеты», то «Новое время», которое удостаивал своим сотрудничеством В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩, было трижды более скудным и обывательским органом, а в некоторых отношениях и совершенно неприличной газетой. Кроме того, В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ сотрудничал порою в таких газетах, которые едва ли читал даже швейцар, стоящий у дверей редакции «Жизни искусства». Против же обывательщины В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ ничего не имел, недаром же выбрал себе псевдоним «обыватель».

Да и при всех своих великих достоинствах он был, несколько, более обывателем, чем А. А. Блок, А. М. Пешков, А. Ф. Кони, М. А. Кузмин и как др⟨угие⟩ сотрудники «Ж⟨изни⟩ и⟨скусства⟩».

Если бы даже сам В⟨асилий⟩ В⟨асильевич⟩ был против издания писем, то и тогда не было бы преступлением их издать: известно, что М. Лемке нарушил в этом отношении волю Гончарова[6].

— Исходя из вышеприведенных соображений, советую Над⟨ежде⟩ Вас⟨асильевне⟩ Р⟨озано⟩вой и сочувствующим ей внимательнее и вдумчивее отнестись к духовному облику В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ и считаться не только со своим мнением, но и с его, — *так, как если бы он был жив.*

— В частности, Над⟨ежде⟩ Вас⟨асильевне⟩ советую избегать требовательного тона и громких слов. Впрочем, нисколько на нее

не сержусь ввиду ее молодости и наивности и готов даже просить извинения, если причинил ей неприятность.

Э. Голлербах
12 июля 1919 г.

Печатается по: ГЛМ. Ф. 362. Оп. 2. Ед. хр. 150. Л. 1—2.

[1] Цит. из «Уединенного» (*Розанов.* [Т. 30]. С. 42).

[2] Письма Голлербаха за июль—декабрь 1915 г. были опубликованы Розановым в журнале «Вешние воды» (1916. Т. 16—17 С. 71—88).

[3] См. примеч. 2 в Приложении 1 к наст. разделу.

[4] См.. *Розанов В.* Письма 1917—1919 годов. С. 86—87

[5] См. примеч. 3 в статье к наст. разделу.

[6] И. А. Гончаров в статье «Нарушение воли» (1889) наложил запрет на обнародование своих писем. Голлербах подразумевает публикацию писем Гончарова, подготовленную в 1912 г. М. К. Лемке; см.. Гончаров И. А.. Письма к М. М. и Л. И. Стасюлевичам // Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912. Т. 4. С. 4—222.

ПЕРЕПИСКА А. А. ИЗМАЙЛОВА и А. Е. КАУФМАНА (1920)

Вступ. ст., подгот. текста и примеч.
А. С. Александрова, Э. К. Александровой

Крайне скудные сведения имеем мы о последних годах жизни Александра Алексеевича Измайлова. Кое-что известно из воспоминаний В. Ф. Боцяновского[1] и В. В. Смиренского[2], отдельные подробности запечатлены в мемуарном очерке А. В. Амфитеатрова «Дом литераторов в Петрограде 1919–1921 годов»[3] и воспоминаниях И. И. Ясинского[4]. Некоторые сведения донесли до нас письма к тем немногочисленным корреспондентам, с которыми Измайлов продолжал переписываться после революции.

Одним из таких эпистолярных собеседников был Абрам Евгеньевич Кауфман (1855–1921), журналист, председатель правления (с 1919 г.) «Общества взаимопомощи литераторов и ученых» и редактор-издатель его органа – журнала «Вестник литературы». В первые годы после революции 1917 г. Кауфман занял видное

[1] См.. Воспоминания В. Ф. Боцяновского о Федоре Сологубе, Евтихии Карпове, Александре Измайлове / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. С. Александрова // *РЛ*. 2012. № 3. С. 176—188.

[2] См.. *Андрей Скорбный*. Александр Алексеевич Измайлов: Монография. Пб., 1922. 21 с.

[3] *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2002. Т. 2. С. 209—211.

[4] *Ясинский*. Т. 1. С. 532—542.

место в литературных кругах; Амфитеатров в своих воспоминаниях отмечал по этому поводу: «В последние четыре года, под советским гнетом, он в литературном Петрограде был, мало сказать, видным — центральным человеком»[5]. Будучи редактором «Вестника литературы», Кауфман смог объединить вокруг журнала известных литераторов и ученых начала XX в.; в издании сотрудничали Питирим Сорокин, А. Ф. Кони, Вас. И. Немирович-Данченко, С. А. Венгеров, Н. О. Лернер, Е. В. Тарле. В «Вестнике литературы» публиковал свои воспоминания А. Н. Лесков, а Е. И. Замятин — прозу и пр.[6] Измайлов также участвовал в журнале с несколькими статьями и некрологами.

В одном из последних своих выступлений в печати критик с ужасом описывает происходящее в литературном мире: на его глазах рушилось всё, чем он жил, чему посвятил жизнь: «В великолепной книжной сокровищнице С. А. Венгерова, на длинном столе увидел я последние, — от сентября прошлого года — книжки „Рус⟨ского⟩ богатства“, „Рус⟨ской⟩ мысли“, „Вестника Европы“, — и чуть не заплакал. Кладбище! ⟨...⟩ Мертвецы с вытянувшимися лицами... Прошел лишь год, — „и что же осталось от светлых, гордых сих мужей!“... Была русская литература, и нет ее. Возникнет, воскреснет, не может умереть, — но увидите ли вы, увижу ли я день ее воскресения?»[7]

В архиве РО ИРЛИ сохранилось 4 письма Кауфмана к Измайлову и 6 ответных писем за 1920 г.[8] Эти небольшие корреспонденции — одни из немногих свидетельств последних лет жизни литератора. В них речь заходит о трагической кончине публициста

[5] *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 229

[6] Подробнее о содержании журнала см.. Журналы «Вестник литературы» (1919—1922), «Летопись Дома литераторов» (1921—1922), «Литературные записки» (1922): Аннотированный указатель. М., 1996. 304 с.

[7] *Измайлов А. А.* Что делается в литературе // Вестник литературы. 1919. № 1/2. С. 7 В цитате неточно воспроизведены строки из Песни третьей поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

[8] Сохранилось также несколько писем делового характера из переписки Кауфмана и Измайлова 1900—1910-х гг., которые не вошли в данную публикацию: 2 п. Измайлова — РГАЛИ. Ф. 252. Оп. 1. Ед. хр. 53 и 3 п. Кауфмана — РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 145; Там же. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 81 об.

«Нового времени» М. О. Меньшикова, о вечере памяти Л. Н. Андреева, о некоторых редакционных материалах «Вестника литературы». Для настроения Измайлова тех лет показательно письмо, в котором он категорически отказывается от празднования своего литературного юбилея, и даже появление «юбилейной статейки» по этому поводу кажется ему «мерзостью перед Господом» (см. п. 8).

Кауфману принадлежит статья-некролог «Памяти А. А. Измайлова», появившаяся в «Вестнике литературы» вскоре после смерти Александра Алексеевича в марте 1921 г. Здесь дана высокая оценка литературной деятельности современника: «в лице безвременно скончавшегося А. А. Измайлова литература лишилась незаурядной писательской силы»[9].

Письма Измайлова к А. Е. Кауфману публикуются по автографам, сохранившимся в РО ИРЛИ (Ед. хр. 14.501); письма Кауфмана воспроизводятся по автографам РО ИРЛИ (Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 145).

[9] *Кауфман А.* Памяти А. А. Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3. С. 13.

1
Измайлов — Кауфману
12 января 1920 г., Петроград

12/1—1920

Многоуважаемый Абрам Евгеньевич,

На мое имя прислано вдовою Меньшикова[1] прошение о пособии в кассу[2]. Позвольте препроводить его к Вам. Препровождаю и страницу письма ее ко мне, — участь ее страшная, вдовство ее и сиротство ее детей — нечто вон из ряда.

В ответ на запрос о посещениях заседаний я писал Вам письмо, смысл к⟨оторо⟩го сводится к предложению не тяготиться столь мало ценным и удобным членом, как я. С написанием этого письма я считал себя уже отошедшим от кассы и несколько даже удивился пришедшей на днях повестке за подписью Э. К. Пекарского[3] с указанием дней будущих собраний. Вероятно, это недоразумение.

Теперь с перерывом трамвайного движения на Невском, при службах утренней и вечерней в разных концах города[4], я совершенно не мог бы нести недавних обязанностей.

С искренним пожеланием Вам всего лучшего

А. Измайлов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ед. хр. 14.501. Л. 1—1 об.

[1] М. В. Меньшикова, жена известного «нововременского» публициста Михаила Осиповича Меньшикова, расстрелянного 20 сентября 1918 г. на берегу Валдайского озера на глазах его шестерых детей. Об этих событиях см.. *Меньшикова М. В.* Как убили моего мужа, М. О. Меньшикова в г. Валдае Новгородской губ. / Записала Л. И. Веселитская-Микулич // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов]. М.,

1993. С. 239—250. (Российский архив. [Т.] IV). Измайлов принял участие в хлопотах по устройству материальной помощи вдове публициста. В архиве критика сохранилось письмо Марии Владимировны со словами благодарности: «На днях получила я перевод с Бассейной из Общ⟨ества⟩ взаимопомощи литерат⟨оров⟩ и ученых. Получила 990 руб., за которые спешу Вас поблагодарить. Получила также 300 р. из Литературного фонда за ноябрь и декабрь, а из академии наук давно не присылали, вероятно, и не будут. Если Вас не затруднит, может быть, напомните о нас проф. Котляревскому. Я знаю, я много Вам причиняю беспокойства. Простите за всё. Недавно решила обменять пальто М⟨ихаила⟩ О⟨сиповича⟩, в котором он был в тюрьме, но, увидав пыль на воротнике, отдала портному вычистить, когда чистил портной, то неожиданно нащупал в подкладке бумагу, вынул, оказалось письмо бедного М⟨ихаила⟩ О⟨сиповича⟩. Подумайте, лежало 1 ½ года, и не дай я портному, кануло бы в вечность. Письмо это исключительно касается всей деятельности М⟨ихаила⟩ О⟨сиповича⟩ как публициста. Если я приеду к Пасхе, то привезу Вам прочитать. Только конец письма такой — „неужели мало того наказания, а нужна еще моя смерть — полная гибель семьи“ Бедный, бедный М⟨ихаил⟩ О⟨сипович⟩, если бы он видел, как живет его семья. Пишет о своих отношениях к евреям — и об отношениях евреев к нему. Написано это письмо на обрывке от газеты. Вот все мои новости, глубокоуважаемый Александр Алексеевич, как грустно, что я лишена возможности повидаться с Вами, а также побеседовать о многом. Напишите, как Вы живете, т. е. переживаете все ужасы этой зимы. У нас хотя тепло казенное, большой плюс для детей. Еще раз от всего сердца благодарю Вас за всё» (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 207. Л. 1—2).

[2] Подразумевается Касса взаимопомощи литераторов и ученых, членом которой Измайлов состоял и в деятельности которой принимал участие; устранился от этой работы, по-видимому, с 1919 г.

[3] Э. К. Пекарский, лингвист, этнограф, фольклорист; участвовал в работе Кассы взаимопомощи литераторов и ученых.

[4] О работах в 1920 г. Измайлов сообщал в письме к Ясинскому от 25 июня 1920 г.: «В моем быте произошла нек⟨ото⟩рая перемена. Я оставил службу у Демчинского и взял лекторство и инспекторство в театр⟨альной⟩ Школе Ге при Морведе. Занят четыре вечера в неделю (до ночи), имею паек, — с этого момента увидел свет, и если бы теперь когда-ниб⟨удь⟩ Вы заглянули ко мне, я мог бы Вас досыта полакомить блинами, кои на очаге научился делать в совершенстве. До 4 часов я почти всегда дома. Вечером в 8 ч. (и смежные часы) каждодневно читаю очередную лекцию в кинематографе „Форум“ на острове. ⟨...⟩ Я вынужденно живу тоже горячею умств⟨енною⟩ жизнью, разрывался между лекциями литературы русской и иностранной, картинами кинемо и т. д. Собственно для своей литер⟨атурной⟩ работы места не остается. Усталость большая, но всё же мне теперь много легче, чем прежде, когда не только утра, а целые дни сгорали без смысла» (РО ИРЛИ.Ф. 352. Оп. 2. Ед. хр. 310. Л. 5—6).

2
Измайлов — Кауфману
23 апреля 1920 г., Петроград

23/IV

Дорогой Абрам Евгеньевич,

Извините за промедление с ответом. Очень благодарю Вас за предложение, но при продолжающемся расстройстве жизни всё стесняет и всё мешает осуществлению намерений, — и недосуг подготовиться к новой теме, и расстояние, и трамвай. Не поставьте мне в вину отклонение Вашего любезного зова[1].

Искренний привет

Ваш А. Измайлов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ед. хр. 14.501. Л. 6.

[1] По-видимому, Измайлов был приглашен участвовать в новом начинании Дома литераторов — устройстве литературных вечеров «Живые альманахи Дома литераторов» (см.. *Литературная жизнь России 1920-х годов.* Т. 1, ч. 1. С. 547). Первое такое собрание состоялось 31 мая 1920 г. См.. Там же. С. 570.

3
Измайлов — Кауфману
27 июля 1920 г., Петроград

27/VII.

Дорогой Абрам Евгеньевич,

Благодарю Вас за предложение и с удовольствием приму участие в вечере памяти Л⟨еонида⟩ Н⟨иколаевич⟩ А⟨ндреева⟩. — Мог бы поделиться личным впечатлением и — преимущественно выдержками из переписки с ним. Отнял бы времени немного[1].

Готовиться мне почти не надо. Жду уведомления о дне и часе. Через день бываю на Английской набережной, № 6 (Клуб Троцко-

го, б⟨ывшая⟩ ⟨театральная школа⟩ Суворина) вечерами[2]. Не удобнее ли осведомление через это посредство?

Адрес мой прежний.

Искренно Ваш

А. Изм⟨айлов⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ед. хр. 14.501. Л. 7—7 об.

[1] Речь идет о подготовке вечера в Доме литераторов, посвященного годовщине со дня смерти Л. Н. Андреева, который состоялся 10 сентября 1920 г. На мероприятии выступали В. Азов (В. А. Ашкинази), А. Измайлов, А. Кауфман, К. Чуковский (см.. *Литературная жизнь России 1920-х годов*. Т. 1, ч. 1. С. 618). Об этом событии Кауфман упомянул в статье, посвященной памяти Измайлова: «Андрееву Измайлов посвятил свою беседу на вечере в Доме литер⟨аторов⟩, составленную на основании дружеской переписки с ним» (*Кауфман А.* Памяти А. А. Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3. С. 13).

[2] Особняк на Английской наб., д. 6 с конца XIX в. — дом В. Н. и М. К. Тенишевых. В начале XX в. в левой части дома в большом концертном зале размещалась театральная школа А. С. Суворина. В 1917 г. особняк национализирован. С 1918 г. здесь размещался Дом культуры им. Л. Д. Троцкого, в котором Измайлов читал лекции по истории русской и зарубежной литературы.

4
Кауфман — Измайлову

Конец августа 1920 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич,

«Альманах»[1], посвященный Андрееву, предполагается в понедельник, 6-го сентября. Если он будет почему-либо перенесен на другой день, мы заблаговременно известим Вас. Желательны, главным образом, личные воспоминания о Л⟨еониде⟩ Н⟨иколаевиче⟩[2].

Почему Вы забыли о «Вестн⟨ике⟩ литер⟨атуры⟩» и ничего не печатаете? Умер Линев[3] и Сергей Глаголь[4]. Нет ли сведений о последнем?[5]

Жму руку,

А. Кауфман.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 145. Л. 4. На почтовой карточке.

[1] Вечера в Доме литераторов назывались «Живым альманахом Дома литераторов».

[2] См. примеч. 1 к п. 3.

[3] Д. А. Линев, фельетонист, журналист, писал под псевдонимом Далин; выступил еще в середине 70-х г. XIX в.; сотрудничал в «Русском курьере», «Русской жизни», вел ежедневную хронику и фельетон в «Биржевых ведомостях». Умер в 1920 г.

[4] С. С. Голоушев (псевд. Сергей Глаголь), близкий друг Л. Андреева. Умер в Москве 15 июля 1920 г.

[5] Фраза вписана слева поперек листа.

5
Измайлов — Кауфману
25 августа 1920 г., Петроград

25/VIII.

Дорогой Абрам Евгеньевич,

Буду рад выступить 7-го сент⟨ября⟩. Ваше указание — дать страничку воспоминаний и письма — совпадает совершенно и с моим намерением. Именно это я и хотел бы дать[1].

Звонил Вам по домашнему Вашему телефону, — ответили, что он не действует.

Слышу, что сын Лескова печатает у Вас в «Вестнике ⟨литературы⟩» свои воспоминания об отце[2]. Когда буду у Вас 7-го, будьте другом, — создайте возможность мне приобрести эти номера.

Рад бы писать у Вас, но немыслимо отношение между редактором и сотрудником, столь фатально разобщенными, как мы ныне. А вторая половина дня у меня всегда занята.

Крепко жму руку.

Ваш А. Измайлов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ед. хр. 14.501. Л. 9—9 об.

[1] Ответ на несохранившееся письмо Кауфмана, в котором сообщалось о переносе дня мероприятия (см. примеч. 1 к п. 3). По-видимому, речь идет о публикации, по-

священной Л. Андрееву в «Вестнике литературы». В сентябрьском номере журнала за 1920 г. в рубрике «Л. Н. Андреев: (К первой годовщине его смерти)» были помещены статьи о писателе. См.: *Кауфман А.* Л. Андреев в жизни и в своих произведениях // Вестник литературы. 1920. № 9. С. 3—4; *Азов В.* [Ашкинази В. А.]. Отрывки об Андрееве: [Воспоминания] // Там же. С. 5—6. Измайлов статью не предоставил.

[2] Фрагменты воспоминаний Андрея Николаевича Лескова — прозаика, мемуариста, сына писателя Н. С. Лескова, опубл.: *Лесков А.* Н. С. Лесков: По воспоминаниям сына: (К 25-летию со дня кончины) // Вестник литературы. 1920. № 4/5. С. 9—10; № 6. С. 8—9; № 7 С. 6—7 Впервые в наиболее полном виде эти воспоминания вышли в 1981 г.: *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям / предисл. В. Десницкого. Тула, 1981. 647 с. Измайлов интересовался этими публикациями в связи с работой над собственной книгой о Лескове. См.. *Измайлов А.* Лесков и его время / подгот. текста О. Л. Фетисенко и А. С. Александрова; преамбула к коммент. А. С. Александрова, коммент. О. Л. Фетисенко // Н. С. Лесков: Классик в неклассическом освещении. СПб., 2011. С. 155—544.

6
Кауфман — Измайлову

Середина сентября 1920 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич,

Жду обещанного материала. Всякое даяние будет для меня большим благом[1]. Только что выпустил № 8, готов № 9 и стряпаю одновременно два номера. Почты весь запас истощился. Если есть что-либо лично Вам известное о Венгерове[2], не откажите написать: эпизод, письмо и т. п.

Весь Ваш

А. Кауфман.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 145. Л. 6.

[1] См. примеч. 1 к п. 5.

[2] Известный историк литературы, библиограф, редактор С. А. Венгеров скончался 14 сентября 1920 г. в Петрограде. Кауфман просит Измайлова о статье для октябрьского номера «Вестника литературы», многие материалы которого были посвящены памяти Венгерова.

7
Кауфман — Измайлову

Середина сентября 1920 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич,

Хочу думать, что сообщение ⟨1 нрзб.⟩ о Вашей болезни[1] вымысел или сильно преувеличено, что я не только скоро увижу Вас на вечере в Д⟨оме⟩ л⟨итераторов⟩[2], но получу Вашу рукопись о Толстом[3], и мы в тесном кругу отпразднуем Ваш юбилей, если сообщение Г⟨оллерба⟩ха — верно.

Голлербах⟨овская⟩ зам⟨етка⟩, кажется, не подойдет. — Ваше мнение[4]. Не дадите ли чего-либо автобиографического?

Жму руку.

А. Кауфман.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 145. Л. 8.

[1] Осенью 1920 г. у Измайлова обострилась болезнь сердца. Подробнее см. во вступ. ст. к наст. изд.

[2] Вероятно, имеется в виду вечер памяти С. А. Венгерова, который состоялся 22 сентября 1920 г. в Доме литераторов. Измайлов не присутствовал на мероприятии.

[3] Речь идет о статье для ноябрьского номера «Вестника литературы», материалы которого были посвящены 10-летию со дня ухода и смерти Л. Н. Толстого (см.. Вестник литературы. 1920. № 11). По-видимому, устная договоренность об этом была достигнута на вечере памяти Л. Андреева 10 сентября 1920 г. Измайлов не предоставил материалы для этого выпуска. См. п. 9, 10.

[4] Литературный юбилей Измайлова — 25-летие со дня выхода в свет в ноябре 1895 г. его рассказа «Дамоклов меч» в «Живописном обозрении» А. К. Шеллера (1895. № 48. С. 411—419). В 1919—1920 гг. критик завязал приятельские отношения с Эрихом Федоровичем Голлербахом (их переписку см. в наст. изд.). Последний, по-видимому, представил редактору заметку, посвященную 25-летнему юбилею литературной деятельности Измайлова. Ср. также упоминание об этом в статье Кауфмана: «Еще на днях пишущий эти строки собирался отметить на этих столбцах его четвертьвековую писательскую работу, но А⟨лександр⟩ А⟨лексеевич⟩ стал молить о „пощаде", убеждая меня устно и письменно „погодить" до тех пор, пока он опять возьмет в руки невольно брошенное им перо: тогда — писал он — будем „подводить итоги"» (*Кауфман А.* Памяти А. А. Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3. С. 13). См. п. 8.

8

Измайлов — Кауфману

3 октября 1920 г., Петроград

3. X. 1920.

Дорогой Абрам Евгеньевич,

В дни неслыханного унижения литературы, когда она лежит изнасилованная и ошельмованная, а литератор, голодный и холодный, добывает себе хлеб не головой, а ногами, когда нельзя купить книги, не имея печати антихристовой, когда Ваш журнал — единственная паутинка, которая перекинется от разгромленной былой литературы к той счастливой новой через бездну нынешнего кошмара, когда всё молчит с заткнутым ртом и умирают Леониды Андреевы, — оставим Городецким долговязыми ногами плясать канкан на могиле дорогой покойницы и Князевым — справлять юбилеи[1]. Мне сейчас прочтение о себе юбилейной статейки кажется такою «мерзостью перед Господом» [2], что и думать об этом не могу без волнения.

Явите ко мне всегдашнюю Вашу дружбу и, буде случится к Вам подобное нынешнему обращение, — отклоните его со всею решительностью и убедите автора, что пытаться теперь празднично настраиваться — значит пред собою лицемерить, а другим выказывать свое отсутствие вкуса и понимания момента. Любившим литературу 20—25 лет и жившим ею теперь надо тихо умирать, к чему я и иду.

Искренно благодарю Вас за дружбу, за сочувствие, за присыл статейки[3] и буду еще более благодарен, если Вы не дадите ни одной строки напоминания о каком-то круглом сроке моей роботы, о к⟨ото⟩ром я и сам не думаю.

Ваш искренно

А. Измайлов.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ед. хр. 14.501. Л. 3—3 об.

[1] Измайлов выражает свое общее негативное отношение к поэту и переводчику С. М. Городецкому и революционному поэту-сатирику В. В. Князеву.

[2] Цитата из Библии, многократно встречающееся во Второзаконии понятие.
[3] См. примеч. 4 к п. 7

9
Кауфман — Измайлову
23 октября 1920 г., Петроград

Дорогой Александр Алексеевич,

Неужели Вы не дадите мне ничего о Толстом для приготовляемого мною Толстовского номера?[1] Наклевывается кое-какой материал, но хотелось бы скрасить номер чем-либо малоизвестным о Толстом. Не откажите при встрече с В. Ф. Боцяновским напомнить ему о предложенном ненапечатанном материале о Т⟨олсто⟩м[2]. Осталось мало времени.

Жму руку.

Ваш А. Кауфман.
23/X ⟨1⟩920.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 145. Л. 5.

[1] См. примеч. 3 к п. 7
[2] Материал В. Ф. Боцяновского в толстовский номер «Вестника литературы» не вошел.

10
Измайлов — Кауфману
26 октября 1920 г., Петроград

26/X—1920.

Дорогой Абрам Евгеньевич,

Казовым материалом о Толстом, к сожалению, я не располагаю. Очень досадую, но не смогу Вам быть этим полезным[1].

Не откажите лучше по части приема мелочей иного рода, которых я постараюсь найти и послать Вам на днях.

Искренно Вам преданный

А. Измайлов

Печатается по: РО ИРЛИ. Ед. хр. 14.501. Л. 5.

[1] См. примеч. 3 к п. 7

ПИСЬМА

— Г. С. Петров

— А. А. Блок

— М. П. Благовещенская

— К. Д. Бальмонт

— И. С. Шмелев

ПИСЬМА Г. С. ПЕТРОВА (1905–1911)

Григорий Спиридонович Петров (1866–1925) – священник, общественный деятель, журналист, публицист и проповедник. Его имя ныне нуждается в пояснении и комментарии, а между тем в начале XX в. оно «гремело» по всей России и в представлениях не нуждалось. Наибольшую популярность священник получил в 1900-х гг. В. В. Розанов в это время ставил Петрова рядом с именами М. Горького и Л. Н. Толстого: «Можно без преувеличения сказать, что вовсе не Толстой и Максим Горький одни царят на книжном рынке, но и священник Петров – любимейший в Петербурге проповедник»[1].

Переписка Измайлова с Петровым завязалась еще в 1905 г. – в тот год, когда Измайлов начал сотрудничать с газетой «Русское слово», в которой Петров занимал уже прочные позиции. Наибольшей интенсивности их переписка достигла в 1906–1907 гг. В это время Измайлов подробно освещает события, связанные со священником, сосланным по определению «указа С.-Петербургской Духовной Консистории»[2] в Черременецкий монастырь. Этот период, закончившийся для Петрова лишением сана в 1908 г., стал переломным в его жизни.

---

[1] *Розанов.* [Т. 5]. С. 304.

[2] [Б. п.]. Дело Григория Петрова // *БВ.* Утр. вып. 1907 12 янв. (№ 9691). С. 1.

Начало священнослужительства Петрова не предвещало конфликта и разрыва с церковью. Окончив в 1891 г. Петербургскую духовную академию, молодой батюшка становится известным и почитаемым проповедником. В своей автобиографии Петров перечисляет учебные заведения, в которых сотрудничал: «С 1891 г. по 1903 г. преподавал и читал лекции в 5-й Мужской гимназии, в Женской гимназии княгини Оболенской, в Пажеском корпусе, в Александровском лицее (на старших курсах) и в Политехническом институте»[3].

Ораторское дарование дополнялось литературными способностями Петрова. Его книга «Евангелие как основа жизни», вышедшая впервые в 1898 г., при жизни автора выдержала 20 переизданий. Свои проповеди и выступления Григорий Спиридонович дополнял активной публицистической деятельностью. Его фельетоны публицистико-беллетристического характера в газете «Русское слово» быстро обратили на себя внимание общественности и были необычайно популярны у читателей. С 1903 г. начинаются непрерывные гонения на священника: сначала запрет преподавать, затем запрет произнесения проповедей и публичных лекций, в итоге Григорий Петров оказался «заштатным священником». Об этом периоде он написал в своей автобиографии: «С 1900 года, кроме педагогической и литературной деятельности, читал еще публичные богословские лекции в Петербурге. В 1903 г. эти лекции, по требованию К. Победоносцева, были взяты под особую цензуру. Тогда, в отпоре этому полузапрету публичных выступлений, я отказался и от законоучительства во всех учебных заведениях, и от настоятельства в храме. Вышел за штат и до 1907 года, нося рясу, не служил нигде»[4].

В январе 1906 г. в Москве под редакцией Петрова стала выходить «народная политическая, общественная, экономическая и литературная» газета «Правда Божия», довольно быстро завоевавшая признание публики. Однако это издание вызвало антипатию со стороны духовного начальства и в начале июня 1906 г. «Правда Бо-

[3] Автобиография Г. С. Петрова // РО ИРЛИ. Ф. 377 Оп. 7 Ед. хр. 2815. Л. 1—1 об.

[4] Там же. Л. 2 об.

жия» по распоряжению московского градоначальника «за вредное направление» была приостановлена. В том же году против Петрова ведомством православного исповедания было возбуждено дело, которое некоторое время носило характер неопределенных слухов, доносившихся из тайных канцелярий. К концу года наметилась определенность: отцу Григорию были предъявлены консисторией «жалобы», поступившие на него со стороны разных организаций (монархической партии, «Союза русского народа», «Сусанинского кружка»; православным ведомством учитывались даже анонимные доносы).

Петербургская общественность, взбудораженная делом священника, ждала суда, предъявления обвинений, интересной защиты. Дело Григория Петрова получило характер не частного инцидента. Измайлов поддержал обвиняемого в самом начале только что разгоревшейся против него кампании. В «Биржевых ведомостях» он под псевдонимом Мирянин писал: «Дело получило широкое значение символического столкновения нового со старым, стремящегося к обновлению духовенства с безжизненным омертвевшим казенным строем правящих церковных учреждений ⟨...⟩ За о. Петровым стоят бесконечные ряды молодого духовенства. Он только ярче всех и талантливее выразил общую мечту об оживотворении церкви и пастырства. Его дело было общим. Совершенно исключительный интерес к нему в области духовенства понятен»[5].

Когда зимой 1907 г. Григорий Петров был сослан на три месяца в Иоанно-Богословский Череменецкий монастырь на клиросное послушание, Измайлов одним из первых устремляется в Лугу для личной беседы со своим знакомым. Эта поездка в Череменецкий монастырь носила во многом познавательный характер. Критику, безусловно, было необычайно интересно увидеть, как протекает жизнь в одном из монастырей Петербургской губернии. Поездка выливается в очерк — «В Череменецком монастыре»[6], в котором подробно запечатлены картинки провинциальной жизни, описан

[5] *Мирянин* [Измайлов А. А.]. Кто осужден? // *БВ*. Утр. вып. 1907 13 янв. (№ 9691). С. 1.

[6] *Мирянин* [Измайлов А. А.]. В Череменецком монастыре // *БВ*. Утр. вып. 1907 20 февр. (№ 9756). С. 1.

сам путь к обители: «От Луги небольшой, довольно примитивный крестьянский возок переправляет вас в монастырь. Верст десять едут большой дорогой, потом такой же конец приходится ехать по „проезжей“, прекрасным сосновым бором. Часть этой дороги лежит по занесенному снегом Череменецкому озеру. Этот зимний путь короче. Местные возницы считают от станции до монастыря 18 верст. Летом приходится делать крюк верст в пять. Дорога эта в полдень прелестна. По нетронутому слепящему глаз снегу ложатся совершенно синие тени елей. Солнце печет до того, что приходится распахнуть шубу. „Был жаркий день“, — хочется сказать, впадая в декаданс»[7]. Описание дороги плавно перетекает в повествование о самом монастыре. Рассказывая читателям Петербурга о Череменце, Измайлов останавливается на архитектуре здания, его обитателях, условиях жизни монахов. Наконец, журналист переходит к описанию обстановки, в которой живет отец Григорий: «Комнаты „для приезжающих“ расположены во втором этаже. Один из номеров отведен подневольному гостю о⟨тцу⟩ Петрову. Обстановка типичная для монастырской гостиницы среднего разбора. Кровать, диван, стол, стулья. Низкие потолки. Маленькие, не петербургские окна. Книги на подоконниках. Кроме иконы в углу — на стене гравюра императрицы Екатерины во весь рост. В открытую дверь из коридора видна на стене живопись. Здесь живет... депутат Думы, талантливый писатель и проповедник, интеллигентнейший из сонма столичных священников, для которого не нашлось лучшего места»[8]. После выхода статьи условия жизни «череменецкого затворника» значительно улучшились, о чем он сообщал своему недавнему посетителю: «Мое помещение теперь совсем иное. В сравнении с той кельей — палаццо. Три комнаты, четыре окна, шкафы ⟨...⟩ посуда и кровать, уж можно лежать не для спасения только души и сокрушения ребер, а и ради спанья. Это я вам обязан. Настоятель прочел Вашу статью о том, как помещен член Госуд⟨арственной⟩ Думы, и на другой же день перевел»[9].

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] См. п. 6 в наст. разделе.

Немало места в очерке отведено повседневной жизни священника в монастыре: «Отец Петров пунктуально несет монастырское послушание. В пять часов утра он выходит с братией к утрени. Чтение за псаломщика и услуги пономаря не входят в его послушание. Он только стоит вместе с братией на клиросе. Службы длинны и часты. За утренней следует обедня. Только от 11 часов до 5 вечера выгадывается довольно значительный промежуток. В пять — густым, грустным звоном опять звонит большой монастырский колокол, низко подвешенный в небольшом срубе. Петербургская консистория, столь спешившая с указом о ссылке о. Петрова, сейчас не обнаруживает особой поспешности по вопросу возвращения в столицу человека, облеченного высоким доверием страны. Не желая ни одним шагом выходить из пределов священнического послушания духовной власти, о. Петров совершенно отвергает мысли о выезде из монастыря по единому требованию избравшего его народа. Сегодня в день открытия Думы он ограничивается посылкою своим будущим товарищам по труду привета телеграммой»[10]. За время пребывания в Череменецком монастыре Петрова посетили многие известные литераторы, общественные деятели, поклонники и почитатели из народа. Среди них Вас. И. Немирович-Данченко, К. С. Баранцевич, Ф. Ф. Фидлер; некоторые сочли возможным опубликовать свои впечатления о поездке к опальному священнику.

[10] В 1907 г. на пике своей популярности Григорий Петров был избран во II Государственную думу, однако заключение в монастыре помешало ему принять участие в ее деятельности. Приветственная телеграмма Петрова была перепечатана в ряде массовых газет: «Петербург. Таврический дворец. Председателю Государственной Думы. Привет излюбленным избранникам народа, печальникам измученной страны. Перед Думою труд великой исторической важности. На месте курной, завалившейся бюрократической избы, где долгие века насильственно томился хозяин страны — народ великан, надлежит создать светлый храм народовластия с широким простором свободы и высоким куполом вечной Божией правды. Дружно, избранники-братья, за работу, мудро взвешивая каждый взмах своего трудового молота. Все, кто любит искренне народ, кому дороги заветы правды, кто жизнь готов отдать за общее благо, — все в общий строй! Плечом к плечу в общей борьбе за благо и права общего народа, в тесном общении со всею страной! Бог в помощь твердо начать и успешно в свое время кончить дело обновления России на началах всеобъемлющей и свободной правды! Член Государственной Думы, священник Григорий Петров» (Телеграмма Г С. Петрова // *БВ*. Утр. вып. 1907 21 февр. (№ 9758). С. 3).

В мае 1907 г. Петров возвратился в Петербург. Осенью того же года духовным ведомством было инициировано новое дело против его сочинений. Григорий Спиридонович в свою очередь предпринял ответные действия — опубликовал отдельной брошюрой и массовым тиражом открытое письмо петербургскому митрополиту Антонию (Вадковскому). Как сообщалось в «Новом времени», 12 января 1908 г. Синод рассмотрел доклад Антония «по делу о заштатном священнике Григории Петрове». В ходе рассмотрения дела Синод нашел, что «открытое письмо» «содержит в себе поношение православной российской церкви и отречение от нее и вообще воззрения, совершенно противные православной церкви, а вместе с тем и отрицание существующего государственного строя России»[11]. 14 января 1908 г. в ведущих изданиях сообщалось о лишении Петрова сана, в результате этого решения опальному батюшке запрещались «в течение семи лет въезд в обе столицы и жительство в них», запрещалось также «в продолжение двадцати лет ⟨...⟩ поступить на службу государственную или общественную — по выборам дворянским, городским и в Государственную Думу»[12]. Петров, лишенный сана, был вынужден покинуть столицу и часто менять места жительства. С этого времени он живет то в Финляндии, то в Крыму, часто бывает за границей, много ездит по стране, читая лекции в разных городах Российской империи: «С февраля 1911 по февраль 1916 г. в более чем ста городах России прочел 500 публичных лекций на темы о литературе, об искусстве и о строительстве жизни на началах красоты, которая, по словам Достоевского, спасет мир»[13]. Основной деятельностью его становится публицистика — продолжается активное сотрудничество в газете «Русское слово».

Переписка Измайлова и Петрова продлилась до 1911 г., хотя личные отношения современники поддерживали и далее. Письма последнего носят предельно откровенный характер. Темы их эпистолярного диалога самые разные: современная литература,

[11] [Б. п.]. Лишение сана священника Петрова // Новое время. 1908. 13 янв. (№ 11436). С. 4.

[12] То же // Там же. 15 янв. (№ 11438). С. 2.

[13] Автобиография Г. С. Петрова. Л. 1—1 об.

политика, сотрудничество в «Русском слове» и пр. Судя по записям в дневнике Ф. Ф. Фидлера, Григорий Петров вплоть до 1916 г. посещал именинные собрания у Измайлова. Впрочем, отношения Измайлова и Петрова после 1911 г., по-видимому, претерпели изменения и были уже не столь теплыми и доверительными. Показательна в этом плане запись со слов Петрова, сделанная в дневнике Ф. Ф. Фидлера: «Плохо отзывается о своих прежних восторженных поклонниках и друзьях, потому что они его забыли. Его не тянет в Петербург; все тамошние писатели, по его словам, — хулиганы, начисто утратившие свое достоинство ⟨...⟩ Не любит Измайлова как человека и не ценит как критика»[14].

В конце 1920 г. Петров вместе с покидавшими Крым войсками Белой армии оставил Россию. О его судьбе в годы эмиграции со слов дочери Марины Григорьевны Петровой, в замужестве Конрид, проживавшей с 1950-х гг. в Мюнхене, подробно сообщено в статье М. А. Витухновской[15]. Известно, что бывший священник продолжал активно выступать с лекциями, подготовил к изданию несколько книг. Впрочем, не все труды Петрова были опубликованы при его жизни.

Григорий Спиридонович Петров скончался 18 июня 1925 г. в клинике Maison de Santé, недалеко от Парижа. Тело, по его завещанию, было кремировано на кладбище Père Lachaise в Париже, а прах захоронен в г. Нови-Сад на Успенском кладбище; впоследствии был перенесен в Мюнхен переехавшими в этот город родственниками, где и покоится по сей день на кладбище Ostfriedhof[16].

Нахождение писем Измайлова к Григорию Петрову нам неизвестно. Основной массив писем Петрова к Измайлову (20 п.) сохранился в архиве критика в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243); еще 6 писем Петрова — в Отделе рукописей РНБ (Ф. 124. Ед. хр. 3303 и Ф. 309. Ед. хр. 9). Письма публикуются впервые.

---

[14] *Фидлер.* С. 583.

[15] *Витухновская М. А.* Григорий Петров: «Будьте строителями жизни!» // Родина. 2002. № 2. С. 58—63.

[16] См.. Там же. С. 62—63.

1

30 ноября 1905 г., С.-Петербург

Дорогой Александр Алексеевич!

Почему ни слуху ни духу? Что за причина? В Москве ждали-ждали. Я еду туда сегодня. Если что есть или будет, направьте в лавку Сытина (угол Садовой и Мучного)[1], оттуда перешлют с кондуктором[2].

Не дадите ли что-нибудь в Рождественский номер? Беллетристику или стихи? Что-нибудь святочное, рождественское или вообще как надумаете. Если будет, — хорошо бы получить числа 15—16 дек⟨абря⟩[3]. Номер готовят раньше. Привет.

Г. Петров.
30. XI. 1905 г.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 1.

[1] Так называемый Малый Гостиный двор, дом Николаевых. Здесь в начале XX в. на первом этаже размещался книжный магазин И. Д. Сытина.

[2] В письме речь идет о материалах Измайлова для газеты «Русское слово». С конца 1905 г. у критика наладилось сотрудничество с этим изданием. Взаимоотношения Измайлова с редакцией «Русского слова» прослеживаются по его письмам к редактору Ф. И. Благову (НИОР РГБ. Ф. РС. Карт. 14. Ед. хр. 68, 69, 72, 76), а также к публицисту А. В. Руманову (РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 279).

[3] В рождественском номере «Русского слова» был напечатан рассказ Измайлова «Пропавшая грамота» (*РС*. 1905. 25 дек. (№ 330). С. 2—3).

2

Конец декабря 1905 г., С.-Петербург

Дорогой Александр Алексеевич!

Статью («Литер⟨атурные⟩ беседы») получил в Москве только 8 дек⟨абря⟩[1]. Будет напечатано, как пойдут газеты[2]. «Р⟨усское⟩ сл⟨ово⟩» ждет дальше статей. Еще раньше не дадите ли чего небольшого для 1 № «Правды Божией»?[3] Выйдет 16—17. Я здесь до 14. Можете присылать мне, В. Рышкову[4], я посылаю свое завтра.

Сердечный привет,

Ваш Петров.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 3303. Л. 3. На визитной карточке с указанием адреса: Б⟨ольшой⟩ проспект Петроградской стороны 78, кв. 4.

[1] См.. *Измайлов А. А.* Литературные беседы: [О свободном и рабьем слове. — «Требуйте литературной амнистии!..». — Литература с выеденной сердцевиной. — Запечатленные книги. — «Чаем воскресения мертвых»] // *РС.* 1905. 22 дек. (№ 227). С. 2.

[2] Выпуск «Русского слова» был приостановлен на 11 дней, с 7 по 19 декабря, из-за революционных событий в Москве.

[3] О газете «Правда Божия» см. во вступ. ст. к наст. разделу.

[4] Вик. А. Рышков, прозаик, драматург, участник многочисленных периодических изданий («Нива», «Наблюдатель», «Труд», «Биржевые ведомости»). Сотрудничал с Петровым в газете «Правда Божия»; в 1904—1906 гг. совместно с Измайловым редактировал журнал «Родная нива».

3

Конец декабря 1905 г., С.-Петербург

Большое спасибо за «Проп⟨авшую⟩ грамоту», дорогой Александр Алексеевич! Я читал с наслаждением. Очень тон хороший и слог изящный, Тургеневым пахнет[1]. Посылаю первую Вашу статью. Вторая напечатана сегодня[2]. Шлите теперь почтой заказное. Ждут кратких статей с нетерпением. В «Русск⟨ом⟩ сл⟨ове⟩» идут переговоры со Струве П. Б.[3] Что вышло у Вас в «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостях⟩» с Милюк⟨овым⟩?[4] Не дадите ли мне в первые номера моей

«Правды Божией» какого-ниб⟨удь⟩ сказания в стихах о правде или чего другого[5].

За всё спасибо скажу Вам,

Г. Петров.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 9. Л. 2.

[1] См. примеч. 3 к п. 1.

[2] Возможно, речь идет о статье, посвященной Н. Лейкину: *Измайлов А.* С берегов Невы // *РС.* 1906. 9 янв. (№ 8). С. 3.

[3] П. Б. Струве, общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, философ, периодически публиковал свои работы в «Русском слове».

[4] Речь идет о распространившихся слухах об отказе П. Н. Милюкова взять на себя редактирование «Биржевых ведомостей». Ср., например: «Сегодня в „Народном хозяйстве" читаем: „С. М. Проппер обратился с предложением взять на себя редактирование 'Биржевых ведомостей' По слухам, М. М. Ковалевский это предложение отклонил, не находя возможным принять на себя редактирование после отказа П. Н. Милюкова и И. В. Гессена" Это известие с начала и до конца составляет плод фантазии редакции „Народного хозяйства"» ([Б. п.]. Ложное известие // *БВ.* Веч. вып. 1905. 31 дек. (№ 9153). С. 2).

[5] См. примеч. 3 к п. 2.

4

Вторая половина декабря 1905 г., С.-Петербург

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Податель карточки — Константин Константинович Кесянов — мой личный добрый знакомый[1]. Он пробует себя в литературе. Читанные им мне рассказы показались милыми, но жанр их не походит к «Русск⟨ому⟩ слову». Может быть, подойдет Вам. Добавляю, *может быть.* Видимо, К. Кесянов не без таланта.

Мой привет,

свящ⟨енник⟩ Г. Петров.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 3303. Л. 2. На визитной карточке с указанием адреса: Старая деревня, 9.

[1] К. К. Кесянов, неустановленное лицо. Сотрудничество в «Биржевых ведомостях» не выявлено.

5

8 февраля 1907 г., С.-Петербург

8/II 1907

Дорогой Александр Алексеевич!

Думаю, 10-го на обеде еще увидимся[1], но там будет много народа[2], а 11—12-го я вынужден буду уже уехать «на клиросное послушание»[3]. По сему посылаю Вам с посыльным книг. Подобрал свои «Думы и впечатления», чтобы были они *завещанием* от меня сыну[4]. Да будут мои «Думы и впечатления»[5] основой его жизни и деятельности в новой России, в которой, Бог даст, ему придется уже работать во имя общего блага и не бороться только за право на такую работу. Сердечный Вам привет. Любящий Вас сердцем

Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 2—2 об.

[1] Вероятнее всего, подразумевается юбилейный (50-й) «Товарищеский обед» — литературное объединение, созданное Ф. Ф. Фидлером. Обед состоялся в ресторане «Малоярославец». В дневнике Фидлера сохранилась запись с упоминанием о. Г. Петрова: «Было уже семь часов, а священник Петров, чье имя в последние недели у всех на устах, всё не появлялся, так что возникло опасение: а вдруг он уже арестован и отправлен в монастырь. Наконец он появился; все приветствовали его долгими аплодисментами» (*Фидлер*. С. 459—460).

[2] По данным Фидлера, в обеде приняло участие около 70 человек (*Фидлер*. С. 459).

[3] Отъезд Петрова на клиросное послушание состоялся 14 февраля 1907 г. А. В. Руманов, биограф Петрова, описывал Варшавский вокзал в день отъезда опального священника: ...в 1 час дня о. Петров уезжал в ссылку в Череменецкий монастырь. Варшавский вокзал имел совершенно необычный вид. Тройной наряд полиции, густая цепь жандармов, тучи сыщиков и чинов охранного отделения ‹...› К 12-ти часам громадный вестибюль вокзала весь переполнен» (Священник Г. С. Петров, член Государственной Думы: биография и история ссылки в монастырь, с портретом и видами Череменецкого монастыря / сост. А. В. Ру‹ман›ов. М., 1907 С. 74—75).

[4] Петров Борис Григорьевич, сын Г. С. Петрова, в мае 1919 г. погиб под Керчью.

[5] Речь идет о книге: *Петров Г С.* Думы и впечатления. СПб., 1907 160 с. В своем очерке о книге Измайлов отразил написанное Петровым в этом письме, ср.: «„Думы и впечатления", вышедшие перед самой ссылкой Петрова, — как бы оправдательный документ ссыльного. Это именно писанное им в последнее время. „Вот за что сослали" И есть что-то трогательное в посвящении этой книги сыну: „Отстаивай и ты, за что стоял и я"» (*Измайлов А. А.* Литературные заметки: [«Элеазар» Леонида Андреева. —

Роман Арцыбашева «Санин». — Книги о. Петрова о старом и новом духовенстве] // *БВ*. Утр. вып. 1907 12 апр. (№ 9844). С. 3.

6

9 марта 1907 г., Черменецкий монастырь,
Лужский уезд, С.-Петербургская губ.

9/III, 1907. Черменец.

Дорогой Александр Алексеевич!

Я не знаю, посылал ли Вам «Камо грядеши»? Кажется, нет. Посылаю вместе с письмом[1]. И «Думы и впечатления», и эта пошли хорошо. «Дум» первого издания уже нет. Тороплю второе. Тоже и «Камо грядеши»[2]. В этой книге самые дорогие для меня стр. 59—72. Мое помещение теперь совсем иное. В сравнение с той кельей — палаццо. Три комнаты, четыре окна, шкафы, полки для книг, посуда и кровать, где можно лежать не для спасения только души и сокрушения ребер, а и ради спанья. Это я Вам обязан. Настоятель прочел Вашу статью о том, как помещен член Госуд‹арственной› Думы, и на другой же день меня перевел[3].

Кстати, в Думе мне, вероятно, никогда не бывать. Синод затевает новое обвинение против меня за оскорбление якобы священства и синода в моих сочинениях. Читали сообщение «Товарища»?[4] Это совсем будет мило. Осудили меня. Я отбываю наказание, а они снова то же дело пересмотрят и еще раз накажут. На этот раз снимут рясу, т. е. исполнят то, что от них требуют Столыпин[5] и Извольский[6], а через них Ника-Милуша[7]. Милая компания!

Я здесь изнываю за великопостными службами. Томительно[8]. Одно утешение: святые отцы не то еще терпели. Настроение бодрое, как писал Куропаткин[9].

Сердечный привет.

Ваш Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 4—5 об.

[1] Речь идет о книге: *Петров Г. С.* Камо грядеши? СПб., 1907 105 с.

[2] Книги «Думы и впечатления» и «Камо грядеши?» переизданы не были.

[3] Измайлов одним из первых навестил о. Г. Петрова в Череменецком монастыре; в своем очерке, написанном под впечатлением от поездки, Измайлов подробно рассказал «об убранстве» комнаты священника (*Мирянин* [Измайлов А. А.]. В Череменецком монастыре // *БВ*. Утр. вып. 1907 (№ 9756). 20 февр. С. 1).

[4] В рубрике «Вечерние известия» было опубликовано сообщение: «На последнем совещании членов особого присутствия [синода. — *А. А.*] снова обсуждался вопрос о свящ⟨еннике⟩ Петрове. Члены консисторского суда внесли предложение, ввиду имеющегося в канонических правилах пункта, по которому священнослужители за оскорбление духовенства или за порицание действий синода подвергаются лишению сана, найти в литературной деятельности о. Петрова подходящие для такого рода обвинений статьи. С этой целью и решено запросить Главное управление по делам печати, Цензурный комитет, прокурора Московской судебной палаты, на основании распоряжения которого была конфискована редактировавшаяся о. Петровым газета „Правда Божья" в Москве. До получения этих сведений синодом ничего предпринято не будет» (Товарищ. 1907 7 марта. (№ 209). С. 5).

[5] П. А. Столыпин, председатель Совета министров Российской империи (1906—1911).

[6] П. П. Извольский, обер-прокурор (1906—1909) Св. синода.

[7] Подразумевается император Николай II. Ника-Милуша — герой фельетона А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы. (Провинциальные впечатления)» («Россия». 1902. 13 янв. (№ 975). С. 2; подпись: Old Gentleman). В фельетоне в завуалированной форме представлена сатирическая характеристика Романовых. Под именами покойного помещика Алексея Алексеевича Обманова, его вдовы Марины Филипповны, их сына Ники-Милуши были изображены император Александр III, вдовствующая императрица Мария Федоровна и император Николай II.

[8] См. вступ. ст. раздела.

[9] Подразумевается пассаж из книги воспоминаний «Русско-японская война, 1904—1905: Итоги войны» главнокомандующего вооруженными силами России на Дальнем Востоке с июля 1904 по февраль 1905 г. генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина, ср.. «Относительно нравственного духа в армии надлежит еще прибавить, что чем ближе войска стояли к противнику, тем сильнее духом они были, тем менее было разных лишних в военном деле разговоров и рассуждений. ⟨...⟩ Я всюду встречал полную готовность двинуться вперед, заботу о войсках, твердый внутренний порядок и спокойное бодрое настроение войск и их начальников» (Цит. по: *Куропаткин А. Н.* Русско-японская война, 1904—1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 514).

7

15 марта 1907 г., Черменецкий монастырь,
Лужский уезд, С.-Петербургская губ.

15. III. 1907. Череменец.

Дорогой Александр Алексеевич!

Увы, сообщения Дорошевича и Амфитеатрова, к сожалению, не слухи вздорные. За этими «слухами» таится море крови[1].

Обратите внимание на Восторгова[2]. Мрачная фигура с зловещею ролью в будущем. Он молчит, но не даром: не бойся той собаки, что лает, бойся той, что кусает. Боюсь — не конец. Он начало. Помните, слухи о моем убийстве. Потом о Родичеве. Это недаром. Это всё пробные шары. При дворе решено кровью залить, утопить конституцию[3]. Конечно, не удастся, но крови будет пролито много. Я ничего доброго не жду от столыпинства. Я даже думаю, что румынские собратья не пройдут для нас бесследно[4].

Меня здесь вдали возмущает наше стадное хозяйство, готовое лизать дающую руку. Сдох Победоносцев, величайший исторический злодей[5]. Почему — Ирод злодей? Убил тысячи младенцев? Почему Грозный — изверг? Казнил тысячи? А Победоносцев душил ум и совесть ста миллионов, и его еще, хотя и с оговорками, спокойно называют крупной фигурой.

Сказал Столыпин «заготовленный экспромт»: не запугаете, и сейчас же все, даже левые, с почтением:

« — О-о-о! Это фигура»[6].

Чёрт знает что такое. У меня иногда пропадает вера в нашу интеллигенцию. Пьянствуют, картежничают или с важным видом декадентской чепухой занимаются. Повальная гниль. Какая-то петербургская мостовая после оттепели: один смрад идет. Право, я рад, что здесь. Отдыхаю хоть в тиши снежных елей. Давно уже не видал весны лицом к лицу.

Привет

Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 6—7 об.

[1] Возможно, речь идет о появившихся в это время в печати слухах, в которых неопределенно сообщалось об опасности, грозившей о. Г. Петрову; ср.: «Из Парижа корреспондент „Русск⟨ого⟩ сл⟨ова⟩" телеграфирует, что он считает себя обязанным сообщить, что у него имеются достоверные сведения об опасности, угрожающей о. Григорию Петрову. Со стороны его недоброжелателей подготавливается случайность, которая должна помешать о. Петрову попасть в Думу и после окончания его заключения. Редакция газеты от своего имени заявляет, что сведения эти подтверждаются достоверными документами» ([Б. п.]. Москва: (По телефону) // *БВ*. 1907. 29 марта. (№ 9821). С. 3. Об этом Петров также писал Розанову в письме от 7 марта 1907 г.: «Прочтите в „Руси" фельетон или статью Амфитеатрова. О том же, если не ошибаюсь, 25-го февраля в „Р⟨усском⟩ слове" писал Дорошевич. Всё это, вероятно, затевается не шуточное. И прескверное. Необходимо загодя разбить гнусную затею. Я имею самые точные сведения, что на меня готовятся скверные вещи погромщиков» (НИОР РГБ. Ф. 249. Карт. М3874. Ед. хр. 5. Л. 10—11). Об угрозах в свой адрес Петров сообщал подробно Розанову в письме от 31 марта 1907 г.: «Я к тому же здесь получил несколько писем. Одни — с угрозами, другие — с дружескими предупреждениями. Предупреждения говорят, что „решено как бы то ни было, а похерить меня" Так и сказано: „решено похерить" В средствах не будут разборчивы. Пытались убить канонически: вызвать на ослушание и тогда расстричь. Не удалось. Тогда была сделана попытка убить политически. Пущен был слух, сообщение, что во время московского восстания у меня будто бы хранилось оружие. Не вышло и это. Теперь собираются убить физически ⟨в⟩ буквальном смысле, то есть посредством наемного убийцы. Одно предупреждение сообщает о другом намерении. Предположительно, не стесняясь в средствах, попытаться убить нравственно, пустить слух, а то и создать якобы обоснованное убеждение в каком-нибудь гнусном, безнравственном деянии, вроде истории с Оскар Уальдом ⟨так!⟩» (Там же. Л. 21 об.—22).

[2] Протоиерей о. И. Восторгов, деятель монархического движения, священник, проповедник. Расстрелян большевиками 5 сентября 1918 г. в Москве в Петровском парке.

[3] Подразумевается «Манифест 17 октября 1905 года», даровавший гражданские свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

[4] Речь идет о крестьянском восстании, которое началось 8 февраля 1907 г. в румынском селе Флэмынзь. Поводом к восстанию послужил отказ местного помещика снизить арендную плату. В феврале восставшие крестьяне Молдовы повсеместно начали грабить и жечь помещичьи усадьбы, требуя уже не только снижения арендной платы, но и раздела помещичьих земель. Началась организация повстанческих отрядов. Восстание сопровождалось еврейскими погромами, что было связано с еврейским происхождением многих владельцев земельной недвижимости Молдовы. До конца марта 1907 г. румынская армия жестоко подавила крестьянское восстание. Было уничтожено до 11 тыс. повстанцев.

[5] К. П. Победоносцев, русский государственный деятель консервативных взглядов, учёный-правовед, писатель, переводчик, историк церкви; действительный тайный советник. В 1880—1905 гг. — обер-прокурор Святейшего синода. Его смерть 10 марта 1907 г. вызвала всплеск сочувственных публикаций в печати.

[6] Знаменитые слова председателя Совета министров России П. А. Столыпина, сказанные им 6 марта 1907 г. в Государственной думе в адрес депутатов левых фракций —

в порядке «разъяснения после прений». В оригинале: «Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: „Руки вверх" На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: „Не запугаете!"» (Государственная дума: Второй созыв: Сессия вторая: 1907 год: Стенографические отчеты. СПб., 1907 Т. 1. С. 167—169).

8

4 апреля 1907 г., Череменецкий монастырь, Лужский уезд, С.-Петербургская губ.

4/IV. 1907. Череменец.

Дорогой Александр Алексеевич!

Читал, что на пятой неделе идут Ваши «Обреченные». Ныне пятая неделя. Да будет Вам успех на 5[1]. Передайте привет Евтихию Павловичу Карпову[2]. Скажите ему, не хочет ли он поставить «За монастырской стеной» в новой редакции? Действующие лица все — иноки. Женские тени только мелькают за углами скотского двора или в подвалах[3].

Ваши сообщения о «слухах» меня не удивили. Равно не разубедило и полупочтенное «Новое Временное Отхожее Место»[4] своими успокоениями, что слухи-де неосновательны. Это опровержение означает только, что из заграницы, очевидно, дали совет сохранять «и в подлости оттенок благородства» [5]. На время и сократились.

Прилагаю «Группу»⟨?⟩. Побольше, чтобы не смялась, посылаю в брошюрках бандеролью. Брошюрки киньте. Получили ли письмо об Астафьеве[6]. Со мной письмами не считайтесь. Я ведь за штатом литературы, так набиваю руку хоть письмами. Читали ли, успели ли прочесть Морозова «Откровение в огне и буре»[7]. Очень интересно, хотя и мало вероятно в смысле верности догадки.

Сердечный привет.

Ваш Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 8—9 об.

[1] «Обреченные» — пьеса Измайлова, в 4 действиях, поставлена 4 апреля 1907 г. на сцене Малого театра в Петербурге, реж. Е. Карпов. В пьесе играли Е. Н. Рощина-Инсарова, С. Н. Судьбинин, Н. П. Чубинский, М. П. Мячин и др.

[2] Е. П. Карпов, драматург, режиссер в некоторых петербургских театрах.

[3] Упоминается драма Л. Камолетти «За монастырской стеной» в 5 действиях, входившая в репертуар многих театров Петербурга и Москвы. Петров обыгрывает заглавие пьесы, сопоставляя его со своим положением.

[4] Возможно, что речь идет о сообщениях в прессе, вызванных слухами о готовившемся решении лишить о. Петрова сана. В «Новом времени» появилось несколько заметок, в которых говорилось о необоснованности этих предположений; ср., например: «Появившиеся в печати сообщения о том, что дело заштатного священника Гр. Петрова рассматривается в особой комиссии, которая будто бы уже решила лишить его сана, — ни на чем не основаны. Означенное дело рассматривается в обычном установленном порядке в заседаниях общего присутствия Святейшего синода. Говорить о том или ином решении Св. синода в настоящее время не представляется возможным, так как дело еще не закончено рассмотрением» (К делу свящ. о. Гр. Петрова // Новое время. 1907 6 февр. (№ 11101). С. 6).

[5] Неточная цитата из эпиграммы на графа М. С. Воронцова А. С. Пушкина «Сказали раз царю, что наконец...» (1825).

[6] Письмо неизвестно. О ком идет речь — неясно.

[7] Н. А. Морозов, русский революционер-народник. Известен как писатель, поэт и автор исторических работ. Подразумевается издание: *Морозов Н. А.* Откровение в грозе и буре: История возникновения Апокалипсиса: С 62 рис. и снимками с древ. астрон. карт Пулковской обсерватории. [СПб.], 1907 X, 304, [1] с.

9

4 апреля 1907 г., Черемenецкий монастырь, Лужский уезд, С.-Петербургская губ.

4/IV 1907. Луга. Черменец

Дорогой Александр Алексеевич!

Просимое охотно исполняю и прилагаю, но надежды имею мало. Во 1-х, Челнова ⟨так!⟩ совершенно не знаю, а просьб подобных у меня было уже около 10. К Челнокову[1] я не обращался, наводил справки стороной. Сообщали, что всё уже ясно. Тороплюсь отправить и больше пока писать не могу. Сейчас идет почта.

С любовью

Г. Петров.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 9. Л. 1.

[1] Возможно, речь идет о М. В. Челнокове, одном из лидеров кадетской партии, депутате II Государственной думы.

10

26 апреля 1907 г., Черменецкий монастырь, Лужский уезд, С.-Петербургская губ.

26/IV, 1907 Черменец.

Христос воскресе, дорогой и искренне любимый Александр Алексеевич! Радостных, светлых дней желаю Вам. Спасибо, дорогой, за прелестную заметку о моих книгах. Это не критическая статья, а стихотворение в прозе. Не только красиво, как будто даже музыкально написано. И мне после в газете даже жаль было скучать. Какой-то был серый листочек на грязноватой бумаге. К таким удачным строкам хотелось бы бумагу нарядную. Но это, конечно, мелочи стороннего соображения. За себя же еще и еще раз спасибо. Не дорог подарок, дорога любовь, а писано было, видно, с любовью. Спасибо![1] Теперь просьба. Есть в Ялте, в Крыму, некий Лузанов. Он мелкий газетный работник. Знал я его по письму ко мне с просьбою озлобленного чахоточного человека. Чем мог, помог. Попутно навел через знакомых на месте, в Ялте, справки. Положение мрачное. Куча детей, сам больной, работать не может. Научил я его испросить фонд и академию, а он прошения прислал мне, а я не знаю, что с ними делать. Как устраиваются такие дела? Может быть, еще надобны ручательства? Тогда и Василий Иванович подпишет (Немирович). На приложенных бумагах есть указания на крохотное сотрудничество Лузанова и в «Биржевых вед⟨омостях⟩». Не поможете ли Вы, направив, куда следует, должным образом. Только в Академии наук на меня ссылаться нельзя. Там пособия проходят через Константина Константиновича князя, а мы с ним в недобрых отношениях[2]. Мое имя испортит дело. Простите, что утруждаю, но помочь человеку надо, а я не могу, не знаю, как сде-

лать. Сердечный Вам привет и заранее благодарность. Любящий искренне

Ваш Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 12—13 об.

[1] Подразумевается статья: *Измайлов А. А.* Литературные заметки // *БВ.* Утр. вып. 1907 12 апр. (№ 9844). С. 3. В статье, в частности, отмечалось: «Отзвуки последних речей талантливого писателя-священника сейчас звенят в его двух последних книжках „Думы и впечатления" и „Камо грядеши" Только что вышедшие, они сейчас почти исчезли с книжного рынка. Первая из них — думы и отклики писателя на общественные явления современности русской и чужеземной. Вторая посвящена белому духовенству России 〈...〉 Русскому писателю всегда свойственен глубокий эпический наклон. В о. Петрове он еще понятнее. Звание писателя в нем соединено с саном священника. И я мог бы назвать не много книг, где так ярко, как в этой, горел бы пламень того искания правды, какое проходит через всю нашу литературу от Радищева до Толстого, и которая была бы более „христианственною" книгою в наш антихристианственный век 〈...〉 „Камо грядеши" — один из самых ярких сборников статей о нашем духовенстве, какие стали мыслимы только в последний год. Здесь есть страницы беспощадного суда над старыми грехами нашего духовенства, до сих пор оставшимися под непреодолимым прикрытием цензуры 〈...〉 Книга Петрова о старом и новом духовенстве заставляет серьезно задуматься о ближайших судьбах русской церкви. Русская церковь переживает мучительный кризис, подобный тому, какой пережил католицизм перед Лютером» (Там же).

[2] Н. Г. Лузанов, сотрудник столичных и провинциальных изданий, журналист. Его обращение от 7 апреля 1907 г. было направлено в Комиссию при Академии наук для пособий нуждающимся ученым, литераторам и публицистам. Обращение подписано С. Г. Петровым (Скитальцем), Вас. И. Немировичем-Данченко. Ходатайство было отклонено за «недостатком средств» (см.. РО ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 2. Ед. хр. 1293).

11

10 мая 1907 г., Черемeнецкий монастырь,
Лужский уезд, С.-Петербургская губ.

10/V, 1907. Череменец.

Дорогой Александр Алексеевич!

Если бы Вы знали, с каким удовольствием я ставил сейчас в начале письма дату «10/V». Десятое! Еще только четыре дня! Четыре

дня, и я из отхожего места выхожу на вольный и широкий берег моря. А все-таки хорошо, что меня сюда сослали. Рябину для настойки, говорят, надо, чтобы прихватило морозом. Не очень, но чтобы прихватило. Так и мое заточение. Полезное было оно.

Выезжаю отсюда 15-го. Из Луги с поездом около 2-х часов дня. В Петербурге буду в 5 ч. 30 м. Вас, конечно, буду рад видеть. Если Вы по обороте своем собираетесь еще выехать даже в Лугу, — это вам лучше всего сделать, выехав из П⟨етер⟩бурга в 9 ч. утра. В Луге будете в 12 ч. дня. К тому времени на вокзал подъеду и я. Позавтракаем на вокзале и в Петербурге[1].

До скорого же свидания и большое Вам спасибо, незабываемое, за всю Вашу ласку, которою Вы скрашивали мне дни пребывания в отхожем месте, по извращению дьявола, иже лжец бѣ искони[2], называемому Череменецким монастырем.

Горячо любящий Вас

Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 10—11 об.

[1] Возвращение о. Петрова из ссылки в Петербург было большим событием — об этом оповестили ведущие столичные газеты. В «Биржевых ведомостях», в частности, сообщалось: «Священник о. Г. С. Петров приезжает в Петербург 15 мая с поездом в 5 ч. 30 мин. Среди литераторов организуются группы, имеющие намерение встретить „опального депутата" в Луге, в Гатчине и на станции Александровской. Участвуют в поездке между прочим В. И. Немирович-Данченко, Баранцевич, Будищев. Проектируется „привал" в Луге у А. Лугового» ([Б. п.]. В литературном мире // *БВ*. Веч. вып. 1907 14 мая. (№ 9894). С. 3). Возвращению о. Петрова Измайлов посвятил фельетон: *Измайлов А. А.* С опальным депутатом: (Возвращение о. Г. С. Петрова из Череменецкого монастыря) // *БВ*. Утр. вып. 1907 16 мая. (№ 9897). С. 3.

[2] Ин. 8: 44.

12

20-е числа мая 1907 г., С.-Петербург

Заезжал лично поблагодарить милого Александра Алексеевича за его доброе сердечное отношение к череменецкому узнику. Не за-

стал дома, делаю письменно. Довершите свою ласку: если свободны в воскресенье 27/V, заезжайте к часу дня завтракать. Будут Немирович[1] и вообще свои.

С любовью, привет

Г. Петров.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 3303. Л. 4. На визитной карточке с указанием адреса: Б⟨ольшой⟩ проспект Петроградской стороны 76, кв. 4.

[1] Вас. И. Немирович-Данченко.

13

22 сентября 1908 г., Генуя, Италия

22/IX. 1908.

Дорогой Александр Алексеевич! Я всё еще жалею, что не удалось нам повидаться за границей[1]. Так хорошо было бы побродить, побеседовать вместе. За Вас рад очень, что и Вы вырвались, поглядели мир. Надеюсь, не последний раз. Теперь, в этот раз, думаю, Вы объелись впечатлениями. Так сказать, переели. Второй и третий раз будет глубже, прочнее. Хотел бы послушать Ваши впечатления от поездки. У меня, что дальше, то больше горечи от всей нашей культуры. Как Иван Ильич толстовский чувствую:

— Не то кругом. Не то[2].

Лично я сейчас не скучаю. Надо полагать, счастливый у меня характер. Всё у меня на пользу. Пришлось, например, за это время натолкнуться чуть не добрый десяток раз на проявление самого чистокровного хамства. Со стороны тех, кто еще недавно лез с объятиями и поцелуями. И меня, представьте, это веселило. Доставляло своеобразное удовольствие. Я начинаю, пожалуй, понимать удовольствие мазохистов быть высеченным. Право, это полезно, когда жизнь посечет. Помните, у Оскара Уайльда в «De Profundis», где он говорил[3]:

— Я вкушал долгие годы плоды с разных дерев радости и думал, что это и есть счастье. Судьба тюрьмою заставила меня отведать

плодов с дерева горечи, унижения, и тут только я подумал, что это мне было самое необходимое блюдо[4].

Я всегда говорил, что душа человека напоминает древнюю скинию. Три отдела. Двор, где помещалась толпа, обретались ⟨?⟩ всякие прохожие и где даже скот имел свободный доступ. Святилище, где допускались только посвященные (иереи), и Святая Святых, куда в редких случаях входил только один первосвященник.

В сутолоке жизни не всегда плотно запирались двери святилища и туда постепенно набирается много скота с двора.

Моя высылка и дальнейшее оказались прекрасным пробным камнем, для отбора «посвященных» от скота. И я рад, благословляю судьбу, что она меня заставила хоть на время уединиться.

Я напоминаю себе сейчас хозяйственного мужика, вернувшегося с фабрики домой. Всё время то с лопатой, то с топором, то с метлой ходит вкруг дома и двора и прибирает.

Жаль одно, библиотеки моей нет при мне. Схватишься иногда того, другого, — нет под рукой. А книг надо много. Многое задумал и много хочется сделать. Там, где я поселился, в глуши Италии, и сделать можно много.

А Вы что и как? Слякотно в Питере? Если не погодой слякотно, то настроением? Да? *Подлое* настроение. Настроением высеченных, побитых палкою рабов. Если когда удосужитесь, черкните: Italia, via Genova, Cavi di Lavagna, любящему Вас

Г. Петрову.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 20—21 об. На бланке отеля: Gd. Hôtel National, Zürich.

[1] Во второй половине мая 1908 г. Измайлов предпринял заграничное путешествие по Европе вместе с Ф. Ф. Фидлером. Судя по дневниковым записям последнего, они посетили Берлин, Вену, Рим, о. Капри, Венецию. См.. *Фидлер*. С. 486—497 На о. Капри Измайлов встречался с Горьким, об этой встрече см. его статью: *Измайлов А*. У Горького на о. Капри // *БВ*. Веч. вып. 1908. 5 июля. (№ 10589). С. 3; Там же. 7 июля. (№ 10591). С. 3; Там же. 8 июля. (№ 10593). С. 3. Петров находился в Италии до декабря 1908 г. См. запись в дневнике Ф. Ф. Фидлера от 1 декабря 1908 г.: «В пятницу Немирович-Данченко вернулся из-за границы; он провел шесть недель в Кави ди Лаванья под Генуей в обществе Амфитеатрова и бывшего священника Петрова» (*Фидлер*. С. 508).

[2] Герой повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича».

[3] «De Prófundis», письмо-исповедь Оскара Уайльда, обращенное к лорду Альфреду Дугласу. Написано в Редингской тюрьме в период с января по март 1897 г.
[4] Цит. по памяти «Тюремная исповедь» О. Уайльда.

14
6 декабря 1908 г., Цюрих, Швейцария

6/XII, 1908. Цюрих.

Дорогой Александр Алексеевич, приехал в Цюрих, остановился за городом, в тихом отеле, где был в сентябре, и не знаю, как и откуда, но после целого ряда перемены адресов нашел здесь от 10/VI Ваше письмо. Представьте, что вы в декабре, в январе получаете в письме свежую фиалку или нежный ландыш, — так порадовало меня Ваше милое письмо. Так оно дороже, что мало радостного я получаю из России. Помните, я писал о хамстве. Писал я не о тех маленьких людишках, на которых Вы намекали, — А. С-н, П. П-н[1]. Это что? Это — сороконожки, мокрицы, которые заполняют сырые помещения. Я их наблюдал, приглядывался к ним и, конечно, ничего не ждал. Да и никаких отношений к ним и не было теперь. Писал я о более крупном: о почтительнейших И. Д. Сытине и редакции «Р⟨усского⟩ с⟨лова⟩». После моего выезда из Петербурга они, видимо, струсили моего имени, моего участия даже под псевдонимом[2] и начали свою обычную игру. Душили по 5, по 7 моих статей. Не печатали месяцами, а то и совсем откладывали, ссылались на то, что дерзко. Глупые отговорки. Пример хотя бы статья о Гинцбурге И. Я., о его книге. Политики никакой, а статья засохла. Кстати, попросите А. В. Руманова, чтобы он по телефону сейчас же стребовал из «Р⟨усского⟩ с⟨лова⟩», из редакции статью мою: «Скульптор-писатель», дал бы ее прочесть Илье Яковлевичу Гинцбургу, а затем переслал бы мне[3]. Целый ряд подобных историй. Последнее время из 8 статей шло 2, 3 статьи, и то после целого ряда настойчивых требований. Я, наконец, поставил вопрос ребром: «участвую я в газете или нет?». Тогда сейчас всё обращено в недоразумение. Вот об этом хамстве людей, которые то в ноги бух, то в шею бац, я и писал. Ну да чёрт с ними. Сейчас я особенно хорошо настроен. Тут рядом

мой мальчуган, Борис. На днях (15/XII) едем на праздник в Россию. У меня тихое, уютное прибежище и море захватывающей работы. Да, в России сейчас скучно, погано. Я бы сказал даже: и подло. Подло не в столыпиновщине, не в гучковщине только. Этому что было бы удивляться! Подлость не может быть не подлою. Подло в литераторах. В братьях-писателях. В журналистике. Сколько этой подлости накопилось за долгие века русского рабства. Раньше только хоть стыдились, а теперь распоясались. Во всю хулиганщину окрестили смелым анархизмом и хулиганят и в литературе, и в критике, и в публицистике... Надо браться за метлу. Заметили ли Вы две предпоследние статьи Пешехонова в «Русском богатстве»?[4] Последнюю я еще не получил, но, очевидно, она — продолжение по духу[5]. Пора, давно пора. Пошел если не сплошной публичный дом и каретная на Невском, то повальная эпидемия хулиганства. Струя холодной воды очень нужна и очень полезна. Они видят, что на них не действует. Действует. И еще как. Я здесь, за границей, видел Айзмана. Помните в сборнике «Земля» два его крохотных, но достаточно «сочных» очерка о монахине с патером и о немке с Фрицем. Когда Айзмана отхлестали за это, он, без боли, *без слез,* почти вспоминать не может[6]. Что того ⟨?⟩ хуже: пошла торговля и талантом, и славой. Андреев повинен первый. Со своим талантом поступает как волжский разбойник:

— Сарынь на кичку!

— Грабь на таран!

Грабить чужой талант — преступление, но не меньшее преступление и грабеж своего таланта. Талант не есть личное достояние, талант — могучая сила общественная и вместе и собственность общества. Андреева раз уже обдернули сильно[7]. Нужно обдернуть еще раз. Иначе совсем сойдет на нет. Что это такое в самом деле! Перепечатывает старые фельетоны[8]. Путается в шебуевской «Весне», пишет для литературного «кабачка»[9]. Кабачка! Ведь это реализация символа из «Жизни человека». Тот кончает в кабачке. Андреев туда же пишет. Л. Толстой, И. С. Тургенев, Достоевский, Гончаров написали ли бы для *кабачка*, хотя бы и литературного?

А все-таки, «Земля движется!»[10]. И до берега мы доплывем! Я знаю одно, что чем хуже погода на море, чем сильнее бьют волны, тем тверже надо держать руль у лодки, тем сильнее налегать на весла. Теперь бы нужен был громкий и победный крик доброго призыва:

— Налегай, ребята. Наляг! Навались! Сильнее! Братцы! Раз! Раз! Раз! Дружнее, не жалей рук и плечей.

Для меня важен конец: конец венчает дело, а за успех конца я ручаюсь. Быть не может, чтобы русский народ умер, когда воскресают Турция, Персия, Китай.

Нет, мы еще повоюем. И не только повоюем, а и победим, общенародную Пасху праздновать будем. Видали Вы, как иногда густая слизь и плесень покрывают окорок, если он долго висит взаперти. Но сотрите слизь с кожи окорока, и вы найдете внутри здоровое мясо. Вся наша плесень это — слизь поверх окорока.

В Россию бы очень хотел. Пусть и не в столицах[11]. Хоть бы внутри страны, но если бы я мог читать лекции: «публичные», в народных университетах и т. д. Если же сидеть сиднем, молча, то лучше в тиши, вдали копить и готовить к дню, в он же... потребно будет.

Кланяйтесь всем. Сердечный привет. Ваш душой

Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 14—19. На листах со штампом: Hotel&Pension Waldhaus Dolder Zürich. Штамп обведен в рамку с припиской Г. Петрова: «Мой адрес 3 слова».

[1] Неустановленные лица.

[2] Петров активно пользовался разнообразными псевдонимами. В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова приведено свыше 20 псевдонимов Петрова; подробнее см.. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 366—367

[3] И. Я. Гинцбург, скульптор, профессор художественных мастерских. Об этой статье Петров писал Гинцбургу 9 мая 1909 г.. «Получили ли Вы зимой через А. В. Руманова гранки моей статьи „Писатель-скульптор", которую я написал о Вас и которую „Р(усское) слово" не поместило? Вы из той статьи могли видеть, как я ценю Ваш талант и как люблю Вас, как человека» (РО ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 126. Л. 4).

[4] А. В. Пешехонов, русский экономист, журналист, политический деятель, министр продовольствия Временного правительства (1917). Публиковал статьи в журналах «Вестник Европы» и «Русское богатство». Подразумевается статья: *Пешехонов А. В.* На очередные темы: Сумятица: (I. В жизни. — II. В литературе) // Русское богатство. 1908. № 10. С. 67—82. Статья, в которой, в частности, подверглись резкой критике VII и VIII выпуски журнала «Образование», имела большой резонанс. В связи с этой публикацией 17 и 24 ноября 1908 г. состоялся третейский суд, инициатором которого выступил И. М. Василевский, редактор «Образования». Суд в целом поддержал критический пафос статьи Пешехонова. Из заключения третейского суда: «Ввиду крайне порнографического содержания VII и VIII книжек „Образования" за 1908 г. А. В. Пешехонов имел полное основание отнестись с самым суровым осуждением к деятельности И. М. Василевского как редактора этих двух книжек журнала» (*Пешехонов А. В.* На очередные темы. С. 159). В третейском суде принимали участие А. Посников, К. Арсеньев, Е. Ляцкий, В. Семевский.

[5] Имеется в виду статья из ноябрьского выпуска «Русского богатства»: *Пешехонов А. В.* На очередные темы: В поисках (I. Писатели, которые ничего не желают и никуда не ведут. — II. Писатель, который не ведет, куда хочет. — III. Люди, которые нашли средство, но потеряли цель. — IV. Отклики на «сумятицу») // Русское богатство. 1908. № 11. С. 49—78.

[6] Д. Я. Айзман, прозаик, драматург; в 1905—1907 гг. примыкал к «знаньевцам». Петров ошибочно отсылает к литературно-художественному сборнику «Земля» (1908—1917). Речь идет о двух рассказах Айзмана — «Белый роман» и «Черный роман», опубликованных под общим заглавием «Любовь» в арцыбашевском «сборнике художественной литературы» «Жизнь» (1908. № 1. С. 319—349). Первый из них повествовал о любовных переживаниях деревенской девушки француженки Марты Гатрэ; во втором описывалась чувственная связь пропойцы-кюре Дельгорга с полубезумной монахиней.

[7] Возможно, Петров подразумевает многочисленные резкие высказывания по поводу рассказов «Бездна» и «В тумане». В ряде статей в связи с этими произведениями Андреева обвиняли в порнографии и аморализме. Подробнее см. по указат.: *Андреев: Б—2.*

[8] В 1908 г. Андреев активно републиковал свои произведения; подробнее см.. *Андреев: Б—2.* С. 50—53.

[9] Н. Г. Шебуев, журналист, издатель. Известность приобрел изданием сатирического журнала «Пулемет» (1905); за помещенные в нем антиправительственные рисунки провел год в крепости. Позднее выпускал «Газету Шебуева» и еженедельник «Весна» (в 1914 г. ежемесячник). В «Весне» было переиздано начало рассказа «Из глубины веков»; см.. *Андреев Л.* Царь // Весна: Орган независимых писателей и художников с постоянным отделом «Газета Шебуева». 1908. № 1. С. 4 (*Андреев: Б—1.* С. 50).

[10] Известное выражение, приписываемое астроному и физику Галилео Галилею.

[11] После лишения сана Петрову было запрещено проживать в Москве и Петербурге 7 лет.

15

1 января 1909 г., Базель, Швейцария

1/1 1909

Дорогой Александр Алексеевич!

От встречи у нас в отеле Нового года уехал в соседний Базель и пишу Вам отсюда. Получил Ваше письмо с приглашением сотрудничать. Согласен[1]. Но если бы Вы знали, как трудно писать теперь для России. Я писал несколько вещей для иностранных журналов. Пишем свободно. И писать потом по принципиальным вопросам для русской цензуры. На концерте Зилотти публика устроила Шаляпину скандал, что он пел вполголоса[2]. Что же должно выходить у автора, когда он вынужден писать в полмысли, в четверть мысли. Когда я написал свое письмо Антонию, многие говорили:

«Вы так сильно раньше не писали»[3].

Но, Бог мой, в собачьей конуре не распрыгаешься. О силе, длине и высоте прыжка надо судить на открытом воздухе. Так вот и у Вас в будущем журнале. По церковным вопросам. По общественным. Петь шепотом... Полную правду сказать нельзя. Кусочки правды? Но ведь нос — маленький кусочек тела, а когда этого маленького кусочка нет, какое безобразие получается. А значит правду приходится выпускать и без носа, и без глаз, и без ушей, и без рта.

Прочел Вашу статью об Андрееве[4]. Хорошо. Любя его, надо останавливать. Над растратой именья устанавливают опеку. Над растратой таланта и подавно должна быть опека, только, конечно, моральная, сила вразумления.

В Андреева я больше верю, чем в Горького. Горький, после общего идолопоклонства перед ним, стал в самом деле идолом. Объистуканился. Андреев мягче душой. Податливее. Гибче. Написал я и вторую[5] статью об Андрееве «Перун и Аполлон». По поводу «Черных масок»[6]. Хочу еще написать беллетристический очерк. В рождественском номере будут мои «Огни жизни» — два наброска: «Прометей», «Христос». Хотелось еще прибавить третий: «Писатель»[7]. Да побоялся, что выйдет и длинно, и непропорционально.

Подумал, что выйдет не три части, а две, и при них хвост. Поэтому отдельно. Навеяно также Андреевым. Мое настроение поймете из «Огней».

Сердечный привет.

Г. Петров.

Адрес: *Zürich. Waldhaus Dolder.*

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 22—23 об.

[1] Измайлов предложил Петрову сотрудничество в журнале «Новое слово»; несмотря на согласие, в журнале Петров не участвовал.

[2] «Концерты А. Зилоти» — концертная организация, с 1903 по 1918 г. один из основных центров музыкальной культуры Петербурга; здесь исполнялись фортепианные, вокальные, инструментальные, симфонические произведения. К участию в «концертах А. Зилоти» привлекались выдающиеся музыканты начала XX в.

[3] Свои религиозные и политические воззрения Петров изложил в «Письме митрополиту Антонию», в котором обличал царское правительство и синод. За нарушение обещания не публиковать критику порядков 14 января 1908 г. Петербургская духовная консистория лишила Петрова священнического сана. Консистория нашла письмо Петрова к митрополиту Антонию (Вадковскому) «преступным», содержащим «поношение православной церкви» и «поругание существующего государственного строя в России» (Весна. 1908. 20 янв. (№ 2). С. 19—20). Письмо было опубликовано отдельным изданием: *Петров Г. С.* Письмо священника Григория Петрова митрополиту Антонию. СПб., 1908. 16 с., То же. Berlin: J. Ladyschnikow Verlag, [1908]. 23 с.

[4] Подразумевается одна из статей Измайлова о пьесе Л. Андреева «Черные маски». По всей видимости, речь идет о фельетоне: *Измайлов А.* «Черные маски» в театре Комиссаржевской // *РС.* 1908. 5 дек. (№ 282). С. 2. В статье критик, в частности, отмечал «чрезвычайно интересный и оригинальный замысел», который автор «исполнил торопливо и местами слабо». А также: «В его новой драме нет красоты слияния идей и формы, без чего вещь не может быть значительной» (Там же). См. также другие статьи о пьесе: *Измайлов А..* 1) «Черные маски» Леонида Андреева: (По телефону от нашего петербургского корреспондента) // *РС.* 1908. 3 дек. (№ 280). С. 5; 2) Около рампы: «Черные маски» // *БВ.* Утр. вып. 1908. 3 дек. (№ 10842). С. 3—4.

[5] Первая статья вышла в 1908 г.: *Фабианский К.* [Петров Г. С.]. Взаимные разочарования: (Читатели и почитатели) // *РС.* 1908. 20 дек. (№ 295). С. 3.

[6] Подразумевается статья: *Простой Иван* [Петров Г. С.]. Перун и Аполлон // *РС.* 1909. 1 янв. (№ 1). С. 3—4.

[7] В рождественском номере «Русского слова» публикации Петрова не выявлены.

16

9 февраля 1909 г., Аяччо, о. Корсика, Франция

9/II 1909

Дорогой Александр Алексеевич!

Вы, вероятно, в большой обиде на меня, что я не отвечаю Вам, а я не виноват. Я уже давно на Корсике, в Аяччо, на родине Наполеона I. Сбежал от холода и хмурого неба Цюриха. Здесь тепло. Наша хорошая весна. Цветут яблони. Роза в цветах. На деревьях дозревают апельсины. Я сидел здесь, а письмо Ваше с рядом других писем лежало в Цюрихе. Мой мальчуган[1] по обычной ему неаккуратности оставил их лежать в Цюрихе. Теперь письмо Ваше дошло. На днях пошлю Вам статью. Хотел бы видеть самый журнал[2]. Не вышлите ли: Italie, Genova, poste restante*. G. Petroff. У Вас, видимо, сильно разгорелась история Азефа[3]. Я знал всё это еще в октябре[4]. Ужасно. Страшно за человека. «Друг» Гершуни[5] и предает его. Друг Кропоткина[6] и агент полиции. Вот да тема для Л. Андреева. Человек сильной воли, несомненного ума, инженер по образованию и за 12000 руб. в год предательствует, ссылает на виселицу десятки людей. Да он с его данными на большом заводе получал бы больше, как инженер. Но если бы еще только один Азеф! В эмиграции и многое другое не лучше. Пушечного мяса, героев смерти, умирать, — сколько угодно. Жить, работать, людей строительства, — нужен фонарь Диогена, чтобы найти. Похоже на чилийскую армию, где на одного рядового три генерала. Генерал сила больше, чем в любом департаменте ⟨так!⟩. Но все-таки история Азефа полезна: прочистит атмосферу и спесь собьет многим. У меня этот месяц прошел бесполезно. В разъездах. Почти ничего не писал. К маю хочу в Россию. Сердечный привет.

Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 24—25 об. На бланке отеля «Schweizerhof».

[1] Борис Григорьевич Петров.

---

* до востребования (*фр.*).

[2] Подразумевается «Новое слово» — ежемесячный журнал, приложение к «Биржевым ведомостям» (СПб., 1908—1914); ред. И. И. Ясинский. Обещанный материал Петров так и не выслал. См. п. 17

[3] Е. Ф. Азеф, российский революционер-провокатор, один из руководителей «боевой организации» партии эсеров и одновременно секретный сотрудник Департамента полиции.

[4] Речь идет о дискуссии на страницах прессы, возникшей после того, как стало известно о провокаторской деятельности Азефа и его сотрудничестве с охранкой. В связи с разгоревшимся скандалом был арестован бывший директор департамента полиции Алексей Александрович Лопухин по обвинению в государственном преступлении. Этот процесс закончился отставкой ряда полицейских чиновников и осуждением Лопухина (1 мая 1909 г.) к 5 годам каторжных работ с лишением всех прав состояния. Приговор был заменен ссылкой.

[5] Г. А. Гершуни, террорист, революционер, один из основателей «боевой организации» партии эсеров.

[6] Князь П. А. Кропоткин, революционер-анархист и учёный, географ, геоморфолог, историк, публицист, создатель идеологии анархо-коммунизма и один из самых влиятельных теоретиков анархизма.

17

8 мая 1909 г., Тверь

8/V. 1909

Дорогой Александр Алексеевич!

Вам, пожалуй, не понять, как меня обрадовало Ваше письмо. Я мучился последние месяцы: боялся, Вы сердитесь на меня, что я не прислал ничего для журнала. Почему не посылал, объясню лично.

Страшно буду рад видеть Вас в 10 вечера. Хорошо здесь на Волге[1]. А тут еще навалили чужую беду. Надо даже посоветоваться. Первый раз, кажется, в жизни не знаю, как поступить.

А не вздумаем ли мы с Вами попозже, когда пожелаете, проплыть по Волге? Ну да всё обговорим лично, а пока крепко целую

Вас любящий Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 30—30 об.

[1] В апреле — мае 1909 г. Г. С. Петров находился в Твери. Об этом подробно сообщалось в прессе. См.. *Астра*. [Богданов А. А.]. У Григория Петрова в Твери // *БВ*. Веч. вып. 1909. 19 мая. (№ 11112). С. 2.

18

17 февраля 1910 г., Выборг

17/II ⟨1⟩910 Выборг. Hotel Raoha

Дорогой Александр Алексеевич!

Спасибо за письмо. Сам я чуть не ежемесячно думал и думал о Вас, но от писем сознательно воздерживался. Помните у Л. Андреева в «Моих записках» строки о друзьях?[1] Так и я: так-то более замыкаюсь в себе. Ну, да это так, попутно.

Послал «Святую Землю» Вам, не имея Вас в виду[2]. Я послал ее человекам 20. К. Чуковский также усмотрел намек на него (пинкертоновщина)[3]. Я же имел в виду специально писателей-художников, а не критиков. Вся наша литература современная — дань старой, буржуазной, бюрократической России. Новою Россиею в ней не пахнет, кроме Горького, Крюкова[4], еще немногих. Сологубы, Андреевы, Куприны, Бальмонты, Брюсовы и пр. чужды новой жизни. Это не вожди в обетованный Ханаан. Это вскормленники старого Египта. Они обречены на вымирание в течение 40 лет блуждания перед границами Ханаана. У них нет боли за Россию, за народ. Это — утонченная, оперенная красиво разновидность паразитов. Восковые цветы. Консервированные пальмы. Они не освежают спертый воздух жизни, не выделяют кислород из себя. Я понимаю желанье заработать и зарабатывать много, но понимаю желание это только временно. Мы все хотим съездить в Италию, Швейцарию, Испанию. Посмотреть, каковы они. Понимаю и желание «съездить» в жизнь на большие тысячи. Узнать, ответить, какова эта жизнь! Но остаться при ней, жить для нее, ради нее торговать талантом, работать в погоне за толпою, — это свойственно только уроженцам рабского Египта. А что делают наши большие таланты? Моисей наводил казни на фараона, принудил фараона отпустить народ на свободу. У нас же Кугель[5] и Азов[6] заводят кабаки, украшают остроумием кабаре. Там дальше и найдутся исполнители мечты Каменского[7], чтобы девицы лунапарков были из институтов, играли Листа, декламировали Блока. Сами Андреевы, Куприны, Ар⟨цыбаше⟩вы, Соллогубы ⟨так!⟩ не впереди народа, не в рядах бойцов за Ханаан, а сбежали в обоз, поместились среди маркитантов[8] и уве-

селителей деморализованной сволочи. Скажут: «нельзя писать». Ложь: нельзя *«печатать»*, но нельзя не писать, когда *хочется*, есть *потребность* писать. У них нет потребности. Это не писатели, не духовные вожди, не Моисеи, а современные сказочники.

Почему мы вправе негодовать на чиновников России, которые, стоя народу дорого, не дают строго ничего, кроме гор неписанной бумаги? Почему мы негодуем на годную 3-ю Думу и Гос⟨ударственный⟩ Совет, где они есть и как бы их нет? И почему мы не думаем негодовать на литературные таланты, что они есть, принимают божеские почести от толпы и сами вязнут в той же толпе, не двигают толпу, не кричат ей: «Вперед! Сметай с дороги, что мешает двигаться вперед». Я когда поеду за границу, напечатаю разнос всем богам и божкам искусства. Им курят фимиамы, а они в ответ только воняют. Идущим в Ханаан они не по пути. Это как меня в семинарии один товарищ на уроке истории ответом о войсках древних греков смешил. Вместо «пелтасты» [9] сказал «педерасты». Он же другой раз, отвечая Павловичу[10], по подсказу, перепутал и вместо «ваяние и зодчество» ляпнул: «валяние и извощество». У нас, им, что педерасты вместо пелтастов и валятели вместо ваятелей. Впрочем, довольно о них. Перейдем к Терриокам ⟨так!⟩. Я согласен, когда угодно, в любой день и час. Только в Терриоках хорошая гостиница осенью прошлою сгорела. Я был в Терриоках, сам хотел поселиться в гостинице. Налицо пока какая-то дрянь с 3-х аршинными коморками.

Сегодня у меня хотел быть Осипович[11]. Он живет в Терриоках. Я спрошу его о пансионе, нет ли хорошего пансиона в Т⟨ерриока⟩х. Завтра сообщу подробности. Вы решайте сообща и место, и время. Предупредите меня дня за 3, и я приеду вовсюда. Сердечный привет Вам и всем дорогим друзьям.

Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 26—29 об.

[1] Подразумевается пассаж из второй части повести Л. Андреева «Мои записки», созвучный настроениям Петрова в это время: «Упомяну коротко, что меня один за

другим перестали посещать мои друзья, оставшиеся у меня от того времени, когда я был счастлив и свободен. По их словам, они верили в мою невиновность и первое время горячо выражали мне свое сочувствие. Но наши жизни, моя в тюрьме и их на свободе, были столь различны, что постепенно, под давлением совершенно естественных причин: забывчивости, служебных и иных обязанностей, отсутствию общих интересов, они стали являться на свидания все реже и реже и под конец исчезли совсем ‹...› И, называя друзей моих "вероломными изменниками, предателями", не мог я, несчастный юноша, понять того мудрого закона жизни, по которому не вечны ни дружба, ни любовь, ни даже нежнейшая привязанность сестры и матери» (*ПСС Андреева — 23_6*. С. 117—188).

[2] Возможно, речь идет о брошюре: *Петров Г.* Еврейское царство. М., 1906. 32 с.

[3] Отсылка к известному фельетону К. Чуковского «Нат Пинкертон и современная литература», см.. *Чуковский К. И.* Нат Пинкертон и современная литература // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. Т. 7 / сост. и подгот. текста Е. Ивановой и Е. Чуковской при участии О. Степановой. М., 2003. С. 57.

[4] Ф. Д. Крюков, прозаик, общественный деятель, казак, участник Белого движения. Писал рассказы из жизни казаков, сельского духовенства, о жизни русской провинции и пр.

[5] А. Р. Кугель, театральный критик, публицист, журналист, мемуарист; создатель и руководитель театра малых форм «Кривое зеркало», существовавшего в Петербурге (Ленинграде) в 1908—1931 гг. Театр-кабаре возник по инициативе артистки З. В. Холмской при Театральном клубе. «Кривое зеркало» было театром пародий, общественно-политической сатиры, «скепсиса и отрицания» (Кугель), «игривой и тонкой иронии» (А. В. Луначарский). Большой успех имел спектакль «Вампука, невеста африканская» (1909, режиссер Р. А. Унгерн), высмеивавший оперные штампы.

[6] В. А. Ашкинази, фельетонист, театральный критик, писавший также под псевдонимом «В. Азов». По-видимому, Петров критически высказывается в связи с выходом сборника «Литературно-художественное кабаре „Черный кот“ Под управлением В. Азова и Ганса Штрика» (СПб., 1910. 16 с.). Одноактные скетчи, сценки и фарсы В. Азова ставились в театре «Кривое зеркало», руководителем которого был А. Р. Кугель.

[7] А. П. Каменский, прозаик, драматург, киносценарист. В русской литературе начала XX в. считался одним из лидеров эротического направления в беллетристике. Ср. с оценкой Горького в письме к Е. Н. Чирикову 1907 г.: ...на литературу наступают различные параноики, садисты, педерасты и разного рода психо-патологические личности, вроде Каменского, Арцыбашева и К° Чувствуется хаос духовный, смятение мысли, болезненная, нервозная торопливость» (*Горький*. Т. 6. С. 39).

[8] Маркитанты, мелкие торговцы, сопровождавшие войска в походах в европейских армиях (особенно французской).

[9] Пелтасты (пельтасты), род пехоты в Древней Греции.

[10] М. Г. Павлович, педагог, в 1873 г. получил степень кандидата богословия, после окончания академии — преподаватель словесности, истории русской литературы и логики в Санкт-Петербургской духовной семинарии.

[11] Н. М. Осипович, прозаик, революционер.

19

23 февраля 1910 г., Выборг

23/II. Выборг. Рауха гостиница.

Дорогой Александр Алексеевич,

мне уже передавали о большом успехе Вашей лекции, прочитанной в зале Полонского[1]. Это очень хорошо, что Вы начинаете выступать также и устно. Поезжайте и в Москву. Устройте, чтобы читать Вам и в Киеве, и в Харькове, и в Одессе, и в Казани, и в Самаре, и по всей России. Почему всё П⟨етер⟩бургу, который объелся всем и, как сытая свинья, только роется носом в корыте? Кроме того, и Вы увидите Россию. Что ни говори, Россия меняет свою кожу, меняет и душу. Каждый уголок интересен.

На просьбу Вашу сообщить о Чехове я, к сожалению, пожалуй, ничего Вам не скажу[2]. И вот почему. Конечно, были штрихи большого интереса, но помните Нафанаила под смоковницею? Что там было, что думал, говорил, делал, чувствовал Нафанаил, — куда важнее, что я мог бы Вам сообщить о Чехове, но Христос и намека не дал. Чеховское прикосновение к тем вопросам, о которых Вы хотели бы знать, также было глубоко интимно, и мне не хочется, чтобы толпа прошлась и чрез этот уголок души Чехова. Не знаю, видали ли Вы, я недавно в «Юж⟨ном⟩ крае»[3] напечатал «С улицы в душу» — статью о разгуле толпы в тайниках души отмеченных гением людей![4]

Помните скинию: двор — для толпы, святилище для посвященных, избранных иереев и святая святых, куда и первосвященник заходил раз в год.

К тому же мое впечатление, вернее, моя оценка настроений Чехова по религиозным вопросам не дают мне основания ставить те штрихи, о которых я Вам как-то говорил, очень уж высоко. Это если и религиозные мотивы, то низшего качества. Так сказать, кладбищенские. Навеянные страхом смерти. А Чехов в моей памяти остался в этом отношении вторым человеком по счету.

Когда я лет десять тому назад читал лекции в Артиллерийском Михайловском Училище, там был инспектор, полковник Гончар, артиллерийский Бронзов из Дух⟨овной⟩ Ак⟨адемии⟩[5]. Читал Гон-

чар отдел артиллерии: о лафетах, колесах, возаках, ободьях. Мы с ним были не близки, но водились в хороших отношениях. Как-то однажды он вдруг повадился ходить на мои лекции. Сядет рядом с юнкерами в аудитории и слушает. Так недели 1 ½ ко всем курсам. В конце одной лекции мы вместе выходили из аудитории, идем по коридору, и он неожиданно для него, сухого артиллериста, мягким, задумчивым тоном говорит мне:

— Мне очень хотелось с Вами кое о чем потолковать, о важном, наедине.

— Когда угодно, — говорю.

Прошло с месяц. Гончар опять стал ходить ко мне на юнкерские лекции и после одной лекции опять говорит:

— Давно собираюсь поговорить с Вами об одном вопросе.

— Пожалуйста, — отвечаю опять.

Но и опять разговор не состоялся, а 27 декабря, в рождественских праздниках Гончар зарезался. Всю ночь о нем думал. В пятом часу утра разбудил прислугу и послал ее за мной (мы жили в одном и том же здании). Прислуге, очевидно, не хотелось ночью вставать, и она спросила: — может быть подождать лучше до утра?

— Как хочешь.

Прислуга не пошла, а около 5 Гончар всадил нож в сердце.

Очевидно, человек стоял на берегу пропасти, видел уже перед глазами смерть и жутко было одному. Думаю, то же настроение переживал в конце жизни и А. Чехов. Смерть-то он чуял и боялся ее. Знаете, как бывает, что человек от всех суеверий избавлялся, а кладбища, да еще ночью, инстинктивно боится. Это — не религия. И если религиозные настроения, то достоинства не из высоких. Навеяны страхом.

Когда Вы будете в Москве? Если не встретимся случайно в дороге, то всего хорошего. Я 1—3 марта уезжаю отсюда. Еду в Крым. Но не прямо, а с остановками попутно.

Сердечный привет.

Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 41—42 об.

[1] Речь идет о лекции Измайлова «Был ли религиозен А. П. Чехов», прочитанной в Литературно-художественном кружке им. Я. П. Полонского в зале Петровского училища (наб. Фонтанки, 62). Впоследствии лекция была повторена в Москве. В «Русском слове» в связи с выступлением критика сообщалось следующее (показательно упоминание Г. С. Петрова): «Лектора любят в Москве. Да и тема, затронутая им, очень интересна. Зал кружка был поэтому полон 〈...〉 Г. С. Петров передавал лектору: — „Мне казалось, что в последнее время своей жизни Чехов хотел о чем-то заговорить со мной. Мне кажется, — о вере и Боге" Беллетрист Грузинский говорил: — „Никогда за свою жизнь Чехов не сказал и не написал ни одного кощунственного слова" Эти и многие другие факты приводят лектора к такому заключению: Чехов не был судорожно мучим верой. Но он не был и индифферентен в вере. Вся жизнь его — раздвоение между верой и неверием. Чехов как бы так говорил: — Я верю, но по-своему. Он плоть от плоти и кость от кости своего поколения, вера которого переплетается с неверием» (*А. П.* [Панкратов А. С.]. Был ли религиозен А. П. Чехов // *РС.* 1910. 3 марта. (№ 50). С. 4—5).

[2] Измайлова интересовало отношение Чехова к религии, главу по этой теме он готовил для своей книги о писателе. Отметим также, что в 1910 г. вышла статья Измайлова «Вера или неверие», где он ставит вопрос о христианской позиции А. П. Чехова, в то время как в писателе современники однозначно видели убежденного позитивиста и агностика (*Измайлов А. А.*. 1) Вера или неверие // Лит. приложение к «Ниве». 1910. № 6. С. 241—260; № 7 С. 405—430; 2) Между верой и неверием: (Религия Чехова) // *РС.* 1910. 17 янв. (№ 13). С. 3). Измайлов, по-видимому, рассчитывал получить некоторые сведения и впечатления о Чехове от Петрова, тем более что последний был лично знаком с прозаиком и обменялся с ним несколькими письмами. Свои впечатления о писателе Петров изложил в брошюре: *Петров Г. С.* Певец тоски: [К 50-летию со дня рождения А. П. Чехова]. СПб.. Б-чка копейка, 1911. 16 с. См. также: *Петров Г* Светлая чайка // *РС.* 1910. 17 янв. (№ 13). С. 5.

[3] Газета «Южный край» издавалась на русском языке в Харькове с 1 декабря 1880 г. по 1918 г. В 1910 г. Петров активно сотрудничал с изданием.

[4] Речь идет о статье: *Петров Г* С улицы в душу // Южный край. 1910. 14 февр. (№ 9914). С. 5.

[5] А. А. Бронзов, богослов. В 1886 г. работал на кафедре греческого языка в Петербургской духовной семинарии. С 1894 г. — преподаватель Петербургской духовной академии, с 1897 г. — экстраординарный профессор по кафедре нравственного богословия. Читал лекции по истории греческой литературы.

20

10 апреля 1910 г., Выборг

10/IV 1910

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Прошлый раз забыл ответить на Вашу приписку о присылке мною чего-либо Вам?

Куда? Для чего именно: для «Бирж⟨евых ведомостей⟩» или для «Нового слова»? Мы уже и ранее как-то заводили об этом речь? Могу сообщить вот что: ряд и соображений, и вопросов.

Являться гастролером, временно, на раз-два я не люблю. Может быть, редакции и приятно разнообразить карточку подаваемых кушаний, но у автора с читателем так, конечно, не будет никакой связи. Встретились, перекинулись парою слов и расстались. Любя кочевать географически, я не люблю кочеваний газетных. Тут я предпочитаю жить оседло. Вы скажете: «хорошо, можно и это». Тогда вопрос: как надо, своим именем или можно под псевдонимом? Каждый № маленькая статейка. Можно и общий заголовок: «Дни нашей жизни». Или еще лучше: «Со сторожевой вышки». Знаете, во степи на границе стоят сторожевые вышки, и оттуда казак-часовой сообщает, что он видит вокруг. Последнее, проза: какие у Проппера условия? Стоит ли огород городить? А то помните купца с канарейкой в рассказе.

— Что стоит птаха?

— 25 руб.

— Зарежь и зажарь.

Подали, а купец:

— Отрежь мне на пятачок.

Из-за пятачка не стоит и печку растапливать. Для начала мог бы дать полубеллетристические наброски о Финляндии[1]. Вполне цензурные и не о политике. Я бродил недели три внутри Ф⟨инлян⟩дии. Здесь письмо Ваше еще застанет меня. А если из сотрудничества ничего не выйдет, то вопрос этот можно и не поднимать. Я откликаюсь на него только из любви к Вам, с каковою я был и есть и, верю, всегда буду.

Ваш Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 33—34.

[1] Фельетоны были опубликованы в «Русском слове», см.. *Петров Г* 1) Суоми: (финляндские впечатления) // *РС*. 1910. 29 апр. (№ 97). С. 2; 2) Пигмалионы Севера // *РС*. 1910. 22 мая. (№ 116). С. 2; отд. изд.. *Петров Г* Страна болот: (Финляндские впечатления). М., 1910. 63 с.

21

7 сентября 1910 г., Коктебель, Крым

Коктебель, близ Феодосии. 7/IX. 1910 г.

Дорогой Александр Алексеевич!

Был очень обрадован Вашим письмом. Сам всё не мог написать. Мешала горечь на душе. Не обрыв сватанья с «Бирж⟨евыми⟩ ведом⟨остями⟩». Об этом я ни ранее, ни после не помышлял. Причина моей горечи была иная. Если бы я Вас не любил так, — я бы не огорчался, а если бы менее уважал, то промолчал бы. Чтобы, однако, вырвать эту горечь из души, кратко скажу и попрошу более и не вспоминать в наших разговорах. Причина горечи — рецензия-гимн талантам Мицкевича. Помните, — весною в «Русском слове». Больно было читать подпись: А. Измайлов. Знаю и то, что вы передавали без подписи. В рецензии нарочно поставили подпись[1]. Друзьям Вашим было больно читать. Но довольно об этом. Это пуризмы и ригоризмы требований *русской* литературы.

В последнем письме посеяли тревогу во мне, и большую. Что с Вашим глазом? Не легкомысленничайте, лечите серьезно. Глухота Бетховена и слепота Мильтона — соусы к жизни прескверные[2].

Напишите, голубчик, больше и подробнее о себе. А еще бы лучше, если бы, пожертвовав 20 руб. на два конца в курьерском поезде, Вы от осенней питерской гнили приехали сюда.

У меня хибарка в 4 небольших комнаты. Просто, но тепло и уютно, хотя не всё еще внутри убрано. Жду из Петербурга мои книги и гравюры. Пока стены голые.

Остальное великолепно. Горы кругом очаровательны. Море в 50 саженях. Людишки сейчас все разъехались. Тихо. А воздух? Поэма. Вчера и сегодня были бури, какие здесь в начале сентября обычны, и то было великолепно. Море, луна, горы сплелись в одну сказку.

Как я рад, что судьба загнала меня сюда. О Питере и дум нет. Желаний ехать туда ни ½ миллиграмма.

Кроме обычных, газетных работ, пишу... (!) роман. Хочу выпустить после прямо книгою. Думаю издать еще популярную книжечку о Вл. Соловьеве[3].

Ко мне едет К. Баранцевич[4]. Будет здесь 9/IX. Через 2—3 дня приедет С. Т. Семенов[5], писатель из крестьян. Собирается П. Сергеенко[6]. Зову и И. Я. Гинцбурга[7]. Имею спальные принадлежности на шестерых.

Когда бы Вы ни надумали, даже без меня — здесь всегда для Вас комната. Сам я и малярничаю, и поливаю, и воду качаю. В ноябре делаю большие посадки деревьев.

Как здоровье Ф⟨идлера⟩? Клавдия Владимировна[8] как поживает с многочисленною семьею. Вот, наглядный показатель торжества женщины в наше время. Женщина в роли древнего патриарха времен Иакова... Вокруг одной женщины — 4 семьи.

Чтобы покончить «житейские» вопросы, упомяну и о вторичном Вашем обращении от лица «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩». Если им угодно, то пусть обратятся официально ко мне. Второе, — и в качестве гастролера я согласен участвовать, но не менее 12 раз в год, по разу в месяц, статьею строк в 500—550. В противном случае скажите им, что обрезки на 2—3 копейки, ветчины, колбасы, можно получать в закусочных лавках, а начинать круг сыра, чтобы отрезать на бутерброд, нет смысла.

Говорят: «дорого». Но г. Проппер закатывает фестивали по 5000 рублей каждый. Ни я, никто другой на моем месте, не желаем за свой счет увеличивать блеск его валтасаровых пиров для китайских и чилийских посольских секретарей. Во всяком случае, если М. Гаккебушу желательно мое сотрудничество, пусть сообщит о том, также и условия, какие они могут предложить. Я сам *отказываюсь* назначать условия. Но всё это попутно. Главное: что Вы? И что с Вами? Пишите. Адрес: Коктебель, близ Феодосии. Сердечный привет.

Любящий Вас глубоко

Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 35—37 об.

[1] Данную публикацию выявить не удалось.

[2] О болезни Измайлова см. подробнее его письмо к Розанову (п. 26 в наст. изд., с. 433—434).

[3] Эти замыслы не были осуществлены.

[4] К. С. Баранцевич, прозаик, публицист, сотрудник столичных периодических изданий. Близкий знакомый Измайлова и Петрова.

[5] С. Т. Семенов, писатель-самоучка из бедной крестьянской семьи, автор «Воспоминаний о Льве Николаевиче Толстом» (1912).

[6] П. А. Сергеенко, прозаик, мемуарист.

[7] См. о нем в примеч. 3 к п. 14.

[8] Вероятно, гражданская жена Измайлова Клавдия Владимировна.

22

13 октября 1910 г., Харьков

13/X ⟨1⟩910. Харьков.

Меня кусила собака, и есть основания считать ее бешеною. Другая собака с того же двора сбесилась. Приехал сюда советоваться с врачом. Решил подождать, что будет дальше с моею кусательницею. Видел «Gaudeamus»: играли хорошо, но на сцене впечатление еще хуже, чем от чтения[1].

Ваш Г. П⟨етров⟩

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 3303. Л. 1. На почтовой карточке.

[1] Премьера пьесы Л. Андреева «Gaudeamus» в Харькове состоялась 9 октября 1910 г. в театре Н. Н. Синельникова. Подробнее см.. [Б. п.]. [Б. з.] // Южный край. 1910. 9 окт. (№ 10111). С. 5.

23

1 декабря 1910 г., Выборг

1/XII. 1910. Выборг.

Дорогой Александр Алексеевич!

Я только что вернулся из Крыма. Там нашел Ваше письмо, отвечаю отсюда. Думаю пробыть здесь месяца три. С «Русским словом», наконец, установились удовлетворяющие (вполне) отношения, но вместе окончательно выяснил и то, какой хам, какая дрянь Сытин. Только и понимает: «сорвать», и боится одного: палки. И пришлось, как не противно, действовать на Сытина окриком. Теперь

мне опротивела вся эта клика московская, и так мне грустно, что я лучшие года жизни работал с прохвостами: строил храм правды и света для народных масс, а хозяева его, этого здания, из храма думали и думают лавку мелочную, с ренсковым погребом сделать[1]. Лично, со стороны самолюбия, так сказать, я удовлетворен, но, правда, огорчен до боли. Чёрт меня связал 12 лет тому назад с Сытиным. И поймите: дело не в заработке. Материально я получаю теперь с «Русского слова», как почти никогда, много, но дело не в деньгах. Горько, что душа была обманута мелким жуликом. Ведь, если бы Вы знали, что мне всегда говорил Сытин, какие планы рисовал, и всё это была — красивая насадка для ловли нашего наивного брата. Ну, да довольно: к чёрту жуликов.

Как Вы себя чувствуете? Я страшно рад, что был счастлив попасть на похороны Льва[2]. Кстати, хотя и о другом: были ли Вы когда у Репина? Поедемте в одну из сред. Я Вас свезу и представлю. У Репина готовится чудная картина: «Пушкин-лицеист читает на акте свое стихотворение»[3]. Поразительно хорошо. Привет.

Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 40—40 об.

[1] Ренсковый погреб — магазин, торгующий виноградными винами (от старинного названия всякого виноградного вина: ренское, т. е. рейнское).

[2] Подразумеваются похороны Льва Толстого, скончавшегося 7 ноября на станции Астапово. Похороны Толстого стали важнейшим событием в России в ноябре 1910 г. В Ясную Поляну устремились делегации от организаций, политических и общественных союзов, университетов и пр. На присутствие Петрова на похоронах указывалось в нескольких изданиях, см. по указателю в издании: Уход и смерть Льва Толстого: Корреспонденции: Статьи: Очерки / сост., подгот. текста, коммент., указат., статья А. С. Александрова, Э. К. Александровой; вступ. ст. В. Е. Багно; под ред. А. В. Лаврова. СПб., 2010. 720 с. О смерти писателя Петров опубликовал несколько статей: *Петров Г. С.*: 1) Тяжкий подвиг // *РС*. 1910. 9 нояб. (№ 258). С. 2; 2) В Ясной Поляне // Там же. 10 нояб. (№ 259). С. 2; 3) Торжество стыда: (Причины ухода Л. Толстого от мира) // Там же. 26 нояб. (№ 273). С. 2.

[3] В 1910 г. по заказу Лицейского общества И. Е. Репин приступил к работе над картиной «А. С. Пушкин на акте в Лицее 8 января 1815 года». Вместо предполагаемого маленького эскиза Репин начал картину на большом полотне. Однако, увидев недоумение своих заказчиков, живописец написал для Лицея другой холст, значительно меньшего размера (хранится во Всероссийском музее А. С. Пушкина в Петербурге). Первый вариант картины, считающийся эскизом, стал самостоятельным произведени-

ем и находится в Русском музее в Санкт-Петербурге. Существует также третий вариант картины, который хранился в мастерской Репина, откуда в послереволюционные годы попал в частную коллекцию в Прагу.

24

24 декабря 1910 г., Выборг

24/XII. 1910. Выборг, Hôtel Rauha

Дорогой Александр Алексеевич, если для Вас существует еще понятие «праздник» и если он дает Вам что-нибудь, то искренне желаю Вам светлых праздничных дней. Для меня давно уже нет сконцентрированного и приуроченного к определенным числам праздничного настроения. Есть и бывает часто и много праздничного растворенного по всяким дням. Праздник же Рождества в наши дни, — это какой-то смех могильщика на похоронах дорогих людей, но что бы то ни было, а все-таки это праздник рождества, рождества Правды. Все-таки Правда родилась. Где-то, как спрятанный от убийц царевич, она живет и растет. И что бы там ни было, я лично доволен, что пришлось и приходится жить и работать в разгаре борьбы старого и нового. Старая гниль подавалась-подавалась назад и, наконец, став комнатною, уперлась, а новая волна докатилась до упершегося старого и бьется здесь. Налетит, выбьет в старой стене камень-другой и сама рассыпается брызгами. Много еще волн рассыплется брызгами, но старая подлая, гнилая стена все-таки рухнет. И я рад, счастлив, что судьба послала возможность быть волною, бьющею гнилые стены.

В Выборге встретился и пробыл 2 вечера с д⟨рамату⟩ргом Беспятовым, суворинским драматургом[1]. Что такое — он, не важно. Приятно было, что он очень хорошо, сердечно отзывался о Вас. Мои лучшие пожелания Вам.

Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 38—38 об.

[1] Е. М. Беспятов, драматург, театровед.

25

1 января 1911 г., Выборг

1/I.

Дорогой Александр Алексеевич!

Что это за хамская, и чья именно, выходка в «Биржевых ведомостях»! 19/XI была помещена моя статья о Розанове в 500 с лишком строк[1]. Я трижды затем должен был напоминать о гонораре, и наконец они прислали по пятаку за строку. Я вернул им обратно, Пропперу на кильки для его фестивалей. Пишу, чтобы объяснить Вам, почему я не раз отмалчивался на Ваш зов в пропперскую лавку. Вы в хамской выходке Гаккебуша, конечно, не при чем. Но попомните, Вы увидите сами хамство Проппера и тогда имейте, как доказательство, и мои факты. Привет. Жду книги[2].

Г. Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 39—39 об.

[1] Подразумевается статья: *Петров Г С.* Осколок гения: (Ответ К. Чуковскому о В. Розанове) // *БВ.* Утр. вып. 1910. 10 нояб. (№ 12014). С. 3.

[2] Очевидно, Измайлов в письме, предшествовавшем данной корреспонденции, обещал прислать 2-е издание книги пародий и шаржа «Кривое зеркало». Свое обещание критик выполнил. В частном собрании имеется экземпляр с дарственной надписью Петрову: «Мужественному борцу за здравый смысл в жизни и литературе, душевно любимому Григорию Спиридоновичу Петрову, одному из немногих, кого моему зеркалу не задеть и малейшим уголком, от автора. 2 янв. 1911. СПб.» (см.. *Молодяков В.* Bibliophilica. М., 2008. С. 317).

26

9 апреля 1911 г., Гельсингфорс, Финляндия

9/IV. ⟨1⟩911

Дорогой Александр Алексеевич!

Подобное присланному Вами письмо я уже имел. Послано было на имя В⟨ас⟩. И. Н⟨емировича-⟩Данченко. Очевидно, какой-то мой читатель — человек с характером. Настойчиво добивается. Отча-

сти желание его исполняется. Некто Нонин (Троицкая, 37) затеял Библиотеку-копейку[1]. Там выходит моих вещей на 11 копеек. Это для начала. Потом дойдем, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, и до пятиалтынного. Только сам Нонин мне сомнителен. И Ваше личное желание отчасти исполняется. Печатаю сборник статей под общим заглавием «У пустого колодца»[2]. Печатаю сам в типографии Сытина. Листов 10 уже набрано. Будет листов 20. Вообще же насчет толстых книг я при особом мнении. Мне дорог читатель с гривенником в кармане, как вот писавший Вам. Рублевый читатель мне не особенно интересен. У него и без меня достаточно писателей. Личного же самолюбия по отношению к рублевой публике у меня нет ни на грош. Объелся уже я этим шоколадом.

Сейчас сижу в Г⟨ельсингфор⟩се и бешусь. Нигде не могу получить заграничного паспорта. Мне надо съездить к сыну. Из *немецкой школы* хочу перевести его теперь на 1 ½ – 2 ⟨года⟩ во французскую. Попутно хотел быть (23/IV) на открытии всемирной выставки в Брюсселе. Но зато около м⟨еся⟩ца хлопочу, и никакого толку. Теперь с переводом сына даже запоздал: учебный год новый уже начался, но я добиваюсь из упрямства. Не отстану, пока не добьюсь. Сердечный привет,

Григорий Петров.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 32—32 об.

[1] С. М. Нонин, редактор «Библиотечки-копейки» — серии книг, преимущественно рассказов в 16 страниц в художественной обложке с портретом автора. Издание выходило с 1909 г. Петров в 1910—1911 гг. принял ближайшее участие в этом начинании. Здесь были изданы несколько его книг: *Петров Г. С.*. 1) Законченный круг: Памяти Льва Николаевича Толстого: 28 авг. 1828 г. — 7-го ноября 1910 г. СПб.. Б-чка-копейка, 1911. 32 с. (Кн. № 12—13); 2) Зеленый змий: [О борьбе с пьянством]. СПб.. Б-чка-копейка, 1910. 16 с. (Кн. № 23); 3) Певец тоски: [К 50-летию со дня рождения А. П. Чехова]. СПб.. Б-чка-копейка, 1911. 16 с. (Кн. № 4 (34), а также книга: *Петров Г. С.* Сборник избранных произведений. СПб.. Б-чка-копейка, 1911. 518 с. Программа издательства была изложена в предисловии к каждому выпуску «Библиотечки» — «К читателю» (предваряемом эпиграфом С. Нонина: «Дороговизна книги — налог на невежество масс»): «Чуждаясь сенсационности литературы „модных" писателей, несущих свои яркие и многогранные таланты на служение широкой разухабистой улице — „Библиотечка-копейка" и в дальнейшей своей деятельности будет руководствоваться не сооб-

ражениями „ходкости“ литературного произведения, но его художественности и доброкачественности» (*Редакция*. К читателю // Петров Г. С. Законченный круг: Памяти Льва Николаевича Толстого. С. 2).

[2] См.: *Петров Г. С.* У пустого колодца: Сборник статей. [М.. Изд. авт., 1911]. [4], 308 с.; Изд. 2-е [М.. Изд. авт., 1912]. [4], 308 с.; Изд. 3-е. [М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1913]. [4], 308 с.; Изд. 5-е. [М.. Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1916]. 198 с.

ПИСЬМА А. А. БЛОКА (1909–1916)

Вступ. ст., подгот. текста и примеч.
А. С. Александрова, Э. К. Александровой

Переписку Александра Александровича Блока (1880–1921) с Измайловым нельзя назвать интенсивной: из их эпистолярного диалога сохранилось лишь 11 писем Блока.

Творчество поэта довольно рано привлекло внимание критика. Поначалу его высказывания о поэте мало отличались от скептических оценок произведений писателей-модернистов в целом. В «Литературных заметках» 1904 г. Измайлов критикует редакцию «Ежемесячного журнала для всех» за публикацию стихов Блока с их «жалким кликушеством» и не без иронии добавляет: «Поражает ⟨...⟩ эмансипация автора от всего, что до сих пор считалось обязательным для стихов, и та удивительная бесцеремонность, с какою он думает, что стоит лишь поплевать на перо, чтобы написать стихотворение»[1].

Однако взгляды литератора на творчество представителей нового искусства претерпели со временем определенную эволюцию, о чем справедливо говорит современный исследователь: «Приверженец реализма, поклонник творчества Л. Толстого и А. П. Чехова, он, проповедуя принципы „объективной“, нетенденциозной кри-

[1] *Измайлов А. А.* Литературные заметки // *БВ*. Утр. вып. 1904. 1 мая. (№ 221). С. 2; То же // Новая иллюстрация. 1904. № 17 С. 134.

тики, смог создать яркие характеристики представителей „нового искусства", перейдя от скептических оценок к признанию достижения „психологически-символистской школы". Подобная эволюция произошла и по отношению к поэзии Блока, которая попала в круг внимания критика еще до выхода „Стихов о Прекрасной Даме" и вызвала поначалу резкое отторжение ⟨...⟩ Постепенно пародийно-насмешливый тон уступил место осмыслению новой поэтики „смутного, неуловимого" вплоть до отдельных убедительных реконструкций блоковских „смыслов"»[2].

В 1907 г. Блок для Измайлова уже — «талантливый поэт», «удивительно воплотивший в себе черты современной поэтической души, отдающейся своим неясным, туманным, полусознанным грезам»[3], а его дарование «несомненно»[4]. Впрочем, приняв поэтические поиски получившего широкую популярность поэта, он в то же время категорически отрицает его драматические новации, резко отзываясь о постановках пьес: «Так пишутся Блоками „Балаганчики", и модернизма ради юродивые режиссеры освещают их светом рампы. Так пишутся „Незнакомки", где какие-то „Голубые" ждут, пока в их объятия не попадет звезда с неба и не превратится в какую-то мистическую женщину с именем Мария»[5].

12 февраля 1909 г. в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» было опубликовано «Письмо в редакцию» (под заглавием «100 рублей за объяснение»), подписанное профессором медицины П. И. Дьяконовым: «Прочитывая стихи большинства современных русских поэтов, я часто не могу уловить в них здравого смысла, и они производят на меня впечатление бреда больного человека ⟨...⟩ Я обращался за разъяснением этих стихов-загадок ко многим литераторам и простым смертным людям, но никто не мог мне объ-

[2] *Грякалова Н. Ю.* Комментарии // Александр Блок: pro et contra: Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников: антология / [подгот. Н. Ю. Грякалова]. СПб., 2004. С. 637—638.

[3] *Измайлов А.* Литературные беседы // *РС.* 1907 15 мая. (№ 110). С. 2.

[4] *Неблагосклонный читатель* [А. Измайлов]. Литература в 1907 году // Слово. 1908. 1 янв. (№ 343). С. 4.

[5] *Измайлов А. А.* На переломе: (Литературные размышления) // Библиотека «Театра и искусства». 1908. № 1. С. 50.

яснить их, и я готов был прийти к заключению, что эти непонятные стихи действительно лишены всякого смысла и являются плодами больного рассудка ⟨...⟩ Этим письмом я предлагаю всякому, — в том числе автору, — уплатить 100 рублей за перевод на общепонятный язык стихов Александра Блока „Ты так светла...“»[6].

Поэтические строки:

Ты так светла, как снег невинный.
Ты так бела, как дальний храм.
Не верю этой ночи длинной
И безысходным вечерам...[7]

— вызывали у адресанта вопросы: «Кого автор подразумевает под той, которая светла, как снег невинный? Почему она бела, как храм далекий? Ведь храмы, как дальние, так и близкие, бывают разных цветов: и серые, и желтые, и красные... Эти два сравнения дают представление скорее о холоде (снега) и вышине (храма), чем о светлости и белизне. Почему поэт не верит этой ночи, и почему эта ночь длинная?..»[8] и пр.

Заметка вызвала широкий резонанс в прессе[9]. Проявил к ней интерес и сам поэт: под текстом стихотворения «Ты так светла, как снег невинный...» в его шестой тетради, содержащей беловые автографы стихов[10], имеется помета автора: «см. письмо какого-то профессора в „Биржёвке“»[11]. Между тем Петр Иванович Дьяконов, хирург, ученый, профессор Московского университета, не смог бы уплатить кому-либо обещанное вознаграждение, если бы ему даже

[6] *Дьяконов П. И.* 100 рублей за объяснение // *БВ*. Веч. вып. 1909. 12 февр. (№ 10956). С. 3.

[7] *СС Блока—20$_3$*. С. 92.

[8] *Дьяконов П. И.* 100 рублей за объяснение.

[9] См.. *Он*. Пена жизни // Новая Русь. 1909. 15 февр. (№ 44). С. 4; *Антонович М.* Открытое письмо профессору П. И. Дьяконову // Там же. 27 февр. (№ 56). С. 5; *Акопенко А.* Еще одно открытое письмо профессору П. И. Дьяконову // Там же. 2 марта. (№ 59). С. 4. См. об этом: Александр Блок: pro et contra. С. 638.

[10] РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 6.

[11] *СС Блока—20$_3$*. С. 777

ответили вразумительно на заданные в письме вопросы. Более того, профессор не смог прочитать стихотворение Блока (опубликованное в январском номере «Нового журнала для всех» за 1909 г.), так как Петр Иванович скончался 21 декабря 1908 г. по старому стилю (3 января 1909 г. н. ст.). Предположения о мистификации выдвигались современниками Блока[12], не отрицались впоследствии и некоторыми блоковедами[13], не вскрывая, однако, имени настоящего автора заметки.

Отдельные факты позволяют предположить, что под маской профессора выступил Александр Алексеевич Измайлов. В 1911 г. в журнале «Новое слово», выходившем в качестве приложения к газете «Биржевые ведомости», критик опубликовал посвященную Блоку статью-портрет «Цветы новой романтики», которая открывается рассказом о заметке «100 рублей за объяснение» и ее полной републикацией[14]. В это же время в самих «Биржевых ведомостях» им был напечатан газетный вариант статьи под заглавием «Побеги новой романтики: (Александр Блок и его поэзия)»[15]. Этот же материал практически без изменений включен в его сборник «Пестрые знамена» (1913). Критик резюмирует публикацию заметки следующими словами: «Это не была шутка хлесткого газетного хроникера или „дружеская“ выходка литературного „приятеля“. Писал это не оригинальничающий полуинтеллигент, а профессор с небезызвестным именем. По всем признакам, это был честный и искренний вопрос»[16].

Уже одно то, что Измайлов, составлявший сборники преимущественно из своих ранее опубликованных работ, включил «письмо Дьяконова» в свою аналитическую статью, позволяет подозревать

[12] См.. *Акопенко А.* Еще одно открытое письмо профессору П. И. Дьяконову // Новая Русь. 1909. 2 марта. (№ 59). С. 4.

[13] Комментируя этот текст, В. Н. Орлов писал, что «„письмо профессора", если здесь не имела место мистификация, служит ⟨...⟩ примером плоского и вульгарного ⟨...⟩ обывательского отношения к поэзии» (*СС Блока—8*$_3$. С. 542).

[14] *Измайлов А. А.* Цветы новой романтики // Новое слово. 1911. № 6. С. 72—77

[15] *Измайлов А. А.* Побеги новой романтики: (Александр Блок и его поэзия) // *БВ*. Веч. вып. 1911. 30 июня. (№ 12398). С. 3; Утр. вып. 1 июля. (№ 12400). С. 3.

[16] *Пестрые знамена*. С. 58.

критика в авторстве или «соавторстве». Заметка в статью вмонтирована не совсем логично: с одной стороны, Александр Алексеевич пишет о том, что «профессором с небезызвестным именем» был поставлен «честный и искренний вопрос», с другой — о том, что «Блок, конечно, настоящий, прирожденный поэт» и дает высокую оценку его творчеству.

Стилистика и риторика «письма в редакцию» весьма характерна для публицистики Измайлова[17]. Основываясь в своей критической и беллетристической деятельности на позитивистском теоретическом фундаменте, он в статьях часто сетовал на то, что многие творческие изыски модернизма крайне сложно объяснить и представители «нового искусства» не предпринимают к этому никаких шагов. В этой связи он рассуждал: «Творческая истина мне казалась и кажется такой же единой, как истина математическая или философская. Есть одно шекспировское понимание Гамлета, и все семьдесят других пониманий будут ложны. Прочтите современное стихотворение модерн десяти слушателям, — они предложат вам десять пониманий его»[18]. В сборнике «Помрачение божков» критик замечает: «Модернизм из своих недр не выставил ни одного теоретика искусства. Всё спуталось. Что хорошо и что дурно? Читатель не из самостоятельных растерян и смущен. Он засыпает недоуменными

[17] Для сравнения приведем отрывок из статьи критика о Федоре Сологубе: «Мне хотелось по какому-то поводу услышать от самого писателя (Сологуба) личные комментарии на то, что *мне как читателю казалось в его книге неясным. Оговорюсь, я считаю это естественнейшим и законнейшим правом читателя, и литературного обозревателя в особенности* [Курсив наш. — *А. А., Э. А.*] ⟨…⟩ И вот, помню, меня удивило, когда вместо прямого ответа Сологуб стал развивать передо мною свою теорию о том, что никакого личного комментария автора к своему произведению быть не может. Единственный комментатор писателя — его читатель» (цит. по: *Измайлов А. А.* Северный сфинкс: Федор Сологуб и его писательство // О Федоре Сологубе: Критика: Статьи и заметки / сост. Ан. Чеботаревской. СПб., 2002. С. 405—406). Ср. также с вопросами, которыми задается Измайлов по поводу стихотворения С. Городецкого «Per aspera»: «Ваши мысли смутны. Можно по первому впечатлению понять, что речь идет о проститутке. Она ходила по улице, продавалась и отдавалась. Но почему у нее обуглилась щека, какая капля крови холодеет на руке, при чем тут алые розы одеяла и кого она нашла?» (*Помрачение божков*. С. 227—228).

[18] *Измайлов А. А.* Северный сфинкс. С. 408.

письмами редакции и литературных обозревателей»[19]. Обращаясь в «Литературных заметках» к стихам Блока, Измайлов добавлял, что, например, в модернистском журнале «Весы» не представлен ни один «критический ум, который сам разобрался в поисках своих собратий и, может быть, поможет ⟨...⟩ понять то, что до сих пор вы отказывались понимать в былом декадентстве и нынешнем модернизме»[20].

Возможно, жаждущий объяснений критик выступил под маской профессора медицины не случайно. Измайлов неоднократно заявлял в своих статьях, что современная литература есть «клиническая литература». Одну из глав книги «Помрачение божков и новые кумиры» он прямо назвал «У стола клиники. (Патологическая беллетристика)». В статье с показательным заглавием «Неврастенический век и неврастеническая литература» автор пишет: «В своей парадоксальной книге Нордау назвал современный век веком вырождения. Медицинский термин — вот разгадка современных настроений, современного искусства и литературы»[21]. В откликах на драматические произведения Блока Измайлов неоднократно указывал на «отсутствие» у поэта рассудка, о чем впоследствии вспоминал так: «Иногда, как в „Балаганчике“ и „Незнакомке“, он так жестоко порывал со здравым смыслом, что становился вне критики, и я не сожалею о тех злых словах, какие не раз мне приходилось говорить о Блоке по поводу этих вещей»[22]. Рецепция нового искусства — поэтики «смутного, неопределенного» — как продукта «больной психики»[23] была характерна для писателей позитивистской направленности[24]. По всей видимости, в «дьяконовском» пись-

[19] *Помрачение божков*. С. 57

[20] *Измайлов А. А.* Литературные заметки: Модернисты и «Весы»: «Незнакомка» А. Блока // *БВ*. Утр. вып. 1907 14 сент. (№ 10099). С. 3.

[21] *Измайлов А. А.* Литературные заметки: Неврастенический век и неврастеническая литература: Стихи И. Рукавишникова // *БВ*. Утр. вып. 1907 16 марта. (№ 9798). С. 3.

[22] *Помрачение божков*. С. 221.

[23] *Сироткина И.* Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века. М., 2008. С. 157

[24] Как отмечает современный исследователь, и в публицистике А. В. Амфитеатрова «медицинскую оценку получили почти все писатели-модернисты, ставшие свидетеля-

ме как в кривом зеркале отразилось восприятие современниками не только блоковского стихотворения, но и в целом упрощенное отношение к поэзии в литературной среде 1900-х гг., принимавшей декадентские новации настороженно и по большей части отрицательно. Ср. характерное свидетельство в воспоминаниях Л. Д. Блок, где она пишет «об абсолютной *непонятности* в то время хода мыслей и строя чувств» лирики Блока[25]. Исследователь творчества поэта отмечает: «Ситуация заметным образом изменилась во второй половине 1900-х годов, когда символизм постепенно сумел завоевать общественное признание, а представители символистского направления стали занимать вполне почетные места на авансцене литературной жизни. Огульное отрицание и откровенное или наигранное непонимание символистских новаций, бывшие до поры до времени нормой их критического восприятия, сменились если не повсеместным признанием былых „отверженных“, то, по крайней мере, желанием всерьез разобраться в модернистском творчестве, постичь содержание и осмыслить эстетическую природу произведений „нового“ искусства»[26]. По-видимому, призыв «профессора Дьяконова» можно расценивать как пример такой попытки «постичь» и разобраться в природе символизма, хотя не лишенный еще налета иронии и насмешки[27].

Итогом критических размышлений Измайлова о творчестве Блока стала программная статья в «Пестрых знаменах». Здесь уже

ми мутации позитивистской эпистемы и отразившие этот процесс как на уровне разрабатываемых ими литературных стратегий, так и избираемых моделей жизненного поведения» (*Грякалова Н. Ю.* Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб., 2008. С. 55).

[25] *Блок Л. Д.* И быль и небылицы о Блоке и о себе // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 180.

[26] *Лавров А. В.* Андрей Белый в критических отражениях // Андрей Белый: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова. СПб., 2004. С. 14.

[27] Как интертекстуальный отголосок предполагаемой измайловской мистификации можно расценивать один из эпизодов первого романа писателя-младоэмигранта Гайто́ Газданова «Вечер у Клэр». См.. *Александрова Э. К.* «Блоковское» в творческом сознании Гайто Газданова // Шахматовский вестник. Вып. 13. М., 2013. С. 393—401. См. об этом также: *Александрова Э. К., Александров А. С.* Позитивисты vs. символисты: (К истории восприятия одного блоковского стихотворения) // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2015. № 5. С. 33—41.

сборник поэта «Стихи о Прекрасной Даме» удостаивается самых высоких эпитетов: «Это было явное обращение к давно улегшимся в нашей поэзии настроениям, возрождение чистой былой романтики в несколько новом и своеобразном наклоне. Большая часть стихов этой книги была выражением какого-то нежного, интимного влечения поэта к какому-то женскому образу — не к одному определенному ⟨...⟩ а к какому-то почти отвлеченному обобщению женщины, того вечного женственного начала, которому Гёте первый подыскал имя»[28]. Здесь же Измайлов связывает поэзию Блока с творчеством Я. Полонского, блоковское «желание подметить смутность человеческих грез, его наивность, почти порою детскость». И далее: «Как Полонский не боялся страшно обыденных слов, которых с ужасом бежал бы наш классик 30—40-х гг. ⟨...⟩ так Блок смело замыкает их в свой стих. Он играет на определенной прелести вторжения в его поэтические сны будничного, обыкновенного, серенького, придающего им такой колорит жизненной уютности и правды»[29].

Переписка Блока и Измайлова посвящена по преимуществу рабочим моментам. Их эпистолярный диалог завязался осенью 1909 г., когда Измайлов руководил подготовкой собрания сочинений Кнута Гамсуна для издательства А. Ф. Маркса. Подбирая коллектив переводчиков для проекта, Александр Алексеевич приглашает к участию в издании и Александра Блока. В письме к критику в октябре 1909 г. поэт высказал свое согласие и переводческие предпочтения. О предстоящей работе над прозой Гамсуна Блок извещал свою мать, которой в письме от 4 ноября 1909 г. пояснял: «При „Ниве“ прилагается полное собр⟨ание⟩ соч⟨инений⟩. Я переведу неск⟨олько⟩ мелких рассказов (с немецкого) и получу 50 р. за лист»[30].

Однако тяжелые семейные обстоятельства не позволили поэту приступить к намеченным переводам: в ноябре 1909 г. он вынужден был спешно выехать из Петербурга в Варшаву к умиравшему

[28] *Пестрые знамена*. С. 59.

[29] *Помрачение божков*. С. 220.

[30] *Письма к родным—1*. С. 280.

отцу. Впрочем, поэт не подвел издателя и перепоручил материалы Любови Дмитриевне. К 10 января 1910 г. переводы рассказов были выполнены, хотя тексты еще «не отбелены и не переписаны»[31]. Очевидно, что Блок провел некоторую редакторскую работу, впрочем, судить о характере его правки не представляется возможным, т. к. рукописи переводов не сохранились. Готовые тексты были отправлены через 20 дней, 30 января. Рассказы «Рабы любви», «Победитель», «Отец и сын», «Голос жизни» появились в четвертом томе собрания сочинений Гамсуна с указанием на перевод поэта[32].

После интенсивных контактов 1909—1910 гг. связь корреспондентов не оборвалась, а продолжалась вплоть до марта 1916 г. Письма Блока содержат конкретные просьбы к Измайлову, в них прослеживаются также и отдельные обращения критика к поэту: о предоставлении стихотворений для «Биржевых ведомостей», а также портрета и автографа для сборника «Пестрые знамена».

Всего в архивах Петербурга и Москвы выявлено 11 писем Блока (1 п. – РГАЛИ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 28; 1 п. – ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 504; 9 п. – РО ИРЛИ. Ф. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 69; Ф. 411. Ед. хр. 20; Ф. 123. Оп. 3. Ед. хр. 22), 7 из них публикуются впервые. Письма Измайлова к Блоку не сохранились.

[31] См. наст. раздел, п. 3.

[32] Отметим, что такие прецеденты случались в творческой практике А. Блока: помещенный в 1907 г. в «Северном сборнике» (изд. «Шиповник») и подписанный им перевод рассказа Йенса Петера Якобсена «Пусть розы здесь живут» на самом деле был выполнен матерью поэта А. А. Кублицкой-Пиоттух.

1

27 октября 1909 г., С.-Петербург

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Всего приятнее было бы мне переводить «Викторию» — любимую мою вещь Гамсуна[1]. Если же она занята, то попрошу один или несколько рассказов из «Рабов любви» или «Голоса жизни» (по изд. Саблина — т. I и III)[2]; а именно: «Голос жизни», «Завоеватель», «Уличная революция», «Гастроль» (она же «Лекция»), «Отец и сын», «Рабы любви».

Будьте так любезны, сообщите мне, могу ли я получить экземпляр поручаемой мне вещи на нем⟨ецком⟩ языке, и если могу, то где? Также — срок.

Если возможна все-таки «Виктория», то я бы особенно настаивал на ней.

Искренно уважающий Вас

Александр Блок.
27. X. ⟨19⟩09
Галерная, 41, кв. 4.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 1—1 об. Впервые: *СС Блока—8*$_8$. С. 295.

[1] Речь идет о согласии Блока участвовать своими переводами в пятитомном собрании сочинений Кнута Гамсуна, готовившегося в издательстве А. Ф. Маркса как приложение к журналу «Нива» (1910). Желание взяться за перевод «Виктории» высказали несколько авторов, привлеченных к изданию, среди них Ю. Балтрушайтис (см. его письмо к А. А. Измайлову от 6 ноября 1909 г. в публ.. Юргис Балтрушайтис — переводчик: (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) / публ. А. Лаврова // *Ежегодник РО ПД* на 2003—2004 гг. СПб., 2007 С. 541), К. Бальмонт (см. п. 6 К. Д. Бальмонта

в наст. изд.), однако роман был переведен А. А. Соколовой и вошел в первый том собрания.

[2] Имеются в виду тома с переводами повестей и рассказов из собрания сочинений Гамсуна, вышедших в издании В. М. Саблина под общими названиями «Рабы любви» и «Голос жизни» (Т. 1: Рабы любви: Повести и рассказы / пер. Е. Кившенко. М., 1905. 304 с., Т. 3: Голос жизни: Повести и рассказы / пер. Е. Кившенко. М., 1905. 236 с.).

2

21 декабря 1909 г., С.-Петербург

21. XII. 09

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Очень тяжелые семейные обстоятельства заставили меня уехать из Петербурга[1], я только что вернулся теперь и нашел Ваши письма; успел уже простудиться[2] и, как только поправлюсь, опять уеду из Петербурга. Дела с Гамсуном обстоят так: во время моего отсутствия рассказы переводила моя жена[3], они почти готовы, но я еще не успел их прочесть и проверить перевод. Позвольте, поэтому, предложить Вам следующее: если я найду перевод удачным, или предложить его Вам с именем жены, или с подписью: «под редакцией А. Блока»; или, наконец, с моей подписью; во всех случаях я проредактирую текст, но если только возможно, дайте мне отсрочку[4].

До Рождества я, во всяком случае, дома во все часы. Если имеете время, зайдите поговорить обо всем этом, тогда, кстати, я Вам верну ненужные мне тексты из книги Гамсуна.

Искренно уважающий Вас

Ал. Блок.
Галерная 41.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 3. Впервые: *ЛН—92*. Кн. 3. С. 358.

[1] 30 ноября 1909 г. Блок уехал из Петербурга в Варшаву к умиравшему отцу; вернулся 19 декабря.

[2] Блок заболел бронхитом. 29 декабря поэт выехал в Ревель к матери. Подробнее см.. *Письма к родным—1*. С. 294—300.

[3] Л. Д. Блок в письме от 7(?) декабря к А. А. Кублицкой-Пиоттух сообщала: «...я теперь „делаю" много: во-первых, перевожу для Саши, для „Нивы", Гамсуна, рассказы; надо торопиться, и я эту неделю почти целые дни сидела, мне это очень нравится и увлекает. С немецкого» (*ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 358).

[4] Рассказы «Рабы любви», «Победитель», «Отец и сын», «Голос жизни» появились в 4-м томе собрания сочинений Гамсуна; в качестве их переводчика указан А. Блок.

3

10 января 1910 г., С.-Петербург

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Получили ли Вы мое письмо с извещением о том, в каком положении рассказы Гамсуна?[1] — Вчера я возвратился в Петербург, на этот раз, надеюсь, прочно. Прошу Вас, сообщите мне крайний срок представления рассказов. Они все переведены, но еще не отбелены и не переписаны.

Книжку Л. М. Василевскому я послал сегодня[2].

Искренно Вас уважающий

Александр Блок.
Галерная 41.
10 января 1910.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 4.

[1] См. п. 2.

[2] Л. М. Василевский, поэт, театральный критик, переводчик произведений К. Гамсуна. Им были переведены повесть «Странник, играющий под сурдинку», новелла «Закхей», рассказы «В городке», «Архиплут», «За океан», вошедшие в 4-й том собрания сочинений.

4

30 января 1910 г., С.-Петербург

Вот, наконец, мой старый долг, многоуважаемый Александр Алексеевич[1], извиняюсь за задержку. Будьте любезны, напишите,

что получили, и будет ли корректура, и когда пойдет. Я думал застать Вас вчера вечером, но не застал.

С искренним уважением

Александр Блок.
30 января

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 1.

[1] Подразумеваются переводы для собрания сочинений Гамсуна; см. п. 2, 3. Вскоре после передачи рассказов издательству Блок подписал договор и с ним были произведены расчеты. В архиве РГАЛИ среди договоров с переводчиками, работавшими для собрания сочинений Гамсуна, сохранился документ с условиями, подписанный Блоком: «С⟨анкт⟩-Петербург. Тысяча девятьсот десятого года февраля первого дня. Я, нижеподписавшийся, Александр Александрович Блок, продал Товариществу издательского и печатного дела „А. Ф. Маркс" в С⟨анкт⟩-Петербурге литературную собственность исполненные мною переводы четырех произведений Кнута Гамсуна: 1. „Голос жизни", размером в двадцать три сотых (23/100) печатного листа, 2. „Рабы любви", — тридцать шесть сотых (36/100) печатного листа, 3. „Победитель" — тридцать четыре сотых (34/100) печатного листа и 4. „Отец и сын" — один и семнадцать сотых (1 17/100) печатного листа, и всего в четырех произведениях два и одна десятая (2 1/10) печатного листа, считая в листе 35 000 букв, с передачею Товариществу „А. Ф. Маркс" всех принадлежащих мне как переводчику прав. Условленный гонорар о пятидесяти рублей с листа в 35 000 букв, всего сто пять (105) рублей за два и одну десятую листа получил от Товарищества „А. Ф. Маркс" сполна при подписании сего акта. *Александр Блок*» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1).

5
5 ноября 1911 г., С.-Петербург

5 ноября 1911
Малая Монетная 9, кв. 27.

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Прилагаемая карточка, хоть ей 4 года, все-таки из лучших. Вот мое стихотворение из старых и внутренне дорогих для меня (фор-

мат, кажется, такой?). Позвольте мне надеяться на получение статьи Вашей, а потом и книги, очень интересующей меня[1].

С искренним уважением

Ал. Блок

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 504. Л. 1.

[1] С марта 1911 г. в журнале «Новое слово» Измайлов публиковал серию статей-портретов о писателях современниках. Этот своеобразный цикл критик открыл статьей «Стоячая вода: (Литературный портрет Е. Н. Чирикова)» (*НС*. 1911. № 3). Материал о Блоке «Цветы новой романтики» (*НС*. 1911. № 6) появился в июньском номере журнала. Впоследствии эти публикации составили сборник статей «Пестрые знамена». В него вошли также статьи о Д. С. Мережковском, К. Д. Бальмонте, М. П. Арцыбашеве, А. В. Амфитеатрове, И. А. Бунине, А. Н. Будищеве, В. И. Иванове, З. Н. Гиппиус, Е. Н. Чирикове, А. М. Ремизове, В. В. Вересаеве. Книга стала продолжением сборника «Литературный Олимп» — первой книги критических статей Измайлова. Авторов, статьи о которых планировалось включить в издание, литератор просил о присылке автографа и фотографии для размещения в качестве иллюстраций. Однако предполагавшийся формат книги был изменен, и в сборник были помещены только фотографии. Блок выслал хорошо известную фотографию 1907 г. (выполненную Д. С. Здобновым).

6

22 марта 1915 г., Петроград

22 марта 1915 г.
Офицерская 57, кв. 21.

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Ужасные ошибки в «Биржевых ведомостях»: вчера (в списке пожертвований) меня назвали академиком[1]; а сегодня, во втором стихотворении, напечатали: «Питаюсь одною *травой*» (вместо: *отравой*)[2].

Нельзя ли как-нибудь отметить опечатку в стихах?

Если не хотите печатать два оставшиеся стихотворения («Дни текут молчаливо...»[3] и «И час настал...»[4]), будьте так добры, сообщите, а если можно, пришлите и рукописи.

Христос воскресе.
Всего Вам доброго.

Александр Блок.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 5—6.

[1] В корреспонденции «Подарки воинам в окопах: 19-й список пожертвований вещами, поступившими в контору „Биржевых ведомостей" и „Огонька"» сообщалось: «Сестра милосердия Жильцова, через академика А. А. Блока — 25 кисетов с таб⟨аком⟩, кур⟨ительную⟩ бум⟨агу⟩, конвер⟨ты⟩, бум⟨агу⟩, 5 кор⟨обок⟩ сахар⟨а⟩, 2 кор⟨обки⟩ сахару, 2 кор⟨обки⟩ чаю» (*БВ*. Утр. вып. 1915. 21 марта. (№ 14740). С. 5). Это же сообщение без изменений перепечатано: *БВ*. 2-е изд. 21 марта. (№ 78). С. 4.

[2] Подразумевается опечатка, допущенная в шестом стихе, во второй части диптиха «Отшельник» — 2. «Блаженный, забытый в пустыне...». См.. *БВ*. Утр. вып. 1915. 22 марта. (№ 14741). С. 5. Стихотворение было перепечатано во 2-м издании с исправлением: *БВ*. 2-е изд. 1915. № 84. 29 марта.

[3] Опубл.. *БВ*. Утр. вып. 1915. 2 авг. (№ 15001). С. 2.

[4] Вероятно, подразумевается стих. «Забывшие тебя» («И час настал. Свой плащ скрутило время...»), опубл. в «Ежемесячном журнале» (1915. № 12. Стб. 5). Публикация этого стихотворения в «Биржевых ведомостях» не выявлена.

7

11 сентября 1915 г., с. Шахматово, Московская губ.

С. Шахматово,
Московской губернии.
(Николаевской ж. д. ст. Подсолнечная)
11 сентября 1915

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Стихов пришлю непременно, как только вернусь в город. Это будет в конце месяца.

В хронике хорошо бы сообщить вот что: в скором времени выйдет в свет издаваемое К. Ф. Некрасовым в Ярославле «Собрание стихотворений Аполлона Григорьева»[1] — объемистый томик до

40 печатных листов; кроме оригинальных стихотворений, в книгу входят: драма в стихах «Два эгоизма», шедшая на Александринской сцене в конце сороковых годов, семь поэм и стихотворные переводы Григорьева. Тексты собрал, снабдил вступительной статьей, примечаниями и приложениями — я.

Кроме того: в издательстве «Шиповник» в скором времени выйдет первая часть переписки Гюстава Флобера в переводе А. А. Кублицкой-Пиоттух, под моей редакцией[2]. Всего будет три части переписки. В первой части — письма к племяннице — Каролине Комманвиль, рисующие, главным образом, частную жизнь Флобера.

Искренно Вас уважающий

Ал. Блок.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 7—8 об. Впервые: *СС Блока—20_8*. С. 470—471.

[1] В 1914—1915 гг. в связи с пятидесятилетием со дня смерти Ап. Григорьева Блок принял заказ от книгоиздателя К. Ф. Некрасова на редактирование собрания стихотворений поэта. Блок проделал значительную работу по подготовке данного издания. См.. Стихотворения Аполлона Григорьева / собрал и примечаниями снабдил Александр Блок. М.. Изд. К. Ф. Некрасова, 1916. Упоминания в литературной хронике «Биржевых ведомостей» или отзыва Измайлова об этом издании не выявлено.

[2] В 1914 г. Блок по предложению издательства «Шиповник» принял участие в издании собрания сочинений Г. Флобера. Тома переписки (тт. VIII, IX, X) готовила А. А. Кублицкая-Пиоттух. Из печати вышел лишь т. 8 (ч. 1). См. подробнее: *СС Блока—20_8*. С. 470—471. Появление книги Измайлов отметил в фельетоне «Темы и парадоксы»: «„Шиповник" издал переписку Флобера, — огромный том интимных бесед с племянницей. Переписку эту нужно было иметь русскому читателю, чтобы сделать некоторые небезынтересные заключения о писательстве у нас и на западе ‹...› Переписка Флобера, — типичные письма литератора, живущего в благословенной стране, где века культуры совершенно отвоевали ему прекрасное право свободы писательской личности, свободы того взгляда на вещи, какой нравится, приписки к тому приходу, к какому больше лежит сердце» (*Измайлов А. А.* Темы и парадоксы: О писателе русском и иноземном. — Переписка Флобера. — Были ли дружны Пушкин и Гоголь? // *БВ*. Утр. вып. 1915. 9 нояб. (№ 15199). С. 2).

8

2 января 1916 г., Петроград

2 января 1916
Офицерская 57, кв. 21

Многоуважаемый Александр Алексеевич

Позвольте просить Вас — исхлопочите мне, по примеру прошлого года, «Биржевые ведомости» — утренний и вечерний[1]. Очень буду Вам благодарен, если можете это сделать.

С искренним уважением

Александр Блок

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 411. Ед. хр. 20. Л. 1.

[1] Речь идет о желании Блока получать газету gratis, как автору, принимающему в ней участие своими переводами.

9

28 января 1916 г., Петроград

28 января 1916

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Письмо Ваше сейчас получил. А газету-то, все-таки, разве так и не будут посылать? Никто не отказывается от этого доброго старого обычая, да и «Бирж‹евые› ведомости» до сих пор не отказывали, тем более что стихи мои там помещались довольно часто. Почему же вдруг так — взять да и прекратить высылку?

Вы пишете, что у Вас только одно стих‹отворен›ие, которое Вы «таите на случай краха». Не понимаю этой фразы, — какой крах? Кроме того, у Вас есть еще Исаакян[1]; я не знаю, как вышел перевод, но поэт Исаакян — первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет.

А какие «настроения близки современной душе»? Разным душам разные, и я не могу судить, отвечаю ли хоть одной из них...

«Одичание», которое у всех на языке, — факт, в большей степени совершившийся... Вот и Вы в сегодняшнем фельетоне, например, возвращаетесь к великому прошлому[2].

Кстати — о Григорьеве: хоть бы кому пришло в голову написать по поводу редактированной мной книги именно о нем, а не о Розанове и не обо мне[3], который должен бы быть здесь последней спицей в колеснице. Ведь в Григорьеве действительно заложены искры громадной культуры, которые так и догорают до сей поры под пеплом полемики и равнодушия.

Искренно уважающий Вас.

Ал. Блок

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 11—12 об. Впервые: *СС Блока—8*$_8$. С. 455—456.

[1] Под заглавием «Из Аветика Исаакяна» был опубликован перевод «Во долине, в долине Сално боевой...» (*БВ.* Утр. вып. 1916. 20 марта. (№ 15452). С. 2).

[2] Подразумевается статья Измайлова: У А. Г. Достоевской: (К 35-летию со дня кончины Ф. М. Достоевского) // *БВ.* Утр. вып. 1916. 28 янв. (№ 15350). Републикована: Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 189—195.

[3] См. примеч. 1 к п. 7 «Стихотворения Аполлона Григорьева» вышли в 1916 г. (М.. Изд. К. Ф. Некрасова). Во вступительной статье «Судьба Аполлона Григорьева» Блок сопоставлял творчество Григорьева и В. В. Розанова (см.. *Блок А.* Судьба Аполлона Григорьева // Стихотворения Аполлона Григорьева / собр. и примеч. снабдил Александр Блок. М., 1916. С. XXX—XXXI). Это сравнение вызвало в среде либеральных публицистов негодование, что отразилось в ряде отзывов на книгу. См., например, отклик З. Гиппиус в альманахе «Огни» (Пг., 1916) (*Гиппиус З. Н.* Собр. соч. Т. 7 Мы и они: Литературный дневник: Публицистика 1899—1916. М., 2003).

10
12 февраля 1916 г., Петроград

12. II. 1916

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Вот теперь воззвание, которое можно поместить, если не ошибаюсь, только завтра, или послезавтра; будьте так любезны, пе-

редайте его редактору, которого я покорнейше прошу поместить воззвание в вечернем или в утреннем выпуске газеты, — где сам он найдет уместным[1].

Искренно Вас уважающий

Ал. Блок

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 9—10.

[1] Подразумевается статья Блока «К избирателям», опубликованная в «Биржевых ведомостях» (Утр. вып. 1916. 14 февр. (№ 15284). С. 4). См.. *СС Блока—20*$_8$. С. 181.

11

2 марта 1916 г., Петроград

2 марта 1916.

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Кроме Исаакяна[1], в редакции оставалось еще два стихотворения, которые посылаю Вам вторично, присоединив еще одно. О пасхальном подумаю[2]. Всего Вам доброго.

С искренним уважением

Ал. Блок

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 227 Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1.

[1] См. примеч. 1 к п. 9.

[2] В пасхальном номере под заглавием «Экклезиаст» был опубликован триптих Блока: 1. («В пути — глубокий мрак, и страшны высоты...»); 2. («Испытанный, стою на грани...»); 3. («Мысли мои утопают в бессилии...») // *БВ*. Утр. вып. 1916. 10 апр. (№ 15493). С. 2.

ПИСЬМА М. П. БЛАГОВЕЩЕНСКОЙ (1909–1910)

Переписка Марии Павловны Благовещенской (1863 – после 1953) с Измайловым позволяет реконструировать отдельные эпизоды работы по подготовке собрания сочинений Кнута Гамсуна (1859–1952) в издательстве А. Ф. Маркса[1]. До 1917 г. в России вышло несколько собраний сочинений знаменитого норвежского прозаика и драматурга. Первое полное собрание сочинений Гамсуна в 14 томах было предпринято в издательстве В. М. Саблина (выходило с 1905 г. по 1911 г.), причем отдельные его тома из-за большого читательского спроса выдержали два и три переиздания. В 1908–1909 гг. в связи с приближавшимся 50-летним юбилеем Гамсуна были задуманы еще два собрания сочинений – в издательстве «Шиповник» при ближайшем участии К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, С. Полякова и в издательстве А. Ф. Маркса с критико-биографическим очерком А. А. Измайлова и М. П. Благовещенской (публиковалось как приложение к журналу «Нива» в 1910 г.). Повышенное внимание к творчеству норвежского писателя объясняется значительно возросшим в начале XX в. общим интересом к скандинавизму.

[1] Материалы по подготовке собрания сочинений Гамсуна сохранились в РГАЛИ в фонде «Товарищества издательского и печатного дела А. Ф. Маркса»; см.. РГАЛИ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 54.

В работе по осуществлению юбилейного проекта важную роль сыграли два лица — это переводчица Мария Павловна Благовещенская, готовившая ряд ключевых текстов и вступительную статью, и Александр Алексеевич Измайлов, выступивший редактором и секретарем будущего собрания. В 1907—1908 гг. Измайлов успешно сотрудничал с издательством А. Ф. Маркса. При его участии было подготовлено полное собрание сочинений Гауптмана в 3 томах. Уже в этом проекте он проявил себя как умелый организатор и секретарь[2].

О переводчице Марии Павловне Благовещенской известно немногое. Некоторые сведения о себе она изложила, предваряя публикацию своего мемуарного очерка «„В царстве трески“: (Мурманские впечатления)»[3]. Дочь выпускника Дерптского университета Павла Васильевича Аршаулова, преподавателя математики, физики и французского языка. Вместе с семьей в младенчестве попала в Финляндию, где ее отец был назначен директором Александровской русской гимназии в Гельсингфорсе. В Финляндии Мария Павловна активно осваивает скандинавские языки. С середины 1890-х гг. проживала во Пскове. В начале 1900-х гг. в «Русских записках», «Русском богатстве», «Историческом вестнике», «Слове» и др. изданиях появляются ее первые переводы, которые она подписывает либо своим именем, либо псевдонимом «А. И. Вальборг»[4]. В переводах Благовещенской русскому читателю стали доступны произведения многих финских, шведских, норвежских и датских писателей, среди них В. Бенедиктсон, А. Стриндберг,

[2] Об участии Измайлова и Балтрушайтиса в этом издании см.. Юргис Балтрушайтис — переводчик: (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) / публ. А. Лаврова // *Ежегодник РО ПД* на 2003—2004 гг. СПб., 2007 С. 516—544; см. также предисловие к письмам К. Д. Бальмонта к Измайлову (наст. изд., с. 630—635).

[3] См.. Вестник знания. 1912. № 1.

[4] Эти сведения о М. Благовещенской были опубликованы в «Вестнике знания» (1912. № 1. Январь) перед публикацией ее мемуарного очерка «„В царстве трески“· (Мурманские впечатления)». См. также: *Файнштейн М. Ш.* Из истории русско-скандинавских литературных связей: М. П. Благовещенская // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 2001. С. 137—143. Источником псевдонима стала пьеса А. Г. Эленшлегера «Аксель и Вальборг».

К. Янсон, С. Лагерлёф, С. Топелиус и др.[5] Со многими писателями переводчица состояла в переписке и была лично знакома. Известно, что она обменялась несколькими письмами с Гамсуном[6].

В 1909 г. Благовещенская намеревалась совершить путешествие по Норвегии с целью «собрать литературу о Гамсуне и написать, насколько возможно, более полную его биографию, основанную на точных фактических данных, а не на случайных и мелких мимолетных заметках»[7]. Для осуществления своего намерения переводчица обращалась за финансовой помощью к некоторым литераторам. Например, в письме к В. П. Кранихфельду от 28 июля 1909 г. она сообщала: «Дело, видите ли, в том, что я абсолютно не имею средств для того, чтобы предпринять проектируемую мною поездку в Скандинавию. А на это мне надо всего только 150 р. Вот я и хотела предложить редакции „С⟨овременного⟩ М⟨ира⟩" следующую комбинацию, при которой она ровно ничем не рискует. Я, конечно, допускаю, что можно предполагать, что статья моя окажется ниже всякой критики, — и под эту статью я, конечно, не могу и не хочу просить аванса. Но ведь Вы сегодня еще сказали, что редакция и впредь рассчитывает на мои переводы. Не согласится ли редакция „С⟨овременного⟩ М⟨ира⟩" выдать мне теперь же авансом 150 р. за мои переводные работы в 1910 г.? Что касается моей статьи о ск⟨андина⟩в⟨ских⟩ писателях, то я, конечно, первым делом отдам ее для просмотра в редакцию „С⟨овременного⟩ М⟨ира⟩". Если редакция найдет ее годной, то я буду очень рада, а если ее забракуют, то претендовать я не буду и могу заверить Вас, что никаких „недоразумений" по этому поводу между мною и редакцией возникнуть не может. А аванс я отработаю переводами в 2—3 месяца ⟨...⟩

[5] Там же. С. 138.

[6] Отрывки из писем Гамсуна переводчица воспроизводит в книге: *Благовещенская М. П. и Измайлов А. А.* Кнут Гамсун: Биография по неизданным источникам и литературная характеристика. СПб., 1910. 195, [3] с. Также письма Гамсуна к переводчице опубликованы в ряде норвежских собраний сочинений и писем Гамсуна. См.. *Knut Hamsuns brev*, 7 vol., Gyldendal, Oslo 1994—2001 / Harald S. Naess. Vol. 2: 1896—1907 P. 330—331.

[7] *Благовещенская М. П. и Измайлов А. А.* Кнут Гамсун: Биография по неизданным источникам и литературная характеристика. С. 8.

Буду ждать от Вас ответа. Жду также ответа от Гамсуна, которого я спросила, где он будет в авг⟨усте⟩. Если я поеду, то поеду числа 10—15 авг⟨уста⟩ — не позднее, — и дней на 10, не больше»[8].

Замысел Благовещенской осуществился; она совершила поездку в Норвегию, но не при посредничестве журнала «Современный мир», к сотруднику которого обращалась. Средства для поездки предоставило издательство А. Ф. Маркса, затеявшее публикацию собрания сочинений Кнута Гамсуна. Необходимость путешествия в страну фьордов переводчица изложила в письме Измайлову, секретарю планировавшегося издания[9].

Свою экспедицию Благовещенская начала в ноябре 1909 г.: 20 ноября была в Гельсингфорсе[10], в начале декабря оказалась в Христиани и продолжила сбор материала для статьи. Встреча с Гамсуном, на которую рассчитывала переводчица, не состоялась; о причинах этого Благовещенская сообщила в биографическом очерке: «В настоящее время Гамсун нездоров и уже несколько месяцев живет в глуши, в горах, в пятидесяти верстах от станции Popё, которая находится в десяти-двенадцати часах езды по железной дороге от Христиании. Местечко, где он живет, называется Сульлиенен; во время снежных заносов сообщение с этим местечком совершенно прекращается на несколько дней и даже почта перестает функционировать»[11].

Однако переводчица покупает новые произведения знаменитого норвежца, в частности стихотворную драму «Мункен Вендт», отыскивает материалы, связанные с биографией Гамсуна. В начале декабря обо всех своих удачах она сообщала Измайлову[12]. Важнейшим итогом поездки в Норвегию стали впечатления переводчицы, которые помогли ей составить представление о ментальности норвежцев и, как следствие, лучше понять Гамсуна-писателя. Отдель-

[8] РО ИРЛИ. Ф. 528. Оп. 1. Ед. хр. 138. Л. 7 об.

[9] См. в наст. разделе п. 1.

[10] См. п. 2.

[11] *Благовещенская М. П. и Измайлов А. А.* Кнут Гамсун: Биография по неизданным источникам и литературная характеристика. С. 9.

[12] См. п. 3.

ные впечатления о Норвегии Благовещенская сообщила в письме к Измайлову[13]. Этому же посвящены несколько страниц в книге о Гамсуне, подготовленной совместно с Измайловым: «Первое, что мне бросилось в глаза в Норвегии и что особенно поразило меня, как свежего человека, — это веселые, беззаботные и пышущие здоровьем лица норвежцев ⟨...⟩ Кажется, будто норвежцы живут в вечном празднике, будто у них нет ни забот, ни горя ⟨...⟩ Все кафе по вечерам переполнены — кафе посещают и молодые девушки, и студенты, и седовласые матери семейств, и почтенные старцы. За городом, в ближайших фьордах, куда горожане отправляются заниматься спортом, по воскресениям кишмя кишит та же разнообразная публика без различия пола, возраста и положения»[14].

Путешествие по Норвегии позволило Благовещенской собрать значительные материалы о Гамсуне. В 1910 г. они легли в основу упомянутого труда, вышедшего в издательстве «Шиповник» отдельной книгой[15].

В переводе Благовещенской в издании Маркса был опубликован роман «Мистерии», помещенный в первом томе (ранее опубликован в издательстве «Польза» в серии «Универсальная библиотека»). А гамсуновские «переживания и мечты во время путешествия по Кавказу» — «В сказочной стране» — были специально переведены для этого издания. Разрешение сделать перевод Благовещенская испрашивала у Гамсуна в письме. В ответ на ее просьбу знаменитый норвежец предупреждал: «Конечно, вы можете перевести описание моего путешествия по Кавказу, — ведь русским незачем даже спрашивать разрешения на это. Но не забывайте, что мнение иностранца о Кавказе может быть во многих отношениях ошибочным; а потому навряд ли вашим соотечественникам будет интересно видеть мои промахи и мое невежество. Так как вы и сами находите, что эта книга недостойна своего автора, то это лишняя причина не распро-

[13] Там же.

[14] *Благовещенская М. П. и Измайлов А. А.* Кнут Гамсун: Биография по неизданным источникам и литературная характеристика. С. 9—10.

[15] *Благовещенская М. П. и Измайлов А. А.* Кнут Гамсун Биография по неизданным источникам и литературная характеристика / *Благовещенская М. П.* Кнут Гамсун; *Измайлов А.* Кнут Гамсун: Литературная характеристика. СПб.. Шиповник, 1910. 195, [3] с.

странять ее далее. Но, как я уже сказал, — раз Россия не принадлежит к Бернской конвенции, то вы имеете полное право переводить всё, что только пожелаете»[16].

Собрание сочинений Кнута Гамсуна, вышедшее в издательстве А. Ф. Маркса, стало массовым и было востребовано современниками. Его выпуском издательство, наряду с другими публикаторами, возвестило, как справедливо отметил А. В. Лавров, «о наступившей эпохе расцвета русского „скандинавизма“ — о периоде исключительной популярности в российских читательских кругах имен и произведений новейших писателей Дании, Норвегии и Швеции»[17].

Публикуемые письма М. П. Благовещенской к А. А. Измайлову хранятся в РГАЛИ (Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 54; Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 27).

[16] Цит. по: *Благовещенская М. П. и Измайлов А. А.* Кнут Гамсун: Биография по неизданным источникам и литературная характеристика. С. 37. Бернская конвенция — международное соглашение по охране авторского права, принятое в Берне в 1886 г. Россия к соглашению не присоединилась.

[17] Юргис Балтрушайтис — переводчик: (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) / публ. А. Лаврова. С. 519.

1

29 октября 1909 г., С.-Петербург

П⟨етер⟩бург, 29 Окт⟨ября⟩ 1909 г.
4-ая рота 2, кв. 11.

Милостивый государь Александр Алексеевич!

Во избежание каких-либо недоразумений мне хотелось бы оформить на бумаге условия, на которых я считаю возможным предоставить ред⟨акции⟩ «Нивы» мои переводы с норвежского яз⟨ыка⟩ произведений Гамсуна. Вот они:

Те из моих переводов, которые уже уступлены мною в собственность книгоиздательства «Польза» («Универс⟨альная⟩ библ⟨иотека⟩») и которые последнее разрешило мне переуступить «Ниве» (на довольно тяжелых для меня условиях), я согласна предоставить для напечатания «Ниве» за 35 р. за печ⟨атный⟩ лист в 35 000 тыс⟨яч⟩ букв[1].

Те же из моих переводов с норвежского яз⟨ыка⟩ произведений Гамсуна, которые еще нигде не были напечатаны и которые «Нива» желает приобрести в полную свою собственность, я согласна уступить за 40 р. за печ⟨атный⟩ лист в 35 000 букв[2].

Искренно буду сожалеть, если мои условия покажутся для ред⟨акции⟩ «Нивы» неприемлемыми, но изменить их я никоим образом не могу.

Затем разрешите мне воспользоваться случаем и обусловить также мою поездку в Норвегию для свидания с Гамсуном и приобретения материала для его биографии и вообще для статьи о нем.

Я согласна предоставить статью о Гамсуне ред⟨акции⟩ «Нивы» за 100 р. — размером статья будет не менее печ. листа (в 35 000 букв) и не более 1 ½ печ⟨атного⟩ листа. Кроме того, ред⟨акция⟩ «Нивы» выплачивает мне 100 р. на путевые расходы. Следовательно, в общем моя статья о Гамсуне обойдется «Ниве» в 200 р. Авансом на свою поездку я прошу выдать мне 150 р. К статье я согласна доставить также и фотографии (какие мне удастся получить), имеющие отношение как к Гамсуну, так и к тем местам, где он жил. Но я надеюсь, что ред⟨акция⟩ «Нивы» не откажется возместить мне те, вероятно, небольшие расходы, которых потребует приобретение этих снимков.

Так как я собираюсь прожить в Норвегии недели 2—3, то я надеюсь использовать свою поездку наиболее выгодным образом в смысле приобретения интересных и ценных данных для статьи о Гамсуне.

Надеюсь, что Вы не откажетесь известить меня относительно ответа ред⟨акции⟩ «Нивы».

С совершенным почтением

М. Благовещенская

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1—1 об.

[1] Подразумевается перевод романа К. Гамсуна «Мистерии», вышедший в первом томе марксовского собр. соч. писателя. Этот перевод готовился для издательства «Польза» и вышел в 1910 г.: *Гамсун К.* Мистерии: роман / пер. с норв. М. П. Благовещенской. М.. Книгоиздательство «Польза». В. Антик и К°, [1910]. 384 с. (Универсальная библиотека; № 255—258). В РГАЛИ сохранился договор от 3 ноября 1909 г. между М. Благовещенской и издательством «Польза», в котором сообщаются условия, на которых этот перевод был предоставлен издательству А. Ф. Маркса (см.. РГАЛИ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 2).

[2] Договоры, подписанные с изд. Маркса см.. Там же. Л. 13—14.

2

20 ноября 1909 г., Гельсингфорс, Финляндия

Г⟨ельсинг⟩форс, 20 Ноября 1909 г.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Накануне своего отъезда была у Вас в «Биржевых», — хотела попрощаться с Вами, — но, к сожалению, не застала Вас. Шлю Вам прощальный привет из Г⟨ельсинг⟩форса, прежде чем пуститься в мокрое и холодное путешествие по морю.

Могу Вам уже теперь сообщить, что я раздобыла здесь массу интересного материала для своей статьи[1]. Виделась с несколькими шведскими профессорами, которые были чрезвычайно любезны со мной, дали мне много ценных указаний и сведений и надавали рекомендаций ко всем известным ученым и литераторам в Христиании. Мне остается только ждать, что меня встретят королевскими почестями в норвежской столице.

Вообще, несмотря на непогоду и вьюгу, я очень довольна началом своей экспедиции.

Здесь в Финляндии также теперь очень интересное время. Я сделала несколько любопытных наблюдений, которыми мне очень хотелось бы поделиться с русской публикой. Как Вы думаете, — если я напишу крошечную корреспонденцию *относительно настроения,* царящего теперь в Финляндии, — напечатают ее в «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостях⟩»? Узнайте, пожалуйста, и не откажитесь ответить мне. Я могла бы прислать несколько маленьких корреспонденций в виде «Писем с дороги», — путешествие на покрытом ледяной корой пароходе, Христиания зимою во время сезона, рождество в Норвегии — и т. под.[2]

Если будете отвечать мне, то пишите по следующему адресу: Норвегия, Norvège, Kristiania, Poste restante. Fru Marie Blagoveschensky.

Отсюда я уезжаю в понед⟨ельник⟩ утром по ж⟨елезной⟩ дор⟨оге⟩ на Або[3], а оттуда на пароходе в Стокгольм. В среду утром буду в Христиании.

Преданная Вам

Благовещенская.

Привет Лид⟨ии⟩ Вас⟨ильевне⟩[4], если ее увидите.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 227 Оп. 1. Ед. хр. 27 Л. 1—2.

[1] Происхождение материалов, которыми пользовалась Благовещенская для написания статьи о норвежском писателе, прослеживается по книге «Кнут Гамсун: биография по неизданным источникам и литературная характеристика». Переводчица ссылается на книгу: Illustreret Norsk litteraturhistorie; siste tidsrum; 1890—1904, ved Carl Naerup. (Kristiania, Det Norske aktieforlag, 1905), а также на заметки и статьи из норвежских газет «Dagbladet», «Morgenbladet». Кроме этого, цитирует статью немецкого переводчика Генриха Гёбеля по книге: *Hamsun K.* Das Sausen des Waldes. Leipzig: Xenien-Verlag, 1909. S. 5—22.

[2] Корреспонденции Благовещенской о поездке в Норвегию в «Биржевых ведомостях» не выявлены.

[3] Або (швед. Åbo), или Турку (фин. Turku), — город и порт на юго-западе Финляндии.

[4] Неустановленное лицо.

3

3 декабря 1909 г., Христиания, Норвегия

Christiania, 3 Декабря 1909 г.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Ваше письмо относительно «Мункен Вендтэ» нагнало меня уже здесь. Я приобрела эту книгу и, насколько позволяет время, читаю ее. Конечно, надо прочесть всё до конца, но, судя по началу (я прочла треть), навряд ли встретятся цензурные препятствия. А если таковые и покажутся, то мне кажется, что нам вместе с Галиной[1] легко удастся обойти подводные камни и устроить так, чтобы волки

и овцы были довольны, т. е. не слишком отдалиться от оригинала и не возбудить недовольства цензуры. Я нахожу (да и норвежские критики также), что «Мункен Вендтэ» одно из самых значительных произведений Гамсуна[2]. Да и вообще это произведение, как по грандиозности замысла, так и по внешним достоинствам, сравнивают с «Брандтом» и «Пер Гюнтом». Переводить эту вещь будет довольно трудно, т. к. это эпос, но я уверена, что Галина хорошо справится с этой задачей, а я буду ей давать подстрочники в нескольких вариациях, — и дам ей размер стиха.

Я собрала здесь много материала для биографии Гамсуна, а теперь надо приниматься обрабатывать его. Самого Гам⟨суна⟩ я не увижу, т. к. он действительно совсем болен и живет где-то у Сев⟨ерного⟩ Полюса, куда и не проехать[3].

Какая прекрасная и интересная страна Норвегия! Я очень довольна своей поездкой. Несколько дней провела во фьордах. Теперь живу в центре города, — знакомлюсь понемножку с кружком литераторов и профессоров.

Всё здесь так оригинально и очаровательно, — все веселы и пышут румянцем, я не видела грустных лиц. Все веселятся, старики катаются на лыжах и на санях, все кафе кишат молодежью, — и все ведут себя чинно и веселятся по-своему. Для нас всё это так странно. Будто люди не живут, а играют веселую комедию. Маленькие дети необыкновенно благовоспитанны, всегда резвы, веселы, но никогда не капризничают, и взрослые с ними всегда неизменно ласковы и терпеливы, — ни одного окрика, ни одного резкого слова.

Однако заболталась, а мне надо написать еще несколько писем.

Да, имейте в виду, что Гамсун ничего не писал про Турцию — «В стране полумесяца» — это кто-нибудь другой[4]. Только что вышло новое произведение Гамсуна «Путник, играющий под сурдинку»[5], — я прочла «с удовольствием» и облизнулась, т. к. не буду переводить этой вещи. Это продолжение «Под осенней звездой». Написала Гамсуну, прошу у него разрешения на «Бенони», «Розу» и «Странника с сурдинкой», но навряд ли из этого что-нибудь выйдет. А разбойничать я не хочу. Пусть кто-нибудь другой это сделает.

Ну, всего хорошего! Напишу сейчас Галиной — она написала мне. Приеду я в середине дек⟨абря⟩.

Искренно преданная Вам

Ваша Благовещенская.

Мой адрес этот: Sostrene Larsena Hotel с прибавлением по-русски: *Норвегия, а потом* Norvège и Norge, Kristiania. Fru Marie Blagoveschensky.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 27 Л. 3—4. На бланке отеля: Sostrene Larsena Hotel. Christiania Carl Johans Gade 39.

[1] Г. Галина (наст. фам. Ринкс Глафира Адольфовна, урожд. Мамошина), эссеистка, поэтесса, переводчица. Ее переводы произведений Гамсуна были включены в V том собр. соч.

[2] «Мункен Вендт» («Munken Vendt») — драма в стихах, впервые опубликованная в 1902 г.

[3] См. вступ. ст. к наст. разделу.

[4] Благовещенская сообщает ошибочные сведения. Роман Гамсуна «В стране полумесяца», или во «Во власти полумесяца», опубликован впервые в 1904 году (Sværmere. København; Kristiania, 1904 (ser. «Nordisk Bibliotek»; № 24)) и выдержал несколько изданий. В России перевод этого романа вышел в 1907 г.; см.. *Гамсун К.* В стране полумесяца; Фантазер / пер. Л. Добровой. М.. В. М. Саблин, 1907 [6], 215 с. (Полное собрание сочинений; Т. 8).

[5] «Путник, играющий под сурдинку» (или «Странник, играющий под сурдинку») был издан в 1909 г. (En vandrer spiller med sordin. Kristiania-København, 1909, 294 р.). Перевод нового произведения, сделанный Л. М. Василевским, вошел в четвертый том готовившегося полного собрания сочинений Гамсуна.

4

18 июля 1910 г., С.-Петербург

18 июля 1910 г.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Знаю, что надоела Вам, и все-таки продолжаю надоедать. Мне необходимо завтра лично повидаться с Вами и переговорить относительно последних мелочей нашего общего маленького дела. Пожалуйста, назначьте мне свидание — хотите, в ред⟨акции⟩ «Б⟨ирже-

вых⟩ в⟨едомостей⟩», или же у Вас дома, или у меня — где хотите, мне всё равно. Но имейте только в виду, что в «Шиповн⟨ике⟩» просили непременно доставить им мою корректуру в окончательном, исправленном Вами виде завтра в начале 3-го часа[1].

Итак, выберите для меня полчаса между 9 ч. утра и 2 дня, — буду Вам очень обязана.

Получила сегодня редкий и дивный портрет Гамсуна, который я давно искала, — это фотография с портрета, написанного художником Лундом[2], находящегося у первой жены Гамсуна[3]. — И об этом надо переговорить и еще кое о чем.

Посылаю Вам почти всю мою статью, — окончание я получу завтра. Очень прошу Вас просмотреть ее и, главным образом, обратить внимание на отмеченные мною красн⟨ым⟩ кар⟨андашом⟩ места. Не надо ли их выпустить? Не производит ли статья винегрето-образного впечатления. Будьте строги без всякого снисхождения, — я самолюбива, но не в литературе, т. к. на этом поприще считаю себя дилетанткой, забежавшей не в свой огород.

Моя горнич⟨ная⟩ ждет ответа.

Преданная

Благовещенская.

Моя статья объемом в 4 10/16 листа.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 227 Оп. 1. Ед. хр. 27 Л. 5—6 об.

[1] Благовещенская просит встречи для обсуждения с Измайловым их совместной книги «Кнут Гамсун: биография по неизданным источникам и литературная характеристика».

[2] Х. Л. Лунд (Henrik Louis Lund), норвежский художник-импрессионист, мастер портретного искусства.

[3] Бергльот Гёпферт (урожденная Бек), первая жена Гамсуна (в 1898—1906 гг.).

ПИСЬМА К. Д. БАЛЬМОНТА (1907–1915)

Вступ. ст., подгот. текста и примеч.
А. С. Александрова, Э. К. Александровой

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942), поэт, критик, эссеист, переводчик, еще один яркий представитель Серебряного века, с которым Измайлов состоял в переписке. Стихотворные опыты «солнечного гения» начали попадать в орбиту критической рецепции Измайлова еще в начале 1900-х гг. Одна из первых оценок поэтического дарования поэта-символиста относится к маю 1901 г. – это фельетон «Литературные заметки», посвященный выходу альманаха «Северные цветы». Опубликованные в сборнике стихотворения Бальмонта критик, верный своему литературному кредо «пугала» русского декаданса, как позднее категорически окрестил его карикатурист Ю. Гом-Барг[1], оценивает в негативном ключе, как и сам альманах: «В ⟨...⟩ целом ряде стихотворений К. Бальмонта решительно невозможно доискаться общей идеи и можно улавливать только смысл отдельных двустрочий и стихов. Здесь заявляется, что „жгучие костры – это только сон игры“, что „во имя глубины, мы страдаем, видя сны“ и „все мы здесь, наоборот, повторяем небосвод“, что в Толедо „застыли громады оконченных снов“, и т. д., и т. д. За лирическими набросками следует целый

[1] Наст. имя — Юлий Яковлевич Гомбарг-Идарский (1880—1954); см. его карикатуру на обложке журнала «Оса» (1912. № 9). См. илл. в наст. изд.

„гимн огню“ ⟨...⟩ Десятки эпитетов прилагает поэт к огню, стараясь дать его полную квалификацию, то рифмуя неравные метрические строчки, то переходя на ритмическую прозу»[2].

Со временем взгляды приверженца реализма на литературную продукцию модернистов претерпевают определенную эволюцию. В особенности это ярко прослеживается на отношении Измайлова к творчеству Бальмонта и Брюсова, имена которых часто соседствуют на страницах его рецензий. Потенциальная опасность остаться за бортом современного литературного процесса, уподобившись маститым, закостенелым, уходящим в отставку критикам умирающего толстого журнала, по-видимому, заставила Александра Алексеевича расширительно взглянуть на произведения лидеров символистского движения. В 1903 г. в «Новой иллюстрации», приложении к «Биржевым ведомостям», появляется его обстоятельный фельетон, посвященный сборнику Бальмонта «Будем как Солнце» и творчеству поэта в целом. В этой статье критик признает несомненный поэтический талант автора «книги символов», говорит о нем, как о поэте «с редким запасом образов, новых, ярких и неожиданных, с даром музыкального слова, решительно устраняющим всякое соперничество с ним кого-либо из современных поэтов». Измайлов отмечает, что бальмонтовский «стих приобрел удивительную мощь лаконизма, виртуозности и звучности. В лучших его произведениях, здоровых и трезвых, есть нечто — и многое — от силы и пламенности Лермонтова»[3]. Этот позитивный настрой позволил рецензенту открыть для себя красоты символизма и не впадать, однако, в слепое почитание нового направления. В фельетоне содержится значительное количество критических замечаний, основной претензией к автору является отсутствие смысла в произведении — обвинение, которое Измайлов предъявлял писателям-модернистам неоднократно[4]. В частности, отмечая в «новых вещах» поэта «отточенный до сверкания стали ⟨...⟩ стих, звенящий, пере-

---

[2] *Измайлов А. А.* Литературные заметки // *БВ.* 1901. 26 мая. (№ 140). С. 2.

[3] *Измайлов А. А.* Литературные заметки: В безднах декаданса: («Будем как Солнце», книга символов К. Д. Бальмонта) // Новая иллюстрация. 1903. № 27 С. 213.

[4] См. вступ. ст. к письмам А. А. Блока в наст. изд.

ливающий, гневный или радостный», он полагает, что «всё дальше и дальше от нас, трезвых людей, — отходят его [Бальмонта — *А. А., Э. А.*] притязания»[5]. И еще: «В терцинах, замечательных по звучности и мягкости, он воспевал шабаши ведьм и свои нежные чувства к суккубам и инкубам, гениям сводни, змеям и дьяволам. Он писал огромные поэмы, в которых нельзя было уловить смысла, кроме как в отдельных строках. Целые пьески, прекрасные по стиху, своеобразные по ритму, полные неожиданных и новых для нашего языка рифм и аллитераций, оказывались бессвязным набором слов»[6].

Свое отношение к символистским поискам Бальмонта Измайлов счел возможным дополнить пародией, не лишенной «даже некоторого реального содержания», на стихотворение «Испанский цветок» («Я вижу Толедо...»):

Я плавал по Нилу,
Я видел Ирбит.
Верзилу Вавилу бревном придавило,
Вавила у виллы лежит.

Мне сладко блеск копий
И шлемов следить.
Слуга мой Прокопий про копи, про опий,
Про кофий любил говорить.

Вознес свою длань я
В небесную высь.
Немые желанья пойми, о Маланья! —
Не лань я, не вепрь и не рысь!..

О, щель Термопилы,
О, Леда, о, рок!

[5] *Измайлов А. А.* Литературные заметки: В безднах декаданса... С. 214.

[6] Там же.

В перила вперила свой взор Неонилла,
Мандрилла же рыла песок...[7]

На протяжении долгих лет Измайлов следит за творчеством Бальмонта. В 1908 г., в целом отрицательно оценивая сборник «Зовы древности» (СПб., 1908), литератор называет автора «подлинно поэтической» душой[8]. В том же году в программной статье «На переломе. Литературные размышления» критик относит Бальмонта к «крупным талантам»[9] и признает его большие заслуги в литературе. Наиболее обстоятельные статьи, посвященные «поэту с утренней душой», были написаны Измайловым в 1909—1913 гг. и позже вошли в его книги о современной литературе «Помрачение божков» и «Пестрые знамена»[10].

В письмах Бальмонта к Измайлову критические высказывания последнего не затрагиваются: их эпистолярный диалог ведется в сугубо практической направленности. В 1907—1909 гг. корреспонденты обсуждают насущные вопросы, связанные с изданиями собраний сочинений Г. Гауптмана[11] и К. Гамсуна[12]. В 1907 г. Измайлов выступил секретарем затеянного в издательстве А. Ф. Маркса трехтомного собрания сочинений Герхарта Гауптмана как приложения к журналу «Нива»: он вступил в переговоры с переводчиками, вел переписку с авторами от имени издательства, написал

[7] Там же. Впоследствии эта пародия была включена автором в сборник «Кривое зеркало» (СПб., 1908).

[8] См.. *Измайлов А. А.* Литературная пестрядь: (Заметки и впечатления) // Образование. 1908. № 8. Отд. 3. С. 7—17

[9] См.. *Измайлов А. А.* На переломе: Литературные размышления. СПб., 1908. С. 56—57

[10] См.. *Измайлов А. А.*. 1) В литературном мире: [Пленная мысль в русском стихотворстве. — Скромность Бальмонта. — Литературное бильбоке. — Новая книга Андрея Белого] // *БВ*. Утр. вып. 1909. 3 июня. (№ 11137). С. 2; 2) Хмель на руинах: (Новое и старое) // *Помрачение божков*. С. 1—51; 3) В покинутой кумирне // *Пестрые знамена*. С. 73—86.

[11] См.. *Гауптман Г* Полн. собр. соч.. в 3 т. СПб.. Изд. А. Ф. Маркса, 1908. (Прилож. к журналу «Нива»).

[12] См.. *Гамсун К.* Полн. собр. соч.. в 5 т. / с критико-биогр. очерком А. А. Измайлова и с прил. портр. К. Гамсуна. СПб.. Т-во А. Ф. Маркса, 1910. (Прилож. к журналу «Нива»).

небольшие предисловия-справки к крупным произведениям, вводя читателей в художественный мир немецкого драматурга. В этом новом для себя качестве Измайлов в конце ноября 1907 г. обратился к Бальмонту с предложением об участии в проекте. В соавторстве с Е. А. Андреевой поэт перевел для издания драму «Михаэль Крамер» (Т. II. С. 219—278) и драматические сцены «Эльга» (Т. III. С. 235—279).

В 1908—1909 гг. в издательстве А. Ф. Маркса было предпринято издание пятитомного собрания сочинений Кнута Гамсуна в связи с приближавшимся 50-летним юбилеем писателя (книги выпускались как приложение к «Ниве»); секретарем редколлегии вновь было предложено стать Измайлову. Для этого проекта Александр Алексеевич в соавторстве с М. П. Благовещенской (ее письма см. в наст. изд.) подготовил критико-биографический очерк о норвежском драматурге. В октябре 1909 г. критик обратился к Бальмонту с предложением о сотрудничестве. Поэт живо откликнулся и готов был подготовить целый корпус объемных текстов. Однако в этом собрании ему отводилась более скромная роль: для перевода было предложено лишь несколько рассказов из книги Гамсуна «Сиеста» (1897) — тексты вошли в IV том собрания сочинений.

Шестилетний перерыв в переписке литераторов привел к утрате былых связей, так что когда в 1915 г. Измайлов пригласил Бальмонта к участию в «Биржевых ведомостях», Константин Дмитриевич даже не мог вспомнить имени и отчества своего давнего корреспондента. Впрочем, если судить по письмам этого периода, личное знакомство поэта и критика, остававшееся до того заочным, впоследствии состоялось и произвело на Бальмонта приятное впечатление.

Ниже публикуются известные на сегодняшний день 14 писем Бальмонта к Измайлову — 11 из них сохранились в РО ИРЛИ (Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24); 1 письмо — в РГАЛИ (Ф. 227. Оп. 3. Ед. хр. 3); еще 2 — в ОР РНБ (Ф. 309. Ед. хр. 2). Местонахождение писем Измайлова к Бальмонту неизвестно.

1

Конец ноября 1907 г., Брюссель, Бельгия

Bruxelles, 83, rue St.-Georges, Ixelles

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Я люблю Гауптмана и охотно возьмусь перевести несколько его вещей, но прозаических[1]. А именно: мне хотелось бы перевести «Эльгу»[2], «Одиноких людей»[3], «Возчика Геншеля»[4]. Не отказался бы и от «Микаэля ⟨так!⟩ Крамера»[5]. Условия вознаграждения, пожалуйста, определите Вы сами, так как Ваше предложение отличается от обычных (вы приобретаете право на работу, связанную с моим именем, навовсе). Корректуры я всегда держу сам (от двух до трех, в зависимости от аккуратности типографии) и не задерживаю их.

Жду скорого ответа.

Уважающий Вас

К. Бальмонт.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 14.

[1] Бальмонт откликается на просьбу Измайлова принять участие в подготовке собрания сочинений Г. Гауптмана; подробнее об этом см. во вступ. заметке к настоящему разделу.

[2] «Эльга» (постановка 1905 г.) — драматические сцены в 6 картинах, перевод выполнил Бальмонт в соавторстве с Е. А. Андреевой.

[3] «Одинокие» (вариант перевода названия: «Одинокие люди», 1891) — драма в 5 действиях; перевод пьесы Гауптмана выполнил В. М. Саблин.

[4] «Возчик Геншель» (1898) — драма в 5 действиях; перевод пьесы выполнил А. М. Федоров.

[5] «Михаэль Крамер» (1900) — драма в 4 действиях; пьеса переведена Бальмонтом в соавторстве с Е. А. Андреевой.

2

4 декабря 1907 г., Брюссель, Бельгия

Bruxelles, 83, rue St.-Georges, Ixelles.
1907. 4 декабря н. ст.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Я согласен на предложенные Вами условия. Принимаюсь за работу и сперва доставлю Вам «Крамера», потом «Эльгу»[1]. Жаль, что у Вас уже есть «Одинокие»[2]. Я так люблю эту вещь.

Весьма дивлюсь недоразумению с письмом. Справлялся на почте. Мне сказали, что, вероятно, на Вашем конверте было опущено какое-н⟨и⟩б⟨удь⟩ указание (не было ли пропущено слово «Брюссель»? Слово «Иксель» есть лишь указание квартала).

Итак, пока до свидания.

Уважающий Вас

К. Бальмонт.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 1.

[1] См. примеч. 2 к п. 1.
[2] См. примеч. 3 к п. 1.

3

20 декабря 1907 г., Брюссель, Бельгия

1907. 20 дек. н. ст. — Bruxelles, 83, rue St.-Georges, Ixelles.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Будьте добры известить меня, к какому именно сроку хотели бы Вы иметь рукопись «Крамера». Я должен это знать заранее, ибо по окончании какой-либо работы я имею привычку дать несколь-

ко полежать рукописи, чтобы вторично ее просмотреть перед отправкой.

С уважением

⟨К. Бальмонт⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 3. Нижняя часть листа с подписью обрезана.

4

16 января 1908 г., Брюссель, Бельгия

Bruxelles, 83, rue St.-Georges, Ixelles.
16 янв. н. ст. 1908.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Сегодня отправил Вам перевод «Михаэля Крамера». Я сделал его в сотрудничестве с моей женою[1], с которой вместе я работал над Гауптманом[2] и Зудерманом[3] в изд⟨ательстве⟩ Скирмунта[4], и над Мутером в изд⟨ательстве⟩ «Знания»[5]. Имя ее должно стоять рядом с моим. Корректуры прошу засылать по ее адресу — France, Paris, Passy, 17, rue Singer, M-me Catherine Balmont — это удобнее, ввиду моей подвижности. Писать же прошу мне в Брюссель. «Эльгу» готовлю. Если у Вас еще предстоят какие-либо переводы из Гауптмана или других европейских писателей, я охотно взял бы на себя еще что-нибудь.

Свидетельствую свое уважение.

К. Бальмонт

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 4.

[1] Е. А. Бальмонт (урожд. Андреева), литератор, переводчик, мемуаристка, вторая жена поэта.

[2] Имеется в виду: *Гауптман Г* Собр. соч.. в 3 т. / пер. с нем. под ред. К. Д. Бальмонта. М.. С. Скирмунт, 1902.

[3] Имеется в виду: *Зудерман Г* Собр. драматич. соч.. в 2 т. / пер. под ред. К. Д. Бальмонта. М.. С. Скирмунт, 1901. Е. А. Бальмонт был сделан перевод драмы Г. Зудермана «Гибель Содома».

[4] С. А. Скирмунт, издатель и книготорговец. В 1900 г. совместно с публицистом В. А. Крандиевским основал в Москве издательство «Труд» (позднее — издательство и торговая фирма «С. Скирмунт»), имевшее собственные книжные магазины в Москве и Петербурге. Издательство активно использовалось в пропагандистских целях политическими организациями лево-радикальной интеллигенции. В состав редакции входили известные деятели социал-демократического движения И. И. Скворцов-Степанов, В. М. Фриче, В. Я. Канель.

[5] Имеется в виду: *Мутер Р.* История живописи: в 3 т. / пер. с нем. под ред. К. Бальмонта. СПб.: Т-во «Знание», 1901—1904. Соредактором в части тиража также указан А. Бенуа.

5

30 апреля 1908 г., Брюссель, Бельгия

1908. 30 апреля. Брюссель.
83, rue St.-Georges, Ixelles.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

«Крамер» послан Вам (в «Ниву») два дня тому назад, я прочел его тотчас по получении[1].

Вы просите меня заменить «Фрау» «Госпожой», для единообразия в издании. Я бы для единообразия везде заменил «Госпожу» «Фрау», ибо это вернее и понятно всякому читателю (знаю сие фактически). Препираться, однако, не хочу. Замените. Но своею рукой. Моя не поднимается на это малое неправое дело[2].

Относительно имени Ек⟨атерины⟩ Андреевой, с которой я делал перевод Гауптмана и Зудермана для Скирмунта[3] и которая есть переводчица Мутера[4] и Уайльда[5], просьба редакции мне, простите, кажется изумительной. Вы, конечно, понимаете — и мне не нужно повторять, — что я настаиваю на этом имени не потому, что Ек⟨атерина⟩ Андреева как-н⟨и⟩б⟨удь⟩ со мною связана, а потому, что это весьма ценное переводческое имя. Если, однако, мои слова неубедительны, — Вы ведь *меня* приглашали переводить Гауптмана, а *не меня и ее*. Право внешнее за Вами. Обиды не будет. Но несправедливость мне кажется очевидной. Повторяю: как хотите[6].

Со стихами, посланными мною в «Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩» и пришедшими туда несвоевременно, делайте, что хотите. Мне всё равно. Бросьте в камин, например[7].

Адрес мой в Брюсселе кончается 30-го апреля. Засим я в Париже: 60, rue de la Tour.

Жму Вашу руку.

Искренно уважающий Вас

К. Бальмонт.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 5—6.

[1] Речь идет о чтении корректуры драмы Г. Гауптмана «Михаэль Крамер».

[2] В тексте пьесы, напечатанном в собрании сочинений Гауптмана, слово «фрау» было заменено на «госпожа».

[3] См. примеч. 1, 2, 3, 4 к п. 4.

[4] Подразумевается совместная работа над переводом «Истории живописи» Рихарда Мутера; см. примеч. 5 к п. 4.

[5] См.. *Уайльд О.* Саломея: драма в 1 действии / пер. с фр. оригинала К. Д. Бальмонта и Ек. Андреевой. СПб.. Сириус, 1908. 131 с.

[6] Просьба указать в качестве переводчиков Бальмонта и Е. А. Андрееву издательством А. Ф. Маркса была выполнена.

[7] По-видимому, речь идет о стихотворении для пасхального номера «Биржевых ведомостей». Как следует из текста письма, корреспонденция с намеченным к публикации произведением запоздала. Стихотворение было напечатано позже; см.. *Бальмонт К.* Из Гейне («Твои белые лилии-пальцы...») // Огонек. 1908. 8 июня. № 23. С. 10.

6

27 октября 1909 г., Лондон, Англия

Лондон, Charing-Cross-Hôtel, 212.
1909. 27 окт. н. с.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Мне только что переслали Ваше письмо. Мой постоянный адрес: Paris, Passy, 60, rue de la Tour. Пожалуйста, ответьте мне туда.

Я же отвечаю: меня очень радует Ваше предложение. Я сроднился с творчеством Гамсуна и охотно возьмусь перевести несколько

его вещей[1]. Будьте добры сообщить размеры гонорара и приблизительные сроки доставления материала. Прошу обратить внимание на то, что я перевожу Гамсуна с норвежского и что воссоздание его творчества значительно труднее, чем переводы вещей Гауптмана.

Вот вещи, которые я просил бы оставить за мной, если они еще не отданы никому. Настаиваю (если возможно именно на них).

*1. Виктория. (Уже наполовину готова)[2].

*2. Сьеста. (Могу приготовить очень быстро).

3. Игра жизни. (Драма). (Также).

*4. Пан.

5. Новь.
6. Мистерии. } (Одну из этих двух, безразлично какую)[3].

Вещи, отмеченные звездочками, я люблю более всего из творчества Гамсуна и мысленно жил с ними несколько лет.

Итак, буду ждать ответа.

С искренним уважением

К. Бальмонт.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 7—8.

[1] Речь идет о сделанном Бальмонту приглашении принять участие в переводе произведений для собрания сочинений К. Гамсуна в издании А. Ф. Маркса. Подробнее об этом см. вступ. ст. раздела, а также вступ. статьи к письмам А. Блока и М. П. Благовещенской к Измайлову в наст. изд.

[2] Выбор переводчика для романа Гамсуна «Виктория» (1898) был сделан не в пользу громких имен (на эту работу претендовал и А. Блок — см. п. 1 в письмах Блока к Измайлову). Роман был подготовлен ныне забытой переводчицей А. А. Соколовой, которая также перевела для издания повесть «Под осенней звездой» (1906), роман «Роза» (1908) и целый ряд рассказов из V тома.

[3] Переводы Бальмонта — он перевел несколько рассказов из книги «Сиеста» (1897) — вошли в IV том собрания сочинений Гамсуна.

7

20 марта 1915 г., Париж, Франция

1915. 20 м⟨а⟩рт⟨а⟩ н. с. Париж.
Passy, 60, rue de la Tour.

Простите, что не называю Вашего имени и отчества, боюсь неточности. Охотно посылаю Вам для «Биржевых ведомостей» несколько стихотворений[1]. Если подойдут, гонорар, пожалуйста, пошлите Екатерине Алексеевне Бальмонт, Москва, Брюсовский п., д. 19. Ей же прошу послать рукопись тех стихов, которые не подойдут. №№-а газет со стихами, в количестве нескольких экземпляров, пожалуйста, пошлите и Е. А. Бальмонт, и мне сюда, где я еще пробуду месяца полтора.

Получаю я за стихи от 50-и коп. до рубля за строку.

Прилагаю также несколько стихотворений Максимилиана Александровича Волошина[2], который находится в данное время у меня здесь. Быть может, Вы найдете желательным напечатать его стихи. Чаю возвращения в Россию и длительного пребывания в Москве и Петрограде.

Уважающий Вас

К. Бальмонт.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 9.

[1] Вероятно, Бальмонт получил от Измайлова письмо с приглашением дать свои стихи для пасхального номера и более активно сотрудничать в «Биржевых ведомостях». Присланные стихотворения опубл. — *Бальмонт К.*. 1) Я спрашивал («Я спрашивал, я спрашивал, и всех...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 5 апр. (№ 14765). С. 2; 2) Вопль к ветру («Суровый Ветр страны моей родной...») // Там же. 12 апр. (№ 14779). С. 2; 3) Весеннее («Меж сосен лучисто-зеленые пятна...») // Там же. 19 апр. (№ 14793). С. 2; 4) Странички («Немой затон задумался, без дна...») // Там же. 26 апр. (№ 14807). С. 5; 5) Богу свеча («Выпал снег, под ним есть лед...») // Там же. 30 апр. (№ 14815). С. 2.

[2] Первую половину 1915 г. М. Волошин жил в Париже вместе с К. Бальмонтом в его квартире на rue de la Tour. Имеется в виду стихотворение: *Волошин М.* Путями усталости («Я верен темному завету...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 5 апр. (№ 14765). С. 2. Произведение было помещено рядом со стихотворением Бальмонта «Я спрашивал».

8

20 июня 1915 г., Москва

Москва, Брюсовский п., д. 19.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Мне переслали Ваше письмо. Спасибо. Конечно, я уже давно прислал бы Вам и фельетоны и новых стихов. Мне помешали Суденицы, присудившие следующее[1]. Накануне моего отъезда в деревню близкий человек захворал крупозным воспалением легких, и все эти три недели я просидел в Москве, ведя вместе с докторами борьбу со смертью[2]. Только теперь наконец, в понедельник, еду в Лодыжино, на Оку[3]. Тотчас пошлю Вам и стихов[4], и очерк[5].

Розинеру[6] я писал. Дал требовавшийся подсчет строк и спрашивал, хочет ли «Нива» приобрести мои томы и сколько может предложить. Получил ответ, что предложение мое обсуждается Правлением их Товарищества и что ответ вряд ли возможен раньше осени. Написал, что мне необходимо ответ иметь теперь же. Если бы Вы, Александр Алексеевич, отнесясь ко мне при нашей встрече с такой искренностью, могли оказать на Розинера и «Ниву» какое-н⟨и⟩б⟨удь⟩ влияние, я был бы Вам сердечно благодарен[7].

До новых строк, и жму руку.

Преданный Вам

К. Бальмонт.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 11. Открытое письмо: «Петроград. Е⟨го⟩ В⟨ысокородию⟩ А. А. Измайлову „Биржевые ведомости" Галерная, д. 40». Датируется по штемпелю оправления.

[1] Суденицы — у славян мифические существа женского пола, определяющие судьбу человека при его рождении.

[2] Речь идет о болезни Е. К. Цветковской, спутнице жизни Бальмонта, которая по дороге из Франции в Россию заболела крупозным воспалением легких.

[3] Деревня Лодыжино (совр. написание Ладыжино) близ Тарусы; большую часть лета и начало сентября 1915 г. Бальмонт работал и отдыхал здесь в усадьбе маркизы М. Л. Кампанари.

[4] В июне были опубл. — *Бальмонт К.*. 1) Упрямец («В былое время аист приносил...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 21 июня. (№ 14917). С. 2; 2) Сосредоточие («Мне нравится спокойно говорить...») // Там же. 28 июня. (№ 14931). С. 2.

[5] Имеется в виду очерк «Народ — художник» (*БВ*. Утр. вып. 1915. 5 июля. (№ 14945). С. 3).

[6] Л. Е. Розинер, управляющий конторой журнала «Нива».

[7] Речь идет о возможной публикации собрания сочинений Бальмонта в виде приложения к журналу «Нива». Поэт просил содействия Измайлова как секретаря нескольких издательских проектов. Замысел не был осуществлен.

9

24 июня 1915 г., г. Таруса, Калужская губ.

Адр. для телеграмм: —
Таруса Кампанари Бальмонту.
Г. Таруса, Калужск⟨ая⟩ губ⟨ерния⟩
Им⟨ение⟩ Лодыжино,
Маркизы Кампанари
1915.VI. 24

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Шлю Вам три небольшие стихотворения и два больших размеров[1]. Простите, что оттиски бледны. Думаю всё же, что они разборчивы и опечаток не возникнет.

Прозу пошлю дня через 2—3[2]. Только что приехал в деревню. Места очень красивы. Ока, луга, леса, рожь в человеческий рост и выше. Но как всегда, вначале, после Юга и океана, сердце здесь сжимается. Много слез в нашей красоте.

Жму руку.

Преданный Вам

К. Бальмонт.

P. S. Почему «Бирж⟨евые⟩ в⟨едомости⟩» сняли Ропшина[3]? Это человек, заслуживающий внимания.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 10.

[1] Опубл. — *Бальмонт К.*. 1) Мед («Мне нравились веселые качели...) // *БВ*. Утр. вып. 1915. 12 июля. (№ 14959). С. 2; 2) Саморазвенчанный («Он был один, когда читал страницы...») // Там же. 19 июля. (№ 14973). С. 3; 3) Мед веков («Сперва я увидал, что мир есть песнопенье...») // Там же. 26 июля. (№ 14987). С. 3. См. также: примеч. 4 к п. 8.

[2] См. примеч. 5 к п. 8.

[3] Б. В. Савинков (псевд. В. Ропшин), прозаик, публицист, мемуарист, политический деятель. Корреспонденции Савинкова из Франции публиковались в «Биржевых ведомостях» с 3 марта по 3 июня 1915 г.; после 1 июня его сотрудничество с газетой прекратилось. См.. «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову // вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е. И. Гончаровой. СПб., 2009. С. 304, 309.

10

28 июня 1915 г., г. Таруса, Калужская губерния

Г. Таруса, Калуж⟨ская⟩ г⟨уберния⟩ им⟨ение⟩ Ладыжино
1915. VI. 28.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Посылаю Вам первый свой очерк, «Народ-художник»[1]. Мне трудно знать, угадал ли я в точности указанной Вами рамки размера. В следующем очерке это будет легче.

Если очерк пригодится, будьте добры послать мне 7 экз⟨емпляров⟩ того №, где он появится.

Жму руку.

Преданный Вам

К. Бальмонт.

Печатается по: РО РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 2. Л. 1.

[1] См. примеч. 5 к п. 8.

11
11 августа 1915 г., г. Таруса, Калужская губерния

Таруса, Калужск⟨ая⟩ губ⟨ерния⟩, им⟨ение⟩ Ладыжино.
1915. 11 августа.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Посылаю Вам два, только что написанные, сонета, кажущиеся мне подходящими к мигу[1]. Скорблю, что так редко меня печатаете.

На днях пошлю вам нечто в прозаической форме.

Жму Вашу руку.

Преданный Вам

К. Бальмонт

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 227 Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 1.

[1] В августе 1915 г. опубл.. *Бальмонт К.* Зерно («Двуликий знак, возьми зерно ржаное...» // *БВ.* Утр. вып. 1915. 23 авг. (№ 15043). С. 5.

12
2 сентября 1915 г., Саратов

Саратов. 1915. XI. 2.

Многоуважаемый и дорогой Александр Алексеевич,

Я в колесе, вращающемся весьма быстро. Посему до Саратова от града Невы лишь хотел написать Вам, и не мог. Шлю 5 сонетов пока[1]. Из Самары или Уфы, куда сегодня уезжаю, напишу Вам о своих впечатлениях от поездки (Тифлис, Кутаис, Вологда, Казань, Саратов — города, меня не только приветствовавшие шумно, но частию прямо венчавшие)[2]. В декабре вернусь в Питер.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

К. Бальмонт.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 12.

[1] В сентябре опубл. — *Бальмонт К.*. 1) Летопись листьев («Когда на медленных качелях...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 6 сент. (№ 15071). С. 2; 2) Служитель («В селе, заброшенном во глубине России...») // Там же. 14 сент. (№ 15087). С. 2; 3) Приговоренный («Высокий в достижениях народ...») // Там же. 20 сент. (№ 15099). С. 2.

[2] Подробнее о поездке Бальмонта см.. *Азадовский К. М., Дьяконова Е. М.* Бальмонт и Япония. М., 1991. С. 32.

13

26 сентября 1915 г., Москва

Москва. 1915. IX. 26

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Посылаю Вам 3 стих⟨отворения⟩[1]. Рассказы пошлю на днях из Тифлиса. Уезжаю туда до 10—11-го окт⟨ября⟩. 19-го буду в Питере. Это письмо принесет Вам мой сын, Ник⟨олай⟩ Конст⟨антинович⟩, студент[2]. Будьте добры распорядиться в конторе «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостей⟩» о выдаче ему из моего гонорара 60-и (шестидесяти рублей). И спасибо! Простите краткость письма. Уже весть ветер уносящий.

Жму Вашу руку.

Преданный Вам

К. Бальмонт

P. S. Рассказы пришлю непременно[3].

Печатается по: РО РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 2. Л. 2.

[1] В октябре — ноябре опубл. — *Бальмонт К.*: 1) Осень («Еще горит зеленый луг...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 1 окт. (№ 15121). С. 2; 2) Осенние листья: Призраки («Сожженные, замгленные, предельной страстью скручены...») // Там же. 4 окт. (№ 15127). С. 2; 3) Страннички: Венчание в стране лотоса («Когда нареченную...») // Там же. 21 окт. (№ 15161). С. 3; 4) Знакомый шум («Знакомый шум зардевшихся вершин...») // Там же. 1 нояб. (№ 15183). С. 2; 5) Микель-Анджело («Всклик „Кто как Бог" есть имя Михаила...») // Там же. 8 нояб. (№ 15197). С. 2; 6) Сонеты Солнца («Сонеты Солнца, меда и Луны...»)

// Там же. 15 нояб. (№ 15211). С. 2; 7) Гадание («В затишьи предрассветного досуга...») // Там же. 22 нояб. (№ 15225). С. 2; 8) Звездный витязь («Не бог, но самый сильный брат богов...») // Там же. 1915. 29 нояб. (№ 15239). С. 2.

[2] Н. К. Бальмонт, сын К. Д. Бальмонта от первого брака с Л. М. Гарелиной, поэт, пианист.

[3] Бальмонт несколько раз обещал прислать прозаические тексты для публикации в «Биржевых ведомостях», но, очевидно, эти обещания так и не были выполнены.

14

4 декабря 1915 г., Петроград

Град Невы. 1915. XII. 4.
В⟨асильевский⟩ о⟨стров⟩, 22 л⟨иния⟩, д. 5.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Посылаю Вам несколько стихотворений[1]. Те, что в корректурных листках, желательно было бы напечатать тотчас, — они из моей книги «Ясень»[2], которая должна выйти к Новому году.

На ближайшей неделе начну доставлять Вам маленькие, совсем маленькие рассказы — о моем путешествии по России, и что-то о Войне, что-то о нетленном[3].

Хочется свидеться с Вами. Каждый четверг меня наверно можно застать от 4-х до 7-ми. Но и в другие дни я всегда буду Вам рад.

Преданный Вам

К. Бальмонт

P. S. Сонеты «Лунный обелиск» неразъединимы[4].

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 13.

[1] В декабре опубл. — *Бальмонт К.*. 1) Доверие («Когда я думаю, что страшный лик уродца...») // *БВ*. Утр. вып. 1915. 13 дек. (№ 15267). С. 2; 2) Превозмогшая («Омыв свой лик, весь облик свой телесный...») // Там же. 25 дек. (№ 15290). С. 4.

[2] См.. *Бальмонт К.* Ясень: Видение древа. М., 1916. 238 с. Из опубликованных в «Биржевых ведомостях» в декабре стихотворений лишь «Превозмогшая» вошла в сборник «Ясень».

[3] Обещание исполнено не было.

[4] «Лунный обелиск» — цикл сонетов Бальмонта («Владычица» («Владычица великой тишины...»); «Обелиск» («Когда и шум, и рев, и вой, и крик, и писк...»); «Встреча» («Она приподнялась с своей постели...»); «Невеста» («Она стояла в платье подвенечном...»); «Венчанные» («Когда плывут над лугом луннозвоны...»); «Успокоенная» («Ненарушимые положены покровы...»)). Очевидно, сонеты были предоставлены для печати и Измайлов просил разрешения разбить цикл на несколько частей для удобства помещения в газете. Автор не дал согласия, сонеты не были опубликованы в «Биржевых ведомостях».

ПИСЬМА И. С. ШМЕЛЕВА (1914–1916)

Письма выдающегося прозаика XX в. Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) к Измайлову позволяют реконструировать отдельные эпизоды во взаимоотношениях ровесников — писателя и его критика, а также прояснить детали сотрудничества прозаика с «Биржевыми ведомостями».

В критических обзорах Александра Алексеевича имя Шмелева стало встречаться в 1910-е гг. По-видимому, впервые рецензент печатно откликнулся на творчество автора «Человека из ресторана» в своем обзоре книжных новинок в июльском номере журнала «Новое слово», отметив второй том рассказов прозаика. Тогда Измайлов писал: «Его замыслы — просты. Он хочет брать не оригинальностью положений, не ярким мазком, а медлительной гончаровской мелкой, добросовестной выпиской, мелким оттененным штрихом ⟨...⟩ Шмелев тяготеет к народу, к сынам народа, будь это купец, пробившийся из маленьких людей в заметные, будь это обитатели татарского улуса, молящиеся Аллаху. Шмелеву любопытно разобраться в простой психологии этих людей, открыто, немножко по-дикарски любящих, ясно воспринимающих жизнь и теряющихся, когда исчезает эта ясность»[1].

---

[1] *Измайлов А. А.* Хрестоматия новой литературы: «Новейшие рассказчики — Шмелев и Верхоустинский» // *НС*. 1912. № 7 С. 126—127

Весной 1913 г. Измайлов откликнулся на появление рассказа «Поденка». Высоко оценивая это произведение, опубликованное в первом номере литературно-политического журнала «Заветы» (1913. № 1. С. 113—154), критик дает характеристику и автору произведения, говоря о нем как о «сочном и красочном», «настоящем писательском таланте»[2].

В сентябре 1913 г., после прошедших в «Новом слове» заметок о Шмелеве, редакция журнала обратилась к прозаику с предложением о сотрудничестве. Впрочем, эта инициатива успеха не имела. В архиве одного из редакторов издания «Нового слова», М. М. Гаккебуша, в РО ИРЛИ сохранился ответ Шмелева от 26 сентября 1913 г.: «Письмо Ваше от 13 сент⟨ября⟩ получено мной через любезное посредство „Издат⟨ельства⟩ т⟨оварищест⟩ва писателей“. 25 сентября начал и замедлил ответить. Очень признателен многоуважаемой редакции „Биржевых ведомостей“ за внимание и любезное предложение, но, к великой досаде моей, *в этом году* я не могу дать рассказа для „Нов⟨ого⟩ сл⟨ова⟩“. Пишу я немного, что у меня было — отдал, а что придется сделать до конца года — должен предоставить редакциям, которым я дал слово раньше. Прошу верить, что, выполнив уже обещанное, постараюсь быть полезным и журналу „Новое слово“»[3]. В конце 1914 г. с предложением о сотрудничестве выступил Измайлов, в то время пользовавшийся в литературных кругах авторитетом и привлекший к изданию многих выдающихся писателей начала века. Результатом его обращения стала публикация шмелевского рассказа «Гости» в рождественском выпуске «Биржевых ведомостей»[4]. С этого времени началось не слишком интенсивное, продолжавшееся в течение 1915 г., сотрудничество автора с петербургской газетой. Здесь были помещены его рассказы «Слепые», «Веселый», очерк «У плакучих берез: (Памяти павшего

[2] *Измайлов А. А.* Хрестоматия новой литературы: «„Буржуи“ и ищущие»: („Поденка“ И. Шмелева)» // *НС*. 1913. № 4. С. 119.

[3] РО ИРЛИ. Ф. 549. Ед. хр. 78. Л. 1.

[4] *БВ*. Утр. вып. 1914. 25 дек. (№ 14575). С. 6.

в бою Е. Е. Пиуновского)», интервью «Что я хотел сказать своей пьесой „На паях“».

Переписка с Измайловым в основном была связана с указанными выше публикациями: речь заходила о гонорарах, в письмах звучали обещания и просьбы прислать произведение к определенному сроку. Также корреспонденты обсуждали статью, посвященную Ивану Сергеевичу, которую Измайлов готовил для публикации в «Биржевых ведомостях»[5]. В этом большом фельетоне дана высокая оценка творчества Шмелева, приведены важные биографические сведения. Измайлов выделяет «Гражданина Уклейкина», а об «удивительной повести» «Человек из ресторана» пишет: «Нигде ранее, как здесь, Шмелев не выказал с такой силой настоящий, крупный талант, свежий, колоритный, глубоко ввинчивающийся в жизнь. Талант всегда — фокус увеличительного стекла, сосредоточивающий в себе лучи современности. Он может сам не отдавать себе отчета, но хватает из жизни именно то, что для нее сейчас центрально, самое главное, самое важное»[6]. Шмелев отозвался на выход статьи большим письмом исповедального характера, горячо благодарил Измайлова и сообщал немало личных сведений[7].

В декабрьской (того же года) статье «Новые рассказы Бунина, Шмелева, Тренева» критик отводит не так много места творчеству Шмелева, в то же время он высоко оценивает мастерство прозаика и помещает его рассказы и повести в один ряд с произведениями таких современников, как К. Тренев, И. Бунин, Б. Зайцев, Н. Тимковский, И. Сургучев[8].

В нескольких письмах 1915—1916 гг. Шмелев высказывает провидческое беспокойство о сыне, который был призван в армию

[5] *Измайлов А.* Темы и парадоксы: Иван Шмелев // *БВ.* Утр. вып. 1915. 19 окт. (№15157). С. 2. Черновые наброски статьи о Шмелеве сохранились в архиве Измайлова в РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 24, 25.

[6] *Измайлов А.* Темы и парадоксы: Иван Шмелев. С. 2.

[7] См. в наст. разделе п. 11.

[8] *Измайлов А. А.* Новые рассказы Бунина, Шмелева, Тренева // *БВ.* Утр. вып. 1915. 7 дек. (№ 15255). С. 2.

и отправлен на фронт[9]; жалуется на расстроившееся здоровье, материальные тяготы. В 1916 г. корреспонденты обменялись лишь немногими письмами; после перехода Измайлова в «Петроградский листок» в апреле переписка прервалась.

Известные нам 17 писем Шмелева к Измайлову публикуются по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374, Ф. 649. Оп. 4. Ед. хр. 226 (13 п.); ОР РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 26 (2 п.); РГАЛИ. Ф. 227. Оп. 3. Ед. хр. 35 (2 п.). Письма Измайлова, по-видимому, утрачены.

[9] Во время войны Сергей Шмелев заболел туберкулезом; в 1921 г. был расстрелян большевиками.

1

24 ноября 1914 г., Москва

24 ноября 1914 г.
Москва, Коровий 4-й пер. д. 8, кв. 25.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Очень признателен Вам и редакции «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩» за предложение и буду рад, если удастся предложить редакции рассказ. Очень постараюсь, но смогу ли сделать его в ближайшее время — затрудняюсь сказать. Запутался в работе, душа не лежит, да и не умею быстро отзываться, а события замотали голову. С горем пополам даю очерки «Сев⟨ерным⟩ зап⟨искам⟩» — «Суровые дни», а больше и ничего[1]. А предложений много. Но я помню свое обещание (в пр⟨ошлом⟩ году)[2] и напрягу внимание. Фельетонов никогда не писал, не умею. И если предложу, то что-ниб⟨удь⟩ в виде очерков.

Условие? «Киевская мысль» и «Речь» платили мне 40 к. строчка[3]. Эту расценку я и просил бы оставить.

Примите уверение в совершенном уважении к Вам.

Ив. Шмелев.
(Ив⟨ан⟩ Серг⟨еевич⟩)

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374. Л. 1—1 об.

[1] Цикл очерков Шмелева «Суровые дни» публиковался в журнале «Северные записки» в 1914 и 1915 гг.; включен в т. VII собрания сочинений Шмелева (1916 г.), выходившего в Книгоиздательстве писателей в Москве.

[2] См. письмо Шмелева от 26 сентября 1913 г. к М. М. Гаккебушу во вступ. ст.

[3] В газете «Речь» Шмелев сотрудничал в 1911—1915 гг.; в «Киевской мысли» опубликовал несколько рассказов в 1914—1915 гг. См. подробнее по указателю в книге:

Иван Сергеевич Шмелев: Библиография / коллектив авторов, сост. Д. М. Шаховской. Paris, 1980. 128 с.

2

11 декабря 1914 г., Москва

11 декабря 1914 г.
Москва, Коровий 4-й пер. д. 8, кв. 25.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Рассказ выписался, и я рад послать его Вам для «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩»[1]. Немножко невесел он, но ничего не поделаешь. Очень прошу, не откажите, если это от Вас зависит, поручить его корректуру особой заботливости, чтобы не было пропусков и искажений, что бывает в суетной спешке. Время тесное, и я, конечно, не рассчитываю получить корректуру — не обернешься. Очень прошу.

Если почему-либо не приглянется или какие препятствия, немедленно прикажите вернуть рукопись. Если пойдет, не откажите выслать мне, до подсчета, р⟨у⟩б⟨лей⟩ 150—200. Прошу еще, если это принято в «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостях⟩», высылать мне газеты. Стыдно сказать — я никогда не читал «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩» — москвич!

Простите за такую массу просьб и «если». Скажу прямо — рад был, что получил возможность ответить на Ваше любезное приглашение.

Искренно уважающий Вас

Ив. Шмелев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374. Л. 3—3 об.

[1] Имеется в виду опубликованный в «Биржевых ведомостях» рассказ «Гости» (Утр. вып. 1914. 25 дек. (№ 14575). С. 6).

3

1 января 1915 г., Москва

1 янв⟨аря⟩ 1915.
Москва, Коровий 4-й пер. д. 8, кв. 25.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

В Москве мне не удалось захватить ни одного № «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩» от 25 дек⟨абря⟩[1]. Очень прошу, не можете ли сделать распоряжение, чтобы мне контора внесла деньги и № 3—5 газеты. Простите, пожалуйста, за беспокойство.

Искренно Вас уважающий

Ив. Шмелев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374. Л. 5.

[1] См. примеч. 1 к п. 2.

4

21 февраля 1915 г., Москва

21 февр⟨аля⟩ 1915 г.
Москва. 4 Коров⟨ий⟩ п⟨ереулок⟩, д. 8. кв. 25.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Буду очень стараться дать рассказ. Выйдет ли, — вот вопрос.

Коротенький-то не пробовал писать — трудная эта вещь. Но постараюсь, к 17—18 марта[1].

Искренно уважающий Вас

Ив. Шмелев.

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 26. Л. 2. На почтовой карточке.

[1] Речь идет о подготовке к публикации рассказа «Слепые» (*БВ*. Утр. вып. 1915. 22 марта. (№ 14741). С. 4).

5

12 марта 1915 г., Москва

12 марта 1915 г.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Постараюсь очерк выслать 17-го. 18-го должен попасть в редакцию. Строк 250—300[1].

Ваш Ив. Шмелев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 4. Ед. хр. 226. Л. 1. На почтовой карточке.

[1] См. примеч. 1 к п. 4.

6

11 июня 1915 г., с. Братовщина, Московская губ.

11 июня 1915 г.
Платф⟨орма⟩ Братовщина,
Северн⟨ая⟩ дор⟨ога⟩ село Братовщина, д⟨ом⟩ Грызунова.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Вот уже два месяца с лишком не работаю, нет духа. И не в бою, а разбитость большая. Не время искусства теперь, и жалко всё, что выдавливается силой. Пусто, куда ни поглядишь. Всё собирался продолжать начатое — очерки «Суровые дни» («Сев⟨ерные⟩ записки»), и теребили меня из редакции продолжать, и эта работа — единственная, к чему лежит душа, на что я могу решиться, что может б⟨ыть⟩ оправдано совестью, в чем не покривишь. Постараюсь дать очерк из этого житейского круга — описание войны на местах. На днях буду работать. А рассказы с фабулой... Бог с ними.

Если работа заладится, пришлю к 22—25 июня. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, и два очерка будет[1].

Позвольте сердечно сказать Вам — спасибо, чуткий Вы человек, за внимание. И не судите строго за бессилие в эту пору, когда никаких концов не сыщешь.

Искренно Вас уважающий

Ив. Шмелев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374. Л. 6—6 об.

[1] К указанному сроку очерки представлены не были. См. п. 7

7

12 августа 1915 г., Москва

Москва, М⟨алая⟩ Полянка, д. 7, кв. 7.
12/VIII 1915 г.

Многоуважаемый

Простите, что замедлил прислать обещанный очерк: разболелись глаза, два месяца я не мог ни читать, ни писать. И теперь страдаю.

Очень прошу, если очерк не покажется длинным, выслать гонорар. Всё лето не работал. Или переслать очерк. Есть у меня мечта печатать его[1].

Всего доброго

Искренно уважающий Вас

Ив. Шмелев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374. Л. 7—7 об.

[1] Подразумевается: *Шмелев И.* У плакучих берез: (Памяти павшего в бою Е. Е. Пиуновского) // *БВ*. Утр. вып. 1915. 23 авг. (№ 15043). С. 2—3.

8

6 октября 1915 г., Москва

6 окт⟨ября⟩ 1915 г.
Москва, М⟨алая⟩ Полянка, д. 7. кв. 7

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Если справлюсь — в ближайшем времени предложу небольшой очерк. Трудно теперь писать стало: Ваше внимание к моей работе мне дорого, и я с истинным удовольствием прошу Вас принять моего «Человека из ресторана» в воспоминание нашего заочного знакомства[1].

Ваше желание написать обо мне — прямо скажу — меня тронуло. Всегда интересно узнать, что думают о твоих работах. А если и хорошо еще думают, — так это еще и подбодряет. Приятно поглядеться в хорошее зеркало. Не мешает иногда побывать и у опытного врача.

Только меня смущает, — да нужны ли биографич⟨еские⟩ данные? Некрологом пахнет. Мне кажется, что и право *особенное* нужно иметь литератору на это. А мне жутко. Я до сего времени каюсь, что имел неосмотрительность высказать кое-что о себе Львову-Рогачевскому. Потом со стесненным сердцем читал в его статье[2] о себе и испытывал такое чувство, будто меня выводили пред публикой в домашнем платье и показывали пальцем — а вот брюки, а вот тут носовой платок, а эти сапоги он купил за 7 целковых. Жуть. Больше я никому не давал сведений о себе. Впрочем, посылал С. А. Венгерову на его запрос — для словаря[3].

Воля Ваша, если найдете нужным это — покорюсь. Биографич⟨еские⟩ сведения сообщены у Львова-Рог⟨ачевского⟩ в книге его — «Снова накануне», изд⟨ание⟩ Книг⟨оиздательства⟩ писателей. Приблизительно верные. Пишу я с 1906 года, если не считать гимназического рассказа «У мельницы», «Русское обозрение», июнь 1895 г.[4] и книжки «На скалах Валаама»[5]. С 1896 года я не писал ни строчки. Замер. Это был какой-то привал — переживание.

Позвольте пожелать Вам всего лучшего.
Искренно Вас уважающий

Ив. Шмелев

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374. Л. 8—9 об.

[1] Повесть Шмелева была опубликована в третьем томе собрания сочинений, выходившем в издательстве «Знание»: *Шмелев И. С.* Рассказы: Т. 3: [Человек из ресторана; Патока]. СПб.: Знание, 1912. [4], 231 с.

[2] В. Львов-Рогачевский, литературный критик, публицист, историк литературы. Подразумевается глава «Художник обездоленных: (Ив. Шмелев)» в книге: *Львов-Рогачевский В. Л.* Снова накануне: Сборник критических статей и заметок. М.. Кн-во писателей в Москве, 1913. С. 190—202. В статье помимо критического обзора произведений Шмелева приводятся биографические и библиографические сведения.

[3] Автобиография И. Шмелева сохранилась в архиве С. А. Венгерова. См.. РО ИРЛИ. Ф. 377 Оп. 7 Ед. хр. 3927

[4] См.. *Шмелев И.* У мельницы // Русское обозрение. 1895. № 7 С. 353—373.

[5] Книга Шмелева «На скалах Валаама: (Путевые очерки)» вышла отдельным изданием в Москве в 1897 г.

9

6 октября 1915 г., Москва

6 окт⟨ября⟩ 1915

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Забыл упомянуть в письме. Очень прошу, нельзя ли высылать мне, как сотруднику, «Биржевые ведомости». Многое в них, слышу, быв⟨ает⟩ интересно. В Москве мне доставать трудно, и подписывать будто и грешно. Так и «Речь», и «Киев⟨ские⟩ мысли» получаю[1].

Ваш Ив. Шмелев.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 227 Оп. 3. Ед. хр. 35. Л. 1. На почтовой карточке.

[1] Шмелев сотрудничал в этих изданиях. См. примеч. 3 к п. 1.

10

16 октября 1915 г., Москва

16 окт⟨ября⟩ 1915 г.
Москва, М⟨алая⟩ Полянка, д. 7, кв. 7.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Не откажите в Вашем добром содействии доброму почину. От группы товарищей (И. А. Белоусова, А. Серафимовича и Н. Д. Телешова) покорнейшая просьба перепечатать в «Бирж⟨евых⟩ вед⟨омостях⟩» письмо-призыв на образование фонда имени покойного Д. И. Тихомирова. Письмо напечатано в 25 № «Русских вед⟨омостей⟩» 6 стран⟨ица⟩ от 16 окт⟨ября⟩[1].

С искренним уважением

Ив. Шмелев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374. Л. 10. На почтовой карточке со штампом «Книгоиздательство писателей в Москве». Штамп зачеркнут.

[1] Подразумевается следующее письмо: «Среди сотрудников журнала „Юная Россия" („Детское чтение"), бывших в редакции на первой панихиде по скончавшемся Д. И. Тихомирове, возникла мысль вместо возложения на гроб венка почтить память покойного делом, близким по духу полувековой просветительской деятельности Д. И. (примерно, учреждением стипендии его имени, фонда на дело помощи народным учителям или др.). Ввиду этого мы обращаемся к сотрудникам „Юной России" и „Педагогического листка" и ко всем почитателям памяти Д. И., сочувствующим намечаемой цели, с предложением принять участие в создании фонда, назначение которого определится как его размером, так и пожеланием участников. Взносы просим направлять в редакцию „Русских ведомостей" (Чернышевский, 7) или в редакцию „Юной России" (Б. Молчановка, 18). Покорнейшая просьба к столичным и иногородним газетам и журналам перепечатать настоящее письмо» (*Белоусов И. А., Серафимович А., Серополко С. О., Телешов Н. Д., Шмелев И. С.* Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1915. 16 окт. (№ 237). С. 6). В «Биржевых ведомостях» заметка не была опубликована.

11

24 октября 1915 г., Москва

24 окт⟨ября⟩ 1915 г.
Москва, М⟨алая⟩ Полянка д. 7. кв. 7

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

От души скажу Вам спасибо за доброе слово[1]. Дорого слышать отзыв неведомого читателя, привет неизвестного, к⟨ото⟩рый отзовется нежданно-негаданно. Такие бывали. И я храню эти приветы, — иногда написанные на лоскутке оберточной бумаги, на блокноте, нервно оторванном, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, в тот момент, когда тронуло чтение, — иногда на очень изящной бумажке, на к⟨ото⟩рой чаще всего пишутся (вообще, не мне) признания. Приятно прочитать благоприятное мнение и в журнальной статье. Но еще более приятно в большой газете. Ведь тут масса, читатель оптовый, — мож⟨но⟩ ск⟨а⟩з⟨а⟩ть, самый дорогой читатель. Из сотни тысяч, — а их больше, конечно, — тут столько ценнейших душ, к⟨ото⟩рые толстый-то журнал и в руках не держали. Дорого сознавать, что, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, многие и не знали тебя, а теперь прикоснутся. А ведь пишешь-то как-никак для людей. Ведь перед пустым залом никому говорить не захочется. И спасибо вам, прямо и откровенно скажу, — спасибо.

Не принято благодарить критиков. Но что же поделаешь, ког⟨да⟩ хочется сказать, что да, приятно, радостно, хорошо. Да, наконец, оглянешься на пройденную дорогу, посмотришь на свои книжки... Что-нибудь да ведь сделано. Не из-под палки, не из каких-то там соображений. А как дело твоей жизни, как тебе на роду написано, как совесть и всё твое внутреннее сказало. Так отчего же и не порадоваться дорогому слову, ког⟨да⟩ черного за собой в своей работе не знаешь. Так и примите мою признательность, сказанную от души.

У меня не сохранилось черновика от материала, посланного Венгерову. Я писал, помню, кратко, как письмо[2].

Скажу только, что после р⟨асска⟩за «У мельницы» я написал в том же году (1895)[3] «Путевые очерки» — «На скалах Валаама», издал их книжкой, урезанной по распоряжению К. Победон⟨осцева⟩[4]. Засим ровно 10 лет я не писал ни строчки вплоть до 1905 г., когда осенью *начал* свою, продолжающуюся д⟨о⟩ с⟨ей⟩ п⟨оры⟩ работу над детским р⟨асска⟩зом «К солнцу»[5]. За эти 10 лет (работы) написал более 30 листов р⟨асска⟩зов для юношества, изд⟨анных⟩ в 16 отд⟨ельных⟩ книжках и книжицах — повести и р⟨асска⟩зы[6]. Многие одобряли и начинают меня одобрять на старость. А это надо, ибо здоровье плохо. Да, много надо было работать. Вот эти-то детские р⟨асска⟩зы мне и помогали не разбрасываться и без дерганья работать в журналах. Через толстые журналы я провел большинство р⟨асска⟩зов.

«Распад», «Гражд⟨анин⟩ Укл⟨ейкин⟩», «В норе» — «Русская мысль»[7]. «Человек из ресторана» и «Под горами» — «Знание»[8]. «Под небом» и «Друзья» — «Русск⟨ое⟩ бог⟨атство⟩»[9] — «Рус⟨ские⟩ зап⟨иски⟩»[10]. «Виноград» — «Сев⟨ерные⟩ зап⟨иски⟩»[11]. «Поденка» — «Заветы»[12]. «Стена», «Волчий перекат», «Патока» — «Совр⟨еменный⟩ мир»[13]. *«Рóзстани»* (моя любимая работа) и «Поездка» — *сб⟨орник⟩ «Слово»*[14]. «Пугливая тишина» — сб⟨орник⟩ Петерб⟨ургского⟩ т⟨оварищест⟩ва писателей[15]. «Ив⟨ан⟩ Кузьмич» — «Журнал для всех» (Миролюбов)[16]. Прочие рассказы — газеты — «Речь», «Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩», «Киевская мысль»[17]. Если прибавить еще «Русск⟨ие⟩ вед⟨омости⟩» (2 оч⟨ерковые⟩ записки)[18] и журнал Белоусова[19] — «Н⟨аш⟩ журнал»[20] — вот все органы, где я работал. А детские — «Юная Россия» Тихом⟨ирова⟩[21], «Родник»[22] и больше ничего.

Выступил я в трудную пору, когда царил и громко заявлял о себе модернизм. Тогда жутко было входить под ручку с Уклейкиным[23]. Пахло нехорошо. Иначе я не мог — и пошел. И не убили! М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, этим временем объясняется, что гробовым молчанием меня приняли. Впрочем, Ю. Айхенвальд приветствовал меня лично, как завед⟨ующий⟩ в то время литер⟨атурным⟩ отд⟨елом⟩ «Рус⟨ской⟩ мысли»[24]. Потом, после он не сказал ни слова.

Но мне сказал доброе и крепко задушевное слово, — уже умиравший Альбов — прислал письмо. Это был крик, слезы, — его давила кошмаром «вонь», к⟨ото⟩рую он различал в нов⟨ых⟩ течениях. Он писал мне: «размахнитесь скорей! Вы можете!»[25] Но я не знаю, как и чем я мог бы «размахнуться». Я тихо писал и буду продолжать, как сумею. Да еще Горький[26].

Мой «Человек ⟨из ресторана⟩» прошел соверш⟨енно⟩ незамеченным толстыми журналами, хотя все они потом говорили об его успехе, будто они этому способствовали. Впрочем, «Вест⟨ник⟩ Евр⟨опы⟩», единств⟨енный⟩ журн⟨ал⟩, в котором я не напечатал ни строчки, — меня не просили, и сам я никогда никуда не просился, исключая первые посылы в «Рус⟨скую⟩ мысль» — «В⟨естник⟩ Евр⟨опы⟩» дал обо мне статью, кажется, в февр⟨але⟩ или марте 1914 г.[27] Да Льв⟨ов⟩-Рогач⟨евский⟩ в «Совр⟨еменном⟩ мире»[28]. А то так больше — короткие отзывы о выходе книг. Как о детск⟨ом⟩ писателе обо мне говорили больше. Здесь я прочно стоял. От детей и народн⟨ых⟩ учителей у меня есть памятки. Видите, почему я так радостно говорю Вам — крепкое спасибо. Иногда задумаешься, и полезет из души осадок. Вот почему и расписался. Но я не имею права сетовать на судьбу. В моей судьбе почти не было терний литераторских. Меня мало привечали, но мне и не отказывали никогда. Теперь же и совсем хорошо. Только надо работать. А вот здоровье плохо. И болят глаза.

Рассказ и в 300 стр⟨ок⟩ постараюсь прислать к 16—18 декабря — лишь бы вышел[29]. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, и еще очерк мал⟨енький⟩ напишу. Надо бы покрупнее что начать (и нечего), да и время беспокойное, и многое другое.

Крепко жму Вашу руку.

Искренно уважающий

Ив. Шмелев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374. Л. 11—12.

[1] Шмелев благодарит Измайлова за отзыв, см.. *Измайлов А.* Темы и парадоксы: Иван Шмелев // *БВ*. Утр. вып. 1915. 19 окт. (№ 15157). С. 2.

[2] См. примеч. 3 к п. 8.

[3] См. примеч. 4 к п 8.

[4] См. примеч. 5 к п 8.

[5] См.. *Шмелев И.* К солнцу: рассказ. М., журн. «Юная Россия», 1917 32 с. (Дешевая библиотека для семьи и школы).

[6] Подробнее см.: Иван Сергеевич Шмелев: Библиография. Paris, 1980.

[7] См.. *Шмелев И.*. 1) Распад: Из воспоминаний приятеля // Русская мысль. 1907 № 8. С. 31—63; № 9. С. 110—155; 2) Гражданин Уклейкин: Повесть // Там же. 1908. № 5. С. 1—47; № 6. С. 1—42; 3) В норе: Повесть // 1909. № 6. С. 4—45.

[8] См.. *Шмелев И.*. 1) Под горами: Повесть // Сборник товарищества «Знание» за 1910 год. СПб., 1910. № 31. 110 с.; 2) Человек из ресторана // Сборник товарищества «Знание» за 1911 год. СПб., 1911. № 36. 174 с.

[9] См.. *Шмелев И.* Под небом // Русское богатство. 1910. № 3. С. 13—49.

[10] См.. *Шмелев И.* Друзья // Русские записки. 1915. № 3. С. 167—186.

[11] См.. *Шмелев И.* Виноград // Северные записки. 1913. № 10. С. 7—46.

[12] См.. *Шмелев И.* Поденка // Заветы. 1913. № 1. С. 113—154.

[13] См.: *Шмелев И.*: 1) Патока // Современный мир. 1911. № 12. С. 81—108; 2) Стена: Повесть // Там же. 1912. № 11. С. 41—80; № 12. С. 19—68; 3) Волчий перекат // Там же. 1913. № 12. С. 1—29.

[14] См.. *Шмелев И.*. 1) Розстани // Слово. М.. Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. № 1. С. 37—126; 2) Поездка // Там же. 1914. № 3. С. 153—215.

[15] См.. *Шмелев И.* Пугливая тишина // Издательское товарищество писателей: Сб. 1. СПб., 1912. С. 101—142.

[16] Шмелев ошибочно указывает место публикации рассказа. «Журнал для всех» — ежемесячный иллюстрированный научно-популярный и литературный журнал; издавался в Петербурге с 1895 по 1906 гг.; редактором журнала с 1898 г. был В. С. Миролюбов. Повесть «Иван Кузьмич» опубликована в журнале «Трудовой путь», редактором которого также был В. С. Миролюбов (1907. № 12. С. 19—32).

[17] Подробнее см. по указ.. Иван Сергеевич Шмелев: Библиография. Paris, 1980.

[18] См.. *Шмелев И.*: 1) В милой Полесовке: Очерк // Русские ведомости. 1908. 23 нояб. (№ 272). С. 6; 2) Комары: Очерк // Там же. 1910. 18 апр. № 89. С. 2—3.

[19] Белоусов Иван Алексеевич — русский поэт-самоучка, писатель для детей и переводчик с украинского и белорусского языков. Один из руководителей «Суриковского литературно-музыкального кружка». Издавал журналы «Путь» и «Наш журнал».

[20] «Наш журнал» — художественно-литературный и общественно-политический журнал, выходил с 1910 г. по июль 1911 г. См.. *Шмелев И.*: 1) Переживания // Наш журнал. 1911. № 1. С. 1—14; 2) На том берегу // Там же. 1911. № 7 С. 5—18.

[21] «Юная Россия» — ежемесячный иллюстрированный журнал для семьи и школы (М., 1906—1916), ред. Д. И. Тихомиров. Шмелев активно сотрудничал в журнале на протяжении всего времени его существования. См. подробнее по указателю: Иван Сергеевич Шмелев: Библиография. Paris, 1980.

[22] «Родник» — иллюстрированный журнал для детей (1882—1916). См.. *Шмелев И.*. 1) На морском берегу // Родник. 1910. № 3. С. 299—354; 2) Рваный барин: Из воспоминаний моего приятеля // Там же. 1911. № 5. С. 483—517; № 6. С. 597—629.

[23] Имеется в виду повесть Шмелева «Гражданин Уклейкин». Впервые: Русская мысль. 1908. № 5. С. 1—47; № 6. С. 1—42.

[24] Ю. И. Айхенвальд, литературный критик, был театральным обозревателем, в 1907—1908 гг. заведующим беллетристическим отделом «Русской мысли». Именно Айхенвальдом был принят в «Русскую мысль» ряд произведений Шмелева: очерк «По спешному делу» (Русская мысль. 1907 № 6), «Распад: Из воспоминаний приятеля» (Там же. 1907 № 8, 9), «Гражданин Уклейкин» (Там же. 1908. № 5, 6).

[25] М. Н. Альбов, прозаик. В письме к Шмелеву от 28 октября 1908 г. М. Н. Альбов, характеризуя произведения писателя 1906—1907 гг., отметил их психологизм и способность молодого автора к яркой обрисовке «физиономии быта». «Я вижу в Вас недюжинную силу, — писал Альбов, — которая должна проявиться во всем своем размахе, и дай Бог, чтобы это сбылось поскорее. Наша литература до того засорена и загажена всеми этими декадентами, модернистами, сексуалистами и прочею модною сволочью, что от всеми ими напущенной вони становится прямо-таки трудно дышать, и требуется скорее, как можно скорее — свежего воздуха!» (НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 9. Ед. хр. 28. Л. 4). Письмо Шмелева к Альбову от 21 августа 1908 г. с просьбой об отзыве см.. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 1585.

[26] М. Горький высоко оценивал творчество Шмелева, ряд его рассказов был опубликован в сборниках товарищества «Знание». Об их взаимоотношениях см. справку: *Горький*. Т. 8. С. 589. В первом письме к Шмелеву от 22 января 1910 г. Горький отмечал: «Из Ваших рассказов я читал „Уклейкина“, „В норе“, „Распад“, — эти вещи внушили мне представление о Вас как о человеке даровитом и серьезном. Во всех трех рассказах чувствовалась здоровая, приятно волнующая читателя нервозность, в языке были „свои слова“, простые и красивые, и всюду звучало драгоценное, наше русское, юное недовольство жизнью. Всё это очень заметно и славно выделило Вас в памяти моего сердца — сердца читателя, влюбленного в литературу, — из десятков современных беллетристов, людей без лица» (Там же. С. 19—20).

[27] Речь идет об отклике: *Коробка Н.* И. С. Шмелев // Вестник Европы. 1914. № 3. С. 339.

[28] В. Львов-Рогачевский посвятил творчеству Шмелева целую серию статей в периодических изданиях; см.. *Львов-Рогачевский В.*: 1) Писатель в ресторане и «Человек из ресторана» // Живое слово. 1911. № 10. С. 2; 2) XXXVI сборник тов-ва «Знание»: Рассказы Ив. Шмелева // Современный мир. 1911. № 10. С. 334—335; 3) Художник обездоленных. // Современный мир. 1912. № 11. С. 308—320; 4) Издательское товарищество писателей: Сб. 1 // Современный мир. 1912. № 3. С. 327—328; 5) Ив. Шмелев: Рассказы // Современный мир. 1912. № 5. С. 311—313 и др. См. также статью о Шмелеве в сборнике «Снова накануне» (подробнее см. примеч. 2 к п. 8).

[29] Шмелев сообщает о подготовке рассказа «Веселый», который был опубликован в рождественском выпуске «Биржевых ведомостей» (Утр. вып. 1915. 25 дек. (№ 15290). С. 2).

12
9 декабря 1915 г., Москва

9/XII 1915. Москва

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

У самого камнем на душе давит, удел мой горький работать к сроку. А нельзя не работать. И болен, и сын в войска определился единый[1], и самого жизнь дробит — мысли не соберешь. Очень тяжело. Но буду стараться. К 19 должен прислать, краткий срок. Сейчас в голове зерна нет, а как только оно появится — всё будет.

Всего доброго.

Ваш Ив. Шмелев

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 309. Ед. хр. 26. Л. 1. На почтовой карточке.

[1] Речь идет о единственном сыне писателя Сергее Шмелеве. За участие в белом движении расстрелян близ Феодосии в январе 1921 г.

13
17 декабря 1915 г., Москва

17 дек. 1915 г.
Москва, М⟨алая⟩ Полянка 7 кв. 7.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Ну что хотите со мной делайте — не мог попасть в мерку. Набросок давать не хочется, не могу. И тут нежданно рассказ выкатился. О нем меньше всего думал. Как хотите. Нельзя в Рожд⟨ественский номер⟩ пустить — оставьте на после или верните. Жаль будет, если не пойдет в Рожд⟨ественский⟩. Я бы его «Речи» отдал[1]. Не попаду в мерку. Это хитрая штука — 300 стр⟨ок⟩. Рассказ веселый, будто. По душе писался.

Очень буду просить — прикажите переслать денег, хоть по телеграфу за мой счет, если можно. Скверно болен, д⟨олжно⟩ б⟨ыть⟩ —

она, злая. Слабость и всё. Боюсь, что не успею дать на 300 стр⟨ок⟩ и потому посылаю этот. Время-то тесное. И для меня было бы лучше — для «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩» написать 300 стр⟨ок⟩, а этот — «Речи». Но не успею. Ну, всего Вам счастливого и радостного. Не упрекайте, ей-ей не из-за заработка. Всегда бы мог его и другому изданию отослать.

Ваш Ив. Шмелев.

Рассказ *«Веселый»* — высылаю, уже переписан[2].

И. Ш⟨мелев⟩

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374. Л. 13—14.

[1] Шмелев сотрудничал в издании. См. примеч. 3 к п. 1.

[2] В рождественском выпуске «Биржевых ведомостей» был опубликован рассказ Шмелева «Веселый» (Утр. вып. 1915. 25 дек. (№ 15290). С. 2); в «Речи» — рассказ «Три часа» (1915. 25 дек. (№ 355). С. 5—6).

14

4 февраля 1916 г., Москва

4 февр⟨аля⟩ 1916.
Москва, М⟨алая⟩ Полянка 7, кв. 7

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Не откажите в просьбе. Пожалуйста, нельзя ли распорядиться, чтобы контора «Б⟨иржевых⟩ в⟨едомостей⟩» выслала мне 1—2 экз⟨емпляра⟩ № от 23 авг⟨уста⟩ 1915 г. с моим очерком — «У плакучих берез». Мне на днях придется участв⟨овать⟩ в вечере в пользу семьи погибшего на войне товарища. Хочу читать этот элегич⟨еский⟩ очерк[1]. Крепко жму руку.

Ваш Ив. Шмелев.

А у меня не сохранился №.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 227 Оп. 3. Ед. хр. 35. Л. 2. На почтовой карточке.

[1] Очерк «У плакучих берез» посвящался «памяти павшего в бою Е. Е. Пиуновского» (*БВ*. Утр. вып. 1915. 23 авг. (№ 15043). С. 2—3). См. п. 7

15

20 февраля 1916 г.

20 февр⟨аля⟩ 1916 г.
Москва, М⟨алая⟩ Полянка, д. 7, кв. 7.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Ради Бога простите, что помедлил ответить. Был в работе да еще совсем разбился здоровьем, нервная усталость, всякая гадость. Всё во мне спутано, всё тошно. Сын на военной службе, один у меня он[1], а тут еще предстоит тяжелое испытание — переосвидетельствование (я б⟨ывший⟩ прапорщик в отставке по болезни). На ближайших неделях вырешится моя участь: надо бы лечь лечиться — я на человека не похож, а ехать — как тут ехать? А еще и работать надо. Уж и не знаю, дорогой А⟨лександр⟩ А⟨лексеевич⟩, как я и что смогу написать для Пасхи. Если буду свободен, так постараюсь хоть оч⟨ень⟩ небольшое. Только закончил работу на 2 ½ л⟨иста⟩ для «Слова»[2]. Исстрадался и весь в сомнениях. Темная вышла работа. Это ужасно, когда надо жить работой. Это ужасно, дорогой. Простите, высказал больше.

Кого бы я мог порекомендовать из талантливых новых? Да никого у меня на виду нет. Вот Никандров[3]. Талантливый человек, а работает мало. Я, если позволите, передам ему — пусть заставит себя. Хороший, милый он человек. Должен работать.

Крепко жму руку.

Весь Ваш

Ив. Шмелев.

Спасибо, газету с очерком получил вовремя.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374. Л. 15—16.

[1] См. п. 12.

[2] См.. *Шмелев И.* Лик скрытый // Слово. М.. Книгоиздательство писателей в Москве, 1916. № 6. С. 241—297

[3] Н. Н. Никандров (наст. фам. Шевцов Николай Никандрович), беллетрист, начал печататься с 1903 г.; первый сборник рассказов «Береговой ветер» вышел в 1915 г.

16

28 февраля 1916 г., Москва

28 февр⟨аля⟩ 1916
Москва, М⟨а⟩л⟨ая⟩ Полянка, 7, кв. 7.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Если всё будет обстоять благоприятно — не расхвораюсь, не призовут в войска (21 марта меня будут повторно свидет⟨ельствовать⟩) — постараюсь прислать очерк. Ваше письмо[1] переслал Н⟨икандро⟩ву[2]. Крепко жму руку и желаю добра и здоровья. Написал для «Слова» рассказ «Лик скрытый». Боюсь, что не хватило нервной силы. Тема важная, а я дал эскизно. Но я еще, буде не сдохну, — вернусь к ней.

Ваш Ив. Шмелев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374. Л. 17

[1] О каком письме идет речь, неизвестно.

[2] См. примеч. 3 к п. 15.

17

4 апреля 1916 г., Москва

4 апр⟨еля⟩ 1916 г.
Москва, М⟨а⟩л⟨ая⟩ Полянка, 7, кв. 7.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Здоровье мое так разбилось, что трудно письмо написать. Уезжаю на днях из Москвы, работу оставляю до осени, пока что. Запрещено работать. Да и не могу, хоть бы и не запрещали. Лечусь. И слабость, и бессонница, и всё. Скверно. Так и не мог даже наброска сделать. Никуда не дал ни строки, а надо бы очень приработать...

Уж извините. Сегодня послал Вам «Суровые дни»[1]. У меня нет ни одной книги Вашей. А хотелось бы иметь Ваши литературные работы. Ну, позвольте пожелать Вам здоровья и еще здоровья. Важнее этого и пожелать хорошему человеку нельзя. Да, и надо лечиться, устал и никуда не гожусь.

Ваш Ив. Шмелев.

Печатается по: РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 374. Л. 18—18 об.

[1] Речь идет о книге: *Шмелев И. С.* Суровые дни: [Рассказы. Т. VII.]. М., 1916. 12, 198 с. См. примеч. 1 к п. 1.

Именной указатель*

* В указателе не аннотируются имена исследователей. Не учтены имена мифологических, легендарных и литературных персонажей, а также лиц, названных в единичных случаях по имени.

Список иллюстраций

Фронтиспис

Вставка

Список сокращений

Архивохранилища и учреждения

ГЛМ — Отдел письменных источников. Государственный литературный музей (Москва)

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)

РГАКФД — Российский государственный архив кинофотодокументов (Красногорск, Московская область)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)

СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия

Периодические издания

БВ — «Биржевые ведомости»

Ежегодник РО ПД — «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома»

ЛН — «Литературное наследство» сборники

НС — «Новое слово»

РЛ — «Русская литература»

РС — «Русское слово»

Печатные источники

Андреев: Б—1 — Леонид Николаевич Андреев: Библиография. — Вып. 1: Сочинения и письма / сост. В. Н. Чуваков, авторы приложения Р. Д. Дэвис и М. В. Козьменко. М., 1995. 272 с.

Андреев: Б—2 — Леонид Николаевич Андреев: Библиография. — Вып. 2: Литература (1900—1919) / сост. В. Н. Чуваков; отв. ред. М. В. Козьменко. М. 1998. 608 с.

Горький. **Т. 1—24** — *Горький А. М.* Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. М., 1997. — Издание продолжается.

Летопись Горького$_{1,2}$ — Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. I: 1868—1907. М., 1958; вып. II. 1908—1916. М., 1958.

Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1, ч. 1 (2) — Литературная жизнь России 1920-х годов: события, отзывы современников, библиография: [в 6 т.] / сост.: Л. Е. Борисовская, О. В. Быстрова, А. Ю. Галушкин (отв. ред.) [и др.]. — М., 2005—. Т. 1: в 2 ч. 2005. (Ч. 1: Москва и Петроград, 1917—1920 гг. 766 с; Ч. 2: Москва и Петроград, 1921—1922 гг. 704 с.). Издание продолжается.

Литературный Олимп — *Измайлов А. А.* Литературный Олимп: Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб, Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев. Характеристики, встречи, портреты, автографы. М., 1911. 472 с.

ЛН—72 — Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; ред. И. С. Зильберштейн при участии К. П. Богаевской. М.,1965. 630 с. (Литературное наследство. Т. 72).

ЛН—95. — Переписка с А. В. Амфитеатровым / вступ. ст. Н. И. Дикушиной, публ. и коммент. Ф. М. Иоффе, А. Е. Погосовой, [и др.] // Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М., 1988. С. 31—473 (Литературное наследство. Т. 95).

Первые литературные шаги — Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / собр. Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. 268 с.

Пестрые знамена — *Измайлов А. А.* Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья: Мережковский. Бальмонт. Блок. Арцыбашев. Амфитеатров. Бунин. Будищев. Вячеслав Иванов. Гиппиус. Чириков. Ремизов. Вересаев. М., 1913. 231 с.

Письма к родным—1. — Письма Александра Блока к родным. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1927—1932.

Помрачение божков — *Измайлов А. А.* Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. VIII, 251 с.

ПСС Андреева — 23$_{1,5,6,13}$ — *Андреев Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 23 т. М., 2007—. Издание продолжается.

Реквием — Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева / под ред. Д. Л. Андреева, В. Е. Беклемишевой; с предисл. В. И. Невского. М., 1930. 282 с.

***Ремизов.* Т. 1—10** — *Ремизов А. М.* Собрание сочинений: в 10 т. М., 2000—2003.

***Розанов.* [Т. 1—30]** — *Розанов В. В.* Собрание сочинений: [в 30 т.] / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.; СПб., 1994—2010.

Розановская энциклопедия — Розановская энциклопедия / сост., гл. ред. А. Н. Николюкин. М., 2008. 1216 стб.

СС Блока—8$_{1-8}$ — *Блок А. А.* Собрание сочинений: в 8 т. / под. общ. ред. В. Н. Орлова [и др.]. М.; Л., 1960—1963.

СС Блока—20$_{1-8}$ — *Блок А. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.; СПб., 1997—. Издание продолжается.

Фидлер — *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеристики и суждения / изд. подгот. К. Азадовский. М., 2008. 864 с. (Россия в мемуарах).

Ясинский — *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний: в 2 т. / сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. 717 с.; Т. 2. 488 с. (Россия в мемуарах).

Научное издание

Измайлов Александр Алексеевич:
Переписка с современниками

Директор издательства Е. И. Гончарова
Редактор В. Ю. Шведов
Художник переплета Л. Л. Ликальтер
Технический редактор А. В. Осокин
Корректор Е. Н. Досова

Подписано в печать 25.12.2016 г. Формат 60 × 90 1/16.
Гарнитура Octava. Усл. печ. л. 46,75.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 110.

Издательство «Пушкинский Дом»
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Тел. +7 (901) 315 49 11
www.pushkindom.ru
e-mail: pushkindom2008@yandex.ru
pushkindom-zakaz@yandex.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ООО «Издательско-полиграфический комплекс „БИОНТ“»
199106 Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний пр., д. 86

WILD FRERES